

Константин Б. Серафимов

1990

Экспедиция
во Мрак

www.soumgan.com 2016

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

Константин Борисович Серафимов
1990–2005 гг.

*Редакция Киановского Станислава
2014–2016 гг.*

Оглавление

Погружение в предмет	2
От автора	2
Несколько слов о себе	3
I Подземный Мир Планеты	
1. Континент вечной ночи	7
1.1. Осознание пути	7
1.2. Истоки	16
1.3. Гонки по вертикали	24
1.4. Рыцари подземной королевы	45
1.5. Битва черных великанов	69
2. Этот беззащитный суровый мир	90
2.1. Компоненты успеха	90
2.2. По следам воды	95
2.3. В гостях у троллей	104
2.4. Мифы старого Сумгана	114
2.5. Галерея Фортуны	123
3. Оглянись на бегу и пойми...	134
3.1. Провалы в памяти	134
3.2. Новая волна	142
3.3. Кейвинг-полис на востоке	147
II Лицом к лицу с Пропастью	
4. Размышления над Бездной	162
4.1. В ползунках по меандру	162
4.2. Кое-что о самохватах	169
4.3. Не ведая, что творим...	172
4.4. Страховка, страховка...	181
4.5. Стратегия успеха	187
5. Риск? Нет — техника!	214
5.1. Терра инкогнита	214
5.2. Чудо-юдо рыба кит!	236
5.3. Кырктаусский эксперимент	240
5.4. Наперегонки с собой	245
6. Нейлоновая дорога вниз	257
6.1. Первая Международная	257
6.2. На красноярском оселке	266
6.3. Раз ошибка, два ошибка, будет...	277
7. Правила игры	295
7.1. Не кричи, умирая...	295
7.2. Опасные курьезы	313
7.3. Сами себе спасатели	324
8. В челюстях синего дракона	334
8.1. Бездонные вертикали	334
8.2. Сухие глаза	344
8.3. Вес золота	357
8.4. Памяти Друга	401

9. Десятилетие удачи	427
9.1. Бзыбское противостояние	427
9.2. Не карстом единым.	444
9.3. Последние штрихи к портрету	453
III Глубины, которые мы выбираем	
10. Заключительный аккорд	484
10.1. Восхождение в Абац	484
10.2. Невзирая на.	496
10.3. Как сладок сон.	507
10.4. Глубина	519
Вместо послесловия	527
Очередь к трону	527

Погружение в предмет

От автора

Мне хотелось сказать в этой книге так много, что Чувство Меры не выдержало и притупилось. Надо же умудриться собрать в одну кучу столько тем! Вполне хватило бы на несколько отдельных книжек. Когда-нибудь я их напишу. А пока — вот такой винегрет. Обильно приправленный рискованными приключениями, путаницей поступков и страстей, попытками анализа и осмысления ситуаций, субъективным „авторским“ мнением и всеобщим стремлением к объективности. Наша жизнь — как мыльный пузырь. По обе стороны ее тончайшей радужной оболочки — в мире внешнем и внутреннем — неведомое.

„Экспедиция во Мрак“ — первая попытка вытащить из чулана забвения Историю советской спелеологии — Историю бескомпромиссной борьбы за обладание Подземным Полюсом планеты. . . Это книга о гигантских пропастях и бездонных колодцах, о таинственных подземных реках и фантастических залах, о ревущих водопадах, диковинных кристаллах и каменных цветах. . . И о тех, кто открывает все это.

Это книга о моих друзьях, товарищах, противниках и соперниках по кейвингу. О людях, с которыми мне повезло жить в интереснейшее время зарождения и развития Спелеологии в СССР. Я вспоминаю о них, когда с улыбкой, когда с горечью, но неизменно с уважением. Потому что, даже находясь по разные стороны спелеологических „баррикад“, мы молились одним богам, имя которым — Пещера, Первопрохождение и Удача.

Так мы жили: ходили по пещерам, встречали и теряли друзей, радовались, любили, стремились в глубины и верили тому, что казалось нам истинным и прекрасным.

Чтоб вам так жить!

Катится, катится время былое куда-то.
Время уходит, и с ним все пройдет, говорят.
Только мы были.
Ведь правда, мы были, ребята?
И почему-то так хочется верить, что были не зря.

Несколько слов о себе

Привет! Вы открыли эту книгу? Значит, Вам не безразличен подземный мир нашей планеты. И уж точно, в Вашей душе горит неугасимый интерес к дальним странствиям и приключениям! И если Вы выбрали меня в попутчики в нашем путешествии в мир подземных глубин, считаю необходимым сказать о себе несколько слов. Ровно столько, чтобы пояснить предысторию создания этой книги. Ведь все мы берем истоки в нашем прошлом.

Я родился, будто вчера. Случилось сие знаменательное событие в 1953 году. Не стоило упоминать об этом, если бы не тот факт, что я появился на свет ровно за пять лет до официального возникновения спелеологии в СССР. Теперь, когда СССР перестал существовать, и суверенные республики бывшего социализма расползаются в разные стороны, как квашня из кадушки, в некогда советской спелеологии наступили трудные времена. Но многие из нас, связанные общими приключениями в мире Мрака, до сих пор хранят в душе верность идеалам Бродячего Братства Путешественников и Искателей Приключений.

Братство это неразделимо границами, национальной рознью, идеологическими бреднями.

Так вот. Мои Папа и Мама — потомки русских эмигрантов, в разное время и по разным причинам вынужденных покинуть историческую Родину. Прадед по отцу — инженер, строил Суэцкий канал и остался в Каире. Прародители по матери — дворяне, кадровые офицеры русской армии. Остальное понятно: 1918 год, гражданская война, Крым, Новороссийск — с остатками Белой армии бегство в Турцию. Потом Болгария, Галиполь. Здесь, на благословенной болгарской земле (кстати, изобилующей прекрасными карстовыми пещерами) и встретились мои Родители, что послужило главнейшим и основополагающим моментом в написании этой книги.

Кто-то стремился на запад, кто-то — на восток. В 1955 году очередная волна репатриации выносит остатки ностальгически-патриотически настроенной части русской эмиграции из Болгарских краев напрямик в Сальские степи России. Разительный контраст! И если это можно рассматривать как серьезный просчет тетки Фортуны по отношению к Автору, то тот факт, что мы вернулись в Россию именно в 1955, а не двумя-тремя годами раньше — выглядит удивительным подарком Судьбы. Прослышав про факт моего рождения, Иосиф Сталин в тот же год поспешил откинуть сапоги. Благодаря этому обстоятельству наша семья оказалась не в лагерях ГУЛАГа, а на Алтае — в небольшом горняцком городке Риддере, к тому времени уже переименованном в Лениногорск.

Более того — променяв Сальские степи на горы Алтая, мы оказались за пределами России — в Казахстане. Сегодня, когда Россия осталась за границей, а с ней множество друзей по подземным путешествиям, невольно думается — вот так вернулись на родину!

Правда, понятие „родина“ — как место проживания, языковая среда, этническая общность, никогда не довлела в моем сознании над понятиями более, на мой взгляд, весомыми — такими как Человек, Доброта, Дружба, Приключения.

Добрый десяток кровей, питающих генеалогическое древо нашей семьи, не позволяют мне сегодня ставить какую-либо нацию превыше остального

мира. Русские, французы, поляки, итальянцы, греки и прочие мои предки мало задумывались о чистоте потомства. Уже тогда соображали, что к чему. И я был бы счастлив, если бы в моем паспорте значилось просто — Гражданин Планеты Земля, а происхождение... его не выбирают. И кичатся им только те, кому больше уже просто нечем.

Итак — раннее детство в шахтерском городке Лениногорске. Думается, что это второй основополагающий момент в создании настоящего сочинения. В шах-тер-ском! Далее переезд в столицу Восточного Казахстана — город Усть-Каменогорск. Жизнь ускоряется и вот уже стремительно мчится мимо лица.

В 1970 году уезжаю в Москву. Рабочий в подмосковном Загорске, затем студент прославленного „Ракетного колледжа на Яузе“ — Московского Высшего Технического Училища (а ныне МГТУ) имени Н. Э. Баумана. Восемь золотых лет. Именно в Москве Судьба сказала свое решающее слово — она привела меня в Пещеру. В 1973 году я впервые попал в подмосковные катакомбы. Съяны, Кисели, Силикаты, Никиты, Старица — мало кому известны эти многокилометровые подземные лабиринты в окрестностях Москвы. А вот многие спелеологи Москвы именно в катакомбах начинали свой путь к настоящим пещерам. В том числе и я.

Моя первая настоящая спелеоэкспедиция в Настоящую Большую Пещеру привела меня в Башкирию. Так я впервые увидел Кутук-Сумган — поземную Мекку Урала, и эта встреча повернула течение всей последующей моей жизни. Солнечные ущелья, ласковые леса Башкирии, суровая и прекрасная сказка ее подземного мира навсегда вошли в меня. Также как и люди, идущие по тропе спелеологии.

С 1978 года я опять в Восточном Казахстане. Работа в геологоразведке, на золотодобыче, в металлургии: чем бы ни приходилось заниматься, душа моя была в пещерах. Однако такую профессию как спелеолог Минтруда не удосужилось внести в свои поминальники. Посему работа по исследованию пещер общественно значимой не признавалась и, понятно, не оплачивается. Так что поневоле приходилось искать наиболее близкие к любимому делу виды деятельности. Так началась моя работа инструктором юных спелеологов. Вместе с моими юными питомцами я вновь и вновь открывал для себя удивительный мир чистой дружбы и товарищества, упорного труда, неудач и открытий — Мир, имя которому Спелеология. Так родился Усть-Каменогорский клуб спелеологов „Сумган“, на счету которого немало успехов на ниве подземных путешествий.

* * *

Вот пришло и мое время подводить некоторые итоги. Что же удалось сделать за 20 с лишним лет занятий кейвингом? Кое-что удалось. Более 30 крупных экспедиций, в том числе международных. Довелось поработать во многих пещерах, среди которых имена крупнейших пропастей бывшего СССР: КилСИ, Напра, Перовская (им. В. В. Илюхина), Снежная, пропасть им. В. С. Пантюхина и другие. Немного, но и немало. Не говоря уже о работе инструктором на множестве учебных семинаров разного уровня и ранга, участие и судейство соревнований по спелеотехнике, бессменное руководство спортивными спелеосекциями в течение добрых 13 лет. И

конечно — поисковые экспедиции в самых разных районах нашей части земного шарика.

Я не успел к самому началу. Поздно пришел. Первые легендарные исследования пещер Крыма, Кавказа, Урала, Саян в конце 50-х — 60-х годах прошли вне меня. И все-таки мне повезло. Я успел вдохнуть полной грудью романтический аромат эпохи первопрохождений. Я работал инструктором на Всесоюзных школах кейвинга, приезжал на соревнования и слеты, участвовал в экспедициях, был просто знаком с многими замечательными спелеологами советского периода — основоположниками и зачинателями советской спелеологии и спортивного спелеотуризма. Владимир Валентинович Илюхин, Виктор Николаевич Дублянский, Александр Игоревич Морозов, Даниэль Алексеевич Усиков, Владимир Энгельсович Киселев, Александр Борисович Климчук, Владимир Дмитриевич Резван, Эрик Эрикович Лайцонас, множество других — для меня не просто имена. Это мои учителя, товарищи, коллеги, друзья и соперники. Общение с ними — несравнимое ни с чем наслаждение и богатство души.

Создание этой книги — дань моим товарищам. Живым и навсегда ушедшим в Запредельный Мир. Мы жили в трудные и неповторимые годы становления и расцвета спелеологического движения и исследований на огромных пространствах бывшего СССР. Это беспокойное время бурлило политическими страстями не только на внешней и внутреннеполитической государственных аренах. Политические столкновения, революции, перевороты, интриги и гонения непокорных, борьба школ, учений и группировок — вся эта околоспелеологическая возня не обошла стороной и нас. Спелеология жила общей жизнью страны, вместе с ней входила в перестройку и, как это ни печально, в последующие трудности и упадок. Верю, что временные.

* * *

Времена и правители меняются, а пещеры остаются — не правда ли?

Так и мы, спелеологи, остаемся неразделимы. Вопреки границам, деньгам, политике, национальным проблемам — всему тому, чем человечество так упорно осложняет свою собственную жизнь.

И еще мне посчастливилось стоять у истоков развития в СССР и завоевания признания советской технической спелеологией Техники Одинарной Веревки (SRT). Техническая вертикальная спелеология, конструирование и испытания на практике оригинальных образцов спелеологического снаряжения, изучение и совершенствование прогрессивных методов передвижения по подземным вертикалям и спасательных работ, техника и тактика штурма крупнейших пропастей — вот тот Свет, что освещает мой путь по пещерам и пропастям.

Дороги. Дороги пройденные и грядущие. После каждой из них оставались дневниковые записи, наброски, рассказы, стихи, песни. Как неизгладимый след пережитого. Как огромное желание поделиться познанным, рассказать об идущих рядом. Так мало написано пока об исследователях подземных глубин! И тайная надежда — вдруг эти строчки приоткроют для кого-то еще одну яркую грань бытия, потянут за собой, позовут, заставят еще раз почувствовать как прекрасна, многолика, удивительна наша жизнь. Что в ней существуют не только мексиканские телесериалы.

Здравствуй, мой Доброжелательный Читатель! Вот мы немножко и познакомились. Ну, что, вперед? Я постараюсь рассказать Вам о самых ярких страницах нашего долгого пути по Подземным тропам. Ведь Спелеология— это не наука, не спорт, не туризм.

Спелеология—это образ жизни, что там про нее ни говори.

Часть I

Подземный Мир Планеты

1. Континент вечной ночи

1.1. Осознание пути

— Держи...

— Взял.

— Еще.

— Взял.

— Так. Попробуй подцепить сбоку.

Упираюсь каской в скалу, тянусь вниз в узкую щель, откуда Толмачев пропихивает очередной камень. Пальцы в глине, скользят.

— Толкни чуть! Ногу подсуну.

Камень на коленях. Теперь его надо куда-нибудь пристроить, чтобы не съехал Володе на голову, не заткнул с таким трудом открытый проход. Свет налобного фонаря слабо отблескивает на влажных стенах. Батарейка садится. Интересно, сколько мы уже работаем?

Пещера эта как-то сразу нас притянула. Едва поднялись на пологий увал, и открылась цепь оскаленных каррами¹ воронок — кольнуло: тут что-то есть!

* * *

Что может быть необычнее карстового² района?

Как-то получается, что при слове „горы“ перед глазами тут же вырастают заснеженные пики, альпийские луга в радуге цветов, черные свечи пихт в зоне леса, сумрачные ущелья, оглашаемые грохотом пенистых потоков. Мир альпинистов и путешественников, пастухов и гляциологов.

Человек издавна стремится к вершинам, пролистывая нижележащие пейзажи. Стремится, но нет-нет да и остановится в удивлении — что за „лунный“ ландшафт? Будто невиданной силы бомбардировка исковеркала горное плато. Воронки — то крутые и скалистые, то пологие и поросшие травой, местами и среди лета забитые снегом — сливаются в хаос расколотой трещинами земли. Изъеденный, источенный, пробуранный камень вокруг, белоснежные скалы с острыми гребнями, черные, дышащие холодом, провалы на дне воронок, в их бортах, просто на ровном месте. Сколько искателей подземных приключений, представив эту картину, ощутят сладостное посасывание под ложечкой, волшебный азарт удачи!

¹**Карры** — следы растворения и выветривания известняков (других растворимых горных пород) в виде бороздок, лунок, острых перьев и гребней на их поверхности.

²**Карст** — явление растворения горных пород водой. Происходит от названия классического плато Крас в Югославии, сочетающем в себе большинство форм специфического рельефа местности, возникающего при разрушении известняков (других карстующихся горных пород) карстовыми процессами.

* * *

О, Боролдай был другим! Тут не найдешь карровых полей, подобных Крыму или Кавказу. Но воронки! Отвесные скальные перья их бортов завораживают изощренностью форм.

Пещера началась парой небольших уступчиков в гротик, где пугающе скалился побелевший от времени череп какого-то животного. Архар? Вчера мы с Саней вспугнули одного такого красавца со дна мощной карстовой воронки южнее „футбольного поля“ — так называли обширную равнину в средней части плато. Невесомо взлетел зверюга на край скалы, глянул недовольно — гордый контур в небесной синеве — и канул за увал.

Колодчик девяти метров глубиной привел в грот. На камне банка с запиской: „Шахта Ленинская, 19 м.“ Ого! Шахта! Не громко ли? Мало ли по свету пещерок такой глубины!

А тут что такое? Под плиту, перекрывающую пол грота, идет лаз. Если попытеть и вытащить вон те два обломка скалы, можно пройти. Глыба пошла удивительно легко. . . только не вбок, куда мы с Валентином пытались ее сдвинуть, а вниз по наклонной плите. Грохот, полет, удар. Инстинктивно сжимаемся, спиной ощущая нависшую тяжесть скалы. Кажется, что все вокруг трясется.

— Слышал?

— Еще бы!

Колодец, в котором не был никто! Н И К Т О. Мы еще не видим его, мы только услышали его голос. Сорвавшись, глыба почти сразу грохнулась о дно, разлетевшись при этом на куски: маленький колодчик. Но в нем не был никто. Ни один из некогда живших и живущих сейчас. Тысячи, а может, миллионы лет в нем царил лишь тишина, изредка рассекаемая крылом летучей мыши или нарушаемая звоном капли. Перед нами Неизвестность — более реальная, чем когда-либо.

Даже в обыденной жизни неизвестность окружает нас повсюду. Круг известного, открытого разуму, слишком мал. За его призрачной чертой, совсем рядом — неизвестное. Чаще всего мы не ощущаем этого. Но прислушайтесь! Ну, вот, например, что это заныло под лопаткой — мышца перетруженная вчера под рюкзаком, простуда или что? (Пора бы пристроить куда-нибудь опостылевший на коленях камень!) Копни чуть глубже — неизвестность. Обычно она незаметна, неосязаема, бесплотна. Разум обтекает ее, стремясь по проторенным тропинкам.

Но только не здесь! Вот он — неизвестный колодец — дышит мраком и холодом. Терра инкогнита. Мы стоим у тебя на краю.

* * *

Все возвращается на круги своя. Описав виток, спираль зависает над пройденным. Едва зародившись, человечество тут же заинтересовалось пещерами. Интерес был достаточно утилитарным, но хочется верить, что не только ярко выраженную пользу искали в пещерах первобытные спелеологи. Любопытство — нержавеющий двигатель познания, подталкивало вперед и наших предков. Что там — за поворотом?

Иногда за поворотом оказывался пещерный медведь. (Отчетливо представляю злорадную мину первобытного скептика: „Ага! Говорили тебе — не

лезь!“)

Пещеры замечательным образом сохраняют следы затерявшихся в глубинах истории веков. Лучшей иллюстрацией этому — замечательные открытия патриарха мировой спелеологии француза Норбера Кастере. Редко кому удавалось увидеть такое:

«В „Зале Медведя“ есть небольшое чашеобразное углубление в породе, по-видимому, хранилище; порывшись в нем, я нашел множество отесанных камней. Можно было проследить шаг за шагом весь процесс: мадленцы³ выгребали глину пригоршнями, чертили сложные сетки и завитушки пальцами и затем зарывали или прятали кремни. Все эти мелкие работы, смысл которых в значительной степени нам непонятен, местами были уничтожены медведями, исцарапавшими пол и стены. В пещере Монтеспан мы во множестве обнаружили отпечатки лап медведей и голых человеческих ног.

Иногда следы когтей покрывают отпечатки ног, иногда наоборот — человек и зверь боролись за обладание пещерой. Нельзя без содрогания думать о происходивших здесь ужасных битвах и не восторгаться мужеством наших предков, которые, вооруженные только дротиками и каменными топорами, проникали в подземную берлогу диких зверей.

...Изо всех следов, оставленных веками, пожалуй, наибольшее впечатление производят отпечатки рук и ног. Такие впечатления в одно мгновение вознаграждают за все трудности, весь риск и все бесчисленные разочарования того, кто стремится вырвать у ревнивого прошлого его тайны.»⁴

* * *

Похоже, очередное разочарование подстерегает и нас. Неизвестный шестиметровый колодец окончился небольшой комнаткой. Груда камней на полу. Завал. Обескуражено осматриваемся. Удивительные стены у этой шахты⁵. Они будто глазурованы шоколадной эмалью — коричневой кальци-

³Мадленцы — первобытные жители мадленской эпохи (около 15–8 тыс. лет до н. эры).

⁴Н. Кастере „Десять лет под землей“, Государственное издательство географической литературы, Москва, 1956 г. стр. 142.

⁵Шахта — „Карстовые колодцы и естественные шахты представляют собой открытые с поверхности вертикальные полости. По Г. А. Максимовичу (1963) к колодцам относятся полости глубиной от 10 до 20 метров. Однако полости глубиной менее 10 метров, у которых входное отверстие (устье) меньше глубины, тоже можно считать колодцами. Полости глубже 20 м называют естественными шахтами. Глубина их достигает нескольких десятков и даже сотен метров.“ Н. А. Гвоздецкий „Карстовые ландшафты“ Издательство МГУ, Москва, 1979, стр. 70. Можно не соглашаться с такой классификацией известных советских карстоведов, но дело сделано, и термин „шахта“ прочно вошел в спелеологический лексикон. С точки зрения более современных технических описаний подземных маршрутов „Шахтой следует называть пещеру вертикального типа, протяженность которой достаточно велика и соизмерима с ее глубиной. При этом пещера должна иметь несколько морфологических разновидностей препятствий. Классическими шахтами являются пещеры ТЕП на хребте Алек, Западный Кавказ и Киевская на плато Кырк-Тау, Зеравшанский хребет, Средняя Азия. Если же пещера представляет собой, к примеру, единственный колодец, даже значительной величины, и не осложнена другими морфологическими препятствиями, то ее не следует называть шахтой.“ К. Б. Серафимов, В. Д. Резван „Проведение учебных занятий по тактико-техническому описанию

товой корочкой. Такой же корой покрыты камни и глыбы на полу. Достая сигарету, закуриваю. Володя Толмачев, руководитель нашей экспедиции — первой казахстанской экспедиции на плато Боролдай-тау, внимательно следит за моими действиями, потом наклоняется:

— А ну погоди. . .

— Что там?

Дым и пар от дыхания облаком поднимаются вверх, быстро уходят в темноту над головой.

— Дует, видишь? На дым свой смотри!

О, этот ветер пещеры! Сколько проклятий принял ты в свой адрес на залитых водой подземных вертикалях! Падающий в бездну поток работает, как насос, тянет за собой воздух, распыляется в ледяной завихренный душ, выбивает зубовой стук у идущих по отвесам спелеологов. Но — кончился каскад, замерла, ушла в завал река, обступила со всех сторон ватная тишина тупиковой галереи — и те же зубы стиснуты в ожидании, затаено дыхание, взгляд с мольбой устремлен на будто окаменевший огонек свечи: „Ну же! Колыхнись!“

Качнется, затрепещет язычок пламени, потянет по галерее дым сигареты — есть ветер! А значит, есть где-то и продолжение пещеры. Пусть недоступное пока — там, за завалом, за едва приоткрытым сифоном⁶, за непроходимой пока щелью, но — есть!

— Дует!

Разгоряченные недавней работой, мы уже начинаем поеживаться. Пещерный ветерок быстро уносит тепло.

Без сомненья, под завалом на полу наша шахта продолжается!

* * *

Древние люди редко уходили далеко вглубь своих разветвленных пещерных жилищ. Отсутствие света и сложность подземных маршрутов затрудняли первобытные спелеоисследования так же, как затрудняют сейчас. Вертикальные же пещеры, состоящие из каскадов глубоких колодцев, по которым с шумом рушатся подземные водопады, стали доступны человеку совсем недавно, буквально в последние десятилетия.

Стоило потеплеть климату, и человечество поспешило из пещер наружу, надолго забросив свою колыбель. Более того — со временем человечество нарекает пещеры вместилищем всех мыслимых нечистых сил. Ад, Стикс, Аид — загробный грешный мир переносится в умах людей под землю.

Но пещерный мир необидчив. Он по-прежнему дает кров всем, кто не в ладах с законом, людьми, своим внешним или внутренним миром. Однако ни бандиты, ни монахи, ни другие искатели приключений, как правило, тоже не проникают в него глубоко.

Им бы и в голову не пришло взяться за то, чем вот уже несколько часов занимается наша двойка: метр за метром мы ввинчиваемся в подзем-

спелеотуристских маршрутов“ ЦРИБ „Турист“, Москва, 1990 год, стр. 11.

⁶ И с этим тоже, конечно, можно не соглашаться.

⁶ **Сифон** — полностью до потолка затопленный пещерный ход; открытый, вскрытый, полукрытый сифон — имеющий прослойку воздуха. Такой сифон допускает передвижение по нему без ныряния. В зависимости от времени года и количества осадков на поверхности земли сифоны могут переходить из одного состояния в другое, открываться и закрываться.

ный завал. К счастью, он еще не настолько сцементирован кальцитовым натеком⁷, чтобы нельзя было вынимать камни без помощи тяжелого инструмента или взрывчатки. Но и не слишком сыпуч, что было бы не менее неприятно. И так при взгляде на потолок начинает покалывать пальцы — на чем только держится эта куча камней над нашими головами!

Продвигаемся вниз вдоль коренной стены. Ее изгиб в плане наводит на мысль о значительных размерах этой, нынче перекрытой завалом, полости — диаметр ствола шахты достигал десяти, если не более, метров. Толмачев подает снизу очередной камень, и мы меняемся местами.

— Европа поднимется и скажет: „Ты хорошо роешь, Старый Крот!“ — мурлычу я, пропихиваясь на его место в самом низу прорытого нами хода. Все настойчивее сосет в желудке. Дело, видимо, к обеду. Еще пару хороших камушков, и можно идти наверх.

Как бы не так! За сдвинутой вбок глыбой — квадратный лаз в натеке. Ну как не заглянуть? Вперед! Попутно развлекаемся тем, что даем названия пройденным ходам. Этот лаз, в отличие от предыдущего „Треугольника“, так и будет теперь — „Квадрат“. „Квадрат“ приводит в ход „Трех сталактитов“ (вот они скалятся расческой на стене!). Теперь боковая щель, комнатка, лаз вниз в „Грот рудокопов“. Названия эти лягут на карту — карту шахты Ленинская карстового плато Боролдай хребта Каратау, юг Казахстана, Западный Тянь-Шань. Внушительно звучит для такой пока еще совсем небольшой пещеры. Ее глубину определит топографическая съемка. Завтра ее будут делать алмаатинцы Айгуль Мухаметжанова и Марат. Сегодня, пока мы роемся в этом завале, они вели поиск в соседнем сае-логу к северу от „Футбольного поля“.

Ждут нас, небось, к обеду. А мы... На кого похожи мы — два чучела, до неузнаваемости вымазанные глиной? Сигаретным окурком — фонарь на исцарапанной каске. Свитер, мокрый от пота и воды — тоже в глине, невесть как забившейся под комбинезон.

Глина. Избави Пещерный Бог назвать пещерную глину грязью! „Кто сказал, что пещера грязная?“ — грозно кричит в таких случаях усть-каменогорец Валька Володин. — „Стража! Отрубить ему язык!“

* * *

Кто мы? Туристы? Ученые? Путешественники? Чернорабочие? Отдыхающие?

Если принять во внимание, что экспедиция финансируется Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям — мы спелеотуристы. По вечерам у кизячного⁸ очага наземного базового лагеря профессионал-

⁷ **Кальцитовый натек** — просачиваясь сквозь трещины и щели карстующихся, растворимых водой, горных пород, вода атмосферных осадков, в том числе талая снеговая, обладая первоначальной способностью растворять скалу, через некоторое время насыщается кальциевыми, магниевыми и другими солями. Стоит теперь измениться температурному режиму или другим внешним условиям, и соли эти начинают выпадать в осадок, образуя все те формы, которые так украшают пещеры, придавая им неповторимую красоту: сталактиты, растущие навстречу им с пола сталагмиты, возникающие при их срастании сталагматы-колонны, натечные коры, гребешки и флаги, другие диковины пещерного убранства, завораживающие взгляд чистотой цвета и причудливостью форм.

⁸ **Кизяк** — сухой помет коров и овец. На безлесных высокогорных карстовых плато Средней Азии кизяк часто является единственным доступным топливом для костра. В сленговом

гидрогеолог Толмачев так популярно излагает последние данные о геологическом прошлом этого района, что невольно закрадываются подозрения о некоей наукообразности нашего занятия.

Если учесть, что все члены нашей экспедиции проводят на плато свои отпуска, а по возвращении каждого ждет совсем другая работа — то, выходит, отдыхающие. Забрались на высоту в добрых две тысячи метров над уровнем моря в безлюдный и безводный район — путешественники. А посмотреть на нас сейчас — „Говорила мне мама — не ходи с ними!“ — смеется в таких случаях Айгулька, — что-то не похоже на отдых — камни ворочать!

Мы лежим бок о бок под низкими сводами грота Рудокопов, жадно всматриваясь в щель над проклятым камнем. Не хочет выковыриваться, зараза! А из щели над ним явственно тянет холодом.

— Толмачев, — говорю я, с трудом переводя дыхание, — Ты никогда не задумывался, на кого мы с тобой сейчас похожи?

— По-моему, на идиотов, — глубокомысленно отзывается Толмачев, пытаясь камнем сколоть выступ, мешающий продвижению. — Зубило бы сейчас!

Выступ неожиданно скалывается, камень вылетает из рук и рушится куда-то в темноту.

— Ну...!

— Тихо!

Вот она — дробная музыка Удачи! Камень на мгновение канул в тишину, затем удар, клекот осколков, еще удар, звон, затихающий в неведомой глубине перестук. Все? Но мы ждем, затаив дыхание. Секунду, другую, третью... А вдруг? Вдруг сейчас, через эти шелестящие мгновения раздастся еще — пусть только один! — самый слабый и приглушенный, но удар. О невидимое дно неведомого колодца!

— Все, — тихо говорит Толмачев. — Брось еще что-нибудь.

И снова лежим в жидкой глине, вслушиваясь в голос Пещеры.

* * *

Кто же мы все-таки? Как назвать это странное занятие, что поглощает нас всецело без остатка?

Спелеология — от латинского „speleo“ (греческого „spelaiion“) — пещера. Наука о пещерах. Этот термин был введен в 1890 году французским исследователем Е. Ривера. Звучит мощно, академически. В этом термине ощущаешь себя, будто в роскошном фраке с чужого плеча.

Еще выше и шире, где-то в заоблачной тишине кабинетов и распахе усеянных воронками полей — карстоведение. Это вообще не о нас. Спелеология лишь часть этой науки: более спортивная и раскованная, замешенная на некоем риске и приключениях. Нет, до науки в ее полном звучании мы не вытягиваем. Вот тут и подворачивается удобенький и будто разрешающий все сомнения термин — спелеотуризм. Хороший термин, если бы не несколько сомнительное звучание второй его половины.

Туризм — с французского „tourism“ — прогулка, поездка⁹, за последнее

значении — означает „плохо“. Костер из кизяка — это кизяк, признаюсь.

⁹Словарь иностранных слов, Москва „Русский язык“, 1986 г.

время здорово расплылся от первоначального звучания. Едешь с чемоданом по историческим местам — турист. Бегаешь по магазинам Будапешта, рынкам Варшавы или Стамбула — тоже турист, правда, „коммерческий“. Попиваешь чаек под тентом своей машины после удачного семейного уикенда на природе — опять же турист. „О, гляди, туристы пошли!“ — ворчит местное население вслед иной студенческой компании с палатками и гитарами. Альпинисты снисходительно поглядывают на парней в альпийской экипировке, идущих по чрезперевальным маршрутам — туристы, хоть и горные.

Ну а тут — спелео. Туристы. То ли идешь с открытым ртом по бетонным дорожкам Кунгура или Нового Афона¹⁰, то ли умираешь под трехпудовым¹¹ рюкзаком в челночной заброске¹² где-нибудь на Кырк-Тау¹³ — турист! А какая разница?

Есть разница. На Кырк-Тау ты уже не просто турист — ты турист самодельный!¹⁴ До того солидно звучит — просто слов нет. — Очень мне нравится этот русский вариант словообразования при помощи „само“ (самолет, самовар, самодельный: вроде как все само собой без наших усилий получается, само!). Жмет нам „спелеотуризм“, как переростка — старенький костюмчик.

Так может быть, — спортсмены? Спелеоспорт, а? Солиднее, вроде. Есть тут, однако, одна заковыка. Спорт и соревнования неразделимы. Но соревнования на маршрутах в недрах земли? Что ж, в СССР пробовали и это. Несколько лет проводились заочные чемпионаты по спелеотуризму республиканских и всесоюзных уровней. Но что может быть нелепее этих соревнований? (Так же как, впрочем, и аналогичных чемпионатов в альпинизме, рафтинге, других видах активного туризма?) Разные группы идут по различным маршрутам в самых разных географических регионах, без судей и зрителей, затем пишут и присылают в судейскую коллегию отчеты, в которых очень трудно отличить правду от художественного свиста. Чемпионаты эти за глаза так и называли — конкурсы отчетов. Судьи читают отчеты и раздают медали. Можно ли говорить об объективности этих „соревнований“?

Были и другие соревнования. Дзинага (Северный Кавказ), Гумиста (Абхазия), Яремча (Карпаты), Бахчисарай (Крым), Свердловск (Урал) — теперь уже легендарные места. В 80-е годы здесь проводились слеты самоделя-

¹⁰Наиболее знаменитые пещерные туристско-экскурсионные комплексы Урала: Кунгурский, и Абхазии: Новоафонский.

¹¹Пуд — мера веса равная 16 килограммам.

¹²Челночная заброска — при отсутствии возможности использовать вертолет по финансовым или иным причинам весь многотонный экспедиционный груз приходится поднимать (забрасывать — отсюда „заброска“) на высокогорные плато в рюкзаках, когда каждый член экспедиции неоднократно преодолевает маршрут вверх-вниз, таская снаряжение и продукты челноками. Эта тактика достижения места базового лагеря весьма похожа на гималайскую тактику горвосхождений с той лишь разницей, что с окончанием заброски в кейвинге штурм только начинается.

¹³Кырк-тау — высокогорное плато Зеравшанского хребта под Самаркандом, где находится пропасть Киевская, до 1989 года бывшая глубочайшей пещерой Средней Азии: —1000 м (официальная цифра глубины —990 м).

¹⁴Самодельный туризм — так официально назывались все виды активных путешествий в СССР: пешеходный, горный, водный, авто-мото, вело, лыжный, спелеотуризм. Самодельные путешествия организовывались самими их участниками, в отличие от так называемого „планового“ туризма, опиравшегося на туристские базы, куда под опеку штатных гидов-инструкторов, купив путевку, мог попасть любой желающий.

тельных туристов СССР. Эти соревнования превратились во всесоюзные форумы советских любителей пещер. Слетались друзья от Владивостока до Кишинева. Воспоминания, планы будущих экспедиций, песни под гитару. И конечно, очные соревнования на скалах между командами городов. Здесь, на этих вертикальных трассах разыгрывались настоящие сражения на скорость и правильность выполнения технических приемов, проведения имитаций спасательных работ, топографической съемки, подземного ориентирования¹⁵.

И уже появились любители именно этого — увлекательных, динамичных, пересыщенных техникой, сконцентрированной сложностью зрелищных трасс на залитых солнцем скалах. Азарт взаимоборства, хитросплетения тактических вариантов. Так же, много ранее, из альпинизма вычленилось спортивное скалолазание, завоевавшее международное признание.

Но это уже не пещеры. Это нечто совсем другое, самоценное.

Значит, если и спорт, то не вполне. . .

Трудно разобраться. Особенно лежа в холодных камнях над неизвестной целью пока еще недоступного колодца.

Каждый ищет в пещерах свое. Но квинтэссенция всего — вот это: ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕ. Извечное стремление человека за обступающий горизонт неизвестного. Открытие. Приключение. Пусть маленькое, но свое! За которое заплачено сполна потом и болью. Откровение Природы с тобой наедине. Здесь до тебя не был НИКТО. Вот твой шаг, твой след на Земле — он осязаем. Он — первый. После тебя тут, может быть, кто-нибудь пройдет. До тебя — не был никто. Но после — кто-нибудь обязательно пройдет! Пройдет и оценит, и переживет по-своему. Иначе — нет смысла.

Иначе нет ничего.

* * *

Когда б Господь воображенье
Имел беднее иль скромней —
То здешних холода камней
Нам не изведать, к сожаленью.
Здесь нет погоды, непогоды,
Нет преходящей суеты,
И камня хрупкого цветы
Растут не месяцы, а годы.

И сапоги — грубее грубых,
Грохочут мимо в тишине.
Поэты? Мистики? Спортсмены?
Ползем по плачущей стене.
И суть не в том, что мы достигли.
И соль не в том, что вот — прошли.
Мы — на сто метров ближе к сердцу

¹⁵Подземное ориентирование — соревнования по подземному ориентированию не проводились на всесоюзных слетах в упомянутых в тексте местах из-за отсутствия необходимых природных условий. Меккой спелеоориентировщиков была Украина, где для этих целей идеально подходят многокилометровые лабиринты гипсовых пещер, таких как Оптимистическая и других.

Своей невысохшей Земли.¹⁶

* * *

В наших жилах — рудимент первопроходчества. Не на бумаге в сплетениях формул, не в стерильной чистоте лабораторий — первопроходчества в исконном смысле этого слова, в географическом. Глубины Земли более скрыты от человека, чем глубины океана. Приборы бессильны: здесь может пройти только сам человек.

Зарубежные коллеги, не мудрствуя, назвали свое занятие КЕЙВИНГ — от английского „cave“ — пещера, а себя — кейверами (caver). Примерим. Что ж, похоже. Наша практика знает много таких примеров. Ведь и дедушка-футбол терминологически англичанин. И даже сам Его Величество Спорт в названии явно иностранец. К счастью, прошли времена, когда нам приходилось бояться всего иностранного, как чумы.

Итак, кейвинг. Непривычно, но суть верно. Пещеру надо найти, спуститься в нее, добыть первичную информацию. Здесь работа поисковика и разведчика, первопроходца и первоисследователя. Затем приходит черед спелеологов, изучающих, в истинном значении этого слова, пещеру. Больше информации — получают пищу для научных обобщений карстоведы. Ну, и спелеотуристы тут как тут: кто побойчее — поглазеть на только что открытую, кто поспортивнее — установить в ней какой-нибудь рекорд, а кто и попозже — с удовольствием прогуляться с экскурсоводом по оборудованным дорожкам под свет прожекторов и тихую музыку. Любое занятие по своему прекрасно и заслуживает уважения. Если не валить все в кучу и не оценивать одних с точки зрения других. А приключений хватит на всех, каждому по характеру.

Кто это сказал: „Главное в жизни — правильно расставить акценты“?

* * *

В том, далеком уже, 1979 году, мы не прошли Ленинскую дальше. Узко. Пришлось вернуться с глубины — 45 метров. Но в наших душах пели фанфары. О! Это был рекорд плато Боролдай-тау и глубочайшая из известных в то время пещер Казахстана!

Возвращались с раскопок завала обедать, а вышли — в ночь! Время под землей летит удивительно. Час — как минута! Звезды, ослепительно яркие после мрака пещеры, мерцали, покачивались над „футбольным полем“. Надо было торопиться, потому что на востоке, в двух часах ходьбы по увалам плато, в наземном базовом лагере экспедиции на ручье Богомола ждал, уже, конечно, встревоженный нашей задержкой, джамбулец Саша Литовка.

— Скорей, скорей! — торопил нас его земляк Анатолий Иванович Иванов, заядлый охотник. — Пока вас ждал, кеклика подстрелил. Суп варить будем.

Луна незаметно выбралась из-за увала, высветила воронки, и карры забелели в фантастических тенях.

Так что же такое кейвинг — может быть, это поэзия?

¹⁶Е. А. Тычина „Всем пещерам“ Самиздат, Усть-Каменогорск, 1988 г.

1.2. Истоки

Склон становится все круче, солнце — яростней. Иду, как гиббон, почти касаясь тропы кистями рук. Из коровьих троп-желобов при каждом шаге поднимается густая пыль. Благо, нет мух — вечных спутников пастбищ рогатого скота. Сдуло их, что ли?

Что-то очень трудно дается этот взлет¹⁷. А где ребята?

Низкорослый арчевник закрывает от глаз тропу ниже по склону. Метрах в двухстах кто-то с рюкзаком неподвижно сидит прямо на тропе. Вдалеке в мареве Чимкентской долины острыми контурами плывут декорации горных отрогов. Наша цель — высокогорное карстовое плато Улучур еще далеко — в белесой голубизне раскаленного неба. Почти у самого верха этого изматывающего подъема, которому нет и половины, — белое пятнышко. Снежник. Похоже, это единственная вода на этой тропе. На всех ее двенадцати километрах, скрученных серпантинном среди скал и колючек.

Вот это и называется — заброска. Берешь столько груза, сколько можешь унести, и идешь вверх. Если взять нормально, чтобы не слишком насиловать организм, то придется ходить челноками два, а то и три раза. Оторопь берет при мысли, что и один-то раз предстоит взобраться на эту кручу! Не-ет! Берем весь груз сразу. Взяли. И вот теперь мои волонтеры растянуты по тропе в нижней трети подъема на Улучур. В составе Второй Казахстанской спелеоэкспедиции — одна молодежь. Бессменный шеф республиканской спелеокомиссии Володя Толмачев не смог выбраться из геологических полей и поручил руководство мне.

Все. Дальше идти нельзя. Солнце вытапливает душу. Это потом мы поняли, что в Азии нельзя делать заброску в середине дня — для этого есть вечер и ночь. А сейчас, так и не собравшись вместе, пережидаем полуденное пекло кто где, попрятавшись в жидкую тень скудного арчевника. Выше меня только усть-каменогорцы Виктор Карасев и Вадик Отческий. Внизу среди арчи вижу свою гитару. Значит там третий член усть-каменогорской команды Ербол Курмангалиев. Нас, с востока Казахстана, здесь больше половины — восемь человек. Вполовину меньше парней из Актюбинска. Джамбульцев нет вообще. Алмаатинцы тоже не радуют многочисленностью.

Нас мало и мы измучены жарой и подъемом. Нет, надо переждать. Солнце еще высоко.

Старшему из нас — двадцать девять, младшему — двенадцать. Чему удивляться? Ведь и советскому кейвингу от роду совсем немного. Всего четверть века исполняется в следующем, 1983 году. Все молодо, все еще только-только.

Иное дело в Европе. В XVII–XVIII веках человек снова стал приглядываться к пещерам — все еще мелко крестясь, но уже с явным интересом. Волна географических исследований, развитие естествознания подтолкнули и целенаправленный сбор сведений о пещерах, прежде всего о наиболее доступных. Пастухи и охотники, кладоискатели и авантюристы, географы и колонизаторы, искатели приключений и исследователи-одиночки — вот основные поставщики скудных сведений о пещерах в то далекое время. Но постепенно во многих странах не только Европы, но и Азии, и Нового Света

¹⁷Взлет — участок подъема с резко увеличенной крутизной склона.

появляются вполне научные описания, первые карты пещер. В России упоминания о пещерах и о процессах, в них происходящих, мы находим уже в трудах М. В. Ломоносова:

«... Дождевая вода сквозь внутренности горы процеживается, и распущенные в ней минералы несет с собой, и в оные рас-
селины выжиманием и капанием вступает: каменную материю
в них оставляет таким количеством, что в несколько времени
наполняет все оные полости.»¹⁸

В одной фразе — почти весь карстовый процесс: растворение горных пород и переотложение растворенных минералов в виде натечного убранства!

Встречаются сведения о пещерах России в географических описаниях и отчетах академических экспедиций, связанных с именами Гмелина, Татищева, Страленберга, Лепехина, Рычкова, Палласа, Фалька и других.

В 1723 году был зарегистрирован первый мировой рекорд, связанный с исследованиями пещер. В чешской пропасти Мацоха первоисследователи достигли глубины –138 метров от уровня входа. Четверть тысячелетия тому назад!

В XIX столетии острие спелеологических исследований утыкается в Италию. В течение двух лет дважды превзойден мировой рекорд глубины. Сначала в 1840 году в гроте Падрициано: –226 метров. А уже через год спелеологам удалось перешагнуть немыслимую по тем временам отметку –300 метров. В пропасти Требич достигнута глубина –329!

К этому времени спелеология распространяется по всему миру — от Австралии до Америки. Пока это еще именно спелеология — пещеры изучаются, в них все неизвестно. Каждое проникновение в таинственный и враждебный человеку подземный мир требует изрядного мужества исследователей. Особенно, когда дело доходит до спуска в вертикальные пропасти. Ведь еще нет ничего — ни нейлоновых веревок, ни стальных тросов, тем более специальных сооружений для спуска и подъема по ним. Речи нет о специальной одежде и освещении. В арсенале первопроходцев пеньковая веревка да лестница с деревянными ступенями — негусто для спелеоисследования!

Что же касается России, то к началу XX века становятся известны лишь те пещеры, которые, по всей видимости, не заметить было уж попросту невозможно. Это Кунгурская и Капова на Урале, Балаганская на Ангаре в Сибири, Вертеба в Подолии на Украине, Бахарденская с ее теплыми водами в Средней Азии, Провал на Кавказе, Большой Бузулук в Крыму...

* * *

... Пора подниматься! Солнце прильнуло к хребту. Встаю и с трудом плетусь по крутяку тропы. Одна из удивительных опасностей карстовых районов — это отсутствие воды. Все вокруг, куда ни кинь взгляд, несет следы ее разрушительной работы. Карры, воронки, промоины, слепые котловины. А воды, чтобы напиться — нет! Скала, как губка. Ливень, заливающий почву

¹⁸М. В. Ломоносов „О слоях земных“, 1763 год.

потоками мутной воды, в мгновение просачивается в ненасытное горло карста. И снова сухо, как в пустыне.

Снежки все еще высоко. Река Ак-Мечеть осталась где-то внизу в живописном каньоне. А здесь, на обожженном солнцем склоне жажда подступает вплотную. Если не найдем воды, наша первая атака на Улучур грозит задохнуться. Мутно смотрю на кроки¹⁹, набросанные перед выездом из Чимкента местными спасателями. Дима Давыдов уверял, что в середине подъема в левом по ходу логу бывают роднички. Из них пьют коровы, что пасут здесь до середины лета пастухи местных сел. Пастухов не видно. Коров тоже. Воды — тем более. На раскаленной тропе трудно себе представить, что где-то под ногами в глубине массива воды этой более чем недостаточно. Творец пещер и пропастей — вода.

Жажда становится невыносимой. Что же делать?

— Витя!

Слышно в горах хорошо. Идущий в нескольких сотнях метрах впереди Виктор Карасев останавливается. По моим расчетам он уже на нужной высоте. Где-то там, левее и ниже гребня, по которому идет тропа, слышен перезвук металла. Неужто, корова?

— Витя! Ищи воду слева! Внизу! Где коровы! Иначе не дойдем.

Карасев снимает рюкзак, оглядывается. Когда я в очередной раз поднимаю голову, его уже нет. Лишь рюкзак диковинным тюльпаном краснеет среди щебня и жухлой растительности. Через силу продолжаю движение и только через полчаса, уже в сереющих сумерках, добираюсь до рюкзака Карасева. А где же он сам?

— Вода!!! — доносится откуда-то снизу ликующий голос Виктора.

Так, наверно, во времена оные кричали моряки, увидевшие землю после многодневных морских скитаний.

Нам повезло. Родники еще не пересохли. И вот пьем, по очереди припадая к крохотной лужице на склоне. В 1982 году мы еще не знали всей прелести „кембрика“ — пластиковой трубочки полуметровой длины. При помощи этого нехитрого приспособления пить можно из любой лужицы, не наклоняясь, а в пещере — прямо со стены и даже капли сталактитов.

Коровы недовольны. Их тут явное большинство. Наконец одна буренка пробует вежливо отпихнуть от лужицы Вадима — хватит, мол, чего присосался? Дай и другим! Вадим, не поднимаясь, лягает ее ногой. Корова не очень смущена и подступает снова. Видно, немоготу. Вадья поворачивает голову и устрашающе орет на животное, повергая его в грустное изумление и раздумье. Уже ожившие, мы покатываемся со смеху — обернувшись к воде, Вадим утыкается в жадно хлюпающую из лужицы морду другой коровенки. Очередь! Пьешь — пей. Нечего орать по сторонам!

* * *

Первую половину XX столетия России было явно не до пещер. Ими занимаются одиночки-исследователи, небольшие группы. В Крыму работают П. М. Василевский и Желтов, на Кавказе — И. С. Щукин, в Средней Азии — А. Ферсман и И. К. Зайцев, на Урале — П. Я. Алтберг и В. Смирнов,

¹⁹Кроки — рисованные от руки схемы местности.

в Сибири — Е. В. Милановский и Н. И. Соколов²⁰. В этом перечне хочется отметить работы А. Крубера по Крыму и Кавказу²¹. Его описания карстовых форм доставляют наслаждение простотой и доступностью изложения, о чем нередко забывают современные авторы.

Где-то до Второй Мировой войны родился и термин „пещерный туризм“, который мы подробно исследовали ранее. Пещеры Казахстана в те времена вообще не упоминаются. Их исследования начались значительно позже.

* * *

Конец XIX века связан с именем выдающегося французского ученого и общественного деятеля Эдуарда Альфреда Мартеля, признанного основателя современной спелеологии. Спелеологии — не только как науки, но прежде всего, как общественного явления. Мартель организует многочисленные исследования поверхностной и подземной гидрогеологии и пещер Франции, Англии и других стран. Его книга „Пропасти“, изданная в 1893 году, — первый фундаментальный труд по практической спелеологии.

В 1895 году Мартель основывает спелеологические общества Франции и Великобритании. Гран При Французской Академии наук и орден Почетного Легиона — высшая награда Франции — вручены Э. Мартелю, как признание его научной деятельности по изучению пещер. 27 июня 1888 года Мартель организует спелеологическую экспедицию в пещеру Брамабай (Ревущий вол). Впервые к исследованиям привлекаются энтузиасты самых разных, не относящихся к спелеологии, профессий. „Их объединила идея первопроходчества, открытия новых земель... под землей“²². Так писал в своем исследовании „Спелеология, как социальный феномен“ известный украинский спелеолог, наш коллега Александр Климчук.

Спелеологическая активность вызревала независимо от Мартеля. Он явился своеобразным центром кипения, кристаллизации назревших процессов. Спелеология, как общественное движение, приобретает влияние и доминирует, прежде всего, в индустриальных нациях — как одна из составляющих широкого интереса к природе. Ключевое понятие здесь — досуг. Не будет большой натяжкой сказать, что уровень развития спелеологии соответствует уровню (не только количеству, но и качеству, направленности) досуга и является косвенным показателем степени социального развития общества. Безусловно важным является вопрос о том, какие виды заполнения досуга — потребительские или созидательные — обладают наиболее высоким социальным престижем в том или ином обществе, поощряются и обеспечиваются всей системой общественных отношений.

Остается только согласиться с Климчуком, тем более что и вся история развития советской и постсоветской спелеологии, как общественного движения, подтверждает его выводы.

Большое значение имело основание Э. Мартелем во Франции первого специального спелеологического журнала „Спелунка“. Доступность информации — залог успеха любого начинания. С 1888 по 1914 год Мартель

²⁰В. Н. Дублянский, В. В. Илюхин „Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР“, „Наука“, Москва, 1982 год.

²¹А. А. Крубер „Карстовая область горного Крыма“ монография, 1915 год и другие работы.

²²А. Б. Климчук „Спелеология как социальный феномен“, Самиздат, Киев, 1987 год.

провел 26 спелеологических экспедиций. А 1888 год стал годом зарождения кейвинга, как социальной спелеологии в мире.

* * *

Существенное отличие первопроходца от спелеотуриста — принципиальное отсутствие или чрезвычайная скудость информации, которой приходится руководствоваться при подготовке и проведении экспедиции. Информации нет не по лености участников, не из-за недостатков организации и отсутствия связи между спелеоклубами. Ее просто НЕТ. Не существует. И получить ее можно только в пещере, в непосредственном контакте с подземным миром.

Стою на самом краю уходящего во тьму уступа и озадаченно смотрю на тугую струю воды толщиной в руку, далеко выбивающую из лотка²³.

Мы, конечно, не первопроходцы. Наша задача — проложить первый спелеотуристский маршрут по хребту Каржантау юга Казахстана. Пещера Улучурская, где мы сейчас находимся, в 1977–1980 годах уже исследована свердловчанами до отметки –260 метров²⁴, в результате чего был превзойден наш казахстанский рекорд в шахте Ленинская. У нас даже есть топографический разрез пещеры. Толмачев специально для этого запрашивал Свердловск. „Сухо в пещере“ — сообщили ему. — Только в нижней части чуток водички, а так — сухо. И вот глубина едва –80 и... струя! И не обойти-то никак! Разве что пройти подальше вперед над колодезем по правой стенке хода, забить крюк и попытаться обвесить воду.

Два часа ожесточенного стука молотка, прерываемого проклятиями (после особенно удачного попадания молотком по пальцам!), и — крюк забит. Ербол с Вадимом постарались на славу. Оказалось, что уступ всего 7 метров, струю мы теперь с грехом пополам обошли, даже из сапогов выливать не пришлось. И вот — „Шкуродер“.

В какой пещере их нет: „шкуродеров“, „калибров“, „ползучек“, „кошачек“, „поганок“ и „клизмотронов“! Вода, создавая пещеру, не больно-то заботилась о комфорте. Горе плечистым и толстеньким, длинным и могучим! Шкуродеры — это страна хилых, тоненьких, маленьких и стройных, не отягощенных рельефными мышцами спелеологов. Здесь в цене другое — сила духа, пластика, неиссякаемый оптимизм и вера во все хорошее. Застрять в теснине — реальная угроза, причем гораздо более реальная, чем опасность серьезного обвала или смертельной потери ориентации (именно этим в обывательском представлении опасны пещеры — „завалит“ и „забудушься“). Нет, застрять — вот леденящий призрак пещер, делающий их недоступными людям с болезненными отклонениями в психике, называемыми „боязнью замкнутого пространства“ — клаустрофобией²⁵.

²³ **Лоток** — основное русло, желоб течения воды. Подземные ручьи часто выпиливают узкие прорезы в устьях колодцев, концентрирующие всю воду в струю, далеко выбрасывая ее в колодец. Движение по лотку бывает затруднено не только водой, но также его скользкой поверхностью — вода оставляет на камне глинистые и органические остатки.

²⁴ Руководители С. И. Голубев, Л. П. Федерягина, И. С. Новиков, А. И. Бадерин, СГСС — Свердловская городская спелеосекция.

²⁵ **Клаустрофобия** — боязнь замкнутого пространства на уровне безусловного инстинкта. Таких людей порою „давят“ потолки даже собственного дома, они не могут мыть полы под кроватью, если для этого нужно засунуть под нее голову. Оставаясь абсолютно нормальными во всех других отношениях, клаустрофобии не приспособлены для спелеологических

Преодоление узостей и калибров — целое искусство. Невозможно удержаться, чтобы не процитировать красочную инструкцию к этому виду передвижения, составленному Норбером Кастере, большим профессионалом в этом деле:

«Необходимость протиснуться под землю через узкое отверстие привела спелеологов к усвоению особого метода продвижения, который мы часто применяем и который называем „пресмыканием“.

Пресмыкание требует гибкости и значительного мускульного напряжения в то время, когда тело лежит в очень неудобном положении, в пыли, грязи и даже воде. Нужно быть одетым как можно легче; карманы следует заранее опорожнить, а свободная одежда, вроде пиджаков и рубашек, никогда не должна одеваться, так как она всегда цепляется за неровности, а самое главное сбивается сверху, когда приходится пятиться назад. Это очень важное обстоятельство ввиду того, что такое задирание сверху свободного платья не раз бывало причиной окончательного и фатального застревания одетого в него человека.

Известны случаи, когда охотников, проползших лишь несколько ярдов в берлогу, находили мертвыми, накрепко застрявшими в образовавшемся из сбившейся одежды хомуте. Наиболее подходящей для спелеологии вообще, а для пресмыкания в частности, является цельная полотняная одежда: она дает свободу движений, цепляется не так легко, как шерстяная, и не собирается в складки на корпусе или подмышками. Но во многих случаях приходится сводить массу своего тела до абсолютного минимума, а это значит отказ от всякой одежды вообще и ползание голым, как земляной червь. Все животные, обитающие под землей, имеют или гладкую кожу или очень короткую шерсть (черви, кроты и т.д.), и в этом случае сказалась предосторожность природы, которой нужно подражать и человеку, проникающему в подземную область.

Итак, легко одетый или обнаженный спелеолог втискивается в проход головой или ногами вперед, лежа на спине, на животе или на боку в зависимости от того, что является наиболее удобным. В достаточно широких ходах передвигаются на локтях и коленях или, когда потолок низок, с помощью рук (скрещенных на груди) и ступней ног (двигающихся от щиколотки). Но подлинное пресмыкание подразумевает движение при помощи слабых ондуляций — волнообразных движений, мышц спины, поясницы и колен, причем амплитуда этих движений, конечно, определяется размерами хода. Наконец, на самом крайнем пределе возможности проникновения, когда все зависит от индивидуального объема, волнообразные движения могут превратиться просто в червеобразные протягивания, при которых последующие расширения и сокращения грудной клетки дают возможность двигаться вперед, а все остальное тело проскальзывает за ней, подобно шомполу, проходящему через дуло ружья.

исследований.

При таком ползании руки представляют наиболее трудную задачу, и тот, кто когда-либо сталкивался с ней, понимает, почему пресмыкающиеся не имеют конечностей, хотя бы даже атрофированных. Что делать с руками? Куда их деть? Если руки лежать вдоль тела, то они явно увеличивают его объем, и, кроме того, в таком положении становишься парализованным, как человек в смиренной рубашке. Может показаться, что практичнее протянуть их над головой, но на самом деле такое положение ничуть не лучше: оно увеличивает ширину плеч и оказывается еще более парализующим. Разрешение этого вопроса, т.е. секрет успешного пресмыкания, заключается в том, чтобы вытянуть одну руку над головой, а другую, согнутую в локте, прижать плотно к торсу с предплечьем, протиснутым под ложечкой. Таким образом плечи располагаются диагонально и занимают меньше места. Протянутая вперед рука держит фонарь, ощупывает дорогу, удаляет камни и другие препятствия, могущие быть помехой; рука, прижатая к телу, служит как бы грудным плавником для подталкивания тела вперед, а также она имеет возможность освобождать одежду, часто зацепляющуюся на уровне груди.

Что касается корпуса, то он, ощупывая дорогу плечами и бедрами, должен ориентироваться и изворачиваться, принимая положение, наиболее соответствующее поворотам и неровностям хода.

Но особенно тонкой операцией пресмыкание становится, когда надо ползти пятясь назад и когда нужно не повертываясь, так как это невозможно, а, так сказать, „вывернуть весь механизм движения спереди назад“. Это вид гимнастики, требующий большой гибкости, большого терпения, а также значительной доли присутствия духа в тех случаях, когда телу не удается приноровиться опять принять правильное положение и оно застревает. Преимущество отсутствия одежды теперь становится очевидным. Гораздо лучше подбитых гвоздями ботинок, стягивающих ногу и дающих лишь слабое представление о почве, будет ощупывать ее и чувствовать все неровности поверхности голая нога.

Гибкое человеческое тело, гладкое и замечательно сжимаемое, будет гораздо лучше принаравливаться к извивам туннеля и незаметно проскальзывать сквозь тесные участки, чем толстая, непрерывно за что-нибудь цепляющаяся, одежда. Здесь ловкость и точность движения являются жизненно важными качествами.

Я вполне допускаю, что это человеко-змеиное занятие и перспектива лежать в грязи или ледяной воде иногда по несколько часов подряд, тащиться по холодному недружелюбному камню, обдирая локти, колени и все тело, не всякому покажутся соблазнительными. Возможно ли на самом деле питать пристрастие к чему-либо столь отталкивающему, нездоровому, опасному и иногда бесполезному? Разве недостаточно прекрасного под сводом небес, чтобы преднамеренно лезть в подземный мрак, подвер-

гая себя его скрытым опасностям? Но ставить вопрос так, это значит, ставить его неправильно. Человек рождается исследователем или не рождается им; если он прирожденный исследователь, то неудобства и опасности пресмыкания компенсируются достигнутыми благодаря ему успехами.»

Не знаю, как вас, а меня озноб пробирает при чтении этих строк Норберта Кастере.

* * *

Шкуродер Улучурской несколько проще и не требует высшего пилотажа в „пресмыкании“. Но это поразительно подлая расщелина. Шириной в добрый десяток метров, она имеет высоту не более 50 сантиметров и приличный наклон вперед по ходу. Что и говорить — вполне приемлемые для передвижения размеры, если бы. . . Если бы Природа не перепутала пол этого Шкуродера с потолком. Гладкий, только что не отполированный потолок Шкуродера ласкает комбинезон на вашей спине, в то время как вы с проклятиями продираетесь сквозь карры, борозды, расщелины и ребра на его полу. О-о! Это вниз, под горку, а как „приятно“ будет отсюда выскребаться!

Ползу вниз, волоча за собой мешок с веревкой, лоя в себе какие-то, невнятные пока, предчувствия. Они нарастают вместе с постепенно усиливающимся спереди шумом воды. Так. Поворот. Здесь можно примоститься в небольшом расширении над лужей воды и попытаться осмотреться. Ручей с веселым бульканьем исчезает в небольшом отверстии, откуда недвусмысленно слышен шум подземного каскада.

Закрепляю за выступ веревку и ногами вперед осторожно протискиваю в отверстие с ручьем. Ноги болтаются в пустоте, затем нащупывают небольшую полочку, на которую я и встаю мгновение спустя. Да-а! Зрелище превосходит все ожидания. Колодец! Да какой! Здесь удивительно просторно после теснины Шкуродера. Судя по схеме свердловчан, я стою над каскадом уступов 20, 12 и 20 метров. Но вода! Сверкающий в луче моего фонаря душ перекрывает весь колодец. Вода блестит, радужно посверкивает струйками. Чему радоваться? Защищающих от воды гидрокостюмов у нас нет.

* * *

Не было их и в 1958 году, который считается годом зарождения любительской спелеологии в СССР, привлекая к активным спелеологическим исследованиям туристов, альпинистов и спортивную молодежь многих городов страны. Содружество ученых и спелеологов-любителей было положено совместными работами в Комплексной карстовой экспедиции ИМН АН УССР в 1958–1962 годах²⁶. Крым становится колыбелью советского кейвинга, любительской спелеологии и спелеотуризма. Здесь закладываются основы советской школы спелеоисследований, зарождается вертикальная техника.

²⁶Исследования тех лет в Крыму увлекательно описаны в книге В. Н. Дублянского и В. В. Илюхина „Вслед за каплей воды“, „Мысль“, Москва, 1971 г.

В Москве и Ленинграде, Львове и Тернополе, Краснодаре и Тбилиси, Новосибирске, Свердловске, Красноярске, Томске, других городах, как грибы после дождя, возникают спелеологические секции и клубы. Опыт туристов и альпинистов переосмысливается в применении к пещерам. Начинает формироваться структура внутрисоюзной спелеологической организации.

Мы еще только почмокиваем соску, а зарубежная Европа продолжает разрабатывать золотую жилу Италии: 1926 год — —329 метров в пропасти Антро дель Корчия. Но постепенно пальму первенства склоняют к себе французы. И то сказать — столько времени родина спелеологии оставалась на вторых позициях! Усилия французов в Пиренеях начинают давать долгожданные всходы: пропасть Дон дю Кроль в 1947 году приносит 603 метра денивеляции²⁷. Атаку за атакой на подземный мир предпринимает бельгийцы, французы, австрийцы, испанцы, итальянцы, англичане. К началу 50-х назревает новый качественный скачок. 1953 год вообще славен знаменательными событиями в мире приключений. Английская экспедиция под руководством полковника Джона Ханта восходит на вершину Мира — Эверест, батискаф Пикара опускается на рекордную глубину в океане, а франко-бельгийская спелеоэкспедиция под руководством Жоржа Лепине достигает отметки —737 метров в пиренейской пропасти Пьер-сен-Мартен (ПСМ — как повелось ее сокращенно называть), вход в которую открыт им же тремя годами ранее²⁸.

Но уже в следующем году другая французская пропасть отбирает первенство у ПСМ. Это Гуффр Берже, по мнению бывших в ней — одна из красивейших пещер в классе сверхглубоких: —903 метра!

Еще чуть-чуть, и падет километровый рубеж! А мы только примериваем ползунки. Что ползунки! Если считать по официально принятой дате, мы практически еще и не родились. Неужто не успеем хотя бы родиться до этого знаменательного события?

Не успели. В 1956 году в той же пропасти, Гуффр Берже, пройдена километровая отметка. Да еще как пройдена! 1122 метра денивеляции, 23 отвесных колодца, глубиной от 10 до 47 метров, множество озер и участков, требующих использования веревочных перил. Это уже высшая сложность подземных экспедиций!

И только два года спустя начался официальный отсчет возраста советского кейвинга. Что ж, молодость не порок. Мы вышли на старт всемирных гонок за право обладания „подземным Эверестом“, имея далеко впереди всех основных соперников.

Так далеко, что, казалось, и не догнать никогда.

1.3. Гонки по вертикали

Выход подсказало само плато. Вечером, стоило солнцу зайти, снежники, окружающие лагерь, переставали сочиться водой. Не запасся днем — расходуй драгоценное топливо и топи снег в котелках на примусе.

²⁷ Денивеляция — перепад высот между относительно высшей и низшей точками местности или пещеры.

²⁸ Так и хочется добавить, что в 1953 году СССР понесла „потерю“ в лице „отца всех народов“ И. В. Сталина, а также тот факт, гораздо более радостный для автора этих строк, что именно в этом году ему повезло появиться на свет! Но об этом я уже упоминал.

Решение проблемы таила ночь. Чтобы проникнуть за водопадный каскад Улучурской, решили идти с вечера, работать ночь, день отсиживаться в лагере под землей, а следующей ночью возвращаться. Сказано — сделано. Вниз вместе со мной идут Гена Никонов из Актюбинска и Виктор Карасев.

Готовились к выходу и не спали, конечно, весь день, пытаюсь изготовить из скудных запасов полиэтилена подобие гидрокостюмов. Ербол, вырезав дырки для головы и рук, натягивает на себя полиэтиленовый мешок. Реквизировали для подземных целей чей-то полиэтиленовый анорак²⁹. Карасев задумчиво смотрит на плащ-накидку от дождя, очень кстати обнаруженную под клапаном рюкзака. Усть-каменогорец Саша Гановичев мурлычет под гитару сочиненную мной накануне переделку на известный кипплинговский мотив:

Мы уходим на рассвете,
По пещере свищет ветер
И уносит нашу песню в темноту.
И только брызги по колодцам,
Вниз уходим мы от солнца,
Чтоб увидеть неземную красоту!

Наконец, солнце падает за край плато. Все, кажется, готово. Спуск в пещеру начинаем в темноте, часа через два после истощения ближайшего к лагерю снежника. Пещера начинается 50-метровым колодцем, в который на шнуре спущены скудные экспедиционные запасы купленного у пастухов мяса: на дне колодца снег, и собаки не бегают. Но спускаемся мы через второй вход — не приметное отверстие в воронке рядом. Этот вход каскадом мелких уступов приводит в тот же зал, что и главный колодец.

Мы несем с собой палатку и спальные мешки для ночевки, поэтому Шкуродер особенно рад покуражиться над нами. Пока парни продирают по нему мешки, делаю навеску веревок на первый уступ каскада. Воду и впрямь точно „прикрутили“. Вместо внушительного душа, едва заметный ручеек весело брызгает снеговой водичкой.

Начинаю спуск. Быстро проезжаю по веревке первые двадцать метров до площадки. Здесь дождит сильнее, но есть куда отойти. Справа на площадку падает точно такой же ручеек, как тот, по которому мы пришли. Приток. Значит, ниже воды будет раза в два больше. Приятная перспектива!

Но, как и ожидалось, спуск наш проходит успешно: все сухие и лагерь с нами.

Оставляем мешки в небольшом гроте, а сами спешим вниз по открывшемуся со дна каскада меандру³⁰.

²⁹ **Анорак** — ветрозащитная куртка без подкладки.

³⁰ **Меандр** — по имени очень извилистой реки Меандр, ныне Большой Мендерес, в Малой Азии. Меандрировать — изгибаться в различных направлениях. „Что такое меандр?“ — спросили у одного из слушателей семинара спелеоинструкторов на Кавказе в 1983 году. „Это меандрирующий ход!“ — ответил тот.

* * *

Так же, наверно, в далеком уже 1959 году, спешили вперед первопроходцы шахты Каскадная, что на Ай-Петринской яйле³¹ в Крыму. Группа спелеологов Крыма и Москвы под руководством Б. Н. Иванова, в составе Комплексной карстовой экспедиции предприняла штурм неизвестного провала на плато, но из-за недостатка снаряжения остановилась на глубине –160 метров перед очередным колодцем. Поднимались полные надежд — спустились глубже всех в стране, а впереди неизвестное продолжение!

Нет, это не был рекорд СССР. Тогда в Крыму еще не знали, что первыми 100-метровый рубеж в пещерах страны преодолели красноярцы. В ноябре 1958 года красноярская группа под руководством Игоря Ефремова спустилась на глубину –170 метров в пещере Торгашинская. Красноярсцам вообще крупно повезло на природу: реки, леса, знаменитые „Столбы“ — колыбель красноярской школы скалолазания, а тут еще, буквально в полутора часах ходьбы от города, такая замечательная пещера как Торгашинская!

Рекорд в пещерах Крыма не состоялся, но он уже назревал. Если пропасть идет, продолжается, то не вернуться к ней в самое ближайшее время просто невозможно. Уже в следующем, 1960 году, в Каскадной был пройден 200-метровый рубеж. Дно Каскадной открылось экспедиции на рекордной для СССР глубине: –246 метров³².

Рекорд состоялся, но просуществовал недолго. В этом же году на Кавказе в пещере Ткибула-Дзеврула спелеологи Тбилиси и Кутаиси спустились еще глубже: –280 метров.

* * *

Старт прошел удачно. Но дальше дело замедлилось. Исследования в Крыму приносили десятки и сотни пещер и колодцев, но почти все они не радовали глубиной.

Забегая вперед, надо сказать, что Крым, привлекая всеобщее внимание, долгое время сопротивлялся стараниям спелеологов преодолеть здесь заколдованную отметку –300 метров. Только в 1971 году на Караби-яйле феодосийской команде удалось, казалось бы, невозможное: в пещере Солдатская крымчане опустились на –500 метров. Вот это была сенсация!

Каскадная тоже таила в себе сюрприз. Потребовалось пятнадцать (!) лет частых посещений спелеотуристами этой известной пропасти, чтобы, наконец, ялтинской группе под руководством Игоря Дворянинова посчастливилось увидеть „окошко“ в стволе хоженного-перехоженного колодца, проникнуть в него и пройти параллельный основному ствол пропасти до глубины –310 метров. Через три года симферопольцы достигли „Нового“ дна Каскадной на отметке –400 метров.

Но все это было еще очень далеко, а пока, в начале 60-х, крымские спелеоэкспедиции не приносили желаемых глубин. Нужен был новый карстовый регион. Им стал Западный Кавказ. В 1965 году чета лесников Назаровых сообщила спелеологам об увиденном ими в одной из залесенных балок близ Хосты огромном входе в пещеру. Так начинаются исследования

³¹ **Яйла** — крымское название высокогорных пастбищ, тюркского происхождения (сравнить — джайлау в Казахстане).

³² Это было так называемое „Старое дно“ Каскадной.

на хребте Алек Западного Кавказа. С этого момента хребет Алек становится одним из популярнейших мест советского кейвинга.

Все, кто серьезно увлекся пещерами, рано или поздно попадают в леса Алека. Алек! „Буковая поляна“... Сколько воспоминаний связано у всех нас с этими местами! Буки в три обхвата, ливневые дожди летом и снега по грудь зимой, синее небо сквозь гущу листвы над заросшими субтропической растительностью балками. Воронки, лианы, едкий дым несговорчивых буковых костров и пугающая для северян песня шакалов на закате.

Алек. Колыбель советской технической вертикальной спелеологии. Именно здесь исследователи впервые столкнулись с пещерами, так называемого „кавказского“ типа. Промытые водой колодцы, острый коррозионно-эрозионный³³ рельеф стен и паводки сокрушительной силы.

* * *

Здесь, в Казахстане, такие пещерные паводки неизвестны. Но Улучурская очень напоминает кавказскую пещеру. Мы это почувствовали сразу, едва углубились в меандр. Меандр извивается вправо-влево, прыгает уступчиками вниз. Стены в острых перьях. Более растворимая мягкая порода вымывается быстрее, твердая остается и вот возникает фантастическая картина „подводного царства“. Только причудливые толстенные „водоросли“ — каменные, и „чудовища“, молчаливо взирающие на нас с рельефных стен — тоже. Обползаем узкой трещиной шумный водопад, спускаемся лазанием с пятиметрового уступа, и снова тишина высоченного меандра.

Известно, что неприятности всегда возникают там и тогда, когда их меньше всего ждешь. Так и у нас. Меандр неожиданно сужается. Неужели не пролезть? Пробуем. Мы с Виктором проходим, наш богатырь-Гена — нет. Оставляем его в одиночестве и отправляемся дальше. Следующая узость отфильтровывает Карасева. Впрочем, он не очень и старается. Видимо, устал. Ладно, пройду еще немножко, погляжу, что впереди, и возвращаемся.

Один на один с Пещерой. Это необычное ощущение. С опытом ощущение некоего противостояния притупляется, но никогда не проходит совсем. Обостряются слух, зрение, все органы чувств. Каждый шорох вокруг фиксируется вниманием. В шуме ручья улавливаются малейшие изменения. Движения — сама осторожность. Ты один. И надо рассчитывать только на себя.

Но все идет отлично! Пещера дружески поддерживает тебя, открывает удобные варианты прохода, зацепки при лазании сами ложатся под пальцы, капель с невидимого свода хрустально прочерчивает угольную тьму: все получается, все радуется глаз и душу.

³³Вода, за счет растворенной в ней углекислоты (H_2CO_3) и других кислот, химически разрушает — корродирует карстующиеся горные породы. Однако гораздо большее влияние на образование пещер оказывают текущие под землей потоки, несущие с собой песок и гальку, особенно во время сильных паводков, вызываемых ливневыми дождями на поверхности. Эрозия, порождаемая движущейся водой — основная сила, вызывающая развитие карстовых пещер. При этом относительно мягкие слои горных пород вымываются, а более твердые образуют карры в виде острых ребер, ножей, игл и других неприятностей. Даже неопытный глаз сразу улавливает эти особенности острого эрозионного рельефа пещеры.

Меандр передо мной суживается в нижней части. Дальше пройти можно только по верху. Что ж, придется ползать на распорах. Упираюсь ногами в одну из стен, спиной в другую и довольно быстро поднимаюсь на несколько метров. Теперь тем же образом вперед над узкой засасывающей щелью.

Что-то стены какие-то необычные... Это песок! Тоненький песочек покрывает стены расщелины, в верхнюю часть которой меня занесло стремление вперед. Соскользнуть вниз по этому песку — левое дело! Неужели известняки, слагающие этот массив, переслаиваются песчаниками?

Впереди обозначается поворот хода право почти под прямым углом. Пытаюсь заглянуть за поворот, но оттуда в глаза прыгает мрак. Все вокруг погасло, ткнулось черной ватой в лицо. В чем дело, черт? Свет! Фонарь вспыхивает коротким высверком, и снова темно. Хорошенькое дело — остаться без света в распоре между скользкими стенами на высоте третьего этажа! Потеря света при свободном лазании — кошмар подземных скалолазов.

В такие мгновения мозг лихорадочно перебирает множество вариантов, способов и деталей выхода из создавшегося положения. У каждого из нас свое число припасенных на случай аварийной ситуации спасительных ходов. Вот тут и проявляется опыт — в количестве и эффективности этих вариантов, а также в умении выбрать оптимальный: в кратчайшее время, с первого раза и без ошибки.

Пока вспоминаю, что запасный свет оставил в лагере, уповая на свежие батарейки в налобном фонаре, обнаруживаю, что спички и капсула со сменными лампочками лежат в прижатом к стене кармане комбинезона... Слегка поворачиваю голову. Каска гулко встречает невидимый во тьме выступ — вспышка света. Заработал! Значит, где-то контакт барахлит, проносится в голове, а ноги и руки уже автоматически подталкивают меня назад по щели, назад и пониже, пока свет, пока не... Бац! Опять темно. Но я уже внизу.

* * *

Один на один с пещерой... Я один. Но это все-таки не то одиночество, когда совсем, абсолютно один. Когда никто не знает, где ты и куда ушел. Так, на заре своей спелеологической деятельности, исследовал пещеры Норбер Кастере. Это высшая степень одиночества в кейвинге. Преклоняясь перед мужеством спелеологов, отваживающихся на нее, следует признать, что лишь особая сбалансированность и устойчивость психики, высокий профессионализм и, зачастую, счастливое стечение обстоятельств позволяют одиночкам избежать тяжелых, если не трагических, исходов подобных предприятий. Неумолимая теория вероятности недвусмысленно предупреждает о неизбежных неприятностях, таящихся на пути одиночек.

Любители встретиться с Природой один на один были и будут всегда. Миру Приключений известны имена знаменитых одиночек. Сольные путешествия к Северному полюсу японского путешественника Н. Уэмуре, восхождения выдающихся альпинистов, таких как Ренхольд Месснер, на высочайшие вершины мира, кругосветные плаванья одиночек-яхтсменов, подобных англичанину Фрэнсису Чичестеру, и, как апофеоз риска в одиночку — спелеоподводные исследования в заполненных водой пещерах,

непревзойденным мастером которых является немец Йохен Хазенмайер³⁴.

В семидесятых годах становятся известными сольные подземные прохождения крупнейших пропастей с использованием динамической техники, получившей французское название „корделетт“.

Что такое корделетт? В простоте техника шнура — корделетт, заключается в сдергивании основной веревки после спуска в каждый очередной колодец с оставлением на отвесах тонкого нейлонового шнура-корда, с помощью которого при подъеме на обратном пути веревка возвращается на место.

Итак, француз П. Пенес совершает сольное прохождение известной пропасти Берже до ее дна на глубине –1122 метра и возвращается, затратив на все 19 часов. Всего 19 часов! Помню, в какой шок повергла нас, не знавших тогда корделетт, эта весть.

Корделетт. О нем мы еще поговорим подробнее. А пока в 1971 году другой известный француз Поль Курбон предпринял попытку сольного прохождения не менее известной пропасти Пьер-сен-Мартен. Надо сказать, что ПСМ, как сокращенно и уважительно называют пропасть спелеологи, начинается уникальным образом. Узкое отверстие в борту крутоскальной воронки приводит в вертикальную пропасть глубиной 346 метров, в честь первооткрывателя названную шахтой Лепине. В шахте Лепине динамическая техника становится бессильной и требуется полноценная навеска штурмового снаряжения для спуска и подъема по этой гигантской каменной трубе.

Первая попытка отважного француза закончилась неудачей. Навесив в одиночку 310 метров лестниц и веревки, Поль завис в пяти метрах от дна пропасти, не имея ни кусочка веревки, чтобы продолжить спуск. Ошибка в топографической съемке привела к досаднейшей неудаче. Курбон, безуслвно, должен был ощутить сильнейшее желание завершить спуск, прыгнув вниз и сбросив остальное снаряжение. Всего-то пять метров! Вопрос возвращения остро не стоял, так как в нижней части ПСМ существует гидротехнический тоннель „ЕДФ“, проложенный ранее французской энергетической компанией в промышленных целях, — тоже уникальная особенность этой пропасти. Но глыбы на полу зала и благоразумие побороли отчаянье несбывшихся надежд, и Курбон начал подъем. Десять часов непрерывной работы позволили ему поднять почти 90 кг своего снаряжения и выбраться самому.

Вторую попытку Курбон предпринял только через полтора месяца. Надо думать, требовалось время, чтобы отдышаться. На этот раз все прошло благополучно. Затратив на спуск в шахту Лепине 1 час 45 минут, Курбон достиг зала Верна в донной части пропасти и вернулся ко дну шахты за 4,5 часа, после чего совершил подъем на поверхность за 5 часов 45 минут. Таким образом, сольное прохождение 730 метров денивеляции заняло 12 часов!³⁵.

Трудно сравнивать эти два сольных прохождения. Ясно одно — оба они являются выдающимися достижениями.

³⁴О выдающихся экспедициях одиночек прекрасно поведал в своей книге „В поисках приключений“ известный английский альпинист Крис Бонингтон, Москва, „Прогресс“, 1987 год.

³⁵„Spelunka“ № 1, 1972 год, Париж, Франция, ФФС.

* * *

Надежда на помощь существует, но ты идешь один. Если что-то случится: вылетит небрежно забытый крюк, покачнется камень после неосторожного шага или погаснет свет — помощь, конечно, придет, но не скоро. Дотянешь ли? Мои товарищи, оставшиеся мерзнуть перед непроходимыми для них сужениями хода — поддержка, скорее, моральная, чем сколько-нибудь действенная. И Пещера, только что приветливо расцвеченная и благожелательная, вдруг нахмурилась, скалясь корявой чернотой расщелин. Выступы, карры так и норовят цапнуть за провод многострадального фонаря, дернуть комбинезон, заклинить сапог.

Есть и еще один вид одиночества в пещере. Целый ряд зарубежных исследователей, из которых у нас известен, пожалуй, только француз Мишель Сифр, провели длительное время под землей без связи с внешним миром³⁶.

Сифр начал свою серию экспериментов в 1962 году с 63-дневного пребывания на глубине —130 метров в альпийской пропасти Скарассон с подземным ледником. Этот эксперимент подтвердил наличие в организме человека неких биологических часов, регулирующих ритмы жизнедеятельности. Однако, впечатления от более чем двухмесячного одиночества в пещере оказались столь сильными, что Сифр на время перешел от активной спелеонавтики в организаторы аналогичных экспериментов. Нашлись и непосредственные исполнители. В 1964–65 годах добровольному заточению в двух соседних пропастях массива Одиберг во Франции подвергли себя Жози Лорес и Антуан Сенни. Годом позже — Жан Пьер Марите. В 1968–69 годах эстафету подхватила еще одна двойка исследователей в составе Филиппа Энглендера и Жака Шабера.

Жан Пьер Марите, спелеонавт, человек-лаборатория, в условиях пещеры свыше тысячи часов носил на теле многочисленные датчики для регистрации электрической активности мозга, движения глаз, тонуса мышц, записи ритмов сердца и дыхания.

Только через десять лет Мишель Сифр решился на повторение своего первого эксперимента. В 1972 году он установил рекорд одиночного пребывания человека под землей, проведя в пещере Миднайт 205 дней.

Подобные опыты проводились и в других странах. В 1987 году итальянец Маурицио Монтальбини превысил рекорд Сифра, проведя в пещере Марке 210 суток. Среди спелеонавтов известны и женщины. Это французенки Жаззи Лорес и Вероника де Гуен, австралийка Дороти Вильямс и другие. Рекордсменкой в этом занятии является итальянка Стефания Феллини, которая, выполняя контракт с Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства США (НАСА), вела научную работу в одной из пещер Мексики в течение пяти месяцев. Эксперимент ставился с целью получения необходимых данных в плане подготовки экспедиции на Марс.

Абсолютным же рекордсменом спелеонавтики пока является югослав Милутин Велькович, который в обществе собаки, кошки, овцы, кур и уток в 1969–70 годах провел на глубине —100 метров — 463 дня³⁷.

³⁶М. Сифр „В безднах земли“, Москва, „Прогресс“, 1982 г.

³⁷Данные приводятся по материалам доклада К. А. Горбуновой „Пещеры и космос“ на конференции по карсту и спелеологии в г. Кунгуре в 1989 году.

Есть от чего хлопнуть себя по ляжкам!

* * *

Вернемся же на Алек. Мекка советского кейвинга, хребет Алек, на целых пять лет захватил первенство в глубинных исследованиях СССР. Рекорд Каскадной пал. В августе 1965 года в пещере Назаровской спелеологи достигли „старого“ дна на глубине –310 метров от поверхности³⁸.

Дальнейший путь преградил сифон. Позже будет найден его обход. А пока открытия сыпались одно за другим. Лесник Назаров показал не только вход в Назаровскую. В соседней балке тропа проходит мимо огромной воронки. Не воронка—привлекает внимание белоснежная стена известняков, перерезающая балку поперек, и лишь потом взгляд с удивлением уходит вдоль стены вниз, в заросшую тропической растительностью глубину заваленного стволами упавших буков провала. Величественная картина карстовых процессов! Пещеру, обнаруженную на дне провала, так и назвали—Величественная.

Слухом земля полнится. На Алек толпами валили первопроходцы. Одна за другой прибывают большие и малые поисковые группы, экспедиции, здесь же проводятся Всесоюзные сборы спелеологов. В их составе представлены все ведущие спелеосекции страны: Москва, Красноярск, Крым, Урал, Сибирь. Массированные действия приносят плоды. В 1965 году обнаружены входы в такие знаменитые теперь пещеры как Географическая, Заблудших, ТЕП, менее сложные—Школьная, Медвежья.

Где-то на этих всесоюзных сборах появляются и первые казахстанцы.

1967 год—открыта пещера Ручейная, в августе повторен рекорд страны в Географической, а в ноябре ТЕП дает новый рекорд Союза: –400 метров.

Тот период был славен не только стремлением к глубинному полюсу страны, но также „успехами“ официальных спелеоструктур Центрального совета по туризму и экскурсиям (ЦСТ и Э) в борьбе с, по тем или иным причинам в них не входившими, „дикими“ спелеологами за приоритет в географических открытиях. Так, например, пещера, открытая московскими „дикарями“ Евгением Мухиным, Павлом Сотниковым и Татьяной Кузнецовой и названная ими аббревиатурой имен—ТЕП, вдруг в следующем году оказалась „заново открытой“ экспедицией Центральной спелеосекции и переименована в Октябрьскую. Это название до сих пор фигурирует во многих публикациях, как символ безнаказанного спелеопиратства тех лет.

* * *

А между тем Алек продолжает притягивать силы и умы. Год напряженнейших исследований, и вот, экспедиция красноярцев и москвичей с участием спелеологов Дивногорска, Львова, Новосибирска и Крыма под руководством дивногорца В. Д. Бобринина находит обход сифона на „Старом“ дне пещеры Назаровская, пробивается через узкие меандры, выходит на

³⁸Здесь и далее мы обращаемся к данным А. В. Вятчина и В. Д. Резвана „Систематизация результатов спелеологической деятельности в СССР за период 1958–1988 гг.“ Тезисы докладов 2-го регионального карстолого-спелеологического совещания по Западному Кавказу, Сочи, 1988 год.

подземную реку и в результате упирается в сифон на глубине –500 метров. Взят заветный полукилометровый рубеж!

А какие это были экспедиции! Почти 20 лет спустя, мы, инструктора спелеосеминара, сидели с участниками тех событий красноярцами Владимиром Коносовым и Юрием Корначевым в гостинице „Красноярск“, вспоминали, смеялись. Комбинация пещер Осенняя-Назаровская и сейчас считается одной из сложнейших пещерных систем среднего класса трудности. Интересно, что открытие собственно пещеры Осенняя произошло только в 1970 году. Вход в нее — неказистая вороночка пару метров в поперечнике — находится в нескольких метрах от тропы к Назаровской, ведущей с Буковой поляны, традиционного места наземных базовых лагерей. Пять лет спелеологи, идущие к Назаровской и возвращающиеся из нее, не глядя, проходили мимо. Можно представить изумление счастливого, первым бросившего камень в черную расщелину на дне этой „бесперспективной“ воронки: грохот камня о стены и дно без малого 40-метрового входного отвеса Осенней был ему наградой!

С этого момента начинаются исследования пещеры Осенняя, (в которой и сегодня есть не пройденные места), приведшие к обнаружению слияния ее с Назаровской. Уже на входе во второй колодец начинается в Осенней ручеек, постепенно набирающий силу, брызгающий сверкающим душем на колодцах, а в нижней части системы, после взаимослияния потоков из пещер Назаровская, Осенняя, Величественная, Примусная, и — у самого дна, Географической — это уже настоящая подземная река. Без дураков.

Водонепроницаемый герметичный гидрокостюм сегодня обязательное условие работы в Осенней-Назаровской (да и всех остальных пропастях Алека!). Особенно, если в задачу входит прохождение галечных сифонов Назаровской ниже „Старого“ дна. Добрую сотню метров приходится ползти на животе по руслу ручья, буквально прокапывая проход в гальке и со страхом ожидая внезапного паводка — потолок над самой головой: а убежать быстро некуда.

Первопроходцы шли без гидроззащиты. Шерстяная одежда, хлопчатобумажные комбинезоны, резиновые сапоги. Мокрые насквозь, тащили по теснякам и уступам палатки и спальные мешки подземных лагерей, мешки с веревками и лестницами. По колено, а то и по пояс в ледяной воде делали топографическую съемку. И ведь как-то обходилось! Без переохлаждений и других фатальных эксцессов. Да, это было время, когда для участия в подземных экспедициях необходимы были незаурядные здоровье, физическая подготовка и сила воли.

* * *

Сейчас, почти через четверть века после первых уроков Алека, мы здесь, на Улучуре, выглядим, будто ожившие картины прошлого. Нам нужно продержаться в подземном лагере на дне второго каскада пещеры двенадцать часов. Казалось бы — что такого? Спи себе! И больше спали в иных подземных лагерях.

Однако, здесь спать невозможно. С грехом пополам выровненная площадка на полу маленького гротика в стене колодца напоминает шипастый панцирь бронтозавра. Надувных матрасов или пенополиуретановых коври-

ков-кариматов, как и гидрокостюмов, наша экспедиция не имеет. И теперь мы отчаянно пытаемся вписать свои измученные тела между каменными углами. Четыре часа такой борьбы в полусне выматывают нас окончательно.

Что остается в таком случае? Светская беседа при свечах, господа! Покер на зеленом сукне — это роскошь, а вот в „дурачка“ на спальнике — за милую душу! Благо, завалялась у Гены в кармане истрепанная колода игральных карт — наше спасение. И вот — интеллектуальнейшее занятие на глубине в полторы сотни метров, разбавляемое чайком.

Воды, кстати, предостаточно. В колодце. В нашем гротике ее тоже хоть отбавляй, но только в виде тоненькой текучей пленочки на полу и стенах, норовящей затечь в палатку или упавший сапог. Но и только. Поэтому чтобы наполнить чайник, приходится — вот подлость! — выходить в колодец под душ.

Судя по шуму воды, день наверху в самом разгаре и достаточно солнечный. Постоянно прислушиваемся. Такое впечатление, что наш водопад не только не утихает, но как будто усиливается. Скорее всего, обман слуха, но это соображение не прибавляет оптимизма. Мучительнее всего осознавать, что совсем близко, в какой-то сотне метров по вертикали, в нескольких часах работы, светит солнце, сухо и тепло. Коля Петров, наверно, костер кочегарит — вчера парни с парой арендованных ишаков спускались вниз за арчевником. Санька Гановичев теребит гитару, сочиняя очередной мотив. И все ждут нас. А мы дуемся в карты и слушаем воду. Главное на отсидах — терпение³⁹.

Все! Сидеть на этих иголках больше нет сил. Будем выходить, и черт с ней, с водой!

В любом деле главное — это решиться. Споро собираем лагерь. Интересно: почему это на поверхности все так ладненько упихивается в транспортничные мешки, а в пещере — совершенно не желает?

Определяем порядок движения. Первым пойдет Карасев, средним Гена, я цепляю мешки к вытяжной веревке и выхожу последним⁴⁰. У меня все-таки полиэтиленовый анорак.

Втянув головы в плечи и инстинктивно пригибаясь, как солдаты под обстрелом, выходим из-под сводов грота. В колодце шумно и стоит мелкая водяная пыль. Первый из нас судорожно пристегивается к веревкам, оттянутым подальше от воды.

— Ну, пошел!

Карасев согбенным старцем отчаянно впрыгивает под душ. Шум в колодце резко возрастает — капли бьют в его полиэтиленовый плащ. Теперь как можно скорее вперед!

Картина прямо-таки мистическая. Пристегнувшись вне потока и нагрузив своим весом веревку, Виктор теперь раскачивается маятником под сверкающим в лучах наших фонарей дождем, огромными шагами меряя пустоту. Этот развевающийся плащ, марионеточные шаги, вся длинная

³⁹Отсидка — отсиживаться, пережидать паводок (спелеосленг).

⁴⁰Много лет понадобилось, чтобы понять: поднимать груз, прицепляя его к вытяжной веревке и на этой веревке вытягивая вверх, гораздо дольше, чем подниматься одновременно с грузом, тем более, если мешков не больше, чем по одному — два на человека. Эта тактика резко снижает скорость продвижения группы.

фигура Карасева, летающая по колодцу все выше и выше в запыленных отвесах фонарей — ну, прямо „Вечера на хуторе близ Диканьки“!⁴¹

И еще один, врезающийся в память, эпизод. Стою на площадке под последним 20-метровым уступом каскада. Натягиваю рапель⁴², облегчая подъем идущему где-то надо мной Виктору. Мысли уже наверху. . . Вдруг шум изрядно ослабевшего ручья перекрывает непонятный шип-свист. Мгновение, и могучий удар о каменистое дно сотрясает колодец! Инстинктивно вжимаюсь в стену в ожидании рикошетирующих осколков. Но. . . вслед за ударом наступает непонятная тишина (шум потока уже не воспринимается). Все еще опасно озираюсь, шарю по сторонам лучом фонаря. Ничего. И тут сверху раздается приглушенный голос Карасева:

— Эй, внизу! Посмотри! Там у меня рукавица упала.

Ох, уж эти фокусы пещерной акустики!

* * *

Падающие брезентовые рукавицы-верхонки часто становятся под землей источниками впечатляющих акустических эффектов. В 1982 году в пещере Заблудших, стоя с москвичом Андреем Пильским над 33-метровым отвесом, известном среди спелеологов как „колодец со щелью“, я выронил по неосторожности рукавицу.

— Ой! — сказал я невольно, когда рукавица юркнула в щель устья колодца.

— Что случилось? — спросил Андрей.

— Рукавица ушла, — сказал я.

— Ну. . . — начал было Андрей, но тут в колодце с такой силой грохнуло, что мы, открыв рты, уставились друг на друга.

Кто бы мог предположить такие артиллерийские способности у обычных верхонков? Вполне безопасно, но эффектно до полного онемения!

Рукавицу я, конечно подобрал. Добро все-таки.

* * *

Мы вернемся на рассвете,
Пусть фонарь уж еле светит,
И махорки только горсточка на всех,

Рвемся вверх мы по колодцам,
И не знаем: ночь иль солнце:
Все равно — нам только б выбраться наверх!⁴³

Так заканчивалась Первая республиканская спелеоэкспедиция в глубочайшую и по сей день пещеру Казахстана.

⁴¹ „Вечера на хуторе близ Диканьки“ — известное произведение Н. В. Гоголя, в котором происходят мистические и колдовские приключения героев.

⁴² **Рапель** — (от французского *rapeller* — возвращаться); термин, пришедший в технический кейвинг из альпинизма. Рапелью называли веревку, которую использовали при спуске с вершины, сдергивая ее за собой, подобно спелеологической технике корделетт. Впоследствии рапелью стали называть любую веревку для спуска и подъема по ней.

⁴³ К. Б. Серафимов „Гимн завоевателей пещер“, плато Улчур, 1982 год.

* * *

Пока мы карабкались на свой полукилометровый рубеж, пиренейские гиганты снисходительно поглядывали через „железный занавес“ на своих подрастающих конкурентов.

Добрых десять лет миром глубин безраздельно правила красавица Берже. В 1953 (опять в 53 году!) году во Франции на плато Сорнен горного массива Веркор француз Жо Берже открыл неизвестный вход в пещеру. Спустившись на 52 метра и смекнув, что дело этим не кончится, Жо поспешил в Гренобль. Можно представить с каким энтузиазмом приняли известие о новой пещере его товарищи, если уже на следующий день спелеологи вновь прибыли на плато. Достигнутый в этом году результат –370 метров хотелось считать предварительным. Так и случилось. Следом за первой три экспедиции одна за другой штурмуют неизвестность, и в 1954 году Гуффер Берже завоевывает звание „Глубинного полюса планеты“, превзойдя на добрых полторы сотни метров гиганта ПСМ. Итог этих экспедиций: –903 метра, но пропасть продолжается!

1955 год. Новая атака гренобльцев приносит –985 метров. Еще чуть-чуть и... километр?

И вот, в августе 1956 года, французская экспедиция под названием „Операция 1000“, наконец, срывает золотой цветок. Отныне глубина красавицы Берже –1122 метра, считая от верхнего входа № 1 до сифона на ее „сухом дне“. „Сухим дном“ называют нижнюю точку пещеры, которую можно достичь, не прибегая к проныриванию сифонов с помощью легководолазного снаряжения.

Однако к 1966 году ПСМ дает новый мировой рекорд: –1171 метр. И Гуффер Берже, скромно потупившись, отступает: править миром — дело мужчин.

В борьбе за мировую корону, как обычно, не обошлось и без хитрости. Дело в том, что гидротехнический тоннель, в 1956 году пробитый французской компанией „Электрик де Франс“ прямо в зал Верна на глубине –730 метров от уровня входа в шахту Лепине, дал возможность экспедициям, исследующим ПСМ, без труда попадать сразу в нижнюю точку пропасти, чтобы вести работы по поискам продолжения из зала Верна. Результаты не замедлили сказаться.

* * *

Непосвященному трудно представить объемы пустот подземного мира. Вот как описывал Норбер Кастере зал Верна пропасти Пьер-сен-Мартен:

«...Продолжая идти дальше среди чудовищно нагроможденных громадных каменных блоков и спустившись по очень наклонному завалу, мы вышли на единственное горизонтальное место пещеры: пляж шириной 40 и длиной 80 метров, состоявший из огромных окатанных валунов. Здесь поток, выпитый своими аллювиальными отложениями, просочившись, убежал окончательно, потому что пропасть здесь заканчивалась.

В конце пляжа известковая стена высотой в 100 метров замыкает гигантский зал, где поместились бы два собора Па-

рижской Богоматери (Какой, какой матери?..): длина его более 200 метров, ширина 120, а высота 100 метров.»⁴⁴

Так что исследования продолжались. Испанец Хуан Сан Мартин совершил трудное восхождение по стене зала Верна и на высоте 110 метров проник в начало большой галереи Арандази — древнее русло подземной реки. С двумя товарищами он преодолел серию меандров с колодцами и водопадами. Попав, в конце концов, в невероятно узкий диаклазный⁴⁵ ход, испанцы были вынуждены остановиться на глубине –845 метров.

По следам испанцев двинулась английская экспедиция. Им удалось пробиться сквозь теснину, остановившую испанцев. Диаклаза оказалась длиной 1300 метров (!), получила название Меандр Мартин и — ура! — вывела на слияние с другой подземной рекой. Вода слившихся потоков с грохотом падала в каскад колодцев общей глубиной 240 метров. На дне последнего из них, названного колодцем „Парман“, река исчезала в непроходимой узости на глубине –1006 метров от уровня верхнего входа в ПСМ — трудная победа английских рыцарей кейвинга.

Ниже англичан пройти не удалось. Дальнейшее увеличение денивеляции пропасти связано с исследованиями вверх по течению подземной реки со дна шахты Лепине. А вернее сказать, с удачным соединением ПСМ с расположенной неподалеку пропастью Тет Соваж.

Во время одной из экспедиций в Тет Соваж спелеологи клуба „Париж“ заметили на стене одного из внутренних колодцев пропасти небольшое отверстие. Проникнув в него, они обнаружили целый ряд колодцев, наибольший из которых имел 100-метровую глубину, и на отметке –405 метров вышли на подземную реку (заметим, что до этого момента Тет Соваж имела глубину всего –145 метров).

Выход на реку под землей — всегда волнующее событие. Мощный, будто заволакивающий все вокруг гул, обступает вас задолго до встречи с потоком. Воображение рисует фантастические картины! И вот — река. Нередко грохот ее воды оказывается не больше, чем акустической иллюзией. Также мощно, многократно усиленный пещерной акустикой, может звучать голос небольшого ручейка.

Но нет, в Тет Соваж была настоящая река. Спускаясь вниз по ее течению, примерно через километр парижане попали в знакомые галереи пропасти Пьер-сен-Мартен. Так состоялся рекорд мира: –1171 метр от входа Тет Соваж до дна колодца Парман⁴⁶.

* * *

Пока идеологи коммунизма провозглашали интернационализм, спелеологи мира осуществляли его на деле. Казалось, что мы отстали безнадежно.

⁴⁴Н. Кастере „Тридцать лет под землей“, Москва, „Мысль“, 1964 год.

⁴⁵**Диаклаза** — карстоведческий термин, означающий трещину раздробления (Н. А. Гвоздецкий „Карст“, Географиздат, Москва, 1950 год, стр. 62). В технической спелеологии диаклазом называют узкий горизонтальный или наклонный, иногда меандрирующий, щелевидный в вертикальном направлении ход, непроходимо сужающийся книзу и кверху, предопределяющий передвижение по нему преимущественно лазанием на распорах (К. Б. Серафимов, В. Д. Резван „Проведение учебных занятий по тактико-техническому описанию спелеотуристских маршрутов“ ЦРИБ „Турист“, Москва, 1990 год, стр. 12).

⁴⁶Н. Рашков, А. Ханджейский „Экспедиция Гуффер Берже-69 и Пьер Сен Мартен-73“, София, „Медицина и физкультура“, 1977 г.

Однако, простой расчет говорил о том, что были бы геологические и климатические условия, а прохождение пещер — дело времени, ну, и, конечно, удачи. Геологические, и тем более климатические условия на территории бывшего СССР существовали, безусловно. А вот удача пришла к спелеологам Московского Государственного Университета на Бзыби.

Бзыбь. Бзыбский хребт Западного Кавказа. Абхазия.

Кавказ уже дал Алек, теперь дошла очередь до высокогорных карстовых районов вдоль побережья Черного моря. И первой в эту очередь встала Бзыбь. Вот как об этом пишет участница и руководитель многих замечательных кавказских экспедиций Татьяна Андреевна Немченко⁴⁷:

«Освоение Кавказа спелеологами-любителями началось с очень перспективного Гагринского хребта. Но вскоре его исследования замерли почти на 15 лет, так как в 1964–1968 годах были открыты около 10-ти крупных пещер (до 500 метров глубиной), компактно расположенных на невысоком и легкодоступном хребте Алек вблизи курортного города Сочи. Сильнейшие спелеоклубы СССР, следуя свойственному человеку чувству стадности и моды, по четыре раза в год ездили на этот малый клочок огромного пространства Кавказских гор. Однако в конце шестидесятых интеллектуальные умы стали проявлять интерес к рассказам туристов-горников и обнаружили, что, по-видимому, известняковые хребты (и очень высокие!) существуют почти по всему периметру Кавказского хребта. Фольклор был главным источником информации: приличные топографические и географические карты в те времена были секретными.»

В 1971 году экспедиция МГУ под руководством М. Зверева открывает на Бзыбском хребте неизвестный вход в пещеру на дне забитой снегом огромной карстовой воронки на высоте 1900 метров над уровнем моря. Вот как это произошло (послушаем Таню Немченко):

«О существовании карстовой части Бзыбского хребта спелеологи МГУ впервые узнали в начале 70-х годов от профессора кафедры физической географии университета, известного ученого-карстоведа Н. А. Гвоздецкого. К тому же, роясь в отчетах в библиотеке туристского клуба Москвы, Муся Григорян прочитала: „... на спуске к селу Дурипш встречаются карстовые воронки...“ Есть воронки — значит, могут быть и пещеры! Так состоялся выбор, и в августе 1971 года группа студентов МГУ во главе с Михаилом Зверевым выехала в Абхазию.

В горы поднимались по каньону бурной реки Хипсты. На высоте 1800 метров появились альпийские луга и карровые поля. Склоны были усыпаны воронками. Это был настоящий Клондайк! В течение недели были открыты десятки глубоких пещер от 100 до 250 метров.

Группа разбилась на поисковые отряды. Изучением западного склона хребта, называемого Хипстинским урочищем, занимались Коля Чеботарев, Таня Гужва, Володя Глебов и Таня

⁴⁷Здесь и дальше Т. А. Немченко „История исследования Снежной“, „Свет“, Вестник Киевского Карстолого-спелеологического Центра №№ 1–2 (7–8) январь–июнь 1993 г.

Рябухина. Когда прочесывали предгребневый склон, надвинулась грозовая туча, и Таня Гужва предложила всем укрыться от дождя в пещерке, которую она только что заметила. Подошли поближе к чернеющему входу и увидели, что пещерка эта спряталась в стене огромного провала, на дне которого где-то далеко внизу смутно в испарениях белел снег. Провал был так велик, что не вязался с привычными представлениями об узких входах в пещеры. Но все-таки решено было спуститься: вдруг есть продолжение?

Глубина колодца оказалась 30 метров. Скалы вокруг были рыхлые, с голубоватым отливом, в нависающей южной стене чернели боковые пещеры. На дне входного колодца снег оказался твердым, слежавшимся фирном, покрытым грязной пленкой. В дальнем конце снежник уходил под свод, но проход был.

Остаток дня спелеологи лазали по ледяным лабиринтам. Местами в наклонных колодцах можно было съезжать по чистому белому снегу. Веревками не пользовались. Один из ходов на глубине 100 метров привел в зал. По дальней стене стояли огромные ледяные колонны. Теперь это — зал Гвоздецкого. За залом вертикальные стены наклонного хода сузились, а ледник, заполнявший низ каньона, круто пошел вниз. Чтобы двигаться дальше, нужны были крючья и лестницы.»

Не знаю, как Вас, а у меня дух захватывает при чтении этих строк. Стоять на самом краю Великого открытия и даже не подозревать об этом! Надеяться, но не знать. Просто работать, азартно ловя за хвост Летучую мышь Удачи!

Пожалуйста, Таня, рассказывай дальше.

«Вечером в базовом лагере спелеологи МГУ сидели у костра и, как всегда, пили чай. Внезапно появился Володя Глебов. Он что-то пробурчал, не стал вдаваться в подробности, схватил мешок с веревками и скрылся. На другой день прибежал Коля Чеботарев. Происходя из известной математической семьи, Коля умеет занятно изложить мысль. К тому же тогда он был еще и радостно возбужден. Оказалось, что из зала Гвоздецкого за последние сутки удалось спуститься еще на 40 метров. Дальше каньон обрывался: звука падения камня даже не было слышно. „До центра Земли!“, — заявил Коля.

Что там в темноте: на дне колодца, за поворотом, в дальнем конце зала? Этот вопрос возвращает спелеолога, ступающего там, где не ступала нога человека, на полтысячелетия назад, в век великих географических открытий, и заставляет забыть если не обо всем, то о многом. . . Была непогода, кончались продукты, (подходил конец экспедиции), но МГУ-шевцы уменьшили рацион и начали исследование Снежной.

Принято было решение — немедленно перенести весь лагерь экспедиции к пещере. На следующий день уже все спелеологи МГУ толпились у входа. Открытия продолжались. Спустившись в колодец, который еще вчера казался бездонным, Коля оказался

на вершине снежно-ледового конуса. Эта крутая ледяная гора под землей была так велика, что свет фонаря терялся в темноте, не освещая ее подножия. Чтобы спуститься вниз, пришлось рубить ступени ледорубом. Ледник высотой с восьмиэтажный дом занимал почти весь пол, казалось, необозримого Большого зала. Только годы спустя, когда в Снежную стали ходить и зимой, выяснили тайну образования этого феномена. Однажды во время зимнего спуска группы спелеологов в Большой зал, на поверхности разыгралась снежная буря. Входная воронка, как бункер, накапливала снег, — и по пещере помчались лавины. Все 200 метров вертикальных ходов заполнялись белым туманом снега. Пролетев 200 метров, он с грохотом падал на вершину снежного конуса.

Поиски выхода из Большого зала оказались безуспешными. Разочарованные, замерзшие и усталые, возвращались спелеологи наверх. Эту неудачу Володя Глебов переживал больше других. Он решил возвращаться последним и задержался в южной и самой дальней от снежного Конуса части зала. Там за моренным валом была небольшая свободная ото льда каменная площадка. Здесь было не так холодно. Володя наблюдал удивительную сцену, как глубоко под землей, во мраке вечной ночи, по снежной горе двигалась цепочка огней. Потом один фонарик начал медленно, очень медленно, подниматься; еще несколько звездочек мелькали на вершине горы. Хотя это и было очень красиво, но чтобы не замерзнуть, Володя стал двигать камни: а вдруг будет проход? Ему почудился слабый ток воздуха.»

Злые языки утверждают, что Глебов не просто так присел в уголке Большого зала и что уловил он заветный ветерок вполне определенной частью тела. Но оставим это на совести шутников-завистников!

Как бы там ни было, но:

«... Появился азарт, он начал двигать камни с энтузиазмом. И вот открылся узкий лаз и тотчас подул ветер — верный признак того, что впереди лежат большие подземные пространства!

Ликование было всеобщим: за открывшимся горизонтальным узким лазом, тут же названном „Шкуродером“, начинался новый колодец.

Уже неделю группа МГУ жила на сильно урезанном пайке. Теперь кончились последние крохи съестного. И только тогда на дне Кораллитового колодца на глубине 300 метров Михаил Зверев дал команду об окончании работы экспедиции. Впереди по широкому ходу, названному „Галереей“, текли ручьи, вверх и вниз уходили многочисленные колодцы. Здесь, на стене галереи, Миша укрепил записку, которая много лет потом воодушевляла спелеологов: „Впереди всего навалом!“»

Голодные, но полные радостных надежд, спелеологи МГУ возвращались в Москву. Можно представить, какие рассказы услышали их товарищи! Но лучше Тани об этом вряд ли кто расскажет:

«Энтузиазм открывателей был необычайным. Уже через два месяца в ноябре этого же 1971 года спелеологи МГУ вновь отправились в пещеру. Склоны хребта уже покрылись свежим снегом. Было холодно. Ко входу с трудом пробившись только через несколько дней. Для дальнейшего прохождения пещеры несли с собой большой груз снаряжения. Но все вновь изготовленные тросовые лестницы ушли на навеску всего лишь одного колодца. Но какого — глубиной 160 метров!

По этому колодцу лилась вода, работали в гидрокостюмах. Они были тяжелые, из толстой резины, и подъем отнимал много сил. Для прохождения Большого колодца в те времена требовалось незаурядная сила и ловкость. К спуску были допущены только мужчины.»

Через 10 лет после описываемых событий мы сидели с Таней на поляне Сувенир под входом в Снежную, и я сгонял мурашек со спины, слушая ее рассказы о тех лестничных штурмах Большого колодца Снежной. И на зажимах-то не просто пройти такую вертикаль, а по лестницам. . .

Я смотрел на миниатюрную девушку — руководителя нашей экспедиции, представлял ее на вихляющей над бездной тоненькой тросовой лесенке и думал, что сегодня меня вряд ли кто заставит взяться за лестницу. Да еще в таком отвесе!

Но это было давно. Всего 10 лет тому назад.

«. . . Чтобы облегчить связь, один за другим оставались на уступах люди, и на дно колодца спустился только один человек — Коля Чеботарев. Здесь стоял грохот падающей воды, который заглушал голоса друзей. Только видны были вверху звездочки фонарей — как звезды родного университета на Воробьевых горах. Так появился на карте Снежной „Университетский“ зал.

У дна колодец расширялся в огромный воронкообразный зал. За высокой перемышкой в этом же зале находилось дно какого-то другого колодца, образуя такую же воронку и еще один глыбовый завал. Даже вдали от падающих струй воздух был насыщен мельчайшей водяной пылью. Очевидного прохода дальше видно не было.

Новая экспедиция МГУ летом 1972 года состояла из 11 женщин и 17 мужчин вновь во главе с Михаилом Зверевым. Еще в Москве была запланирована установка двух подземных лагерей: одного на глубине 200 метров в глухом зале за Шкуродером, второго — на глубине 450 метров, в Университетском зале. Это должны были быть плацдармы штурма глубин.

Разведка в завалах на дне Университетского зала оказалась сложной и часто опасной. В первой воронке под колодцем прохода найти не удалось. Зато во второй воронке Коля Чеботарев пробрался по лабиринтам среди гигантских глыб к ручью, который тек по узкому каньону. Только здесь впервые в Снежной встретились в заметных количествах сталактиты. Порожистое русло ручья во многих местах перекрывалось глыбовыми навалами.

Первую группу исследователей, базировавшихся в Университетском зале, сменила вторая группа. Ее возглавлял Галактионов Валера. На долю ребят выпали замечательные открытия. После Второго завала ручей стал падать круче, его каньон стал шире, потолок, казалось, вовсе исчез. Каскады следовали один за другим. Маленькие водопады вызывали восторг у первооткрывателей. Но настоящий триумф наступил, когда Водопадный ручей впал в большую реку. Ни на одной карте не была отмечена эта река, но она существовала здесь, на глубине 600 метров в толще гор.

Река вытекала из непроходимого глыбового завала в 100 метрах выше места впадения ручья, и текла по впечатляющему каньону, то спокойно растекаясь по широкому ходу, то обрываясь мощными и живописными водопадами, то пенясь на перекатах. Наконец, разогнавшись по наклонному желобу, она исчезала под очередным завалом. Везде в каньоне слышен был шум воды, мощно дул ветер, летели брызги. Кое-кто признался потом, что ему было не по себе от страха, другие уверяли, что у них захватывало дух от восторга.

Все попытки пройти этот пятый по счету завал оказались неудачными, и экспедиция на этом закончила свою работу. Главный итог ее — Снежная стала глубочайшей пещерой СССР, а какой спелеолог не мечтал о таком успехе! Всего спелеологами, студентами Московского университета, по итогам этих трех экспедиций, было открыто около двух километров ходов. Блестящее достижение!

В последующие четыре года сильнейшие клубы страны один за другим штурмовали Пятый завал. И — безуспешно. Завал этот теперь стали привычно называть дном пещеры. Стало очевидным: чтобы сделать в Снежной решающий шаг, нужен был новый подход, может быть, новая стратегия.»

* * *

До новой стратегии было не так уж и далеко. А пока пещера, получившая название — Снежная, в 1972 году дала неслыханный для СССР результат — 700 метров! Впервые советские спелеологи работали на такой глубине да еще в условиях настоящей подземной реки. В одном из выходов группа москвича Глебова получила опыт встречи с паводком на этой реке. Восемь часов провела группа на небольшом уступчике, пережидая подъем воды. Несмотря на все препятствия и неожиданности, экспедиция преодолела несколько глыбовых завалов, каждый раз поднимаясь на десятки метров над руслом подземного потока, но была остановлена гигантским „Пятым“ завалом, под которым исчезала река.

* * *

Не только на Кавказе велись интенсивные поиски. Успех Снежной подталкивал киевлян, работавших в Узбекистане на плато Кырк-Тау Зеравшан-

ского хребта Тянь-Шаня под, а точнее — над! — Самаркандом. Результатом двух летних, 1972 года, экспедиций под руководством Валерия Рогожникова и Александра Климчука стало открытие входа и прохождение первых 270 метров новой пропасти, получившей название Киевская (иначе КИЛ-СИ — Киевская Лаборатория Спелеологических Исследований)

Открыли эту пещеру весьма буднично. Шла обычная разведка в западной части плато. Двойка спелеологов — Климчук и Резников, осматривали воронки на краю карстовой котловины. Урожай был невелик — несколько небольших колодчиков. А эта воронка и вообще казалась малоперспективной — открытого входа в пещеру не было видно. Но между глыб на ее дне видны какие-то щели. Опыт спелеопоиска показывает, что нельзя пренебрегать любыми мелочами. И точно! Брошенные в щель камни дают ответ: быстрый дробный перестук — наклонный ход, затем несколько, с перерывами, сильных ударов — это уже вертикальные обрывы-колодцы.

На следующий день, 21 августа 1972 года, понадобилось полчаса работы, чтобы расширить щель в воронке, помеченной накануне КТ-29.

Пещера продолжалась, и следующий год принес в Киевской — 540 метров. А пещера и не думала кончаться...

* * *

В это время на Кавказе экспедиции разных спелеосекций снова и снова безуспешно пытались найти проход в Пятом завале Снежной. Завал оказался твердым орешком и отражал одну атаку за другой.

В пылу экспедиций, воздвигаемых и рушащихся карточных домиков надежд, прошел год 1974-й. После успеха в 73-м киевляне вернулись на Кырк-Тау только два года спустя. Летом 75-го кырктуасская экспедиция под руководством Татьяны Крапивниковой остановилась перед непроходимой пока щелью на отметке около — 700 метров. Киевская сравнялась со Снежной и... продолжалась!⁴⁸ Неудивительно, что в 1976 году взгляды многих охотников за подземными рекордами обратились к Средней Азии. На Кырк-Тау собирается Всесоюзная экспедиция — в два этапа. В составе ее представители Киевской, Пермской, Крымской, Львовской, Красноярской и других комиссий спелеотуризма. В пропасть было спущено снаряжение достаточное для прохождения не менее двух километров по вертикали.

Вот как описывали события той экспедиции ее участники⁴⁹:

«...Мы сидим в палатке под землей, на глубине около 800 метров. Мы — это киевляне Александр Резников, Валерий Рогожников, Тамара Крапивникова, Александр Климчук и спелеологи из Томска — Вячеслав Чуйков и Павел Бозриков. Штурмовая и научная группы. В палатке уютно гудит примус, довольно тепло, и от насквозь мокрых шерстяных свитеров валит пар. Ужасно хочется спать, но надо еще приготовить пищу. Страшная усталость и нервное напряжение после почти сорока часов тяжелой работы не дают в полной мере ощутить радость

⁴⁸По материалам: А. Б. Климчук и др. „Карст массива Кырктау — Зеравшанский хребет Тянь-Шань“ Киев, ИГН, 1981 год.

⁴⁹А. Климчук, А. Ломаев „Есть и у пропасти дно!“ „Вокруг Света“, 1977 г.

достигнутого: мы перешагнули километровый рубеж — спустились до глубины 1020 метров. . . Предполагали после отдыха в лагере „–800“ продолжить штурм пещеры. Но когда стали подниматься в лагерь, один из членов штурмовой группы потерял сознание от переохлаждения. Вода — наш главный враг — отбирает последние остатки сил и тепла. . .

Вода в шахте везде. Уже на первых метрах пропасти — мокрые стены, лужи. Примерно на глубине 100 метров отдельные струйки сливаются в постоянный ручей. На колодцах — вертикальных обрывах — он ниспадает „освежающим“ душем (температура воды 3–4 градуса по Цельсию). С глубиной поток становится мощней, и в нижних частях пропасти душ превращается в водопады. И горе тому, у кого разодран гидрокостюм об острые выступы стен. На первом же колодце под водопадом вся шерстяная одежда вымокнет под резиной до нитки, а десяток-другой часов пребывания в мокрой одежде при температуре не выше 5 градусов могут привести человека в тяжелое состояние. Хорошо еще, что в шахте Киевской нам не грозит одна из основных опасностей обводненных пещер — опасность внезапного повышения уровня воды, вызванного ливневыми осадками на поверхности. Над Кырк-Тау в это время года можно месяц не увидеть даже маленькой тучки. . .

Чтобы спасти товарища, нам нужно поскорее обогреть его и накормить. А до лагеря „–800“ еще почти сто пятьдесят метров подъема по вертикальным колодцам, наклонным ходам с узкими щелями и потоком, образующим водопады и непрерывные цепочки озер. С каждым часом все труднее становится поддерживать жизнедеятельность переохлажденного организма. . .

И вот, наконец, мы в лагере „–800“. Ощущаем огромное блаженство от тепла и от того, что осточертевшие гидрокостюмы и каски, облепленные грязью, остались за палаткой. Рассказываем нашему пострадавшему, который уже пришел в себя, подробности спасательных работ. Откуда-то сверху доносится затихающее в шуме потока потаивание захватов — это врач экспедиции Валерий Разбицкий и Александр Таширев уходят ночевать „на этаж выше“, в лагерь „–700“. Когда по связи наверх пошло сообщение о ЧП, они спешно примчались из лагеря „–400“, где находились в это время, чтобы помочь нести пострадавшего.

Тихо шипит примус, Чуйков пытается связаться по телефону с базовым лагерем, остальные, разомлев, засыпают. Но еда уже готова, расталкиваем заснувших. С трудом открывает глаза Тамара и молча выслушивает наши поздравления — она стала первой женщиной в СССР, покорившей такую глубину, и, наверное, надолго единственной.

Проснувшись часов через пятнадцать, мы поняли, что на вчерашнее ЧП потеряно слишком много времени и сил и что повторный выход для достижения дна пещеры придется отложить. Дна пропасти мы так и не увидели. . . »

* * *

Первый этап Всесоюзной экспедиции установил рекорд страны, но отступил, так и не увидев дна пропасти. Затем...

«Первым дно пропасти увидел Шура Шевчук... Дно великих пропастей на километровых глубинах до этой экспедиции он представлял себе приблизительно. Но был уверен, что пробел в области пещер в ближайшие дни будет заполнен. Потому что все они — монтажник Шевчук, художник Чурин, экономист Петров, техник Михалевич, слесарь Евдокимов во главе с инженером-геологом Пантюхиным — были в равной степени достойны ступить на дно. Вопрос, кто будет первым, решала сама пещера. Шевчуку повезло.

Спокойный, рассудительный Петров в потекшем гидрокостюме и невозмутимый Михалевич остались в галерее, расположенной ниже рекордной отметки киевлян, страховать Шевчука, спускающегося в очередной колодец.

— Ну? Что там, Шура? — услышал он голос Петрова.

Он спустился ниже — метров на десять, и увидел под собой ровную серую поверхность.

— Вода, — закричал он наверх. — Озеро. Похоже на сифон. Я посмотрю?

— Аккуратно, Шура...

Он вошел в ледяную воду и, как был в сапогах, комбинезоне и каске, освещая путь тускло горящим фонарем, поплыл к другому берегу. Потом он подныривал под скалы в поисках хода.

Но не нашел...

Они дошли до дна, установили всесоюзный рекорд и определили, что КилСИ — четвертая в мире по глубине пещера. Но удовлетворения не было. У ног лежало около полукилометра веревок, готовых для мирового рекорда. В лагере „Недра-3“, не зная об озере, отдыхали их товарищи, Геннадий Пантюхин, Сергей Евдокимов, Олег Чурин, готовые штурмовать бездну...

Петров взял телефонную трубку, и там, высоко в светлом мире, на поверхности, раздался сигнал.

— Мы, вроде, дошли до дна, передайте Панте.

Из верхнего лагеря позвонили Пантюхину...

— Да? — сказал он и замолчал.

Потом он признался, что был не готов к этому сообщению, и принял глубину 1082 метра как предательство со стороны пещеры.

Скоро Пантюхин, Чурин и Евдокимов уже были на дне. Провели съемку. К этому времени Петров, Шевчук и Михалевич уже вбили в стенку крюк и повесили на него вымпел крымской секции спелеологии...

— Кажется, все, — сказал Пантюхин, — кажется с КилСИ все! Но где-то рядом должна быть пещера глубже французских. Надо ее найти и достичь дна — в этом суть.»

Так писала „Комсомольская правда“ в статье Юрия Роста „Пропась“ в октябре 1976 года.

1.4. Рыцари подземной королевы

Итак, Всесоюзный рекорд переключался в Среднюю Азию.

Надо представлять внутривластическую обстановку в советском спелеотуризме тех лет, чтобы в достаточной мере ощутить аромат времени.

Организационно оформившись в системе советов по туризму и экскурсиям ВЦСПС⁵⁰, советский кейвинг получил название СПЕЛЕОТУРИЗМ и приобрел соответствующую иерархическую структуру. На вершине пирамиды находилась Центральная секция спелеотуризма Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС (ЦСТиЭ ВЦСПС). Возглавил ее, в то время аспирант Института кристаллографии АН СССР, а впоследствии доктор физико-математических наук, москвич Владимир Валентинович Илюхин. Со стороны спелеологии как науки спелеотуризмом руководил геолог, доктор геологических наук, во времена существования СССР председатель бюро Секции спелеологии Научного совета по геологии и гидрогеологии Академии Наук СССР (НГС и Г АН СССР), симферополец Виктор Николаевич Дублянский. Познакомившись в 1959 году при штурме пещеры Каскадная в Крыму, эти два незаурядных лидера надолго возглавили официальный спелеотуризм в стране — один, как прямой руководитель, второй — как „комиссар“, идейный вдохновитель советских спелеоисследований.

Структура официального спелеотуризма совершенствовалась, приобретала характерные особенности и строение. Прежде всего, была создана система подготовки спелеотуристских кадров. Для того чтобы получить формальное право совершать пещерные путешествия, начинающему спелеотуристу необходимо было пройти три ступени подготовки в официальных учебных мероприятиях: школу предлагерной подготовки (ШПП), а затем последовательно лагерь Первого и Второго годов обучения, затратив на это около трех лет. Далее шла школа инструкторов спелеотуризма.

Понятно, что не у всякого хватало терпения одолеть столь длительный и суровый учебный процесс. Да и попасть на обучение могли далеко не все желающие. А пещеры с каждым годом привлекали к себе все больше любителей приключений. Желание работать в пещерах наталкивалось на невозможность получить официальную подготовку. Это становилось неким противоречием, подталкивающим большое число кейверов к самостоятельным вылазкам, в обход официальных спелеотуристских структур и системы подготовки кадров.

Вторым противоречием спелеотуризма стала система маршрутно-квалификационных комиссий (МКК), через чью проверку обязаны были процеживаться все желающие совершить путешествия в пещеру. Каждая спелеоэкспедиция должна была заранее предоставлять в МКК заявочно-маршрутные документы, а по завершении отчитаться о походе с предоставлением материалов топографической съемки маршрута, и письменного отчета. По итогам рассмотрения и защиты таких отчетов МКК „засчитывала“ или „не засчитывала“ путешествие, по особому представлению присваива-

⁵⁰ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов СССР.

ла или нет спелеотуристские звания и разряды, фиксируя таким образом квалификацию спелеотуристов.

Говоря о квалификации, следует заметить, что система МКК имела право „дисквалифицировать“ любого спелеотуриста за нарушения каких-либо правил или условий, а их постепенно развелось великое множество. Таким образом, из консультативного органа, в первооснове нацеленного на обеспечение безопасности спелеопутешествий, в руках властимущих от спелеологии МКК превратились в удобное орудие для сведения счетов с неугодными. А неугодных хватало во все времена.

Если говорить об отчетах и топографических материалах, то, на первый взгляд, в период интенсивного накопления спелеологической информации в стране, такой порядок оформления спелеопутешествия казался разумным. В это благодатное время каждый выход в пещеру, порой, приносил новые открытия.

Но время шло, удельный вес первопрохождений в общем числе пещерных экспедиций объективно снижался. А вот требования к их бумажно-документальному оформлению, узаконенные постановлениями соответствующих организаций, как-то незаметно превратились в обязательные. Без всяких исключений и поправок на время и объективные изменения в спелеологической обстановке. Показательно, что требования эти, слегка изменяясь, сохранялись в „Правилах проведения туристских походов и путешествий по территории СССР“ до последнего дня его существования.

Все бы хорошо, но вот как-то забылось в пылу спелеотуристского законотворчества, что любые правила подобного сорта могут быть обязательны только для добровольцев. Что туризм, тем более такой, где присваиваются спортивные значки и разряды — сам по себе занятие добровольное. Что каждый гражданин социалистического государства, согласно принятой этим государством Конституции, — существо свободное и имеет право находиться на территории своего государства там, где ему заблагорассудится, кроме, конечно, территорий специального режима посещения.

Но нет — мы не имели права свободно ходить в пещеры, не оформив необходимых бумажек, которые к тому же могли нам подписать, а могли и нет. И если вы все же отваживались отправиться в пещеру, пренебрегая МКК, то тут вас подстерегала еще одна интересная структура — туристская Контрольно-спасательная служба системы Советов по туризму и экскурсиям (КСС).

Этой службе вменялось в обязанность не столько спасать (для чего спасательные отряды часто не имели ни надлежащей квалификации, ни состава спасателей, ни снаряжения), сколько — „не пущать!“ И горе тому, кто без надлежащих маршрутных документов попадал в лапы этих „контрольно-спасателей“ — с вами могли сделать все, что угодно. Могли просто не пустить в район, перечеркнув все ваши отпускные планы, затраты на дорогу, подготовку и т.д. Могли в лучших традициях коммунистической реквизиции изъять снаряжение (а потом забыть отдать). Могли написать задержанному на производство или по месту учебы письмо криминального содержания, после чего администрация по месту работы „нарушителя“ должна была принять санкции — полная аналогия с попаданием в медвытрезвитель! А бывало и того лучше — резали на куски веревки, а самих „дикарей“ попросту избивали — для науки, чтоб знали, как с КСС разговаривать.

Я содрогаюсь сегодня, вспоминая те годы, когда мы были вынуждены

вести партизанскую борьбу с КСС, пробираясь в свои любимые пещеры. Особенно славен был жестоким произволом и беспределом Крым, где покрыл себя недоброй славой известный в советской спелеологической среде Геннадий Серафимович Пантюхин. Второе место занимал Урал. На Кавказе было попроще — горы слишком большие. В Азии — вообще благодать. Благогородно держались красноярцы, контролируя Саянские пещеры.

Даже нам, возвращенным тоталитарной коммунистической системой, казались тогда противоестественными эти посягательства туристской бюрократии на нашу, пусть относительную, но свободу проводить свое свободное время так и там, где нам хочется. Мы удивлялись, возмущались, протестовали, как могли. Встречи с КСС оканчивались по принципу — кто сильнее, тот и прав!

Впрочем, тоталитарный спелеотуризм имел в арсенале не только кнут, но и пряники. Официальные спелеотуристы нет-нет, да и получали с барского стола куски в виде финансирования советами по туризму слетов, соревнований, учебных школ и семинаров, иногда даже экспедиций. Понятно, что немногие отказывались от возможности позаниматься любимым делом за счет „ничейных“ профсоюзных средств. Кто был ближе к вершине спелеотуристской иерархической пирамиды, читай — к кормушке, — тому чаще перепали более жирные куски, остальным — что оставалось. Поэтому большинство даже самых рьяных противников советской спелеосистемы не против были сами превратиться в официальных спелеотуристов — именно из-за возможности ходить в пещеры за „народные“ деньги, но уж никак не ради обременительных ритуалов „ЭмКаКа-КаэСэСной“ формалистики.

Так советский спелеотуризм стал отражением всех основных черт командно-бюрократической коммунистической империи под названием Советский Союз. Чему удивляться?

* * *

Противоречия между официальной системой спелеотуризма и основной массой спелеолюбителей страны нарастали. Немалое значение в обострении внутривластной обстановки в советском спелеотуризме сыграл и постепенно портящийся характер председателя Центральной спелеосекции. Вынужденный вести борьбу на два фронта: с чиновниками Центрального совета сверху и с непокорными массами „диких“, уклоняющихся от выполнения придуманных властями правил, снизу, Илюхин, тем не менее, формально, а во многих аспектах фактически обладал всей полнотой власти в спелеотуризме. Безграничная же власть портит даже очень выдержанных людей. И здесь происходили обычные для тоталитарно-авторитарного общества метаморфозы.

Только еще, кажется, каждый коллега по совместным штурмам, подобно красноярцу Борису Мартюшеву, вместе с Илюхиным принимавшим участие в первопрохождении Назаровской, мог написать что-нибудь такое:

«... Вот задергалась веревка, висящая вдоль стены: по ней кто-то начал спускаться. „Четко идет: не торопится и со страховкой... Наверное, Илюхин“, — подумал я. Человек на веревке добрался почти донизу, приостановился. Было видно, как он высвечивает дно, оглядывая место приземления. Потом поехал

снова: оттолкнулся от стены, качнулся маятником, наконец, развернулся и твердо встал на обе ноги рядом с озерком.

— Молодец, Вовка! — сказал я, — Красиво спускаешься: как по нотам.»⁵¹

И вдруг замечаешь, что-то неувлимо изменилось. Открыл было рот, чтобы сказать что-либо, вроде: — Привет, Вовка! — а тебя уже предупредительно, но с настойчивой сталью в голосе, поправляют:

— Не Вовка, а Владимир Валентинович!

(Не Коба — а Иосиф Виссарионович. К слову.)

Пусть простят меня друзья Илюхина за такие параллели, но нам, с другой стороны баррикад, все казалось несколько по-иному, чем сверху от кормушки.

Постепенно намечаются разногласия между председателем Центральной секции и лидерами некоторых независимых групп. Разногласия эти „почему-то“ часто заканчиваются неприятностями для оппонентов, вплоть до дисквалификации и запрещения ходить в пещеры. Что-что, а уж придраться к чему-либо можно всегда. О методах борьбы с неудобными могут поведать многие кейверы, по тем или иным причинам оказавшиеся в те годы вне официального спелеотуризма, на языке властей — в „дикарях“.

Репрессии илюхинских времен, в числе других, пришлось пережить и выдающемуся советскому спелеологу Даниэлю Алексеевичу Усикову. Тот самый Даня, принимавший участие в исследованиях Дублянского в Горном Крыму, о ком Виктор Николаевич упоминает в книге „Вслед за каплей воды“, ставший даже инструктором илюхинских спелеосборов на Кавказе, руководитель ряда первоисследований на хребте Алек (в пещере Величественная и других) вынужден был, попав в опалу, перейти, по его собственному выражению, в разряд „частных“ спелеологов. Достали мужика!

Первооткрыватель входа в пропасть Снежную, руководитель первопрохождения ее до –700, Михаил Зверев в сборнике, посвященном 20-летию спелеосекции Московского Государственного Университета⁵², приоткрывает перед потомками одну из таких страничек междоусобной войны Центральной спелеосекции Илюхина с низовыми секциями:

«Рассказ об истории секции МГУ будет неполный, если не упомянуть о ее взаимоотношениях с городской секцией спелеологии, возникшей практически одновременно с нами, но вскоре захватившей руководящие места в ЦС по туризму, в маршрутных комиссиях и т.д., и ставшей нашим спелеологическим начальством. Отношения с „городом“ ухудшились после поездки на пленум в Красноярск в 1964 году, в которой от МГУ были Алексинский и Гапанович, а от городской секции — Илюхин. Между Алексинским и Илюхиным возникли какие-то разногласия; подробности были известны весьма малому кругу лиц. В дальнейшем эти отношения ухудшились до такой степени, что Илюхин и его ближайшие соратники противодействовали секции

⁵¹Б. Мартюшев „Надо — сделаем“. Красноярск. Из неопубликованного.

⁵²Сборник „20 лет секции спелеологии МГУ памяти В. Алексинского, Е. Алексеевой“, Москва, „Самиздат“, 1982 год.

МГУ во всех ее проявлениях. Не упускалась любая возможность умолчать о работе секции или полить ее грязью. Оформление экспедиций в городской маршрутной комиссии крайне осложнилось. Со стороны это может выглядеть дико, но был случай, когда маршрут не был утвержден из-за того, что в список снаряжения не были вписаны спички.»

Другой спелеолог МГУ В. Благодатских вспоминает:

«... Городские руководители постоянно третировали университетскую секцию, как низовую, использовали любую возможность, чтобы ущемить ее и, в конечном итоге, запретить ту или иную экспедицию. Эта борьба отнимала у нас колоссальные силы.

... Вспоминая потом этот период жизни секции, я пришел к убеждению, что без этой борьбы секция была бы просто раздавлена и прекратила бы свое существование.»

* * *

Находясь в Москве в тот нелегкий и интересный период, ставший сегодня далекой историей советского спелеологического движения, я (автор этих строк) волею случая оказался в числе „диких“ спелеологов и в достаточной мере ощутил на себе жесткий прессинг в подавлении частного кейвинга системой МКК-КСС. Не однажды нашей спелеогруппе, состоявшей из студентов двух московских вузов МГРИ и МВТУ⁵³, приходилось переживать столкновения с отрядами КСС в Крыму и Башкирии — в районах, где мы вели основные исследования. Многие „спасатели“ с удовольствием исполняли по отношению к нам и нам подобным полицейско-карательные функции.

В 1976 году на туфовой площадке перед Красной пещерой — Кизил-Кобой, „крымски хлопцы с КСС“ реквизируют у нас все снаряжение: мы отправились в путешествие без оформленных документов. Благо, что вели мы себя смиренно, и нам, с помощью одесситов Леонида Сухова, удалось позже вернуть практически все.

В другой раз только наш численный перевес предотвратил драку с башкирским КСС на пути в Кутукское урочище летом 1977 года: увидели, что не смогут одолеть и побоялись связываться.

В третий... в общем, не слишком весело вспоминать. И это притом, что наши спелеоэкспедиции на добрую половину состояли из профессиональных геологов, гидрогеологов, впоследствии профессионально занимавшихся карстоведением и спелеологией, и мы сами ревниво следили за тем, чтобы пещерному миру не нанести излишнего вреда. Но что за дело было до этого КСС?

Мы считали ниже своего достоинства скрывать, кто мы и откуда, и в результате получали письма („телеги“, как мы их называли) по месту учебы, за что некоторых из нас едва не лишали стипендии. Такие были дела.

⁵³ **МГРИ** — Московский геологоразведочный институт; **МВТУ** — Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана, ныне **МГТУ** — Московский Государственный технический университет.

* * *

Ненормальная обстановка внутри советского спелеодвижения принимала все более уродливые формы. К 1978 году только в Москве было более 500 неофициальных кейверов, в то время как Центральная спелеосекция едва насчитывала несколько десятков человек.

Косвенно возникали и более страшные последствия. В конце марта 1967 года в пропасти Кутук-Сумган погибли руководители спелеосекции МГУ Валентин Алексинский и Лена Алексеева. Вот как описаны эти события в методической литературе⁵⁴:

«Трагический случай произошел в группе спелеотуристов при прохождении пещеры Кутук-Сумган. Группа в составе пяти человек, никого не оставив на поверхности, спустилась в пещеру и работала в ней четыре дня. Подойдя при возвращении к последнему 70-метровому колодцу, участники обнаружили, что лестница и две веревки, которые оставались навешенными все эти дни, обмерзли и покрылись льдом.

Первым стал подниматься наиболее опытный участник (В. Алексинский, уточнения мои), цепляясь за ступеньки лестницы поочередно двумя карабинами, привязанными к беседке и обвязке, и обивая лед скальным молотком. За два часа он поднялся на 50 метров; в этот момент сверху по лестнице пошел небольшой поток воды, вызванный таянием снега. На поднимающемся не было гидрокостюма. Со дна колодца, благодаря проникающему через широкую горловину шахты дневному свету, было видно, как спелеотурист проработал еще некоторое время, затем перестал работать. Ответа на оклики снизу не последовало.

После того, как он перестал подниматься, подъем начала девушка (Е. Алексеева, уточнения мои) — наиболее опытный спелеотурист в оставшейся группе. Она поднималась тем же способом, что и первый участник, надев на себя рваный самодельный гидрокостюм, склеенный из полиэтиленовой пленки. Вода текла уже по всей лестнице. Через 50 минут снизу услышали крик и увидели, что луч фонаря, раскачиваясь, скользит по стене.

Как оказалось, перед входом в шахту в углублении скапливалась талая снеговая вода, которая к концу дня переливалась через край и начинала течь в пещеру. Первый спелеотурист с момента начала душа поднялся еще на 13 метров и был около самого карниза, за которым начинается катушка в виде закругляющегося склона. Там лестница лежала в желобе и полностью покрылась льдом, что существенно затрудняло подъем. Первый участник не видел этого и, по-видимому, рассчитывал быстро подняться. Девушка не дошла до него около 4 метров. Когда их вытащили наверх, они были покрыты льдом. Медицинское

⁵⁴Имеются в виду «Методические рекомендации маршрутно-квалификационным комиссиям, руководителям и участникам спелеопутешествий по обеспечению безопасности», составители текста М. П. Аронов, В. В. Илюхин, В. К. Шашурин. Москва, ЦРИБ «Турист», 1977 год, стр. 48.

освидетельствование установило смерть от переохлаждения. Оставшиеся в пещере участники поднялись на поверхность с помощью местных жителей.

Если бы спелеотуристы поднимались в этих условиях с верхней страховкой, то время пребывания даже на обмерзшей лестнице сократилось бы во много раз и удалось бы избежать длительного воздействия ледяной воды. Ситуация была бы иной, если бы лестница висела в стороне от желоба, по которому сбегала вода.»

Сухие в своей педантичности строчки официальной литературы, за которыми стоит трагедия. Оставим на совести авторов выводы о возможных вариантах предотвращения трагического исхода той экспедиции. Знать бы, где упадешь, соломку бы подстелил! Но была и еще одна причина гибели московских спелеологов. Очень важная, если не главная. Об этом пишет член спелеосекции МГУ Г. Бенце:

«Потом, уже год спустя, я участвовал в работе какой-то комиссии, разбиравшей несчастные случаи со спелеологами СССР. Задачи этой комиссии, заседавшей в здании ВЦСПС, были не дисциплинарные (То бишь не наказывать собралась! прим. мои), а просто — понять, по каким причинам могут быть осложнения в пещерах. Все рассматриваемые происшествия так или иначе были связаны с водой. . . Что же касается Вали с Леной, то выступивший там Дублянский, по-моему, очень правильно отметил решающую роль, которую имели в случае с ними плохие отношения между университетскими спелеологами и их городским начальством. Эти плохие отношения, сказал он, лишали Алексинского и его ребят возможности потерпеть поражение (сразу последовали бы различные репрессии), диктовали жесткую необходимость выйти к намеченному сроку и т.п.

Тогда же дискутировался вопрос: можно ли при спуске под землю никого не оставлять наверху? Мой собственный взгляд на это менялся несколько раз, тогда я считал, что нельзя, но сейчас думаю — а как же скалолазы лезут на несколько дней на стену и нигде никого не оставляют? Вале нужно было иметь больше терпения, отступить, выждать, пока пройдет вода, дожждаться утра и тракториста, но этого-то и нельзя было делать из-за жестких сроков.»⁵⁵

Последствия оказались трагичны. . .

* * *

Заканчивая эти довольно неприятные размышления, вспоминаю один случай. Уже позднее, когда я тоже „выбился в люди“, стал руководителем Усть-Каменогорского клуба спелеологов „Сумган“, мне не раз приходилось работать инструктором региональных и всесоюзных спелеосеминаров. И

⁵⁵Г. Бенце „Спелеология дала мне друзей“, сборник „20 лет секции спелеологии МГУ“, Москва, „Самиздат“, 1982 год.

вот однажды на Буковой поляне хребта Алек один из приятелей, бывший тогда начальником контрольно-спасательного отряда (не буду называть имени, он когда-то был моим другом), доверительно рассказывал мне, как его спасатели и он лично „били морды дикарям“, изымали снаряжение, куражились и издевались над своими коллегами. И только за то, что у тех не было бумажек со штампом МКК, разрешающих маршрут.

Мы сидели на Буковой, он рассказывал, я изумленно слушал. И постепенно приходило понимание того, что рассказ этот ничуть не смущает моего приятеля, что он до сих пор считает себя и своих товарищей правыми, честно выполнявшими предписания Центра — бороться с „дикарями“. Им приказывали, они и боролись. Неважно, какими средствами и методами, главное, что действовали во исполнение инструкции. В пределах своей компетенции, так сказать. А ведь мы вместе с этим парнем работали в сложных экспедициях, страховали друг друга, и не было надежнее напарника, приятнее собеседника, добрее друга. И все только потому, что мы работали вместе, и оба были инструкторами спелеотуризма, и оба имели официальные документы? А если бы мы встретились на тропе немного ранее: он — начальник КСО, а я — „дикарь“ без документов? Я уже не мог ответить однозначно на этот страшный по своей сути вопрос. Вернее, мог, но не хотелось верить, что так могло бы быть. . .

Жизнь показала — могло.

Вот так стреляли в мирных жителей советские солдаты в Афганистане, милиция и спецназ — в демонстрантов Тбилиси, Алма-Аты, Вильнюса. Приказано! И так же вели себя американские солдаты во Вьетнаме. Многие, большинство. . . но не все. Не все — и в этом суть.

* * *

Апофеозом произвола зарвавшихся в опьянении властью лжеспасателей можно назвать другой, совершенно уже невероятный случай. В феврале 1986 года моим коллегам из нашей московской спелеогруппы под руководством Евгения Войдакова привелось пережить четверо суток заточения на дне все того же входного 70-метрового колодца пропасти Сумган-Кутук⁵⁶.

Экспедиция завершала работу в верхнем сифоне подземной реки Сумгана, когда в пропасть спустилась двойка спасателей КСО башкирского города Салавата, в чьем ведении находился район пещеры. Гонцы передали Войдакову письменное указание „сверху“: начальник спасателей приказывал немедленно закончить работы и покинуть пропасть.

Что значит „немедленно“ в условиях проведения развернутых работ в сифоне подземной реки? В пещере куча барахла: масса баллонов из-под сжатого воздуха, акваланги, подземный базовый лагерь со всем снаряжением. . . Чтобы только упаковать все это для подъема с глубины —130 метров на поверхность, понадобится несколько часов.

⁵⁶Этому беспрецедентному случаю был посвящен ряд публикаций советской периодической печати, в частности статья „Спасатель-каратель“ в журнале „Турист“ № 2, 1987 год. Была создана даже комиссия ЦС по Т и Э, выезжавшая на место для того, чтобы разобраться в ситуации, но Система всегда так или иначе защищала своих легионеров, тем более штатных работников, и дело, не дойдя до суда, было спущено на тормозах.

Начальник Салаватского КСО был хорошо знаком со многими участниками этой группы, не раз встречался с ними, что называется, в неофициальной обстановке, накануне выезда группы в экспедицию был предупрежден об этом по телефону, и отлично знал, что команда не занимается спортивным спелеотуризмом, туристских маршрутных документов не имеет и едет не гулять, а по делу — нырять в сифон.

И вот — требование немедленно подниматься. Посовещавшись, москвичи послали наверх записку, где сообщали спасателям, что подводные работы практически закончили, и завтра начнут подъем на поверхность.

Так и поступили. Каково же было изумление парней, когда, подойдя ко дну входного колодца пропасти, они не обнаружили своих, навешенных в нем, веревок!

Ситуация была шоковая. Увидеть в семидесяти метрах над головой голубое небо, к которому тебе не по чему подняться? Семьдесят метров, и гладкие исполинские стены... Веревок не было.

Так начальник КСО „наказал“ своих строптивых друзей — выбрал веревки из входной шахты и попросил пастуха с близлежащей фермы сбросить их в пропасть дней через пять, если раньше ничего не произойдет. Объяснил просто: „Мол, выбрал веревки, чтоб не заледенели“. Трагический случай с экспедицией МГУ десять лет назад здесь хорошо помнили все местные жители. Сказал так, а сам ушел с отрядом в город, доложить по начальству.

Каждый, прочитавший эти строки, может примерить на себя ту ситуацию. Что бы вы стали делать?

Парни перетаскивали все снаряжение под входной колодец, поставили палатку и стали считать запасы наличного освещения, горючего и продуктов. С гордостью за своих друзей хочу сказать, что состав экспедиции подобрался достаточно опытный и спокойный. Среди спелеоподводников вообще не бывает слаонервных — срабатывают эволюционные законы естественного отбора. Экспедиция практически завершила работы, поэтому наличные запасы ее оказались весьма скудными. Бензина для примусов практически не было. Батареек для фонариков тоже. На последних тусклых лучиках прошли по ближней лабиринтовой части пропасти, собрали все, какие могли, бревна, спущенные в пропасть для штурма и благоустройства базовых лагерей. При помощи последних остатков сжато воздуха в баллонах аквалангов раздули костер их этих пропитанных водой дров.

Продукты поделили из расчета на две недели ожидания. Получилось по крохотной пайке на день. Потом залезли в спальные мешки и стали ждать.

Ждали четыре дня.

— Смешная история! — сказал Ромка.

— Подохнешь тут со смеху, — усмехнулся Вовчик.

Остальные промолчали.

— Тише! — вдруг осипшим голосом, сказал Женька.

На четвертые сутки в пропасть упали веревки. Пастух, поразмыслив о странной просьбе начальника спасателей, заподозрил что-то неестественное, а значит, неладное и решил вернуть навеску в шахту на сутки раньше. Первое, что сделал Войдаков, вцепившись в упавшие с неба веревки, это накрепко привязал их к стволам и глыбам на дне колодца. Чтоб опять не вытащили. Чем черт не шутит, когда бог спит!

* * *

Нельзя жить в мире и быть свободным от его влияния. Так неприглядная действительность коммунистического феномена XX-го столетия накладывала тяжелый отпечаток на, казалось бы, такую совершенно аполитизированную область, как спелеология.

Другой конфликт Илюхина, на этот раз с Даниэлем Усиковым, привел к ожесточенной борьбе за приоритет при исследовании пропасти Снежная на Кавказе. К тому времени у Центральной и приближенных к ней спелеосекций наметилась еще одна неприятная тенденция — присваивать открытия „дикарей“. Иллюстрацией тому уже упомянутый нами случай с пещерой ТЕП, переименованной в Октябрьскую. Увы, это не единичный случай спелеопиратства.

Нечистоплотность всегда отвратительна, в чем бы она ни проявлялась. И присуща она, к сожалению, не только эпохе Илюхина. Если о попытке группы красноярца З. Залиева перехватить успех в пропасти Форельная у москвичей под руководством Е. Снеткова мне рассказывала участница тех событий москвичка Таня Немченко, то мне лично привелось стать участником событий, когда наша совместная с болгарским клубом „Академик“ из Софии экспедиция 1987 года в Киевскую была обворована свердловчанами под руководством С. Валуйского. Об этой экспедиции еще будет рассказано.

„Как обворована?“ — удивится мой заинтересованный Читатель, и будет прав. Потому что такие случаи в нашей среде все-таки достаточно редки.

А вот так. Скажу лишь, что в 87-м году мы потерпели в Киевской серьезную аварию и вынуждены были с помощью наших друзей: узбекских и туркменских спелеологов вести трудные спасательные работы, поднимая из пропасти тяжело травмированного болгарского спелеолога. В суматохе спасработ в пропасти осталась часть болгарского снаряжения. Естественно, что мы обратились к идущим в пещеру вслед за нами свердловчанам с просьбой помочь — вынуть и вернуть иностранное снаряжение, чтобы мы могли передать его болгарам.

Казалось бы, что стоило помочь? Годом раньше мы в той же Киевской достали с отметки –750 два тяжелых мешка с владивостокским тросом. Годом позже доставали московское снаряжение из Перовской на Арабике. Просто так, из взаимовыручки. А у нас была авария.

Свердловчане „помогли“! Вернули через самаркандского томича Гришу Пряхина полторы веревки, и сказали, что больше ничего не нашли. Блестящие иностранные карабины оказались дороже чести.

Не хотелось верить, что такое возможно, но позже, бывшие в составе той свердловской группы оренбуржцы подтвердили — были и карабины, и веревки, поделенные свердловчанами между собой. А два года спустя на Всесоюзном слете в Свердловске я видел у Валуйского тот, „кырктаусский“, зеленый болгарский карабин. Видел и... ничего не сказал. Просто стало очень противно и больно.

Так что нечистоплотность присуща не только давней истории, но эпоха Илюхина явилась законодателем мод. Стоило появиться на горизонте сколько-нибудь перспективному району или пещере, как властимущие спелеотуристы устремляли к ним свои честолюбивые устремления.

* * *

Так получилось и со Снежной. Не могло получиться иначе! Едва появилась информация об открытии на Бзыби и прохождении МГУшниками новой пропасти, да еще претендующий на рекордную глубину, в пещеру немедленно организуется ряд экспедиций Центральной спелеосекции, Свердловска и Красноярска.

Центральная спелеосекция вообще была связана тесными узами со Свердловской городской спелеосекцией (СГСС). Если взглянуть в спелеотуристскую литературу тех лет, невольно закрадывается подозрение, что все лучшие умы советского спелеотуризма были сосредоточены именно в этих двух коллективах — авторы подавляющего числа методических материалов непременно, если не из ЦСС, то уж из СГСС точно!

Красноярск, этот независимый и наиболее мощный по численности спелеотуристов, клуб России, (возглавляемый сначала Игорем Петровичем Ефремовым, а затем в течение долгого времени Юрием Ивановичем Ковалевым), наверно, был Центральной спелеосекции просто не по зубам, так что Илюхин предпочитал сохранять с красноярцами дружественные отношения. Понятно, что и красноярцы не чурались связей со столицей.

Прослышав о новой претендентке на всесоюзный рекорд, Илюхин поспешил собрать верных ему легионеров и атаковать Снежную. Что ж, силы были неплохи. Но и противник оказался достойным... Пятый завал!

Дважды разбились о него массивные атаки красноярцев. Очередная экспедиция союзных ЦСС москвичей отступает от Пятого завала Снежной в 1975 году.

Но тут появляется Киевская! И внимание Центральной спелеосекции переключается на Кырк-Тау. В 1976 году Всесоюзная экспедиция, наконец, возвращает себе всесоюзный рекорд, утраченный было официальными спелеотуристами в результате успеха в Снежной „дикарей-МГУшников“ Зверева. И то подумать — что ж это за дела, если „дикарей“ обставить не удастся!

В Киевской достигнуто дно на, более чем километровой, глубине: –1080 метров дает топографическая съемка первопроходцев.

Ап... неувязочка! Экспедиция-то хоть и всесоюзная, но... без ЦС! Пантюхин, Крым, пермяки какие-то. Как так? Прошли километровый рубеж и без Центральной спелеосекции? Шалишь!

В Киевскую срочным порядком отправляется экспедиция Илюхина, чтобы вторично определить глубину пропасти при помощи гидронивелирования. Этот метод определения глубин, основанный на принципе сообщающихся сосудов, очень трудоемок и требует изрядного мастерства от исполнителей. Парни Илюхина поработали на славу и вот... сенсационный результат: глубина Киевской не 1080, а всего лишь –950 метров!

Скандал! Его немедленно постарались раздуть до подобающих случаю всесоюзных масштабов. Острие удара было направлено на чересчур окрепшую Крымскую спелеосекцию — осмелились опубликовать непроверенные данные? Получите!

Разночтение данных попало за рубеж. „Русские не умеют делать топо съемку!“ И почему-то, сходу забраковав данные Всесоюзной экспедиции, никто не усомнился в точности Илюхинской съемки. Цифра, выданная властями от спелеологии, немедленно попала в официальные сводки и до сих

пор фигурирует в пещерной статистике. Неужели съемщики Всесоюзной спелеоэкспедиции были менее квалифицированы, чем илюхинские? А преимущества метода гидронивелирования перед полуинструментальной топографической съемкой: при помощи компаса и эклиметра, — весьма сомнительны. Как в первом, так и во втором случаях место для погрешностей и ошибок остается всегда, тем более, если учесть, что речь идет о пропасти километровой глубины.

Надо сказать, что точная глубина Киевской дискутируется до сих пор. Еще дважды разные спелеоэкспедиции предпринимали попытки ее измерить. Были получены данные: –1020 и –980 метров. Последний результат определялся при помощи синхронного баронивелирования, проведенного ташкентской спелеосекцией в 1987 году: можно сказать, при мне. При этом из всех, взятых под землю воздушных высотомеров-альтиметров уцелел только один, — по нему и взяли конечный отсчет. Тоже, в общем, не обошлось без греха. Но результаты получались довольно близкие. Простое сложение всех четырех результатов и вычисление среднего арифметического дает цифру –1007 метров, что очень похоже на действительность. Киевская заслуживает своей –1000 метров, хоть это, пожалуй, и самая простая из советских километровых гигантов. Самая простая и приятная для прохождения. Так показалось мне после двух посещений этой прекрасной пропасти в 1986 и 1987 годах.

* * *

Неясно, как в действительности отнеслись за границей к этому, раздутому ЦСС, „конфузу“ с измерением среднеазиатского полюса глубины. Скорее всего, никак. За „бугром“ хватало своих километровых гигантов, чтобы обращать внимание на среднеазиатские скандалы красных спелеологов. Тем более что КИЛСИ никогда не претендовала на мировой рекорд. А на Союзный — пожалуйста!

Но достоверно судить, что там, в „забугорьи“, происходит, мы, понятно, не могли. В то время большинство из нас было надежно отгорожено от „коварной“ заграничной коммунистической заботой о нашем идейном здоровье. „Простые“ спелеотуристы за рубеж не попадали. В загранпоездках участвовала, прежде всего, верхушка Центральной спелеосекции, приближенные к ней, а также такие супер-клубы, каким во все времена оставался Красноярский Краевой Клуб Спелеологов. Известны поездки советских спелеологов в Польшу, Венгрию, Болгарию, участие советской делегации на VI Конгрессе Международного Союза Спелеологов (МСС — UIS) в Чехословацком городе Олмоуц в 1973 году. Так что за границей о нас кое-что знали. Верхушка советского спелеотуризма имела контакты с зарубежным спелеодвижением, получала разнообразнейшую информацию о состоянии дел в западной спелеологии и спелеотехнике, но... информация эта доходила далеко не до всех.

Возможны противоречивые оценки деятельности Владимира Валентиновича Илюхина — первого председателя ЦСС, официального лидера советского спелеотуризма на протяжении первых пятнадцати лет с его возникновения. Многие теперь уже растворилось в прошлом. Но, погружаясь в документы, наталкиваешься порой на удивительные факты, задаешься

вопросами, ответы на которые отыскать нелегко.

Например, что послужило причиной тому, что советский технический вертикальный кейвинг выбрал свой собственный путь развития — применение стальных тросов, в то время как весь мир переходил к технике одинарной веревки — SRT? Только ли тот печальный факт, что в то время в нашей стране не производилось в достаточном количестве пригодных для спортивных целей нейлоновых веревок? Думаю, нет.

Главная причина представляется мне в том, что советский спелеотуризм был устроен так же, как и государство, в котором он существовал. Сумасшедшая централизация, жестокая цензура, приоритет, пусть бредовых, но собственных разработок: все разрушалось „до основания, а затем!“ . Отношение к Западу воспитывалось исключительно как к безусловно враждебному, чуждому нам рассаднику капиталистической чумы-идеологии.

Илюхин и сотоварищи были в курсе самых передовых технических разработок того времени, но в силу разных причин не могли, а может быть, и не хотели, оценить их рациональное зерно. Все пропускалось через сито цензуры: все перекраивалось на свой лад и подавалось нам, крестьянам, под собственным соусом, часто искаженное до неузнаваемости. Для широкого спелеологического движения страны оригинальная западная информация долгое время оставалась терра инкогнита, куда впускались только избранные. Верхушка трансформировала разработки зарубежных школ спелеологии, приспособлявая их к собственному пониманию. Копируя (в буквальном смысле!) картинки из французских, австралийских, английских учебников по кейвингу, Илюхин и его соратники тут же давали им советскую трактовку в духе сложившейся в стране спелеотехники. Ну, например, пририсовывали вторую веревку к иллюстрациям по SRT! Взять хотя бы широко известные „Путешествия под землей“ В. В. Илюхина и В. Н. Дублянского или методические рекомендации по технике спелеотуризма, выпущенные в те годы⁵⁷.

По крайней мере, все это было некорректным по отношению к истине. А по большому счету наносило серьезный вред советской вертикальной технике в частности и всему любительскому спелеологическому движению в целом. Потому что ничем нельзя нанести такой ощутимый ущерб, как утаиванием или искажением информации.

Описывая эти события, я, наверняка, пристрастен. Но я и не претендую на кристальную объективность. Сегодня каждый второй — бунтарь, борец, антикоммунист. Я же относился к тем, кто верил. А когда осознал, на каком чудовищном обмане взрощена моя вера, пережил тяжелое унижение. Да еще приправленное горечью понимания, что даже Спелеология — святая святых бескорыстных и беззаветных ее рыцарей — даже дело Спелеологии оказалось круто замешанным на лжи и обмане, на политических интригах, распрях, борьбе за власть и место у кормушки.

⁵⁷ В. Н. Дублянский и В. В. Илюхин „Путешествия под землей“, Москва, „Фис“, 1981 год, или „Методические рекомендации по технике спелеотуризма“, разработчики С. М. Голубев, А. П. Ефремов, В. В. Илюхин, А. Ф. Рыжков, Москва, ЦРИБ „Турист“, 1981 год, и другие. Не имея никаких претензий к В. Н. Дублянскому в части его карстоведческо-спелеологической информации, я отношу свои замечания к специалистам Центральной спелеосекции и другим соавторам, на ком лежала техническая сторона этих публикаций.

* * *

А в это время в Москве зарождалась еще одна команда, которой предстояло вписать немало славных строк в историю советского спелеологического движения. В 1973 году на основе личной дружбы двух замечательных спелеологов — Даниэля Алексеевича Усикова и Александра Игоревича Морозова, и возникшего у них неистребимого интереса к пропасти Снежная начинает свою деятельность группа, получившая название по имени любимой пещеры — группа „Снежная“.

Первая же экспедиция группы в пропасть, давшую ей свое имя, столкнулась с жесточайшими погодными условиями осенней ноябрьской Бзыби 1973 года. Трижды приходилось спелеологам откапывать входную часть пропасти, так как лавины с бортов ее крутоскальной входной воронки раз за разом пробивали 200-метровую вертикальную ледовую часть пещеры, закупоривая ее 15-метровыми снежными пробками. Борясь с лавинами, экспедиция сумела спуститься по ледовой части пропасти, дошла до Большого зала на отметке –200 метров и вынуждена была отступить.

Тем не менее через год Усиков и Морозов вдвоем проходят до Пятого завала Снежной и благополучно возвращаются. Для тех лет это был беспрецедентный выход. Следует учесть, что „Правилами“ советского спелеотуризма категорически запрещалось соваться в пещеры такой категории сложности в составе, меньшем шести человек. А тут — вдвоем!

Успех „частных русских спелеологов“ не остался незамеченным и вызвал серьезное возмущение спелеотуристских властей. Но группа „Снежная“, не обращая внимания на усиливающееся давление официантуры, начинает скрупулезное изучение сакраментального Пятого завала. Экспедиции следующего, 76-го года, оканчиваются неудачно. Завал не сдается. Но вот в 1977-м!.. Послушаем Татьяну Немченко:

«Спелеолог из клуба МГУ Миша Ноздрачев, вместе с друзьями, разыскивающий летом 1977 года новые пещеры вблизи Снежной, увидел у входа толпу женщин и детей. Удивленный, он подошел поближе. Ага, вот и двое мужчин: москвичи Саша Морозов и Даниэль Усиков. Разговорились. Александр — инженер-химик, Даниэль — физик и математик. Собираются пройти Снежную дальше. Еще должен приехать Владимир Федотов, так что будут работать в пещере втроем. Кто останется наверху? Только жена Даниэля с ребенком. Она будет по телефону сообщать о погоде.

Втроем? В такую сложную пещеру? Это было смело и абсолютно не похоже на традиционно многолюдные экспедиции спелеоклубов. Но и снаряжение у ребят было другое: надежное, легкое. Лестницы, штурмовой шест, дюралевые крючья, капроновая палатка, защитные и гидрокостюмы — все тщательно изготовлено ими по своим же чертежам. Нетрадиционным был и сам подход к работе под землей: уйти в пещеру на целый месяц, двигаться вниз вместе с лагерем, чувствовать себя в Снежной, как дома. Все необходимое для того, чтобы долго жить и работать под землей, было уложено в двадцать пять транспортных мешков.»

Да, экспедиция „частных русских спелеологов“ выглядела по тем временам весьма необычно. Мы можем „заглянуть“ в те дни, перелистав воспоминания Даниэля Усикова⁵⁸:

«... Ситуация выглядела достаточно комично. Посудите сами. „Группа“, состоявшая из двух спелеологов (Володя тогда еще не приехал), пятерых детей, женщин (жен) и небольшого числа знакомых этих спелеологов, поставила перед собой „скромную“ задачу: пройти Снежную дальше. То есть сделать то, что не смогли сделать шесть предыдущих экспедиций, включая одну Всесоюзную, за четыре предыдущих года. Наверно, единственное, что удерживало... от желания показывать на нас пальцами и кататься от хохота, это дошедший через Зверева слух о нашем успешном спуске в Снежную вдвоем в 1975 году.»

Вот в таком составе группа „Снежная“ готовилась к решающему прорыву. И он состоялся. Пробившись через Пятый завал, спелеологи спускаются на „Глубокую реку“ Снежной и продвигаются по ней до „Шестого“ завала.

Так начиналась Эпоха Великого Таскания Мешков.

Через неделю Морозов, Усиков и Федотов поставили лагерь у Пятого завала, чтобы не тратить силы на подходы к району работ. Потом это станет излюбленным приемом „морозовской“ тактики. А пока:

«... Уже на второй день исследований внутри Пятого завала Саша, Даниэль и Володя сумели подняться вверх на 60 метров и выйти в просторный зал Надежды. Ощущение было такое, будто ночью вышли на поверхность земли: после тесноты завала — огромный зал.

Где-то очень далеко в глубине зала гремел водопад, и причудливое эхо блуждало под сводами. Но гремела не река: по почти вертикальному каньону с ревом мчался Новый ручей.

Но где же спуск с Пятого завала? Интуиция! Что же еще может провести спелеолога через лабиринты шкуродеров и хаос глыб? Интуиция и трезвый расчет. Взяв компас и запас батарей, Даниэль один, чтобы максимально обострить восприятие, отправился в, казалось бы, уже безнадежные поиски, и — вышел-таки в зал Победы. Это был почти двойник зала Надежды. Такой же высокий свод, и пол — круто уходящая вниз осыпь. Сухо, легкий ветерок, ласковый лепет ручья. Это был Эдем для подземных лагерей! Стартовая точка для глубинных исследований. Кончилась затаившаяся спячка Снежной — путь вниз был свободен!»

* * *

Фортуна любит упорных и сообразительных. „Спячка“ Снежной действительно кончалась. Из зала Надежды открывался путь по Новому ручью, в систему впечатляющих залов Анфилады, к колодцу Катаклизм и другим еще не открытым чудесам Снежной... Но кому нужны были эти „побочные“

⁵⁸ Д. А. Усиков „Глазами друзей“, сборник „20 лет секции спелеологии МГУ“, Москва, „Самиздат“, 1982 год.

чудеса? Шла битва за глубину, и все помыслы первопроходцев устремлялись вниз, вниз и вниз. Спуск по глыбовому навалу на полу зала Победа позволил снова выйти к подземной реке Снежной за Пятым завалом на глубине около –700 метров.

«За Пятым завалом река продолжалась: глубиной то по колено, то по пояс, не слишком бурная. Метров через триста, после того, как она приняла два крупных притока, ручей Заблуждения и ручей Заячий, русло стало еще более пологим, и следующие триста метров спелеологам пришлось преодолевать высокую воду, иногда — вплавь. Голубая река, заполнявшая все дно широких галерей, делала их необычайно красивыми. Пещера была величественна и спокойна. Спелеологи же, поскольку вода была очень холодная, должны были все время двигаться, а после долгих проплывов согреваться физическими упражнениями. Саша порвал гидрокостюм, но даже угроза переохлаждения не могла заставить его отказаться от открытий.

Но вот рельеф изменился: пятнадцатиметровый водопад и, увы, новый, очень крупный завал. К этому моменту глубина Снежной уже вплотную приблизилась к 800 метрам, а на карту было нанесено около двух километров новых ходов.

Сюрпризы Снежной на этом не кончились. Вернувшись через несколько часов в лагерь, ребята с ужасом наблюдали, как под водой исчезает лагерная площадка и вообще все то, что уже давно называли „старым дном пещеры“. Вода на Пятом завале поднялась на 15 метров! А ведь прошел далеко не самый сильный дождь. . . »

* * *

Это была Победа! Недаром так называли долгожданный, открытый группой зал с водопадиком и заветным спуском к продолжению реки.

Понятно, что в следующем, 1978 году, Морозов и Усиков снова отправляются на Бзыбь.

«Экспедиция 1978 года — поворотный момент в истории Снежной. К этой гигантской пропасти вновь было привлечено внимание многих научных работников и сильнейших спелеотуристов страны. Новая часть пещеры уже тогда позволила считать ее уникальной по сложности. Это обусловило рождение новой тактики работы в глубочайших пещерах: спуск участников в пещеру на весь период экспедиции без периодического выхода на поверхность, а также автономия и самообеспечение участвующих в ней групп. Именно эта тактика была впервые разработана и успешно применена экспедицией в Снежную в 1978 году.»⁵⁹

Чувствуете чеканную поступь повествования? Эти строчки принадлежат не менее, чем морозовская тактика, уникальному человеку в советской

⁵⁹А. К. Шульц „Путешествие в пропасть“. Из неопубликованного.

спелеологии тех лет — майору, а затем подполковнику (может, уже генералу?) советских Вооруженных Сил нашему доброму товарищу Андрею Шульцу. Атлетического сложения майор Шульц походя рвал тонюсенькие (ради облегчения веса) морозовские тросовые лесенки и на замечания типа: „Ты, Андрюха, кончай строевым по пещере ходить! Кто будет лестницы ремонтировать?“ беззлобно отстреливался в том смысле, что: „Если вы «штатские» такие умные, так что ж вы тогда строим не ходите?“ Кадровый офицер СА в пещере? Если не считать майора Бондала из крымской спелеокогорты, что-то я больше и не припомню среди нас таких отчаянных. Но — слово тогда еще майору Шульцу.

«Возраст участников экспедиции в Снежную в 1978 году выглядел солидно: от 25 до 43 лет. Всего 9 человек, почти все — с высшим образованием, семейные, представители разных городов страны.

... И вот год подготовки, закупки продуктов, их упаковки, герметизации, подготовки общественного снаряжения (около полутора километров одних только веревок и лестниц) и других необходимых дел и волнений закончен. Всего в пещеру на себе было спущено (как мы говорим — „загружено“) около тонны грузов. А ведь этому предшествовал их подъем на самый верх Бзыбского хребта!

Был разработан график: в зависимости от сроков очередного отпуска, его продолжительности и необходимости в людях на том или ином этапе штурма, — каждый из нас получил свою задачу, напарника и свой план работы.

Первая группа имела целью навеску снаряжения на верхних колодцах. Вторая, пройдя по готовой навеске, штурмует непройденное никем и, в основном, действует по обстоятельствам. Она же протягивает телефонный кабель для связи с поверхностью, где у нас „на погоде“ в течение месяца, в одиночестве, среди гор, тумана и дождя сидел Валя Беляев.

Третья группа, в составе которой мне и предстояло работать, спускается вниз к моменту начала подъема второй, встречается с ней и занимается транспортировкой грузов на поверхность, в то время как вторая группа налегке поднимается наверх и спешит домой до окончания отпуска.

С моим напарником Георгием Людковским мы встретились прямо перед отъездом на Курском вокзале в Москве. До этого мы ни разу не виделись и не были знакомы. Я только и знал о нем, что у него трое детей и парень (42 года) он хороший. Нам предстояло в самом тесном общении провести ближайшие три недели. Не штурм, а эксперимент на психологическую совместимость!»

Особенностью тех полулегальных экспедиций на запредельные глубины была известная нехватка надежных кадров. Надо было как-то ухитриться, не раздувая численности состава, справиться со все возрастающей массой снаряжения и мешков с жизнеобеспечением. Да и как раздуешь численность, если сроки экспедиций выходили за всякие „разумные“ числа — где отпуска-то брать? Брали.

«Каждый из членов этой экспедиции провел под землей от 18 до 32 суток, не выходя на поверхность. И это в одном дне пути до теплого Черного моря! Спелеотуризм — своеобразный вид отдыха, не для всех понятный.»

Если для могучего офицера Шульца путешествия по Снежной представлялись „видом отдыха“, то для его штатских коллег это была серьезная работа.

«Новая тактика определилась, прежде всего, большой протяженностью и сложностью пещеры. Все экспедиции проходили не иначе как посреди „стада“ мешков, которые мы гнали перед собой. Как показал опыт последующих экспедиций, иного способа прохождения Снежной пока не разработано.

Из Гудауты, от моря, на которое мы лишь успели посмотреть, уезжаем автобусом до поселка Дурипш. Местных жителей приводит в бурное изумление вид наших огромных рюкзаков. Один из первых вопросов — сколько вам за это платят?»

* * *

Через 3 года после описываемых событий стоим с ленинградцем Олегом Демченко на заросшем дурной травой Дурипшском стадионе, мирно беседуя с празднично шатающимся абхазом.

— Вы куда идете?

— В горы.

— Я вчера спустился. Коров пасу. Вы в пещеру?

— В пещеру.

— Слушай, а сколько вам за это платят, а?

Переглядываемся с Олегом.

— Ну, — начинаю я, — в день четвертной, да высокогорные десять процентов, да подземные тринадцать, да. . .

— Да безводные семь, — подхватывает Олег.

— Да премия пятьдесят!..

Вижу, как туманятся в мысленных подсчетах глаза простого абхазского пастуха. С минуту он молчит. Потом глаза его округляются, руки разводятся в стороны ладонями вверх и из-под щегольских усов вырывается классическое:

— Ва! Так ты же больше меня зарабатываешь, дарагой!

Посмотрел с уважением, поцокал языком и удалился.

Чего себя дураками выставляешь, правда?

* * *

Так что там, Андрей, было у вас в ту экспедицию?

«Подъем к Снежной дался тяжело. Вес рюкзака превышал 60 кг, местами его удобнее было делить на две ноши. В первый день хлестал ливень: второй прошел в тумане: третий — при ярком солнце.

Отдыхать у пещеры было некогда. На следующий день, 21 июля, начали спуск.

Пещера сразу поразила своей враждебностью. Есть пещеры красивые, есть даже уютные, но эта будто бы хочет прокричать тебе в лицо: „Тебе не место здесь, человек!“

Назло пропасти и себе идем вниз.

Верхние 200 метров колодцев проложены в снегу и льду. Из-за сквозняка, который чувствуется в разной степени по всей пещере, лед тает. Ледяная жижа вперемешку с глиной сводит пальцы рук. Как хорошо, что мы в гидрокомбинезонах! Иначе давно были бы мокрыми до нитки. Ужасно противно капает сверху. Захлопывающийся карабин мелкими брызгами грязи уже давно покрыл все лицо. Иногда кажется, что конца этим ледяным щелям не будет. Но телефонный кабель, проложенный нашими друзьями при спуске вниз, продолжает тянуться над нашими головами. Ребята здесь проходили. Перед спуском Беляев нам сообщил, что несколько дней назад, пока он, собирая сухие веточки карликовой ивы для костра, отлучился из лагеря, пастухи (неизвестно зачем) украли из его палатки два портативных телефона, один из которых был предназначен для нашей двойки, другой — Беляеву для обеспечения связи с группами под землей: кроме сообщения данных метеосводки, он должен был играть роль диспетчера между группами. Кража, предусмотреть которую было невозможно (ведь мы с детства привыкли, что пастухи бывают только хорошие), не только поставила под серьезную опасность всю экспедицию, но и сыграла злую шутку с нашей двойкой. Дело было в том, что штурмовая группа, самая многочисленная по составу, стремясь облегчить нашу работу, в общем потоке грузов забросила под землю не только питание и топливо на нас, но прихватила и гидрокостюм Георгия. Питание и топливо нам оставляли равномерно в каждом из промежуточных лагерей, а вот о нахождении „гидры“ должны были сообщить по телефону. Позднее выяснилось, что гидрокостюм был оставлен в подземном лагере под названием „Галерея“ (над Большим колодцем, что и правильно, так как именно отсюда начинается вода, прим. мои, К.Б.С.). Лагерь находится в стороне от основного хода, и мы с Георгием его прошли, не заметив. В итоге Георгий достиг глубины — 680 метров без гидрокостюма!»

Не только Георгий Людковский мог бы похвастаться таким безгидрокостюмным хождением по Снежной, но в те времена это было действительно серьезным достижением.

«А пока мы двигались вдоль теперь уже бесполезного кабеля, в голову лезли грустные мысли, мы знали, насколько обеспокоены отсутствием связи наши товарищи под землей, каким бессмысленным стало теперь пребывание и ожидание у пещеры такого одинокого и уже далекого Беляева. На поверхности утро. Солнце встает. . . В горах оно такое красивое. . .

Поскользнувшись, падаю. Срыв моментально приводит в чувство. Самостраховка сработала, веревка, цепляясь за потолок

наклонного обледенелого колодца, звонко гудит.

Вот и зал. Его называют Большим, хотя в пещере есть залы значительно больше. Он открывается неожиданно, и, как многие залы Снежной, начинается узкой щелью, в которой не развернуться, и сразу уходит в пустоту. Постепенно потолок исчезает из видимости, и уже ничего не видно, кроме 4–5 метров веревки над головой. Ощущение беспредельной пустоты, как в космосе.

Первый подземный лагерь. Ночь прошла плохо. Слишком много переживаний для одного дня.

Второй день ушел на протаскивание грузов через так называемый „Шкуродер“ — узкое место подземного хода, в которое с трудом удастся протиснуться. Если сначала транспортные мешки, в одном из которых были фотоаппараты, бережно передавали из рук в руки, то теперь мы их просто швыряем по склону. И ничего — фотоаппараты целехоньки. Один из транспортных мешков, который я изо всех сил пытаюсь выпихнуть перед собой из „Шкуродера“, никак не хочет подчиняться. Наконец, я в бешенстве пинаю его так, что он, как пробка, вылетает из „Шкуродера“ и... прямехонько скатывается в боковую щель, узкую и длинную. Многих трудов стоило его оттуда вызволить.

ПБЛ-2 (подземный базовый лагерь) наши предшественники оборудовали в Сухом зале, где действительно было сухо, тихо и тепло. (Ума не приложу, где это в Снежной они откопали такое райское местечко? прим. мои, К.Б.С.). Нам было так хорошо, что мы проспали 26 часов, честное слово. Проснувшись, долго спорили, какой день и время суток. Хорошо, что у Георгия были часы с календарем.

Следующий день (условный день — это время, когда мы не спали) был посвящен Большому колодцу (около 160 м) Спуск в него представляет собой сомнительное удовольствие.

И вот мы на глубине — 500 метров в Университетском зале, которым заканчивается Большой колодец. В колодце немилосердно поливает. Впереди — самая сложная часть пещеры — обводненная.

...Пожалуй, из всего, что нам удалось увидеть и прочувствовать, — это самое красивое. Красота заключалась не в изяществе сталактитов, сталагмитов и т.п., их там почти нет, а в бешенстве бушующего подземного ручья, неукротимой силе реки, в которую он впадает.

На каждом каскаде — великолепный водопад. Упругая струя воды, переливаясь в лучах наших фонарей, описывает крутую дугу и с шумом колотится о камни или упрямо колотит в ею же пробитую и наполненную водой ванну.

Вот где нужны надувные лодки, гидрокостюмы, умение плавать и ходить „в распоре“, то есть, имея под собой пустоту щели, распираться спиной, ногами и локтями в стены и видеть далеко внизу (или хотя бы слышать) как несется искрящийся поток, и продвигаться, продвигаться вперед и вниз, пока это будет возможно!

Все, нам с Георгием дальше не пройти. Дважды окунувшись

с головой в воду, он говорит, что для одной экспедиции этого хватит. Возвращаемся в Университетский зал. Будем сушиться и ждать наших друзей здесь.

Неизвестность, она угнетает, от мрачных мыслей некуда деться, Как там наши ребята внизу, может быть, им нужна помощь?! Но ведь их много, кто-то ведь должен до нас добраться, сообщить страшную весть... Мы не имеем возможности идти вниз, но и вверх, бросив товарищей, дороги нет.

Прошел день, другой, неделя. На поверхности, наверное, гроза: водопад, падающий с потолка в наш зал, превратился в сплошной столб воды, наша палатка, стоящая на склоне завала, колышется на ветерке, рождаемом водопадом, который ревет уже несколько часов.

На десятый день принимаем решение: если через сутки вестей не будет, — идем вниз. Единственный на двоих гидрокостюм — использовать по обстановке.

На следующее утро до нас донесся звон упавшей пустой канистры. Сначала не поверили: показалось?! Напряженно прислушиваемся. Водопад все время рождает слуховые галлюцинации: то крики, то стоны, то чьи-то песни, разговоры... Но нет, опять брякнуло! Идут!!! Но все ли в порядке?

Вот уже появились фонари. Они устали, голодные, драные, счастливые. Все благополучно! Штурмовая группа экспедиции, „увеличив“ глубину пропасти на 300 метров, дошла до отметки —1000⁶⁰ и начала подъем.

Кстати, несколькими днями раньше связь все-таки удалось восстановить. Пустив в дело детали ремнабора, Беляев сконструировал новый аппарат! И вот телефон заговорил, но мы об этом не знали. На поверхности уже заморозки, А у нас как было 3—4 градуса, так и будет здесь вечно.

... Выходили четыре дня. К поверхности приблизились на рассвете. Сначала свет наших фонарей начал тускнеть, потом мы увидели проникающие во входную воронку лучи восходящего солнца. А вот и небо! Опьяненный теплым ветерком, яркими красками горной осени, долго валялся на траве у входа в пропасть.

... Тогда было ясно — если мы в Снежной ушли глубже дна Киевской, значит, рекорд наш. Этим рекордом и была, прежде всего, знаменательна эта экспедиция. Рекордом мы вернули ленту первенства Снежной и тем самым заложили первый камень следующего этапа ее исследований. В честь этого события получил свое название водопад Рекордный — предел, до которого была пройдена Снежная в 1978 году.»⁶¹

⁶⁰ Позднее оказалось, что водопад Рекордный находится на отметке —940 м.

⁶¹ А. К. Шульц „Путешествие в пропасть“.

* * *

Об успехе группы „Снежная“ знали немногие. Все хранилось в строжайшем секрете. Первопроходцы справедливо опасались реакции Илюхина и ЦСС, уже прославивших себя пиратскими действиями. В мае 1978 года, забрасывая в пещеру продукты и снаряжение для решающего летнего штурма, снежинцы принимали все возможные меры для сохранения своих замыслов в тайне, а грузов в сохранности. В укромном месте пещеры был устроен тайник, где и замаскировали доставленное снаряжение и жизнеобеспечение будущей экспедиции.

«... Вдруг Саша (Морозов, поясн. мое, К.Б.С.) остановился и прокричал бодрым голосом:

— Теперь успех нашего дела в ваших руках. Если не дотаци-те вещи до тайника, Илюхин летом все конфискует!»⁶²

Как говорится, комментарии излишни.

И все же слухи о прорыве в Снежной не могли не просочиться в „народ“. Читаем Усикова:

«После открытий 1977 года мы передали новые планы Снежной Ноздрачеву. Спелеологи МГУ дали слово без нашего разрешения не разглашать эту информацию и слово сдержали.

Произошел забавный случай. В Москву приехал спелеолог из Красноярска. Войдя в клуб, он первым делом обратился к Фурману с вопросом: „Ну, не томи, рассказывай быстрее, как вам удалось пройти Пятый завал в Снежной?“ В зале наступила заинтересованная тишина. Спелеологи МГУ тоже обратились во внимание. У Фурмана глаза полезли на лоб:

— Там не было москвичей. Там вообще никого не было в 1977 году!

Ему да не знать, кто где был!

Красноярец оторопел и стал потом горячиться. Даже чертить схему, поясняющую, где, собственно, удалось пройти завал. Но Фурман смотрел на него, как на тяжелобольного. Спелеологи МГУ тоже подошли поближе и стали восклицать:

— Надо же, а мы и не знали!

В общем, красноярец решил, что их секцию здорово разыграл какой-то шутник-спелеолог из Москвы, который в Адлере битый час заливал про Снежную... Кому же тогда верить?»

* * *

Поверим Тане Немченко, непосредственной участнице последовавших событий, и увидим их теперь уже глазами члена штурмовой группы — той самой, которую десять суток ожидали Шульц с Людковским в Университетском зале:

⁶² Д. А. Усиков „Глазами друзей“, сборник „20 лет секции спелеологии МГУ“, Москва, „Самиздат“, 1982 год.

«Через год Даниэль и Саша организовали новую экспедицию. К ним присоединились Виктор Кондратьев из группы „Троглодитов“ и Татьяна Немченко из МГУ, так что получилось две штурмовые двойки: Усиков — Немченко и Морозов — Кондратьев. Разведочный лагерь разбили в зале Победы и приступили к осаде Шестого завала. Каждый шел своим путем. Но удача снова сопутствовала Даниэлю. Через два часа акробатических лазаний в недрах завала перед ним, как всегда под землей — внезапно, распахнулись просторы неведомого зала. Это был очень тихий зал. Только редкие удары одиноких капель отмеряли ход времени. Огромные камни образовывали как бы гигантские ступени уходящей вниз лестницы. В глубине зала высилось природное строение: посередине площадки на двух колоссальных глыбах лежала столь же массивная перемычка, напоминающая мегалитическое культовое сооружение. Зал так и назвали — „Дольмен“.

Следующие за завалом 400 метров река протекла по широкому тоннелю и поэтому измельчала. Частые глыбовые навалы преодолевались без задержки. Но вот Снежная пещера одумалась и воздвигла Седьмой завал. Однако на этот раз каменный кроссворд был предложен уже опытным игрокам, и, выйдя лазаньем метров десять вверх по вертикальной стене, спелеологи оказались в небольшом зале, где со стен падал ручей, а на дне отыскалась сравнительно ровная площадка. Было все, что надо под землей для установки удобного, защищенного от паводков лагеря.»

Лагерь был настолько удобным, что в августе 81-го года у входа в Снежную у меня родилась песенка „Седьмой завал“.

Мы с Лешей выскребались из дыры,
Все в проводах, в снегах Большого зала
Искали мы тот проклятый порыв,
А вы сидели на Седьмом завале.

Мы вылезли и даже отоспались,
А через сутки отыскивали связь,
И услышали радостно: „Сидим в Седьмом завале.
Поспали вот, живем, не торопясь“.

Весь вечер не смолкал магнитофон:
Высоцкий с „Бони М“, сплетаясь, мчались в бездну,
Вы собирались вниз идти, но сон
Вам показался все-таки полезней.

...

И вот на море я — волна о берег бьется!
Тревожиться, понятно, не пристало,
Но мысль шальная все нет-нет, да и вернется:
А вдруг все там же вы — в родном Седьмом завале?

Я сомневался зря. После воспетого в пещерном эпосе солидного отдыха с преферансом на Седьмом завале наши штурмовики установили тогда

новый Всесоюзный рекорд. Но все это: наши с Лешей Лацисом поиски порванного на самом входе в пещеру телефонного провода, музыкальные передачи по этому самому проводу в глубь пещеры, новый рекорд страны — все это было потом: через три года. А пока. . .

«Нижний выход из зала был открыт, надо было лишь спуститься по лестнице на 10 метров на дно широкого каньона. По правому его борту вливались притоки и, как потом оказалось, когда на поверхности идут сильные дожди, эти притоки образуют эффектные водяные завесы.

Река, скрытая завалом, бурлила внизу, а дорога дальше шла слегка вверх по осыпи. Только метров через двести удалось спуститься к реке, к красивому пятиметровому водопаду, низвергающемуся в тесный каменный котел. Здесь каньон реки резко сужался, а расклиненные на разных высотах глыбы образовали как бы несколько эфемерных ярусов. Река была глубокой. Движение воды почти не ощущалось.

Снежная поднималась в списке глубочайших пещер мира выше и выше. Но очень медленно. Все время дорога шла вверх-вниз по завалам, как по зубьям гигантской пилы. Только после нескольких часов пути первооткрыватели услышали вновь гул и грохот воды — узкий „Каньон“ превратился в „Гремящий“ зал. Вырвавшись на волю, река неистово билась о камни, отчаянно падала с уступов и неуклонно устремлялась вниз. Куда?

Хорошо промытые камни высоко над водой свидетельствовали о том, что путешествовать по реке в плохую погоду небезопасно. Но о погоде ничего не было известно. У телефониста на поверхности дети абхазских пастухов украли телефоны. (И Беляеву пришлось играть в конструктор из ремнабора по принципу „Сделай сам“, прим. мои, К.Б.С.). Некоторое время положение спасал электронный наблюдатель за погодой. Каждые десять минут в двоичном коде он сообщал, сколько стаканов воды проходит через его водосборную воронку. Но несколько дней назад, во время очень сильного ливня, он „захлебнулся“, и что-то испортилось в электрической схеме. Поэтому приходилось постоянно следить за рекой: если вода начнет подниматься, нужно срочно искать пути к спасению.

После Гремящего зала пошли перекаты и быстрины. Река бешено неслась по уступам — шум, пена, брызги. И все время — вниз, вниз! По плану пещера делает здесь крутой поворот. Этот участок реки был назван „Зигзаг удачи“ (во-первых, потому, что пещера набирала глубину, и это была удача! а во-вторых, потому, что только удача может спасти застигнутого здесь в недобрый час паводка спелеолога). Финальный аккорд этого участка был просто великолепен. Разогнавшись по наклонному ходу, река мощно обрушивалась двадцатипятиметровым водопадом. Его тут же называли „Рекордным“. Вбить крюк не удалось: молоток сломался и улетел в черноту колодца. Буквально в сантиметрах от пульсирующей струи водопада удалось спуститься вниз на 15 метров. Здесь кончилась последняя лестница, так что полю-

боваться снизу всем мощным сливом водопада не удалось.»

* * *

Вот так в 1979 году группа „Снежная“ перевалила Шестой завал, вышла на „Мелкую реку“, миновала Седьмой завал, Гремящий зал и остановилась перед водопадом, справедливо названным „Рекордный“. Для Снежной.

Потому что рекорд Киевской, даже укороченный Илюхиным, все еще оставался Всесоюзным. Снежная дала „только“ –940 метров. Но... в отличие от КилСИ, она продолжалась!

1.5. Битва черных великанов

Надо полагать, что наши западные коллеги все это время тоже не сидели, сложа руки. Еще в 1966 году для исследования карста на массиве Пьер-сен-Мартен создается международная организация АРСИП. Во главе ее становятся испанец Карантен Кефелен и бельгиец профессор Марк Козинс — один из первых исследователей одноименной с массивом пропасти Пьер-сен-Мартен (ПСМ). Геологические исследования этого района показали, что теоретически пещерная система ПСМ может иметь денивеляцию до 1800 метров, и хозяева этой супер-пропасти чувствовали себя достаточно уверенно. Перспективы в овладении Пятым полюсом планеты у них были прекрасные.

Подбирал слово для обозначения глубочайшей пропасти планеты, и вдруг подумалось: насколько прочно понятие первенства связано в нашем сознании с высотой. В чем бы то ни было. Кто выше — тот и впереди! А почему, собственно? Почему, скажем, не правее? И наоборот, все, расположенное пространственно ниже, ассоциируется с чем-то недостойным, последним. Крепко въелась в нас пирамидальная структура построения общества. А ведь гораздо приятнее было бы жить не в том обществе, где одни поплевают тебе на голову, а другие подлизывают пятки, а в социуме равных индивидуумов, ориентированном на приоритет каждой отдельной личности. Такое обустройство „муравейника“ мне видится оптимальным — то есть общество горизонтального построения и, желательно, в один слой. „Ишь, чего захотел!“ — подумают многие. — „Сам-то понял, что написал?“

* * *

Но вернемся к битве за глубину. Дядюшка ПСМ чувствовал себя прекрасно и уверенно. Правда, некоторое беспокойство вызвала была старая соперница — Берже. После прохождения в 1968 году спелеоаквалангистами Парижского клуба на Сене донных сифонов пропасти — Гуффер Берже неожиданно подступила к ПСМ почти вплотную: –1141 метр. Всего десяток метров разделяло двух подземных гигантов, соперничающих в борьбе за мировую корону! Увы, это был последний на то время рывок королевы Веркора. Когда в феврале 1981 года (13-ю годами позже!) кто-то из отчаянных парней прорвался через конечный сифон соседней пропасти Гуффер Поджия, соединив ее с Берже, и общая денивеляция системы составила 1198 метров, — все основные соперники были уже далеко впереди.

К 1973 году ПСМ закрепил свое превосходство. Обратив взоры горé, спелеологи АРСИП один за другим открывают и присоединяют к основной пропасти выше лежащие входы в систему: М-3, М-13 и СЦ-3. Такие буквенно-цифровые имена входов появляются в ходе поисковых работ, когда каждой карстовой воронке исследуемого района присваиваются порядковые номера и буквенные индексы, соответствующие условному коду группы, ведущей поиск, или принятой топографической маркировке района. Соединение вновь найденных входов с основной системой ПСМ привело к новой сенсации: был пройден рубеж –1300 метров, и денивеляция системы стала 1332 метра. Было от чего призадуматься. Рядом, совсем рядом маячил заветный полуторакилометровый рубеж!

* * *

Тогда, в 1973 году, казалось, что все соперники ПСМ в битве за подземный Эверест безнадежно отстали. А тем временем на сцену постепенно выступает новый супер-гигант: Гуфр Жан-Бернар. Исследование этой пропасти начинается в 1963 году, когда группа „Вулкан“ из Лиона наталкивается в Савойских Альпах на зияющий вход в неизвестную пещеру, куда сразу же удалось спуститься на 100 метров. В том же году при исследовании расположенной неподалеку пропасти Гуль де Фоссуоби при неожиданном паводке погибают двое французских спелеологов — Жан Дюпон и Бернар Раффи. В память о погибших вновь открытая пещера получает название Жан-Бернар. Исследование этой замечательной пропасти, полное увлекательных и, порой, драматических событий, продолжается по сей день. Но вернемся к началу.

Постепенно, за 10 лет исследований, глубина Жан-Бернар вырастает до –600 метров, что, в общем-то, не могло кого-нибудь сильно вдохновить или напугать. И все же! Количество метров потихоньку нарастало, приближаясь к критической массе, чтобы скачком изменить качество. Пока величественный Пьер-сен-Мартен купался в лучах славы, новичок из Савойи готовился сократить разрыв. И вот в 1975 году Жан-Бернар начинает стремительно расти! Происходит это опять же за счет присоединения к основной системе выше расположенных входов. Два таких вновь найденных входа: В-19 и У-4, за один год увеличили денивеляцию Жан-Бернар с 623-х до 1208-ми метров! Но и на этом дело не остановилось. 1 января 1976 года одна из работавших в пропасти групп проходит галерею Сезам и выходит к сифону на глубине –1298 метров.

«Ясно, что 34 метра, отделявшие систему по глубине от Пьер-сен-Мартен, заставляли нас интенсивно искать продолжение и вверх и вниз», — пишут участники тех событий Б. Ли, К. Оль и К. Регальди.⁶³

Победа маячила на расстоянии руки, и спелеологическая активность в Жан-Бернар достигла величайшего напряжения.

«Зимняя экспедиция 77 года в нижнюю часть системы (подъем в зале Хаоса) не дала результатов. Все экспедиции 78–79 годов проходили на грани срыва из-за плохих метеоусловий.

⁶³ „Система Жан-Бернар (Сэммоэн, Верхняя Савойя)“, „Spelunka“, № 7, Paris, 1982 год.

Несколько экспедиций в верхней части потерпели неудачу. Напорные⁶⁴ галереи кончались глиняными завалами, пробиться через которые не удавалось. Нам довелось насладиться подъемом на искусственных опорах⁶⁵ в неопрене⁶⁶ под водопадом.

Надо отметить, что из-за тяжелых метеоусловий больше одной—двух экспедиций в год проводить не удавалось. При этом желающих было немного, и тех ненадолго хватало в упомянутом водопаде. Мы поднялись метров на 40 и ничего не добились, назвав водопад „Умывальник“.

Другая серия подъемов на крючьях от реки „Нечистот“ позволила нам обосноваться в зале, представляющем основание широкого колодца.

В феврале 1979 года после новой попытки подъема в „Умывальник“ мы, для поправки здоровья, устроили большую прогулку по поверхности, и нашли вход, открытый, несмотря на обилие снега. Из входа сильно дуло. Это была В-21. Полость, известная с 68 года, считалась законченной. И действительно, в узости на дне входного колодца не было ничего интересного и привлекательного. Нам пришлось подождать до таяния снегов и за пять июльских дней взорвать узость, пробиться через шкуродер, идущий за вторым колодцем, и затем быстро осуществить соединение: 136-метровая вертикаль привела нас в зал на реке „Нечистот“, в котором мы уже побывали в августе 1877 года.

Это соединение увеличило глубину пещеры до рекордного уровня: –1358 метров.»

ПСМ чувствовал, что вот-вот придется уступить напористым парням из Савойи. Но ничего поделать не мог. Темп в его исследованиях был потерян: несколько лет экспедиции АРСИП ничего не могли прибавить к уже пройденному—ни вниз, ни вверх. Правда, через пять лет после описанных событий, в 1982 году, пропасть Пуэрте (М-31) на отметке –400 метров вдруг дала неизвестное ранее продолжение и вывела на небольшую речку, которая через несколько километров соединилась с притоком Ларенб пропасти ПСМ на глубине –580. Это новое соединение довело амплитуду ПСМ до 1342 метров и добавило 5 километров к суммарной протяженности его ходов, но—не спасло положение. Гигант Атлантических Пиренеев отступил на вторую позицию.

⁶⁴**Напорные галереи**—пещерные ходы, выработанные потоками, текущими снизу вверх под напором за счет перепада уровней и давления подземных „сообщающихся сосудов“.

⁶⁵**Искусственные опоры**—в отличие от свободного лазания или скалолазания со страховкой, лазание на искусственных опорах подразумевает забивание в скалу крючьев, использование закладных и других специальных видов снаряжения с использованием их не только для страховки, но и для передвижения.

⁶⁶**Неопрен**—имеются в виду гидрокостюмы, так называемого, „мокрого“ типа из пористой резины, которые, в отличие от водозащитных гидрокостюмов „сухого“ типа не предохраняют от намочения. Их термоизоляция основана на том, что вода, единожды промолив костюм насквозь, больше не циркулирует в его порах, нагревается теплом человеческого тела и сама, вместе с материалом костюма, является теплоизолятором.

* * *

А в это время группа „Снежная“ продолжала наращивать результаты. Когда после экспедиции 1978 года глубина Снежной стала –940 метров, Киевская замаячила совсем близко! А Снежной не видно было конца. . .

„Частная русская спелеология“ удивляла свет не только достигнутыми глубинами. Со вкусом поплеывая на общепринятые нормы и правила безопасности, составы участников рекордных экспедиций по численности неуклонно стремились к нулю. „Меньше народа— больше кислорода!“ Не прошло и нескольких месяцев, как в июне 79-го в Снежную отправляется экспедиция из. . . двух человек— командира Данилы Усикова и бойца Татьяны Немченко.

— Шли мы не как-нибудь — с телефоном! — вспоминала потом при нашей встрече в Москве Таня. — Данила то убежал назад, то вперед — все линию проверял да перетягивал. Ну, а мне что оставалось? Понятно, — тащить мешки!

«. . . Снежники на склонах гор в июне стояли только наполовину, поэтому воды в подземной реке оказалось неожиданно много. Там, где раньше можно было идти свободно, теперь приходилось натягивать веревочные перила, иначе невозможно было преодолеть течение.

Наконец, водопад Рекордный. И вот, после стольких ожиданий, можно полюбоваться им снизу, из небольшого зала. Вокруг свистел шквальный ветер, насыщенный влагой до предела. Стоял невообразимый грохот. Все вместе производило самое мрачное впечатление. Но вот несколько поворотов, и картина, как это часто бывало в Снежной, резко изменилась. Впереди простиралась гладь величественных водных галерей. Ноги приятно слегка утопали в мелкой гальке. Блики от фонарей серебрились, как лунные дорожки на море. Вдаль бежало и замирало гулкое эхо от шагов. Здесь жила первозданная тишина. Отшлифованные водой стены уходили и терялись далеко наверху. Казалось, все дышало спокойствием. И это было не угрюмое спокойствие подвала. Река и свежий воздух делали это место удивительно живым.

Место очередного лагеря выбрали на глинистой осыпи в 20-ти метрах над рекой — месте, которое теперь известно как „Глиняный завал“.»

Спелеолог одинок в своих открытиях, и мир, который он открывает, по-настоящему его мир. Мелодия пещеры может быть угрюмой, грозной, радостной, но несомненно одно: для тех, кто идет первым, она всегда волнующа.

Татьяне и Даниэлю посчастливилось в экспедиции 1979 года открыть до 3-х километров восхитительных подземных галерей на глубинах около километра. Спелеолог в полной мере понимает, какая это редчайшая удача. За Глиняным завалом широкое русло реки сначала выписывало зигзаги, а потом превратилось в узкую, шириной меньше метра и прямую, как стрела, щель. И так 100 метров, пока на смену ей на глубине –1015 метров не пришел водопад „Озерный“. С десяти метров вода падала в огромное

почти круглой формы озеро. И там, где исчезала пена, в свете фонаря, можно было увидеть сверху черноту воды, пугающую своей бездонностью. Спустились в озеро и переплыли его. Дальше пошли лагуны, перекаты, мелкие завальчики, быстрины — чего только не было! Наверное, впервые в своей спелеологической жизни Татьяна и Даниэль устали от открытий. Место назвали красноречиво — „Нудная река“. Но Снежная — пещера контрастов. Нудная река рушилась в каскад водопадов, каких еще не было. Рев и грохот. Река бьется и петляет среди причудливых зубцов и гребней скал, до блеска отполированных водой. Одним словом, „Ревущий каскад“. Теперь глубина нарастает с каждым шагом. О чем еще можно мечтать? Чудесное место! Но — как ушат холодной воды на голову: на дне Ревущего каскада возникает глыбовая стена очередного завала.

Очевидного прохода не было. Тогда решили пообедать. Но завал не захотел превратиться в ресторан и сдался почти без боя. Пока Таня готовила кашу, Даниэль нашел проход.

За завалом, образуя гигантские ступени над рекой, открылся новый зал („ИГАН“). Река ревела в 30-ти метрах ниже. Преодолели целый каскад небольших колодцев и оказались в месте, где река, разбиваясь об уступы на тысячи брызг, гигантским душем исчезала в жерле огромного колодца, наверное, самого широкого во всей пещере. Даже входной колодец показался бы просто игрушечным рядом с этим исполином. Измерили лотом — глубина оказалась 32 метра. Назвали этот величественный водопад „Олимпийским“. По плану и по замерам барометра глубина пещеры дошла до уже —1230 метров, а длина магистрального хода приближалась к 10 километрам!

Так, в 1979 году, миниатюрная девушка-москвичка с тихим голосом, превзойдя рекорд киевлянки Крапивниковой, стала „самой глубинной женщиной“ СССР.

— Знаешь, как они меня называли? — шутливо обижалась Таня. — Самой „низко опустившейся“!

Итак, доблестная двойка дошла до водопада „Олимпийский“ (страна готовилась принять Олимпиаду-80!) на отметке —1230⁶⁷. Киевская осталась позади! Теперь уже километровый барьер в пропастях Союза рухнул с гарантией. И неожиданно совсем близко замаячили титулованные иностранцы. Неужели, дотянемся? Трудно было поверить в такую возможность.

* * *

Кто-то не мог поверить, а кто-то и не хотел. Первооткрыватели не могли сообщить о своих успехах в Снежной ни в печати, ни по телевидению.

Комиссия спелеотуризма при Центральном Совете по туризму и экскурсиям и Комиссия по карстоведению и спелеологии при Академии Наук СССР ревностно следили за тем, чтобы никто из „диких“ не всплыл на поверхность. В ту и другую входили почти одни и те же люди, обе возглавлял В. Илюхин. И хотя все спелеологи СССР знали о последних достижениях в Снежной, советские спелеоласти упорно не признавали этих открытий, по-прежнему указывая в официальных сводках глубину —720 метров. Очень хотелось зарегистрировать рекорд на свое имя! С этой целью летом

⁶⁷По другим сведениям —1190 м.

1979 года была собрана специальная группа⁶⁸, которой предстояло „открыть“ самую глубокую пещеру СССР. Популярная в СССР телепередача „Клуб кинопутешественников“ готовилась сообщать телезрителям об этой „грандиозной экспедиции“.

Выходя из пещеры, Татьяна и Даниэль встретили „официальных“ спелеологов, только что прибывших вертолетом. Как видим, обеспечение было солидным. Однако „штатные рекордсмены“ споткнулись все о тот же „заколдованный“ Пятый завал, так и не найдя подъем в зал Победы. Правда, это не помешало их руководителям О. Падалко и А. Ефремову бодро сообщить с экранов телевизоров, что они были первыми людьми, сумевшими выйти в гигантские залы над „Пятым“ завалом. Было торжественно обещано, что уже на следующий год они непременно достигнут километра, так как у них есть предчувствие, что пещера Снежная еще скажет свое слово. Предчувствие их не обмануло...

Я помню ту передачу в „Клубе кинопутешественников“, почему-то запомнились кадры подземного лагеря (снятые, видимо, ночью на земле, о чем прозрачно намекала трава на ближнем плане). И еще почему-то резанула барская снисходительность Юрия Сенкевича, с какой он вел разговор с явно чувствовавшими себя неуютно „первопроходцами“. Ну, как же, нам, ходившим с Хейердалом!..

Бесславная экспедиция оставила после себя чудовищный телевизионный кабель, по сей день вмёрзший в ледовую часть Снежной. А еще — ту самую, легендарную, фразу останкинского кинооператора: „Я был в Снежной дважды — первый и последний раз!“

* * *

«Здесь надо сказать несколько слов признательности А. П. Александрову, бывшему тогда президентом Академии наук СССР. Летом 1979 года он поручил Институту АН СССР курировать экспедицию Усикова-Немченко, а затем — и Морозова. Благодаря официальной поддержке института и лично президента Академии наук, осенью в газетах „Правда“ и „Комсомольская правда“, наконец, появились публикации об открытиях в Снежной. На следующий день в редакции газеты „Правда“ появился В. Илюхин с официальным письмом в руках, напечатанном на бланке все той же Академии наук СССР, в котором утверждалось, что на самом деле никаких открытий не было. И здесь он получил совершенно обескураживший его ответ от чиновника газеты. На требование опубликовать опровержение ему твердо пояснили (прямо по Жванецкому), что все, что публикуется в „Правде“ — правда, а поэтому опровергать собственно нечего.»

Нашла коса на камень!

⁶⁸Таня пишет „группа специальных людей“. Если вдуматься, то и этой транскрипции есть своя соль.

* * *

В том же 1979 году на Бзыби произошло еще одно, на первый взгляд неприметное событие. В урочище Абац, что со стороны дороги на Рицу, крымские спелеологи под руководством Г. С. Пантюхина на дне неказистой карстовой воронки открыли новую пещеру. Это позднее, в 1981 году, пещеру назвали именем его брата — погибшего ранее альпиниста-спелеолога Вячеслава Пантюхина. А пока она значилась на съемочных схемах под скромной маркой Кр-1. Пещера начиналась труднопроходимой слабонаклонной галереей длиной 200 метров, и на глубине –70 вдруг проваливалась в мощный колодец...

Кто тогда мог подумать, что народился еще один будущий гигант? Разве придет в голову, глядя на иную заурядную воронку, откуда слегка поддувает на рассвете ветерок, что это дверца в когорту исполинов?

... Даже самая великая пропасть всегда начинается с первого колодца.

* * *

Зрело в Москве и по Союзу недовольство сложившейся в спелеотуризме обстановкой. Ворчали и готовились к бунту низовые секции и группы. Были недовольны Илюхиным и в Центральном Совете по туризму и экскурсиям — слишком резок, слишком на многое замахивается, рвется в Международный Союз Спелеологов, жить спокойно не хочет. Илюхин имел волевою натуру авторитарного склада и, понятно, многим не нравился.

Хорошо помню, как в конце семидесятых начинался процесс объединения московских „дикарей“. По всей стране разлетались письма из „штаба восстания“ — секции МГУ, за подписью одного из ее лидеров — Николая Чеботарева. На Кропоткинской, напротив знаменитого бассейна Москва, в старой квартире у Аксакала (так любовно звали Сашу Морозова друга) собирался идейный центр сопротивления во главе с искрометным Данилой Усиковым. Здесь обсуждались планы грядущих экспедиций в Снежную, вперемешку с планами свержения илюхинской диктатуры.

В 1977 году по стечению обстоятельств я меняю жительство с Москвы на Усть-Каменогорск. Теперь я мог наблюдать картину разворачивающихся событий как бы со стороны, глазами периферийных секций.

Большую работу в плане информации вела в те годы чета спелеологов из Одессы — Леонид и Алла Суховой, кто по роду своей работы часто бывали в Москве, Ленинграде, других городах Союза, и были в курсе всех перипетий. А самое главное — они не ленились писать письма и подпитывали информацией „провинциальную“ спелеообщественность.

Буря вызревала давно. Еще в 1971 году в Новосибирске Сопровождение представителей спелеологических секций Сибири и Дальнего Востока приняло обращение к пленуму Центральной секции спелеотуризма — в попытке ослабить централизацию, железной лапой душившую спелеотуризм в стране:

«... На наш взгляд основным тормозом (развития спелеотуризма, пояснения мои, К.Б.С.) явилась политика, проводимая ЦС спелеотуризма: система проволочек, излишний централизм, недоверие к местным секциям, безответственное отношение к

судьбам спелеологических секций... Парадоксально, но большинство местных секций относится к ЦС спелеотуризма как некоему ограничивающему органу, положение, представительство и устав которого никому не известен, и который не может оказать никакой существенной помощи.»

„Лед тронулся“ в мае 1979 года, когда Центральная федерация самостоятельного туризма ЦСТЭ приняла новую систему подготовки туристских кадров. Эта система предусматривала большую свободу низовых секций на местах. Спелеотуризм, как один из видов самостоятельного туризма, тоже получал, таким образом, возможность выйти из-под диктата Центральной спелеокомиссии. Илюхина это не устраивало.

Время решительной схватки настало. Вся прогрессивная спелеообщественность страны понимала, что нам представляется уникальный шанс демократизировать спелеотуризм, разрушить тоталитарную пирамиду его строения, укоротить централизацию. Увы, среди нас были и те, кого вполне устраивало существовавшее положение: друзья и соратники Илюхина, местные царьки и князьки от спелеотуризма других регионов страны.

Все происходило точно так же, как и в других политических игрищах нашей эпохи. Во все концы страны летели письма двух противоборствующих группировок. Лидеры созывали соратников под свои знамена. Единодушия в стране не было. Часть спелеосекций поддерживали Илюхина, часть — Усикова, ставшего к тому времени общепризнанным лидером „спелеонелегалов“. Чаши весов неопределенно покачивались. И все же тучи над прежним составом ЦС спелеотуризма и его безраздельным владычеством сгущались все ощутимее. Вот пулеметные строчки борьбы, взятые мной из писем, во множестве приходивших тогда в Усть-Каменогорск:

«Нынешнее руководство Центральной спелеокомиссии спелеотуризма всячески цепляется за старую систему подготовки кадров. Они готовы даже ввести новую систему, но с оговорками. Если таких оговорок не будет, то областные спелеокомиссии получат самостоятельность, что равносильно провалу старой системы, которая насаждалась годами.»

Самостоятельность! Об этом можно было только мечтать...

«Костя, если ты знаешь фрунзенских спелеологов (Фрунзе — ныне город Бишкек, пояснения мои, К.Б.С.), то напиши, что они ведут сейчас себя неправильно. Сбигнев ответил Чеботареву в очень резких тонах, обвиняя его в смуте. Очевидно, они не понимают происходящих в Москве событий.»

Илюхинская диктатура трещала по всем швам.

«В настоящее время работа Центральной комиссии спелеотуризма рассмотрена Президиумом Центральной федерации самостоятельного туризма и признана неудовлетворительной. Создан оргкомитет, который совместно с аттестационной и дисциплинарной комиссиями Московского облтурсовета занимается аттестацией и восстановлением в правах „диких“ спелеологов. Уже аттестовано более 150 человек. 24 февраля 1980 года. Суховой Л. Н. Суховой А. Д.»

Это был сильный удар. Нокдаун. Переворот набирал силу, но победить мы могли только „конституционным“ путем, действуя в рамках и по правилам бюрократической структуры системы советов по туризму и экскурсиям и их марионеточных федераций туризма.

«28–29 февраля 80 г. состоялось заседание центральной комиссии спелеотуризма (ЦКС), на котором, кроме московских членов, присутствовали иногородние: Коврижных (Ленинград), Дублянский (Симферополь), Рыжков (Свердловск), а также приглашенные: Пантюхин (Крым), Ковалев и Шорохов (Красноярск), Ткачук (Львов), Суховой Л. и А., Белоус (Украина). От ЦСТиЭ—Симаков В. И., Журавлев С. В., Тихомиров В. А., Княжин С. А. и др. На заседании рассматривались итоги работы ЦКС в 1976–79 г. . .

Начальник отдела самодеятельного туризма Симаков информировал присутствующих о факте использования Илюхиным В. В. незаконного бланка Центрального Совета и искажении фактов в письме на нем. . . »

Погружаясь снова в эти, далекие уже, события, испытываешь большое желание считать, что именно борьба нелегалов — „диких“ кейверов и спелеообщественности привела к свержению Илюхинской диктатуры и демократизации спелеотуризма в стране.

Но нужно смотреть на вещи реалистично. Не московская спелеообщественность свергла Илюхина — опираясь на нас, с ним сводили счета старые товарищи по Центральному совету. Спелеообщественность страны создавала фон, а истинные тяги двигались и скрежетали за кулисами. Устраняли ставшего неудобным, слишком самостоятельного, Илюхина, теми же методами, какими, расправляясь с оппонентами, пользовался он сам, какими не брезговали во всех эшелонах прогнившего коммунистического государства. Да и сейчас ими не брезгуют политики, вне зависимости от государственного строя. Каждое лыко в строку! Ну, скажите — при чем здесь какой-то „незаконный“ бланк? Старый добрый принцип: для достижения политических целей — все средства хороши.

Бланком дело, понятно, не ограничилось.

«. . . В информации председателя Центральной Федерации туризма Тихомирова В. Д. подчеркнута глубокая заинтересованность так называемых „диких“ московских спелеотуристов, проходящих в настоящее время аттестацию. . .

Тихомиров отметил, что такой сильной централизации, какая существует сейчас в спелеотуризме, нет ни в одном виде туризма. Необходимо срочно исправить это ненормальное положение.

Тихомиров предъявил претензии к руководству ЦКС, что в библиотеке Московского клуба туристов хранится всего 45 отчетов о спелеопутешествиях (по предварительным подсчетам их должно быть более 200). Отсутствие отчетов, подчеркнул он, не дает возможности аттестовать спелеотуристов при переходе к новой системе подготовки кадров.»

И снова знакомый пиратский почерк. Судьбу этих отчетов, буквально похищенных илюхинцами и скрывааемых под кроватью в одной из московских квартир, долго обсуждали в Москве. Так они и канули где-то.

Никто не хотел уступить без боя, и в ход шли все средства.

«В информации тов. Шишкова, председателя дисциплинарной комиссии, в частности отмечалось, что при тщательном рассмотрении документов по дисквалификации Усикова, Антонова и других „диких“ установлено превышение полномочий (формулировка „пожизненно дисквалифицировать“ и т.д.), во многих случаях для дисквалификации не было достаточных причин. В отдельных случаях руководство ЦКС вело себя незачтливо по отношению к „диким“ (письмо на работу Усикову и т.п.)»

В адрес центральной спелеокомиссии были высказаны претензии и критические замечания в выступлениях Пантюхина, Белоусова, Ковалева, Рыжкова и др. 1.03.80. Суховой.»

* * *

Отвлекаясь от политических баталий, хочется коротко сказать об Антонове, одном из ярких лидеров Московского спелеотуризма, тоже подвергшемся Илюхинским репрессиям. Вернее, о его группе. Созданная Антоновым группа „Кристалл“ дала советскому кейвингу много замечательных имен. Но самым замечательным явилось новаторство „Кристалла“ в области спелеотехники и снаряжения. В 60-х годах Антонов и его сподвижники предложили альтернативный способ штурма подземных вертикалей — вместо синтетических веревок использовать стальной трос. При этом антоновцы не только поднимались по тросу, что в последующие годы получило широкое распространение в СССР, но и спускались по нему, что так и не обрело популярности. Спуск по тросу происходил при помощи специальных устройств на основе деревянных тормозных блоков, а так же на зажимах, в порядке обратном подъему.

«Пятого мая (1978-го, уточнения мои, К.Б.С.) мы спустились к Хапкулче за оставшимися вещами, — вспоминает Д. А. Усиков об одной из экспедиций в Снежную⁶⁹. — На нашей тропе в снегу стояли трое юношей. Судя по белым лицам — не спелеологи МГУ. Как выражаются в детективах: „Кто же это сел нам на хвост?“

„Нас зовут „Кристалл“, — представились преследователи. Так мы лицом к лицу столкнулись с еще одной неофициальной группой (как-то у нас закрепилось называть ее „бандой Антонова“). К мягкому месту наших новых знакомых были привязаны подушечки. (Чтобы не больно падать?) За чашкой чая и кашей мы поговорили за спелеологию.

Юноши подтвердили то, что рассказывал Ноздрачев. Они собираются установить в Снежной рекорд: спуститься до Пятого завала за один день. А сейчас они пришли посмотреть, где же

⁶⁹ Д. А. Усиков „Глазами друзей“, сборник „20 лет секции спелеологии МГУ“, Москва, „Самиздат“, 1982 год.

вход в эту самую „Снежную“, где осенью всему миру будет продемонстрировано преимущество тросового снаряжения. Пока что Антонов решительно покончил с веревками, устроив в ноябре 1977 года аукцион по распродаже устаревшего снаряжения. В связи с этим инцидентом любопытно заметить, что спелеологи МГУ, нуждающиеся в веревках, вынуждены были на аукционе уступить перед ценой, предложенной одной дикой группой — что-то около рубля за метр. Вот так инфляция!»

Да-а... Что же теперь-то сказать, в наше гиперинфлированное время!

«Саша (Ноздрачев, прим. мои, К.Б.С.) так понял, что у антоновцев практикуются телесные наказания. Антоновцы ему не понравились. Автор пока тоже не в восторге. Ему уже пришлось встречаться на Караби с представителями этой группы. Свой лагерь у колодца Дублянского они оформили в стиле „а ля Махно“. За водой в приличную даль, вдобавок в тумане, послался все один и тот же новичок, который явно был „на побегушках“. Он каким-то чудом находил дорогу к колодцу, наверно, ведомый нестерпимой жаждой, но обратно его приходилось отводить. Своим нарочито подчеркнутым анархизмом антоновцы произвели тогда на автора какое-то несерьезное впечатление. В то же время они очень доброжелательно показали и дали фотографировать новинки своего тросового снаряжения.»

Оставим Усикову его впечатления об антоновцах, но их новаторство в области спелеотехники бесспорно заслуживает уважения.

* * *

А политические страсти не утихали. Эхо московских событий шло по всей стране. Перебираю письма Лени Сухова.

«Майские праздники провели в Крыму. Виделись со всеми симферопольскими друзьями, а также с челябинцами (Баранов Семен проводил лагерь). Мы с Пантюхиным взяли его в оборот за то, что они поддерживали Илюхина. Он, вроде, согласился, что зря поддерживали — у них тоже дел и забот много, как выяснилось.

29 апреля 80 года Центральная федерация признала работу центральной спелеокомиссии неудовлетворительной, а состав несоответствующим. Сейчас Илюхина приглашают к Пасечному, а он не идет, так как понял, что предложат оставить кресло. Ну и пока никаких изменений.

В майские праздники бывшие „дикари“ все выезды провели безаварийно...»

Это было очень важно — в тот смутный период не допустить никаких аварий в экспедициях легализовавшихся, наконец, нелегалов, что мгновенно было бы использовано оппозицией.

И снова становится горько. Даже самостоятельно избрать руководство спелеотуризмом мы были не в праве. Для этого требовалось решение ЦСТиЭ! Вся туристская система федераций была создана чиновниками от туризма на принципах ужасающего бесправия общественности, полной подчиненности произволу бюрократического аппарата советов.

„Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!“

Ладно, возразят мне, а сейчас что, лучше?

Может быть, и не лучше. Но теперь мы хоть понимаем, к чему надо стремиться.

Весной 1980-го в советском спелеотуризме установилось шаткое двоевластие: Московская комиссия спелеотуризма перешла в руки бывших „дикарей“, — позиции Центральной спелеокомиссии оставались в руках Илюхинцев. Такое положение сохранялось до середины лета.

«3 июля 80 г. В Москве пока затишье. Усиков, как председатель московской комиссии потихоньку работает. Илюхин по собственному желанию уйти не пожелал. Теперь ЦС будет его „уходить“, но это уже осенью...»

Это была агония старой власти.

«30 июля 80 г. Ребят из московской комиссии (новой) ввели в состав Бюро Центральной спелеокомиссии (Усиков, Людковский, Морозов, Чеботарев и др.) Илюхинцы сорвали в этом году инструкторский сбор. Теперь пиши в Одессу. Суховой.»

Медленно, но верно наступали новые порядки. Новые люди становились к рулю советского спелеотуризма. Неохотно, огрызаясь, уходили прежние.

Невольно думаешь — зачем все это было? Неужели не хватало на всех пещер? Неужели мало было гор? Почему так часто, стоит иному оказаться у власти, он тут же пытается всех пригнуть под себя, сводить счеты, диктовать правила?

«18 октября 1980 г. Сейчас обстановка следующая. В Московской комиссии усиковцы, они же вошли в состав Центральной комиссии. МКК в их руках. Но кадровая комиссия и председатель (Сайфи, Фурман) еще старые. То есть их мероприятия сейчас большинством голосов можно провалить, но и свои дела не сдвинуть. Так Илюхин и Падалко „провалили“ инструкторский сбор 80 года. Теперь они могут завалить план 81 года и т.д.»

О чем думали эти люди, считавшие себя спелеологами? Неужели не понимали, какой вред наносят всему спелеологическому движению в стране, своим коллегам, таким же, как они, любителям пещер? Почему личные амбиции затмевают в нас любовь и честное отношение к своему делу — делу, выбранному добровольно, на алтарь которого мы кладем свои жизни? В чем сладость яда власти, превращающего человека в слепое бездушное отвратительное создание?

«Красноярцы в ноябрьские праздники с 1 по 7 (80-го) проводят семинар судей по спелеотуризму. И хотят под этой вывеской

провести всесоюзный пленум председателей и представителей секций и „скинуть“ Илюхина. Дело в том, что переутверждение состава Центральной Федерации будет в мае 81 года...»

Прослышав про семинар судей, я рванул в Красноярск. Собралось нас человек тридцать, в основном с Алтая, из Сибири и Дальнего Востока. Из Москвы приехал Усиков, из Симферополя — Пантюхин. Размещались в здании Красноярского филиала ИПК⁷⁰. Днем шли занятия по плану, во второй половине дня — политические дебаты. Помимо всего, Усиков привез слайды с рекламой только-только изобретенной группой „Снежная“ модульной упаковки продуктов. Это впечатляло больше политики.

Поздно вечером красноярцы увозили дорогих гостей — в клуб, а мы оставались в ИПК делиться впечатлениями.

В то же время мне не давал покою очень серьезный для меня вопрос — как получить у Иконникова ужасно необходимую мне справку спелеолагеря 2-го года обучения? Без справки я не мог заниматься со школьниками в своем Усть-Каменогорске. Потому что по еще не отмененным тогда правилам без такой справки самостоятельно по пещерам ходить запрещалось (!). Официально ходить. А неофициально ходить с детьми я не мог — все пещеры были далеко, и каждая вылазка превращалась в целую экспедицию с соответствующим оформлением документов.

Сегодня это может показаться странным, но многие из нас в то время вынуждены были заниматься детскими секциями, чтобы иметь возможность вообще заниматься пещерами дольше, чем один трудовой отпуск в году. Водить же подростков в походы, всегда было и остается весьма благодарным, но очень опасным делом, где пренебрегать бумажками могут только непрофессионалы. Короче, я ходил за Иконниковым до тех пор, пока Гена не сломался и не выдал мне документ следующего содержания:

Федерация туризма Красноярского краевого совета
по туризму и экскурсиям

С П Р А В К А о сдаче экзаменов экстерном

Тов. Серафимов К.Б. сдал экстерном экзамены по программе спелеолагеря 2-го года с оценкой:

по теоретическому курсу - 4 (хор.)

по технике и тактике туризма - 4 (хор.)

Тов. Серафимов К.Б. может быть допущен к стажировке на турбазе ВК Облтурсовета.

Председатель комиссии по туристским общественным кадрам. ...

Член комиссии Иконников Г.С.

12.11.1980 г.

Как я радовался! Спасибо тебе, Гена!

... Часам к двум-трем ночи красноярцы привозили „дорогих гостей“ обратно в ИПК — отдыхать. Несмотря на студёный ноябрь, окно в нашей

⁷⁰ИПК — Институт повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций.

комнате распахивалось (парадный вход ИПК ночью на замке) и ко мне на кровать, по несчастью стоявшую под этим окном, падал Геннадий Серафимович Пантюхин, благоухая чистейшими сортами сибирского спирта. Как возвращался Усиков, я не чувствовал — он жил в другой комнате.

И второй, главный для меня, итог Красноярского совещания — удалось договориться с Усиковым об участии в их экспедиции в Снежную летом 1981 года.

— Ты позвони после Нового года, — улыбнулся Данила. — Будем комплектовать состав и все решим.

* * *

Московские события кругами раскатывались по стране, вовлекая в политическую возню все новые и новые слои спелеообщественности. Это, вообще, характерная для России черта, отмеченная еще А. Солженицыным в известном „Архипелаге ГУЛАГ“: едва затеют что-нибудь в центре — как тут же по стране прокатывается волна аналогичных действий. Будто все только того и ждут, не в силах без толчка из центра сделать что-либо самостоятельно.

Да и как сделаешь при пирамидальном строении всего общества? Чем выше пирамида — тем сильнее давление в ее нижних слоях...

«16.12.80. ... Была в ноябре в Ленинграде, виделась со спелеологами. У них там тоже смена власти: Голода и Коврижных Колю уже не выбрали в руководство, они всем надоели, как и Илюхин. Готовятся, по примеру Москвы, провести у себя аттестацию „диких“ спелеологов.

Усиковцы работают в Снежной... Алла Суховой.»

* * *

До сих пор бережно храню, как дорогую реликвию, пачку справок за проведенные спелеопутешествия, полученные мною при переаттестации в Москве, вместе с другими московскими „дикарями“, пожелавшими выйти из подполья и влиться в официальный спелеотуризм.

Как сильна в нас жажда признания другими своих, пусть самых скромных, но достижений! Сегодня я понимаю всю суетность устремлений, связанных с получением справок, значков, званий. А в марте 1980-го специально вырвался из Усть-Каменогорска в Москву, чтобы успеть на переаттестацию. Успел, получил справки, пообщался с друзьями и остался страшно доволен. Так они мне и не пригодились, эти справки — остались сувенирами нелегкого, но очень интересного времени.

Что справки? Истинную ценность имеют только само дело и люди, идущие рядом по выбранному тобой пути. И все же так хочется признания! В мире людей, что бы ни делали, мы тешим себя надеждой, что это кому-то нужно — кому-то еще, кроме нас...

Тлеет костер, варится суп с консервами.
Скажут о нас — были ребята первыми,
Вспомнит о нас кто-нибудь понимающий:

Видно прошли трудным путем товарищи.⁷¹

* * *

Как уже оговорился, в марте 1980-го я прибыл на переаттестацию в Москву — из Усть-Каменогорска, за добрых четыре тысячи километров. В память врезались людные комнаты ЦС по туризму, где проходила переаттестация и выдача справок за проведенные путешествия в пещеры. Отчеты илюхинцы так и не вернули, поэтому нам предлагалось составить краткие отчеты по всем сколько-нибудь сложным путешествиям. За пещеры до „тройки“ включительно справки выдавались без всяких отчетов.

Там же — последняя встреча с Илюхиным: высоким и каким-то хмуро-изможденным — таким остался он в моей памяти. Последняя, потому что два года спустя Илюхин погиб. Возвращаясь летом 1982 года из кавказской экспедиции на Арабику, в вечерних сумерках попал в Гантиади под УАЗик, шедший на обгон автобуса, на котором ехала их группа.

Имя В. В. Илюхина было присвоено одной из крупнейших пещерных систем массива Арабика — Перовская-Волчья. В память о выдающемся деятеле советского кейвинга.

Горько, когда человек уходит из жизни. Пусть соперник, пусть во многом чужой, но в главном — единомышленник. Илюхин любил пещеры и отдал им слишком много, чтобы можно было просто так вычеркнуть его из памяти. Только за то, что он был по другую сторону баррикад. Любовь к пещерам не должна нас разъединять и делать врагами — этому нет оправдания.

Место Илюхина в ЦКС занял не менее выдающийся спелеолог, замечательный человек, руководитель и вдохновитель многочисленных экспедиций в пропасть Снежная Александр Игоревич Морозов. Сражение „гномов“ завершилось. Как суетны человеческие страсти в молчании исполинов Природы!

* * *

В 1979–80 годах в кругу претендентов на Мировую Корону Глубины появилась целая компания новорожденных. Как и все новорожденные, на первых порах они мало чем отличались от своих многочисленных более мелких собратьев, в изобилии усеивающих высокогорные карстовые районы мира.

В СССР „пошли“, дали продолжения, пропасти массива Арабика на Западном Кавказе.

Группа из Куйбышева (ныне Самара, прим. мои, К.Б.С.) под руководством Дичинского открывает вход в пещеру, названную ими по имени родного города — Куйбышевская.

Неподалеку от урочища Орто-Балаган, где расположена Куйбышевская, в соседней троговой — сформированной древним ледником, долине, москвичам из Перовского клуба (куда, кстати, после потери позиций у всесоюзного руля, перебрались многие бывшие члены илюхинской центральной спелеосекции); так вот, перовцам неожиданно удалось раскопать снежную

⁷¹Юрий Визбор „Белая земля“.

пробку в скального порога — ригеля, куда некогда упирался древний ледник. Ледник потрудились на славу. В глубину массива шла крутонаклонная галерея. Пещеру назвали Перовская.

Оживала и секция МГУ. В 1979 году в район Снежной отправляется первая после долгого перерыва — на политические баталии, поисковая экспедиция. Экспедицию возглавил Юра Шакир.

«Днем под палящими лучами солнца ребята заглядывали и бросали камни во все щели, которые видели, и ворочали камни над теми, которых не видели, а вечером у костра рассказывали о результатах поиска за день⁷². И вот в один из таких дней кто-то из участников экспедиции обратил внимание на небольшую щель, из которой дуло.»

Так и хочется вставить: „Он кинул туда камень — дуло исчезло!“ И хочется уточнить — человека обратившего внимание на „дуло“ звали Александр Дегтяренко, а первым шагнул в пустоту новой пещеры дебютант МГУшной экспедиции Нарулло Ахунов из Узбекистана⁷³. Но послушаем Глебова.

«Щель раскопали. Человек в нее уже пролезал, хотя и со скрипом. В тот день прошли входной колодец, пробрались между глыбами к наклонному крутому ходу, усыпанными многочисленными камнями, и остановились на огромной глыбе, висящей над небольшим залом. Дальше не хватало лестницы.

На второй день пещеру чуть не „заткнули“. Перевесив лестницу в более удобное место, спустились в зал, который имел явный уклон. Ребята, конечно, направились вниз и вскоре уперлись в плоское сухое дно. Дальше хода не было.

К счастью, человек имеет способность смотреть не только себе под ноги. Довольно скоро в полутора метрах выше обнаружили вход в широкую галерею. В конце ее в полу имелась заманчивая черная щель — узкая и длинная. Мы подобрались к щели, окружили ее, бросили камешек и замерли. Секунды две было тихо. Потом послышался звук удара, дальше посыпались другие камни, которые явно бились о новые и новые уступы, шум уходил вниз, пока не затих где-то в глубине пещеры.

Мы обалдело посмотрели друг на друга и внезапно в один голос издали радостный вопль.»

Пещеру решили назвать в память погибшего спелеолога МГУ, одного из первых исследователей Бзыби, Сергея Меженного.

Итак — вот они, четыре новых претендента: пропасти имени Вячеслава Пантюхина и Сергея Меженного на Бзыби и две надежды на Арабике — Перовская и Куйбышевская.

Запомним эти имена.

⁷²В. Глебов „Шахта Меженного: история открытия“, „Глазами друзей“, сборник „20 лет секции спелеологии МГУ“, Москва, „Самиздат“, 1982 г.

⁷³Ю. Шакир „Искать, надо искать!“, „Ветер странствий“ № 25 1990 год.

* * *

Тем временем в Испании происходит не менее замечательное событие. 15 августа 1979 года Ж. Ф. Пернет открывает новую интересную пропасть — БУ-56. БУ-56 имеет и более романтическое по звучанию название: Сима де лас Пуэртас де Ильамина. Вход в нее находится в испанской части массива Пьер-сен-Мартен в провинции Наварра. Этот район Испании носит название „Ларра“. Его поверхность представляет собой внушительный труднодоступный каменный хаос без капли воды⁷⁴. Достаточно подняться на гребень Сьерра д'Аньллара или на вершину Пакиса и пересечь простирающееся перед глазами пустынное плато Анимаркандиа До Пунто Альто де Укерди, чтобы получить полную уверенность в том, что именно здесь должен брать начало мощный источник карстовых вод Ильамина или Тру дю Сорсье... Жан-Франсуа так описывает свои первые метры в БУ-56:

«Я закрепил 60-метровую веревку за выступ и спустился 20 метров на фирновый гребень, по которому и съехал верхом на дно первого колодца. На глубине 65 метров поток воздуха уходил из основного меандрирующего хода в узкое отверстие. Осторожно протиснувшись в это отверстие, я сумел приподнять огромную глыбу, которая, пролетев метра два, упала в воду. Обливаясь потом, я стал протискиваться дальше, следуя за изгибами узкого лаза. Проход не кончался; я позвал товарища, который шел следом за мной, но ответа не получил. Очевидно, он остался по ту сторону узости. Перед следующим препятствием поверну назад, подумал я, спускаясь с уступа. Ход расширился, уступы следовали один за другим, и у меня появилась надежда. Передо мной зияла пустота, по-видимому, довольно большого объема; на дне журчал ручеек, дул ветер, но не осталось ни метра веревки!»

Ну, разве можно было сюда не вернуться? И вот в следующем году начался, самый, наверно, впечатляющий, шторм неизвестной пропасти таких размеров, какой оказалась БУ-56. Напомним, что при первом спуске Пернет достиг глубины всего 90 метров. Теперь пещера разворачивала перед исследователями сотни и сотни метров колодцев, ходов и галерей, взвинчивая азарт, распалемый лежащей в руки Удачей.

«... Мощный ток воздуха неудержимо толкал нас вперед. Напряжение росло: мы были на глубине уже 420 метров, а именно на таких глубинах удавалось выходить в этом районе на мощную подземную реку. Впереди отчетливо слышался гул. В голове пронеслась вихрь мыслей, будет ли на этот раз так, как в колодцах Лонне-Пейре, АН-3, Лепине, выйдем ли на большую реку? Еще один поворот меандра, и вот он, долгожданный момент! Жерар Буке чуть ли не бегом спускается еще на три метра и останавливается на сланцевом полу.

Мы вышли в красивую галерею, и теперь бежим по ней, подталкиваемые мощным потоком воздуха. Надежда растет,

⁷⁴Здесь и далее по материалам “Spelunka” № 9, 1983, Жан-Франсуа Пернет, Ришар Мэр „Сима де лас Пуэртас де Ильамина (БУ-56)” в переводе А. И. Морозова.

похоже, что мы можем вскоре выйти в огромную галерею — коллектор, которая, как предполагалось, должна находиться непосредственно под осью Укерди.

Но на глубине 475 метров мы упираемся в сифон. Ток воздуха исчез на глубине 460 метров, и мы возвращаемся, как убитые...»

Штурм неизвестного — это взлеты и падения надежд. Мы стремимся вперед в нетерпении увидеть все новые и новые галереи и колодцы. Но с каждым шагом мы приближаем тот момент, когда пещера закончится. И уткнувшись лицом в мокрый камень последней галереи, уронив луч фонаря в зеркало последнего сифона, мы останавливаемся в горьком раздвоении: радость открытия омрачена концом пути.

Это — как жизнь. Смерть неизбежна, но от этого жизнь не становится отвратительной. Жизнь — это непрерывный процесс, стремящийся к концу так же, как мы стремимся ко дну неведомой пещеры, страстно желая отдалить этот конец, если уж невозможно совсем его избежать.

А если пропасть вдруг окажется бездонной — не растворится ли в вечном движении радость победы? Чтобы ощутить величину и значение достигнутого — нужен отсчет, нужна конечная точка. Чтобы понять, как пахнет вода, нужно испытать смертельную жажду. Чтобы почувствовать наслаждение жизнью — надо хоть раз ощутить дыхание смерти на грани возможного. Не приведет ли бессмертие к бесцельности жизни?

«Через два дня мы снова проникли в „Меандро Оптимидо“. Ток воздуха становился все сильнее. На альтиметре глубина 450 метров. Те несколько мгновений, в течение которых мы с максимально возможной скоростью, согнувшись под нависшим сводом, преодолеваем ход, превратившийся в неширокую фреатическую (напорную, пробитую напорными водами, пояс. мои, К.Б.С.) галерею, были исключительно напряженными. И вдруг мы останавливаемся перед зияющей пустотой наверху завала. Шум реки наполняет всю пещеру. На этот раз мы победили!

Красивый поток струится по обвальной галерее шириной около 20 метров. Через 300 метров уклон галереи резко увеличивается. Здесь река напоминает другие реки массива: вода падает пенистыми каскадами по мрачным каменным желобам с блестящей отполированной поверхностью.

...Дольше пришлось двигаться на лодках. Через 150 метров ход вышел в другой зал, на первый взгляд — глухой. Река исчезла между глыб, а мы с замиранием сердца поднялись на завал, круто обрывающийся в глубине зала. Это место было так похоже на дно Посо Эстелья...

Наверху завала под потолком можно было исследовать ряд узких проходов, но в них не было никакого движения воздуха. Мы продолжали упорно искать, и, наконец, раздался счастливый возглас Ж. П. Блана: „Посмотрите сюда... Он просто огромен!“ Это было начало зала „Ронкаль“...»

Окрыленные успехом, группы одна за другой уходят все глубже. Вот пройдено 700 метров, 800... На этом этапе исследования становится

ясно, что без подземного лагеря дальше двигаться будет сложно. В самом деле — уже сам спуск на –800 метров и подъем с такой глубины занимают хороший рабочий день! К тому же погода в горах угрожающе портилась. На подземной реке подобных размеров паводок может оказаться кошмарен! В такой ситуации оставалось одно — нанести решающий удар как можно быстрее.

В ударную группу вошли Дан Мартинес, Серж Фюлькран, Ив Паскуаль и Ришар Мэр.

«Мы снова на балконе над угрожающе шумящей рекой. Что ждет нас внизу? К счастью, не приходится забивать шлямбурный крюк: веревку вполне можно навесить за надежный выступ со страховкой за сталагмит. Первым спускается Дан. На 10-м метре спуска он вынужден сделать промежуточную точку закрепления. Река течет в глубоком каньоне шириной более десятка метров. Первые 50 метров удаётся пройти, минув глубокие места и 6-метровый каскад. Дальше 5-метровый уступ приводит к наиболее трудному месту. Паводок здесь должен быть ужасным. Мы с трудом продвигаемся в распоре над пенящимся котлом, погружаясь в воду иногда до пояса. . . И вдруг мы упираемся в сифон! Альтиметр показывает –950 метров. Никаких возможностей продолжения не видно. Мы возвращаемся с кислыми лицами. Совершенно необходимо найти где-то обход!

. . . Ришар и Серж пытаются пробраться через узкий проход, обнаруженный ими в метре от воды. Трещина шириной в 60 см загромождена глыбами, между которыми приходится пробираться, как по настоящему лабиринту. Тока воздуха нет. Но мы ему больше не верим. Серж исчезает в трещине. Через 20 метров трещина выводит в большую галерею. В отдалении слышен гул реки. Есть шанс прорваться! Мы спускаемся еще на 40–50 метров. Отметка 1000 метров достигнута!

Уже совсем поздно мы вчетвером спускаемся в большую галерею Бельагуа. Было бы глупо не насладиться этими незабываемыми моментами. Любопытно, что, несмотря на свои огромные размеры, галерея Бельагуа не кажется враждебной человеку. Громадные глыбы с шапками белых кальцитовых натеков кажутся добродушными. Путь наш проходит по каскаду гуров⁷⁵. Какой контраст с мрачными нагромождениями глыб в зале Ронкаль! Последний очень похож на залы Пьер-сен-Мартен.»

Пропасть с кажущейся легкостью будто приглашает первопроходцев в свои недра. Как донести до читателя густой шум подземной реки, промозглый холод воды, пар, поднимающийся от дыхания, мокрые до нитки одеяния спелеологов? И гулкое эхо шагов в тишине обвальных залов? И голоса — то удивительно громкие в отражении эха от невидимых сводов, то беспомощно глохнущие в реве воды? Все то, что рисуют в воображении, вызывают в памяти эти удивительные строчки замечательного штурма?

⁷⁵Гуры — специфические пещерные образования в виде подпруживающих ручей плотин из кальцита, размерами от мельчайших кружев до гигантских в несколько метров высотой плотин.

В 1980 году экспедиция так и не увидела дна пропасти. На глубине –1192 метра отважная четверка вынуждена была остановиться: не оставалось уже ни снаряжения, ни времени. Под ногами — глубокая трещина, на дне которой неистовствует Рио дю Ринкор де Бельауга. Прекрасен испанский язык! Беспрецедентный случай — за одну экспедицию пройдено 1100 метров денивеляции! Такого еще не знала мировая практика.

* * *

В 1980 году ни одна из советских пропастей не могла еще составить конкуренцию яростной испанке Ильамине. Не говоря уже о том, чтобы угнаться за Жан-Бернар.

И только Снежная — стараниями Усикова-Морозова, мужественно приняла вызов.

Группа „Снежная“ применила новый тактический ход. Усиков теперь работал летом, а Морозов зимой. Глубина пещеры росла — соответственно нарастала массивность экспедиций, продолжавшихся все более и более длительное время. Уже и 20–30 дней подземной работы далеко не предел! Медленно и упорно продвигаются вниз штурмовые группы, неся с собой огромное количество снаряжения. Устанавливаются подземные лагеря. Длительные остановки для восстановления сил, и снова медленное упорное движение вперед. Сегодня, сопоставляя работу в Снежной того периода с исследованиями в пропастях Европы, я невольно прихожу к сравнению, взятому из альпинизма: легкий „альпийский“ стиль европейцев резко контрастировал с тяжелой „гималайской“ тактикой советских экспедиций.

Как бы там ни было, а зимой 80-го года к Снежной отправляется новая экспедиция.

«В декабре 1979 года по подземной реке Снежной плыл целый караван мешков⁷⁶. У него было семь погонщиков. Ребята не спешили. Спешить было некуда: ведь им предстояло провести в Снежной около двух месяцев.

Зимой до входа в пещеру добираться было труднее: глубокий снег, лавины, морозы. Но зато воды в подземной реке было гораздо меньше, чем летом, до весны исчезла угроза паводка, и работать под землей было намного спокойнее. Достигнув зала ИГАН, половина группы спелеологов вернулась назад. Внизу остались Саша Морозов, Георг Людковский и Сева Ещенко. Первыми они спустились по водопаду „Олимпийскому“ в зал „Икс“, как оказалось самый большой в Снежной и до сих пор таинственный. Сразу по языку водопада река сквозь сито мелких валунов проваливалась в нижние этажи пещеры. Для человека дороги не было. В глубине зала крутая осыпь переходила в ровный пол. Отложения на песке в этой нижней сухой части зала говорило о том, что иногда здесь образуется обширное, размером в сотни метров озеро. Зал был слегка вытянутой формы. В дальнем от водопада его конце свод сильно понижался. Гул водопада сюда уже не проникал. Но куда же исчезает река?

⁷⁶Т. А. Немченко „История исследования пещеры Снежная“.

День за днем ребята проводили в поисках выхода из гигантского сумрачного зала. Уже и во сне Саше снился этот неведомый проход. Когда уже казалось, что никакой надежды нет, Саша, наконец, нашел нужное место. Там действительно была щель. Поработали, и — открылся выход в галерею, и снова появилась потерянная река. Она почти бесшумно вливалась в огромный песчаный грот. Это был — зал „Пенелопы“, в честь „терпеливых жен спелеологов“ (к тому времени экспедиция продолжалась уже 70 дней).

И опять река исчезала, на этот раз под осыпью, густо облепленной глиной. Хотя воздух и дул из щелей, казалось, что пройти, как заключил Саша, „абсолютно невозможно“.

Глубина Снежной стала —1320 метров. И, похоже, остановилась. Мнение такого мэтра как Морозов, было очень весомо. Но у каждого своя Удача. И, соблюдая полугодовой цикл, в свою очередь на Бзыбь отправляется Усиков.

«... Летом 1980 года Даниэль Усиков собрал сильную группу, в которую вошли спелеологи Татьяна Немченко, Виктор Козлов, Евгений Войдаков, Олег Кабанов и неискушенный в пещеролазании программист-математик Андрей Дебабов. Очередной завал не устоял перед их дружным натиском. Поднявшись головоломными лазами между монолитным потолком и глыбами на сто (!) метров вверх, спелеологи вышли в небольшой зал — зал „Метростроя“. Но со спуском к реке возникли проблемы...»

* * *

В том же, 1980 году Жан-Бернар, с помощью Патрика Пенеса, пронырнувшего 1-й донный сифон пропасти, перешагнула еще один фантастический рубеж. Глубина системы стала —1410 метров! (При нескольких — подчеркнем это, входах, позволяющих проходить пропасть частями).

Только еще Пьер-сен-Мартен уверенно сохранял за собой вторую позицию, гордо неся свои —1332 метра. И... И вдруг на третье место, вплотную к ПСМ, величаво выступила суровая северянка — Снежная: —1320! Что такое каких-то 12 метров на пути в несколько подземных километров? Почти неуловимая величина в пределах погрешности измерительных приборов! Пока француженка Берже препиралась с испанкой Ильяминой, как скупенькие деревенские красавицы на рынке, подсчитывая метры (—1198 у Берже против —1192 и перспективы прямого продолжения у БУ-56, — тоже впритык!), Снежная безмолвно обошла их, дохнув холодом на соперниц, и встала рядом с ПСМ, меряя его взглядом.

Это была большая победа советского кейвинга.

2. Этот беззащитный суровый мир

2.1. Компоненты успеха

Мы стоим на вершине пологой сопки и безнадежно оглядываем окружающий нас пейзаж. Восточный Казахстан. Верховье реки Буконь. Убедившись в тщетности обежать этот район пешком во время экспедиции 1980 года, семь лет спустя мы с Юрой Бессергеновым приехали сюда на минимопиках. Белые отвесы известняков будят знакомое волнение.

Если бы! Ни одной вороночки нет на поверхности этой известковой горы. Те же, что видны в долине под нашими ногами — редки, разрознены, раскиданы совсем рядом с рекой почти на одном с ней уровне.

Прошли те времена, когда желание найти пещеру порой затмевало здравый смысл. Помню, как в конце семидесятых мы трижды осматривали гранитный массив Аир-тау у Монастырских озер. Расположенный километрах в 50-ти от Усть-Каменогорска, массив этот по красоте и технической сложности вполне может соперничать со знаменитыми красноярскими столбами. Вот только леса нет: редкие заросли карагайника да акации по ущельям. Но скалы! Причудливые силуэты их вершин получили в народе название „Три брата и двенадцать сестер“.

Какие в гранитах пещеры? Наука утверждает, что принципиально это возможно. Но в этих местах настоящие пещеры неизвестны. Местные жители называют пещерами небольшие ходы под обвалившимися гранитными глыбами, неглубокие трещины и расщелины скал. Встречаются, конечно, и другие образования. Мальчишки поселка Гагарино близ Дубогалинского озера, известного в народе по имени Окуньки, показывали нам узкие каналы округлой формы, на несколько метров уходящие в толщу гранитных останцев. Что это? Разрушенные неизвестными процессами рудные тела, остатки инородных включений?

На „Монастырях“ мы трижды обшаривали скалы. И ведь нашли, наконец, что-то похожее на пещеру! Тропа по заросшему ущелью привела к большому гроту. О, как все вокруг напоминало карстовый рельеф! Но... это были граниты. Грот — с роскошной аркой величиной в добрые гаражные ворота, на десяток метров уходил в гранитный обрыв со следами дождевых и весенних потоков. Глыбы слоистого гранита на полу... Творцы этого чуда — вода, мороз да трещиноватость горных пород. Вода, замерзающая в трещинах, раздвигает их, разрушает гранит. Сила земного притяжения валит вниз отслоившиеся плиты. Но почему именно в этом углу скалы? Тайна. В Восточном Казахстане граниты — не редкость. А вот известняки... С известняками напряженка.

И вот — Буконь. Первая же экспедиция обнаружила четыре десятка карстовых воронок разных размеров, несколько пещерок. Но таких маленьких, что просто разводишь руками — чего тут не хватает? Все, вроде, на месте... Известняк — есть. Глаза ломит белизной, и толща в добрую сотню метров. На Западе Украины, в Подолии, в едва достигающем 30 метров слое карстующихся пород, тем не менее, заложены длиннейшие в Евразии пещеры горизонтально-лабиринтового типа. Десятки и сотни (не метров — километров!) пещерных ходов прорезали этот тощенький пласт⁷⁷. А тут —

⁷⁷ Речь идет о длиннейших в мире пещерах в гипсе под украинским городом Тернополем.

ничего.

Это Калбинский хребет Рудного Алтая. А взять Нарымский — на правом берегу Иртыша. Неделю поднималась туда наша поисковая группа. На высоте около 2000 метров — известняки! Казалось бы, кавказские высоты, но... снова неудача. Так... поверхностные карры, слабенькие вороночки, мелкие дырочки. И все! Почему же нет пещер?

В таком же недоумении стояли мы на перевале „Аленка“ под Чимкентом по пути на Улучурское плато. Уж и вовсе, казалось бы, спелео-рай! Скалистые склоны известняков круто уходят в долину, взгляд инстинктивно ищет разверстые входы пещер. Ан нет. Да разве 260 метров Улучурской пропасти — это приличествующая такой толще известняков глубина? Чего не хватает?

* * *

Ну что, мой дружище,
Ты брови нахмурил,
Невесел сегодня с утра?
Уходят на запад
Последние тучи,
И снова жара, жара.

И плато желтеет
Листом обожженным,
На каррах дрожит рассвет.
Мы ищем пещеры,
Мы ищем поноры⁷⁸
Но с нами Удачи нет...⁷⁹

* * *

Может быть — не смогли найти. Не отодвинули именно тот камень — один из тысяч, что ведет в неведомую пропасть. Может быть. Но чаще — увы. Чаще бывает, как в той старинной легенде. Помните? Набрал как-то Бог яблоч (Бог, похоже, был выдумщик!), разрезал каждое пополам и разбросал по земле. И каждый из людей подобрал только по одной половинке. Но по божьей придумке счастливыми могли стать только обладатели обеих половинок яблока. С тех пор бродят по земле люди, встречаются друг с другом, присматриваются: нет, не те половинки! А кому повезло, и повстречались — называют это Любовью. Старая такая легенда.

Вот и с пещерами получается нечто подобное. Только тут Боженька постарался помельче накрошить заветный плод. Так возникли три, как минимум, обязательных условия для образования пещер: помимо наличия карстующихся, то есть растворимых водой, пород, непременно оказалось наличие их трещиноватости и воды. Всего-то. Ну и еще нужен подходящий рельеф местности, чтобы вода не очень стремительно скатывалась по слишком крутым склонам, успевала просочиться под землю, проделать свою работу.

⁷⁸ **Понор** — место исчезновения под землей наземного водотока.

⁷⁹ К. Б. Серафимов „Боролдайская“, 1979 г, плато Боролдай, Каратау.

Всюду, где нет хотя бы одной из этих составляющих Успеха — пещер нет.

На Букони известняк есть, но монолитный: нет трещин, через которые вода может проникнуть в толщу массива, размыть, растворить камень, понаделать ходов. Нарымский хребет. Есть трещинки — хорошие и на приличную глубину. Воды мало. Не балует климат те места осадками. На Улучуре — рельеф подкачал. На крутых склонах гор вода не задерживается, скатывается вниз по пути наименьшего сопротивления — чего ради лезть под землю, когда и по поверхности можно неплохо пробежаться? А вот в окрестностях Улучурской пещеры — плато. Замкнутая котловина — нет стока воде. Поневоле приходится осадкам уходить в глубину по трещинам и разломам. Так образуются карровые поля и воронки, возникают колодцы, пещеры и пропасти. Такие дела.

* * *

На Востоке говорят: „Если у вас чего-либо нет, значит, вам это и не нужно!“

В кейвинге все наоборот. Нужно, а нет. Вот, казалось бы, плато Боролдайт-тау. Хребет Каратау, Западный Тянь-Шань. Такие воронки — глубина, форма, многообещающий вид! — и на Кавказе не часто увидишь. А какие высоты! Какие толщи известняков! А поди ж ты — нет удачи. Глубже 200 метров вниз пройти не удастся. Володя Толмачев, профессионал-гидрогеолог, после длительных библиотечных изысканий вынес приговор: на Боролдае пещер глубже 200 метров быть не может. Почему? А вот почему. Произошло современное геологическое поднятие, водоупорные пласты вознеслись высоко над долиной. И пещеры через них пробиться не смогли. Не успели за отпущенный им коротенький, в несколько десятков или сотен тысяч лет, срок. Темная наука — геология.

И все же — неужели нельзя пройти сквозь водоупор? Смотрим в учебник. Вот. Глубинные тектонические разломы. Во времена геологических катаклизмов, подвижек и смещений пластов раскололи земную твердь огромные трещины. На многие километры, через современные горы и долины, тянутся следы разломов, заметные только тренированному глазу геолога, аэрофотосъемке. Один разлом — хорошо. Два — еще лучше. Особенно, если они пересекутся где-нибудь в подходящем месте. На пересечении разломов скала раздроблена основательнее и на большую глубину. Катись, водичка, работай, делай свое дело!

Вот на таких разломах зачастую и „сидят“ крупнейшие пропасти. По системам параллельных взаимопересекающихся трещин заложены все известные подземные лабиринты. И конечно же, все это там, где сошлись все остальные обязательные условия образования пещер.

* * *

Лабиринты. В обыденном представлении о пещерах страх заблудиться стоит не на последнем месте. Сильнее его разве что страх погибнуть под обвалом.

Со времен Тезея и Ариадны человечество донесло до потомков первые впечатления о спелеоисследованиях лабиринтов. И поныне случается, что начинающие исследователи разматывают за собой катушку ниток, чтобы не заблудиться и вернуться по ней к солнцу. Сколько таких ниточек и проводочков встречалось нам в подземных штреках во времена расцвета „катакомбизма“ — исследований подмосковных катакомб! Нитки путались в сапогах, безжалостно рвались. Что становилось с хозяевами этих путеводных нитей, будь они в это время в катакомбах, можно только догадываться. К счастью, история не сохранила для нас воспоминаний о каких-либо трагических последствиях, связанных с этим. Несмотря на многокилометровые лабиринты, в катакомбах Подмосковья на моей памяти насмерть заблудиться никому не удавалось. Чего нельзя сказать о катакомбах и искусственных выработках других районов бывшего СССР. Именно в антропогенных — созданных руками людей, подземных полостях опасность заблудиться гораздо выше, чем в большинстве природных пещер.

Логика человеческого мышления с ее страстью к унификации отчетливо проступает даже в облике современных городов. Тут в иной новостройке заблудишься, не то что в катакомбе! Пещера же всегда более избирательна к своему внутреннему облику. Ходы не похожи один на другой. Так же как опытный чабан знает „в лицо“ каждую овцу своего многоголового стада, так и опытный спелеолог тренированной памятью фиксирует контуры неотличимых на взгляд новичка пещерных ходов. Но всему есть предел. Есть предел и способности без специального снаряжения ориентироваться под землей. Мало кто может без топокарты и хорошего навыка подземного ориентирования разобраться в решетчатой структуре многокилометровых лабиринтов Восточных Саян в Сибири, Подолии на Украине или Кугитанга в Туркмении. Да еще если лабиринт этот развит не в одной плоскости, а пространственный, многоэтажный. . .

* * *

Начиная разговор о лабиринтах на занятиях юношеской секции спелеотуризма своего клуба, я предлагаю ребятам угадать протяженность самой большой пещеры Евразии. Молчат, потом кто-нибудь посмелее, с заведомой лихвой, выстреливает наудачу: „Двадцать километров!“ Смех, шиканье, чего, мол, дурачишься, по делу спрашивают! Никто с первой попытки не угадывает верно даже порядок, которым измеряется сегодня протяженность крупнейших подземных полостей планеты. А вы как считаете? Попробуйте дать свой прогноз прежде, чем опустите глаза на следующие строчки.

Дали? Хорошо. Теперь проверьте свою догадливость.

Вот шестерка наидлиннейших на начало последнего десятилетия XX века лабиринтовых пещер Мира. При этом мы говорим только о системах, превысивших 100-километровый рубеж. Начнем с конца.

Шестое место занимает пещера Озерная на Западной Украине — 107 000 метров.

Пятое место принадлежит швейцарской системе с трудно произносимым названием, состоящим из явно рекордного числа букв: Зибенэнгсте-Хохгантхеленсистем — 110 000 метров.

На четвертом милонидная американка Джюэл — 123 771 метр.

Третье место у чемпионки Швейцарских Альп Хельлох — 133 050 метров. На втором месте этого триумфального перечня еще одна черноглазая украинка — Оптимистическая, соседка Озерной, — 165 000 метров.

Вот так в то время распределялись места в соревновании за мировую корону Высшей Протяженности.

* * *

Приводя эти (так же, как, впрочем, и другие) цифровые данные, я вынужден заранее принести свои извинения. Дело в том, что подземный мир, в отличие от мира вершин, пребывает в непрерывном движении. Значения глубин и протяженностей, не успев появиться на страницах спелеологической печати, часто тут же устаревают. Экспедиции следуют одна за другой, приносят новые результаты, и угнаться за ними достаточно трудно. Пусть не осудят меня знатоки, если увидят в этих цифрах неверные (на момент прочтения) цифры. Прекрасно, если я уже ошибаюсь. Значит, еще кому-то улыбнулась Удача на нашей общей подземной тропе!

— Ого! — скажет мой любимый Заинтересованный Читатель (чем несказанно потешит душу Автора!). — Если и 165 километров не предел, кто же тогда ее Величество Королева?

Она живет в штате Кентукки, США. Живет, потому что пещеры, как и все сущее на земле, зарождаются, живут и умирают. Результатом соединения двух без преувеличения огромных пещер: Флинт-Ридж и Мамонтовой явилось возникновение величайшей подземной системы Мира, фантастической, я не побоюсь этого слова, протяженности — 530 000 метров!⁸⁰

Вдумаемся — пятьсот тридцать километров подземных ходов, галерей, залов, гротов, колодцев, меандров, расщелин, узостей. И это еще не предел. Спелеологи США продолжают исследования этого удивительного создания Природы, с каждым годом прибавляя к известному новые метры вновь открытых ходов.

* * *

Достижения подземных гигантов фиксируются в нескольких классах. В частности, учитываются рекорды, достигнутые в различных видах горных пород.

Флинт-Ридж-Мамонтова — рекордсменка в известняках (карбонатный карст). Оптимистическая — чемпионка в гипсах (карст сульфатный). Есть пещеры в мергелях, мраморах, доломитах (впрочем, они отнесены к карбонатному карсту).

А вот пещеры в каменной соли — особый отряд, относящийся к явлениям тахикарста. Славен такими пещерами соляной купол Ходжа-Мумин в Таджикистане, а наиболее протяженные исследованы на берегах Мертвого моря в Израиле. Непрочны и изменчивы соляные образования, быстро изменяется форма таких пещер.

Но еще более коварны пещеры в ледниках, как, например, пещера Богдановича под Алма-Атой (ныне Алматы, столица суверенного Казахстана).

⁸⁰Все значения протяженностей пещер приводятся по данным на 1 октября 1989 года, В. Э. Киселев, Москва, Комиссия крупнейших карстовых полостей СССР.

на). Это уже псевдокарст. Лед — не горная порода, хотя внешнее сходство ледовых пещер с карстовыми налицо. Эфемерные пещеры ледников могут менять свою конфигурацию каждый год, поэтому их исследования тоже имеют своеобразный интерес. Есть, как мы уже говорили, пещеры в гранитах и песчаниках. К псевдокарсту относятся и пещеры в зонах вулканической деятельности. Чаще всего это тоннели, образованные некогда жидкой лавой. В России такие пещеры находят на Дальнем Востоке. Их исследования сопряжены с известным риском из-за газоопасности и других вулканических причуд лавовых тоннелей, но от этого не утрачивают своего интереса.

Ищущий да обрящет...

2.2. По следам воды

... Всю ночь бушевала гроза. Кавказские грозы и вообще впечатляющее явление, но такой природной вакханалии никому из нас видеть еще не приходилось. Гроза началась поздним вечером, когда Бзыбь будто утонула во мгле, скрывшей все — и близкий конус Хипсты над Меженного, и россыпь огней Гудаутского побережья под ногами, и гигантскую дугу черноморского горизонта между водой и небом. И тогда зашептались, захлопали пологами палатки, припавшие к поляне Сувенир на подступах к Снежной. В этом морском шуме призрачных парусов пришел сон.

Пробуждение было ужасным. Адский грохот хлестал в уши, и тогда казалось, что болью пробивает барабанные перепонки. Это не раскатистые удары грома средней полосы России или Казахстана. Над Бзыбью стоял сплошной артиллерийский рев, когда нет перерывов между залпами, и все новые и новые батареи вступают в бой.

Сполохи вспарывали тень палатки, и тогда казалось, что мы лежим под открытым небом. Краткое мгновение мрака, и снова огонь — да такой, что горячо глазам сквозь зажмуренные веки. Так, в 1981-м на Бзыби, я впервые ощутил тепло молнии.

* * *

Потом налетел дождь. Будто тяжелой лапой придавил палатку к земле, прогнул полога и скаты крыши. Прорезаемые голубыми блицами молний, с шумом шторма падали на горы струи воды. Только бы не задрался где-нибудь полиэтиленовый тент!

К четверем утра дождь превратился в сплошной ливень. В палатке нас было четверо: Олег Демченко курил, остальные, в том числе некурящие Резван и Демченко-старший, вдыхали синий дым „Беломора“ и тоже не спали. Молчали. В неумолчном грохоте этого природного беспорядка разговаривать было невозможно. Казалось, этому не будет конца.

Неожиданно дождь притих. Я открыл было рот, чтобы констатировать появление надежды на благоприятный исход грозы... И тут налетел шквал. Очевидно, погода решила-таки нас достать, выбить из насиженного гнезда. Ветер ударил самым коварным образом — в мой угол палатки, и сразу же пузырем вогнул внутрь ее скат. Было такое ощущение, что нас сейчас сорвет и покатит по склону горы в сторону моря. Сражение приобретало неожиданный оборот.

— Гитару!!! — скорее догадался, чем услышал я чей-то истошный крик: в голубом сполохе — черное отверстие рта.

Гитару расперли внутри палатки, уткнув грифом в середину наветренного ската, уперлись в крышу руками, ногами, кто чем мог. Казалось, нас сейчас сломает: четверых здоровых мужиков! А как там наши друзья-москвичи? В сереющем сумраке утра сквозь приоткрывшуюся в пологе щель было видно, как у соседних палаток в косых струях дождя снуют согбенные фигуры, что-то подтягивая и укрепляя.

Не успели ленинградцы (а вся троица, кроме меня, представляла славный град на Неве) высказаться в том духе, что „Москву, ясное дело, снесло“, как в нашу палатку пошла вода. Ветер отодрал-таки непромокаемый тент, и теперь наша капроновая хижина становилась легкой добычей „неприятеля“. Первое время мы молча лезли друг на друга, прикрываясь надувными матрацами от водяной пыли, бьющей в палатку сквозь крышу. Когда от воды стало некуда деться, кто-то запел „Варяга“. Наш хриплый хор на какое-то время перекрыл вой ветра, и тот, словно удивившись, притих. Воспользовавшись этой передышкой, мне удалось выбраться из палатки и ликвидировать прорыв обороны (тент-то завернуло с моей стороны!). Будто опомнившись, дождь припустил с новой силой, но было поздно. Гроза постепенно уползала к востоку, обдавая нас арьергардными залпами.

Потом кто-то из Демченков врубил радиоприемник. Сквозь хрип близких разрядов задумчивый голос диктора произнес: „Песня — «Пора домой»“. Рев хохота был ему ответом. Вот уж, что называется, попал в масть! Так начиналась экспедиция „Снежная-81“.

* * *

Заснули только к рассвету, благо, июльская ночь была тепла. А утром поляна Сувенир напоминала побоище: куда ни кинь взгляд — сушатся какие-то тряпки, спальные мешки, носки, комбинезоны. Солнце путается в облаках, что мягкими щенками игриво выкатываются из ущелий снизу, от Хапкулче, лижут наши палатки и растворяются без следа. Если бы не бедлам в лагере, не скажешь, что ночью на нас вылилось целое море воды. Об этом недвусмысленно свидетельствуют оставленные на кухне миски, кружки и котелки, до краев полные дождевой водой. А вокруг — сухо! Куда же девалось это „море“?

Таковы особенности карстовых районов, в считанные минуты атмосферные осадки просачиваются в глубь массива. Называется все это ученым словом — инфильтрация. Есть еще инфлюация — просачивание сквозь горные породы талых снеговых вод. Этот процесс мы тоже наблюдаем воочию — многие воронки вокруг Сувенира, несмотря на июль, еще забиты снегом. Устремляясь вниз с поверхности земли, инфильтрационные и инфлюационные воды промывают пещерные ходы различной ориентации и характера. В верхней части массива эти воды круто стекают вниз, образуя, так называемую, зону вертикальной циркуляции. Результатом деятельности воды в этой зоне являются вертикальные и каскадные колодцы и пропасти — поле деятельности любителей вертикального кейвинга. На Бзыби это первые 400–500 метров по вертикали. Ниже подземные водотоки выполаживаются, образуя зону субгоризонтальной циркуляции. Здесь

превалируют наклонные галереи с текущими по ним реками, водопадами, озерами, прерываемыми обвальными залами. Часто образование таких залов — следствие обрушения перемычек между проработанными подземной рекой этажами пещеры. Свою лепту в пещерообразование вносят и напорные — фреатические, потоки, которые движутся, порой, не только вниз, но и вверх, в самых неожиданных направлениях.

Ниже зоны субгоризонтальной циркуляции подземных вод находится полностью затопленная водой зона сифонной циркуляции. Иногда ее каналы находятся очень глубоко — даже по отношению к местным базисам эрозии: руслам наземных рек. Такие подруслобые стоки становятся страшным врагом гидростроителей, норовя свести на нет усилия по возведению плотин и созданию водохранилищ.

Говоря о подземных водах, нельзя забыть о воде, конденсирующейся на стенах пещеры из паров, содержащихся в воздухе. Конденсационные воды составляют значительный объем в общем дебите карстовых источников, которые именно поэтому не пересыхают даже в засушливые годы. Конденсат растворяет стенки пещер, внося свою лепту в процесс их формирования.

Величайшие из известных гидросистем мира находятся на бывшей территории СССР — на Кавказе. Если считать от верхней точки высоко в горах, где расположены входы в карстовые полости, до прибрежных или даже субмаринных (под уровнем моря) источников, то на Кавказе существуют гидросистемы амплитудой более 2,5 километров. Значит, гипотетически, такой глубины (точнее, амплитуды, денивеляции) могут быть пройдены здесь пещерные системы. Ибо то, что они существуют — не вызывает сомнений.

Существуют, но где?

* * *

Разобравшись с вопросом о воде, как коренного рысака в упряжке создателей пещер, невольно по-новому осмысливаешь известную поговорку: „Вода камень точит“. Видимо, точит, да еще как, если налицо столь внушительные результаты! Это сколько же времени надо потрудиться, чтобы „выточить“ такую диковину, как, скажем, Новоафонская пещера, известная также под названием Анакопийская пропасть. Объем ее залов составляет более полутора миллионов кубических метров. Не много в мире подобных пустот. Но и не мало.

Крупнейшие, открытые спелеологами, подземные залы поражают даже самое заскорузлое воображение. Уже упомянутый нами зал Верна пропасти Пьер-сен-Мартен имеет размеры (длина-ширина-высота): 249×262×140 метров и объем порядка 3,4 миллиона кубических метров. Один единственный зал — в два с лишним раза больше по объему всей Новоафонской пещеры! Но и это не предел. Испанская пропасть Торка-дель-Карлиста состоит всего из одного гигантского зала, пол которого засыпан не менее грандиозным каменным завалом. Размеры незаполненной завалом пустоты зала — 520×245×120 метров при объеме около 4,2 миллиона кубических метров. Еще недавно этот зал считался крупнейшим в Мире⁸¹.

⁸¹В. Н. Дублянский, В. В. Илюхин „Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР“, Москва, „Наука“, 1982 год.

На Северных Соломоновых островах известен грот Бенуа на плато Карнака, объем которого составляет 5 миллионов кубических метров. Не слабо? Но и он занимает только третье место среди себе подобных.

Второй по величине зал планеты находится в американской пещере Актун Тун Кул. В 1983 году экспедиция спелеологов США определила его размеры: длина — 450 метров, ширина — от 50 до 200 метров и высота — в самой низкой точке! — 65 метров. Эта исполинская пустота получила название зал Белиз⁸².

Самый огромный подземный зал Земли из известных на момент написания этих строк обследован на Борнео в национальном парке Мулу. Шесть месяцев работы зимой с 80-го на 81-й год понадобилось британско-малазийской экспедиции, чтобы открыть и картировать около 70 километров пещерных ходов в карстовом районе на Борнео площадью не более 50 квадратных километров. Средние размеры этих ходов-галерей поражали своей величиной: 15×15 метров — свободно можно разместить пятиэтажный дом! Жемчужиной же района является зал „Сарвак“ пещеры Лубанг Насиб Багус. Размеры этого зала ставят в тупик самое отчаянное воображение: длина — 700, ширина — 400, высота свода — 70 метров. Объем этой фантастической полости достигает 12 миллионов кубических метров⁸³.

Остается только потрясти головой.

Ориентироваться в таких залах не менее, а зачастую, и более сложно, чем в лабиринтах ходов. Даже мощные галогенные светильники меркнут в угольном мраке гигантских пустот, не достигая стен и свода. Впечатление такое, будто стоишь среди каменного хаоса беззвездной космической ночью. Подземные залы — это то, что стоит посмотреть и ощутить хотя бы раз в жизни! Измерение высоты таких залов производят при помощи наполненных гелием шаров, поднимающих к невидимому своду мерную нить.

Давно ли возникли эти фантастические полости? Затрудняясь точно ответить на этот вопрос, ученые-карстоведы опираются на две бесспорные предпосылки: пещеры моложе горных пород, в которых они образовались, но старше, чем следы людей и животных, некогда их населявших. Ряд экспериментов и наблюдений показали, что скорость расширения тонких трещин в известняке при движении по ним воды может достигать 1 мм в год⁸⁴. Если так, то все, что мы видим в пещерах, формировалось в течение сотен тысяч лет. В пещерах мы воочию соприкасаемся с историей нашей планеты. . .

* * *

Трудно сказать, было ли описание Конан Дойлем „Затерянного мира“ научным предвидением или случайной фантазией знаменитого писателя. Скорее всего, здесь нашла отражение дошедшая до Европы легенда о Рорайме, Матери Великих Вод — удивительном горном плато среди джунглей к северу от Мату-Гросу и к востоку от Гайаны. Местные жители —

⁸²„Spelunca“ № 12, 1983 год, Париж, Франция.

⁸³Энди Ивис „Caving International Magazine“ № 11, 1981 г., Канада.

⁸⁴Н. А. Гвоздецкий „Карстовые ландшафты“, МГУ, 1979 год.

южно-американские индейцы, считают Рорайму источником всех алмазов, добываемых в округе, но никто не может приблизиться к ней без риска навлечь на себя гнев злых духов.

Легенда... Мало ли прекрасных легенд возбуждают нашу фантазию? И тем не менее, Рорайма реально существует. В глубине Гайаны, на границе ее с Бразилией и Венесуэлой, находятся столовые горы, со всех сторон отделенные от окружающего мира отвесными скальными стенами, — Рорайма (2772 м н. ур. м.) и Кукенаам (2470 м н. ур. м.). Первое восхождение на легендарное плато было совершено англичанами еще в 1884 году, так что, при желании, Конан Дойль имел возможность опереться на реальность⁸⁵.

Но есть в непроходимых лесах Южной Америки загадки природы, грандиозностью едва ли уступающие легендарной Рорайме и в то же время практически неизвестные широкому читателю. На поросшем тропическим лесом венесуэльском горном плато Сарисариньяма обнаружены гигантские провалы не вполне понятного происхождения. Дело в том, что массив сложен не традиционными карстующимися породами, а ортокварцитами, кварцевыми песчаниками и сланцами серии Рорайма, окрашенными окислами железа в красный цвет. Не являясь в достаточной мере знатоком геологии, обращаюсь за подробностями к специалистам, и излагаю близко к тексту⁸⁶.

На плато Сарисариньяма детально исследованы три полости, расположенные в одну линию вдоль крупного тектонического разлома. Первая из них — Сима де ла Ллувия, представляет собой провал с эллиптическим входом, размерами 145×265 метров и отвесными стенами, глубиной 75 метров. По современным представлениям не так уж и много, если говорить только о глубине. Со дня пропасти крутой спуск по глыбовому завалу приводит под своды пещеры, где на глубине — 200 метров от поверхности перед изумленным исследователем распаивается зал Кристаллов размерами 180×30×30 метров. Стены пещеры покрыты кристаллами кварца длиной до 2 сантиметра, со сводов свисают голубые и черные сталактиты из опала, лимонита и литиево-марганцевого минерала литеофорита. С пола поднимаются крупные — высотой до 3 и диаметром до 1 метра, сталагмиты из окислов железа (гематит, лимонит) Настоящий дворец Черного пещерного Короля!

Другая полость — Сима Менор или пропасть Мартеля, располагается в 8 км от Сима де ла Ллувиа. Входное отверстие Сима Менор не менее внушительно: 135×170 метров, при в два раза большей глубине — 132 метра. Глыбы песчаника размерами с высотный дом (20×40 м) загромождают дно провала, откуда черными арками отходят две полости: галерея Каскада, протяженностью 400 м и галерея Гуахаро — 588 м. Немало.

Третья полость — Сима Майор, выглядит настоящим гигантом. Своими размерами Сима Майор (другое название — пропасть Гумбольдта) достойно соперничает с подобными пропастями истинно карстового происхождения. Вход в пропасть — 300×340 метров в поперечнике, превышает размерами знаменитые футбольные арены мира. А глубина! Трудно представить такой громадный отвес — 314 метров. Объем замкнутого отвесными стенами

⁸⁵История исследований Рораймы увлекательно описана в книге Х. Макинса „Восхождение в затерянный мир“, 1974 года, вышедшей в переводе на русский в 1982 году, „ФИС“, Москва.

⁸⁶В. Н. Дублянский, В. В. Илюхин „Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР“, Москва, „Наука“, 1982 год.

пространства провала превышает 18 миллионов кубических метров!

Повторим, что происхождение этих и других, более мелких, полостей серии Рорайма до сих пор до конца не ясно. Установлено только, что важную роль в их образовании сыграли гидротермальные (горячие) щелочные подземные воды, тектонические процессы и тропические осадки, которых в тех местах Южной Америки выпадает сущий пустяк: до 7 метров в год! Вот уж истинно — хляби небесные! Образовавшиеся в результате этих таинственных, и тем не менее вполне реальных, физических процессов, пустоты были вскрыты в последствие грандиозными обвалами их сводов. Весьма вероятно, что в недрах земли скрываются пустоты поболее ныне известных.

Такие явления в силикатных породах получили название — брадикарст. Однако, аномальные по своему происхождению брадикарстовые полости отнюдь не являются абсолютными рекордсменами Мира среди подобных природных образований. Первенство все-таки за карстовыми явлениями. Гигантские пропасти с отверстыми входными провалами распространены, прежде всего, в тропических регионах. Неудивительно — необходимое для образования таких гигантов количество атмосферных осадков выпадает только в тропическом климате.

Подходы к большинству из этих пропастей весьма затруднены тропическими лесами и другими препятствиями, что и объясняет то обстоятельство, что первые сведения об этих чудесах природы просочились в цивилизованный мир совсем недавно. Стены пропастей и их дно зачастую покрыты джунглями, что делает их исследования еще более неординарными.

Остается только завидовать, и как можно более светлой завистью, нашим коллегам из Западной Европы и других цивилизованных частей света, испытавшим непередаваемые ощущения первооткрывателей экзотических пропастей. Ни один советский спелеолог эпохи СССР не имел возможности увидеть эти чудеса своими глазами, не прошел под сводами тропического леса. . . Но и с развалом великой империи для спелеологов мало что изменилось — раньше не было права, потом у большинства не стало средств.

Грустно осознать, что становишься жертвой обстоятельств. Но не время о грустном.

* * *

В 1985 году Французская Федерация Спелеологии (FFS) организует национальную экспедицию „Антиподы-85“ на Папуа — Новую Гвинею. В ходе исследований папуанского тропического карста острова Новая Британия экспедиция разделилась на два отряда. Первый из них на плато Уайтмен открыл пять гигантских карстовых провалов, наибольший из которых имеет глубину 280 метров при ошеломляющих размерах устья: 1000×600 метров!

Второй части экспедиции, работавшей на массиве Наканаи того же острова, повезло — другого слова не подберешь! — исследовать самую большую по объему карстовую пропасть Мира с ласковым названием Миние.

В состав доблестной французской команды вошел польский кейвер Рышард Кныпчак, благодаря чьей помощи мы имеем уникальную возмож-

ность заглянуть в недостижимый мир Папуанского тропического карста. Перелистаем странички его дневника⁸⁷.

«Пятница, 11 января 1985 года. Пиови расположена на вершине холма, выразительно возвышающегося над „зеленым адом“ окружающих его джунглей. Деревушка состоит из пяти небольших хижин, нескольких семей и немногочисленных, валяющихся в грязи, свиней.

У нас третий день перехода. Делаю несколько снимков приветствующих нас ребятишек, мешок за спину и в путь. И в тот же момент начинаю падать. В этом нет ничего необычного, падаю уже три дня, хотя сейчас, вроде бы, „сухой“ сезон. Медленно продвигаемся скользкой тропкой, спускающейся с холма, затем петляем между огромными воронками, заросшими тропической растительностью. Преодолеваем очередные препятствия: то наваленные скользкие деревья, то пересекающие путь протоки. Наши проводники не очень уверены в дороге и временами обозначают ударами мачете свой поворот.

Через два часа останавливаемся. Старший проводник Цицероне, с огромным листом на голове, дрожит от холода, младший стоит под деревом, стараясь хоть немного уберечься от дождя. Температура 20 градусов по Цельсию, и хотя полностью промокли, мы не мерзнем. Снимаю прикрепленный к рюкзаку зонтик и отдаю его старику. Он несказанно рад и передает свой „зонтик“ младшему. Идем дальше. Прямо из-за поворота возникает папуас с повязкой на бедрах, ведущий на плетеном из лиан поводке трех ворчащих поросят, каждый размером с телку. За ним — обнаженная женщина, несущая на голове огромную вязанку дров и плетеную сетку с овощами.

Все больше тропок начинает скрещиваться, это хороший знак, наша цель близка. Вскоре доходим до деревни. Из большого сарая, прикрытого гофрированной жестью, выбегает Дик с фотоаппаратом на шее. Приветствуем друг друга и размещаемся в сарае-церкви. На алтаре — распятый Христос, рядом кипятится вода, на полках: открытая библия на пиджин-инглиш, разложенные продукты и гильза калибра 70 мм — след минувшей войны. В углу — Богоматерь и сохнувшие носки. На импровизированных лавках сидит половина жителей деревни, следящих за каждым нашим жестом, каждым движением.

Через два часа покидаем церковь и идем в направлении нашей будущей базы близ Миние. Ребята, которые прилетели сюда вертолетом три дня назад, заканчивают строительство. В 17 часов мы собираемся все. Заканчиваем крышу и вешаем гамаки. Вечером снова дождь.

... Через щели в стене хижины наблюдаю красные вспышки Улавуны — пробуждающегося вулкана.

Воскресенье, 13 января.

⁸⁷ „Пещеры Новой Гвинеи“, „Эхо“ от 12.07.85 г. Болгария.

После завтрака начинается дискуссия—кто и что делает, кто с кем идет. Дождь барабанит по желтому брезенту. Вчера ребята сделали навеску для спуска в Миние, развесив 550 метров веревки. Сегодня выходим исследовать дыру на дне провала, в которую уходит река. Первая четверка вышла, оставив нам 4 мешка. Мы с Люком, взяв по 2 мешка, выходим в дождливые джунгли. Через полчаса встречаем возвращающихся ребят. Они заблудились. Острый обмен мнениями, и я остаюсь с одним мешком. Вскоре находим свою тропинку, ведущую вниз, к впадине, обрывающейся 500-метровой в диаметре и 400-метровой в глубину шахтой. . .

Спускаюсь первым. Со дна доносится шум реки. Остановка на ветви между лианами. Первая ошибка, и я зависаю, утяжеленный двумя мешками. Рывки, ушибы, перегрызание лиан, и через несколько минут, вспотевший, продолжаю спуск.

—Свободно!!

Веревка растянута в проходе, прорубленном среди растущих на отвесных стенах провала джунглях. Спускаюсь с уходом влево. Все новые остановки на крючьях и ветках, траверсы, цепляющиеся транспортные мешки. Соскальзываю в пропасть на очередной точке перестежки, выдвинутой к дальней ветке. Догадываясь, что, по всей видимости, ребята сделали такую навеску только для того, чтобы спуск стал более спортивным.

И вот я на дне среди диких бананов и огромных папоротников. Прохожу почти 100 метров в направлении ревущей реки. Угрожающе пенящиеся 15 кубических метров в секунду воды пропадают в огромных черных воротах высотой от 60 до 80 метров. Через полчаса появляется Бони с лодкой, еще через полчаса—Лаура и Люк. Оказывается, не только я боролся с лианами.

После чаепития начинаем осмотр дна. Идем вверх по реке, чтобы осмотреть сифон источника. Преодолеваем 200 метров пути. Стоим перед серо-гранатовой водой, медленно текущей со стены, чтобы через несколько секунд набрать разбег в первом пороге. Бросаю в порог ветку. Она моментально набирает скорость и исчезает в пенистых водоворотах. Не хочется думать, что будет, если. . .

Возвращаемся с реки к черным воротам. Узкая полка на стене позволяет нам пройти в грот. Огромный черный зал длиной 100 метров с рычащей на дне рекой. Потревоженные рукокрылые с писком летают над нашими головами. Самые большие из них—летающие лисицы, имеют размах крыльев свыше 1 метра.

Дальнейший путь нам преграждает река, но мы вернемся сюда завтра.

Обратный вид: в черном контуре ворот—черные огромные свисающие натеки и черные стаи летучих мышей на фоне зеленого пятна джунглей отстоящей на 300 метров противоположной стены шахты.

Выходим в темноте в струях дождя. . . »

* * *

В отличие от пропастей Рораймы, практически на дне каждого из карстовых суперпровалов текут реки. И какие! Папуанский тропический карст впервые поставил кейвинг перед лицом невиданных доселе препятствий. Подземные реки с расходом воды в десятки кубометров в секунду — грозная стихия. Паводки на таких реках представляются кошмаром. Единственная приятная их особенность — температура. Опасность получить переохлаждение, дамокловым мечом висящая над исследователями суровых пропастей северных широт, в тропиках представляется какой-то эфемерной, не правда ли? Но то, что у нас принято называть подземными реками, выглядит жалкими ручейками, по сравнению с тропическими подземными потоками. А вода в кейвинге всегда остается главным препятствием.

Да... В привычных нам краях побродить по пещере в купальном костюме удастся очень редко. На территории бывшего СССР такое удовольствие можно испытать, пожалуй, только в среднеазиатских гидротермальных пещерах. Наиболее известные из них — Карлюкские пещеры хребта Кугитангау, в Туркмении. В любое время года температура этих пещер постоянна: около +25° С при почти 100-процентной влажности — никак не можешь отделаться от ощущения влажной бани. Гораздо чаще подземные исследования требуют солидной термоизолирующей упаковки. Где ты, Папуа?

* * *

Экспедиция в Мечту (посвящение пропасти Миние на Папуа)

Эпиграф:

— В этом году мне снова так захотелось на Папуа, в Новую Гвинею, в тропический карст...

— Что, давненько не бывали?

— Очень... Никогда.

Когда над Папуа вулкан
Горит, трепещет,
Мы наливаем в свой стакан
Чего порезче.
Нам до рождения еще
Подрезал крылья
Какой-то гад, какой-то черт
В стране Бессилья...

А нам всего лишь, слышь, Иван?

Не много надо:

Нам бы на Папуа вулкан

Иль Рио-Гранде.

Ломить в бамбуки — только б хруст! —

Как тем французам...

Чего-й стакан-то снова пуст?

Давай, чего уж.

Там где-то пропасть — сквозь туман,

Рассвет дождливый...

А мы смогли бы, слышь Иван?
 Ведь мы смогли бы!
 Ведь мы не хуже тех парней,
 Скажи, не хуже!
 Нам бы все это — не во сне...
 Да брось, Вань, ну же...

Это у нас-то нищета?
 Зато по-рбвну!
 Да что нам Минье-красота?
 Плевать, бесспорно.

Пускай французы смотрят мир —
 Нашли туризм!
 Не до того нам.
 Строим мы
 Социализм!⁸⁸

Простите меня, братья-французы...
 Социализм мы уже не строим, но Миние все также далека.

2.3. В гостях у троллей

Давно известно, что большинство подземных обитателей: гномов, хоббитов, троллей и других, им подобных, очень даже равнодушны к сокровищам земных недр. И уж где еще привольнее чувствуют себя эти сказочные существа, как не в Восточном Казахстане, на Алтае, неспроста получившем название — Рудный.

Сегодня у нас дневка. Маршрут подходит к концу, накопилась усталость, но...

— Кто хочет идти за хрусталем? — инструктор нашей группы Нина Владимировна обводит глазами группу.

— Каким хрусталем?..

Мы сидим у дымного костра. Треск сучьев в огне сплетается с шумом реки. Наш лагерь разбит на поляне у слияния рек Бухтармы и Белой Берели.

— Горным хрусталем. Здесь рядом старинный рудник есть. Сохотушинским называется. Пойдем?

Можно ли удержаться от такого соблазна? Оказывается, можно. Лентяев всегда хватает. Часть группы остается на берегу, и вот мы, помахав на прощанье лежебокам, уже в пути.

Синеватой стеной высится справа хребет: черные свечи пихт, заросли „березки“ (как называют в этих местах труднопроходимый мелкорослый кустарник), папоротники, травостой в рост на прогалинах и курумах — крупноглыбовых осыпях. Это Алтай. Тропа лезет вверх. Погода, хмуру взиравшая на нашу вылазку, похоже, махнула на нас рукой и улыбнулась. И сразу просветлел лес, заискрилась дождевыми каплями трава. И насупленный распадок под гребнем, который оседлала тропа, уже не кажется таким неприветливым.

⁸⁸К. Б. Серафимов „Экспедиция в Мечту“, 1989 г.

— Стойте, — говорит Нина Владимировна. — Вот, смотрите. Вон там,верху, между сосен!

Рыжая куча земли между стволами, похоже, глина. Ну, и что?.. Но тут отодвинулось облачко, пропустило солнечный луч. И тысячью огней засверкала бурая глиняная куча между соснами. Вопль восторга, и, забыв об усталости 10-километрового пути, бежим вперед. И вот он на ладони — прозрачный кристаллик с точеными гранями, и в каждой — затаилась радуга. Встреча с таинством Природы — не на витрине музея или ювелирной лавки.

Дышит холодом натечного льда позабытая штольня. Брошенные у входа замшелые тачки, поржавелое кайло, расколотые кем-то когда-то глыбы кварца. Соприкосновение с красотой и неизвестностью. Был это 1969 год.

* * *

Двадцать лет спустя стоим, открыв рты, посреди обширного зала в одном из старинных особняков Софии. Сегодня это музей „Земля и люди“. Осенью 1988 года, по окончании Первой болгарской международной школы по безопасности и спасению в пещерах, нас пригласил сюда Мартин Трантеев — коллега-спелеолог, сотрудник музея. Помню, как заходим через служебный вход в зал и останавливаемся перед витриной с какими-то весьма посредственными на вид образцами.

— Ты оглянись, — говорит Мартин и улыбается.

— Сейчас, — отвечаю, рассматривая витрину. К музеям, особенно геологическим, я подхожу основательно.

— Ты назад посмотри! — настаивает наш гид.

Оборачиваюсь, и у меня отвисает челюсть. Весь зал уставлен фантастической величины кристаллами. Монокристаллы кварца и мориона — дымчатого хрусталя, выше роста высотой и два обхвата в окружности, усеянные фиолетовыми аметистами (в пару кулаков размером каждый!) каменные трубы, куда можно свободно пролезть человеку, еще какие-то сверкающие чудеса, явно похищенные у Сим-Сима! Мозг не воспринимает увиденное. Друзы кристаллов слепят глаза. Мартин доволен.

А я вспоминаю свой первый, найденный на Сохотушке, кристалл горного хрусталя.

* * *

Если существует такого рода наследственность, то мое увлечение подземным миром — не случайность. Оно мне досталось по наследству.

Мои родители, Борис Александрович и Наталья Константиновна, начинали трудовой путь на свинцовом руднике „Бориева река“ близ болгарского города Кырджали. Здесь, в Болгарии, встретились они, потомки русских эмигрантов, чтобы соединить свои судьбы.

Прадед по отцу инженером строил Суэцкий канал. Бабушка по маме, Марина Алексеевна Александрович, вместе со своими родителями покидала Россию морем из Новороссийска в кровавом 20-м году. В эмигрантской бедности прошло детство моих родителей. В Софии, под бомбежками авиации союзников, пережили Вторую Мировую войну. Ничего не зная о советской

действительности, стремились на родину. Одними из первых, еще находясь в Болгарии, получили советское гражданство. К счастью, разрешение на репатриацию пришло только в 1955 году. Вернись мы раньше, и не факт, что автор этих строк занимался бы кейвингом, а не получил прописку на лесоповале, пополнив собой список неизвестных жертв ГУЛАГа. Обошлось. И в моем крохотном мозгу отпечатались разрозненные картинки раннего детства.

... Вот полутемная комнатка, кровать в углу, я качаюсь на деревянном коне-качалке и вдруг — кувырк, бабах, лежу, кто-то подбегает, хватает на руки. Потом выяснилось, что у моего коня отломилась голова, и я совершил свой первый хороший полет на пол. Сколько мне? Около двух лет. Так начиналось усвоение известной спелеоистины: „Рожденный ползать — летать не должен!“

... Море, песок, какие-то дядьки, и — мяч! Огромный, чуть не по пояс мне — прекрасный мяч, и я хочу ударить его ногой, как настоящий футболист, а все смеются, и высятся вокруг, как великаны. Я „тренируюсь“ со сборной Болгарии по футболу в доме отдыха советского посольства в Панчерево. Мне — полтора года.

... И снова море, искры солнца на воде, и я, в оранжевом резиновом круге, плыву, а бабушка держит меня на веревочке у берега. И так хорошо! Варна — мне нет и полутора.

Дальше в прошлое — мгла: я был, но меня не было. Мы начинаемся для себя — в нашей памяти. Что же в другую сторону — к настоящему?

... Вокзал. Вагоны-теплушки. Какие-то люди сидят на крышах. Почему на крышах? Может быть, это воспоминание из позднее увиденных фильмов про гражданскую войну? Мы сидим на перроне: Отец, дядя Гуга и я. Неожиданно поезд на путях перед нами медленно трогается. Дядя Гуга вскакивает, что-то торопливо говорит Отцу: потом пригибается и вдруг ныряет под движущийся вагон, который катится все быстрее. И пробегает под ним на другую сторону состава!.. Мы едем в СССР.

... А вот и ветряк! У колодца, на ажурной вышке, крутится ветряной двигатель: большущий пропеллер — моя любовь первых дней на советской земле. Ставропольщина, степной совхоз, куда нас случайно занесло. Маленький домик, беленые комнатки, вода в жестяном ведре на цепи „журавля“. И ветряк!

А потом был шахтерский городок на Востоке Казахстана — Риддер, переименованный советами в Лениногорск, куда отец с радостью переехал по зову друзей-шахтеров из числа товарищей по репатриации. Без сожаления покинув чуждые горожанину Сальские степи.

Что считать Родиной — место, где ты родился, или землю, где живет твой народ? Что считать своим народом? Чью кровь?

Рассматриваю свое генеалогическое древо и веселюсь. Здесь и русские, и поляки, и французы, и татары, и итальянцы — да мало ли кто влил животворную каплю своей крови в жилы будущих потомков в незапамятные времена? Родился в Болгарии, живу в Казахстане, жена еврейка, по паспорту и языку русский, друзья по кейвингу — всех национальностей.

Недалек и преступен кичащийся своей кровью, разрезом глаз или цветом кожи. Еще безрассуднее — взывающий к вражде из-за эфемерных идей или вероисповеданий. Национальная, тем более религиозная, гордыня — бред умалишенного. Память предков, культура и искусство, постижение

истории своего народа — все это достойно уважения, но никак не повод для самовозвеличивания. Национализм всегда был уделом духовно нищих, но, прежде всего — орудием политики: самого лживого и нечистоплотного занятия из всех видов человеческой деятельности.

Кейвинг — вот наш Бог, наше вероисповедание, наше приложение на земле. Не един, но сущ. Спелеология, интернациональная по самой природе пещер, сближает нас, дает возможность лучше понять друг друга, ощутить радость всечеловеческой общности в движении к общей цели.

Будущее Человечества, если оно есть, — в подобном единстве и со-трудничестве, Мы должны понять это, если хотим жить, а не исчезнуть во Вселенной по собственной глупости.

* * *

Горно-рудное болгаро-советское общество (ГОРУБСО), где Отцу привелось начать свою шахтерскую деятельность, включало в себя несколько полиметаллических рудников с жильным и метасоматическим⁸⁹ залеганием руд. Богатство этих месторождений полиметаллами было известно еще древнему Риму. Не раз современные штреки натывались на старинные выработки. Бывало, что шахтеры выносили на-гора окаменевшую деревянную миску или цепи невольников.

Однажды на руднике „Страшимир“ исчез товарищ Отца коллектор Константин Мохов. Пошел на документирование вновь пройденной выработки и не вернулся в срок. Хватились, конечно. Но как искать человека в лабиринте шахты, где современные штреки сплетаются с древними выработками неведомых эпох? Переполох, понятно, поднялся изрядный. А коллектор, к счастью, не погиб, не заблудился. И даже, как выяснилось, не заметил своего длительного отсутствия. В стене только что отпаленного⁹⁰ забоя Мохов заметил щель. Совсем немного усилий, и перед глазами изумленного счастливица открылся лаз в темноту. Мохов нашел каверну — естественную пустоту в горной породе, заполненную диковинными кристаллами. Четырнадцать часов пронеслись, как одна минута. Зачарованный, рассматривал коллектор открывшееся ему чудо, выкалывал лучшие образцы. Что делать! Сокровищница природы лежала в рудном теле, и жить ей оставалось только до следующей отпалки.

Кто из нас в детстве не зачитывался фантастическими путешествиями, описанными в книге Адамова „Победители недр“, когда подземный суперснаряд врезался в подобную, заполненную кристаллами, пустоту? И вот. . .

. . . Ползем уже второй час. Это передвижение на локтях и коленях начинает становиться мучительным. Встать бы! Но ход, меандрируя, тянется поворот за поворотом, не давая не то что подняться в рост, а даже встать на четвереньки. Но зато стены! Периодически ложусь и, открыв рот, рассматриваю дендровидные красные кристаллы, будто морозным узором, покрывающие каждый дециметр этой пещеры. Ощущение такое, будто мухой ползешь по невиданной хрустальной вазе.

⁸⁹**Метасоматические** месторождения определяют залегание руды отдельными массивами, вкраплениями руды, и происходят в результате постепенного замещения одних минералов горной породы другими за счет воздействия на нее расплава магмы или растворов, циркулирующих в земной коре или на ее поверхности.

⁹⁰**Отпалка** — взрыв в забое при добыче руды.

Наконец, лаз кончается, и можно принять вертикальное положение. Во все стороны расходятся причудливые ходы пещеры, усыпанные сверкающими в лучах наших фонарей кристаллами. Не сказка ли это? Со стены свисает кристалл. Желтый на просвет и полупрозрачный. Величиной с табуретку. Более поэтического сравнения почему-то не находится. Слоистый гипс или ангидрид?

... После нескольких часов работы в пещере мы давно оупели от этого кристаллического великолепия. Пора возвращаться. Мы не захватили с собой воды, и теперь всех мучает жажда. В 100-процентной влажности этого лабиринта запросто можно помереть от обезвоживания. Пора идти, но „приятная“ перспектива трехчасового передвижения ползком по входному лазу невольно заставляет нас оттягивать начало этого испытания.

— Ничего! — утешали друзья-одесситы перед нашим знакомством с гипсовыми лабиринтами Подолии. — Здесь входные шкуродеры невелики. В Ветровой (где мы сейчас находимся) — только 400 метров на животе, в Оптимистической — и того меньше. А вот внутри есть ходик! Метров 600 ползучки. Знаете, как назвали? Ход имени „КПК“ — Коммунистической партии Китая!

Что ж, по тем временам — конец 70-х, название не кажется необычным. Но вот длина!

Позднее, после меандров Пантюхинской, нам это тоже не стало казаться чем-то примечательным. Но все же...

* * *

Пещера Кристальная в Подолии была открыта для экскурсантов одной из первых. Результат налицо. Вдоль основного хода сверкающие щечки ее кристаллов уже изрядно затерты и обломаны. Почему человеку свойственно уничтожать прекрасное — походя, без всякого смысла? Ради сиюминутной забавы?

Формы пещерных кристаллических образований порой превосходят любые потуги воображения. Особенно, если речь заходит о бесценной сокровищнице пещер Кугитанга. Как они возникают? На Кугитангау, приграничном Афганистану хребте Туркмении, находятся уникальные, почти не имеющие аналогов в Мировом гидротермальные пещеры. Пытаясь описать кристаллическое убранство Карлюкских (по названию близлежащего кишлака) пещер, начинаешь ощущать бессилие одного из самых богатых, по утверждению лингвистов, языка — русского. Может быть, великолепие этих подземных дворцов можно выразить музыкой?

В одной из пещер района — Хошим-Ойыке, мы заблудились. Хошим Ойык, Хошим Ойык, Хошим Ойык — по-разному называют знаменитую пещеру, играя непереводаемым сочетанием звуков. Так вот мы заблудились. Нет, не в лабиринте, какими достаточно богаты многие из пещер Кугитанга. Мы заблудились в лесу из... каменных „деревьев“. Многометровой высоты белоснежные колонны сталагматов подпирают своды обширного подземного зала пещеры, точных контуров и границ которого до сих пор не знает никто. Мохнатые кристаллические лапы каменных „елей“ нависают над полом. На концах ветвей, как слезы, прозрачные иглы и шпильки гипсовых кристаллов. Мы бродили по сверкающему в свете фонарей каменному лесу, стараясь

восстановить утраченную ориентацию, и... не спешили с этим. Потому что, если найти дорогу к выходу, то придется уходить из этой пещеры, будто сошедшей к нам из детских сказочных снов.

В другой пещере — Таш-Юрак, изумляют невесть как прилепившиеся к сводам „люстры“ мохнатых кристаллических образований. Иногда они напоминают куриные лапы с белоснежными когтями в несколько метров размахом, иногда — диковинные водоросли.

Еще великолепнее убранство пещеры, носящей разные названия: Белоснежка, Зимняя, Геофизическая. Среди этой сказки чувствуешь себя муравьем, случайно заползшим на праздник Троллей: выпавших сокровища друг другу на обозрение и похваляющихся своим могуществом.

Но не только размерами кристаллических образований прекрасен Кургитанг. Куда ни кинь взгляд, стены и потолки поросли каменной „травой“. Вьются каменные стебли гелектитов и эксцентриков. Вопреки силам земного притяжения растут вверх, вбок, завиваются штопором, переплетаются, срстаются друг с другом, сверкают. Невообразимый праздник Природы! В одном из дальних ходов привелось нам увидеть и другое чудо — каменные кристаллические волосы. Тончайшие кристаллы „растут“ прямо на глине, колышутся от тока воздуха, под собственной тяжестью склоняются дугами к земле. Длина их достигает 60 сантиметров при толщине куда меньше спички. Кристаллическая „вата“, „сено“...

Как назвать то, что не поддается названию?

* * *

Каждый, кто заглянул в Подземную Обитель Удивительных Форм, не раз задавался вопросом — как возникло все это? Испаряется капелька, выделяются, выпадают в осадок растворенные в воде минералы — растет с потолка сталактит. Расплескиваются по полу пещеры упавшие капли, стекают, высыхают, оставляя осадок — возникают сталагмиты разнообразнейших форм и конфигураций. Взгляд поражают башни в несколько метров высотой. Сколько же миллиардов капель должно было упасть, чтобы выросло такое чудо?

На срезе многих натечных образований видны сезонные кольца, как на дереве. Вот только подсчитать по ним возраст не получается. Судите сами — засуха на земле, перестала идти вода, хоть десять тысяч лет будет длиться пауза, а сталактит ждет. Но вот изменился на планете климат, пошли дожди, и снова прибавляются кольца, растут натечи: на стенах — драпировки, вдоль трещин — занавеси, „флаги“, мелодично звенящие натечные каскады.

Может случиться обратное — изменится активность воды, и натечи начнут растворяться, исчезать. Особенно влияет на этот процесс развитие промышленности. Тонны кислот, извергаемых в атмосферу, выпадают кислотными дождями, уничтожающими натечное убранство пещер. Сегодня перед карстоведами во весь рост встает проблема изучения, так называемого, техногенного карста. В конце семидесятых кто-то из пермских спелеологов рассказывал мне об экспедиции в уральскую пещеру под названием „Золотой каньон“. Пещера открылась и стремительно развивалась под воздействием кислотных отходов близрасположенного предприятия, и промышленные стоки сливались в карстовую воронку за территорией, и

пещера стремительно росла. Ржавые отложения на стенах послужили поводом для ее названия. Даже лестницы из стального троса ржавели после нескольких часов пребывания в этой пещере. Вот он — техногенный карст в апофеозе.

Интересна загадка гелектитов — вычурных каменных волос, стеблей, спиралевидных наростов, напоминающих заросли травы или путаницу макаронин. До сих пор нет единого мнения о механизмах образования этого завораживающего многообразием форм творения природы. Не менее прекрасны и удивительны растущие в пещерных озерах кораллиты и кристаллититы — образования, очень похожие на морские кораллы. За счет интенсивного испарения воды, на поверхности некоторых озер возникают плавучие кальцитовые корочки, которые постепенно тонут под собственным весом, покрывая дно таких водоемов чистой белизны кристаллическим „снегом“. В проточных гуровых ванночках можно обнаружить пизолиты — „пещерный жемчуг“, белые каменные горошины, шарики неправильной формы и, порой, внушительных размеров. Как песчинка на мантии моллюска обрастает арагонитовыми пленочками, порождая жемчужину, так песчинки и камешки в слабопроточных ванночках время от времени переворачиваются течением, постепенно обрастая известковым налетом. Жемчужного блеска, правда, нет, но все остальное — в наличии.

Трудно перечислить все виды и формы вторичных образований пещер. Известковые туфы, выносимые подземными водами на поверхность, издавна ценились как строительный материал, красивый и легкий в обработке. Переотложение растворенных водой горных пород порождает то внешнее великолепие, делающее пещеры привлекательными для ценителей красоты. Но эти же процессы являются одними из виновников разрушения и, в конечном итоге, гибели пещер. „Ничто не вечно под луною“. Увы — верно замечено. И хотя век пещеры не сравнить с веком их исследователей, все же и он имеет конец. С уходом текущей воды, прекращается рост пещеры, и начинается заполнение ее пустот натечными образованиями. Постепенно обрушиваются перекрытия между этажами, проваливаются своды, образуются новые входы с поверхности земли, перекрываются обвалами и натечными пробками галереи, заполняются глиной ходы, пещера расчленяется на отдельные части. Это естественное умирание пещеры. Страшнее, если ее гибель безвременна.

* * *

В сотне километров от Карлюкских пещер (довольно близко по азиатским масштабам) находится еще одна уникальная пещера с романтическим названием Фата-Моргана или Гаурдакская. Здесь воочию убеждаешься в близости зоны вулканической активности. Признаки ее встречаются в пещере на каждом шагу: ванночки с растворами кислот, абсолютно непригодными для питья, радужно окрашенные кристаллы совершенно не пещерных минералов, сочащиеся из трещин горячие испарения и газы, тяжелый для дыхания загазованный жаркий воздух подземелий пещеры.

Пещера уникальна. И... находится на грани гибели. Зауряднейший каменный карьер постепенно уничтожает редчайшее образование природы. Да не все ли равно, где брать эту проклятую щебенку? Ведь гибнет то,

чего больше нет, и не будет на нашей многострадальной Земле! Нет такого больше нигде в мире. Нет!!!

Тем, кто делает щебень — на это плевать. Карлюкские пещеры хранят на своем теле рваные шрамы незаживающих ран, оставленных руками охотников за сиюминутной наживой. Подъезжают к пещерам машины, выходят из машин люди. Не озираются воровато, идут, как в свою квартиру. Входят в просторные входы и штольни с кувалдами, ломами, пилами, молотками. Выходят — с мешками податливого кальцитового оникса. Не туристы или спелеологи — местные добытчики, браконьеры. Пещерный оникс — прекрасной красоты поделочный камень. Одна беда: он мягок и недолговечен. Из тонны отбитой покореженной природы отберут несколько килограммов, выточат красивый подсвечник, вазу или пепельницу. И продадут. Покупатель найдется. Почему он, кусок некогда вечной Природы?

* * *

Люди! Что мы делаем? Разобьются вазы, сделанные из украденного у пещеры оникса, будут потрачены деньги — бумага, удел которой тлен. Умрут все — и расхитители, и равнодушные, и борцы за справедливость. А пещеры останутся. Какими они достанутся нашим детям? Нашим внукам? Правнукам? Вот такими, покалеченными до неузнаваемости, или в первозданной своей прелести? Увидят ли потомки вот эту, очищающую душу, красоту? Где будут черпать доброту друг к другу и миру, в котором им предстоит жить, если мы оставим им в наследство только осколки бывшего великолепия Природы?

А если не увидят они красоты природы, тогда зачем мы идем по этой дороге? Ради сиюминутного самопознания и утверждения себя в себе и перед другими? Задумайтесь, люди... Еще не поздно! В глубинах пещер, тщательно оберегаемых истинными членами Ордена Спелеологов от преступных охотников за сувенирами, еще сохранились уголки нетронутой природы. Еще не поздно... Пока.

* * *

Осенью 1988 года, впервые в истории советского кейвинга, по частному приглашению президента МСС мистера Форда трое советских спелеологов посетили Соединенные Штаты Америки. В числе счастливых были: старейшина советской спелеологии В. Н. Дублянский и двое моих товарищей по кейвингу — москвич Владимир Киселев и киевлянин Александр Климчук. Понятно, что мы с любопытством ожидали их возвращения и рассказов о неведомой спелеологической „загранице“.

Климчук и Киселев — это действительно достойные представители советского кейвинга. Их спелеологическая судьба складывалась благоприятно. Оба не были новичками ни в пещерах (чем от большинства из нас не отличались), ни в заграничных поездках (в чем отличались значительно!). В частности, под эгидой Академии Наук СССР все трое участвовали в исследованиях пещеры Соф-Омар на территории Эфиопии. Большинству из нас это и сегодня только снится.

Итак, наши — в Америке.

—Что тебе больше всего запомнилось, поразило?—с ухватками заправского журналиста вцепился я в Климчука при нашей первой после их возвращения встрече в Москве.—Рассказывай, не томи!

—Знаешь...—Саша помолчал.—Не поверишь, но больше всего меня поразила их доброжелательность...американцев.Понимаешь?Вот уже два месяца как приехал, а все не могу снова начать по-нашему собачиться на работе, в магазинах, автобусах.Откуда в нас эта злость?

„От нищеты,—подумал я.—Нищета материи порождает нищету духа...“

—В пещерах у них строго.—рассказывал Киселев.—Не редкость оборудованный специальной бетонной трубой вход, крышка-дверь с замком.Особенно, если входы в пещеру расположены в частных землевладениях.Чаще всего хозяева не препятствуют посещениям—смотри, но соблюдай правила.Например, под землей не разрешается курить.По основным проходам проложены яркие маркировочные шнуры: ходи по тропинке, не топчи нетронутую глину где попало, не нарушай излишне облик пещеры.Пещера останется и после нас, и потомки должны увидеть ее такой же, как и мы.Ведь мы не лучше их, правда?

—Даже для мочи—специальные бутылочки выдают!—усмехается Климчук.—Нам—дикарям, чудно с непривычки!

Не везде в Америке такие строгие правила.Только там, где это действительно может нанести непоправимый урон природе, а значит—достоянию нации.Там умеют считать.Считать на много лет вперед.И не только деньги.

У нас...Иногда первопроходцы пытаются своими силами замуровать вход в пещеру или систему ходов, особо уникальных по своему кристаллическому убранству.Скрывают информацию о местонахождении пещер.Чаще всего эти попытки спасти их от расхищения—тщетны.Замки взламывают, бетонные пробки, как в известной пещере Эмине-Баир-Хосар в Крыму—взрывают.

Пока человек не возвысится душой до понимания прекрасного, его не остановишь запретами и примитивными преградами.Особенно, если само государство остается равнодушным к своим подземным территориям.

Но иногда...Иногда не знаешь—может быть, лучше, чтобы государство вообще не вспоминало об этих территориях, чем вспомнило о них только для того, чтобы сделать навсегда недоступными.Одной из уродливейших форм защиты природы, вернее, ее псевдозащиты, была (да и остается) советская система природных заповедников, заказников и прочих территорий со статусом ограниченного посещения.Что такое—заповедник?В заповедник не ступает нога постороннего человека.Посторонних—читай, наша: нога, обычных, рядовых граждан.Но уж никак не „избранных“—из паразитического клана „вождей“!Как хочется, чтобы когда-нибудь, читая эти строки, мой Внимательный и Заинтересованный Читатель удивился: „О чем это здесь?“

Как хочется, чтобы мы научились, наконец, беречь свою колыбель, свою Землю не на словах, а на деле!

* * *

Одно из сильных впечатлений после пещер Кугитанга—пыль.Мертвым слоем лежит она на полу, стенах, прекрасных гипсовых и кальцитовых

изваяниях, вышедших из-под резца некогда властвовавшей здесь воды. Вода и сейчас проступает местами: озерами ли теплой воды, капельками ли на кончиках сталактитов. Но чаще — пыль. Пещерная пыль, как пыль Времени, как пыль Вечности, хранит наши следы. И будет хранить почти вечно, если...

* * *

Рухнувший в пыль сахарный город —
Это Хошим-Оюк.
Нас слишком много
Для твоих сводов,
Старый печальный друг.
Старость — не радость,
Старость приходит,
Если уйдет вода.
Здесь тишина такая — послушай:
Так умирают горные души —
Белые города.
Дружно проходим, веско ступаем
Крошевом красоты,
В ноги упавшие, приминаем
Гипсовые хребты.
За красотой спешим не просто —
Нет ни свободных минут, ни рук:
Мы — на погосте, громкие гости
Града Хошим-Оюк.

Он нам простит
И белые блицы,
И суету сует,
И то,
Что мы,
Позабыв проститься,
Выйдем на белый свет.

И то,
Что скажем:
— „Бывает лучше!“
Пыль умывая с рук.
Рухнувший в пыль
Сахарный город —
Это
Хошим-Оюк.

* * *

Не стану заканчивать эту главу на минорной ноте. Будто в противовес вечной пыли, пещеры дарят нам встречи с образованиями, время жизни которых часто измеряется днями и месяцами. Творец их — пещерный лед. Лед — еще одно из удивительных украшений пещеры. Такой обыденный на

земле, лед придает подземному миру своеобразное очарование. Холодный воздух опускается в глубины пещер, и вода замерзает, превращаясь в прекрасные изваяния. Эфемерные ледяные кристаллы украшают привходовые части многих пещер, особенно в холодные зимы. Широко известная Кунгурская ледяная пещера на Северном Урале, к примеру, приобрела свою популярность именно благодаря ледяному наряду двух–трех ее привходовых гротов. В остальном—это вполне заурядная, лишенная натечного убранства полость.

Как часто повседневность обедняет наше восприятие! Как часто мы не в силах оценить то, что имеем, за суетой текучки не замечая скудно отпущенные нам мгновения прекрасного. Мы ахаем от видов Австрии или Франции, равнодушно скользя взглядом по не менее эффектным пейзажам Восточного Казахстана или Приамурья—мы здесь живем, мы привыкли. Мы прищелкиваем языками при виде телегероинь, а рядом наши девушки и жены, порой, не менее, если не более, привлекательны—но мы видим их каждый день! Мы отмечаем ледяные образования на наших улицах словами: „Вот гололед-то какой! И чего не подсыпают вовремя?“ или „Ишь, наросло... Как бы на голову не упало!“ Но в глубине земли мы не можем противостоять их очарованию. Пещерный лед—это прекрасно!

2.4. Мифы старого Сумгана

Был в нашем кейвинг-клубе „Сумган“ такой обычай: мы предлагали гостям заполнить коротенькую анкету под названием „Галерея друзей“. Есть в анкете такой вопрос: „Ваша первая пещера?“ Каких только ответов там нет. А есть и такой вопрос: „Ваша любимая пещера?“ Если бы членам клуба „Сумган“ пришлось отвечать на эти вопросы, многие из нас назвали в числе самых-самых своих пещер—Кутук-Сумган. Именно поэтому клуб был назван по имени величайшей пропасти Урала.

* * *

Это не просто пещера. История исследования пропасти соткана из множества судеб, прочертивших яркими искрами ее тьму. Рожденные экстремальными ощущениями когда-либо приходивших сюда, легенды и поверья окружают Сумган таинственным ореолом.

...Едва перевалишь невысокий хребет с грозным названием Ямантау—Плохая гора, ощущаешь, что спускаешься в удивительный мир. Еще обступает дорогу заросший подлеском и травостоем сумрачный лес, а уже как-то непонятно светлеет на душе. Невесть куда пропадают надоедливые комары и мухи. Дорога катится вниз, взбирается на пологие, покрытые лесом увалы. И вдруг—просвет слева, другой, третий. Внизу, в чистом логоу, на зеленом сукне подстриженной сенокосами травы—белыми скалками, каррами известняки. И тут же, будто от бомбовой серии, цепочка густо заросших воронок пересекает дорогу, образуя ложок.

Редеет лес. Впереди, в синеющей дали, чернеет хребет Кибиз. А чуть ближе—темной зелени гора с дымком на переднем плане: над крышами еще невидимых жилищ. Там, в часе ходьбы, ферма Сумган—два маленьких бревенчатых домика, где находят приют пастухи, косари, прочий бродячий

люд, кто приходит пешком и приезжает верхами, на телегах и тракторах в эти места. Далеко еще избушки, но все больше светлеет вокруг, и на смену грязному лесу Ямана выбегают из логов белоснежные хороводы берез. После пещерной темени, а может, и действительно — кажется, нет на свете белее берез, чем в Кутукском урочище. Не зря оно названо Кутукским. „Кутук“, в переводе с башкирского — колодец. На обширных полянах, куда ни кинь взгляд, воронки, известковые карры, невысокие пока обнажения белых скал по бортам логов. Нет прекраснее услады глазам спелеолога!

* * *

Перекрестье логов. Сзади — Кук-Кульский, прямо и чуть влево — Кутукский, слева направо в перекрест — Улукланский. Сошлись, скрестились на вольготной поляне среди берез и сосен. И сосны на Кутуке необычные — с затаенной синевой по пушистым кронам.

Пойти вправо по Улукланскому — через километр выйдешь к Пропасти. Кутук-Сумган. В переводе с башкирского: „Вода, ныряющая в колодец“. Не точно, но что-то близкое по смыслу. По Улукланскому лого ходят, если хотят быстрее. Торопливость — удел новичков. „Старожилы“ Сумгана сначала идут к ферме.

Чуден этот последний перевал. Дорога, будто в сказочную страну, вступает в „город Муравейников“. Вот они — муравейники, огромные, иной раз выше человеческого роста. Один. Чуть подальше другой, третий. И вот они уже чуть не за каждым стволом — торчат среди деревьев диковинные жилища маленьких хозяев этих мест. Есть и большие. В здешних краях и медведь пока не редкость. Помню, как провожала нас через Яман-тау рысь. Зимами полно зайцев, заглядывают волки, пасется лось. В конце 80-х здесь был создан Башкирский национальный парк, и появилась надежда, что не обеднеют на живность эти места.

Вот и домики. За фермой, на взгорке, место палаточных городков. Каждое деревце знакомо здесь. То ворчит, то ласково мурлычет в ложке у поляны ручей Сумган. Лагерь обычно ставят тут. Можно расположиться и поближе к Пропасти, но тогда придется за водой ходить к самой ферме, где уходит под землю ручей. Понор ручья Сумган — одна из загадок этих мест. Вода пропадает на дне глубокой крутоскальной воронки, ежегодно меняя места своего исчезновения. Раскопки не дали пока результата, но свидетели божатся, что вечером здесь можно услышать тяжелый гул земли под копытами идущего по бугру над понором стада. Рысят бычки, поет гора, гудят своды близкого к поверхности земли никому не известного зала пещеры. Пока еще недоступного. Пока.

* * *

От фермы начинается тропа к Пропасти. Остается слева устрашающих размеров провальная воронка „Каньон“ — вскрывшая некогда подземный зал: метров 50 в диаметре и 30 в глубину. Чернеет зев пещеры на дне провала, зияют окна в нависающих над ним скалах. Но нет в них удачи. Не приводят они в продолжение пещеры, к подземному руслу ручья Сумган, невидимо несущему свои воды в пещерную реку.

Тропа. Обочь вороночек, заросших ласковой травкой и колючим чертополохом, с проторенного стадами пути сходит она в теснину. После раздолья Сумганского лога Ущельице принимает путника бережно, но строго: „Подожди, не спеши, не суетись. Подумай, зачем идешь сюда, какие мысли несешь Сумгану?“

Снова расступаются скалы. На выходе из Ущельица встречает входящего Каменная Жаба — Хранитель подступов. Известковый останец будто присматривается к вам, молчаливо остереживает. Кто и затаенную улыбку уловил, приветствуя Хранителя.

Поздоровайся и замолчи. Видишь? Дыбит могучий хребет каменный ящер. Это — Дракон, Страж Бездны. Щерится дремотно пасть, на белом камне зеленые разводы лишайников, сумрачный глаз полуприкрыт каменным веком. Хвост Дракона обнимает Пропасть.

Коснуться губы Дракона велит Обычай. Короткая ласка камня — тяжелая драконья голова отдает накопленное за день солнечное тепло. Дремлет древний страж Пропасти, витает в тысячелетних снах.

На полянке, среди сбегающих со всех сторон склонов, полно цветов. Кто-то сорвал несколько простеньких цветочков здесь, кто-то принес с собой от понора. Не самых красивых — любых. Не спрашивай, зачем, подожди. Тропа сворачивает круто вправо, сумрачная теснина, скользкие камни прилепившейся к скале тропинки — буквально десяток метров, спуск по каменным ступенькам и...

Пропасть распаивается как-то сразу, за поворотом скалы. Старая береза на самом краю площадки, сосны на обступивших сероватых скалах — все только подчеркивает грандиозность открывшегося глазам каменного жерла. Это, конечно, не Венесуэльские или Южно-Китайские гиганты. На фоне разгула тропического карста Кутук-Сумган был бы не слишком заметен. Но здесь, на Южном Урале, это достойный вход в достойную пропасть. Разве что Бездонный колодец в Крыму может соперничать с Сумганом грандиозностью архитектуры. Да еще Снежная, будь она свободна ото льда...

* * *

Ложусь на край и смотрю в дышащую холодом глубину. Если повезет, и снег не стал еще слишком черным, можно увидеть дно Первой шахты. Огромный — 20 на 10 метров в поперечнике, ствол Пропасти уходит вертикально вниз, расширяясь с глубиной. Внизу справа, на зеленом от влажного мха уступе, игрушечные стволы упавших сюда берез. Взгляд скользит еще ниже, туда, где в сумраке шахты голубеет прилепившаяся к стене гигантская сосулька висячего ледника. Наверху белый, известняк с глубиной становится полированно-черным в скульптурных формах проточенных водой желобов.

Кинуть камень вон туда, вправо, к леднику-сосулке, в черную бездну между стеной и уступом, и только через пять секунд услышишь из недр звук далекого удара о дно Второй шахты. Образуя из двух уступов единый ствол в 110 метров, Пропасть знобко дышит туманом. Дьявольское зрелище можно увидеть здесь на закате. В сереющем сумраке уходящего дня в клубах белесого тумана сонмы летучих мышей вырываются из Пропасти

на ночную охоту. Пасть преисподней.

* * *

... На скальной стене холодный блеск металла. Мемориальные таблички погибшим здесь спелеологам. Валентину Алексинскому и Лене Алексеевой—1968 год, Алексею Казеннову—год 1988-й. Летом здесь всегда цветы. Те самые—полевые, что растут в мире солнца. И бабочки, что бесстрашно и невесомо, как цветные лоскутки, порхают над самой Пропастью.

* * *

... Если медленно спускаться в отдалении от стен, в какой-то момент может показаться—не двигаешься. Только скалы вокруг непостижимо ползут вверх.

Стены как бы растягиваются в пространстве: то, что сверху казалось с метр—вытягивается в пять. Шахта плывет в параллаксе, расширяется вокруг тебя, сужаясь вверх и вниз. Свисающие со стен леднички проплывают мимо, неуютно остаются над головой. Иногда они падают. Особенно те, что в устье Второй шахты, где намерзшие весной мощные языки льда постепенно сползают все ниже и ниже, чтобы летом, подтаивая, с грохотом рушиться вниз. Тогда земля вздрагивает, и мощный гул наполняет пещеру. Иной год ледники падают по два раза на дню, особенно в дождь. Но привыкнуть не удается—все равно вздрагиваешь и долго вслушиваешься в затихающее эхо.

Здесь все впечатляет. Огромные залы таят в себе эхо шагов и звон потревоженных камней. Весной пристволовая зона—прилегающая к вертикальным шахтам система ходов—наполняется ледяными сталагмитами, сосульками, ледовыми озерами, каскадами, кристаллами всевозможных форм. Летом это ледяное великолепие стаивает, но никогда не оставляет Пропасть совсем. Более 10 километров всевозможных ходов—два яруса лабиринтов, расположенных наклонно, по крутому падению пластов известняка. Здесь и галереи, и уступы, и колодцы. Озерки хрустальной воды украшены порослью кристалликов, кораллитов, других озерных дикиноков. Мощные отложения пещерной глины—то мокрые и вязкие, то сухие, растрескавшиеся такыром.

И, наконец, в самой глубине—подземная река: странный диссонанс между стеклянной неподвижностью воды и мощным гулом невидимых перекатов.

* * *

В этом мире мрака свои тайны, свои загадки и обычаи. В глубине галерей Верхнего яруса встречает спелеологов Идол. Его точеное в дереве лицо бесстрастно.

Поздоровайся, зажги свечу Богу Сумгана, постой рядом с Идолом.

Подземные ритуалы не пустая игра—это тончайший самонастрой на пропасть. Чем выше предстоящие нагрузки и сложнее задачи, тем больше зависимость успеха от внутреннего состояния, психологического фона

предстоящего действия. В большом спорте за самочувствием спортсмена следят психологи и врачи. В кейвинге — это роскошь, к которой не прибегают. А игра здесь зачастую серьезнее суперзрелищного заколачивания шайб или мячей в ворота на виду у орущих болельщиков. Ставка не та. Не сопоставима цена ошибки. И таблички на входе в Пропась — печальное тому подтверждение.

Тем важнее своевременное достижение психологического комфорта, настроенности на Пещеру, на предстоящий маршрут. Маленькие и большие суеверия — не редкость среди кейверов, альпинистов, спортсменов, людей других рискованных занятий. И дело тут не в темноте душевной.

Рассказывают, что как-то в клинику привезли одного довольно именитого альпиниста. Было известно, что недавно он пережил примерно такую же аварию в горах. И вот теперь снова. В палату к пострадавшему пробрались вездесущие репортеры.

— Скажите, мистер Кен, в чем причина вашей, уже второй, как ходят слухи, аварии?

— Видите ли, господа, в этом нет ничего удивительного: меня снова подвел карабин. Все тот же самый карабин...

— Как, один и тот же карабин?!

— Да, он не первый раз меня подводит, и даже не второй...

— Но позвольте, мистер Кен! Отчего вы не замените его, не приобретете что-либо понадежнее?!

— Это, конечно, правильно, господа, но дело в том..., дело в том, что это мой ЛЮБИМЫЙ карабин, господа!

* * *

... Поставь свечу Идолу, и Бог Сумгана примет тебя. А уходя, не забудь попрощаться, оставив на память Сумгану какую-нибудь малость: пуговицу, амулет, сигарету. Не подарок дорог — внимание. Так продолжается духовное общение с Пропасью. Жалок тот, кому пройденные метры или категории затмевают красоту окружающего. Не только внешнюю, но скрытую, внутреннюю: в мыслях, настроении, сказочном восприятии, наивных, на чей-то взгляд, ощущениях.

Пропась живет своей жизнью. Какая-то ее часть прошла давным-давно, оставив непонятные, необъяснимые до конца следы. Галереи Сумгана покрывают бесчисленные косточки летучих мышей — будто желтая опавшая хвоя. Будто рассыпанная по полу память...

Рассказывают, что где-то здесь: то ли на Нижнем ярусе, у подземной реки, то ли на Верхнем, в галерее Геофака — как-то нашли скелет медведя. В принципе — ничего, казалось бы, удивительного. Некогда пещерные медведи долго оспаривали у человека приоритет в подземном мире. Но как оказалось, скелет принадлежал обычному медведю, земному. Да если бы даже и пещерному, как он попал в такую подземную даль? Ведь вход в пещеру — вертикальная пропасть устрашающих размеров? Упал и не разбился? И потом еще прополз добрых полкилометра по запутанному лабиринту ходов приствольной зоны? Трудно поверить в такой вариант. А может быть, был еще один вход в Пропась? Попроще?

А вот другая загадка. Зимой 1980 года наша экспедиция в одном из

дальних ходов Нижнего яруса нашла мумию неизвестного животного. Зверек величиной с кошку, с таким же длинным хвостом, судя по строению черепа и зубов, — хищник, рыжеватая шерсть. Понятно, когда мумифицированные останки находят в жарких и сухих пещерах Средней Азии. Но в Сумгане?

И вот мы идем по следам древних обитателей Пропастей. О том, что находки достаточно старые, говорит характер хода: глиняный такыр пола будто припудрен характерной пылью — здесь давно не было активной воды. Вдоль галереи, прямо на полу и под глиной такыра, в нишах и узких щелях у основания стен, местами заваленные рухнувшими глыбами и камнями, разбросаны оскаленные черепа, косточки, клыки загадочных „кошек“. Если присмотреться, кажется, что на нетронутой глиняной пудре различимы следы когтей: черточки, едва видимые бороздки. Здесь же какие-то непонятные серые колбаски. Вот оно что! Это экскременты. Значит, зверьки жили здесь и, судя по количеству испражнений, довольно долго.

В средней части галереи отложения на полу глубоко прорезаны более современным потоком. Ручьем, которого тоже уже нет. В неведомые времена пропахал он отложения этой галереи, углубившись в них почти на метр, и ушел под стену. В русле этого ручья следов „кошек“ нет. За ручьем галерея продолжается, и снова на каждом шагу следы жизнедеятельности неведомых зверьков. Но почему нет их в примыкающих к галерее ходах? Может быть, они образовались позднее? А может быть, некогда колония подземных хищников населяла весь Сумган, но более поздние процессы подожгли их следы на большей части территории Пропастей?

Может быть. А пока кладбища „кошек“ обнаружены только в двух, совершенно изолированных друг от друга, участках пещеры. И даже на разных ярусах. Но вот сами эти места. . . Разделенные сейчас добрыми тремя часами ходьбы с лазанием по колодцам и уступам, эти участки пещеры очень похожи: системы довольно низких ходиков готической формы с удивительно теплым и сухим микроклиматом. Сообщались ли они между собой?

И снова вопрос — как попадали зверьки на глубину 130 метров от поверхности земли через вертикальные колодцы? Значит, был когда-то легендарный второй вход?

Изучая подобные кладбища животных на поверхности земли, ученые высказывают гипотезу, что скопления костей не всегда могут объясняться „инстинктом смерти“, толкающим животных приходить умирать на одно и то же место. Возможно, это „инстинкт жизни“? Может быть, места кладбищ обладали целебными свойствами. И животные приползали сюда в надежде на исцеление. Кому удавалось — выздоравливали и уходили, неудачники пополняли костями общую коллекцию.

Нет ли подобного объяснения и кладбищам Сумгана? Вдруг в готических галерейках сохранялся какой-то особый газовый, минеральный, микроэлементный или радиационный „оазис“, благоприятный для загадочных „кошек“? И потому нет костей в других галереях.

* * *

Листаю страницы справочников и путеводителей по пещерам Башкирии. Знакомые строчки, а вот что-то интересное:

«Остаются загадкой причины неоднократных слуховых и даже зрительных галлюцинаций спелеологов в Сумган-Кутуке после пребывания под землей в течение нескольких суток.»⁹¹

... Стоит выключить фонарь, как постепенно, откуда-то сбоку наплывают зеленоватые блики, возникают призрачные стены. Пропасть, как живая, говорит с тобой на неведомом языке. Что в нашей жизни сказка, а что непознанная пока реальность?

Пещерой „Черного дьявола“ назвали журналисты Кашкулакскую пещеру в Хакасии. Здесь выявлены необычные электромагнитные аномалии, возникающие при появлении в пещере человека. Вот как описывает корреспондент газеты „Социалистическая Индустрия“ подземные „чудеса“⁹²:

«Побывавшие в Кашкулакской пещере рассказывали удивительные вещи. В какой-то момент их охватывал беспричинный панический страх. Забывая обо всем, бросая снаряжение, они со всех ног мчались, обгоняя друг друга, на выход, к свету, уже потом, придя в себя, никак не могли объяснить: что же случилось? И это были не новички — бывалые спелеологи, которые на своем веку повидали пещеры куда посложнее этой.

Я стою перед входом в пещеру, — таких в Хакасии, в отрогах Кузнецкого Алатау, десятки, если не сотни. Небольшой провал, затерявшийся среди скальных обнажений.

Но, спустившись в утробу пещеры, иду осторожно, затаив дыхание. Главное — удержать равновесие. Поэтому, прежде чем поставить ногу, обшариваю лучом фонаря каждый сантиметр. Оглядываюсь по сторонам — кругом все та же непроглядная тьма да сталагмиты, удивительно похожие на оплавленные свечи. Судя по рассказам, где-то здесь и приключилась одна из загадочных историй Кашкулака.

Было это в 1985 году. Сотрудник института Константин Бакулин с группой спелеологов обследовал гроты. После нескольких часов работы люди потянулись к выходу. Константин шел последним. Закрепил веревку на специальном поясе, обхватывающем грудь, и приготовился к подъему. И вдруг почувствовал что-то позади себя. Чей-то взгляд, устремленный в затылок.

Ученого обдало жаром. Первое побуждение — бежать! Но ноги словно оцепенели. Посмотреть, что творится за спиной, было безумно страшно. И все же, будто в состоянии гипноза, повинувшись чьей-то чужой воле, повернул голову и увидел. . . пожилого шамана. Метрах в пяти. Развевающиеся одежды, мохнатая шапка с рогами, горящие глаза и плавные, зазывные движения руками — мол, иди, иди за мной. . . Бакулин безотчетно сделал несколько шагов вглубь и тут — словно сбросив чары — начал отчаянно дергать веревку, единственную нить, связывающую с находящимися наверху товарищами. На языке спелеологов это просьба об экстренной помощи.»

⁹¹Ю. Е. Лобанов и др. „Пещеры Урала“, Москва, „ФИС“, 1971 г.

⁹²И. Барановский „Загадки пещеры Черного Дьявола“, „Социалистическая Индустрия“ № 213, 16 сентября 1989 года.

Что можно сказать? С плохими нервами под землей делать нечего. Как выразился бы Захар Залиев — пить надо меньше! Скептиком быть легче всего. Может, Захар и не прав. Чем черт не шутит? Читаем дальше:

«Больше Бакулин в пещеру не спускался. Но еще долго шаман являлся к нему во сне и звал за собой. Причем до этого случая Константин никогда не отличался особой впечатлительностью, напротив, слыл человеком серьезным, уравновешенным. Сейчас ученый работает в одной из экспедиций на Антарктиде. . .

Но надо идти дальше, в таких местах задерживаться как-то не хочется. Из-под ноги выскальзывает камень и летит в темноту: удар, потом еще один, и лишь секунд через пять тишина вновь взрывается дальним грохотом. Встревоженные летучие мыши устраивают настоящий переполох. Впереди расщелина.

— Глубина метров семьдесят, — определяет на слух мой спутник Юрий Сигарев.

Обойти расщелину можно только по узенькому карнизу. По таким дорожкам с высоко поднятой головой не ходят. Как говорится, не до гордости — становлюсь на четвереньки и, отыскивая руками мельчайшие выемки, выступы, продвигаюсь вперед. Время остановилось. Но вот площадка постепенно расширяется, и я переваливаюсь в ложбинку — все. Можно перевести дух.

Нервное напряжение огромное, может, этим и объясняется ужас, охватывающий людей?

— Похоже, что нет, — говорит один из руководителей экспедиции, старший научный сотрудник Института Клинической и Экспериментальной медицины СО АМН СССР А. Трофимов. — Дело, видимо, не в особенностях психики, а в каком-то внешнем воздействии. И, кажется, мы напали на след. Посмотрите сюда.

В Спальном гроте разбита своеобразная пещерная лаборатория. На шкале приборов мерцают цифры.

— Видите, — продолжает Трофимов, — сейчас показания на счетчике одни, а через несколько минут уже будут другие. Значит, электромагнитное поле в пещере постоянно колеблется. Мы заметили, что среди прочих сигналов устойчиво пробивается строго определенный импульс. Иногда его фиксировали как одиночный, иногда же он шел целыми „пачками“. Скажем, в течение часа с промежутками в две минуты. Притом всегда с одинаковой амплитудой — тысяча нанотесл.

Откуда берутся эти импульсы? После серии экспериментов выяснилось — пробиваются из глубин пещеры. Раз есть сигналы, значит, должен быть их источник. Какой?

— Сначала думали: дело наверняка в геофизических особенностях горных пород, — продолжает Александр Васильевич. — С похожими фокусами уже приходилось сталкиваться. Но после консультации у специалистов, прямо скажу, оказались в полном замешательстве. Изучив наши записи, те дали безапелляционное заключение — сигналы, зафиксированные на Кашкулаке, никакого отношения к природным не имеют. Импульсы такой

частоты с устойчивой амплитудой колебаний способен генерировать только искусственный излучатель. . .

На этом загадки не кончились. Решили проверить: а не связаны ли эти самые сигналы с чудесами, творящимися в пещере? Выяснилось: время фиксации импульсов в точности совпадает с моментом появления у людей нервозности, подавленного состояния, переходящего в панический ужас. Дальше — больше. Стали сопоставлять факты, и оказалось — в эти самые минуты начинали метаться по гротам летучие мыши, голуби, гнездящиеся у входа в пещеру. Раньше на это не обращали внимания. Провели эксперимент: взяли с собой под землю несколько моллюсков. И опять же, как только пошли сигналы, те стали съезживаться, будто в них тыкали раскаленными углями. . .

— Импульсы низкочастотные, — поясняет Трофимов. — А они, как известно, сильно действуют на все живое, в том числе и на психику человека. Вот только откуда они идут? Обшарили всю пещеру, спускались в самые потаенные уголки — и ничего. Таинственный маяк находится где-то еще глубже. Правда, некоторые гроты забиты ледниками. Может, ключ к загадке Кашкулака хранится там?

— Со страхами мы, вроде бы, разобрались, а чем объяснить явление шамана?

— Гипотез много, а ответа пока нет, — говорит Александр Васильевич. — Кстати, случай, происшедший с Бакулиным, не единственный. Нечто подобное видели дети новосибирского спелеоклуба: в одном из залов они неожиданно столкнулись с какой-то черной фигурой, поспешившей скрыться в расщелине.

Может быть, виноваты необычные химические свойства пещерного воздуха? Ведь известны в природе газовые смеси, вызывающие у людей галлюцинации. Но есть и другое предположение.

А что если во всех этих таинственных случаях люди сталкивались с. . . Голограммой? Во всем мире сейчас ведутся разработки в этом направлении — памятью обладает не только человек, но и предметы. При определенных условиях они способны запечатлевать информацию, поступающую извне. В принципе, в этом нет ничего невозможного. Ведь научился человек фотографировать — ловить на пленку мгновения жизни. Может, и в Кашкулаке в какой-то определеннный момент, при особых гелиогеофизических условиях как раз и проявлялись объемные изображения, когда-то запечатленные пещерными стенами.

Кашкулакская пещера у древних хакасов была культовой. Здесь, по одним преданиям, поклонялись Черному дьяволу, по другим — идолу Фаласу. Безусловно, место было выбрано не случайно: жрецы, видимо, прекрасно знали о воздействии пещеры на психику человека. Здесь же древние хакасы приносили жертвы своим богам, в том числе человеческие. Так что шаман — фигура для подземелий вовсе не инородная.»

Если не принимать во внимание гипотезу Захара Залиева, все весьма убедительно.

Не станем относиться к газетным сенсациям слишком серьезно. Действительно, инфразвук — акустические колебания очень низкой частоты, может являться одной из причин состояния подавленности и неосознанного страха, и не только в пещере. В свое время даже всерьез разрабатывалось инфразвуковое оружие, о принципе действия которого мне привелось услышать в нашем „ракетном колледже на Яузе“.

В конце семидесятых безотчетный страх на подходе к подземной реке пещеры Зигзаг испытали московские спелеотуристы из неофициальной группы „Скорпион“, более известной в Москве под названием „СКО“. Гул реки по случайному стечению обстоятельств мог особым образом трансформироваться в изгибах входного меандра Зигзага. Кстати река этой пещеры через несколько километров подземного пути под поверхностью Кутукского урочища вновь появляется на Нижнем ярусе Сумгана.

Каких только чудес не увидишь! Летом 1988 года во время нашей, совместной с поляками, экспедиции в Сумган-Кутук, нам привелось наблюдать над урочищем „УФО“ — меняющие цвет светящиеся диски, отнесенные специалистом в этой области польским спелеологом и профессиональным фотографом Кристианом Парма к разряду неопознанных летающих объектов — НЛО. Кристиану даже удалось успешно сфотографировать эти диски.

Да, в Сумгане хватает загадок.

2.5. Галерея Фортуны

Вторую неделю работает в Кутукском урочище экспедиция „Кутук-Сумган-83“. В ее составе представители Усть-Каменогорска, Алма-Аты, Лениногорска, Актюбинска, Белоусовки. В составе „генералитета“ председатель республиканской спелеокомиссии Казахстана Владимир Толмачев и инструктор из Красноярска Виталий Заяц. Виталий пришел на Кутук один, и первым, кто встретился ему у Сумганского ручья, оказался усть-каменогорец Виктор Фитисов. О той встрече Виктор рассказывал с присущим ему юмором:

— Выходит из лесу высоченный мужик с рюкзаком и говорит: „Здравствуй, я — заяц“. Стою я и думаю — псих, наверно. Что бы и мне про себя такое сказать? „Здравствуй, а я — утка!“ — что ли?

Смех — смехом, а помощь Виталия была очень кстати — в составе экспедиции, в большинстве своем, почти не обстрелянная на вертикалях молодежь, и мне, в роли руководителя и диспетчера работ, приходится туго.

Проложена веревочная „дорога“ по стволу пропасти, сменяя друг друга, уходят под землю отделения. У каждого своя задача. Бесперебойно работает почта Старого Сумгана.

«„Сумган — Земле“ 8 июля 83 г. 21-00. Привет от жителей Сумгана всем, у кого над головой небо, а не каменюки! Костя, за день сделано следующее:

1. Отделение 5 забросило на маршрут и установило три деревянные лестницы. Провесили веревку 9 метров с бревна, что

на катушке⁹³ в Глиняную систему. Веревка коротковата. Завтра поменяем на ту, что висит на отвесе от Кукольного театра. До лаза и ручья не дошли, промерзли и в 18-00 решили возвращаться в лагерь.

2. Отделение 1 весь день копало траншею в конце Проспекта Геофака. Особых успехов нет, хотя и работали непрерывно. Вода из сифона Гуровой реки сливается, шланга не хватает, но уровень воды понизился.

3. Отделение 2 проткнуло глиняную пробку на ручье в Мокром зале за Кукольным театром. Сейчас там грязевый сифон. На той стороне прослушивается большая полость — гулкий звук, когда ногами пропихиваешь грязь на ту сторону. Нужно ведро или даже два для отчерпывания.

Лагерь мы поставили в зале Слона на стыке с Актовым залом. Работали в ручье, копали до полного оупения, огрязнения и замерзания. Сделали 60–70% работы. Сейчас работает вторая смена.

Мы страдаем страшным склерозом. Мы забыли в НБЛ⁹⁴ асбобткань для примусов, штормовку Игоря и посуду Виталия. Прошу прислать утренней связью. Приносим свои извинения за такой бардак. Все. Шакалов.

P.S. Костя, как здесь здорово! Господи!

P.P.S. Игорек доработался в пещере до того, что сказал: „Сейчас залезу в спальник и в темноте перемотаю пленку“. Каково!»

«„Земля — Сумгану“: И так, вы с Женей Зининым и Олей Романовой идете на Нижний ярус. Посылаю вам крючья. Пойдете, как договорились, через колодец Вейса. По Основному сейчас падает лед, вчера грохнуло. Так что опасно.

Под колодцем Вейса — озеро, глубоко. Не мерил, но больше метра. Веревка на спуске приводит прямо в центр этого озера, так что приходится изрядно попотеть, пока с вису дотянешься до края гура. Потом оттянете веревку на карстовый мост⁹⁵ и спускайтесь прямо туда.

Дальше пойдете вниз прямо по гурам, не сворачивая ни вправо, ни влево, — в самый узкий, но высокий ход. Он весь зарос коричневыми кораллитами⁹⁶. Оттуда по глине вниз — попадете к Ниагаре — такой громадный белоснежный каскадный натек. Обойдя его справа, найдете низкий грязный лаз — вход в зал Храм. Это надо смотреть! Когда мы попали туда впервые, хоть и мокро, ходили по натеку в носках — глаза слепило белизной.

Если от Ниагары идти вниз по ручью, выйдешь к Реке. Ходите только по широким ходам, запоминайте дорогу назад.

⁹³Катушка — скользкий наклонный ход, спелеосленг.

⁹⁴НБЛ — наземный базовый лагерь.

⁹⁵Карстовый мост — обычно это остатки рухнувших перекрытий между подземными этажами; на поверхности — остатки пещеры в виде арки.

⁹⁶Кораллиты — помимо озерных кораллитов, образующихся за счет выпадения солей из озерной воды при ее испарении, изменении температуры или других условий, в пещере часто встречаются пупырчатые ветвистые образования конденсационного происхождения или возникшие за счет разбрызгивания и последующего испарения тончайшей водяной пыли.

Вправо от Ниагары длинная глиняная галерея приведет в зал Ворота в Рай. Вы его узнаете по огромным аркообразным белым натекам на стенах зала. Отсюда вверх — в Актный зал Верхнего яруса, поднимается Туманный колодец. Это совсем рядом с нашей базой в Актном, иногда можно докричаться до ребят. А какое там эхо!

Отсюда можно выйти в Основной шахте и в Ледяной зал.

Володя и Вадим пусть копают штольню, взяв перекус. Если сломают лопату — на связи поднимете. Напоминаю — вечерняя связь в 22-00. Ждем вестей! Серафимов.»

«„Сумган — Земле“: Пришлите, пожалуйста, свечи! Мы дожигаем последние. И не очень маленький кусочек сыра тоже пришлите.

Лопатная бригада № 1. Главный лопатник Петров.»

«„Земля — Сумгану“: Посылка.

Куда:	г. Сумган. площадь Актный зал	БЕСЦЕННАЯ. НЕТТО: 10 кг
Кому:	Пещерным людям.	БРУТТО: 0,5 кг
Откуда:	г. Сверху.	Хранить в сухом, светлом и теплом месте!
От кого:	от Ждущих, Страждущих, Верящих, Надеющихся и всегда СКУЧАЮЩИХ.	
18 июля 1983 г.		Девчонки.»

«„Сумган — Земле“: Вечерней связью посылаю вам кусочек моего любящего Сердца! Ирка.»

«„Земля — Сумгану“: Петрову. Мне кажется, что нужно полнее использовать женский труд. А то девушки скучают.

Особо Ирке: Не разбазаривай сердце! Вчера еле вытащили, а сегодня Игорь сказал: „О! Опять тяжело пошло, сейчас кусочек селезенки пришлет!“ Удачи! Земля.

P.S. Копать, копать и копать!»

* * *

Копать, копать и копать. Спелеология — это не всегда стремительные спуски и увлекательные приключения. Прежде всего, это тяжелый и зачастую далеко не поэтический труд. Еще раз заглянем в справочник:

«... На северо-восток от Актового зала отходит широкая галерея, приводящая на Эверест — высокий холмообразный глинистый намыв. Далее она спускается в том же направлении, в 300 м к востоку от начала сужается и поворачивает на запад, а затем — в обратном направлении. Протяженность Большого кольца (без ответвлений) превышает 1,1 км. Теперь этот участок достаточно сух, а в прошлом здесь бушевала подземная река, о чем свидетельствуют мощные отложения глины на полу и крупные окатанные валуны диаметром до 1 метра.»

Это данные 1971 года. Сумган-Кутук был обнаружен геологической партией А. И. Олли и Р. Э. Алксне совсем, в общем-то, недавно — в 1960 году. Даже удивительно для такой огромной пещеры, вход в которую не мог не привлечь внимания местных жителей. Видимо, эту дату следует понимать в аспекте спелеологического открытия. Только через пять лет после Олли первые исследователи ступили на дно пропасти. Это была экспедиция Башкирского госуниверситета под руководством Е. Богдановича и М. Чванова⁹⁷.

Затем усилиями свердловской городской спелеосекции была составлена карта более 8-ми километров ходов — ею мы пользуемся и сейчас при сопоставлении результатов.

* * *

Эверест — почти 40-метровой высоты, покрытый скользкой глиной, перевал огромной галереи. Глиняная гора на перевале почти смыкается с потолком, оставляя только узкий лаз на самом верху. Далее за перевалом, столь же круто, как только что поднималась, галерея резко идет вниз. Так родилась гипотеза о наличии восходящего над вершиной Эвереста колодца, откуда, якобы, некогда натекла эта мощная глина.

Однако осмотр вершины Эвереста не дал ей подтверждения. Глина упирается в сплошной каменный купол, исчерченный параллельными продолговатыми бороздами. Какими-то очень знакомыми бороздами!..

За узким лазом на вершине спуск с Эвереста приводит на Проспект Геофака. Просторная, прямоугольная в сечении, галерея сначала довольно круто, затем все положе стремится вниз — настоящее метро на глубине в добрую сотню метров от поверхности Кутукского урочища. Скупое украшенное натечными образованиями, Геофак, тем не менее, очаровывает путника некоей мужественной сдержанностью облика, в духе утонченного вкуса истинных ценителей красоты. Эти слова можно отнести и всему Сумгану — все здесь мощно, но без излишеств.

Чем дальше вниз — тем шире, грандиознее галерея. Остается слева единственное ответвление — черная арка начала хода Змеевик. За ним галерея постепенно расширяется метров до тридцати. Но все ниже становятся ее выглаженные водой своды. Пригибаем головы, затем ненадолго распрямляемся. Здесь еще можно идти в рост, лавируя каской вдоль знакомых по Эвересту продольных борозд на потолке. Все чаще встречаются углубления в своде в виде перевернутых полусфер разного диаметра.

И вдруг — все. Конец! Глаз отказывается верить, что эта величавая галерея кончилась. Потолок полого ныряет вниз, смыкаясь с глиной. На полу сухой окаменелый глиняный такыр. И только тонкая щелочка между ним и потолком. Сколько раз, утыкаясь в этот обидный тупик, лежали мы на холодной глине, пытаясь заглянуть в черную щель. . .

Как возникла галерея Геофака?

⁹⁷ **Михаил Чванов** — башкирский писатель, получил, по всей видимости, тяжелые впечатления от первых экспедиций БГУ 65–66 гг., если судить по его книге „Лестница в небо“, Башкирское книжное издательство, Уфа, 1975 г., которая, будучи далеко не документальной, является, тем не менее, весьма колоритным и увлекательным повествованием о буднях спелеологов.

Здесь текла река. Откуда и куда? На первый взгляд — все кажется понятным: вода текла сверху вниз — с Эвереста в этот грандиозный тупик, и... выбила в скале такое впечатляющее русло, чтобы бесследно исчезнуть? Невероятно. Здесь пещера должна иметь продолжение.

* * *

Возможен ли в принципе такой прогноз? Можно ли предсказать существование неизвестных пока пещерных ходов? Пещера живет. Все происходящее в ней процессы накладывают на ее облик те или иные отпечатки. Если сумеет распознать эти следы, сопоставить между собой и раскодировать полученные результаты — тогда есть надежда выявить перспективные направления дальнейшего поиска продолжений пещеры.

Основа основ изучения подземных полостей — их топографическая съемка. Ее результат — карта пещерных лабиринтов. Построение разреза-развертки маршрута от входа в пропасть до тупика в конце галереи Геофака заставило нас буквально подскочить. До этого момента нам представлялось, что Большое кольцо относится к Верхнему ярусу пещеры, сообщенному с Нижним тремя без малого 40-метровыми колодцами: Основным, Туманным и колодцем Вейса. Правда, еще свердловские съемки выявили наклонный характер ярусов Сумгана. Это означало, что некоторые системы ходов Нижнего яруса по абсолютному уровню находятся чуть ли не выше отдельных частей Верхнего яруса. Обе 5-километровые системы пустот Верхнего и Нижнего ярусов ниспадают к подземной реке. Побуйствовав на Верхнем отведенное ей природой число тысячелетий, река каким-то образом перебралась на Нижний. Но каким?

Так вот — на построенном нами чертеже галерея Геофака опускалась почти на уровень реки! Получалось, что, стоя на такыре таинственного тупика, мы фактически находились в двух-трех метрах над современным потоком — коллектором, дренажной всего Кутукского урочища. Догадку надо было как-то проверить.

Бродя по Геофаку, в сотый раз всматриваясь в топографические планы и разрезы, мы не могли отделаться от ощущения, что чего-то недопонимаем, в чем-то делаем большую ошибку. Что-то было явно не так, прямо в глаза лезло, но упорно не давалось осознанию.

И вдруг — прорезалось, осенило: а что, если все наоборот? Река-то текла — да не туда, не в ту сторону! Не вниз с Эвереста, а вверх. И не пропадала она в злополучном просторном тупике, а появлялась и под напором текла вверх по этой грандиозной фреатической галерее, поднимаясь, таким образом, на добрых 80 метров!

Стоило взять за основу эту гипотезу, как все сразу как бы встало на свои места. Поток переваливал через Эверест со стороны Проспекта Геофака и устремлялся вниз — к Актовому залу и Туманному колодцу. Безусловно, что при этом вся галерея Геофака должна была быть заполнена водой до потолка. Иначе трудно представить себе напорный поток. И тогда понятными становились и загадочные следы-борозды на потолке, и глина, вознесенная рекой к вершине Эвереста, и куполообразные углубления в сводах.

Итак, мы находимся в древнем русле коллектора Кутукского урочи-

ща? Что ж, многое говорит за это. А современные русла на поверхности спрессованной временем глины — это уже потом, позже. Текли ручейки по древнему пути своего могучего предка, текли, как им и полагалось, под горку, в обратную прежнему направлению потока сторону. И исчезали в тупике Геофака. Куда? Наверняка туда, откуда когда-то вытекал этот гипотетический напорный поток-река! Догадки — догадками, но как проверить их правильность, если не попытаться посмотреть своими глазами?

* * *

Вот уже неделю, сменяя друг друга, отделения вгрызаются в каменную глину тупика Геофака. Саперные лопатки и совки. Ход нужно рыть достаточно свободным, чтобы орудовать шанцевым инструментом, но и не слишком просторным, дабы не выгребать лишние кубометры. Постепенно постигаем премудрости древних рудокопов. Согнувшись в три погибели, стоя на четвереньках, забойщик долбит целину, сгребаёт добычу в пудовое от налипшей глины ведро, потом маневром фокусника пропихивает ведро назад — высыпавшему. Высыпавший натягивает на ведро транспортный мешок и вытряхивает в него глину. Два ведра — и мешок готов для выемки.

Команда „Пошел!“ Толстой от налипшей глины веревкой вытяжные — один или двое, тянут мешок по штольне к выходу, чтобы высыпать „руды“ в отвал.

Мы ведем штольню вдоль едва заметного желоба на потолке, в котором сохраняется более толстая прослойка воздуха над подступающей к сводам глиной. Этакий специфический полуоткрытый глиняный сифон. По всей поверхности такыра вокруг потолок не смыкается с глиной совсем — черные щели между глиной и камнем где больше, где меньше, в среднем — сантиметров пять–шесть, и это вселяет оптимизм.

Восемь часов работы с небольшим перекусом в середине смены. Забойщик в поту, остальные — в инее. Для поддержания настроения обмениваемся репликами, которые мгновенно пробегают по цепочке работающих.

Саша Гановичев:

— Шеф! Как назовем новый проспект?

— Как назовем? — отзываюсь я.

— „Какин ход!“ — бурчит из забоя весь облепленный глиной Леха Васюков.

— ...!

— Леха! Сидя в этой шклевотине, я, кажется, изобрел новый корабль.

— Какой?

— „Шклевонтина“.

— А-а, в таком случае я знаю, как называется его капитан. . .

— Ну, и как?

— Шклипер!

Тянутся часы. Все уже устали. Наконец, Васюков не выдерживает:

— Начальник! Темнеет! Пора на ужин.

Но я еще полон упорства:

— Ничего! Будем работать при свечах!

Хохот гулким эхом отдается по Геофаку.

Говорят, что здесь самое теплое место в пещере: +6 и довольно сухо. Но холод пробирает не на шутку. Здесь в особой цене те, кто способен работать, сохраняя чувство юмора, „незвизрая на...“. Благо, в этом отношении народ у нас подобрался удачно.

Между ударами лопатой угадываю позади чей-то голос. Травят очередной анекдот:

— Мужик один, из нашего брата, вышел в зал, вроде Актового. Кричит: „Э-эй!“ Эхо отвечает: „Э-эй!“ Мужик: „Э-эй!“ Эхо: „Э-эй!“ Мужик: „Э-эй!“ Эхо: „Да надоел уже!“

* * *

Да-а... Провести трудовой отпуск в тесном холодном забое, глине и сырости, у черта на рогах... О таком говорят: „В бане кому скажи — шайками закидают!“ А побудила нас к этому занятию одна единственная фраза, причем оброненная женщиной. Как-то, еще в Москве, на одном из спелеосборищ, когда, как обычно, разговор коснулся Сумгана, Вовчик Свистунов заметил:

— Чухрова-то Ольга, знаешь, что говорит? Дует там, в конце Геофака.

— Чего-чего? А ну повтори?

— ДУЕТ ТАМ, В КОНЦЕ ГЕОФАКА.

— Дует?

— Божится, что дует. Полчаса лежала, говорит. Слабенько, но поддувает.

Дыхание пещеры! Дует? Не может быть! Я сам лежал как-то у этой щели и ничего не чувствовал.

Чухрова оказалась права. Теперь, в штольне, которая постепенно удлиняется, нет-нет да и проскользнет легкое дуновение. Колыхнет язычок свечи, и снова непонятно — дует, нет? Есть какой-то ток воздуха. Но слабый и странно меняющий направление. Лишь бы был! Хоть какой-нибудь! Ну, и то, что мы здесь еще не задохнулись, тоже подтверждает наличие кое-какой естественной вентиляции.

К концу десятого дня раскопок штольня вытянулась на добрых 25 метров и вслед за бороздой на потолке изогнулась двумя поворотами вправо и влево. Полого, но штольня шла вниз. И глина по урезу траншеи все плотнее смыкалась с потолком. Но — так и не сомкнулась совсем. Правда, теперь заглянуть вперед уже не удавалось — потолок с путеводным желобом прижимал каску, голову, не давал глазам приподняться на уровень щели.

На десятый день работ отделение Ербола Курмангалиева — „люди Ербола“, как окрестили бригаду в экспедиции, — вынуло последний мешок глины и завершило работы „по причине невозможности их продолжения“. Нет, глина отламывалась не хуже и не лучше, чем в первые дни, и желоб все также шел по потолку, и даже подувало все с той же силой, но — кончился запал. Да и экспедиция близилась к концу.

Побросав в штольне лопаты и ведра, люди Ербола отступили.

* * *

Где лежат самые красивые места пещеры? Ну, конечно же — за самым мерзостным шкуродером! Тот, кто не новичок в кейвинге, знает. Это гипербола, но все же. Память человека, его чувства прекрасно устроены. Со временем из памяти уходит плохое, и вспоминаются, прежде всего, минуты радости, добытые на грани возможного. А жизнь, будто специально, подсовывает ситуации, когда проблема выбора встает ребром, шилом: продолжать или отступить?

Отступить можно почти всегда. Речь не идет о тех, у кого нет выбора. Их мужество стоит в другом измерении. Но простишь ли себе, что выбрал отступление и не сделал того единственного усилия, за которым открывалась Победа? Если бы знать, что еще шаг, и ты у цели — отдал бы последнее и шагнул. Если бы знать!

Чаще — исход неизвестен. Вот тут-то и вступает в силу закон Упорства и Удачи. Давно замечено, что красотка Фортуна равнодушна к настойчивым и упорным, идущим вперед наперекор бессилию, банальной логике, „очевидной“ бессмысленности дальнейших усилий.

Конечно, среди нас было немало тех, кто сожалел о проведенных в штольне днях. Рыть проклятую глину вместо прекрасных ощущений в скитаниях по Сумгану? Они отработывали без веры в успех — кто в силу природной добросовестности, кто из-за обстоятельств: просто деваться было некуда. Что греха таить, к концу экспедиции надежд на удачу в Геофаке у большинства из нас почти не осталось. И только единицы с неослабевающей решимостью рвались вперед. Два, максимум три, метра проходки в смену позволили продвинуться за 10 дней довольно далеко. Но...

Люди Ербола сообщили, что потолок „сел“ на глину, и надежд нет. Это подкосило даже самых упорных.

А время поджимало. Как неожиданно кончаются экспедиции! Будто только еще ложились на бумагу четкие цифры раскладок, и накатывала долгожданная дорога: в стуке колес, в гуле двигателей, в суматохе погрузок и выгрузок, в хриплом дыхании перевалов, в дымной тесноте ночевок... И первая после разлуки встреча с Пропастью, штурм — не штурм: работа. Азарт и усталость, надежды и разочарования. Где мелькнул тот невидимый поворот?

... Будто с невидимой горки, экспедиция уже катится к завершению — все быстрее и быстрее.

И вот — мы уходим. Последний вечер в Сумгане, хруст сухарей, запахи заветного ужина, сваренного из всех остатков на последнем бензине. И органными аккордами гудит под сводами Актового зала гитара — Гановичев пробует новую песню:

Ну, вот и все, Сумган,
Последних метров грусть,
Снимается навеска — мы уходим...
А ждут меня —
Рюкзак и дальний путь.
Прощай, Сумган, недолги сборы — мы уходим.⁹⁸

⁹⁸А. Гановичев „Прощание с Сумганом“, Усть-Каменогорск, 1983 г.

* * *

Утром по связи передали — наверху дождь. Грустно выходить из пропасти в непогоду, когда так хочется солнышка. Но делать нечего. Ребята молчаливо сворачивают лагерь, пакует мешки, челноком подтаскивают груз ко дну входного отвеса. Снежный конус съезжился, почернел, и здорово подтаяли над нашими головами леднички, что так и ждут пока своего часа.

— Саша, а ведь в Штольне снаряжение после Ербола не забрали?

— Похоже, нет.

— Вот черт, придется идти. Не оставлять же — растащат туристы.

До чего же не хочется тащиться через Эверест! Еще никому не удалось взобраться на него сухим — не вспотев и не перемазавшись в глине. Иду первым, слыша за собой дыхание Гановичева. На самом перевале, где приходится ползти через глиняный лаз, почудилась впереди тонкая женская фигурка в белом: лежит на спине, смотрит в источенный лунками потолок. До того четко увидел, что даже остановился и мотнул головой — галлюцинация!

Потолок поднялся. Скатываемся с глиняной горы, сотрясаем шагами своды. А вот и Гуровая река. . . Хребет Динозавра — глиняный горб в средней части галереи, по которому мы идем, развилка в Змеевик. . . Каждый раз, уходя отсюда, думаю — вернемся ли? Если исчезнет надежда на продолжение пещеры, то едва ли. Кто это сказал: „В мире слишком много дорог, чтобы проходить их дважды?“

Штольня. Пока Саша сматывает вытяжную веревку, лезу за лопатами. Неплохо поработали! Вот и забой. Действительно, глина почти смыкается с потолком. Да. . . Надежды не оправдались. Откуда же приходила река? Неужели через сеть непроходимых для человека трещин? Но ведь дует же откуда-то! Машинально пытаюсь заглянуть в крохотный зазор между глиной и потолком. Мешает каска. Долой!

. . . Что-то там не так впереди. Мощусь, втискиваясь в потолок. Чернеет что-то. Что? Не понять, но сердце вдруг начинает колотиться быстрее. Хватаю лопату, торопливо сбиваю переднюю кромку глины. Впереди, буквально в двух метрах, зияет пустота! Свет не упирается в стену, не вязнет в бесконечной щели между глиной и потолком — он теряется в черноте, высвечивая только приземистую арку свода в двух метрах передо мной.

Ору Сашке. Он приползает вихрем. Кое-как пропускаю его мимо себя — вдвоем в штольне тесновато.

— Смотри! Ну? Что?

— Стена, вроде. . .

— Какая стена!?

Снова протискиваюсь к щели. Вот она — арка!

Смотрю на часы. Мысли — карусель! Сейчас наши начинают подъем. Значит, у нас есть еще часа четыре. Надо копать! Забываю о Земле, обо всем. Я уже знаю — мы сейчас пройдем. Куда? Не знаю. Но мы пройдем эти два метра! За ними неизвестность. В наших руках усилия всех этих дней. Почему же Ербол не сказал о расширении? Не видели? Не верили!

Пока Сашка бежит в лагерь предупредить, что мы задерживаемся, яростно вгрызаюсь в забой. Рою не штольню — лаз: лишь бы пролезть. Отгребаю глину прямо по ходу. С каждой лопатой уверенность растет. Потолок явно идет вверх. Пытаюсь пролезть — узко. Комбинезон прилипает

к глине. Вылезаю, долблю, отгребаю. Копаю и боюсь: а вдруг все зря, вдруг тупик?

Приползает Гановичев, начинает отгребать, проталкивать отвал дальше по штольне. Снова смотрю в щель, нет — уже в лаз! Похоже, пройду. Ложусь на спину и медленно вдавливаюсь в прокоп. Прохожу!!! Рывок и я вываливаюсь в расширение. Низкий потолок широкой аркой идет дальше. Под ногами нетронутая глина. Кричу. Эха нет и в помине. Неужели все? Сзади лезет Саша:

— Меня, меня подождите!

— Конечно! Слышь? Идет немного!

На душе неопишимо. Даже если все, тупик — это удача. Хоть куда-то, но прошли!

И вот мы вместе. Медленно, не веря глазам, на четвереньках ползем вперед. Свод идет вверх. Галерея! Это настоящая галерея! Вот уже идем в полный рост. . .

Оцепенение чувств сменяется бурной радостью. Что-то кричим, толкаем друг друга: смотри, смотри! Впереди не то грот, не то расширение галереи. Здесь все точно, как в Геофаке — свод, словно юрта. Над нами идеальной формы вогнутый купол. Озираемся. Потолок впереди снова снижается метров до трех. Эха по-прежнему нет.

Идем вперед, ожидая и боясь упереться в стену. Потолок все ниже, ниже и вдруг. . . взмывает вверх! На нас обрушивается эхо. Какое эхо! Какой зал! Свет наших фонарей уходит вверх — серый потолок на высоте пятиэтажного дома. Эти округлые формы сводов, будто вдавленные назад по ходу — явный след напорных течений, завихрений потока. Этот зал выше Геофака! А почему бы нет?

Наполняя грехотом зал, мы поем и кружимся, как дети. Позже мы так и назовем этот зал „Пуркуа па“ — „Почему бы нет!“ И вот снова бежим вперед по галерее. Пол катится под уклон, своды тоже. Так не хочется, чтобы это кончалось! Но. . . увы. Вот и все.

Стоим у стены, под которую уходит русло пересохшего ручья. Еще один сухой глиняный сифон. Теперь нас этим не испугаешь! Оглядываюсь. Из тьмы зала к нам тянутся две цепочки удивительно четких следов. Обратного следа нет. Здесь только наши следы!

Обратно идем медленно, смакуя каждый шаг. Осматриваем каждую подробность. Мы — первые! До нас тут не был ни один человек на всей планете. И пусть наша удача мала — она наша! Слышишь? Мы посвящаем нашу галерею тебе — Фортуна!

Пора идти. Страшно жаль, но пора. Дальнейшие раскопки — дело будущих экспедиций. Теперь уже никто не усомнится — стоит ли. А если усомнится, мы приведем его к Штольне, проведем по галерее Фортуны и расскажем эту историю. Как мы остановились в двух метрах от Удачи. И только потому, что не верили уже в успех. И как все-таки победили.

А у Идола горят свечи. . .

* * *

Выхожу из Пропasti последним — прямо под серый дождь. Нас встречают. Все мокрые, грязные. Жмем друг другу руки. Вокруг счастливые лица:

радость приправленная белой завистью—прошли! Весть об этом вихрем распространяется по Кутуку. Прошли! Не мы двое—Гановичев и я. Мы прошли. Это успех всей экспедиции, всех, кто пришел сюда, поделив тяготы и работу. А нам с Саней просто немного повезло. Это—счастливый билет и... немного упорства. Того самого, что не хватило другим. Того, что когда-то не хватило нам в Ленинской, а в результате радость открытия 80-метрового колодца за гротом Рудокопов досталась свердловчанам. Того... да что вспоминать! Сегодня у нас праздник. Несмотря на дождь.

Снимаем навеску, и Сумган сразу становится строже...

И пусть закружит нас дороги хоровод,
Но на перронах шумных и в вагонах
Мы вспомним Ледяного синий лед
И Актового сумрачные своды.
И затуманит нас невнятная тоска,
И вспомнятся друзей чумазных лица,
И первый спуск, и над колодцем облака,
И тот Сумган, который только снится...⁹⁹

⁹⁹А. Гановичев „Дорога от Сумгана“, Усть-Каменогорск, 1983 г.

3. Оглянись на бегу и пойми...

3.1. Провалы в памяти

Впервые за эти дни над лесом проглянуло солнце. И Алек преобразился. Буковые заросли сверкают каплями влаги. Не верится, что все эти дни мы плавали в облаках, тумане, кутаясь в полиэтилен.

— Слушай, Серега, я уже забыл, какое оно — Солнце!

Шалыга кивает. Ему Кавказ пока в диковинку. Володя Киселев усмехается:

— Анекдот знаешь?

— Какой?

— Приходит клиент к врачу: „Доктор, у меня провалы в памяти“. „Интересно, и часто они у вас бывают?“ „Что?“ „Ну, провалы. . .“ „Какие провалы?“!

... А ведь действительно — почти уже забылись события последних трех дней. Не забылись, конечно, но как-то отошли на второй план. Неужели был солнечный Сочи, региональная конференция по карсту Западного Кавказа и Володя Резван, прервавший заседание:

— Товарищи, мы только что получили сообщение с хребта Алек. В пещере Ручейная сломал ногу новомосковский спелеотурист. Всех, кто имеет снаряжение и соответствующий опыт, прошу принять участие в спасательных работах. Выезд через час, машина уже вышла.

Что было потом? Суета сборов. Приходится расставаться с присутствующими на конференции зарубежными коллегами, в том числе с участниками планировавшейся по ее окончании нашей совместной с поляками вылазки в другую пещеру Алека — Осеннюю.

Болгарин Йордан Христов протягивает Шалыге свою решетку¹⁰⁰ — может быть, пригодится? Мы не привлекаем иностранцев к спасработам, но предложить помощь — дело чести каждого.

В пятиместном спасательном „УАЗике“ битком народу. Впору подавать заявку в книгу рекордов Гиннеса. Водитель, врач, шестеро спасателей со своими рюкзаками, спасфондом, продовольствием и радист с радиостанцией! И вся эта куча ввинчивается в ночной серпантин горной дороги. Неужели все это было?

* * *

Буковая поляна необычно пустынна. Мы с Киселевым помним ее другой — уставленную палатками. От них сейчас остались только решетчатые настилы из жердей и веток: так на Кавказе устанавливают палатки. Поставишь прямо на землю — смоем при первом же ливне.

На дощатом столе посреди поляны — следы подготовки к нехитрой трапезе. Игорь Пономарев, морщась от едкого дыма, машет дощечкой над несговорчивым буковым костром. Рафал Кардаш, Анджей Чишевски и Артур Шмигельски размягченно щурятся на солнышко. Пока мы доставали новомосковца из Ручейной, поляки накупились в водопадах Осенней. Пройти ниже — 250 им не удалось. Все в будущем! Беру гитару:

¹⁰⁰Решетка — приспособление для спуска по веревке.

Вот мы опять на поляне на Буковой.
Вот и опять мы тревожим Кавказ.
Сколько всего было тут между буками!
Столько всего, что мы вспомним не раз.

Сумрак и дождь над Алеком сгущаются:
Видно, нас ждет неплохая вода!
Польская речь с речью русской мешается...
Нам наших встреч не забыть никогда.¹⁰¹

* * *

Оглядываясь в недалекое, в общем-то, прошлое — на какие-то 20–30 лет назад, вижу темноту. Я знаю только то, что было при мне.

1978 год можно считать годом рождения кейвинга в Восточном Казахстане. Нашлись единомышленники в других городах республики: Алма-Ате, Джамбуле, Целинограде, Актюбинске. Но что было раньше? Ведь не мы были первыми. Кто-то из наших предшественников вот так же, как мы сейчас, сидел на Буковой поляне, смотрел на те же буки, что под порывами налетающего с близкого моря ветерка осыпают нас каплями зацепившегося за листья дождя. Кто они? Как получается, что целые поколения уходят, не оставляя следа? След остается, но он затерян, хоть и живет в отдельных документах, воспоминаниях некогда шедших плечо к плечу, а ныне рассеянных по всему свету людей.

С каждым годом эта ниточка все тоньше.

И в круженьи беспечном
Оглянись на бегу и пойми:
Эти горы не вечны,
А тем более — мы...

* * *

Такой редкой ниточкой между прошлым и настоящим оставался Владимир Николаевич Толмачев, бессменный предводитель алма-атинских спелеологов последних двух десятилетий. Но ведь должны были быть и другие? Постепенно, как пишут в детективах, круг поиска сужался. Первыми отозвались лидеры действующих спелеосекций.

«Здравствуй, Костя. Не могу встретиться с Толмачевым: то у него сессия, то куда-то уехал. У него есть какие-то материалы, касающиеся самого начала. А пока выдаю то, что сохранилось в моей памяти.

Первое организационное собрание Алма-Атинской городской спелеологической секции (АГСС) было в декабре 1963 года. Сохранились две фамилии людей, стоявших у самых истоков — Стефаненко и Полуэктов. Полуэктов сейчас живет в Тольятти. Больше у меня ничего нет. Далее громадный пробел, в котором

¹⁰¹К. Б. Серафимов „Интерспелео-88“, Сочи, 1988 г.

где-то в отрыве от земли витают фамилии Кима Т. А. и Липиной Е. П. О Киме не знаю вообще ничего, но Липина в свое время, кажется, была достаточно сильна, имея в активе первопрохождение пещеры Примусная на Кавказе где-то в 74 году. Ее я застал уже преподавателем школы предлагерной подготовки 78 года: читала мне лекции по программе ШПП и очень даже хорошо читала, без дураков знала дело. Где-то к началу 70-х относится и начало спелеокарьеры Толмачева. Володя никогда ничего о себе толком не рассказывал, и что было до моего прихода в 77-м году — не знаю.

... К 79-му году народ разбрелся в разные стороны. Большинство — из-за распределения после окончания института — костяк секции был из студентов Казахского Политехнического Института, геологоразведочный факультет. Я не исключение, но причины другие — женитьба, альпинизм, работа. Остался только Толмачев, и лишь благодаря ему, терпеливо собиравшему все новые и новые группы, что-то осталось.

Толмачев — фигура неординарная и самая, я бы сказал, выносливая. Это единственный человек, который, подобно мощному столбу, держал и держал те непрерывные развалины, которые назывались АГСС. Ему и только ему мы обязаны тем, что мы есть.»

В письме Саши Шакалова, руководителя одной из столичных секций, в едином аккорде звучат характерные струны того времени. И не только того. Все наши болячки проступают в этих строках: отсутствие неформальной связи между поколениями, недостаток внимания к „старикам“, скромно и неутомимо приносящим на алтарь Дела свое время, личное благополучие, здоровье.

Информации негусто, но уже что-то есть. Редкий пунктир по целине провала в памяти. Просматриваю архивы переписки конца 70-х, перебираю странички прошлого. Так, а это что?

«... Коротко о себе. Толмачев Владимир Николаевич, 1947 года рождения. Спелео занимаюсь с 1971 года. В настоящее время являюсь председателем спелеокомиссии Казтурсовета. Так как с 21 мая 79 года уезжаю в поля, вместо меня остается Липина Елена Павловна. Все данные прошу высылать ей. ...»

И все. За всю, более чем десятилетнюю, нашу переписку, о себе больше ни слова. Но Толмачев всегда старался сделать даже больше того, что мог. Ниточка потянулась глубже...

* * *

Наши палатки на Буковой поляне закутались в полиэтилен, намохлились на деревянных настилах. Небо чистое, но на Кавказе ливни не предупреждают о своем появлении.

Буковый дым едок. Морщимся, но так хорошо, что есть этот дым! Что нет дождя!

Чача—виноградная водка, на этот раз слабовата, но полякам нравится. Жаль все-таки, что не удалось поработать вместе в Осенней!

Солнце лучом прорвалось через облако.
Рядом плечо—твой товарищ и брат.
Он из Москвы, из Варшавы иль Вроцлава—
Не различить в рыжих бликах костра.

Пусть не всегда удастся, что хочется,
С гулом вода по колодцам идет,
Майский Алек нам не раз еще вспомнится
Там, в городах, где разлука нас ждет.

Да, вот так же, почти четверть века назад, сидели здесь наши предшественники-казахстанцы. Смотрели на огонь, собирали снаряжение, готовясь к штурму еще неизвестных пропастей Западного Кавказа. Они смогли вписать несколько слов в летопись спелеологических исследований Алека, историю советского кейвинга. И надо постараться прочитать эти слова через дымку времени.

Толмачев—молодец Старый Крот!—прислал уникальные документы: протоколы первых собраний алма-атинской спелеосекции в начале 60-х, в том числе „Историческую справку о развитии спелеотуризма в Казахстане“, составленную В. И. Полуэктовым в 1968 году, и „Тезисы о развитии спелеотуризма в Казахстане в период 1963–69 гг.“ Липиной Е. П. Вчитаемся в эти, может быть, скучноватые строчки, выбранные мной из разных писем, справок, записок и протоколов. Может быть, кто-то увидит здесь свое имя.

Если же, мой Уважаемый Читатель, Вас мало интересует история казахстанского кейвинга, пропустите эти странички. И не удивляйтесь, если со временем кто-нибудь вот также обойдет своим вниманием то, что некогда было пройдено Вами...

* * *

Первая в Казахстане секция спелеотуризма возникла в Алма-Ате в ноябре 1963 года. Толчком для этого послужило открытие в Заилийском Алатау на леднике Богдановича пещеры Октябрьская. Нашел пещеру будущий председатель секции Виктор Иванович Полуэктов. Случилось это 30 сентября 1963 года, а уже 9 октября В. Полуэктов и А. Аратцев произвели разведку пещеры. Через месяц, 6–9 ноября, группа в составе 9 человек: Анатолий Аратцев, Владимир Хамов, Александр Ветринский, Леонид Капин, Роза Кирсанова, Рита Терещенко, Л. Голубев, Виктор Мельчаков, под руководством В. Полуэктова, обследовала пещеру, произведя ее фото и топоъемку.

10 декабря состоялось организационное собрание АГСС, на котором присутствовало 19 человек. Примечательна повестка собрания: от нее так и веет забытыми запахами прошлого.

1. Информация В. Полуэктова о спелеотуризме.
2. Выборы бюро секции.
3. Составление плана работы секции на декабрь месяц.
4. Об экспедиции в каменную пещеру.
5. Об окончании исследования пещеры на леднике Богдановича.

Впервые пещеру до конца прошла группа в составе 19 человек под руководством В. Хамова 22 декабря 1963 года. Еще до этого, 13 октября 1963 года, В. Полуэктов открывает на леднике Туюксу Заилийского Алатау пещеру Плоскую. 1 декабря группа в составе Л. Калинин, А. Ветринский, Н. Байсаров, В. Хамов, Г. Комова, В. Бочаров, Р. Кирсанова, Р. Терещенко и В. Полуэктов произвела обследование пещеры Плоская, пройдя в теле ледника 80 метров.

Следуя решению организационного собрания, в мае 1964 года спелеологи Алма-Аты произвели первый многодневный разведочный поход в поисках „каменной“ пещеры в долине реки Чилик. В походе участвовали: В. Зозуля — руководитель, Л. Калин, Р. Кирсанова, Р. Терещенко, Н. Байсаров, Геннадий Грицков, П. Печерских, Борис Воробцов, В. Полуэктов, А. Ветринский. Разведка не подтвердила сведений о наличии крупной пещеры на южных склонах Заилийского Алатау.

В июне 1964 года В. Полуэктов в качестве инструктора принимает участие в сборе подготовки младших инструкторов спелеотуризма на Южном Урале.

* * *

Первые „каменные“ пещеры появились на счету алмаатинцев после ноябрьской 1964 года экспедиции на юге Казахстана в районе хребта Даубаба и в верховьях реки Каиршақты на юго-восточном склоне Боролдайских гор. (До сих пор не знаю, как правильно — Боролдай или Баралдай?) В разведке принимали участие Алла Кукина, Г. Грицков, О. Шерман, Н. Байсаров, П. Печерских, В. Трофимов под руководством В. Полуэктова. В верховьях Каиршақты были открыты 4 пещеры, где обнаружены колония летучих мышей и пещерный жемчуг. Обследована также пещера Сталактитка близ села Ванновки.

С 29 апреля по 9 мая еще одна группа произвела разведку на хребте Каратау по рекам Бугунь, Бала-Бугунь, Кашкарата, Боролдай. В походе под руководством В. Полуэктова участвовали В. Есенкина, Геннадий Шлемов, Владимир Касьянов, А. Ветринский, Н. Байсаров. Из девяти обследованных пещер вновь открыто семь, в том числе пещера Акмечеть-Аулие.

В июле 1965 года алмаатинцы В. Полуэктов и А. Кукина принимают участие в, первом тогда в стране, спелеолагере в Крыму, где В. Полуэктов работал начальником 1 смены лагеря. В августе того же года та же двойка казахстанцев, вместе с пятью спелеологами других городов страны, устанавливает рекорд спуска в естественные карстовые полости СССР, достигнув глубины —350 метров в пещере Назаровская на хребте Алек. Последующие измерения дали отметку старого дна Назаровской —320, но рекорд, как уже было сказано ранее, состоялся. И казахстанцы приняли в нем не последнее участие, если учесть, что В. Полуэктов, как инструктор сбора, руководил спуском.

В августе того же года алма-атинская группа под руководством Г. Грицкова предпринимает неудачную попытку поиска пещер в Восточном Казахстане, отступив из-за неблагоприятных погодных условий.

В октябре 1966 года впервые в составе алма-атинских экспедиций появляются представители других городов Казахстана. В обследовании

среднего течения реки Угам на юге Казахстана, когда в ущелье Максалбай было открыто три пещеры, под руководством В. Полуэктова принимали участие от Алма-Аты Е. Саенко, А. Полуэктова, В. Семенов, Г. Ткачук, М. Ишанкулов, Ю. Бородкин; от Джамбула М. Захаров и М. Исламбаев; от Чимкента Н. Ахроменко.

В мае 1967 года совместная экспедиция алма-атинцев и чимкентцев открыла 17 пещер в долинах рек Бугунь, Бала-Бугунь и, в основном, в нижнем течении реки Кашкарата.

В сентябре 1967 года проводится Республиканская экспедиция с целью поиска пещер в хребтах Угамский и Таласский Алатау. Среди 15 членов экспедиции под бессменным руководством В. Полуэктова алмаатинцы Александр Шатохин, Ю. Долгих, А. Коваль, Г. Курочка, А. Полуэктова, М. Ильясов; чимкентцы С. Ходжаев и А. Михеев; В. Козлов и Э. Молдалиев из Ленгера; М. Захаров, М. Исламбаев и Л. Каплун из Джамбула. Силами этой команды исследовано 17 пещер в ущельях Макбалсай, Алмылысай и в долине реки Сайрам.

В период с 5 по 13 ноября проводится поход по южной границе Аксуджабагалинского заповедника. В числе 12 участников Е. Саенко, Ю. Долгих, А. Клестер, В. Хамов, А. Полуэктова, Галина Валеева, В. Полуэктов (руководитель) из Алма-Аты; четверка чимкентцев во главе с Н. Шеньшиной, а также представитель Красноярска Борис Мартюшев. Экспедиции посчастливилось открыть 6 пещер и установить рекорд глубины Казахстана, обнаружив и исследовав карстовый провал Кептер-Уя – 35–40 метров.

* * *

Кейвинг в Казахстане набирает силу, поднимается на новые высоты. В ноябре 1967 года алмаатинец В. Касьянов и чимкентец А. Михеев принимают участие в семинаре подготовки руководителей спасательных служб в Крыму.

В декабре того же года в городе Чимкенте создается вторая в республике спелеосекция.

На базе этих двух секций весной 1968 года проводится республиканский сбор руководителей спелеопутешествий. Вот список его участников: В. Полуэктов — руководитель, М. Ильясов — инструктор сбора (оба из Алма-Аты), их соclubники Е. Савенко, Г. Валеева, Е. Липина, Ю. Корнеев, З. Ковкова; чимкентцы: С. Ходжаев — инструктор сбора, Г. Савина, А. Чернышов, Б. Есетов; джамбульцы А. Розыкулов и Л. Яркеева. Во время сбора открыто 6 новых пещер.

Но во всесоюзных спелеофорумах по-прежнему представлены только алмаатинцы.

С 26 июля по 14 августа 1968 года во 2-й смене Крымского спелеолагеря принимают участие Е. Савенко и Г. Валеева. В августе А. Шатохин и В. Полуэктов участвуют в экспедиции по исследованию Красной пещеры (Кизил-Коба) в Крыму.

В сентябре 1968 года чимкентская секция настолько окрепла, что под руководством С. Ходжаева проводит самостоятельную экспедицию по разведке пещер в долине реки Угам, которой удается открыть 10 новых пещер.

* * *

Постепенно спелеотуризм в Казахстане набирает обороты. Появляются дееспособные секции в Чимкенте, Джамбуле, пробиваются первые ростки в других городах республики. Но близок уже сокрушительный удар. В 1969 году уезжает из Алма-Аты первый председатель АГСС и главный мотор всего дела Виктор Иванович Полуэктов.

Тот, кто недооценивает роль лидера в развитии любого дела, крепко ошибается. Личность в истории — это, образно говоря, рулевое управление, система ориентации и стабилизации, катализатор процесса. Коллектив, общество — его наполнитель и двигатель. Мощь без руля беспомощна и опасна. Появляется лидер, несущий идею, тратящий свои силы и энергию на ее воплощение — и дело движется. Уходит лидер, и, если не успел, не смог или не захотел подготовить себе замену — все. Дело, какое-то время еще двигаясь по инерции, начинает умирать.

Полуэктов уехал, и спелеотуризм в Казахстане пошел на спад. Но это не сразу становится заметно. Велика еще инерция, сообщенная Полуэктовым. Председателем республиканской спелеосекции становится Е. П. Липина. В отчете на имя председателя Центральной секции спелеотуризма в Москве В. В. Илюхина она пишет:

«В мае 1969 года состоялся республиканский семинар по подготовке руководителей спелеотуризма. Для проведения теоретических и практических занятий из Москвы был вызван инструктор по спелеотуризму О. Васильев. В семинаре принимали участие 18 человек (Алма-Ата — 10, Чимкент — 5, Джамбул — 3).

Было открыто и исследовано 5 пещер.

Четыре спелеолога из Казахстана Ким Т. и Липина Е. из Алма-Аты, Лымарь В. и Литовка В. из Чимкента в августе 1969 года прошли обучение в спелеолагере на Кавказе по программе первого года. В октябре алма-атинские спелеотуристы приняли участие в областных соревнованиях по туристскому ориентированию и заняли 4-е место.

В сентябре 1969 года была организована секция спелеотуризма в г. Караганде. Председатель секции — Тычинин В.

В октябре 1969 года Чимкентская секция спелеотуризма провела экспедицию по разведке пещер в хребте Коржантау.

В ноябре совершены походы алма-атинских спелеологов в пещеру Октябрьская на леднике Богдановича, а также во вновь открытые пещеры Туюк-Су.

В настоящее время самым большим вопросом является отсутствие опытных спелеологических кадров, что отрицательно сказывается на исследовании данного карстового района.

В Казахстане с отъездом В. Полуэктова нет ни одного инструктора спелеотуризма, поэтому в ближайшие годы нужно употребить все силы на подготовку спелеологов. Желательно активно привлекать казахстанцев к союзным мероприятиям.»

В этой записке первые следы подступающего регресса. Яркой звездой прокатился краснорезц Полуэктов по казахстанскому небосклону. С его

уходом казахстанский кейвинг, начиная с начала 70-х, растерял почти все свои завоевания, людей.

Борьбу за выживание принял на свои плечи алмаатинец Владимир Николаевич Толмачев, взяв на себя тяжкое бремя лидирования в официальном республиканском спелеотуризме. Одна за другой затухали возникшие было в городах Казахстана спелеосекции — привычной „полуэктовской“ поддержки из центра не стало, а своих сил и заинтересованности надолго не хватило.

Мы уже говорили о том, что сама система, в которой был вынужден существовать советский спелеотуризм, не располагала к беспрепятственному его развитию. Лидеры постоянно находились в стрессовом состоянии под прессингом отрицательных эмоций в результате неизбежных контактов с представителями туристической власти. Понятно, что и Полуэктова не являлся исключением из этого печального правила.

В числе других бесценных документов Толмачев прислал адрес В. И. Полуэктова. Я написал и вот — держу в руках долгожданный ответ:

«Причиной распада секции после моего отъезда было, на мой взгляд, отсутствие в ней настоящих энтузиастов.»

Ну как тут не вспомнить крылатую фразу: „Энтузиазм — вещь хорошая, но, к сожалению, — скоропортящаяся!“ Это с одной стороны, а с другой. . . Нужно любить Дело по-настоящему, чтобы не дрогнуть перед трудностями рутинных будней. Но вернемся к письму Полуэктова.

«. . . Я отдал ей (секции) немало сил и времени в ущерб семье и личной карьере. Поддержки со стороны Казахского совета по туризму и экскурсиям и Центральной спелеосекции фактически не было. Наоборот. Например, по результатам наших экспедиций на юг Казахстана мы составили отчет с рекомендацией использовать открытые нами пещеры как туристско-экскурсионные объекты. Отчет отправили на конкурс (всесоюзный). Центральный совет присудил нам первое место. Илюхин оскорбился и настоял, чтобы 1 место вообще не присуждали, и нам — победителям конкурса, присвоили серебряные медали.

С Илюхиным отношения и вообще были прохладные. На заседаниях Центральной секции спелеотуризма в Москве я его резко критиковал за фактический саботаж в руководстве спелеотуризмом страны. В результате он где-то перехватил вызов, который должен был прийти из Центрального совета на мое имя для участия в первой зарубежной поездке наших спелеологов в Болгарию. Поехали более сговорчивые Р. Сайфи и И. Ефремов¹⁰².

Да, а медали эти долго шли в Казахстан. Я их так и не дождался. Очень устал и фактически сбежал от этих проблем.»

¹⁰²Игорь Петрович Ефремов — первый председатель Красноярского краевого клуба спелеологов. Его вряд ли можно было отнести к разряду более сговорчивых. Просто Красноярский клуб всегда был не по зубам Илюхину — такой силой, с которой он не мог не считаться и предпочитал иметь в числе союзников.

Вот так казахстанские спелеологи не смогли открыть счет международным контактам. А ведь вполне может быть, что именно эта, несостоявшаяся из-за политических интриг, поездка добавила бы энергии руководителю казахстанского спелеотуризма, подняла бы настроение, прибавила сил. И сохранила бы для республиканского кейвинга еще на несколько лет. Почему, вместо того, чтобы беречь своих лидеров и энтузиастов, мы так и норовим их побольней ударить?

* * *

То, что не удалось четверть века назад, сделали мы.

С середины 80-х наши международные экспедиции все чаще прорывались сквозь административно-бюрократические препоны всех уровней.

Стремление людей всего мира друг к другу неодолимо. Ведь все мы жители одной, такой маленькой, планеты Земля. Такой прекрасной, пока стоят на ней вот эти буки в лохмотьях влажных мхов, горит костер, бросающий рыжие блики на лица сидящих у огня друзей. Пока есть пещеры и небо, к которому можно вернуться. И так ли важно, из какой ты страны, какой национальности и какого цвета твои глаза или кожа?

Он нас найдет на Алтае иль в Кракове
Этот меандр и ревуший каскад.
Переплетен предвечерними красками
Дымный костер и туманный закат.

Мы на ладонях, веревкой изъеденных,
Равно несем беззащитный наш мир:
Ведь на краю у колодца последнего
Так одинаково счастливы мы.

3.2. Новая волна

Может ли пшеница взойти на скалах, где нет земли? Могут ли расти деревья в отсутствии воды? Может ли развиваться кейвинг, если нет пещер? Ах, как хотелось бы рассказать о великолепных подземных дворцах Казахстана! Поведать о трудных штурмах закилометровых пропастей, поделиться впечатлениями об интереснейших приключениях в сетях подземных лабиринтов! Не получается. Природа, столь щедрая к этой республике в других отношениях, явно пожадничала в плане подземных чудес.

Пещеры и горы почти неразделимы. Хотя мы знаем, на примере той же Украины, что достаточно 30-метрового пласта карстующихся пород, чтобы породить величайшие гипсовые лабиринты мира.

Куда только не устремлялись поисковые экспедиции казахстанских спелеологов!

Исхожен вдоль и поперек Каратау, обшарены высокогорные плато Улущура и Сысунгена, хребет Каржантау, поисковые группы поднимались на Угам, работали в приграничных с Узбекистаном районах. Улов весьма невелик. Десятки и сотни мелких пещерок и колодчиков. И практически ничего серьезного.

Откроем „Перечень классифицированных пещер“¹⁰³. При взгляде на скупые строчки классификатора становится грустно. Что ж, что имеем, тому и рады. Тем более что где-то таятся еще неоткрытые...

Первое место по глубине и длине среди казахстанских пещер занимает расположенная на одноименном с пещерой плато хребта Каржантау под Чимкентом пропасть Улучурская — глубина — 250 м при протяженности 1500 м).

Второе место по глубине принадлежит пещере Весенняя на плато Боролдай-тау: — 200 м при протяженности 300 метров, а по протяженности — расположенной по соседству с Улучурской пещере Сысунгенская — 560 метров при глубине — 130 м.

На третьем месте по глубине — шахта Ленинская на Боролдае — глубина — 180 м при протяженности 196 м.

Вот и все. Остальные известные пещеры Казахстана при весьма скромной протяженности не переваливают и 100-метровой отметки глубины. Мы не говорим о постоянно меняющих свою форму ледниковых пещерах, подобной породившей алма-атинскую спелеосекцию Октябрьской на леднике Богдановича, — это особый раздел кейвинга.

Так могут ли быть спелеологи без пещер? Могут. Иначе не было бы тридцатилетней истории казахстанского кейвинга. Ниточка не прервалась. На смену уходящим первым поколениям спелеологов, их секциям и лидерам пришли новые.

Мы не можем не сказать о них, казахстанских кейверах конца 70-х — начала 90-х.

* * *

Настойчивость Толмачева принесла свои плоды. (А может ли кто-нибудь сказать, чего ему это стоило?) В начале 80-х начинается новый подъем АГСС. Связан он, прежде всего, с появлением в рядах секции новых руководителей, способных вести за собой экспедиции, проводить занятия, тренировки, готовить подрастающую смену. Такими лидерами новой волны стали Шабанов Николай Васильевич, Негреба Александр Николаевич и Шакалов Александр Анатольевич.

Самый верный выбор сделал Александр Шакалов — он начал работу с учащимися школ Алма-Аты. С осени 82 года Шакалов начинает тренировать школьников сначала в школе № 42, потом на базе республиканского Дворца пионеров. Что скажешь, Саша?

«На удивление получилось очень даже неплохо, вскоре возник довольно стабильный коллектив школьников, к которому примкнули старики, и в 83 году этот состав выезжал на Сумган. Ты это помнишь.»

Помню, конечно. Экспедиция „Сумган-83“ стала первой по масштабам и массовому участию представителей различных спелеоколлективов Казахстана экспедицией новой волны. Кутук-Сумган принял нас доброжелательно, спаяв дружбой и общими планами. Рассказывай дальше.

¹⁰³ „Перечень классифицированных пещер“ ЦРИБ „Турист“, Москва, 1989 год.

«С осени 83 года все сосредотачивается в Республиканском Дворце пионеров, проходит новый набор, впервые ведутся плановые занятия, планируется работа, составляется долгосрочная программа подготовки кадров и экспедиций.

В 84 году — первые самостоятельные выезды на Южный Урал и в Ошскую область. Состав секции вырастает до 50 человек.

В 85 году мальчишки уже самостоятельно водят группы на Боролдай, Ош, осенью выезжаем в Красноярск. Но... в этом же году появляются яркие признаки болезни роста, и, как результат, раскол секции. Появляется четверка, которая основывает клуб „Плутоний“, лидер Гриша Мацапей.»

Как же! Прекрасно помню, как в экспедиции „Сумган-85“, Гриша Мацапей отметил свой уход в армию впечатляющим спуском во входную шахту пропасти. Все бы ничего, но перед этим он получил ответственное задание спустить в пропасть гитару — инструмент в экспедиции первостепенной важности. Мацапей привязал гитару за спину, завис над шахтой, но в момент начала спуска, видимо, потерял контроль за спусковым устройством и сквозанул вниз с такой скоростью, что страхующие даже испугались. Результатом был гулкий удар, донесшийся из глубины колодца. Мы поняли, что музыке — конец. Гриша со всего маху совершил посадку на снежный конус дна шахты, использовав вместо амортизирующей подушки гитару.

«Гришу призвали в армию, и с 86 года мы начали нести непрерывные потери от уходящих призывников. В 87–88 годах в рядах было до семидесяти процентов состава секции.»

Закономерный процесс коллектива, вырастающего из учащих общеобразовательных школ. Самое обидное, что практически все наши призывники не попали в те части, где они могли бы использовать свою подготовку и умения, приобретенные в спелеологических секциях и экспедициях. Советские военкоматы даром проедали свой хлеб, переучивая ученых и обучая неподготовленных. Пропадали знания и умения тысяч специально еще до армии подготовленных парней, готовых работать в экстремальных условиях. Военная система бывшего СССР вобрала в себя все недостатки и язвы уродливого строя. Глас вопиющего в пустыне.

«В 1988, юбилейном для советского — и для мирового! (замечание мое, К.Б.С.) кейвинга, году АГСС переименовывается в Алма-Атинский городской клуб спелеологов (АКГС), получивший прописку при городском спортивно-техническом клубе „Икар“. Потянулись из армии отслужившие бойцы, и, наконец, начинается качественный подъем. В начале 89 года команда алма-атинцев, совместно со Старым Осколом, штурмует глубочайшую пещеру Крыма — Солдатскую (–508 м), в пещере Улучурская летняя экспедиция обнаруживает новый ход, декабрьская — замахивается на Киевскую. И только травма участника заставляет отступить.»

С момента определения АКГС на базе „Икара“ и получения собственного помещения, секция Дворца пионеров занимается

только подготовкой кадров для клубов „Плутония“ и АКГС — здесь как бы детская площадка.

В 89 году нас настигает новый распад, правда, не столь болезненный, как первый — от АКГС отделилась группа ребят-студентов КазПТИ во главе с Валерием Муном и Андреем Паклиным.»

* * *

Все зависит не от природы, а от человека. Казалось бы, ну что не заниматься спелеологией в Чимкенте, где вокруг города полно известняков, пещер и других прелестей? Нет же. В Чимкенте так и не зародилась жизнеспособная секция, а вот в равнинном городе Целинограде¹⁰⁴ — пожалуйста!

Как-то в Целиноградском клубе попала на глаза карикатура под названием: „Идут соревнования горных туристов!“ Среди плоской, как стол, равнины стоит озадаченный судья и смотрит на небольшую кучу земли, на вершине которой гордо высится табличка: „Гора“.

Нет гор, нет пещер, и тем не менее в Целинограде возникает секция спелеотуризма. Начало ее деятельности относится к 1982 году, когда первые спелеотуристские вылазки целиноградцев возглавил Иван Евгеньевич Манин. Два года спустя участник тех походов весельчак-гитарист Валерий Велижанин переходит на работу методистом по спорту объединения „Целингазификация“. Спелеологи получают в распоряжение спортзал и помещение для сборов в одном из подвалов. Дела пошли веселее.

* * *

Неформальные объединения, подобные секциям и клубам туристов, альпинистов, спортсменов, спелеологов притягивают подростков, более взрослую молодежь. Если есть костяк увлеченных людей — „мясо“ нарастает довольно быстро. Порой приходят просто от нечего делать: материться в подворотнях противно, а податься некуда. В престижные секции не пробьешься, на платные — нет денег, в остальных — до тошноты заорганизованно и бесцветно.

Размышляя над проблемой занятости молодежи, мы как-то забываем, что для этого нужны условия. Хотя бы элементарные. Прежде всего — помещение, хоть подвал, где можно собираться не с 9 до 18, а в любое удобное время. Но нет. Нет поддержки нашим клубам и секциям со стороны властей и меценатов. Нет помещений, даже подвалов. И выживать объединениям энтузиастов во все времена весьма несладко.

Получив пристанище, целиноградцы резко пошли в гору. В апреле 85-го на первых в Казахстане соревнованиях по спелеотехнике, проведенных в Усть-Каменогорске, Целиноград представляет команда, ставшая впоследствии костяком его спелеоклуба „Лабиринт“: Валерий Велижанин, Сергей Вержанский, Валерий Жуков, Вячеслав Коробко и Елена Тычина. Позднее приходит Игорь Шкитин.

В Усть-Каменогорске целиноградцы впервые видят вертикальное снаряжение, которое, по возвращении с соревнований, стараниями мастера-

¹⁰⁴Целиноград — до революции Акмолинск, потом столица целинного края, после — Акмола.

универсала Сергея Вержанского начинает появляться в клубе. Команды целиноградских кейверов проводят самостоятельные экспедиции в Кутук-Сумган, участвуют в республиканских поисковках на Улучуре, выезжают с усть-каменогорцами на Саяны. Сергей Вержанский участвует в составе сборной команды Казахстана во Всесоюзных соревнованиях в 1989 году, работает с восточно-казахстанцами в экспедиции 1990 года в глубочайшую пропасть Евразии — Пантюхинскую.

Были бы люди — пещеры найдутся!

* * *

А вот в Джамбуле, где тоже совсем рядом обильные пещерами хребты Каратау, дело не сложилось. В экспедиции 79 года на Боролдай принимали участие джамбульцы Анатолий Иванович Иванов и Александр Литовка. Позднее появился Виктор Колегов, начавший было заниматься с молодежью и участвовать в республиканских спелеомероприятиях. Но... Кто уехал, кто предпочел личные интересы неблагодарному занятию вспахивания спелеоцелины.

Также и Павлодар, где слабой звездочкой мелькнул на небосклоне казахстанского кейвинга Николай Харьковский.

Иное дело — Актюбинск. И снова во главе упорный, в чем-то жесткий лидер — Владимир Федянин. После республиканской экспедиции 80-го года на Боролдай, где принимали участие представители почти всех перечисленных городов Казахстана, бывший спортсмен, альпинист Владимир Федянин увлекся спелеологией. Пещеры потянули цепко и властно. Как всякому конструктивному лидеру, Федянину мало было радоваться в одиночку. И он принялся за создание коллектива единомышленников. Результаты его работы не замедлили сказаться — в уже упомянутой выше республиканской экспедиции в пропасть Улучурскую принимали участие его первые воспитанники.

Вспоминаю нашу с Федяниным встречу на Сумгане в августе 83-го. Экспедиция закончена. Мы уходим. В который раз уходим, не зная, вернемся ли. К счастью, с утра прояснело небо. Вчера, выходя из отверстого жерла пропасти, мы умывались небесным душем. Плотные струи дождя совсем по-кавказски хлестали мокрую землю. Страхующие и дежурные у костра не снимали зеленой резины гидрокостюмов — диковинными лягушками смотрелись они среди березок!

А сегодня надо же — с утра солнце! И Сумган улыбается нам на прощание.

Я не спешу. Ведь это только начало расставаний. Скоро уедут по своим городам новые и старые друзья, и мы уедем, унося в себе не стихающую горечь разлуки. Как красиво вокруг! Мы смотрим в сумрачный зев Пропасти, поманившей нас мимолетной удачей.

Трудно оторваться, шагнуть прочь. Отойди — все канет, рухнет, и нет сил, чтобы удержать.

Останется лишь память. Память умирает только тогда, когда умираем мы.

Когда-то в августе все было так обычно:
И запах трав, и скалы над Сумганом,

Что вниз уходят, сумрачно набычась,
И мы — толпой стоящие у края,
И мы — поющие под вторящее эхо!
И мы — по горло в глиняном сифоне!
Усталость, сном смыкающая веки,
И гул реки — прекрасней всех симфоний!

Все было, было, было, было, было!
И кануло... И только тут, очнувшись,
Мы поняли — чего сейчас лишились,
В бесславье дел вседневных окунувшись.

А мы — поющие под вторящее эхо,
А мы — сквозь глину рвущиеся к цели,
Остались там — в сверканьи глаз и смеха...
Там, в августе, далеко и бесценном.¹⁰⁵

Время идти. Мгновения молчания, удар каской о край пропасти. Мы еще вернемся. Ребята цепочкой потянулись с Южной площадки. Остаюсь один. Спина ощущаю чей-то взгляд. Оборачиваюсь — цепкие глаза Володи Федянина:

— Право последнего?

Да. Мне просто надо побыть наедине с Сумганом.

— Шеф прощается... — щелчок затвором фотоаппарата.

* * *

С тех пор мы не виделись. Но актюбинский клуб спелеологов „Азия“, позднее переименованный в „Пилигрим“, продолжал восхождение к вершинам кейвинга. Проводятся экспедиции в классические спелеорайоны Крыма, Кугитанга, Южного Урала. На время перебирается в Актюбинск усть-каменогорский спелеолог Ербол Курмангалиев. Федянин начинал приглядываться к Кавказу. И можно быть уверенным — добрался бы. Если бы не вмешалось в нашу жизнь нечто, оказавшееся сильнее нас...

Но кто знает что будет? Жизнь не кончается.

3.3. Кейвинг-полис на востоке

Говоря о Казахском кейвинге, я должен сказать и о своем клубе. Хотя бы потому, что мы кое-что сделали за эти годы, о чем не стыдно рассказать.

«Разложенные на снегу веревки, вбитые в скальный гребень крючья, серьезные лица ребят — все залито солнцем. И странно смотрятся в этом ослепительном сиянии фонари на касках штурмовой группы, которая, в случае удачи, должна уйти вниз вслед за мной.

Группа спелеологов областной станции юных туристов ведет поиск пещер в скалистом ущелье недалеко от села Горная

¹⁰⁵К. Б. Серафимов „Когда-то в августе“, Курган, 1983 г.

Ульбинка. Это черное „окно“ — пещера в 50-метровом отвесном утесе — хорошо видно снизу из ущелья. Но сейчас оно закрыто скальным выступом где-то под нами.

— Страховка готова?

— Готова!

Эти ребята еще не видели пещер. Сказочный мир подземных дворцов знаком им лишь по фотографиям и слайдам. И вот — первый поиск! Что же там, внизу, за черным манящим „окном“ пещеры?

— Пошли!

Склон становится все круче. Шуршит страховочная веревка, защелкнутая карабином на груди. И вот отвес. Где-то внизу темно-зеленые свечи пихт на голубоватом снегу, маленькие фигурки наблюдателей из вспомогательной группы. Отталкиваясь ногами от стены, скольжу вниз вдоль скалы. Небольшой траверз влево, и я у входа в пещеру. Отстегиваюсь от страховки, включаю фонарь, но... Ход через три–четыре метра обрывается тупиком.

Первый поиск и — первая неудача. Их еще много впереди. Но будут и находки, будут удачи.»

Складываю газету. Неужели это когда-то было? И мы, в коротких штанишках, робко заглядывающие в таинственный мир кейвинга? Маленький кружок юных спелеологов при станции юных туристов в городе Усть-Каменогорске. 23 октября 1978 года — день первого занятия кружка, считается датой возникновения спелеологии в Восточном Казахстане.

Каждый, кто начинает работу со школьниками в надежде создать боеспособный коллектив, обречен на успех, если будет соблюдать определенные правила работы. Я не оговорился — именно, обречен. Школьники-подростки — благодатный материал, несмотря на всю их внешнюю неподатливость и независимость.

Но, прежде всего, надо запастись терпением. Сначала понадобится года два–три, чтобы обучить необстрелянную молодежь, потом годик сносной работы, когда уже, вроде бы, начало получаться, и... пошел отток выпускников секции в армию и институты. И еще два года вы теряете и теряете лучших бойцов. Вы пишете письма и получаете конверты с армейскими треугольными печатями. А набор идет за набором, потому что ваша секция несет непрерывные потери и без новичков ей просто не выжить. Многие приходят, чтобы после несколько занятий и тренировок навсегда покинуть секцию. Одним не нравится — и это понятно: ребята только еще ищут свое место в жизни и пробуют все подряд. Других не пускают родители, третьи не могут уяснить и усвоить необходимую дисциплину, и с ними приходится расстаться. Горы не любят разболтанности. Тем более — пещеры.

А тут еще кажется, что все против вас. И правила проведения походов с учащимися, не допускающие в вертикальные пещеры „детей“ младше 16 лет. Но как быть, если во всем Казахстане нет ни одной сколько-нибудь приличной горизонтальной пещеры? Ездить в другие республики? Здесь начинаются еще большие проблемы. И прежде всего — финансовые. Но и без финансов — проблем через край. Как-то у нас даже появилась горькая поговорка:

„Нет лучшего способа загубить дело, чем пустить его официальным, легальным путем“.

* * *

Никогда не забуду, как „зарубили“ нашу вторую спелеоэкспедицию со школьниками в Красноярский край. Даже в Москву летал за разрешением. Не помогло. Никто из многочисленного начальства не решился дать „добро“ — ведь, запретив, ничем не рискуешь.

Что было делать? Единственный ключ к заартачившемуся чиновнику — взятка. Но наука о штурме пещер и пропастей этим приемам не обучает. Так что, пошел по официальному пути — не удивляйся. Пошел по нелегальному — не удивляйся вдвойне!

Срыв экспедиции — ведь ее ждали, к ней готовились, видели во снах, — тяжело бьет по всему делу, по ребятам. Пропадает вера в слова старших, в возможность Необычного в этом привычно-сером мире, в реальность чего-либо выходящего за узкие рамки дозволенной повседневности.

* * *

После прихода в секцию новичков, главное — дотянуть команду до первого хорошего похода. Попавшие в такую поездку практически всегда остаются в команде надолго. Напротив, после неудачи жди резкого спада активности, массового ухода из секции.

Чего только не предстоит вынести на своих далеко не железных плечах руководителю спелеологических походов с учащимися! Груз этот велик, одна из его основных составляющих — отсутствие права на ошибку.

Это, конечно, абсурд, потому что человеку свойственно ошибаться. Так или иначе, ошибаются все. Руководители походов со школьниками не любят говорить о своих ошибках. Оно и понятно. Могут последовать оргвыводы, не дадут денег на следующую поездку: в итоге пропадет весь труд. В результате каждый из нас проходит свой путь в одиночку. Не зная чужих ошибок, легче ошибиться самому. Встающий на этот путь должен знать, что его ждет.

Вы тащите теоретические занятия и тренировки. По воскресеньям — выезды на скалодром и походы. Хорошо, если еще нет семьи. Лекции, занятия, тренировки. Вы — в замкнутом кругу. Вы не можете прервать этот монотонный процесс. Перерыв в занятиях и тренировках — на практике это всегда потеря кого-то из — таким трудом собранных, ребят.

И тут же другая угроза — ревизоры. О, сколько крови портят тренерам эти проверяющие всех уровней и мастей! Приходят на занятия некомпетентные в твоем деле люди, считают детей по головам, как баранов. Инструкцией определено, что у вас должно быть пятнадцать — к примеру, человек в группе. А на занятии двенадцать? Почему? Зря зарплату получаете, молодой человек! Ах, у вас в другой группе тридцать? Это нормально. Но доплаты не положено — у вас ставка кружководца.

А лучшие ваши ребята все уходят и уходят от вас, и кажется, что еще немного, и не выдержишь, и плюнешь на всю эту административную нервотрепку.

Запомните, Коллега. Только через пять–семь лет забрезжит свет в этом утомительном занятии. Это когда начнут возвращаться.

* * *

Я помню их всех — четырнадцать участников первой экспедиции моего спелеокружка в пещеру Караульную под Красноярском в марте 79-го. Сергей Новоселов и Дима Запольский, братья Олег и Володя Шишенко, Сережа Ипатов и Володя Беляков, Марина Рыбакова и Оля Григорьева, Лена Грядунова, Оля Капустина, Лена Снежурова, Ира Созинова и Игорь Кадоркин. И мы со вторым руководителем Валентином Володиным, ранее занимавшимся спелеотуризмом в Красноярске.

Наш рекорд глубины: –55 метров. Лиха беда — начало!

* * *

До января 1984 года Усть-Каменогорский спелеоклуб назывался „Кальцит“ — сказывались сибирские мотивы, навеянные четой томичей Володиных. Постепенно в секцию стягивались новые силы. Вместо быстро ушедшего Валентина, появляется очень яркий человек и надежный товарищ Шынгыс Габбасович Дюйсекин. Деятельная натура, мастер на все руки, Шынгыс увлекся спелеологией в возрасте 31 года, в числе первых получил инструкторское звание, оказал огромную помощь в обеспечении клуба самодельным снаряжением. Его руки творили любую железяку с качеством, непривычным для нашей повседневности. То, что сделано Шынгысом, — надежно! Это знали все. Шаг за шагом „Кальцит“ выдвигается в лидеры республиканского кейвинга, все более убедительно выглядим мы на фоне слабеньких спелеосекций других городов Казахстана.

Через пять лет после возникновения наступает долгожданный качественный скачок. Летом 1983 года пятерка усть-каменогорцев под руководством Дмитрия Запольского участвует в башкирской экспедиции на хребет Алек. Впервые имена легендарных пропастей — ТЕП, Заблудших, становятся для моих парней реальностью. Дно этих пещер, кроме Димы, увидели Александр Ван, две подружки Ирины — Фефелова и Неверова и Оля Капустина, за спокойствие и безотказность в работе получившая уважительное прозвище — Дядя Оля.

Это еще не наша экспедиция, но наши люди уже заглянули в глубину.

И, наконец, августовская, 83-го года, экспедиция в Кутукское урочище. Впервые Усть-Каменогорск в роли республиканского лидера собирает под своими знаменами представителей всех клубов Казахстана. Здесь Толмачев, Шакалов, Федянин. Прямо на Урал прибывает с Кавказа часть команды Запольского. И уральская экспедиция удалась. Открытие галереи Фортуны увенчало ее незабываемым ореолом общей удачи.

После того сезона клуб меняет свое название. Многолетние исследования пропасти Кутук-Сумган становятся побудительным толчком, лейтмотивом. Усть-Каменогорский спелеоклуб принимает название „Сумган“.

* * *

1985 год — год свершений. Чего только не происходит в этом замечательном году! Замечательном, тяжелом и, безусловно, переломном во всей мировой истории. Ведь именно в этом году началась историческая Перестройка советского строя, плоды которой мы пожинаем до сей поры. Тогда мы не знали еще, что будет, но чувствовали: 85-й — это взрыв, новый качественный скачок.

Зима пришла морозная. Алтай стонал от холода, в Бийске прервались занятия в школах, не хватало тепла. В такой обстановке наша январская экспедиция в алтайские пропасти казалась сплошной авантюрой. Можете себе представить, каково после 100-процентной влажности пещеры, уставшими и мокрыми, выйти на 40-градусный мороз? Кто пробовал — поймет наши опасения.

И все же мы идем! На душе празднично, и легко ложатся на бумагу строчки:

Наш поезд вдаль бежит,
Качаясь, как качели,
И солнышко в окно
Так ласково глядит!
Мы едем — не грустим
На целых две недели:
Едва открыт блокнот
Алтайского пути.¹⁰⁶

Листаю потертые странички экспедиции „АЛТЭКОЛ-85“.
... Бабульки в валенках, в платках по брови, разворачивают в вагоне нехитрую снедь.

— О-о, ты по богатому едешь.
— Чтой-то?
— С горчицей!
— Какая горчица? Лекарство!

Избушки все в снегу,
Березки, сосны, ели
Сменяются в окне —
Не отвести глаза!
И едем мы в тайгу
На целых две недели:
Там ждет нас в зимнем сне
Алтайская краса!

А ведь похоже, теплеет. Протаянные пятна на окнах больше не затягивает ледком. Окна в этом поезде на удивление чистые. Ребята, забившись в одно купе, играют в „слова“.

— Называем животных на „в“. Начинай, Оля.
— Волк.
— Лена?

¹⁰⁶К. Б. Серафимов „Наш поезд“, Бийск, январь, 1985 г.

— Варан.
— Бондаренко?
— Вобла!

Олег Бондаренко занят. Он, одновременно с игрой, экзаменует Ержана на знание узлов:

— Завяжи „восьмерку“.
— Сейчас, — Ержан вяжет узлы вслепую за спиной.
— Завязал?
— Завязал.
— Покажи.
— А в какой руке узел?

... Мороз нас пропустил, но его следы мы видим на каждом шагу. На мосту через Катунь ветерок-потяга. Под мостом — лед. Сковал белый панцирь горную реку. Лишь местами на быстрине — иссиня черные полыньи. В их невероятно прозрачной глубине вижу диковинные жемчужные шары. Ба! Да это донный лед! В книжках читали, а чтоб увидеть живьем!..

Зимний кейвинг на Алтае — это снег и лыжи, это голые лиственницы на пологих хребтах, это уютные одинокие избушки на месте некогда многолюдных деревень. И эти таежные места не миновала большевицкая политика: доукрупнились — вымерли деревни. От многих остались лишь названия — Устюба, Камышла. Народ стянулся с некогда обжитых мест в города, в большие поселки, поближе к трактам.

«Впервые за шесть лет со времени возникновения спелеотуризма в Восточном Казахстане экспедиция усть-каменогорцев достигла 200-метровой глубины в пещере Алтайская. Следующая пещера — Экологическая. Штурм ее до отметки — 200 метров занял в общей сложности 28 часов.»

Так написала о нас областная газета „Рудный Алтай“, а мы возвращались счастливые.

И лыжи пели под ногами.

Тронул дымкою горы
Голубой снегопад,
И теперь уже скоро
Мы вернемся назад.
Льдом одетые речки
Будем видеть во снах.
Устюбинка, до встречи!
Ты меня вспоминай!¹⁰⁷

С каждым накатистым шагом по лыжне, с каждым толчком палок мы ближе к дому. И кажется, что никогда не было пещер, нашего сурового и мрачноватого мира. Так бывает всегда. Мы уходим в пещеру, а дома остаются те, кто ждут нас и беспокоятся.

Кейвинг — безусловно экстремальный вид человеческой деятельности. Не только по природным и климатическим условиям, в которых приходится работать, не только из-за всепроникающей ледяной воды с ее вечной

¹⁰⁷К. Б. Серафимов „Прощальная“, Горно-Алтайск, 1985 г.

(кроме зимы) угрозой паводка и затопления. И не из-за умозрительной возможности заблудиться, сорваться, „поймать“ камень на каску. Все это только потенциальные опасности. Реализуются ли они — на 99 процентов зависит от самого человека. Возможно, в этом и прелесть кейвинга — в возможности сохранять контроль над потенциально опасной ситуацией, силой разума и технической подготовленностью нейтрализуя агрессивные факторы.

Не тревожься, родная,
Вспоминая меня,
Мы прошли сквозь завалы,
Шкуродеры кляня.
До свиданья, Алтайка!
До свиданья, Кек-Таш!
До свиданья, простая
Этих мест красота!

Современные научные исследования ставят кейвинг в один ряд с экстремальными видами человеческой деятельности и в плане психологических нагрузок¹⁰⁸. Сложные спелеоэкспедиции проходят под гнетом полного спектра психотравмирующих факторов. Вот их перечень.

Монотонность. Мощный поток раздражителей, воздействующий на наши органы чувств на поверхности земли, в пещере резко ослабевает. Холод, темнота, желто-черный спектр цветов, вода и скалы. Шум воды, шорох комбинезона о камень, лязг снаряжения. Под землей происходит изменение афферентации — характера сигналов, передаваемых от тканей к центральной нервной системе, со стороны вестибулярного и опорно-двигательного аппаратов, так как способы передвижения по подземному рельефу весьма отличны от привычных нам на земле.

Рассогласование ритма сна и бодрствования. Это беда подавляющего числа экспедиций. Неритмичность работы, обусловленная тактическими соображениями или как результат слабой подготовленности, сверхдлинные периоды работы с последующим длительным восстановлением сил — все это усугубляется отсутствием внешних признаков смены дня и ночи в вечном мраке пещеры. В организме человека известно около 300 процессов, подверженных суточной периодичности. Наивно полагать, что их можно запросто, в течение пары недель, волевым порядком перестроить, тем более приспособить к постоянно меняющемуся ритму подземной работы. Такое рассогласование внешних и внутренних ритмов неизбежно ведет к истощению нервной системы и развитию неврозов.

Изменение восприятия пространственной структуры. На поверхности земли все предметы воспринимаются на фоне пространства, богатого разнообразными ориентирами. В пещере все иначе. Луч налобного фонаря, совмещенного с точкой зрения, рождает видимую картину, лишённую теней, облегчающих стереоскопическое восприятие рельефа.

Невольно подкрадывается улыбка: „Когда кругозор человека сужается до минимума, он говорит: «Моя точка зрения!»“

Или: „Круг его интересов был ограничен лучом его налобного фонаря!“

¹⁰⁸В. И. Лебедев „Личность в экстремальных условиях“, Политиздат, Москва, 1989 г.

Шутки шутками, но физическая сущность фразы в достаточной степени соответствует реальному положению вещей при движении по пещере. В результате многие из нас помнят сложности, испытываемые порой при визуальной оценке глубины отвесов и высоты стен: иногда так и хочется прыгнуть с „небольшого“ уступчика, который на поверку оказывается в два–три раза глубже. И снова улыбка: „Чем отличается прыжок с двух метров от прыжка с двадцати? С двух метров: Бум! — А-а-а! С двадцати: А-а-а! — Бум!“

Длительная работа на вертикалях тоже вызывает особые ощущения, измененное восприятие окружающего пространства. Помню, как в пропасти им. Илюхина на Арабике на подъеме по 46-метровому колодцу, я некоторое время висел и тупо соображал, почему срывающиеся с карниза надо мной капли падают вниз не отвесно, а как-то под углом, будто из перспективы.

Мы не говорим уже о спелеоподводниках, работающих и вовсе в сверхсложной среде, сочетающей признаки невесомости и воздействие изменяющихся гравитационных полей, и все это — часто при нулевой видимости из-за взмученной ластами воды. Сложности в адекватной оценке окружающего пространства вызывают повышенную эмоциональную напряженность, приводя опять-таки к развитию разнообразных неврозов. Но продолжу.

Ограничение информации. В обычной жизни на нас непрерывно низвергается поток разнообразнейшей информации, которую можно условно разделить на три основных вида: личную — информацию, ценную для узкого круга родных и друзей, специальную — имеющую ценность в пределах формальных общественных групп, и массовую. В экспедициях — этот поток превращается в слабенький ручеек, почти пересыхающий в пещере. Наслаждение информационным вакуумом первых дней жизни в горах, постепенно сменяется болезненным ощущением неосознанного информационного дискомфорта. Ученые пришли к выводу, а мы испытали на себе, что длительное ограничение в обычной, но лично-значимой информации может вызвать у человека неврозоподобные состояния и даже выраженные неврозы¹⁰⁹. В обиходе это определяется емким понятием: „Тянет домой“.

Одиночество. В пропасти каждый сам по себе. Один на один с пещерой. Где-то сзади и впереди идут товарищи. Но ты — все-таки идешь сам, один, отделенный от других колодцами, уступами, навесками, перегибами меандра. И только мысли аккомпанируют тебе в этой дороге. Не редко и действительно одиночество — на маршруте при сольных бросках, задуманных или вынужденных, в лагере на дежурстве, да мало ли! Длительное одиночество неизбежно приводит к определенным и не всегда положительным изменениям в психической деятельности. Особенно это сказывается в спелеонавтике — пусть добровольных, но длительных заключениях под землей.

Групповая изоляция. Это удел всех малочисленных экспедиций и групп, и не только при работе в горах и пещерах. Подобные ситуации прекрасно описаны еще Джеком Лондоном. И здесь на первый план выступает проблема психологической совместимости членов команды. Конфликты на подземных тропах, вызванные не только особенностями характеров участ-

¹⁰⁹Ханашвили М. М. „Информационные неврозы“, Л., 1978 г.

ников предприятия, но и самим фактом групповой изоляции — не редкость. Не только в кейвинге — история всех экстремальных видов человеческой деятельности знает множество примеров конфликтов, порождающих зачастую тяжелые последствия, вплоть до человеческих жертв. Отсутствие возможности сейчас же, немедленно выйти на поверхность, сойти с маршрута, вернуться в привычные условия — исподволь давит на сознание. Залогом удаchi или поражения любой экспедиции является решение проблемы подбора не только соответствующего по квалификации, но, прежде всего, малоконфликтного состава.

Малоконфликтного, потому что абсолютно бесконфликтных групп не бывает. Все дело в умении находить компромисс, взаимоприемлемый выход из тренировок, не допустить его необратимого развития.

И завершает список психотравмирующих факторов **прямая угроза для жизни**, которую, хотим мы или нет, но так или иначе постоянно ощущаем на подземных маршрутах.

Все перечисленные факторы воздействуют на кейвера с той или иной степенью интенсивности. Если экспедиция правильно спланирована и организована, часто и в голову не приходит, что они существуют.

Память человека удачно устроена — нам свойственно забывать о неприятностях, в лучшую сторону трансформировать восприятие удачно преодоленных трудностей и испытаний, из которых удалось выйти с честью. Поройтесь в памяти — дороже всего воспоминания о самых трудных, но удачно окончившихся минутах...

* * *

... Лыжня скатывается в ущелье, вьется между сосен и лиственниц, перепрыгивает через замерзшую речушку, парящую редкими полыньями.

Снег пройдет и растает,
Ветры кличут весну,
И меня ты, родная,
К этим дням не ревнуй.
Там в меандрах и щелях,
И в колодцах без дна —
В самом сердце пещеры
Я тебя вспоминал.

Жаль, что ты не видишь всего этого! Ущелье круто разворачивается вправо, уступом срывается вниз. Какие же должны быть морозы, чтобы заковать в ледяную броню этот водопад! Где-то в глубине отвесной ледяной колонны шумит вода, падая с метровой высоты в черное озеро с ажурными краинами льда. А впереди — на сколько хватает глаз — заснеженная долина Катуня в бархатной зелени сосновых боров. Через пару сотен метров канет в Катунь речка Камышлинка и покатится к океану, вспоминая свой ледяной водопад.

Тают искры снежинок
На горячем лице,
Солнце бьет по прижимам

Сквозь ущелья прицел.
По лыжне прихотливой
Вниз уходит наш путь.
Камышлинка, счастливо!
Ты меня не забудь!

* * *

Месяца не прошло после возвращения алтайской экспедиции, как на Кавказ отправляется команда Олега Шишенко. В ее составе Александр Ван, Николай Петров и Юрий Литвинов первыми из усть-каменогорцев перешагнули 300-метровую отметку, достигнув на глубине –310 метров донного сифона одной из известных пещер хребта Алек— Географической.

Отдельные спелеологи из „Сумгана“ к тому времени побывали и на больших глубинах. Но в том-то и дело, что в феврале 1985 года трехсот метров достигла самостоятельная экспедиция восточно-казахстанцев. Успех был закреплен спуском в пещеру Осенняя до ее слияния с Назаровской: еще –310 метров!

Вернулись измученные алекскими снегами, но счастливые кавказские рекордсмены, а уже намечается следующая, мартовская, экспедиция. На этот раз в пещеры хребта Кугитангтау, в Туркмению, чтобы пролить свет на чудеса с „пещерой Мумий“. Шум вокруг этой пещеры был поднят все-союзной газетой „Труд“ на исходе предыдущего года. „Труд“ изо всех сил обеспечивал свою подписную компанию¹¹⁰, и вопросы заинтересованных сограждан камнепадом сыпались на наши спелеологические головы:

„Неужели все это правда? Не знаете? А еще спелеологи!“

Надо было сохранить реноме. И вот, из морозов и влажных снегов Западного Кавказа— в теплый среднеазиатский март.

— Скажите, Холмс, вы не знаете, почему здесь так жарко?

— Элементарно, Ватсон, — Ташкент!

Стоит прищурить глаза, и будто из вчера наплывает томный мотив „Кугитангского танго“.

Здесь в каньонах крутых
Слышен гул камнепадов.
Примеряет весна
Разноцветья наряд.
Светлой дымкой мечты
Затуманит нам взгляды
Кугитанг, Кугитанг —
Наш чарующий март.

Кугитанг, Кугитанг,
Твои алые маки
Будем мы вспоминать,
Возвращаясь в апрель.
Эй, дружок, перестань!
Мы забудем едва ли,

¹¹⁰См. „Труд“ №№ 236, 239, 241, 242, 245 и др. за 1984 год, статьи под общим названием „Тайны Кугитанга“.

Как шальная весна
Приоткрыла нам дверь...¹¹¹

Пещеры и мумии Кугитанга заслуживают отдельного повествования. Из маков и тюльпанов Туркмении не хотелось возвращаться в снега Рудного Алтая. Но подступал апрель, и новое дело требовало напряжения сил всего клуба. Впервые в Казахстане мы проводили открытые областные соревнования по технике спелеологических исследований. В Усть-Каменогорск съехались команды и представители Алма-Аты, Целинограда, Джамбула, Актюбинска, Лениногорска и Белоусовки. Два дня жарких „сражений“ на скальных дистанциях принесли победу хозяевам соревнований. Примечательно, что третье общекомандное место на этих соревнованиях заняла команда спелеоклуба „Вертикаль“ поселка Белоусовка Восточно-Казахстанской области.

* * *

Клуб „Вертикаль“ — явление в Казахском кейвинге неординарное. Его деятельность неразрывно связана с именем Юрия Дмитриевича Бессергенева. В который раз убеждаешься: есть человек — будет и дело. Без лидера, берущего все на себя, не боящегося работы и ответственности, ничего не получится.

Что такое Белоусовка? Небольшой шахтерский поселок городского типа в часе езды от областного центра. Но появился в Белоусовке Юрий Бессергенов. Непоседа и мастер на все руки. Три его самодельных трактора трещали движками, распахивая огороды соседям да таская тележку со школьниками и их снаряжением на скалодром у горы Гребенюшка — так „вертикальцы“ ездили на тренировки. Учитель труда местной школы, Бессергенов хороводил детвору, водил их в туристские походы. И снова — пацаны-школьники. Именно они составили, как некогда в „Кальците“, костяк бессергеновского детского туристского клуба „ЛВС“. („Ловкие, Веселые, Смелые“, — немного смущаясь, пояснял Юра на туристских сборищах в городе, где белоусовцы сразу же заявили о своих серьезных намерениях, потеснив с призовых мест иные именитые клубы взрослых туристов).

Юра водил своих питомцев в походы по родному краю, а сам уже задумывался, чем бы заняться посерьезнее. Поэтому он с живостью откликнулся на предложение включиться в спелеологические исследования в контакте с клубом „Сумган“. Белоусовский клуб взял новое название „Вертикаль“ и принялся перевооружаться. Результат превзошел все ожидания. На первых казахстанских соревнованиях бессергеновцы обошли все секции и клубы республики, кроме своих земляков и побратимов из Усть-Каменогорска.

После ряда поисковых и разведочных вылазок на Горный Алтай, в 89 году „Вертикаль“ самостоятельно проводит крупную и технически сложную экспедицию на Арабику, где вместе с москвичами и бельгийцами успешно штурмует очень непростую кавказскую пропасть имени В. Илюхина — практически километр до „сухого“ дна. Это ли не показатель уровня, не критерий успеха? Как сравнить маленькую Белоусовку с крупными городами, вроде Караганды, Чимкента, да и с другими, что так и не смогли подняться

¹¹¹К. Серафимов „Кугитангское танго“, хребет Кугитанг-тау, март, 1985 г.

на высший уровень в кейвинге? Казалось бы, там и снабжение лучше, и информации больше, и интеллектуальный уровень повыше — студенты, специалисты, институты и т.п.

Оказывается, не в этом соль. В Белоусовке был лидер! И жил клуб, сотни мальчишек и девчонок проходили через него, соприкасаясь с красотой Природы, направляемые добрыми руками человека без высоких званий, постов, достатка — Юрия Дмитриевича Бессергенева.

* * *

Только отерли пот своих соревнований — подступил май. А вместе с ним отъезд сборной Казахстана на 2-й Всесоюзный слет туристов в Яремче. В составе сборной на Карпаты уезжает команда спелеологов, и в ней, кроме алмаатинца Саши Шакалова, все остальные представители „Сумгана“.

Сколько раз в этом году мы встречали весну? На Кавказе, в Туркмении, дома... Что касается Карпат, то там уже повсюду властвует лето. Турбаза „Гуцульщина“, гостеприимно разместившая слет, купается в хвойной зелени. Здесь же, на скалистых берегах Прута, состязаются туристы всех мастей. Только спелеологи живут на выселках — в пионерском лагере „Огонек“ на окраине Яремчи. И скалы наши в такой дали, что и участникам добраться нелегко, не то что зрителям. Спелеотуризму, при случае, всегда напоминали о его месте в системе самодеятельного туризма — с кувшинным рылом, да в Калашный ряд!..

Нет худа без добра! Каждый день, поднимаясь к месту соревнований, мы проходим тропой, проложенной по заросшим ельником линиям австрийских укреплений времен Второй Мировой войны. Даже через десятки лет из этих оплывших сооружений проступает тщательность, с какой были выбраны места расположения пулеметных и пушечных дотов, рассчитаны и расчищены сектора обстрела. Вот с этого бетонного бункера, как на ладони, виден мост через Прут. И становится страшно. Неужели здесь можно наступать? Наступать и победить? Чтобы мы могли беспечно штурмовать свои пещеры?

Сможем ли мы когда-либо оценить, что сделали для нас наши родители, деды и прадеды?

* * *

Осталась под крылом самолета Молдавия, Карпаты, Яремча. Промелькнула цветной картинкой Москва... И снова весна — которая уже весна этого буйного 85-го?

Алма-Ата, Джамбул, необычно зеленые горы Каратау, дороги, дороги... Майская экспедиция „Боролдай-85“. В ее составе геологи Казахской Академии Наук Костя и Рустэм. Даже республиканский спелеошеф — Володя Толмачев, с нами. Ведь мы собираемся углубить Ленинскую!

Удачные экспедиции бывают часто, но чтобы постоянно везло — это уже слишком! Линия жизни всегда здорово смахивает на синусоиду. „Ленинская-85“ — это загадка, недоступная мне до сих пор. После наших раскопок в октябре 1979 года, Толмачев все время помнил о Ленинской, — ведь она продолжалась неизвестным колодцем за гротом Рудокопов и узостью под

названием „Женская грудь“. В ноябре 1982 года, повинясь неведомому порыву, Толмачев буквально дарит Ленинскую свердловчанам, поведав им о найденных нами перспективах. Впрочем, Толмачев всегда был, прежде всего, геолог, и уже потом спортсмен. Наверно, ему было важно узнать, что там за откопанным нами лазом, а уж с помощью кого узнать — дело десятое. Как бы там ни было, свердловчане, повизгивая от предвкушаемых перспектив, отправляются на Боролдай, расширяют и проходят узость и попадают в прекрасный 80-метровый колодец. В итоге Ленинская, по их сведениям, дает –160 метров.

Просматривая письма того периода, я обнаружил, что знал об успехе свердловчан в Ленинской еще до нашей экспедиции 84-го, а тем более 85-го года. Но ровно за год до описываемых событий происходит удивительная вещь.

* * *

Летняя экспедиция „Боролдай-84“. Размявшись на более простых пещерах, мы спускаемся в Ленинскую. После узостей первых 45 метров протискиваешься через гадкий вертикальный калибр и за наклонной катушкой попадаешь в просторный 80-метровый колодец. Только заглянув в его огромную трубу, понимаешь, что имело смысл рваться через завал, чтобы увидеть такое пещерное великолепие! Все 80 метров спуск идет вдоль почти отвесной зеркально гладкой стены, разбитой на три части крохотными уступчиками. И вот — дно.

Но пещера не кончается. Небольшой подъем на глинистую полку, и в углу новая щель, за которой, похоже, еще один, не менее приличный, отвес. В 84-м году спуститься в него до дна не удалось — не хватило снаряжения. Я висел на конце последней веревки в пустоте среди колоколом расходящихся стен и вглядывался в кромешный мрак под собой. Справа внизу призрачно поблескивал то ли какой-то уступчик, то ли озерцо. И слева от него — черная пустота. Все. Больше ничего не видно. Пришлось подниматься на верх щели.

Что же там, внизу? Произвожу нехитрые вычисления. Так, до верха „восьмидесятки“ 45 метров, плюс 80 метров колодца, получается 125 метров. Веревка, на которой я только что висел, имеет длину 30 метров. Значит, болтался я где-то на минус 150–155. Так? И подо мной было не меньше 20–30 метров до того смутно видимого уступчика или озерка. А черненький отвес слева? Пещера явно переваливала за данные свердловчанами –160 метров! А ну как наши коллеги из СГС тоже не дошли до логического дна, но, не отличаясь Толмачевской широтой характера, решили до времени об этом не распространяться?

Было от чего оживиться! Испытанный способ прикинуть глубину — бросить в колодец камень и засечь время. Бросаю. Даю вслух отсчет. Раз-и-два-и ... удар!.. — и — удар! — и... — едва слышный гул затихающего падения. Над неизвестным колодцем нас с Олегом Смолинским двое. Не веря своим ушам, смотрим друг на друга: это же минимум 50 метров до первого уступа, потом еще уступ и еще!.. Сколько же этот колодец?

С полчаса бросал я камешки в черную щель. И каждый раз раздавался загадочный перестук камня, уходящего на большую глубину по невидимым

уступам. Пещера продолжалась! Мы уезжали полные надежд.

* * *

Бросок с Карпат на Каратау был вызван стремлением решить эту задачу. И решить как можно скорее. Теперь-то, в мае 85-го веревок у нас было больше, чем достаточно!

И вот — Ленинская. Закрытый мощным слоем снега, вход в ее воронку выглядит необычно. И внутри все по-другому.

... Едва ступил на дно „восьмидесятки“, сразу почувствовал — что-то изменилось. Майский Боролдай был засыпан снегом, и в пещере было полно воды. Такой воды на Каратау мы еще не знали. Если на „восьмидесятке“ только сильно дождило, то ниже, в неведомый нам колодец, шумел настоящий водопад. Поэтому камень я припас побольше. Подобрался по скользкому глиняному откосу к устью щели над неведомым отвесом и бросил, надеясь услышать волшебную музыку прошлого года. Но... что это? Глухой удар о дно и больше ничего? Неужели?..

Да, колодец оказался один. Пятьдесят метров спуска в колоколе под мощным душем и приземление на покрытое натеком круглое дно. Вода, весело журча, уходит в узкую горизонтальную щель. Все!

Это было фиаско. Свердловчане спускались в этот колодец. Дальше не просочится и кошка. Нас ввела в заблуждение их неточность в измерении глубины пещеры. Но не только. Что ж это были за галлюцинации с грохотом камня по каскадам? Я не знаю этого до сих пор.

А ведь я слышал этот грохот. Иначе зачем было собирать целую экспедицию? И ехать на чертов Каратау в который раз?..

Зато какие тюльпаны росли на плато! Таких не бывает и на лучших базарах. Не только алые — огромные желтые и черные цветы прятались по воронкам, поближе к снегу.

Потому что наверху уже набирал силу Огнедышащий Дракон — Солнце.

* * *

А переломный 85-й продолжал раскручивать цепь экспедиций. Август. Под флагом „Сумгана“ на Южном Урале собирается более пятидесяти кейверов из 14 городов СССР. Так мы с друзьями московской спелеогруппы „Фантом-ипНАсг“ отмечали 10-летие нашей встречи в Кутукском урочище у пропасти Кутук-Сумган. Ну и понятно, продолжали исследования. Окрыленные открытием галереи Фортуны двумя годами ранее, мы продолжали раскопки. Но неудачно. В конечном тупике галереи мы заглубились метра на три по вертикали, но проткнуть мощную глиняную пробку так и не удалось. А из боковой штольни — пробитой вдоль полузанесенной глиной сводчатой галерейки, узким лазом уходящей все дальше, — нас вытеснила углекислота. Ее, концентрация которой из-за интенсивной работы и плохой вентиляции порой достигала угрожающей концентрации — в забое гасли свечи.

Наступил сентябрь, и снова событие. Состоялся Первый областной слет спелеологов Восточного Казахстана. Снова — Первый! Сколько всего „первого“ выпало на долю замечательного 85-го! Здесь, на слете, мы провозгла-

сили областной клуб спелеологов, объединивший единомышленников Усть-Каменогорска, белоусовского клуба „Вертикаль“ и лениногорской „Радуги“. Лениногорцы, возглавляемые Владимиром Константиновичем Кочетовым, дополнили трио городов Востока, где получил развитие кейвинг.

Так завершился процесс фактического переноса центра Казахстанского кейвинга на восток республики. Здесь мы сумели подготовить кадры спелеологов-любителей, не только численно, но и качественно превосходящие все остальные регионы республики. Казалось бы, простейшая логика подсказывала мысль о необходимости переноса на Восток и формального центра республиканского спелеотуризма.

Ан, не тут-то было! Казтурсовет принципиально воспротивился. Невзирая на мнение спелеообщественности республики, поддержку Центральной спелеокомиссии в Москве, очевидную пользу для дела — наши предложения были отвергнуты, а лидеры Востока заклеены. О пользе дела чиновники от туризма думали меньше всего.

Плетью обуха не перешибешь. Мои отношения с Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям серьезно ухудшились. К счастью, через год восточно-казахстанский кейвинг в полном составе вышел из системы советского самодеятельного спелеотуризма. Так что мне не пришлось более встречаться с моими „доброжелателями“. Но все это было еще впереди. А пока шел 1985-й, до предела насыщенный событиями, год.

* * *

Подошел октябрь, и наш путь снова лег на Кавказ. На Всесоюзный семинар Высшей спелеоинструкторской подготовки мы уезжали вдвоем с Шынгысом Дюйсекиным. Уезжали, еще не зная, что здесь, на Алека, будет положено начало новой эры в советском кейвинге, открыть которую будет суждено нам — Восточно-Казахстанскому клубу „Сумган“.

Громковато конечно сказал — Эра. Но, как гласит словарь, „эра“ — это крупный исторический период, коренным образом отличающийся от предыдущего. Как иначе назвать массовый переход советских спелеологов от нашей архаичной двухпорной системы хождения по вертикалям — к всемирно принятой технике одинарной веревки — SRT: Single Rope Techniques. Так что терминологически все точно.

Принципиально новая техника подарила нам доселе неведомое наслаждение кейвингом. И, кроме всего прочего, — возможность говорить с зарубежными коллегами на одном языке.

Тогда, в 85-м, никто из нас не знал, что через несколько лет не только старая вертикальная спелеотехника — рухнет и развалится вся советская соцкомсистема, засыпав и едва не похоронив под своими обломками наше любительское спелеодвижение.

А пока, завершая этот нелегкий, но славный год, мы со Стариком Дюйсекиным ехали на Кавказ, в объятья милого сердцу хребта Алек, еще не ощущая ветра близких перемен, где и нам посчастливилось сказать свое слово.

Часть II

Лицом к лицу с Пропастью

4. Размышления над Бездной

4.1. В ползунках по меандру

Человечество изобрело веревку задолго до того, как заинтересовалось подземным миром. Однако, стоя на краю уходящего в неведомую бездну карстового колодца и повизгивая от любопытства, мы долго не могли придумать, как бы туда спуститься. Отправленные на разведку пленники, с воплем исчезая из глаз, обратно почему-то не возвращались, а значит, не могли удовлетворить законного интереса первобытных исследователей к этому чуду природы. Наконец, длительное почесывание в затылках вылилось, как водится, в идею. К сожалению, имени того, кто первым принес к пещере моток веревки, история не сохранила. Весело посвистывая, изобретатель прикрутил один конец веревки к близстоящему дереву, второй конец скинул вниз, зажег факел, поплевал на ладони и... кое-что сообразил.

Видимо, тогда и были заложены основы лаконичного тоста исследователей пещер. Поднимая кружку хорошего виноградного вина после удачно завершённой экспедиции, кто-нибудь да скажет: „Выпьем за Чет!“ И под звяканье сосудов другой бывалый рыцарь глубин пояснит заинтригованному новичку: „Чтобы число спусков в точности равнялось числу подъемов... своим ходом, желательно“.

Спустился — раз, поднялся — два. Чет. Вот с „четом“-то и получалась напряженка. Не штука разок спуститься по веревке, если к тому же не слишком глубоко. Подняться — вот проблема! И снова рука Человечества потянулась к затылку.

На одной из старинных гравюр привелось мне видеть замечательный сюжет: крестьяне погоняют вола, впряженного в опущенную в карстовый колодец веревку, на конце которой примостился на досочке отважный исследователь. Что и говорить — весьма экзотическое и, надо думать, рискованное занятие.

Звонкий шлепок по лбу! А лестница? Тащите ее сюда! Что это она такая деревянная? И короткая больно... А тяжеленная-то! Та-ак, а что если... И появилась веревочная лестница, а вместе с ней зародилась современная техника проникновения в вертикальные пропасти и пещеры. Это уже потом придумали мудреные термины-аббревиатуры: ЛВТ — лестнично-веревочная техника, ВВТ — веревочно-веревочная, ТВТ — тросово-веревочная, ТТ — тросовая, ДТ — динамическая техника и т.п.

А пока все просто — есть пещера, есть лестница. Желание есть? Тогда вперед!

Приходилось ли Вам, мой уважаемый Заинтересованный Читатель, подниматься по веревочной лестнице? А спускаться? Вы многое потеряли в жизни. Виктор Николаевич Дублянский в своей книге „Вслед за каплей воды“ описывает впечатления участника первой попытки спуска в Бездонный колодец. Есть такая замечательная пропасть добрых 160-ти метров

глубиной на Чатырдаг-яйле, что между Симферополем и Алуштой. И впечатления были замечательные:

«Чуть ли не полдня ходили мы вокруг этой дыры, фотографировали, зарисовывали, все не решаясь спуститься. Наконец, надели на меня пожарный пояс с петлей, к руке привязали сигнальную веревку, на голову надели шлем, который применялся на войне против шрапнели, и я полез. Спускался по веревочной лестнице и, кроме того, меня поддерживали веревкой, привязанной к поясу. Скоро уже за выступами стало никого не видно, лишь кусочек неба над головой, темные поросшие мхом скалы известняка с зияющими трещинами, а внизу — черная манящая бездна. Лестница раскачивается, закручивается, а я, совсем-совсем маленький человечек, болтаюсь в разные стороны над еще бездонной дырой, ноги дрожат от усталости, сводит пальцы, руки совсем обессилели. Делаю привал в воздухе: просовываю голову под верхнюю ступеньку лестницы и, держась на шее, опускаю руки.

Долез до нижнего уступа; лестница кончилась, каната больше нет, и силы все вышли. Поддерживаемый веревкой, лежу на покатом уступе и стараюсь ослабить все мускулы, чтобы набраться сил для подъема.»

Не только спуститься по такой лестнице или подняться на несколько десятков метров было делом, заслуживающим уважения. Дотащить ее до пещеры — вот где была задача! Комфортабельные деревянные ступеньки, соответствующая пенька, и вот уже вес этого сооружения достигает 700 граммов на метр. 10 метров такой лестницы весят 7 килограммов, а 100... При одной мысли начинает ломить поясницу!

Давно известно, что лень — двигатель прогресса. Подниматься по лестнице еще туда-сюда, вроде бы, логично. Но вот спускаться! Морока одна.

— Чего мучаешься? — по пути на свою вершину удивился, глядя на спелеолога, альпинист. — „Дюльферять“ не умеешь? Ну, давай покажу.

Кто он был, этот человек по имени Дюльфер? Что любил, где жил, чего достиг? Имя его в среде восходителей и их коллег превратилось в нарицательное: „дюльфер классический“, „дюльфер через карабин“, „дюльферная веревка“. Рассказывают, что один сообразительный альпинист как-то прислал своему начальнику по месту работы телеграмму примерно следующего содержания: „Приехать во время не могу, прошу продлить отпуск, в горах страшный дюльфер!“

Все скрыто в пыли времени. Ясно одно — Дюльфер научил человечество обходиться без лестницы на спуске. Послушаем известного венгерского спелеолога Ласло Якуча:

«Удостоверившись, что веревка достигла дна, делают так: встают лицом к предмету, где закреплена веревка, и ее свободный конец пропускают между ногами. За тем перебрасывают его сзади через левое плечо и, снова пропустив между ногами, опускают в глубину. Получается петля, в которую садятся. Потом одной рукой сжимают перед собой петлю и ее нижнюю часть

подводят под правое бедро, спокойно садятся и, сжимая петлю с разной силой, регулируют скорость спуска. Чтобы остановить движение, нужно крепко сжать обе веревки.

Есть другой способ спуска с одной веревкой, но он требует большей натренированности, чем вышеописанный способ „сидя в петле“ (по Дюльферу). При втором способе петлю помещают между бедром и голенью и скорость спуска регулируют с разной силой, сжимая вытянутые ноги. Я считаю более подходящим спуск по Дюльферу, в этом случае свободны ноги, а это весьма важно при спусках вдоль не очень отвесных стен, чтобы держать от них тело подальше. Кроме того, здесь свободна также одна из рук и в ней можно держать лампу. У бедренной петли и руки и ноги заняты.»

Все понятно? Устроились? Поехали! Но Ласло Якуч честно предупредил:

«При спусках на глубину больше двадцати метров не стоит применять ни один из этих способов, так как веревка невыносимо режет тело.»

Так или иначе, но мне повезло: разобщенность спелеосекций, порожденное илюхинской эпохой отсутствие полноценной информации вынудили меня и моих товарищей по кейвингу пройти весь заковыристый путь развития вертикальной спелеологической техники. Мы начинали со спуска дюльферзитц „сидя в петле“ и поднимались на пруссиках способом „три петли“. Специалисты поймут, что раньше возникли разве что ноевские спуски в пещеры на буйволовоу тяге (как на той старинной гравюре). Подавляющему большинству пришедших в кейвинг позднее такие технические приемы вертикальной спелеотехники известны разве что понаслышке.

Народная мудрость весьма скептически относится к умственным способностям лезущих в гору: „Умный в гору не пойдет. . .“ Что уж говорить о спелеологах? И вообще — кто учится на своих ошибках? Правильно. Умный предпочитает осмысливать чужие. Но все время получалось как-то так, что мы постоянно учились на собственных ошибках. Увы.

* * *

Многие замечательные спелеологи Москвы, Ленинграда, Одессы и других городов начинали свой путь к настоящим пещерам с катакомбизма — лазания по искусственным каменоломням, которые в изобилии разбросаны по окрестностям этих городов. Под Ленинградом, ныне Санкт-Петербургом, — это Саблинские каменоломни, под Москвой — Сьяновские, Кисели, Силикаты, Никиты, Лесные, под Калининским — Старицы, Козловские, Шедуриные, всех не перечислишь. Одесса вся стоит на катакомбах, Керчь, вроде, тоже не обижена. Ну, и так далее.

Пример великих заразителен, и катакомбы на всю жизнь оставили в моей памяти незабываемые впечатления. Не исключено, что наша катакомбистская группа „Фантом“, выползавшая в начале 70-х из подмосковных лабиринтов на путь к большим пещерам, была одной из самых архаичных

в техническом отношении. Наши представления о вертикальной технике формировались под влиянием книг Ласло Якуча, а снаряжение состояло, в основном, из собственного энтузиазма.

И вот — первая настоящая экспедиция к настоящим пещерам. Лето 1975 года над Южным Уралом выдалось волшебным. Жара сумасшедшая, но ей не под силу высушить колдобины на лесных дорогах и пригасить зелень бездонных луж в глинистых колеях. Наша машина сломалась, не пройдя и трети пути. Обильно орошая лесную дорогу собственным потом, плетемся в Кутукское урочище.

Со стороны картинка выглядит занимательно. На наших спинах невообразимого размера рюкзаки, в руках ледорубы, на ногах отриконенные горные ботинки. Привязанный к рюкзаку Рустэма котелок с приготовленным накануне шашлыком сочится маринадом. И вообще, экипированы мы на славу. Взять хотя бы 20 метров лестницы, изготовленной из брезентовых багажных ремней со ступеньками из стального уголка-тридцатки! Представляю, в каком трепете были местные пастухи, смотревшие на нас, как на безумных.

Постепенно познаем арифметику спелеологических экспедиций. Отчаявшись в этот день доплестись до вгорячах намеченной цели, останавливаю пастуха на лошади:

— До Ташильгана далеко?

— Ташильган? Километра три-и, четыре. . .

— Нет, мы пешком, — вмешивается Рустэм, заподозрив неладное.

— Пешко-ом? О-о, тогда километров восемь, слушай, будет!

* * *

„Новичок — и этим сказано все, — обмолвился как-то Данила Алексеевич Усиков. — Но видеть новичка в пещере — достойного новичка в достойной пещере — это эликсир для «старичков»!“ В то лето на Кутуке мы могли устроить настоящий санаторий для старичков от кейвинга — эликсира было, хоть отбавляй.

И вот мы в урочище, мы уже заглянули в ледяное жерло Кутук-Сумгана, мы поняли, что ничего не умеем. Но что-то делать надо? Не отступить же!

Одна из спелеологических заповедей гласит: „Нечего делать — чини свет!“ Если сомневаешься — тренируйся. И вот, закованные в свои средневековые спелеологические доспехи, мы готовимся опробовать нашу технику на скалах недалеко от фермы Сумган.

Меньше всего в тот момент мы мечтали о зрителях. И конечно, они тут как тут. Вместе с нами в урочище работает еще одна группа из Москвы, носящая название „ипНАсг“. Позже мы выяснили, что эти загадочные буквы означают — „Искатели Приключений на Свою Голову“, просто пишется зеркальной аббревиатурой: „ипНАсг“.

Итак, москвичи подходят, вежливо здороваются, с нескрываемым любопытством занимают места на галерке — в партер этого природного театра не так-то просто спуститься! Что и говорить — зрелище предстоит захватывающее: сейчас я буду спускаться, „сидя в петле“, вдоль 30-метровой отвесной стены провальной воронки, названной нами — Каньон.

Прав был Якуч! На пятнадцатом метре спуска температура в области

контакта веревки с моей пятой точкой нестерпимо возрастает. А тут еще стена приобретает отрицательный уклон, и я в позе „Зю“ зависаю в чистом отвесе. В конце концов, изрядно поджаренный, но с чувством собственного достоинства, достигаю дна воронки. Теперь мне предстоит отсюда подняться. По веревке. Вдоль той же стены. И только когда я начинаю подъем „классическим пруссиком“ наши гости не выдерживают. Первым обретаёт голос Вовчик Свистунов:

— Ребята, а что это вы такое делаете?

Простим нашим добровольным зрителям их избалованность более современными приемами спелеотехники. Но вы-то, конечно, поняли, мой Заинтересованный Читатель, что я пытаюсь сделать? Нет? Ну, оказавшись на дне даже самого скромного колодца, вам не пришлось бы долго теряться в догадках относительно цели своих дальнейших действий. Вас тут же заинтригует одна немаловажная проблема: как же теперь отсюда выбраться? По лестнице? Нет, лестница—это уже пройденный этап. С грехом пополам научившись спускаться по веревке, наш троглофил озабочился двумя моментами—как бы сделать спуск поприятнее, и как бы совсем отказаться, даже для подъема от опостылевшей лестницы?

И снова дело не обошлось без изобретателя, имя которого потомки перевели в разряд нарицательных. На смену лестнице пришел неуклюжий и архаичный, но принципиально новый вариант подъема—способ Пруссика. Именно его я и стараюсь изобразить на стене: две веревочных петли на ногах, одна подмышками. Три схватывающих узла. По очереди передвигаю их вверх и действительно—поднимаюсь. Просто? До гениальности. Вот только медленно, и давит спину проклятая петля! Как же все это вытерпеть? Первопроходцам, как никому, нужны незаурядные волевые качества и терпение.

В классических способах Дюльфера и Пруссика внимательный взгляд может подметить одну существенную особенность—кроме веревки, в них не найдешь какого-либо специального снаряжения, которым бряцают современные рыцари глубин.

* * *

Бегая босиком, задумываешься, во что бы обуться, только наколов ногу. Почесывая помятые и обожженные веревкой места, спелеопращур попытался сосредоточиться. Сколько лет длился этот мыслительный процесс? Соображать—нелегкая задача. Тем не менее, стремление к комфорту всегда сопровождалось массой изобретений.

Надоело развязывать зубами затянутые до невозможности, вымазанные в глине узлы—появился карабин. Прошли те времена, но и сейчас где-нибудь в глубинке можно получить массу удовольствия, в ответ на вопрос бдительного таможенника: „Что это у вас в рюкзаке?“ этак невинно сообщив: „Как, что? Карабины. . .“ Не беда, что потом долго приходится объяснять, что патронов не везем, что это вообще не те карабины, а альпинистские. Зато кайф какой!

Стоило появиться карабину, и тут же—вж-ж-жик! Получите „дюльфер на карабине“—любимое занятие скалолазов. Хватит задницы веревкой прожигать! А не нравится „дюльфер“, тоже ничего. Трижды прощелкнул

веревку в карабин, и спускайся способом „три щелчка“. А там еще способ УИАА: в просторечье — „пожарник“ и пошли-поехали разные варианты спуска на карабине.

— „Три щелчка“ — это в альпинизме, — однажды серьезно возразил друг мой и напарник по связке Леха Казеннов. — А вот ты, Костик, способ „четыре щелчка“ знаешь?

— Это как? — не сообразил я. — Ну, три щелчка в карабин. . .

— Правильно, — невозмутимо согласился Леха. — А четвертый — о дно колодца!

* * *

Чем выше забирались восходители и глубже становились пещеры, тем очевиднее становились неудобства примитивных способов спуска по веревке. И вот Штихт предлагает свою знаменитую „шайбу“, англичане Клог и Фишер изобретают и по сей день незаменимую в альпинизме „восьмерку“. Болгары приделывают к ней рожки для удобства фиксации веревки при торможении и остановках и получают „рогатку“. Кто-то в Штатах пристраивает на карабин перекладину, после чего американец Джон Кол конструирует знаменитую „рэплл-рэк“. А француз Дресслер предлагает так приглянувшуюся Европе „боббину“ . . .

Еще удобнее, еще! Теперь ожоги от веревки — это даже смешно: веревки можно и вовсе не касаться руками — к вашим услугам самоблокирующиеся ФСУ (фрикционные спусковые устройства) типа „стоппер“ всемирно известной французской фирмы Фердинанда Петцля и другие. Всемирно, но только не в нашей стране начала 70-х. В советском спелеотуризме на долгие годы воцарилась рогатка. Что и говорить, Болгария была как-то ближе — и по расстоянию, и по социальному строю.

Мне посчастливилось стать автором ряда песен, довольно популярных среди моих друзей-спелеологов того времени. Среди них заметное место занимает „Пещерный вальс“. Коснутся губ строчки:

Небо вырезано пятнышком
И карнизом занавешено,
И в беседке точка пятая
Чуть поскрипывает вежливо.
Тихо кружатся в глазах, в глазах
Стены, инеем одетые,
Начинается „пещерный вальс“,
Чуть качнувшись, словно нехотя. . .

И будто снова висишь, вращаясь на веревке, в неопишемом жерле пропасти, кружатся вокруг тебя стены, кружится, словно с самого неба сорвавшийся, оранжевый лист. А ты, будто замер в пространстве, ты не движешься, и никогда не кончится этот спуск неведомо куда, и этот вальс-вращение — до головокружения, до тошноты.

Нам и невдомек было тогда, что всему причиной наши любимые рогатки. О том, что только спусковые устройства, изгибающие веревку в одной единственной плоскости, не порождают вращения спускающегося, мы узнали далеко не сразу. Рогатки же, увы, изгибают веревку пространственно — да

еще как изгибают! И вот, стоило оторваться от стены очередного бутылкообразного колодца, мы начинали наш „пещерный вальс“. Мы крутились на отрицательных отвесах, спутывая веревки в немыслимые „бороды“, зависая в этих спутках на долгие часы, изрыгая проклятия и совершая чудеса акробатики.

Многое было невдомек. Поднимались по лестнице с обязательной страховкой сверху¹¹². Оно и понятно — с веревочной лестницы сорваться можно запросто. Спускались же просто по одинарной веревке без всякой страховки. Ходили-ходили и вдруг ужаснулись: „Мать честная! Веревка-то одна — а вдруг лопнет? Даешь вторую веревку! Для пущей надежности и безопасности“.

Так возникла и набирала силу ЛВТ — лестнично-веревочная техника. С ее развитием лестницы, конечно, сильно изменились. Они утратили чемпионский вес: на смену веревке пришел тонкий стальной трос, вместо деревянных ступенек — легкие дюралевые трубочки. Но зато на спуске обязательными стали две веревки: основная и страховочная, на всякий, так сказать, случай.

Как глупо все происходит. Вместо того чтобы брать у идущих впереди выстраданные ими основы, мы упорно предпочитаем учиться на собственных ошибках. Каждое устоявшееся техническое решение в кейвинге или альпинизме буквально выписано кровью. В тисках государства, изо всех сил оберегавшего нас от „растлевающей буржуазной информации“, мы вынуждены были сами проходить весь путь, порой отмечая его кровавыми ошибками.

Не только зарубежной информации не знали, мы не имели доступа даже к своей. А если имели, то оказывались не в состоянии осмыслить и сделать надлежащие выводы. Взять хотя бы историю совершенствования обвязок. Весь цивилизованный мир уже вовсю использовал комфортабельные подвесные системы, а мы все еще обвязывались веревкой. Ну, в лучшем случае, парашютной стропой или багажным ремнем.

Удивительно долог путь к истине. Всякая дельная мысль обязательно вынуждена пробиваться через фаланги воинствующей серости, ошетилившиеся козостью и предубеждениями. Сколько смертей понадобилось альпинизму, чтобы понять, казалось бы, очевидную вещь — всякое маломальски длительное зависание на грудной обвязке приводит к стремительной гибели зависшего?

Но что нам до альпинизма? Зимой 78-го в Глиняном колодце пропасти Кутук-Сумган вот так завис, на грудной обвязке, наш друг москвич Серега Ветров. Обошлось чудом. Этот случай я описал в рассказе „Глиняный этюд“. Мы самостоятельно проходили тот же путь, совершая все те же ошибки.

¹¹² **Страховка сверху** или верхняя страховка — один из видов взаимостраховки, при которой страхующая веревка приходит к страхуемому сверху. При „нижней“ страховке страхующая веревка приходит к страхуемому снизу. При этом положение страхующего — выше или ниже страхуемого, не имеет принципиального значения для этой классификации. Если вы не запутались во всех этих стра. . . , отлично!

4.2. Кое-что о самохватах

Зажимы для страховки за веревку и передвижения по ней тоже появились в мире задолго до того, как мы о них услышали. Узнали, обрадовались и — назвали „самохватами“¹¹³. Такое родное что-то, с детства впитанное — „самопал“, „самолет“, „самоход“, „самовар“...

С зажимами-самохватами тоже было немало анекдотов. Мой друг, адлерский спелеолог, Володя Резван божился, что в 83 году в газете „Черноморская здравница“ в статье об исследованиях какой-то кавказской пещеры вычитал примерно следующее: „Самохват — это устройство, при срыве приковывающее смельчака к скале!“

Помнится, один из моих московских коллег вознамерился заказать партию самохватов на заводе. Это тоже один и пунктиков советского кейвинга тех лет — заказать „партию“. Ведь ни один завод, кроме разве что экспериментального производства Ленинградской судовой верфи, не выпускал ни единой специальной железяки для альпинизма или туризма, не говоря уже о кейвинге. Так что заказать „партию“ снаряжения — штук десять, например, это был предел мечтаний. За изготовление брались заводские умельцы и производили необходимое — в свое рабочее время и из государственных материалов, на практике реализуя всем известную поговорку эпохи развитого социализма: — „Все вокруг народное, все вокруг — мое!“

Такса — стабильная: бутылка.

В тот раз, чтобы не допустить промашки, исполнитель запросил эскиз. Простодушный заказчик постарался на славу, изобразив зажим во всю ширину тетрадного листа.

— Пробный сделаю, помотришь, тогда остальные, — пообещал мастер.

Ровно в назначенный день заказчик явился взглянуть на опытный образец. Когда мастер достал из-под верстака заказ, оказалось, что клиент должным образом к приему выпущенной продукции не подготовился. Ну что такое зажим, например, типа „гибс“? Именно самодельные аналоги продукции американской фирмы „Гибс“ (Gibbs Products, Inc.) вплоть до середины 80-х пользовались подавляющей популярностью в СССР. В худшем случае — это вещичка размерами с пару спичечных коробков. Тут же перед изумленным обладателем первого образца обещанной партии предстало нечто — весьма внушительных размеров, неподъемное, но зато аккуратно завернутое в газетку. В газетке был... самохват! Один к одному по размерам с нарисованным на эскизе — во весь лист, так во весь лист! Написанные на чертеже размеры мастером во внимание не принимались, видимо, по принципу: „«Зюйд», «вест», ты не умничай — ты мне пальцем покажи!“

— Второй забирай, — сказал ошарашенному „счастливцу“ умелец. — Я на всякий случай сразу пару постарался!

Спелеологическая Москва долго потешалась над этим событием. Особенно славно получалось колоть супер-зажимами орехи. Грецкие, разумеется. Все остальные в челюстях зажимов просто плющились в лепешку.

¹¹³ **Самохват** — русское название механического приспособления, заменяющего схватывающий узел при работе с веревкой. Более нейтральное название устройства — зажим. Зажимы-самохваты разнообразнейших конструкций широко применяются в кейвинге и менее широко в альпинизме в качестве снаряжения для подъема по веревке, спасательных и страховочных операций.

Что ж, наша земля завсегда славилась своими умельцами-самоделщиками!

* * *

С появлением в обиходе кейвинга зажимов, техника движения по отвесам стала резко меняться. Героические лестничные подъемы отступали в прошлое. Набирала силу ВВТ—веревочно-веревочная или двухверевочная техника. Не обходилось, конечно, без юмора.

Как-то, в одну из первых ленинградских экспедиций в Снежную, на глубину —445 метров спустилась двойка: Миша Иванов и Антон Саакян. Глубина —445 метров—это дно изюминки Снежной: огромного 160 метрового колодца, справедливо получившего название Большой. Оказавшись в Университетском зале под гигантским колодцем, откуда в черном космосе гигантского зала грандиозной серебристой дугой рушится ручей, Антон вдруг забеспокоился:

—Слушай, Миша, а как мы будем отсюда вылезать? Все веревки да веревки... Что-то я не вижу здесь лестницы!

—Понятно, не видишь,—согласился Миша.—Лестницы, Антон, это вчерашний день. На самохватах будем подниматься.

—Миша,—проникновенно поинтересовался Антон.—А ты мои самохваты взял?..

* * *

Ленинградский спелеолог Антон Арсенович Саакян—герой многочисленных приключений и происшествий, описанных Володи Резваном в его „Легендах о Саакяне“ (Сочи, Самиздат, 1984 г.). Вот одна из них, касающаяся непрерывно меняющейся тактики и техники спелеологических исследований.

Для штурма пропасти Киевская в 82 году под руководством Резвана собралось много замечательных спелеологов, в числе которых был приглашен и Саакян. Мне иногда кажется, что для Володи Резвана одним из главенствующих удовольствий в спелео, была именно возможность собирать команды интересных и самобытных личностей и получать кейф от смачного общения. Антон прибыл на плато позднее основной группы и сразу подошел к руководителю—Резван как раз сидел над кучей шлямбурных крючьев и другого железа:

—Вовка!—вежливо обратился к Резвану Саакян.—Киевская—это большая пещера?

—Большая, Антон, тысяча метров. Одних колодцев штук пятьдесят—боюсь вот, крючьев не хватит.

—Вах,—сказал Антон.—Слушай, мне быстрее надо! Меня мама из Ленинграда только на четыре дня отпустила.

—Ну, тогда собирайся в пещеру,—парировал Резван.

Саакян долго скептически молчал, потом спросил:

—Вовка, а у нас веревки много?

—Много. На пещеру хватит.

—А троса?

—И троса много.

—Что ты тогда мучаешься? Давай, делаем так: подходим к пещере, наверху забиваем один крюк, вешаем километр веревки, забиваем другой крюк—вешаем километр троса: вж-ж-ж-ж-жик! И мы на дне! А?

* * *

Для успешного передвижения по вертикалям современному кейверу необходимо три, а то и четыре, зажима различных типов. О, кейвинг хэви метл! Вот бы где социологам поискать истоки движения металлистов. Если злой Рок занес вас в пропасть, то вы волей-неволей превращаетесь в металлиста от спелеологии. А если вы не превращаетесь в него, то либо вы—красноярец, воспитанный в лучших традициях „столбизма“¹¹⁴, либо—заурядный спелеотурист из захолустной провинциальной секции.

Форс—форсом, но если сегодня в снаряжении не хватит даже одного единственного зажима, ходить по вертикальной пещере становится весьма хлопотно. А ведь как-то обходились же мы раньше, когда на группу в десять человек приходилась всего одна пара самохватов! Ее передавали друг другу на каждом колодце. Время тянулось бесконечно, но до сих пор помню восторг в душе, когда впервые вместо схватывающего узла попробовал зажим: держит!

Чтобы подняться по веревке, хотя бы на десяток метров, зажимы необходимо как-то закрепить на себе. Если в ускоренном темпе прокрутить назад ленту развития спелеотехники, то мы с удивлением увидим на экране манипуляции, здорово смахивающие на действия мартышки по отношению к очкам в известной басне. Куда только не пытались пристроить зажимы! На ноги, на живот, на грудь, на плечо, на стремяна длинные, короткие и разновеликие... И т.д. и т.п.

Как-то на скалодроме, где проводились тренировки нашего клуба, мне пришлось наблюдать, как один новичок, не разобравшись, предпринял попытку подняться на 10-метровый уступ, привязав зажимы прямо к кистям рук. И представьте—ему это удалось! ... Метра на четыре. После чего он, понятно, и завис в позе удивленной сосиски.

Как тут не вспомнить замечательную фразу, приписываемую современниками В. В. Илюхину:

„В спелеологии сильные—погибают, слабые—уходят, остаются—приспособленные“.

Справедливо это и по отношению к способам передвижения по вертикалям. В результате многочисленных экспериментов человечество изобрело более полутора десятков разнообразнейших вариантов подъема по самым разным линейным опорам (веревке, стропе или стальному тросу—даже по стальной ленте пробовали!), с использованием многообразных

¹¹⁴**Столбизм**—вид экстремального свободного лазания по скалам без применения дополнительного снаряжения. Естественно, и без взаимостраховки веревкой. Столбизм родился в Красноярске, благодаря наличию рядом с городом уникального сиенитового комплекса скал-столбов. Резиновые калоши в качестве скальной обуви, ситцевые кушаки, жилеты и фески—ушедшие в легенды о былых столбистах, пьянящий аромат особой обстановки, порождаемой сплетением в единую нить жизни и риска—это красноярский столбизм. Почитайте А. Бермана „Среди стихий“, Москва „ФИС“, 83 г. Это, пожалуй, лучшее, что есть пока в советской литературе о столбах и скалолазах-столбистах. Многие красноярские спелеологи вышли из столбистов, перенеся в красноярский кейвинг его дух.

систем специального снаряжения и, в первую очередь, различного типа зажимов. Здесь вы можете найти способы подъема на любой вкус и возраст, темперамент и психический сдвиг.

Как бы там ни было, но из всего многообразия способов подъема по вертикалям в СССР до 1985 года практиковалось два. При этом вся спелеологическая общественность также разделилась на два клана, зачастую непримиримых в этом вопросе. Основная масса — сторонники силового и скоростного (при наличии сил) способа под кодовым названием „стопа-колено“, и малочисленная, но стойкая когорта несколько медленного, но зато несравненно более маневренного способа „рука-рука“. Стоило встретиться в горах или на полигоне приверженцам разных школ, как тут же вспыхивала дискуссия о преимуществах и недостатках того или иного способа хождения по вертикали. И чаще всего эти споры напоминали полемику лилипутов из кланов „остро“ и „тупоконечников“.

4.3. Не ведая, что творим...

Выглянув „за бугор“, мы, конечно, могли бы обнаружить, что мировая спелеология все больше отдаляется от некогда общего пути развития спелеотехники — не только в способах спуска или подъема, но в принципах работы с основным снаряжением при штурме пропастей. Однако смотровые люки „на запад“ были задраены, а если где-то, по недосмотру, и возникала щелочка, то многого через нее разглядеть не удавалось. Так что возникающие проблемы приходилось решать самостоятельно, да еще в условиях отсутствия качественного снаряжения заводского изготовления. Такое положение, слов нет, стимулирует умственную деятельность, но, к сожалению, слабо способствует успешному продвижению к глубинному полюсу планеты. А проблем, притом весьма жестких, накопилось, хоть отбавляй.

Прежде всего, пугала веревка. После нескольких спусков она начинала подозрительно махриться, чернеть, подплавляться, особенно если спуски совершались с присущей скалолазам лихостью. Острые скальные выступы травмировали веревку, терли ее при каждом шаге поднимающегося по ней спелеолога. Страх перед возможным обрывом веревки серым призраком висел за плечами. Что же делать? Как избавиться от него?

Еще при ЛВТ (лестнично-веревочной технике) первое, что пришло в голову — удвоить число веревок. Чувствовалось, что это не вариант, но что-то же надо было предпринять! Так возникла двухверевочная техника. Важнейшим ее условием являлось строго функциональное использование каждой из веревок на отвесе: одна — „рапель“, предназначалась исключительно для спуска и подъема, вторая — только для страховки. Расчет прост и на первый взгляд очевиден: разрушится рапель — удержит страховка. Казалось бы все так, но...

Трезвые головы были все времена и во всех странах. Иногда они даже успевали сказать свое слово, до того как их предусмотрительно отрубали. Несмотря на всю кажущуюся очевидность и оправданность двухверевочной техники, она постепенно начинала подвергаться критике со стороны наиболее прогрессивно мыслящих исследователей.

«... Чувствую себя обязанным объяснить, почему американская вертикальная спелеотехника развивается своим путем, — пишет в 1978 году американец Р. Тран (Thrup R.) в статье „Несчастные случаи при СРТ“. — В 1965 году было внушено, что две веревки или двойная веревка будут безопаснее, чем одна. Я не вижу, как спуск (и подъем) по двойной веревке повысит безопасность. Я не напоминаю о случаях, когда веревки перебиваются камнями, но ведь и две веревки могут быть также легко перебиты, как и одна. Две веревки будут перетираться дольше, чем одна, но тот же эффект может быть достигнут одной более толстой веревкой. Какая же толщина веревки будет оптимальной?

Мне приходилось слышать о веревках, которые были сжваны животными. Но и две веревки будут также уязвимы, как и одна. Единственно надежной защитой от этой неприятности будут тросовые лестницы или просто стальной трос, как у русских. Но в отличие от лестниц, веревки не рвутся внезапно! Обычно их разрушение вызывается трением, проливанием кислоты или большой длиной веревки.»

Оглянувшись по сторонам — нет ли поблизости коровы-террористки, последуем далее по тропе познания. Постепенно появилась возможность осознать причины трагедий, связанных с обрывом веревки: в мировой практике накопился достаточный статистический материал. Как у каждого из нас, у веревки оказалось много врагов — явных и скрытых.

Прежде всего, это два явных недруга — Жесткий Рывок и его Тишайше-ство Трение.

Но есть и другие. Химия, породившая современные синтетические веревки из нейлона, полиэстера, кевлара — гораздо более прочные и эластичные, чем первобытная пенька, не смогла уберечь их от смертельных врагов всяких полимеров: иезуитского ордена Кислот и Щелочей. Незримо подтачивает веревку свет — обычный солнечный, дневной свет в ультрафиолетовом диапазоне.

Все открывалось постепенно, шаг за шагом, и каждый следующий шаг был невозможен без предыдущего. Известно, что опасность, которую ждешь, — это половина опасности. Страшнее всего неизвестность.

Тернист путь познания. Однажды в одном из глубоких, более 90–100 метров, колодцев без видимых причин оборвалась веревка. Память моя не сохранила точного времени и координат этого происшествия, знаю одно, что веревка оборвалась при спуске. Спасла ли потерпевшего вторая страховочная веревка — история умалчивает, но обрыв веревки, которому нет объяснения, порождает вполне понятные чувства, и мир кейвинга впал в тяжелое раздумье.

И пока он раздумывает, чему же теперь верить, позволим себе небольшое отвлечение.

* * *

Как Вы представляете себе сверхглубокий колодец, мой Дружелюбный Читатель? Действительность подземного мира превосходит, порой, самые

смелые предположения. Сейчас в мире известно более 30-ти естественных провалов сплошным пролетом превышающих 200 метров.

Глубочайшие колодцы мира расположены на территориях весьма ограниченного числа стран. Долгое время первенство в этом вопросе удерживала Греция. Следом шествовали гордые мексиканские пропасти. Но ныне пальма первенства склонилась к Австрии. Не вдаваясь в перечисление всех сверхглубоких колодцев, назовем семерку естественных вертикалей, превывсивших глубину 400 (!) метров. Замыкают этот ряд:

Сотано дель Барро (Мексика) — 410 метров,
 Миние (Папуа, Новая Гвинея) — 417 метров,
 Гуффри Жозелин (Крит) — 430 метров,
 Эпос II (Греция) — 442 метра.

Увенчивает же верхушку победное трио Австрийских пропастей:

Холленхолле — 450 метров,
 Хадесшахт — 455 метров,
 Альте Мурмиельтиршахт — 480 метров.

480 метров сплошного пролета! Пожалуй, немного будет высовываться из такого суперколодца, если погрузить в него московскую Останкинскую телебашню!

На территории бывшего СССР первенство по глубине сплошного колодца до последнего времени удерживала Снежная с упомянутым уже Большим колодцем в 160 метров чистого отвеса. Но затем внутренние шахты пропастей Пантюхинская — 213 метров, Куйбышевская — 239 метров, и пройденный англо-львовской (по другим сведениям франко-львовской) командой 400-метровый внутренний отвес в пещере К-3 или Абац, расположенной недалеко от Пантюхинской, затмили его своими достижениями. Остается только добавить, что все эти гиганты сосредоточены на Западном Кавказе, на территории Абхазии.

* * *

На высоте в 150–200 метров уже свободно летают самолеты, а вам предстоит отважиться на спуск в бездну, положившись всего лишь на тоненькую, с палец толщиной, веревку, отныне соединяющую вас с жизнью. Есть о чем задуматься? Особенно, если гложет черное недоверие к веревке, которая недавно, без видимых причин, оборвалась под кем-то. А почему бы ей теперь не порваться под вами?

Если начались такие мысли, значит, либо из нервозности вертикалей вам пора на покой, либо подошло время основательно разобраться в происходящем.

Разобрались. Оказалось, что во всем виноват все тот же древний, как мир, резонанс.

Его Неожиданность Резонанс! Если кейвер — не обремененный излишней осторожностью лихач из числа тех молодых людей, что не утруждают себя утомительными тренировками в овладении собственным снаряжением, — он потенциальная жертва неумолимых и беспристрастных законов природы, отнесенных к разряду резонансных явлений.

Как это происходит? На малых отвесах, пока веревка еще не слишком растягивается (и собственная частота ее колебаний достаточно велика), опасность разрушения ее, вызванного резонансом, отсутствует. Но вот глубина нарастает. Вы начинаете спуск, лихо пропуская веревку через спусковое устройство, но в какой-то момент вас одолевают сомнения в возможности остановить этот полет-падение в бездну. И вы, по неопытности, резко зажимаете веревку в спусковом устройстве.

Понятно, что в этот момент мгновенной остановки не происходит. Под действием сил инерции веревка начинает растягиваться, и спуск постепенно замедляется. Вот вы достигли нижней мертвой точки растяжения веревки и остановились. Еще мгновение — и упругость веревки начнет поднимать вас вверх, как на качелях. Но — успокоенные, вы несколько приотпускаете веревку и с удивлением наблюдаете, как она со свистом начинает протягиваться через ваше ФСУ, а вы, будто вне всякой зависимости от этого, плавно начинаете проваливаться вниз, все набирая скорость. Есть от чего вздрогнуть сердцу! Вы снова судорожно сжимаете веревку. И картина повторяется на новом энергетическом уровне, раз от раза набирая амплитуду этих вертикальных колебаний на отвесе. Если при этом их частота совпадет с собственной частотой данной веревки (что более вероятно именно на больших отвесах: более 90 метров) — катастрофа неизбежна.

Вот почему столько фольклорных трактовок получила одна из священных заповедей кейвинга: „Поторапливайся медленно!“, „Нэторопыза!“, „Вошел в пещеру — выключи секундомер!“ и так далее. Плавность, неторопливость, аккуратность, мягкость и вкрадчивость работы, экономичность движений при маневрировании — вот почерк настоящего мастера.

* * *

Но постоит ли, на что это намекал предыдущий оратор? „Стальной трос, как у русских“?

Есть такой грех. В начале семидесятых советская вертикальная техника избрала путь развития, принципиально отличный от остального спелеологического мира. Тому были причины. Ни один человек не может равнодушно видеть, как расправляются с веревками скальные выступы и ребра, карнизы и перегибы. А если вам самому предстоит пройти по этой нейлоновой дороге, „заминированной“ острыми элементами рельефа, и вовсе призадумаетесь. А что, если?..

И вот тут-то показалось, что укротить разбойного дракона Абразива сможет только богатырь Ильюшенька Муромец-Трос-Стальной. Так в пещеру попал трос. С каким сладострастным удовлетворением смотрели мы на опостылевшие скальные выступы, карнизы и ребра. Так беспардонно обращавшиеся с веревкой, теперь они были повержены. С ними запросто расправлялся наш новый союзник. Стальной трос быстренько перепиливал любые происки Трения. С диким хохотом советские кейверы ринулись на отвесы.

* * *

Найдя выход в борьбе против трения: мы уже не оглядывались по сторонам. Тем более что стальной трос обладал еще одним замечательным преимуществом перед веревкой — он не растягивался.

Вы не насторожились? Ничего не резануло слух? Ну, ничего, мы еще вернемся к этой фразе. А пока — прекрасные ощущения! Если вы, хоть раз, пробовали подниматься по веревке на зажимах, и ваш разум в эти мгновения не был затуманен страстным желанием покинуть подземный мир, вы, конечно, помните не слишком приятное топтание на месте в начале подъема, пока веревка не растянется на столько, чтобы оторвать вас от земли.

Помню один незабываемый случай в 86-м году, во время первой нашей с болгарами международной СРТ-экспедиции в Снежную. Под самый занавес у меня появилась возможность взять в пещеру сына Алешку. Парень был взрослый — вот-вот стукнет 7 лет, а за плечами уже спуск (правда, на папе) в 70-метровый отвес Кутук-Сумгана.

Снежная не была бы Снежной, если бы ее первые 200 метров не выглядели хаосом люда, фирна и скал. Спуск прошел успешно, и вот мы с Алешкой стоим на фирновом дне входного 30-метрового колодца Снежной. Над нами белые скалы, оконтуренное ими голубое небо, с редкими на такой высоте (1900 м.н.ур.м.) березками по урезу. Настроение осложняют ранклюдфы — протаявшие трещины-провалы, отверсто зияющие вокруг нас на границе скалы и снега. Я-то в кошках, а сынишке пробираться по скользкой крутой тропинке вдоль страховочных перил весьма неуютно. Тем не менее спускаемся по крутому снежнику и, заглянув в бездну ледяного колодца, решаем возвращаться.

И вот наступает момент начала подъема на землю. Вставляю в Алешкин беседочный зажим рапель и начинаю ее постепенно выбирать, чтобы уравновесить натяжением веревки его вес. Без этой предосторожности можно запросто провалиться на пару метров в рантклюдф у стены, вдоль которой предстоит подъем. Тяну, значит, веревку — тянется она, как резинка, и вдруг замечаю: у сынули моего глаза становятся по блюдечку, и в каждом блюдечке — вот-вот слезы! Ничего не понимаю. Продолжая свои манипуляции с веревкой, спрашиваю:

— В чем дело? Ты что, испугался? Ну, говори, все же в порядке!

— Да-а... — наконец решается мой малыш, чуть не плача. — Я не хочу... я не хочу вылетать из Снежной!

— ...???

— Да-а! Ты сейчас отпустишь веревку, а она меня ка-ак выкинет!

Наша мама Люба, в нетерпении ожидавшая с фотоаппаратом на краю Снежной, была крайне заинтригована гомерическим взрывом папиного хохота, донесшегося из глубины. Отсмеявшись, я сделал единственное, что мог в сложившейся ситуации — подвесил парня над ранклюдфом на предварительно растянутой веревке: лучше один раз испытать, чем сто раз слушать рассказы и уговоры. И через несколько минут мы уже молодецки позировали на отвесе перед оком мамино фотоаппарата.

* * *

Но вернемся к тросу. С его приходом в советском кейвинге началась эпоха ТВТ — тросово-веревочной техники. Она стремительно распространилась по стране. В ход шли любые тросы подходящего диаметра: от 3 до 5 миллиметров. Трение о скалы мы не устранили — просто одну из линейных опор сделали трению не по зубам. Но, заменив одну из веревок на трос, нам пришлось отойти и от некоторых канонов классической двухопорной техники. Теперь мы поднимались из колодцев по малоэластичному стальному тросу с обязательной страховкой за параллельную веревку. Но спускаться по нему толком не умели. А то, что умели, нас не устраивало. Однако об этом позднее.

Привыкание к тросу происходило, порой, трудно.

— Знаешь, кто у нас в стране самый смелый спелеотурист? — спросил как-то Резван при проведении нами семинара инструкторов на Кавказе. — Алик Липкин.

Алик, парень из Мурманска, врач-травматолог и весельчак-гитарист, так же, как и я, носил очки. Очки — это проклятье спелеолога. Их постоянно заливает водой, забрызгивает грязью, они запотевают и заледеневают от вашего дыхания зимой, да еще норовят упасть с носа в самый неподходящий момент. Иногда, чтобы не мучаться в пещере с оптикой, Липкин очки снимал.

— Алик как-то признался, — продолжал Резван, — что когда он идет по тросу, то троса — не видит. Он идет, будто в пустоте, немислимым образом поднимаясь все выше. Он не видит троса и только ощущает какую-то призрачную тонкую напряженную нить. Но все-таки идет. Понял теперь?

* * *

Мы поднимались по тросу и испытывали жуткое искушение по нему же и спускаться. Но пока перебирались и опробовались варианты, приходилось спускаться по той же веревке, за которую страховались при подъеме. Тем самым нарушалось важнейшее правило монофункциональности линейных опор классической техники — мы изнашивали свою страховочную веревку, спускаясь по ней. Мало того — на спуске мы „изображали“ страховку за трос, на первых порах искренне уповая на ее надежность! О демпферах-амортизаторах тогда и не слышали.

Можно ли придумать более утонченный самообман, искусно замешанный на невежестве?

Ну, конечно! Конечно же, вариант применения стального троса казался заманчивым не только нам. Ведущие западные фирмы по изготовлению спелео и альпийского снаряжения тоже взяли его на заметку, но... Сошлемся на мнение основателя фирмы „Петцль“ Фернанда Петцля, говорят, в прошлом тоже спелеолога:

«... Было проведено большое количество испытаний. Поначалу идея выглядит очень привлекательной, так как используя трос, мы можете совершать прохождения с меньшим весом. Но на практике все выглядит иначе. Во-первых, хотя с новым

тросом достаточно приятно работать руками, старый трос, имеющий оборванные пряди, очень опасен для рук, даже в перчатках. К тому же трос не эластичен и совсем не приспособлен к рывкам. Рывок на нейлоновой веревке, в зависимости от условий, может быть погашен, но даже небольшое падение на тросе гибельно — для троса, точек закрепления, самого спелеолога.»¹¹⁵

А мы не сдавались. В 84 году известный спелеолог москвич Владимир Киселев демонстрирует на международной конференции спасателей советскую тросовую технику. Вот что по этому поводу заметил другой известный специалист по техническим вопросам из Чехословакии Густав Штибранный:

«... Троса могут порваться в любое время, внезапно и без всяких предшествующих признаков... Стальной трос практически не способен поглощать кинетическую энергию, то есть является почти идеально статическим. Это очень опасно. По данным наших последних экспериментов тело весом 80 кг при падении на 1 метр уже развивает энергию более 1000 кг¹¹⁶. Однако по исследованиям американского института "National Aeronautics and Space Administration" человек даже в самых лучших обвязках не выдержит рывка более 1200 кг.

Почему же тогда наши советские коллеги применяют тросовую технику? У них нет другой возможности. Они не могут получить в достаточном количестве веревок удовлетворительного качества, однако стальные тросы легко доступны для них. Если бы мне приходилось работать в таких условиях, я, может быть, поступал бы также.»¹¹⁷

Оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре и гордо возразить что-либо из былого репертуара, типа: „Зато у вас негров угнетают!“

* * *

Кстати, о музыке. С „пещерным вальсом“, как результатом скручивания веревки в спусковом устройстве, мы уже знакомы. А вот с его последствиями — пока нет. Не надо обладать феноменальным воображением, чтобы зримо представить, во что превращается двухверевочная трасса при возникновении хоть небольшого вращения при движении по ней. Вот тут и рождаются проклятые близнецы — Скрутка и Борода! Если бы все часы, проведенные спелеотуристами Союза в изрыгающем проклятия состоянии на спутках и бородах из веревок и тросов, потратить на что-нибудь более полезное, например, на изучение опыта наших коллег из других

¹¹⁵Из интервью М. Меридита с Ф. Петцлем, "Caving International Magazine" № 6–7, январь–февраль 1980 г. стр. 57, Канада.

¹¹⁶Эта формулировка Густава Штибраного может показаться знатокам энергетики падения несколько некорректной. В действительности энергия падения в этом случае не превышает 80 кгм, но вот конечная нагрузка при остановке падения веревкой, а тем более статическим тросом — может достигнуть очень большой величины: от 500–600 кг при падении человека в хорошем снаряжении до 1000–2000 кг при абсолютно жестком падении. Именно этот фактор имел в виду автор статьи.

¹¹⁷Густав Штибранный „О тросовой технике“, из бюллетеня венгерского туристического общества „Красный метеор“, 1984 г.

стран — толку, думается, было бы значительно больше. Так как там было у Америки? Ага-а... Ого! Иди ты! Похоже, оказывается...

«... Американские спелеологи очень консервативны в отношении страховки. Одно время некоторые группы настаивали на использовании страховочных веревок на всех отвесах. Их предостережения датировались днями дюльферного спуска, гораздо более опасного, чем на спусковых устройствах. Один старый спелеолог дошел до того, что утверждал, что если колодец узок на столько, что страховку нельзя разнести с рапелью так, чтобы они не спутывались, то в этот колодец вообще нельзя спускаться.»

Спасибо Вам, мистер Тран. С каждым Вашим словом у нас расправляются плечи. Уж до этого мы не доходили. Но нет-нет, мы слушаем внимательно.

«Смит (да только ли этот неизвестный нам Смит? — прим. мои, К.Б.С.) сильно недооценивает опасность скручивания веревок между собой. Они запутываются на всяком свободном отвесе. Любые две веревки, повешенные рядом, будут скручиваться друг с другом.»

Оказывается, это проклятье двухопорной техники преследовало не только нас. Спелеологи всего мира искали выход, но многие видели его по-разному.

* * *

У нас действительно много общего с американцами — гораздо больше, чем внушалось все прошлые годы. В 86 году в Тбилиси на Первом Международном Симпозиуме спелеологов в СССР спелеолог из Югославии Андрей Михич сказал хороший тост:

— Когда мы возвращаемся на землю — мы равны, как перед Богом. Потому что мы одинаково счастливы!

Когда мы возвращаемся на землю... И в этом отношении кейвинг очень похож на космос. Это понимают ученые, изучая человеческий организм в условиях пещеры. Это ощущают спелеологи, возвращаясь наверх. Так о чем это мы? Ах, да, о двух веревках! Тогда заглянем снова в Снежную, но на этот раз глазами Усикова:

«... Через десять минут происходит следующий эпизод. Первым в Большой зал в хорошем темпе на „пожарнике“¹¹⁸ съезжает Виктор. Быстро отстегивается от веревки, не дав ей раскрутиться. Но Виктор не обращает на это никакого внимания и резво слезает со снежного конуса. Следующим спускается в Большой

¹¹⁸ „Пожарник“ — один из примитивных, но достаточно распространенных способов спуска по веревке с использованием карабина и особого узла на нем, известного в обиходе под названием „пожарного“. Узел так понравился альпинистам, что они удостоили его переименованием в „узел УИАА“ (UIAA — Международный Союз Альпинистских Ассоциаций). Как и все карабинные узлы, „пожарник“ жутко скручивает веревку, изгибая ее пространственным образом.

зал Алексей. Здесь впервые в своей короткой спелеологической жизни он знакомится с тем, что бывает, когда скручиваются веревки. Леша зависает, как говорится, „мертво“. Конечно, он зовет Виктора, чтобы тот вернулся и помог. Но Виктору, который уже спустился с конуса, лень возвращаться (конус-то 30 метров высотой — настоящая фирновая гора! Хоть это и не оправдывает лентяя — прим. мои, К.Б.С.). Он как бы не слышит призывы Алексея и скрывается в „Шкуродере“. Счастье нашего новичка, что он... беседки не снял (Иные бывалые исследователи Снежной запросто спускались по колодцам, прикрепляя спусковые устройства прямо к грудной обвязке! — прим. мои, К.Б.С.). Целый час он болтался в пустоте, пока виток за витком не распутал веревки. Когда же Алеша, наконец, спускается, в нем еще кипит злость и польхает ярким пламенем справедливый гнев, который он собирается обрушить на своего мучителя. Но обидные слова застревают у него в горле, когда он видит окоченевшего Виктора, который стоит, боясь пошевелиться, на одной ноге на узкой полочке под самым потолком „Малого“ зала. Именно здесь его постигла „божья кара“: в самом неудобном месте перегорела лампочка, а запасную он взять не удосужился. Весь этот час он страдал от холода, пронизываемый ледяным ветром „Шкуродера“, а еще больше от ужасной мысли, что наверху что-то случилось, все вернулись в лагерь, что его тут бросили, забыли.»

Далекий ты наш 78-й! Если бы каждого, давшего промашку под землей, Пещера наказывала одновременно так жестоко и так мягко — „прекрасен был бы наш союз“!

Так что вы говорите, мистер Тран?

„Приход плетеных веревок¹¹⁹ облегчил использование отдельной страховки, но потребовалось 15 лет, чтобы показать, что годится и одна веревка...“

Минуточку! Вы несколько забегаете вперед. К одинарной веревке мы обязательно придем, но позже. А пока — вот сакраментальный вопрос: страховка!

Лестнично-веревочная техника ушла и унесла с собой обязательное применение верхней страховки на подземных отвесах. На смену коллективно-групповому передвижению по пещере, когда спелеологи буквально не могли обойтись друг без друга, пришло индивидуальное параллельное движение по отвесам с самостраховкой.

Действительно, не лучше ли каждому самому позаботиться о собственной безопасности? Не знаю, как в других странах, а в СССР с проявлением какой-либо индивидуальности всегда были трудно. Усилиями классиков

¹¹⁹На заре спелеоисследований применяемые веревки имели конструкцию в виде скрученных между собой спиралью нескольких, обычно — трех, более тонких жил, аналогично многим видам стальных тросов. Такие веревки имеют непреодолимую склонность к раскручиванию под нагрузкой. Неудобства, вызванные этим обстоятельством, привели к созданию современных веревок кабельного типа (плетеных), состоящих из защитной трубчатой оплетки и сердцевины, которая, в свою очередь, может иметь разнообразную конструкцию.

и последователей марксизма-ленинизма коллектив воцарился над личностью всерьез и надолго. Коллективно решали все и за всех, привычно забывая о каждом в отдельности под лозунгами некоего всегда достаточно абстрактного „всеобщего блага“.

Тем не менее, несмотря на трудности, переход на работу с самостраховкой состоялся и резко двинул вперед вертикальную технику. Теперь по отвесам спускались и поднимались, передвигая по параллельной веревке или тросу самостраховочный зажим, прикрепленный к обвязкам коротким „усом“. Понятно, что внедрение этих новшеств не обошлось без проблем.

* * *

Что на ваш взгляд сложнее — спуск или подъем по отвесу? Нет-нет, не труднее, а сложнее?

На первый взгляд это не очевидно. Как ни странно — сложнее в техническом отношении именно спуск по линейным опорам. Конечно, на спуске, если и потеешь, то только от страха, а вот при подъеме от вас, порой, такой пар валит, что колодец застилает. И тем не менее, абсолютное большинство аварий в этой области приходится именно на спуск. Спуск, как говорится, мягко стелет, да жестко спит. Точнее было бы сказать — падать!

И если вы спускаетесь по одной из веревок, а самостраховку вынуждены осуществлять за другую (а тем паче за трос) — проблем значительно прибывает.

К чему она вообще — эта суета вокруг страховки-самостраховки, скажете вы? Тем более, если мешает. Придумайте что-нибудь, обойдитесь, в конце концов.

И обходимся, если можно. Но вместе с тем следует признать, что во многих случаях самостраховка нужна объективно. Особенно на спуске. И, прежде всего, если по каким-либо причинам вам не удастся сохранить контроль за скоростью. Ну, например, неожиданный удар камня по руке, каске или другой части вашего тела может повергнуть нас в такое замешательство, что о веревке вы на время просто забудем. Да мало ли что может застать „удачливого“ кейвера врасплох? Одну такую, случившуюся со мной, историю я описал в рассказе „Узел“... Опасность утратить контроль над спуском подстерегает каждого из нас. Хотим мы этого или нет, признаем или отрицаем.

4.4. Страховка, страховка...

Что ж, статистика аварий на подземных вертикалях знает немало случаев, когда падение происходит из-за отсутствия на конце недостающей до дна колодца рапели узла, который не дает выскочить веревке из рук и спускового устройства спускающегося. Это самая заурядная техническая ошибка, вызванная усталостью, неопытностью, халатностью или другими человеческими причинами.

Но есть и другое: проблема самостраховки, о которой мы и продолжим разговор. Противоестественно — в момент срыва и падения, когда все обрывается, сжимается, взрывается электрическим током в мышцах и

нервах — не вцепиться изо всех сил в оставшуюся надежду. Падавшие когда-либо меня поймут. Это безусловный рефлекс.

Но есть заповедь скалолазов: в момент срыва — руки в стороны! Руки на веревке — это травма, это сорванная кожа и разбитые фаланги пальцев, прижатых веревкой к скале.

Заповедь — заповедью, но попробуй преодолей этот древний, как сама жизнь, инстинкт — отпусти! Искусство самостраховки долгое время строилось именно на умении преодолеть в себе примитивный инстинкт самосохранения — в нужный момент вовремя выпустить из рук, отбросить в сторону свой самостраховочный зажим. Ибо именно это было неременным условием его срабатывания.

Бороться с врожденным инстинктом. . . Нелепо? Но как это похоже на человека! Вместо того чтобы следовать за природой, применяясь к ней, — тужиться ее переделать.

В то время как Западная Европа уже успешно использовала не идеальные, но достаточно удобные для самостраховки зажимы (другое дело, что многие отвергали самостраховку), в СССР эта проблема вставала во весь рост. И, прежде всего, потому, что законодателями в области советской спелеомоды повсюду насаждались конструкции зажимов типа „гиббс“ и напроочь отвергались все остальные.

В чем же дело? Ведь именно „гиббс“ предельно опасен для выполнения самостраховки! А это как посмотреть. Критерий-то был один — максимальная механическая прочность в абсолютном выражении. Потому что больше всего боялись рывка, даже толком не понимая его физической сущности. Даешь прочность! А по этому параметру, в хит-параде существующих зажимов (в том числе и применяемых в советском кейвинге) ведущее место по праву занимают конструкции с замкнутым корпусом („гиббс“ и его аналоги).

Другие варианты зажимов обладали массой превосходящих „гиббсы“ качеств. Но зажимы с разомкнутым корпусом, такие как „жумар“, „дресслер“, „пуани“, „кроль“ и им подобные, заметно уступали „гиббсам“ по прочности. А потому их возможности на долгие годы остались скрытыми от советских спелеотуристов, как, впрочем, и вся зарубежная спелеотехника.

* * *

Появление в советской практике стального троса (в качестве линейной опоры для передвижения по отвесам) до предела обострило проблему самостраховки. Нам „удалось“ собрать вместе и наложить друг на друга два опаснейших фактора. С одной стороны — безусловный рефлекс, заставляющий стискивать в кулаке самостраховочный зажим и вместе с ним падать вниз. С другой — объективная опасность рывка за малоэластичный трос, приводящего к повышенным, порой, запредельным, нагрузкам на всю страховочную цепочку. Результаты не замедлили сказаться.

Помните хребет Алек? Есть на нем такая пропасть — ТЕП. Замечательная это пещера. Глубина ее — 470 при протяженности всего 650 метров. Опытный глаз сразу определит, что перед вами практически сплошная вертикаль. Так оно и есть. ТЕП — это почти непрерывный каскад колодцев, самый большой из которых — „восьмидесятка“. Чистая, белая, будто сахарная, пропасть. Но славу ТЕПу создала не только вертикальность и

своеобразная красота. Среди кейверов ТЕП известен под странным, но красноречивым названием: „Божий унитаз“.

О, усмехнувшийся мой Читатель! Сколько коварства в этом, несколько даже несерьезном, названии. . . Все входы в пещеру (а их у ТЕПа три), как обычно на Алеке, расположены один за другим по тальвегу¹²⁰ крутого лога. Отмытые камни на его дне наводят на мысль о ручье. Но воды нет. Что же и когда отшлифовало эти камни?

„Когда Боженька потянет за ручку, — шутят в этих местах, — тогда . . . !“

Паводок опасен во всех пещерах Алека, но в ТЕПе он наступает практически мгновенно.

Есть такое понятие — „время добегания паводка“. Оно измеряется теми минутами или часами, что остаются в вашем распоряжении с момента начала дождя на поверхности земли до подхода первой паводковой волны в ту или иную точку пещеры.

Впервые добегание паводковой волны я наблюдал у другой пещеры Алека. Лето 1982 года. Всесоюзный семинар инструкторов спелеотуризма. Наше отделение проводит учебно-тренировочный штурм пещеры Назаровская на хребте Алек. Две двойки работали в пещере, а мы осматривали Назаровский лог выше входа в пещеру, когда сумрачное с утра алекское небо прослезилось.

Дождь на Кавказе начинается сухим щелканьем двух–трех капель по буковому листьям и тут же переходит в мощный мерный шум. Немедленно бросаем поиск и со всех ног мчимся вниз к Назаровской. Надо предупредить ребят, что начался дождь. Ровно через семь минут после старта мы скатываемся во входную воронку Назаровской — здесь, под навесом скалы, есть „зачистка“ провода для подключения телефона. И тут же за нашими спинами раздается какой-то незнакомый угрожающий звук.

Встревожено озираемся, пытаюсь определить его источник. Взбираюсь чуть вверх по склону, выглядываю из воронки и вижу: по дну балки к пещере идет вода. С утробным рокотом, сгребая по пути листья и веточки, катится по камням, небольшой пока — сантиметров 10 высотой, метра 2 шириной, коричнево-пенистый валик дождевой воды.

Поток растет на глазах! Ровно через 7,5 минут после падения первых дождевых капель вода с шумом устремляется в Назаровскую, образуя впечатляющий водопад на первом же 7-метровом уступе. А ведь это только один из поноров, собирающих с поверхности воду. Сколько ее сейчас устремилось в пещеру?

В том же году аналогичную, но еще более мощную картину мы наблюдали на входе в ТЕП. Через 15 минут после начала ливня, концентрируясь на дне балки, паводковая волна достигла входа в пропасть и устремилась в него.

Попавший в пещерный паводок — не забудет его.

« . . . Поток уверенно набирает силу, и ноги сквозь резину литых сапог чувствуют его нарастающую упругость. Шум ручья мешает разговаривать. Пещера проснулась. Еще недавно ласкавшийся в ногах котенок выпрямляется во весь рост, превра-

¹²⁰Тальвег — с немецкого — линия, соединяющая наиболее пониженные участки дна речной долины, балки, оврага.

щаясь в свирепого дракона, в слепой ярости сметающего все на своем пути.»¹²¹

Вода мчится по пещере, превращаясь на колодцах в ревущие водопады. На больших отвесах поток распыляется в грохочущий вихрь, ледяную водопылевую взвесь, забивающую весь колодец, мешающую дышать, давящую ледяной своей мощью и тяжестью. Таким был 80-метровый колодец ТЕПа, когда летом 77-го года здесь разыгралась трагедия, о которой напоминает молчаливая табличка у входа в пропасть. Увы, табличка здесь не одна.

Рассказывает участник тех событий Геннадий Ещенко:

«... Вода прибывала быстро. Было ясно, что нижняя двойка не успеет (подняться по 80-метровому колодцу — пояснение мое, К.Б.С.), придется отсиживаться. Тогда Володя Панюшкин решил провести провод вниз, чтобы обеспечить связь. Телефонная трубка оставалась у Андрея (наверху колодца — п.м., К.Б.С). Договорились, что если провод запутается, то мы его сверху отрубим, чтобы Володя мог спуститься. Провод запутался метров через 20. Отрубили, да видно, он намотался на рогатку, на которой Володя спускался, и тот застрял. Попытался подняться на самохватах, но поток стремительно нарастал. Скоро мы стояли почти по пояс в воде, пристегнувшись к крючьям. Решили тащить его полиспастом. Но напор воды был такой, что самохват разогнулся и веревку заклинило. Все это время видели свет фары — наверное, Володя пытался уходить в стороны на стенки колодца, но вода дергала за веревку, сбрасывая его в поток. Последнее, что сделали, обрубили рапельную веревку, на которой он висел, и стали спускаться на страховке. Однако часть веревки смыло вниз, и она где-то зацепилась. Спустили метров на 10, пытались освободить веревку, но паводок натянул ее, как струну. Остаток ночи провисели на крючьях, почти в потоке. Света больше не видели.»

Так погиб москвич Владимир Панюшкин. Среди прочих причин несчастья с очевидностью проступает путаница из двух веревок и телефонного провода на отвесе. Да еще не просто две веревки, а работали с верхней страховкой. И что характерно — все предпринималось именно для повышения безопасности: и страховка, и телефонная связь.

В этих строчках — мерная поступь советского спелеотуризма: отважного и зачастую беспомощного в своем невежестве. В те годы многие из нас свято верили, что верхняя страховка безопаснее и надежнее самостраховки. Эти иллюзии разрушались трудно, в результате страшных и нередко трагических событий.

... Когда паводок утих, появилась возможность спуститься в проклятый колодец.

«Борис хватает натянутую веревку, прощелкивает рогатку и собирается оттолкнуться. „Стой! Хватит риска“. Быстро выхватываю веревку из мешка, узел на конце, и Борису на грудь. Выводим через карабин на крюке. „Теперь пошел!“»

¹²¹А. Петров „Паводок“, альманах „Ветер странствий“, Москва „ФИС“, 1988 г.

И снова та же ошибка—верхняя страховка в такой ситуации, как цепь кандалная. А какая уверенность, какая святая вера в обратном!

«Борис прыгает в черноту, стремительно разматывается страховка. Мы расправляем. Наконец, она ослабевает. Не запуталась.»

Сколько скрытого облегчения в этой скупой фразе. „Не запуталась!“

Так „хватит“ ли риска? И что рискованней: спуститься просто по веревке, рассчитывая только на свои силы и умение, или отдаться во власть чужих, хоть и дружественных, рук?

Паутина веревок... Она призвана охранять нас, облегчить работу в пропасти. Но грозит погубить, стоит нам превысить оптимальную достаточность своего снаряжения или нарушить скрытую (во многом неочевидную) логику и законы безопасности работы с ним.

* * *

В 1983 году список жертв ТЕПа чуть было не увеличился. На этот раз за счет членов нашего клуба „Сумган“. На спуске в тот же 80-метровый колодец теряет контроль за рапелью усть-каменогорец Александр Ван.

Как это получилось, он не мог потом вспомнить. Только что ничего не предвещало падения, и вдруг... полет! Подошла ли неожиданно скрутка на веревке, ударила ли по неплотно сжатым пальцам волна ее тяжело висящего в отвесе мокрого конца—так или иначе, но Саша выпускает рапель под спусковым устройством. И—начинает падать вниз, бессознательно сжимая в кулаке зажим, который, понятно, свободно скользит вдоль самостраховочного троса. Трос—тоненький: за него просто так не удержишься.

Несколько долгих, как жизнь, мгновений прошли в безуспешных попытках поймать ускользнувшую из ладони веревку... Помните, падающие—это мало кому удается!

... И тут, как озарение—самостраховка! Ее надо отпустить, бросить, разжав судорожно стиснутые на самохвате пальцы. Усилием воли Саша бросает зажим, с визгом скользящий по тросу в его руке. Зажим срабатывает. Короткий удар, рывок и... снова падение! Почему?

По-че-му-у?!

Он не мог потом определить, с какой высоты упал. Попал в водобойный котел под колодцем. И остался жив и даже практически невредим. Что было причиной—остаточное трение в рогатке¹²², ровные стены колодца, не выставившие навстречу падению роковой выступ или зуб, лопнувший от рывка и этим несколько притормозивший падение самостраховочный „ус“ из крученой 8-миллиметровой веревки или сказочное везение? Как бы там ни было, но он не разбился. Ушибленный о край котла локоть, боль в плече—не в счет. После падения Саша прошел ТЕП дальше, до дна, а на обратном пути его группа попала в паводок, аналогичный тому, что унес жизнь Панюшкина.

¹²² **Остаточное трение**—при спуске по веревке, она соответствующим образом пропущена через ФСУ (фрикционное спусковое устройство). При этом, даже если совсем не держать рукой конец веревки, какое-то минимальное трение ее о ФСУ остается. Это и есть остаточное трение, „парашютирующий эффект“—одна из важных конструктивных характеристик любого спускового устройства.

И снова мы видим падение, когда падающий на какое-то время напрочь забывает о своем само страховочном устройстве. А когда вспоминает, энергия падения уже слишком высока и при рывке разрушает наиболее слабое звено страховочной цепи. Здесь им оказался „ус“, а могло быть и что-нибудь другое.

«Несколькими несчастными случаями и некоторыми испытаниями показано, что человек будет сжимать схватывающее устройство и не даст ему сработать. Конечно, есть случаи, когда они и срабатывают. Но мне нужны такие страховочные приспособления, на которые я могу положиться безоговорочно.»

Браво, мистер Тран! Вашими словами хотелось бы подытожить уже сказанное. Осенью 1982 года я предложил, а Шынгыс Дюйсекин изготовил зажим, о котором Вы мечтали. Устройство работало безотносительно квалификации его владельца и других условий. Универсальный само страховочный зажим, названный нами „Рефлекс“, срабатывал именно при рефлкторном стискивании падающим его ручек, наподобие пассатижей. За счет плоской прижимной планки и точно рассчитанных размеров „Рефлекс“ держал (не перекусывая!) на любых диаметрах стального троса и веревки от 3 до 12 мм, что порождало восторженное недоверие каждого, кто брал в руки это „чудо техники“. На семинарах инструкторов спелеотуризма в Красноярске и на Кавказе зажим выдержал скептические взгляды представителей всего Союза. Но...

Наше изобретение, как и множество подобных ему, осталось в распоряжении редких умельцев, кто мог изготовить „Рефлекс“ в кустарных условиях. Другие ввинчивали болт в кулачок обычного самохвата, и это тоже давало положительный эффект. Как бы там ни было, но лучшего принципа зажима для само страховки мне не известно до сих пор. И приятно осознавать, что выпала честь быть в числе его создателей.

Появление зажима типа „Рефлекс“ не стало революцией в технике само страховки в условиях ВВТ и ТВТ. Большинство вертикальщиков было настроено консервативно и предпочитало рисковать по старинке. Но лекарство от смертельной опасности было найдено, и каждый теперь волен был выбирать. А вот это совсем другое дело, не правда ли?

* * *

Так что же такое само страховка? Не окажись у меня в Кутук-Сумгане узла на конце страховочной веревки, скорее всего, не писать бы мне этих строк. Сколь бы ни было совершенно снаряжение — оно всегда в руках того, кто его использует. Наша безопасность определяется не столько количеством или качеством применяемого нами оборудования, сколько знанием предмета своей деятельности, пониманием — что творим.

Вот с последним, к сожалению, у нас всегда был напряг. Обучение в альпинизме и спелеотуризме чаще всего шло по принципу: „Делай, как я!“ Такая система предполагает подслеповатую веру в инструктора со стороны ученика.

Но что такое вера? Верить можно в Бога. На вертикалях весомо только ЗНАНИЕ.

А две или более веревок на отвесе, в зависимости от конкретных условий, могут быть действительно необходимы. Так же, как и самостраховка. Надо только понимать, где именно и когда. Как в том анекдоте: „Ворона каркнула во все воронье горло, Сыр выпал. . . И завис на самостраховке!“ В данном-то случае польза от нее очевидна, не правда ли?

4.5. Стратегия успеха

Давно известно, что из любого положения всегда есть, как минимум, два выхода.

Насладившись вариантом, предложенным советским спелеотуризмом и не имеющим аналогов нигде в мире, трудно не задаться вопросом: а собственно, почему? Отчего это мы снова оказались в одиночестве? Даже страны, так называемого „соцлагеря“, и то переметнулись. Поляки, чехи, венгры, хорваты — все постепенно брали на вооружение западноевропейскую школу вертикального кейвинга.

— Что касается болгар, — сказал как-то москвич Виктор Козлов, больше известный в спелеологической среде под прозвищем Капрал. — Что касается болгар, например, так они не оттуда берут. Надо с Востока брать, а они с Запада норовят!

Дело в том, что приехавшие на Алек осенью 85-го года болгарские спелеологи разительно отличались от нас не только по своему снаряжению, но, прежде всего — принципиально иным взглядом на технику и тактику спелеоисследований.

Тут, видимо, пришла пора заглянуть еще в одну дверь — с табличкой „Тактика спелеоисследований“. Интересно? Как хотите, но заглянуть придется. Как любили говорить в эпоху развитого социализма: „Колхоз — дело добровольное: хочешь — вступай, не хочешь — расстреляем“.

* * *

Во времена „верхней страховки“, когда хорошим тоном считалось наличие второй страховочной веревки в надежных руках товарища по штурму, остро выступила не только „проблема первого“. Кому идти первым — самому умелому или самому главному, решалось по обстановке и особых дискуссий не вызывало.

Идти первым — это честь и азарт! Это первые следы на терра инкогнита. Что объяснять? Каждый из нас чувствует особый романтический аромат самого слова — первопроходец. Так что с первыми всегда было в порядке. А вот с последними. . . Как ни планируй, но наступал момент, когда все товарищи по штурму уходили ниже, а над колодцем оставались двое последних. И кто-то из них должен был стать страхующим.

Что это значило для страховщика? Конец продвижения вперед и начало длительного ожидания на опостылевшей полке. Почетно, что тебе доверили страховку, слов нет, но. . .

А потом группа подходила к следующему колодцу, и новый страхующий сурово приступал к своим обязанностям, чтобы после того, как все уйдут ниже, в одиночестве коротать над колодцем бесконечные часы ожидания. Не

нужно иметь богатое воображение, чтобы почувствовать всю обреченность этой первобытной тактики.

Росли пещеры, возрастало число отвесов в них — катастрофически увеличивалась нужда в добровольных узниках страховки. Появилась как-то даже песенка на детский мотив, но очень верно передающая суть этого явления:

„Вместе весело шагать по колодцам,
по колодцам обводненным,
А пещеру штурмовать — так уж ротой
или лучше — батальоном!“

Решившись на самостраховку, мы будто воздуха свежего глотнули. Вдруг на дно пещеры разом смогли попасть все! О, это сладкое слово — Свобода! Теперь по колодцам несло:

— Дошел. Рапель свободна, страховка свободна.

— Понял. Пошел!

Стоило освободиться веревкам на отвесе, вниз или вверх сразу же уходил очередной участник. Один, второй, третий.

— Сто-оп!

— Что та-ам?

— Борода-а! Мать... ать... ать... ать!

Значит, все. Приехали. Теперь можно покурить, пока не распутается „счастливец“, въехавший в бороду из спутавшихся между собой рапели и страховки.

А тут еще мешки... И пока мы курим на уступе, ожидая, как же очередной собрат выпутается из очередной бороды, давайте поближе познакомимся с еще одним спелеоперсонажем, который внес серьезные коррективы в развитие тактики и стратегии штурма подземных великанов. Имя ему — Транспортный Мешок.

* * *

Да-а, все бы ничего, но вот мешки! От экспедиции к экспедиции они плодились и множились со страшной быстротой. Особенно, когда речь заходила о сверхглубоких пропастях, вроде Снежной. Именно в Снежной зародилась особая тактика штурма, в просторечье получившая название „морозовской“, по имени ее основоположника Александра Игоревича Морозова. Морозов исследования Снежной вел капитально. В условиях нескончаемых снежинских глыбовых завалов на быстрый успех в поисках прохода через этот каменный хаос рассчитывать не приходилось. Морозовцы и не рассчитывали. Прицел делался не на лихой штурм, а на длительную осаду.

Что нужно, чтобы работать в пещере неделю? Много нужно. Одним словом это называется достаточно научно — жизнеобеспечение. Здесь продукты и витамины, рукавицы и спички, свечи, лампочки, батарейки на все время — все, вплоть до туалетной бумаги, должно быть предусмотрено. Чтобы не искать в кромешной темноте пещеры нужный мешок, а в нужном мешке нужные продукты, было рождено понятие „модуль“ — стандартная упаковка жизнеобеспечения на определенное число подземных или наземных человеко-дней.

Положим, что наш модуль рассчитан на 8 человеко-дней. Это значит, что вчетвером мы можем припеваючи жить двое подземных суток. Заметим, что подземные сутки в морозовской тактике существенно отличались от астрономических и обычно были длиннее. Работали по 20, 30, а то и по 40 часов с короткими передышками для принятия пищи, затем ставился подземный лагерь, где, наконец, готовилась хорошая полноценная еда. После холодных и горячих „перекусов“ на маршруте — это казалось уже раем!

Понятно, что далее следовал сон. Это был, так называемый, „первый сон“. Бывало, что он продолжался 16–20 часов. Затем следовало пробуждение от голода, еда, короткий отдых в бодрствовании, снова еда и „второй сон“, несколько меньшей, чем первый, продолжительности. Позавтракав после второго сна, можно было уже достаточно спокойно приступать к новому рабочему дню морозовской протяженности.

Имея в распоряжении модульное жизнеобеспечение, было уже проще рассчитать количество мешков, необходимое для штурма. Итак, на неделю подземной работы на четверых нам понадобится три с половиной модуля жизнеобеспечения. А на месяц? Мешков 14–15.

Длиннейшая из экспедиций Морозова зимой 81–82 года продолжалась чуть ли не три месяца. Подсчитываем количество модулей с продовольствием, плюс десяток мешков со снаряжением: веревками и т.п., плюс подземный лагерь с палатками, спальными мешками, теплоизолирующими ковриками и кухней, плюс личные вещи каждого участника. . .

Получалось, скромно сказать, немало. И все это — на четверых. И самое неприятное, что весь этот груз надо было как-то перетаскивать по пещере! Чего только не придумывали. Прибегали к предварительным ступенчатым заброскам силами вспомогательных групп: модули затаскивали в пещеру и прятали в специально подготовленных и тщательно замаскированных местах. Зато в решающей фазе экспедиции принимало участие очень ограниченное число спелеологов — с тем, чтобы обеспечить, как можно более длительное, пребывание штурмовиков под землей. Все это давало свои плоды, но, как бы там ни было, работа по „морозовской“ тактике все больше приобретала характер затяжного и мало эстетичного таскания тяжестей по пересеченной местности.

Лично мне, с тремя товарищами, приходилось ползти по Снежной в компании с 36-ю транспортными мешками. Очень сильные впечатления! Большого маразма в кейвинге мне не встречалось. Но что было делать? Ничего более совершенного в то время мы предложить не могли. Не допирали.

* * *

Таскать по пещере транспортировочные мешки — это не рюкзаки по горам носить. Здесь нужна особая техника. Чаще всего группа растягивается цепочкой и передает мешки с рук на руки: так сказать, вперекидку. В процессе этого занятия рождались специфические термины: например, „пункт накопления мешков“ — сложить в узком меандре, в завале среди глыб или на маленькой полочке над колодцем несколько десятков мешков — это надо уметь. Такие места даже специально отмечались на схемах

пещеры загадочными буквами „ПНМ“. При этом по ходу транспортировки мешки приходилось постоянно пересчитывать: потерять транспортник в такой мешанине — раз плюнуть!

По колодцам мешки спускали и поднимали веревкой (той же самой, кстати, по которой спускались и которой страховали свою жизнь при подъеме по тросу!). На какие хитрости только не пускались, чтобы облегчить этот сакраментальный процесс! „Подъем мешков по троллею“, „подъем мешков с сопровождающим“, „подъем мешков противовесом“... .

Как в почтенные времена лестнично-веревочной техники, группа то растягивалась по уступам, чтобы тащить и отцеплять бесперечь застревающие мешки, то снова собиралась в цепочку, чтобы перебрасывать их с рук на руки. Естественно, что чем больше было мешков, тем медленнее продвигался подземный караван. Чем медленнее он продвигался, тем больше времени требовалось ему, чтобы достичь дна пещеры. Чем больше времени требовалось для выполнения этой задачи, тем больше мешков с жизнеобеспечением нужно было взять с собой. Чем больше мешков — тем медленнее движение... .

Проблема постепенно превращалась в замкнутый круг. Единственное, что оставалось делать, это увеличивать продолжительность рабочего дня, работать на износ, теша себя иллюзией, что так мы будем продвигаться быстрее.

Блажен, кто верует! Чем длиннее становились рабочие дни, тем больше времени требовалось нам для восстановления сил в подземных лагерях. Природу не обманешь.

Вот, для примера, скупой хронометраж экспедиции „Снежная-81“. Читаю свой полевой дневник:

«13 июля, понедельник. Ну, и, конечно, наш выход. Уходим в пещеру в 14.00. Нас четверо и шесть мешков. За три часа спустились на 200 метров вертикали Ледовой части. Спускался с двумя мешками... .

Володя Демченко ведет телефонную линию, чудом разбираясь в путанице проводов, оставленных прошлыми экспедициями. В Большом снежном зале сменили свет.»

Пока продвигаемся почти цивилизованно, транспортируя мешки на себе, о чем говорит довольно приличная скорость нашего спуска.

«Следующие 100 метров вертикали идем 3 часа 45 минут и в 20.45 мы на дне Кораллитового колодца. Решено устроить перекус, все-таки движемся уже 7 часов. Сварили гречневую кашу без соли, так как взять с земли соль мы забыли, а модули вскрывать еще не время. Сидим под полиэтиленом, греемся свечками и гексой (сухим горючим). Затем надеваем гидрокостюмы и продолжаем движение. Итого на отдых ушло 4,5 часа.»

Совершенно неоправданные потери времени и сил. Мы уже выбились из привычного суточного ритма — на часах глубокая земная ночь. Но самое главное еще впереди. Наша цель — Университетский зал на глубине —480 метров. Теперь от места нашего „перекуса“ в Галерее нам предстояло пройти 180 метров вертикали каскада Большого колодца Снежной. Без

всяких узостей, сложного лазания, других неприятностей — просто четыре ступени одного большого колодца. Казалось бы — что может быть проще и желаннее для кейвера-вертикальщика? Но нет. Если первые 300 метров (с локальными узостями, меандрами, колодцами и т.п.) пещеры мы, четвером с шестью мешками, проходим за 7 часов, то наверху Большого колодца нас ожидает вся свора транспортников в количестве 30 штук. Плюс наши шесть. И началось...

«Уже 14 июля, где-то 1.30. Все 35 мешков (один содержал веревки и был опустошен при навеске), спущены на 20 метров в Предколодец. Управились за час.

Демченко-старший уходит на 70 метров ниже на Черный уступ, а мы все еще толчемся на дне Предколодца. Скоро уже 5 часов, как мы здесь. Спускать мешки на Черный уступ начали только в 3.30: что-то там у Володи запуталось на Черном уступе...»

Понятно — что. Мы применяли трос-веревочную технику!

«...Наконец, пошло веселей. Я подтаскивал мешки к щели входа в Большой колодец, Резван подавал, Олег Демченко спускал мешки вниз. Шестидесятиметровый спуск к Черному уступу начинается черной зияющей щелью. Над этой щелью на распорах носили мешки, перекуривали и даже спали. Я тоже с полчаса подремал.

„На заре ты меня не буди, в голове у меня бигуди...“

Дует здесь невероятно!

В 7.20 наверху остаемся только мы с Олегом — все рукавицы пожгли веревкой, спуская наши милые мешочки. И вот, наконец, мой спуск. Весь путь до Черного уступа приходится спускаться в свободном висячем положении вдали от стен, будто в гигантском колоколе. Где-то внизу — страшно далеко — огоньки. Крутит по черному!

Черный уступ — он черный и есть. Едва выходишь на спуск, сразу же начинаешь вращаться вокруг рапели (Тогда и невдомек было, что все дело в рогатке!). Чтобы не запутаться от этой карусели, Демченко оттянул трос в сторону, и спускаться приходится по одной веревке, без самостраховки. Страшно, неудобно, но иначе и совсем труба — запутались бы напрочь. Метров через десять от начала спуска по голове начинает барабанить ручей. Весь дальнейший спуск проходит в сверкающих брызгах. Иногда снизу, из темноты, незримо вращающейся кругом, корявым чудовищем выплывает фантастический скальный зуб и беззвучно, по спирали, канет где-то вверх. Руки устали держать веревку. Очень потом болели, когда на Черном уступе снял резиновые рукавицы (видно, со страху).

На Черном уступе есть одно место, где почти не капает. Пристегнувшись к крючьям, забились с Олегом в эту крохотную нишу, высушили по паре пальцев, добыли сигареты, спички и закурили. Дым уносит ветром куда-то вверх, навстречу падающей сверху водяной взвеси.

Отсюда же вдоль стены спускаем мешки на 55 метров ниже — на Желтый уступ. На этом пролете операция по спуску мешков занимает 3 часа, и где-то в 10.30 последним ухожу вниз. Спуск почти сухой, если не считать брызг со стены и душа под самый конец: есть там, метрах в семи, у дна полочка, где так любят застревать мешки.»

Девять (!) часов понадобилось нам, чтобы спустить 35 мешков и спуститься самим на 115 метров к Желтому уступу. Мы не спим уже больше суток, проводя все время в напряженной работе в условиях 100-процентной влажности, падающей сверху воды, темноты, усталости, рассогласования суточных ритмов, страха перед одинарной веревкой, по которой нам приходится спускаться. Риск падения в случае обрыва одинарной веревки кажется нам менее страшным, по сравнению с удовольствием надолго зависнуть под ледяным душем в „бородe“ из безнадежно скрученных рапели и страховки. Выбор однозначен: риск — дело благородное.

Оно, конечно, благородное, но, не знаю, как остальным, а мне страшно-вато.

И вот мы на Желтом уступе, но дело на этом не кончается. Даже если бы мы захотели бросить все — мы не имеем такой возможности. Мы обречены двигаться вперед и вниз до Университетского зала, где есть площадка, пригодная для установки подземного лагеря.

«Желтый уступ просторнее и как-то светлее Черного. Не даром — Желтый. Одна неприятность — капель бьет прямо в рабочую площадку, откуда мы с Резваном спускаем в разверстную бездну Университетского зала сразу по четыре мешка. Отсюда до дна Большого колодца 45 метров чистого отвеса вдалеке от стен. Время утрачивает реальность, мы уже изрядно отупели от этой монотонной работы, холода и голода.

Но вот мешки спущены, теперь наступает наша с Резваном очередь. Снова спускаюсь в свободном отвесе. Стен вокруг даже не видно. На голову с шумом валится ручей. Приземляюсь среди развалов огромных глыб, выбираюсь из-под ручья, отстегиваюсь от веревки. На моих часах — 13.15. С последним отвесом управилась даже быстрее, чем за три часа. Все. Мы на месте. Теперь ставим базу и спим.»

Итак — классический снежинский день близится к завершению. За 23 часа мы сами спустились на 480 метров и попутно перетащили 30 с небольшим мешков на 180 метров по вертикали. После такой работы никто не страдает отсутствием аппетита или бессонницей. Как у нас говорят: „Плохо поешь — плохо поработаешь. Хорошо поешь — хорошо поспишь!“

* * *

Завершая повествование о том снежинском дне, хочу поделиться одной историей, косвенно связанной с жизнеобеспечением. Группа „Снежная“ прославилась не только достижениями в области спелеотактики, но и рядом изобретений прикладного характера. В частности, с легкой руки

снежинцев, особую популярность приобрели подземные кухни на сухом горючем, так называемые „гексогазы“. Простейший гексогаз представлял собой алюминиевое донышко с асбестовой термоизолирующей прокладкой, где сгорает сухой спирт — в просторечии „гекса“, и металлического тонкостенного цилиндра с прорезями для вентиляции, на который устанавливается кастрюля. Все сооружение накрывается стеклотканевым чехлом. Вареву доводится до кипения, после чего, в целях экономии горючего, кастрюлька перемещается в термическую баню-термостат из поролоната, где и доходит до готовности.

Горючего для продолжительных кавказских спелеоэкспедиций требовалось изрядно. Рассказывают, случилось так, что однажды железнодорожное начальство воспротивилось перевозке по железной дороге партии сухого спирта, предназначенного для снабжения одной из снежинских операций. Дело принимало крутой оборот и грозило срывом экспедиции. Тогда предприимчивые спелеологи поехали с вокзала на завод, и уговорили главного инженера выдать им справку следующего содержания: „Настоящая справка выдана в том, что сухое горючее нашего завода НЕ ГОРИТ“.

И что вы думаете? Пропустили! Участники событий могут внести свои коррективы.

* * *

В той памятной экспедиции родилась весьма специфичная „Песенка Модульеро“, записанная мной в том же полевом дневнике.

Итак, пробил наш час — пора на Дно.
Но силы наши явно не равны:
Нас девять — тридцать их, сейчас пойдет кино!
И наши чувства, как мешки, полны.
И вот я третий час на леднике
Пропитываюсь медленно водой.
Стучит зубами Леша в уголке
И кроет модуль в несколько рядов.

Мешки глядят надменно — им смешно:
Уродуемся мы, а не они.
В стене зияет черное окно,
И капает капель за воротник.
Так хочется поддать мешок ногой —
До Конуса, чтоб всем чертям назло!
Но нет, сгибаюсь снова я дугой
Под модулем, как будто под седлом.

Я выхожу на полку — он на мне!
И тридцать братьев радостно глядят,
Как я сначала пристегну к стене
Мешок, а после — застрахуюсь сам.
Так хочется пустить его в накат:
Вот так бобслей — и никаких забот!

Но нет, Андрей с Татьяною глядят!¹²³
И модуль на веревочке ползет. . .

Отводим душу только на снегу—
Вздымая брызги катятся мешки.
Нет. Я так больше напрочь не могу!
В желудке в фигу скручены кишки.
Мы модули корячим в Шкуродер:
Я на камнях, а он, подлец, на мне!
За лямку бы его, но строг Андрюхи взор—
За лямку можно только лишь на Дне.¹²⁴

Мы—модульеро. Наш закон суров.
И обрывая мертвую петлю,
Он с наглой рожей мчится, он здоров!
Я падаю, но я его ловлю.
Я грязен, я оборван, я смешон,
Но модуль сохранил свою красу. . .
Эх, превратиться бы хоть в плохонький мешок!
Пускай меня отсюда унесут!

Это был июль 1981 года—расцвет эпохи „тотальных штурмов“ тактикой „турпохода“. Для непосвященного—абракадабра. Для посвященных—песня с непечатным подтекстом.

* * *

Тактика глобального таскания мешков постепенно заходила в тупик. Надо было найти какой-то выход из этого оупляющего действия, придающего кейвингу оттенок мазохизма¹²⁵. Отерев пот, спелеогрузчики приступили к еще более трудному процессу—мыслительному. И пока они морщат ум, мы развлечемся таким невероятно интересным явлением как „летающие мешки“.

Сам по себе „летающий мешок“ не представляет собой ничего примечательного. Вероятность того, что тот или иной мешок вдруг обретет крылья, никогда не исключена. Но с увеличением общей численности мешочного поголовья пропорционально возрастает и число их летучих представителей. Вот тут держи ухо востро!

Обычно мешки летают не по воле своих хозяев, а напротив—вопреки ей. Этот удивительный факт отмечают многие исследователи. Например, Данила Усиков.

«... Площадка, на которой Данила складывал мешки, была небольшой, и к тому же располагалась на ледяной арке, не казавшейся слишком прочной. Работать было неудобно, а тратить

¹²³ Андрей Бизюкин и Таня Немченко возглавляли штурмовую группу и очень беспокоились о сохранности донных модулей!

¹²⁴ В целях сохранности донных модулей на верхнем участке пещеры: примерно до зала Победы на –700 м, возбранялось даже братья за мешочные лямки—не дай бог оборвешь!

¹²⁵ **Мазохизм**—вид сексуальных игр, которым присущи элементы самоистязания, описанный австрийским романистом Захер-Мазохом.

время на благоустройство — жалко. Не исключено, что Данила от недельного контакта с бесшабашной молодежью потерял часть своей бдительности. Одним словом, очередной мешок врезался в уже отцепленный, выбил его из гнезда, и тот прыгнул в колодец. Потом мы узнали, что он спланировал на глубину ни много, ни мало — 200 метров! И упал прямо на снежный конус Большого зала. По дороге мешок опасно просвистел мимо Володи Трифонова, который в это время перевешивал лестницу из-под Кривого колодца. Видимо, мешок упал дном. От удара взорвались две пачки молока и одна — картошки.

Мешки летали, как никогда. На спуске по второму этапу (приходовой снежник — Ледовый зал)... один из мешков вдруг оторвался (развязалась вздержка: после этого случая мы твердо решили не экономить на веревочках-вздержках). Сиганул мешок с чемоданом медикаментов и хирургических инструментов Севы Еценко. Мешок-чемодан, к счастью, не задел никого. А летел он мимо Виктора, Севы и Саши. Быть убитому лекарством — в наше время уже не смешно. Этому мешку не удалось спрыгнуть в Большой зал, и он застрял в нелепой позе на откосе над Кривым колодцем. Из тысячи мелочей, которые Сева пожелал иметь в подземном лазарете, разбились только ампулы с кутгутом в спирте и, почему-то, пузырек с марганцовкой. И опять благодаря случаю, эти вещества не соединились. Вспыхнувший пожар был бы красивым финалом операционной в чемодане!»¹²⁶

В 83 году на входном колодце Снежной от перил отстегнулась связка — рюкзак и станок¹²⁷. Вот где мы воочию увидели, как отстегиваются карабины без фиксирующих муфт при вращении пристегнутого на них груза вокруг натянутой веревки! Рюкзак и станок бесшумно канули в узкий снежный колодец в конце фирновой катушки — той весной вход в Снежную протаял очень узенькой дырочкой. Каково же было наше удивление, когда, спустившись в этот колодец и попав на коренной лед, мы не обнаружили беглецов!

Первые следы появились в 100 метрах ниже: над Кривым колодцем сиротливо торчала из снега дужка от примуса. В нашем рюкзаке действительно лежал примус. Но рюкзак был качественно зашнурован и застегнут на все ремни...

Сгорая от любопытства, мы продолжили спуск. Наконец, наше терпение было вознаграждено — пролетев 200 метров, мешок поджидал нас у основания снежного конуса в Большом зале. Нетерпеливо развязали мы все многочисленные завязки и застежки злополучного рюкзака: примус был цел! Если не считать того, что неведомая сила загадочным образом сняла и туго нахлобучила его крышку на донышко котелка, в который примус был упакован. Ну, и не хватало одной дужки — той самой!

Рюкзак нашелся, а вот отличный титановый станок будто в землю канул. Поискали, погоревали, да так и ушли вниз, погрешив на кажущиеся бездонными ледяные колодцы, пробитые капелью в конусе Большого зала.

¹²⁶ Д. А. Усиков, из неопубликованного.

¹²⁷ **Станок** — приспособление для переноски негабаритного груза в виде металлической рамы с ляжками и поясничным амортизатором.

На обратном пути поставили лагерь в том же Большом зале у подножия снежного конуса. Прошло дней десять нашего пребывания в пещере, и что там за погода на земле — было неясно. Ночью несколько раз грохотало и ухало на ледовой части. Видимо, срывались в колодцы подтаявшие наверху глыбы льда.

Наше подземное „утро“ наступило около 10 часов вечера по астрономическим часам. Собираем лагерь, пакуем многочисленные мешки и начинаем вытаптывать ступени для подъема на снежный конус. И тут натываемся на наш станок — свеженький, будто только что свалившийся откуда-то с неба! Редкое везение, если учесть, что весь извлеченный из пропасти груз нам еще предстояло спустить с гор к морю.

Не всегда полеты мешков обходятся столь благополучно. Ходят легенды, что где-то под тем же снежно-ледовым конусом покоится сказочно дорогой мешок с уникальной фотоаппаратурой. Мешок трагически покинул своих хозяев в одной из снежинских экспедиций да так и не вернулся.

* * *

В поисках альтернативы изнурительному тасканию мешков мы не могли пройти мимо „динамической“ техники штурма вертикальных пропастей. Слухи о динамической технике (она же — корделетт) доходили до нас давно. Если все, о чем мы говорили до этого (и что можно в известном приближении назвать статической техникой), подразумевает наличие у исполнителей крепкой нервной системы, то „динамика“ и подавно требует хороших навыков подземной эквилибристики.

Коренной постулат динамической техники прост, как правда: „По пещере лучше всего ходить налегке!“

Отсюда логично вытекает второй постулат: „Суммарный вес двух веревок равной длины всегда тяжелее любой из них, взятой в отдельности!“

Но и это еще не все. Апологеты динамической техники пошли дальше, ставя вопрос ребром — если и брать в пропасть веревку, то не просто одну, а одну единственную! Равную глубине самого большого колодца этой пропасти. При движении вниз эту веревку надлежит сдергивать за собой, оставляя на ее месте нечто потоньше — легкий прочный шнурок, с помощью которого при возвращении надлежит (есть такой шанс!) вернуть на место корделеттную веревку.

Как известно, шнур на латиноязычии — cord, отсюда и название динамической техники — корделетт (cordelette, по-французски, если не ошибаюсь). И снова корни уходят во Францию. (Не знаю, как Вам, мой уважаемый Доброжелательный Читатель, а мне это уже порядком надоело). Но против истины не пойдешь.

Впервые технику вытягивания с помощью шнуров и веревок чего бы вы думали? — Лестниц! — применили Пьер Шевалье и его группа. Однако поднятые на колодец, их лестницы оставались висеть на этих не слишком прочных шнурах, пока смельчаки поднимались по отвесам. Происходило это в самом начале 60-х годов XX столетия.

В 1962 и 1965 годах последовательное вытягивание шнуром веревки, а затем веревкой — лестницы, применили в предгорьях Альп спелеологи группы Ж-К. Фрашона.

В 1971–72 годах этот вопрос был тщательно изучен Тулонским клубом Абим¹²⁸. Вот о чем недвусмысленно предупреждает один из участников того проекта Даниэль Мартинес:

«Эта техника требует высокой технической подготовленности и предполагает специфичные условия прохождения (например, в случаях узких пещер, пропастей, требующих большого количества снаряжения, или в целях сольных прохождений). Перед использованием под землей следует:

- обязательно изучить эту технику на скалах;
- избегать веревок, впитывающих воду — они сильно тяжелеют;
- не пользоваться описанной техникой в колодцах глубже 40 метров;
- иметь в виду, что на колодцах, разбитых уступами, трение неизбежно;
- **ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ УЧАСТНИКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ!**»

Так-так. Нас не запугаешь. Тоже кое-какой опыт имеется! В начале 60-х, практически одновременно с французами, пробуют продергивать лестницы по колодцам в своей пригородной пещере Торгашинская — красноярцы. По слухам, что-то получалось. Но то ли не совсем все-таки получалось, то ли впечатления оказались слишком сильными. . . Как бы там ни было, но красноярцы от динамической техники отказались и больше про нее не вспоминали. Но: вирус посеян — вирус будет жить!

В середине 60-х группа некоего Панова пробует корделетт в пещере Школьная на хребте Алек. Ау! Где вы, первопроходцы? Результаты неизвестны. Но вирус жил!

После длительного перерыва в начале 80-х корделеттом заинтересовались челябинцы. Многократные победители Всесоюзных соревнований по спелеотехнике, челябинские кейверы всегда тянулись к спортивной стороне спелеологии. Челябинские группы проходят корделеттом, правда, не до конца, алекские пещеры Заблудших и Ручейную.

По непроверенным данным в 1981 году московская группа под руководством Полуянова применяет шнур в экспедиции в пещеру Парящая птица на массиве Фишт. Неизвестно, удалась ли та попытка применения корделетта, но эта экспедиция, успешно справившись с подземной частью программы, потерпела страшную катастрофу при возвращении — на поверхности. Из-за резко обострившихся погодных условий, обильных снегопадов, а главное — неготовности к такому повороту событий участников и руководителя, при спуске с плато из 6 членов группы в живых остались только трое. Остальные трое замерзли.

В 1985 году москвичи группы Е. Снеткова получают незабываемые ощущения, за 11 часов пройдя техникой шнура пропасть Каскадная в Крыму (–400 метров).

¹²⁸ Д. Мартинес „По поводу техники «Корделетт»“, „Spelunca“ № 2, Франция, 1979 г., стр. 77–79.

Если не считать попытку нашей группы годом раньше, в сентябре 1984 года, пройти корделеттом пропасть Напра на Бзыби, то известная мне история динамической техники в СССР на этом исчерпывается.

* * *

Наша экспедиция в Напру достойна того, чтобы о ней рассказать чуть подробнее.

В сентябре 84 года на Бзыби нас собралось 9 человек: руководитель команды Володя Резван из Адлера, Эрик Лайцонас и Раймондас Данюнас из Каунаса, Сергей Ткачев из Уфы, Сергей Киселев из Челябинска, Олег Шищенко, двое девушек — Лена Аксенова и Люба Толстикова, и автор этих строк — из Усть-Каменогорска. Специалистом по технике шнура у нас был Киселев. Киселев работал корделеттом на Алеке в составе упомянутых челябинских экспедиций и был известен в спелеологических кругах под емким прозвищем Кес.

Перелистываю густо исписанные странички полевого дневника. Если приложить блокнот к лицу, то можно уловить запах старой бумаги, пыли, еще чего-то знакомого, но навсегда забытого — тонкий запах Прошлого... И так...

«19 сентября 84 года. Наш второй выход в Напру. Предыдущий оставил массу впечатлений и принес смутное ощущение, что мы все делаем не так. И тем не менее мы продолжаем.

В 14.00 мы вчетвером: Резван, Ткачев, Кес и я уходим вниз. Несем 5 транспортников со снаряжением.»

Вот и вторая наша ошибка — куда столько груза при корделетте? Вы спросите, где же первая? А вот она. Нас слишком много: вниз идет четверо плюс двое каунасцев, которые спустились днем раньше и ожидают нас в гамачном лагере на отметке –270 под 38-метровым колодцем. Толпой по шнуру не ходят. Знал ли об этом Даниэль Мартинес, если не предупредил?

«Поначалу продвигаемся очень быстро. Резван с Ткачевым идут впереди, сдергивая свою веревку напроць. Сзади идем мы с Кесом с другой веревкой и шнуром. Сдергиваем веревку и навешиваем шнур.

На отметке –180 подбираем 5 модулей с продуктами, заброшенных туда в предыдущий выход. Теперь нам приходится тащить 10 мешков на четверых, и наша скорость несколько падает.

Подходим к 30-метровому колодцу. В предыдущий выход здесь у нас возникали проблемы со шнурком — Резван попытался проложить шнур по колодцу одновременно со спуском, в итоге шнурок затянуло в его рогатку. Вовка выпутывался долго, но в итоге все обошлось. На этот раз решаем с Кесом не искушать судьбу и оставляем на „тридцатке“ стационарную веревку. Причем одну.

С этого момента начинается мое одноверевочное путешествие по Напру...»

Здесь, над 30-метровым колодцем, мы еще раз почувствовали, что в нашей тактике полно натяжек и прямых ошибок. Приученные ходить по спаренной веревке: рапель плюс самостраховка, мы уперлись в проблему „последнего“. Идущие впереди привычным образом спускались по рапели, самострахуясь за вторую веревку. Но последний в группе был вынужден спускаться по одинарной веревке, которую потом заменяли на шнур. Этому альтернативы не было. Разве что на каждом отвесе продергивать сразу две веревки, что и вовсе представляется маразмом.

Мало того. На обратном пути проблема „последнего“ превращалась в проблему „первого“. Кому-то надо было первым подняться по возвращенной на отвес и установленной при помощи шнура одинарной веревке, чтобы сделать потом для всех остальных членов группы привычную нам двухверевочную навеску.

Этим последним, а на подъеме — первым, стал я, благодаря определенным преимуществам, которые обнаружили у меня перед остальными. Во-первых, у меня к этому времени уже был психологический опыт спуска по одинарной веревке в Большой колодец Снежной. Но этим мог похвастать и Резван. Во-вторых, и это было решающим, в отличие от своих товарищей по штурму, я применял для подъема систему снаряжения по схеме „рука-рука“, то есть работал на длинных стременах, передвигая зажимы руками. По сравнению со „стопа-коленчиками“, к числу которых принадлежали все остальные члены экспедиции, моя система позволяла передвигаться по отвесам более мягко и маневренно, что при корделетте вообще, а в наших условиях особенно, было очень важно.

Преимущества — преимуществами, а психологически это было непросто.

... Наконец, обремененные мешками, спускаемся в лагерь — 280, где нас ожидают Эрик и Раймис. Каунасцы устояли в борьбе с гамаками и встречают нас ужином. 38-метровый колодец, на дне которого расположен этот грот, тоже продергиваем, оставляя вместо шнура тонкую стропу повышенной прочности — все-таки колодец почти 40 метров, а это предел для корделетта по французским рекомендациям. Теперь нам предстоит пройти очень интересное место — короткий завал с лабиринтом ходов между глыб, затем 20-метровый колодец с узким щелевидным входом и следом самый большой колодец пещеры — 65-метровый „Гран При“.

Собираем лагерь и обнаруживаем, что на шестерых имеем 13 мешков. . .

Строчки из дневника:

«20 сентября, 2.00. Продолжаем движение вниз. Щель над колодцем оказалась вполне проходимой, но все же потеряли время на протаскивание и спуск мешков. Несмотря на все мои убеждения и агитацию, вместо того, чтобы спускать груз на себе, мешки спускаем веревкой. . .»

Все. Привычки классической тактики таскания мешков оказываются сильнее нас.

Что такое 13 мешков? В любом случае уже много, так как на кого-то из нас приходится целых 3. Если же учесть, что последнему в группе, спуска-

ющемся по одинарной веревке, навешенной на корделеттную шайбу¹²⁹ — и вовсе с мешками не резон связываться, то нагрузка на остальных еще более возрастает. Ладно, но возьми каждый при спуске по отвесу хотя бы по 2 мешка — вниз ведь, не вверх! — и скорость все равно значительно возрастет.

Нет — ехать вниз с мешками психологически трудно, непривычно. Куда проще кажется спускаться их веревкой. Так и делаем, а темп продвижения резко падает. Мы продолжаем коллекционировать собственные ошибки, но самое интересное у нас еще впереди.

Итак, нас шестеро. Резван делает навеску на Гран При, парни скучают на площадке между колодцами, а мы с Кесом приступаем к продергиванию шнура на 20-метровом колодце со щелью. Кес привязывает шнурок к концам веревки. Тянем. Сначала все идет нормально. Вербка проходит вся, повисает на шнуре и... вдруг застревает.

Пробуем осторожно тянуть в другую сторону. Не идет. Потееют ладони. Смотрим друг на друга. Попробуем еще? Больше нам все равно ничего не остается. После очередной попытки шнурок где-то наверху лопаются и вместе с веревкой с шелестом падает к нашим ногам...

Откуда-то подступает непроизвольная нервная дрожь. Сознание раздваивается — одна половинка холодно и трезво оценивает ситуацию, вторая — не верит.

Мы отрезаны от поверхности! Что же произошло?!...

* * *

Маленький экскурс в суть проблемы. Для продергивания в корделетте используется особым образом подготовленная веревка. На концах ее сдвигается на полметра защитная оплетка, обнажается сердцевина, которая мысленно делится на три равные части по длине. В первой части, считая от конца, вырезается две трети волокон сердцевины, во второй — одна треть, так что толщина веревки теперь убывает к концу. Оплетка возвращается на место, вытягивается и самый кончик заплетается косичкой в 3-миллиметровый по диаметру хвостик. Такая заделка конца корделеттной веревки так и называется — „змеиный хвост“.

Зачем я все это Вам рассказываю? А вдруг пригодится. Для чего такие мучения? А для того, чтобы, привязав к „змеиному хвосту“ корделеттной веревки шнур, не получить большого узла, имеющего отвратительную привычку при перетягивании застревать в самых неожиданных местах, в том числе и в карабине на самом вершине колодца.

Правда, просто карабины мы не использовали. Чтобы предельно снизить трение в точке продергивания, мы оснащали карабины специально изготовленными миниатюрными блок-роликами. Перед спуском последнего участника на конец веревки надевается уже упомянутая алюминиевая шайба, которая не проходит через блок, фиксируя веревку в одном направлении и позволяя сдернуть ее в противоположном. Концы шнура привязываются к обоим концам веревки так, что образуется замкнутое кольцо, которое

¹²⁹ **Корделеттная шайба** — небольшая дюралюминиевая шайба, надеваемая на верхний конец корделеттной веревки. Шайба не дает веревке проскочить через закрепленный на вершине колодца блок или карабин, то есть при спуске последнего он всецело зависит от поведения этой весьма скромной с виду штуковины.

перетягивается через блок-ролик или карабин на верху колодца до тех пор, пока вместо веревки в колодце не останется висеть сдвоенный шнур. При всех этих операциях главное — не запутать шнурок.

Теперь отвязываем веревку, концы шнура связываем между собой в кольцо, а ветви получившегося кольца разводим подальше одна от другой. Все. Трасса готова для возвращения.

Конечно, это не единственно возможная схема работы. Для продергивания шнура используются и более рискованные устройства, например, самосбросы Пьера Алена, Виталия Абалакова и другие. Конструктивный принцип простейшего самосброса предельно прост — это достаточно прочный крючок, зев которого перекрыт мощной резинкой. Пока нагрузка на самосброс есть, он надежно висит на карабине. Но стоит нагрузке ослабнуть — резинка резво сбрасывает крючок с карабина, а там хоть трава не расти! Более сложные самосбросы приводятся в действие дополнительным шнуром и представляют собой вариант коромысла с крючком посередине. В таком вот аспекте. Разобрались? Желаем успеха!

* * *

И вот... отрезаны! Колодец оставляет нам шанс — его строение, в принципе, допускает возможность подъема лазанием. Если бы не щель на самом верху...

Быстро и молча готовим для восхождения крючья, закладки, шнуры — всю возможную „кузню“. Посмотреть на нас со стороны — так будто ничего и не произошло. Подняться по колодцу вызывается Кес — лучший среди нас скалолаз. Данюнас страшует, я — обеспечиваю.

Сергея медленно начинает подъем. Мы молча стоим все вместе, только Эрик Лайцонас пошел к Гран При на связь к Резвану. Наш руководитель все это время находится в счастливом неведении относительно событий, разворачивающихся в арьергарде. Правда, у него хватает своих хлопот — сброшенные в Гран При веревки, естественно запутались (сколько лет мы тупо сбрасывали веревки вниз, вместо того чтобы... ну, да потом об этом). Так что теперь Володя сражается с „бородой“ где-то в средней части „шестидесятипятки“.

Ждем. Мы ничем не можем помочь Кесу. Даже страховка, которую внимательно выдает Раймис, пока не забит первый крюк — сейчас не эффективна. Кто пробовал забивать скальные крючья под землей, понимает, что найти для этого подходящее место весьма и весьма проблематично... Но Кес находит трещину и, наконец, забивает первый крюк. Вот он прощелкивает страховочную веревку и продолжает подъем. Слышно как он шуршит комбинезоном по стене. Жутковатый это шорох. Исподволь жду срыва и постоянно гоню эти мысли. Наконец, Сергей сообщает, что вышел на полочку. Это метрах в 13-ти выше нас.

Что такое 13 метров? Не звучит. А вот скажешь: „на высоте четвертого этажа“ — как-то сразу впечатляет. От этой полочки до верха колодца остается метров семь. Пустячок в пару этажей. Но ведь там эта щель... Отправляю Сергею шнуры для организации точки страховки. Кес вяжет петлю на скальный выступ, пропускает страховочную веревку, снова идет вверх. Его снизу не видно, только слабые отблески света где-то вверху.

Скрежет. Тишина, как вечность.

— Вышел!

Ощущение такое, будто глубокий вдох после удушья. Резко отлегает от души. Ну, и что же случилось? Всею причиной оказался дефект ролика: шнур попал в щель между роликом и щечкой, застрял и был нами оборван.

Все, натерпелись! В этом колодце корделеттом мы больше не балуемся. Но что делать? Ведь у нас не предусмотрена здесь стационарная навеска? „К счастью“, пещера на нашем пути буквально битком набита брошенной кем-то веревкой. И мы продолжаем гордиться ошибки одна на другую. Недолго думая, выбираем более-менее приличный с виду кусок веревки и навешиваем на злополучный колодец.

Что ж, сначала, не глядя, используем неисправный блочок — не в колодце же он сломался! Теперь вешаем подобранную с полу веревку как одинарную. Нормалек. Как говорится в одной ненаписанной песне: „С пустой башкой по свету куда как легче прыгать...“

* * *

Если не считать, что Резвану понадобился час, чтобы распутать веревки, Гран При проходим без приключений. А запутывать веревки — у нас запросто. Знаете, как это лучше всего делается? Берешь в руку — сколько пальцев хватит, колец веревки, (можно и всю бухту), и зашвыриваешь всю эту ерунду в колодец. Только свист! И вторую веревку тем же путем. Вот трос сбрасывать — это мы себе уже не позволяем. Трос протягивает первый спускающийся участник — его просто страхуют сверху тросом. Это к слову.

Итак, проходим Гран При и влетаем в каскад мелких уступов (после Гран При все кажется каким-то маленьким!). Долго и нудно — веревкой — спускаем по этим уступам мешки.

— Ну почему бы их ни спускать на себе? — ворчу я. — Прицепил к рогатке пару-тройку штук и езжай: вниз — не вверх! Да и отвесы небольшие, метров по десять всего. Нет же...

Сам я, спускаясь последним, продемонстрировать верность своим новым принципам не имею возможности: когда подходит моя очередь спускаться — все мешки уже внизу. Да и не лежит моя душа, если честно, к спуску с мешками по одинарной корделеттной веревке — парни все-таки идут с самостраховкой...

Новая беда — все больше убеждаемся, что крючья, забытые предыдущими экспедициями, для динамической техники абсолютно не подходят. Местами крючьев нет вообще — следы навески говорят о том, что веревку крепили за что придется вдалеке от отвесов.

Вот так штука! Но что делать? Если начать, как полагается, бить свои крючья, мы рискуем и вообще не сдвинуться с места...

Тогда мы еще не были психологически готовы забивать десятки шлямбурных крючьев за одну экспедицию, да и не имели надлежащих снаряжения и навыков.

Хорошо, что пещера буквально завалена брошенной кем-то веревкой. Из нее делаем длинные вспомогательные петли, чтобы вывесить в нужное

место в начале отвеса наши блок-ролики. Иначе шнур будет задевать стены, что грозит новыми осложнениями.

Смешно! Пещера, а мы умираем от жажды. Наконец, появляется вода— под уступами капель бьет в небольшие лужи. Жадно пьем и идем дальше.

Приходит мысль, что вместо того, чтобы обвязывать глыбы локальными петлями для передергивания шнуров— проще попросту навесить эту же веревку как рапель и по ней спуститься. На этих 10–12-метровых „ступеньках“ по длине выходит почти то, что нужно.

Еще один сыпучий уступ. На взгляд— метров 10–11. И некуда повесить шнур— стены сыпучие, летят камни, узко и всюду сплошное трение. Не-куда! Посовещавшись, стационарно вешаем найденную тут же веревочную соплю. . .

Совесь и страх нас уже не мучают. Наверно, передохли от голода.

Спускаемся, и вдруг сразу следом за тем гнилым— еще один уступ, метров 6–7. . . а его и в помине нет на нашей карте! Но все „схвачено“. И в ход опять идет „трофейная“ веревка.

* * *

Фактически мы уже сломались. Мы уже не стремимся выполнить поставленную задачу, а просто рвемся вперед. . . Если можно так назвать это черепашее переползание с грудой транспортных мешков. Мы сломались морально и вымотаны физически. Только под землей мы уже работаем без сна и полноценного питания почти 20 часов— а ведь мы начали спуск не сразу, как проснулись. Правда, по нашим понятиям это вполне нормально для экспедиции такого уровня. Но нормально ли это для наших организмов? Мы стараемся не обращать на них внимания.

Мы сломались, но не признаемся в этом себе и друг другу. Мы не новички в пещерах (весь состав инструктора спелеотуризма) и умеем выживать в этих условиях. И не только выживать, но и заставить себя выполнять необходимую работу. Но из всех задач сейчас осталась только одна— дойти до запланированного места, прервать на время наше изнуряюще медленное занятие и сварить чего-нибудь горячего да побольше. Не до корделетта, будь он. . .

О том, что спуститься еще метров 200, стараемся не думать. До Магнитного зала, где запланирована ночевка, еще ой-ой-ой! А пока снова втыкаемся в какую-то щель. Распределяемся цепочкой, веревкой и в перекидку протаскиваем через щель мешки. Они постоянно застревают. Стою на узенькой полочке над следующим уступом, забившись боком в узость, чтобы не упасть. Сверху веревкой спускают мешки, но я даже дотянуться до них толком не могу. Вытаскивая мешки из щели одной рукой, напрочь выбиваюсь из сил. Очки заляпаны глиной, мне нечем их протереть и я ничего не вижу: я весь покрыт этой жидкой гадостью. Полуслепота выводит меня из себя, о чем я и сообщаю пещере со всей живостью, на которую у меня еще хватает сил. . . Слава Пещерному Богу, внизу очередного уступа течет ручей, и я получаю возможность промыть очки.

К 11.00, на исходе суток работы, мы на площадке —430, где довольно приличное место для подземного лагеря. Но нам надо спуститься еще на 100 метров— такова тактическая задача, поставленная нами самим себе.

После такой работы, извините, жрать хочется, как из ружья. Но, увы, варим только чай и обходимся перекусом, правда, с изрядной порцией шоколада. Идут вторые сутки нашей непрерывной работы в пещере. . . Видать, не совсем мы еще сломались, если нас хватает на то, чтобы вторые сутки подряд соревноваться с самими собой в количестве совершенных глупостей и тактических просчетов!

Четыре часа проводим мы на этой площадке, пытаюсь набраться сил для дальнейшего движения. Кое-кому удается даже покемарить, но недолго, так как стоит немного расслабиться и задремать, как тут же начинаешь мерзнуть и впадаешь в состояние жуткого озноба. Так что делать нечего — надо идти. В изрядно отупевшем состоянии, волоча за собой мешки, почти сразу за местом стоянки мы втягиваемся в вертикальный лабиринт и немедленно сбиваемся с верного пути.

Лабиринты бывают разные. От знакомых с детства нарисованных на бумаге, до таких, в каком сейчас безуспешно ищем дорогу мы. Горизонтальный лабиринт представить себе довольно просто: ходы, перекрестки, развилки. . . Перед нами совсем другая картина. Мы находимся в сплошном вертикальном разломе неизвестной глубины. Стены то сходятся в узкие едва проходимые расщелины, то расходятся так, что того и гляди провалишься в тартарары. Под нами — черная пропасть¹³⁰. Но мы не осознаем этого до тех пор, пока Ткачев случайно не сбрасывает вниз камень. Тот уходит вниз и, вместо того чтобы шлепнуться на дно предполагаемого меандра, устрашающе долго грохочет где-то далеко внизу. Оторопело смотрим друг на друга. Кто-то предлагает навесить перила, но веревки и сил на это нет. Заклиниваясь на распорах над бездной, передаем друг другу мешки, ищем проход. Тыкаемся то вверх, то вниз. Скалы, черные расщелины, распоры. . .

Торопимся, время идет, а пути нет. Мы уже как сомнамбулы. В конце концов, видим следы какой-то навески. Резван наудачу спускается в эту бездну метров на 50, но не достигает дна. Мы слышим, как он грохочет там камнями, и эхо гулко гуляет где-то под нами — там огромная пустота. Потом он целый час поднимается, а мы сидим в щелюге и ждем. Все на пределе. Если бы не усталость, наверно, мы переругались бы между собой. Но сдерживаемся. Ясно одно — надо возвращаться на знакомую площадку —430.

И мы возвращаемся. Мы не прошли. . .

* * *

Самое сложное — вот так, после неудачного дня, после 31 часа работы без сна с пародиями на отдых, когда все твое естество просит только одного: упасть, приткнуться куда-нибудь и спать, спать, спать! — после всего этого заставить себя еще часа три–четыре шевелиться, чтобы поставить подземный лагерь и обеспечить маломальские условия для ночевки. Потому что некуда здесь приткнуться — всюду вода, глина, холодный мокрый камень и ветер, выдувающий последнее тепло из измученных наших тел.

Наконец, мы опять на площадке —430, но на этом наши мучения не кончаются. В этой экспедиции мы с дьявольской изобретательностью по-

¹³⁰Для тех, кто в курсе, мы бродили над системой Первых штанов.

старались устроить себе экстремальные условия во всем. Мало нам корделетта — мы и с базой расстарались. Вместо привычных палаток, нам предстоит забить в стены крючья и навесить гамаки. Ладно бы просто навесить! Нам еще предстоит спать в этих гамаках. Причем без спальных мешков, которые мы не взяли, уповая на свои костюмы из нитрона¹³¹. Мы очень рассчитываем на эти свои костюмы, и идем в Напру в одних брызговиках — без гидрокостюмов. Пока воды практически нет, но нам еще предстоит обводненные щели в завале за Магнитным залом.

Одна психологическая накрутка за другой, Многое было накручено в той экспедиции 84 года. Не стану описывать прелести нашей гамачной ночевки — об этом можно написать отдельный трагикомический рассказ.

После „отдыха“ мы без труда нашли проход над „Первыми штанами“, на поиски которого накануне, находясь в полубредовом состоянии крайнего утомления, потратили более 8 (!) часов. Но спуститься глубже полукилометра нам так и не было суждено. Неудачи, казалось, преследовали нас. Причем калибр их явно возрастал раз от разу. В следующем за вертикальным лабиринтом Первых штанов 40-метровом колодце, на спуске в грот Рака, происходит авария с Раймисом, которая чуть не окончилась трагично. Но об этом потом. Как бы там ни было, но этот случай оказался последней каплей, и мы, вняв, наконец, увещеваниям Судьбы, отступаем.

Говоря о том, что мы сломались, я всегда вспоминаю упорство Володи Резвана. На этом упорстве, как на горячем высшей пробы, работал мотор нашей экспедиции. Резан всегда собирал в свои команды людей очень неординарных. Работать с такими людьми всегда приятно и... тяжело. Не обладая титаническим здоровьем, Резван имел несокрушимую волю, какой не было у иных атлетов от спелеологии. Каждый из нас, рядовой экспедиции, мог иметь свое критическое мнение, и только Резван выражал нашу суть, идею и задачу — нас, как экспедицию. И стремился вперед, невзирая на не меньшее, а то и большее утомление, необходимость объединять всех нас в единое целое, и гораздо более серьезный, чем у нас, гнет приоритетов.

Тогда же, на последней ночевке под землей, под гамаком у Кеса родились эти строчки:

Капли бьют в гамаки,
И свечей огоньки
Чуть качаются.
Наш последний привал
Навесу среди скал
Неужели кончается?

Мы выходим назад,
Каждый рад и не рад —
Ждет нас солнце над Напрою.
Оплавает свеча...
Разве скажешь сейчас,
Что тут больше — печали или радости?

¹³¹**Нитрон** (синтепон) — нетканый иглопробивной синтетический материал, главной особенностью которой является способность быстро освобождаться от влаги: вода стекает по нитрону, оставляя верхнюю часть одежды абсолютно сухой, в то время как в сапогах, конечно, булькает.

Мы хотели дойти. . .
Да, хотели дойти!
Не дошли. Так случается.
Вот и кончилось все. . .
Разве кончилось все?
Разве это кончается?
— Эй, дружище, проснись!
Видно, трудные сны?
— Пустяки. Что-то с нервами.
Да, не все мы прошли.
Но ведь были и мы
В чем-то первыми!
Капли бьют в гамаки. . .
Лишь удачи легки
Мимолетные.
Разве сможем забыть,
Как дрожали шнуры
Корделеттные?
Мы хотели дойти.
Да, хотели дойти!
Не дошли. Так случается.
Льет по стенам вода. . .
Мы вернемся сюда,
А пока, лишь пока возвращаемся.

* * *

Что нас гонит вниз? И что потом торопит вернуться? Необычайная ясность мысли на глубине в толще скалы вдалеке от привычной жизни? Простота и четкость цели, чистота отношений? Здесь все конкретно и контрастно—без полутонов, так опостылевших на поверхности. Здесь что-то от давно утраченного юношеского максимализма и бескомпромиссности. Здесь истинно мужской труд и усталость. Выпуклость и отчетливость жизни и смерти, тропка по грани, на самом острие ощущений. И самоуважение от свершенного, и вечная неудовлетворенность поиска. И борьба—не с себе подобными, что неизбежно приводит к унижению одной из сторон, чтобы там ни утверждали апологеты чистого спорта. Борьба с собой и азартная игра с силами Природы. Природы, которую нельзя победить без ущерба для нее и, в конечном счете, для себя. Ее можно только уничтожить, что постепенно и делает человечество.

Потому что, переделывая природу,—ничего не сохранишь. Сохранить можно, только приспособиваясь. Простите за невольный пафос.

Наш корделетт еще не кончился. Напра нехотя выпускает нас из своего нутра, примериваясь, чем бы еще напакостить напоследок. Свернув лагерь на —430, вот уже 12 часов тащим мешки вверх ко дну 38-метрового колодца. Как бы сказал мой друг Леха Казеннов: „12 часов—и 150 метров как ни бывало!“

Поднимаем последние мешки на колодец со щелью. Пещера бессильно, но болезненно огрызается. Строчки из дневника:

«Поднимаем груз на 20-метровом колодце. Эрик с Раймисом вышли на самый верх, я поднялся на полку, Резван цеплял мешки. Устроился на полке, пристегнулся на самостраховку за проушину в скале, зажег свечу. Периодически раздается острагающий крик Раймиса, и сверху летят камни. Каждый раз вжимаюсь на своей полке, придерживая каску руками, стараясь весь съежиться, сжаться, скрыться под ее полями. Снова слышу крик:

— Камень!

Черт меня дернул не просто придерживать каску, а как-то совершенно по-детски прикрыть голову-каска руками. Камень бьет в каску слева и приплющивает к ней мой опрометчиво высушенный палец. Звон, грохот, искры из глаз. Ух, и больно же получилось!..

Двойка наших прибалтийских друзей оставляет нас с мешками и поднимается на –280, чтобы приготовить к нашему приходу что-нибудь съедобное. Мы тащим в перекидку мешки и вдруг замечаем, что видимость начинает резко ухудшаться. Знакомо запахло гексой. Ясно, что ток воздуха сносит угарный дым кухни в завал, по которому мы сейчас пробираемся, — а парни, видно, не жалеют сухого спирта, который при неполном сгорании может привести нас к нешуточному отравлению.

Лезем с Вовкой по узостям меж глыб, перекидываем и пересчитываем мешки, дышится пока ничего, но видно не дальше вытянутой руки. Кончается это тем, что мы теряем ориентировку в завале и начинаем на чем свет костерить наших кочегаров, призывая их на помощь. Нехотя и недоумевая, первая двойка приходит к нам на помощь — наши вопли их сильно озадачили. Как оказалось, на площадке перекуса атмосфера самая нормальная и трудно было представить, что буквально в паре десятков метров мы с Резваном ни черта не видим и задыхаемся. . . »

* * *

Наш корделетт еще не кончился. Привал на месте базы „–280“ под 38-метровым колодцем. Жую невообразимое месиво из всех наличных видов концентратов. Кое-кто кимарит под полиэтиленовым колоколом, а мне уже не сидится. Меня разбирает жажда. Жажда солнца. Я уже так хочу наверх! Ни до, ни после этой экспедиции я не испытывал с такой силой этого чувства.

Мне не просто хочется наверх: до жути хочу выйти именно днем. Чтоб было солнце, и бездонно-синее небо, и все великолепие гор и моря под нами, с выступающим далеко-далеко справа контуром мыса Пицунда. Нет — море не под нами. Его горизонт фиолетовой дугой рассекает небо на уровне наших глаз. Этот гигантский сине-фиолетовый шар — выше самых высоких гор. . .

Пора, пора идти! Жажда солнца будто придает мне сил, и, движимый ею, начинаю тормозить парней. Нам еще предстоит продернуть веревку на самом большом из колодцев, где мы отважились повесить шнурок. Пока остальные собираются, не спеша, но внутренне волнуясь, приступаем с Кесом к этому ответственному делу. От того, удастся ли нам вернуть на колодец веревку, зависит, будем ли мы продолжать подъем или нам суждено сидеть тут под колодцем в тоскливом ожидании помощи вспомогательной группы. Есть от чего волноваться!

И вот — тянем. Осечка! Веревка поднимается метров на 20 и застревает. Опять? Пробуем вернуть ее назад. Сначала и это не получается, но потом что-то там, наверху, проскакивает, и шнур возвращается в исходное положение. Уф-ф! Попробуем еще раз. Резван смотрит на наши с Кесом манипуляции и, похоже, переживает больше нас. Серега мне подмигивает: смотри, мол, начальник волнуется! Я киваю и тоже смеюсь. Но шутки-то плохие. При одной мысли, что здесь придется ставить базу и ждать помощи, становится дурно.

Пробуем еще, потом еще и еще. Веревка не идет. Хорошо, что у нас здесь не 3-миллиметровый крученый шнурок, как на злополучной „двадцатке“, а стропочка-тесма. Ее не так-то просто порвать. Когда мы уже почти теряем надежду выпутаться из этой ситуации, веревка вдруг — ура! — продергивается противоположным концом. Надежно ли она зафиксировалась наверху колодца? Снова начинается моя нервная работа на одинарной веревке. На больших отвесах веревка сильно растягивается и при каждом шаге ощутимо трется о скалу. Как могу осторожно, поднимаюсь, и только когда сажусь верхом в „седло“ на вершине стены, перевожу дух. Никогда не думал, что 40 метров — это так много. . .

Прорвались! И начинается неритмичный дерганый выход на поверхность. Движение нашей группы здорово смахивает на ход червяка-шагомера: мы то стремительно растягиваемся по пещере, то мучительно долго собираемся в кучу. Пока есть свободные веревки, мы с Кесом мчимся вперед семимильными шагами, продергиваем шнурки, вешаем веревки, махом поднимаемся на колодцы. Но вот корделеттные веревки кончаются, и баста! До посинения торчим на уступе под очередным колодцем, ожидая подхода всей группы и подъема всех мешков. Подносят снятые с нижних колодцев веревки, и снова — банзай! — рывок вперед. То, что прошло почти незамеченным на спуске, сейчас выпирает со всей очевидностью: техника шнура — это удел одиночек. Такой „шалман“, как у нас, шнурками не продернешь!

Мы идем медленнее, чем могли бы идти при нормальной двухопорной технике. Вот вам и корделетт! Ну, как не вспомнить стихотворный песенку-памфлет на тему техники шнура, родившийся в этой экспедиции? Строчки из дневника:

«25 сентября 1984 года.

Сижу на вершине Напры с видом на кровавый закат и пишу.

Мы только что завершили нашу корделеттную экспедицию, выбравшись из одноименной вершине пещеры, а по пути испытав великолепные по насыщенности и разнообразию ощущения. Суть их коротко — в песне.

Мне подсказал однажды кто-то мысль чудесную:

Зачем веревки, карабины, мол, и лестницы?
Нырнул в колодец, снял веревку и привет.
Буржуи это называют — корделетт!
Эх, знал бы я — за кучу бы монет
Не стал бы пробовать тот самый корделетт!

Его спросил тогда — эт все, конечно, здорово,
А как же быть, когда назад подняться в пору бы?
А он сказал — берешь и вешаешь шнурок.
Шнурка навалом, запасайся впрок!
Ох, жрать охота, просто мочи нет,
Вот до чего довел проклятый корделетт!

Ведь я попробовал, я с детства был лихой.
Зачем буржуям заниматься чепухой?
Я взял шнурок, веревку взял одну
И в Напру ринулся ко самому ко дну.
Ну, если вынут, и натру ж тому портрет,
Кто подсказал мне это слово — корделетт!

Я вниз сбежал отлично, нет дилемм.
Шнурки, шнурки и никаких проблем!
А вот когда подняться захотел,
Шнурочек бздынькнул и в колодец улетел!
Вот тут и понял — влип я в переплет. . .
Чтоб провалился этот самый корделетт!

Я рвал шнурок, зубами грыз его,
На стенку лез — не вышло ничего,
И вот теперь я на уступчике сижу,
Сижу, дрожу и очень матерно твержу:
Нет, его, гада, надо точно расстрелять —
Ну, и придумал же едрену корде. . . лядь!»

* * *

Все это было потом, и горы, и неправдоподобно красный закат над морем. А пока мы в пещере, и я спешу. Я хочу на солнце! Время неумолимо тикает у меня на руке. По закону Всемирной Подлости корделеттные веревки кончаются у нас в тот момент, когда нам с Кесом остается продернуть единственный — последний перед выходом на поверхность, корделеттный 15-метровый колодец! Благо, кажется, наши на этот раз отстали недалеко. . . Но почему их так долго нет?

Снова задержка. Последняя наша двойка заблудилась в узкой щели на дне предпоследнего 30-метрового колодца. Парни не заметили подъем наверх, пошли низом и воткнулись в такую узость, где и кошке не пройти. Пока выцарапались — потеряли силы и темп. Настроение группы падает. Немудрено — мы снова не спим уже почти 20 часов. В арьергарде кое-кто начинает поговаривать о том, что неплохо бы разбить прямо здесь базу и отдохнуть.

Какой, к черту лагерь? До земли полторы сотни метров. . . Я так хочу к солнцу!!! Но деваться некуда, приходится идти на компромисс и устроить

перекус у колодца: трое наверху, трое внизу. Наскоро жуем шоколад с изюмом и мерзнем. Долго мерзнуть не приходится — пайка, как всегда, слишком мала.

Начинаем выдергивать мешки из колодца, и быстро согреваемся. У нас на шестерых уже 14 мешков, больше, чем на спуске! Иногда у меня закрадывается подозрение, что мешки потихоньку от нас размножаются там, в темноте пещеры. Да и как им не размножиться, если нас одолевает жадность, и мы пытаемся вынести из пещеры всю найденную нами здесь веревку? Что там фраера сгубило? Совершенно верно.

Мешки застревают где-то внизу, и Ткачев бешено рвет их веревкой. А над душой висит последний корделетный колодец. Вот сейчас проклятый шнурок лопнет, и пойдут насмарку все наши старания. . .

Но Судьба сжалилась над нами. А может, ей наскучило строить нам козни. Так или иначе, но — шнурок послушно втаскивает на колодец последнюю веревку. Путь наверх открыт! Теперь только лазание и никакого корделетта! Так бы и улетел наверх летучей мышкой, к солнцу, которое все еще плывет над Землей. . .

Но не тут-то было. Наверху этого колодца мы снова вынуждены собраться все вместе. Мы только и делаем, что ждем кого-нибудь или собираемся всей группой. Это наша очередная тактическая ошибка — сбор всей группы вместе всегда приводит к большим потерям времени: сначала первые ждут отставших, а затем последние ждут своей очереди подниматься по отвесам — веревки-то заняты!

Тает моя надежда увидеть сегодня солнце. Еще не поздно, еще есть время. Солнце! Если сейчас все бросить, то часа через два мы будем кулаться в его золотых, багряных на закате лучах. . . А кто будет тащить груз? Мысль о том, чтобы вернуться сюда еще раз за оставленным снаряжением кажется ужасной. Нет, все будем делать сегодня. Снова растягиваемся по ступам. Теперь иду последним, прицепляю мешки к веревкам, и мерзну. От курева уже болит язык. Прячусь от камней, периодически щелкающих из темноты. Но как-то вяло прячусь. . . Мы все уже давно отупели от усталости.

. . . Что-то долго нет веревки сверху. Жду ее, стоя с ручным фонарем: экономя налобный свет для вертикальных участков. В чем там дело? Поднимаю голову. . .

Из темноты на меня несется бесшумный рыжий комок, рассыпается. Удар по лицу хлесток и тяжел. Откачиваюсь, чуть не падаю. Жгучая боль в носу. Постепенно начинаю понимать, что произошло. Сбросили веревку молча! Без команды! Ору вверх что-то яростное и бессвязное. Потом цепляю очередной мешок в мотающийся на уровне глаз проклятый узел. Вира! Отхожу в сторону и плачу. Плачу, как мальчишка, горько всхлипывая, заливаясь слезами. Кажется, что нос растет, как баклажан. И так мне больно, так себя жалко, обидно и. . . так хорошо, что я плачу. Все это пустяки. Просто выплескивается напряжение штурма: все эти шнуры, гамаки, одинарные веревки. . .

С трудом успокаиваюсь. Мешки все. Нос, кажется вернулся в исходное состояние. Поднимаюсь на колодец лазанием в обход навески и — здрасте! Вся компания в сборе: мужики опять заблудились. После нокдауна и встряски голова моя работает отлично, и даже будто сил поприбыло. Выхожу вперед и сразу нахожу нужное направление. Теперь мне на ум приходит другое сравнение: наша группа движется, как пелетон велогонщи-

ков. Периодически кто-то лидирует, разгоняя группу, затем откатывается на последнюю позицию, прячется в ветровой тени, отдыхает, прикрытый спинами товарищей.

Снова приходит мой черед лидировать. Пролезаю противное „очко“ над 4-метровым уступом, принимаю мешки. Вперед!

* * *

А мы уже не выйдем на солнце. . .

Все замерзли. До земли еще метров 80, а время. . . К черту время! Теперь уже неважно. Выползаю из последнего большого 24-метрового колодца. Наконец, можно снять сбрую, все эти опостылевшие железяки, ремни, стремена. Как хорошо!

Тянем мешки. Мы не спим уже 34 часа. Мы уже хороши и двигаемся, как механические манекены.

Тянем мешки. . . Продолжаю идти первым. Снова завал. Продираемся по узким ходам меж камней. Глыбы качаются, или это мы качаемся от усталости? Нет, глыбы. . . Одна, по-моему, так и дрожит от нетерпения свалиться кому-нибудь на голову. . . Не дождется!

Тянем мешки. Все невольно поглядывают вперед — где же последние маленькие навесочки? А их все нет.

. . . Краем глаза вижу слева веревку. Вижу ее и. . . боюсь поверить. Может быть, я ошибся, и это совсем другая веревка? Нет! Веревка та. Это последняя навеска — последние шесть с половиной метров до поверхности. Наверху ночь, и поэтому заветный выход кажется всего лишь очередным колодцем этого бесконечного каскада.

Пропускаю вперед Раймиса, который без веревки, напрямую, лазанием спешит мимо меня к свободе. Поднимаюсь следом, но не выхожу совсем из воронки, принимаю мешки, потом меня сменяет Резван.

Тепло. Ярчайшие огромные звезды над входной воронкой. Цепляясь за траву, выбираюсь на край. Нет слов, нет сил. 28 часов работы, 38 часов без сна. . .

Под ногами, вдали, моя мечта, ставшая реальностью: огни черноморского побережья, бесконечность ночи, бездонность неба. . . Ложусь лицом в траву. Она сухая и пахнет пылью. Мужики тенями появляются из воронки, ложатся рядом. Лежим все шестеро лицами в небо. Вдруг до моего слуха доходит посапывание. Все спят. Только мы с Ткачевым молча курим.

Над Напррой космическая тишина.

* * *

Так закончилось еще одно исследование возможностей динамической техники шнура¹³². Закончилось, в общем-то, закономерно. Лавры Пенеса и Курбона, блеск их сольных прохождений Гуффр Берже и Пьер-Сен-Мартен (о которых мы поведали ранее), настолько затмили нам глаза, что мы не приняли во внимание одну маленькую, но существенную деталь: еще раз повторюсь — их достижения были СОЛЬНЫМИ!

¹³²Мне кажется, что это была последняя корделеттная экспедиция в СССР, хотя до его развала оставалось еще 6 лет. О более поздних попытках мне не известно.

Корделетт — это далеко не кордебалет! Но если понимание этого момента пришло еще в ходе напрянской эпопеи, то многое другое открылось значительно позднее. Например, то, что западноевропейские корделеттные штурмы совершались на базе прогрессивной, принципиально отличной от нашей, техники прохождения вертикальных пропастей — техники одианарной веревки. Освоить динамическую технику на основе применяемой у нас в то время псевдоклассической двухопорной трос-веревочной техники, было равносильно попытке построить капитализм в первобытнообщинном обществе. Минуя все промежуточные фазы развития. Что ж, вполне по-советски: бац-бац, и в дамки!

История недвусмысленно показывает, что „большой скачок“ всегда заканчивается в большой луже. Так получилось и у нас.

Кто это сказал: „Вошли в пещеру, как три богатыря, а вернулись — как три поросенка“?

Но опыт никогда не бывает бесполезным. Мы вернулись из Напры, обогащенные знанием. А еще остались воспоминания и песни:

Когда уже совсем не в мочь
Тащить мешки через распоры,
Чертить лучом пещеры ночь
И пузом чистить шкуродеры,
Навесив каждому гамак,
И оглядев его сурово,
Собьемся в кучу, как всегда,
Под гамаком у Киселева.

Здесь мы разводим гексогаз,
И, поминая маму-папу,
Мы с котелка не сводим глаз,
Ловя ноздрей волшебный запах.
Дыра куда-то дальше прет,
Срывая с уст дурное слово,
И машет ложками народ
Под гамаком у Киселева.

Спать в гамаках — совсем не мед.
Взбираться в них — еще хреновей:
Взобрался, вроде, Киселев,
Глядь — почему-то лезет снова!
Бьет колотун со всех сторон,
Вода под зад, и сверху холод,
И погибается народ
Под гамаком у Киселева.

Та экспедиция прошла
И затерялась среди многих,
Другие давят нас дела,
Иные нас зовут дороги,
Но лишь учуем гексы дым,
Вдруг померещится нам снова,
Как будто мы опять сидим

Под гамаком у Киселева!

5. Риск? Нет — техника!

5.1. Терра инкогнита

Логика развития кейвинга так упорно подталкивала нас к одноверевочному варианту вертикальной техники, что настала пора и нам разобраться в нем хорошенько.

Мир пришел к пониманию SRT¹³³ — техники одинарной веревки, в конце 60-х годов XX столетия почти одновременно и независимо в таких географически удаленных странах как Франция, Австралия и США. Это еще раз подтверждает, что искушение отказаться от многочисленных веревок на отвесах одолевало спелеологов во всех концах света. Что-то этакое прямо-таки витало в воздухе. Надоело таскать тяжеленные и многочисленные мешки с веревками! Надоело терять время и здоровье, „вальсируя“ на колодцах и зависая на спутках и „бородах“. Надоело ждать друг друга под отвесами: очередь — всегда свидетельство какого-нибудь дефицита. И чаще всего — это свидетельство дефицита ума. На-до-е-ло!

— Э-э! — сказали осторожные ветераны. — Поаккуратнее там. А если она все же оборвется? А? Одна все-таки, веревка-то!

— Двух смертей не бывает! — воскликнули восторженные и не отягощенные излишним опытом новички. — Зато повеселимся напоследок!

— Не надо эмоций, — сказали мыслящие. — А надо сделать так, чтобы не порвалась. Вот над чем стоит поразмыслить.

Советский кейвинг отстал от мира в понимании СРТ лет на 15–20. Именно столько времени понадобилось нам, чтобы испробовать собственный путь развития. Плохо это или хорошо? Во всяком случае, мы имеем опыт, какого не имеет никто. А в остальном...

Я возвращаюсь в те годы, когда мы только начинали, когда делали первые шаги в овладении языком международного кейвинга. Ведь если говорить на языке, которым пользуются другие — это ли не гарантия, что и тебя будут лучше понимать?

* * *

Лето 1978-го. Желтые сопки, раскаленные солнцем. Ветер шуршит сухо-быльником, да бурлит вода в простенькой старательской проходнушке¹³⁴. Скидываю с грохота¹³⁵ пустую гальку, загружаю следующую пробу. Полу-бочка, в которую стекает с проходнушки вода, того гляди переполнится песком. Пора братья за лоток.

Красноталовый лоток легок в руках. Трясу его, раскачиваю, сгребаю сверху пустую породу, скидываю в ручей. От легких моих покачиваний вода ходит по лотку кругами, переносит песочек, потихоньку сносит его с лотка. Шлих¹³⁶ постепенно сереет, затем чернеет. Так. Теперь самое тонкое и самое интересное в нелегком труде промывальщика — отмывка золота.

¹³³ SRT — Single Rope Techniques, техника одинарной веревки.

¹³⁴ Проходнушка — приспособление в виде желоба с перекладинами по дну для грубой промывки золотоносного песка, по которому направляется вода.

¹³⁵ Грохот — крупноячеистое решето для грубого просеивания золотоносной породы.

¹³⁶ Шлих — концентрат тяжелых минералов, получаемый в результате промывки.

Если оно, конечно, в пробе есть. Особое движение лотком: черный шлик из тяжелых минералов отпрыгивает, и в коренной бороздке лотка коротко проблескивает желтизной. Есть золотишко!

Наш лагерь золоторазведчиков стоит на реке Курчум. Восточный Казахстан, но пейзаж совершенно мексиканский. Того и жди — грянут винчестеры индейцев или бандитов, и эхо выстрелов поднимет над сопками стаи уток-атаек.

Мыть золото лотком — стародавнее занятие. Есть устройства и посовременнее. Например, спиральный сепаратор, что привезли на Курчум практиканты-геологи Пермского Госуниверситета — „пермские бичи“¹³⁷, как они представились. Знакомимся быстро, и тут — вот удача! — выясняется, что парни тоже занимаются пещерами. Шура Кащеев больше мимоходом, где-нибудь на сплаве по Чусовой, а Колька Молоков — всерьез. Недели не проходит, как мы уже сговариваемся на совместную акцию.

— Мечта у меня, — как-то вечером говорит бич Молоков, не отрывая взгляда от костра. — В Киевскую хочу. Классная, говорят, пещера!

— Почему бы нет? — разговор степенный, как и полагается между солидными людьми двадцати с небольшим лет отроду.

— Думаю вот.

— Так там снаряги надо тьму! Почитай, километр веревки только в один конец. . .

— А мы и пойдем в один конец, — говорит бич Молоков. — Чего побаиваться?

— Это как — по одинарной веревке, что ли? Без страховки? Ну, это ты хватил! Чего ради рисковать?

— Так же сам говоришь, снаряжения море надо. А тут — прикидываешь? — в два раза меньше. . .

— А если что? Как сказал один кровельщик: „Лететь, признаться, не так уж скверно. Упасть — вот в чем мало забавного!“

— „Буржуи“ же не летают.

— Так они что — по одинарной веревке ходят? Не знаю, не знаю. . .

Так, летом 78-го, в глухом углу Восточного Казахстана, прошелестела у моих ушей сакраментальная мысль об одинарной веревке. Тогда эта мысль показала мне нелепой. Откуда нам с Молоковым было знать, что за пять лет до нашей встречи Жан Клод Добрилла и Жорж Марбах опубликовали во Франции первый капитальный труд, раскрывающий основы SRT — „Техника альпийской спелеологии“¹³⁸. Не знали мы и о том, что год назад в Сиднее вышла книга Монтгомери¹³⁹, также посвященная работе на одинарной веревке. Были и другие источники информации, наверняка известные Центральной спелеосекции Илюхина в Москве, судя по картинкам, откровенно перерисованным ими оттуда и опубликованным в советских спелеотуристских методичках под двухверевочным соусом. Однако информация эта была недоступна простым смертным, какими являлись мы с Молоковым, а если и доходила до нас, то в трансформированном до неузнаваемости состоянии. Будь иначе, может, и не пришлось бы нам платить за собственный опыт по самой высокой цене.

¹³⁷ **Бич** — человек без определенных занятий, перебивающийся случайными заработками по принципу „урвать, где полегче“ (сленг).

¹³⁸ Georges MARBACH, Jan Clod DOBRILLA „Techniques de la speleologie alpine“. Paris, 1973.

¹³⁹ Montgomery, N. „Single Rope Techniques“ Sydney, 1977.

* * *

Во взглядах на хождение без страховки — именно так звучал тогда вопрос об одинарной веревке — мы с Молоковым так и не сошлись. Я считал, что ходить без страховки категорически нельзя, и был по-своему прав. Молоков в вопрос о страховке не вдавался, но отстаивал возможность работы на одинарной веревке, аргументируя это облегчением веса снаряжения и неким мифическим опытом „буржуев“, о котором, однако, ничего вразумительного сообщить не мог. Он тоже был по-своему прав.

Это сегодня я могу сказать внятно, что меня интуитивно не устраивало в молоковской идее. А тогда... Был какой-то диссонанс между принципиально новой схемой навески и старым способом ее подготовки. В том, как мы ходили по вертикалям до тех пор, была определенная логика. Но если вырвать из устоявшейся системы половину (веревка-то оставалась из двух одна!), — будет ли система работать? Сомнительно.

Отбирая одно, что-то надо было добавить, но что? Или уж менять, так все напрочь.

Что-то тут было не так. Я это чувствовал, но объяснить не мог.

* * *

Познакомились мы в августе, а уже в ноябре снова встретились — в пещерах Северного Урала. Пещеры не требовали особой вертикальной техники, и во время этой вылазки мы к вопросу об одинарной веревке не возвращались.

А отличная была поездка! И команда подобралась что надо. Наша московская группа „ипНАсг“, парни из Пермского университета и я, в качестве представителя только еще зародившегося и никому в ту пору неизвестного Усть-Каменогорского клуба. Ходили в Геологов-2, катались по ледникам Мариинской. Есть такие пещеры в Пермской области. Снегу в ноябре уже было предостаточно, пихты, костры, ночные переезды на электричках. Но все когда-то кончается. На последней странице полевого дневника той пермской экспедиции натыкаюсь на строчки:

«13 ноября 1978 года. Дремлем в пермском аэропорту. Будят нас Мишка Потехин с Игорем Желудковым. Желудь возвышается над аэропортовской толпой — далеко видно. На своем стареньком мотороллере ребята приехали нас проводить. И вовремя: регистрация уже началась. Москвичам лететь позже, поэтому все провожают меня, подтаскивают к стойке мой рюкзак...»

В паузе между регистрацией и посадкой идем к буфету. Молоков берет всем кофе, достаем из сумки недоеденный вчера в клубе торт с прилипшим к нему ножом. В опорожненные от кофе стаканы разливаем на десятерых бутылку вина, что привезли Игорь с Мишаней.

Объявляют посадку. Как все стремительно! Жму руки ребятам. Вот они стоят все: Игорь, Мишаня, Маринка, Леха, Колька, Вовчик...

Вот и все. До новой, пусть не скорой, встречи!..»

Мог ли кто из нас подумать, что уже никогда не встретиться нам всем вместе?

* * *

Только время могло рассудить нас с Молоковым, а пока каждый остался при своем мнении о возможности работы на одинарной веревке. Чувствуя во мне потенциального противника, причем с неприступной пока для себя аргументацией, Молоков избегал дальнейших прямых разговоров со мной на тему одноверевочного хождения. А между тем всерьез готовился к эксперименту, который мог бы дать неопровержимые контраргументы в защиту его одноверевочной позиции. Чего зря трепаться — не проще ли доказать делом?

В декабре, перед самым новым 1979 годом, от Кольки пришло письмо:

«... Теперь Кавказ. План такой — Новый Афон, затем Заблудших. На все про все 2 недели. Начало, пока не точно, 7–9 февраля. Если пойдешь, напишу подробнее.»

Очень хотелось принять участие в этой экспедиции. Тем более что в нее собиралась большая часть пермско-московской группы, возникшей с легкой руки и нашего с Молоковым счастливого знакомства на Курчуме: если не считать двойки парней с Нижнего Тагила — все хорошо знакомые. Но, из-за работы, поехать я не смог, поэтому главной идеи и подробностей подготовки так и не узнал.

Все, вроде, шло, как обычно. По нашему обычаю все, кто не ехал, чем могли, помогали уходящей экспедиции. Для алексской знаменитости, лесника Назарова, из Усть-Каменогорска на далекий Кавказ отправилась мотопила „Дружба“, которую в один из прошлых заездов пообещали привезти пермяки, а мне, с помощью Мамаы, посчастливилось купить и отправить по почте. В общем, каждый делал, что мог.

Экспедиция уехала, и все затихло. Пусто становится в городах, когда уезжают близкие тебе люди. И летят вслед уходящим бессильные строчки:

...

И февраль, как апрель — все дожди, всюду слякоть и грязь.
А ты в мыслях все рвешься куда-то по горло в снег!
Я вам нервов катушку отдам — пригодится на связь,
А сейчас закурю — это все, что, пожалуй, смогу.¹⁴⁰

* * *

Ожидание прервалось коротким телефонным звонком. Звонил Леха Казеннов, уже из Москвы.

— Все в порядке, Костик, — весело журчал в телефонной трубке его голос. — Мы с Игорем Галайдой ушли с Буковой поляны 15-го утром: парни навеску с Заблудших снимали. По идее, должны уже закончить работу.

— Как сработали? Удачно?

¹⁴⁰К. Б. Серафимов „Уходящим“, Москва, 1976 г.

— Да были небольшие неполадки, а так все нормально. У меня время кончается, я тебе письмом расскажу. . .

Но все обернулось по-иному. Утром 15 февраля 79 года двойка Казеннов-Галайда спустилась с хребта Алек к морю. А вечером 15 февраля в пещере Заблудших погиб наш друг, спелеолог из Перми, Михаил Евгеньевич Потехин (Отчество-то узнали, когда делали табличку, а так все Мишка да Мишка. . .). Письмо от Лехи пришло с запозданием:

«. . . После Крыма мы с Маринкой Куликовой выехали на Кавказ. В Сочи 7 февраля встретились с Колькой, Игорем, Мишкой, Галайденком, Ольгой Гарбар, Владиком и Шурой Котовым из Нижнего Тагила. Ну, вот и все о составе.

8 февраля мы за 25 рублей наняли автобус, доехали до Илларионовки и вечером уже были на Буковой поляне. . .

9-го поздно вечером Мишка и Игорь Желудков вышли в Заблудших навешивать снаряжение до Обвального зала (–200 м). Шел дождь. Через 8 часов Кот и Владик вышли следом, но не для встречи ребят, а для того, чтобы навешивать снаряжение после Обвального ниже (это уже была ошибка, так как шел дождь).

10 февраля в 10 часов дня мы с Колькой забеспокоились, что так долго нет Мишки и Желудя, и около 12 часов втроем с Игорем Галайдой вышли к пещере. Вблизи нее встретили возвращающихся Мишку и Игоря, они были здорово замучены (примерно 16–17 часов работы).

Мы начали спуск в Заблудших в 13 часов: прошли первый 15-метровый колодец, 40-метровый каскад (12+8+6+12 м), затем второй каскад (25+15 м). Первым сюда спустился я, затем Галайденко. Тут я услышал какой-то неясный стон, и, так как в это время спускался Колька, то я подумал, что это он поет. Когда Молоков спустился, я спросил его — пел ли он. Он ответил, что нет. Мы пошли дальше. Спустились в распоре метра на 3 к ручью, и я опять услышал стон и голос: „Ребята, помогите!“ (очень тихий, жалобный, почти плачущий). Я рванул вперёд и в щели, куда уходила веревка, в самом ее верху увидел Влада, висящего вниз головой на нижнем самохвате¹⁴¹. Мы быстро обрезаем ему самохват (хорошо, что у Игорька был нож!), и Влад съехал вниз на своей рогатке. Провисел он в таком положении около полутора часов, но в начале своего висения он сообразил пристегнуться на рогатку „для того, чтобы, когда подойдут ребята, им было легче снять меня“.

¹⁴¹ **Нижний самохват** — характерная деталь снаряжения для подъема популярным у нас в то время способом „нога-нога“, при котором один из зажимов подвязывался специальным стремяном у стопы, а второй — у колена другой ноги. От переворачивания вниз головой кейвера предохранял так называемый „ограничитель отбрасывания“, крепившийся на грудной обвязке и в простейшем случае представлявший собой карабин, которым поднимающийся пристегивался к рапели. Позднее на смену карабину пришли специальные планки и ролики. Интересно, что североамериканский кейвинг пришел к своему варианту SRT, где этот способ подъема популярен не меньше, чем в СССР 80-х годов. А вот Западная Европа его так и не полюбила.

А случилось все это так. Влад с Котом были в Обвальном зале (это ниже колодца со щелью на 100 метров: колодец 33 метра, где он висел + К 40 + К 15 метров), и Влад увидел, что Кот в каком-то отрубленном состоянии. Да и у него самого болел желудок. Они начали подъем, прошли К 15, затем К 40 и без отдыха начали подъем на К 33.

Влад шел первым, а колодец этот, 33-метровый, наверху заканчивается 3-метровым вертикальным узким шкурником¹⁴². Влад залез в него, встал в распоре, отцепил грудной карабин, коленный самохват и... вывалился из распора! Кот ему снизу ничем не мог помочь: по той же веревке Влад ему запрещал лезть. Во-первых, он натянул бы веревку, и Владу стало бы хуже, во-вторых, помочь Владу подняться Кот бы не смог и обойти его в этой щели тоже бы не смог, а в-третьих, веревка была здорово потерта (крученка 8-миллиметровая).»

Да-а... Это был знаменитый на весь Алек колодец „Со щелью“. Действительно, в этой щели оказать помощь кому-либо достаточно трудно. Но дело не в этом. Помню, как на этих строчках меня сильно шокировала эта „потертая восьмерка“: на колодцах такой глубины вешать веревку тоньше 10 мм у нас считалось безрассудным. И вдруг — „восьмерка“?

И еще я никак не мог взять в толк — почему было Коту не подняться к Владу по второй, самостраховочной, веревке? А ларчик-то просто открывался...

«Ну, теперь о том, как события развивались дальше.

После того, как Влад скатился вниз, туда спустился я и сразу же крикнул Молокову, чтобы они меняли веревку (у нас было с собой 40 метров), а сам, увидев, что Влад в отрубленном состоянии, рванул вниз в Обвальном за аптечкой. Выскочил назад достаточно быстро: вниз уже спустились Колька с Игорьком. Мы сразу дали Владу анальгин и промедол из военной аптечки — вкалывать побоялись, просто дали выпить из шприцтюбика.

Где-то через час у Влада стала возвращаться чувствительность в ноге (слава Богу!), и еще через 30 минут Колька с Игорьком поднялись наверх, чтобы сделать полиспаст (у нас с собой был один блок и карабины). Полиспастом они его не смогли поднять, и я выскочил наверх по другой веревке, которая у нас была для сопровождающего.

Втроем мы его тоже не смогли поднять. Тогда Молоков спустился вниз, и, слава Богу, Влад нашел в себе силы подниматься сам: один самохват на грудь, второй на здоровую ногу. Колька сопровождал его, поднимаясь рядом по второй веревке и подсаживая его снизу. Далее Влад еще более оклемался и уже смог на последних колодцах подниматься самостоятельно на двух ногах без груди.

Кот был тоже в отрубленном состоянии и вышел наверх благодаря тому, что я дал ему таблетку кофеина (она его очень здорово взбодрила и придала сил на время подъема).

¹⁴²Шкурник — шкуродер, трудная для прохождения узость, спелео-сленг.

Таким образом, мы пробыли в пещере 13 часов, а Влад с Котом 16–18 часов.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ НАША ОШИБКА БЫЛА В ТОМ, ЧТО У НАС НИГДЕ НЕ ВИСЕЛО ВЕРЕВОК ДЛЯ САМОСТРАХОВКИ!!!

А остальное — это наше везенье. . . »

Вот оно что! Значит, Молоков запланировал экспедицию по одноверевочной схеме, и не только спланировал, но и проводил. Но тогда почему в эту авантюру втянулись Леха и Игорек? Ведь мы одинаково понимали вертикальную технику и одинаково считали самостраховку на отвесах необходимой! В чем же дело?

«. . . 11–12 февраля мы заклеивали гидрокостюмы и отдыхали. Ничего, оклемались.

13-го февраля Мишка, Желудь и Кот вышли на навеску снаряжения до дна Заблудших. Отработали они около 20 часов (я до сих пор не понимаю, зачем так работать на износ?) и были в отрубке. (Желудь болел, у него была температура, Кота трясло, а Мишка тоже был уставший, так как у него была сильно порвана гидра, и поэтому он был весь мокрый).

Через 13 часов после начала их работы мы вышли следом. Встретили их в Обвальном — там они отдыхали, и пошли дальше вниз. Дошли почти до конца, оставалось около 30 метров, но веревки у нас больше не было. (Напомню, что глубина Заблудших — 470 метров, прим. мои. К.Б.С.). И мы начали подъем со съемом снаряжения. Сняли все до Обвального и даже перевыполнили задачу, подняв снаряжение до колодца „Со щелью“. Вышли наверх через 20 часов после начала спуска.

Утром 15 февраля мы с Галайденком уехали домой в Москву, а оставшееся снаряжение должны были снимать Влад, Ольга и Маринка (так как ребята были еще в слабом состоянии после предыдущего выхода в пещеру). Но вечером этого же дня в пещеру вышли Мишка, Маринка, Ольга, Влад и Кот (Желудь остался в лагере чинить свет, а Колька был еще усталый после работы).

Спускались сначала Влад с Ольгой, потом Мишка с Маринкой и последним — Кот. Влад с Ольгой уже дошли до верха колодца „Со щелью“, Кот еще спускался с первого каскада, когда Мишка с Маринкой начали спуск со второго каскада (20+15 м). Мишка пошел первым, и в самом начале спуска на „двадцатке“ оборвалась веревка, по которой он спускался (перетерлась о камни на самом верху), и он упал в каскад (примерно 20 метров).

Маринка, увидев обрывок веревки, рванулась назад, к Коту, к низу первого каскада, а там уже лежал Кот. Он тоже оборвался (примерно с 10 метров) почти в одно и то же время с Мишкой.

Мишка был еще в сознании и докричался до Влада с Ольгой. Влад без веревки, скальным лазанием, поднялся на нижнюю 15-метровую ступень второго каскада к Мишке — тот лежал весь разбитый. Затем наверх к Мишке вышла Ольга, а Влад поднялся по концу веревки, на котором оборвался Кот, и который навесила

Маринка, к Коту. Кот тоже был сломан, но пока был в шоке и ничего не чувствовал.

Часа через полтора–два Желудь навесил веревку, и Кот поднялся наверх. А в это время Влад пытался поднять наверх Мишку (на себе). Потом Желудь побежал за врачом, а вниз прибежал и спустился Колька. Ольга одна оставалась с Мишкой 6 часов, за это время он потерял сознание и умер.

Когда Кот, все еще в шоке, поднялся наверх, и его раздели — у него оказалась сломана нога (тройной перелом голени) и раздроблена пятка.

Потом наверх поднялись все, оставив Мишку внизу, так как он уже умер.»

По данным экспертизы у Мишани был перелом бедра, тазовой кости и повреждение черепной коробки, умер через три часа после падения.

Не помню точно, что я думал, когда читал прыгающие Лехины строчки. Не укладывалось в голове. Значит, все так и есть. Работали на одинарной веревке без самостраховки. Несмотря на наши споры, на общее несогласие московской половины группы с пермяками в вопросе об одинарной веревке? И там были и работали Казеннов и Галайда — что же они молчали?

Я написал Лехе письмо. Ответ пришел только через два месяца:

«... Хочу ответить на твои справедливые упреки. При подготовке к поездке, когда в Москве с Вовчиком Свистуновым, Молоковым, Мишкой, Желудем и Галайденком обсуждали план работ, оборудование и тактику штурма, мы услышали о пермской „тактике“ прохождения „дыр“ без страховки. Вот как они это обосновали:

1) Излишним весом веревок, предназначенных для страховки (это, конечно, не серьезно).

2) Тем, что при навеске страховочных веревок увеличивается время пребывания в пещере и возможность переохлаждения. (Как я потом понял, у них все строилось на расчете количества возможных подземных выходов в зависимости от запаса света шахтерских аккумуляторов типа „Украина“. Они считали, что при работе без страховки рабочие выходы будут не дольше 10–12 часов, а с навеской страховки придется работать по 18–20 часов: почти предельное время работы аккумуляторов. Ну, и возможность переохлаждения. Но ведь и без страховки получалось 18–20 часов).

3) Наверно, мы не так сильно возмущались и выступали против этой „тактики“ без страховки, как следовало бы. Когда в Москве при обсуждении дела я сказал, что без страховки не только Игоря Галайду боюсь пускать (тогда еще не имевшего большого вертикального опыта, п.м. К.Б.С.), но и сам не пойду, Колька пообещал мне, что сам лично будет нас с Игорем страховать специальным концом веревки. И дальше как-то все затихло. Вовчик и я (глядя на него) „тихо“ пообсуждали их тактику и как-то успокоились...»

Молоков написал коротко:

«...Короче говоря, за прогулку на Кавказе мы заплатили очень большую цену. Мишку похоронили в Белой Церкви (это километрах в 150 от Киева).

Ну вот, пожалуй, и все по этой поездке.»

* * *

Проходят годы, и события тех дней воспринимаются теперь через призму последующего опыта. Тогда нам казалось, что все зло именно в отсутствии этой злополучной палочки-выручалочки — второй веревки для подстраховки. Бесспорно, наличие на колодцах второй веревки могло значительно облегчить последствия обрыва рапели, хотя мы знаем случаи, когда и самостраховка не могла предотвратить падения. Но как-то ускользали из внимания и уходили на второй план маленькие (да маленькие ли?) детали, без которых не сделать правильных выводов. Вот они.

В каком состоянии были веревки? Крайне изношенные, да еще предельно тонкие — 8 миллиметров в диаметре. А как эти веревки из арсенала самоубийц навешивались на колодцы? Сколько раз терлись они о неподатливые скалы, истончаясь, пока не пришел конец их слабым веревочным силам? Недаром Влад, вися вниз головой в колодце „Со щелью“ отказывался от помощи Кота — не верил в надежность веревки! Но так и не прозрел никто. . .

Грех думать, что ходить по таким веревкам доставляло удовольствие. Могу дать голову на отсечение, что выбирались самые хорошие веревки. Не было других! В СССР невозможно было пойти в магазин и купить веревку — чаще всего их добывали, вступая в противоречие с законом. Известно: „Нет хороших веревок — не ходи“. Мед бы пить устами того, кто проповедует эту „бесспорную“ заповедь. И ведь прав, не поспоришь. Но. . . ходили.

Потому что зов пещеры был сильнее прописного благоразумия. Потому что верили — не порвется. Никогда же не рвалось! Не знали, но верили, нарушая беспощадные законы неведомой тогда одноверевочной техники.

Нарушали и вот — платили смертью и увечьем. Но прозревали ли?

* * *

Так и вижу отчаянные глаза очередного невежды: „Бросьте, не запугивайте! Ходили!“.

В этом и заключается основная опасность: возникает ощущение, что законы эти срабатывают как бы не всегда. Ведь и наши парни почти уже прошли Заблудших — осталось только выбрать веревки с последних 200 метров. И все! И все обошлось бы и утвердило уверенность, что можно работать вот так: вешая как попало тертые-перетертые веревки.

Невежество? Дилетантизм? Нет. Когда по тропе, никем еще нехоженой, идут, на ощупь пробираются Первые, — нельзя говорить о невежестве. Невежество — это когда вот лежит, наклонись и возьми — да лень! Когда идут Первые — говори о Незнании.

Не в силах объять правду, докопаться до истины в условиях жесткой информационной блокады того времени — мы вынесли из Заблудших еще

большую уверенность в безгрешности двухопорной техники и пагубности одноверевочных начинаний.

* * *

И все же к мысли об одинарной веревке мы возвращались все чаще. Уж больно соблазнительно было вдвое сэкономить на весе и объеме веревок. И экономили. Беда была в том, что делали это по страшному образцу февраля 79 года — в ошибочных представлениях о том, что же на самом деле происходит с одинарной веревкой и как надо с ней обращаться.

Мы все чаще навешивали одинарную веревку. Но где? Прежде всего, конечно, на самых маленьких „нестрашных“ отвесиках, на наклонных каскадах, где казалось, что веревка нужна только для удобства передвижения. Над такими „нестрашными“ — до 5–6 метров — колодцами в порядке вещей считалось прицепить одинарную веревку просто на один единственный крюк. Зато большие колодцы оборудовались со всей тщательностью. Сдвигали и страивали крючья, вешали исключительно две линейные опоры — серьезно относились.

Если говорить об износе, то наши предосторожности были весьма оправданы: на больших отвесах веревки испытывают большее число циклов нагрузки при спуске или подъеме по ним, большее число раз трутся о скалы и изнашиваются быстрее пропорционально глубине отвеса. Относительно же нагрузок, возникающих в навесках при движении по отвесам, мы проявляли замечательное невежество. Как-то не укладывалось в голове, что величина сил, расшатывающих крючья, не зависит от глубины — при неумело-грубых действиях крюк можно вырвать одинаково успешно, что на 5, что на 105-метровом колодце.

Не особенно вникая в динамику движения по веревке, разные колебания, инерции, резонансы и прочие неочевидные явления подобного порядка, мы понимали, конечно, что и с двух метров можно шею сломать, но чувствовалось — шансы не те!

Как бы там ни было, но психологическое давление больших отвесов искажало представления об истинных закономерностях надежности и безопасности — порождая устойчивый страх перед одинарной веревкой на глубоких отвесах, отступая и притупляясь на небольших.

В начале 80-х об одинарной веревке заговорили снова. На этот раз с подачи нового председателя Центральной комиссии спелеотуризма Александра Игоревича Морозова.

* * *

Мы улетаем из Каунаса. Наш рейс 2044 ровно в 7.05 отрывается от земли. Бывает, значит, что и Аэрофлот придерживается расписаний! Мы поднимаемся в воздух в предрассветных сумерках и встречаем рассвет где-то на высоте 7200.

Внизу серо-голубая, в синих щербинах, равнина облаков. Будто снег. Над нами — плотная, не пробьешь — дымно фиолетовая небесная твердь: у горизонта она сгущается полосами. И вот оттуда, по фиолетовому, все яснее проступает сиренево-розовое тепло. Между этими: серо-голубой

и дымно-фиолетовой, плоскостями ширится полоса потрясающе чистых цветов — от дымно-оранжевого через ярко-желтое в аквамарин... Встает солнце.

Солнца еще нет, его свет где-то там, внизу. Но оно ощутимо движется нам навстречу. И, послушные его воле, неудержимо плывут, оплавляются оттенки фантастического праздника утра. И вдруг! Огромный огненный диск выползает из-за горизонта. Алый, нет — уже оранжевый, пылающий его край все больше! На него больно смотреть. Диск теряет свои очертания, уменьшается — это уже лохматый ослепительный шар...

Миг, и все контрасты гаснут. Сияющая желто-аквамариновая полоса разом затягивается за клубившейся дымкой — будто пыль, поднятая ветром. Сквозь ее фиолетовый туман жарко смотрит Солнце.

Прощай, Каунас! Самое время обдумать теперь твои итоги.

В ноябре 83 года межрегиональная спелеологическая группа „Дельта“, созданная по инициативе адлерца Владимира Дмитриевича Резвана и лидера литовских спелеотуристов Эрика Э. Лайцонаса, собрала в Каунасе представителей ведущих спелеоколлективов СССР на совещание по актуальным проблемам. С целью получить хоть какой-то финансирование живущим далеко, совещание было замаскировано под какое-то туристическое мероприятие. По системе советов были разосланы приглашения и, конечно, в половине случаев места достались не тем, кого ждали. Но, в основном, собрались.

Наплевав на субординацию системы советов по туризму и экскурсиям, прилетаем с Любой в Каунас на правах личных друзей организаторов совещания. Только что мы с Эриком и Резваном провели на Алеке очередной Всесоюзный семинар по подготовке инструкторов спелеотуризма, во время коего получили интереснейшую „указивку“ Москвы.

Ссылаясь на анализ несчастных случаев, происшедших со спелеологами страны за последние годы, в целях повышения безопасности спелеопутешествий, Центр вводил запрет на самостраховку по стальному тросу зажимами типа „гиббс“¹⁴³.

Действительно, к этому времени уже накопилось.

В 1976 году на спуске в Заблудших падает представитель московской группы „Кристалл“ Кабанов: разрушился крюк, на котором была навешена веревка. Кабанов спускается, самострахуясь за трос, но в момент срыва зажимает в кулаке самостраховочный „гиббс“ — в результате перелом ноги.

Летом 1977-го киевлянин Сомулин падает 18 метров, парашютируя на рогатке с зажатым в кулаке самостраховочным зажимом, благо, без серьезных последствий.

В 1980 году в пещере Осенняя на Алеке москвичка Оля Сулова во время спуска по второму 40-метровому колодцу встает на уступчик в нижней трети колодца и, зажав самостраховочный „гиббс“, по непонятной причине падает с высоты 10 метров.

В этом же году падаю я в 35-метровом колодце Вейса пропасти Кутук-

¹⁴³ „Гиббс“ — в данном случае зажим, аналогичный по принципу действия изделиям известной североамериканской фирмы. В отличие от эксцентриковых зажимов, „гиббсы“ имеют П-образный корпус и двуплечий кулачок, между которыми — именно за счет разницы плеч, зажимается веревка. Для того чтобы расслабить „гиббс“, достаточно сжать рукой кулачок и корпус в верхней части зажима. Возможность вот так — в положении проскальзывания, зажать „гиббс“ в кулаке и приводила к многочисленным падениям при выполнении самостраховки.

Сумган на Южном Урале, когда по небрежности слетаю с недостающей до дна колодца рапели без узла на конце. И делаю это, как мои предшественники, забыв о зажатом в кулаке самостраховочном „гиббсе“. Он скользит вдоль веревки точно так же, как вдоль троса. К счастью, без последствий. Спас узел на конце второй веревки.

Мы страховались при спуске за трос, падали и все пока обходилось. Но вот в 1983 году катастрофа настигает свердловчан. В Средней Азии в пещере Зинданат на спуске в 80-метровый, по слухам, колодец соскользнул и покатился по склону свердловчанин Зеньков. И снова — самостраховка есть, но крепко зажатый в руке падающего „гиббс“ скользит вдоль 3,5 миллиметрового троса. Зеньков отпускает зажим, только когда склон обрывается в вертикаль, зажим срабатывает и... перекусывает трос. Трос оказался тонковат.

Вот о чем говорил Фердинанд Петцль: трос не выдерживает динамических нагрузок такой силы — это не веревка!

Смерть в Средней Азии наотмашь ударила по сторонникам трос-веревочной техники. А тут еще — тем же летом на Алеке, усть-каменогорец Александр Ван пытается увеличить число жертв тросовой самостраховки: на спуске по 80-метровому колодцу ТЕПа теряет контроль над рапелью и падает вдоль троса с зажатым в кулаке „гиббсом“. Когда же он — наконец! — разжимает руку, зажим срабатывает и... обрыв 8-миллиметрового самостраховочного „уса“. Трос в ТЕПе был 4-миллиметровый, гораздо прочнее азиатского. Зато порвался „ус“ — слабейшее звено той страховочной цепи.

Все эти случаи — только верхушка айсберга. Множество аналогичных падений — на тренировках и в экспедициях, заканчивались благополучно и потому оставались практически неизвестными.

И вот пришла директива Москвы. Отныне за трос зажимом типа „гиббс“ страховаться запрещалось. Но позвольте! А как же прикажете спускаться?

Это был запрет с двойным, а то и тройным дном. По сути дела, кроме зажимов системы „гиббс“, страховаться за трос было не чем. Получалось, хочешь страховаться на спуске — вешай дополнительно к тросу еще одну веревку — по веревке страховаться можно зажимами других систем. Две веревки плюс трос?! Маразм.

Сторонников двухверевочной техники в Союзе к тому времени почти не осталось — только Крым, пожалуй, отверг трос, вернувшись к двум веревкам. Так веревкам в Крыму было завались... И потом, чем же страховаться за ту же веревку, если „гиббсом“ нельзя, а другие типы зажимов в СССР были совершенно не распространены? Попробовали в самом начале „жумары“, но потом напрочь забросили и позабыли — в прочности они значительно уступали „гиббсам“ и для способа „стопа-колени“ не слишком годились.

Странная получалась ситуация. Что же теперь без самостраховки спускаться, что ли? По одинарной веревке?..

* * *

Было в этом указании Москвы, за подписью Морозова, что-то недоговоренное, какие-то скрытые течения чувствовались за его строчками, нечто такое, о чем Саша хотел, но, казалось, не решался сказать откры-

тым текстом. Так вот, в Каунас ожидался приезд Морозова — и всем было интересно получить разъяснения, что называется, из первых уст.

Надо сказать, что, несмотря на совместную борьбу против илюхинщины, у нас с Морозовым никогда не было особо близких отношений. Общались мы дружелюбно, но не более. Да тут еще произошел конфликт между участниками нашей апрельской 83-го года экспедиции в Снежную, где мы и приближенные Морозова — в частности, небезызвестный Андрей Пильский, оказались по разные стороны барьера.

Отпечаток на мое ко всему отношение наложила и незарубцевавшаяся рана Мишаниной гибели в Заблудших. И уж конечно, сильные воспоминания оставила наша вынужденно одноверевочная работа в Большом колодце Снежной двумя годами ранее¹⁴⁴.

Так или иначе, но из Каунаса я уезжал достаточно убежденным противником морозовских идей. А идеи были интереснейшие! И сквозь собственное сопротивление я ощущал их всепроникающий зуд.

На Каунасском совещании Морозов прочел короткую, но массивную лекцию. Замечу, что Саша был переводчиком высочайшего класса, и это в какой-то степени помогало ему проводить столь продолжительные экспедиции в Снежную. Рассказывали, что он за пару месяцев переводил полугодовую норму своей работы, а если я не прав, то, как говорится, „пусть старшие товарищи меня поправят“ — суть дела от этого не изменится.

Безусловно, свободное чтение зарубежной спелеологической информации, которая текла через Сашины руки, давала ему возможность далеко опережающего видения перспектив развития техники кейвинга. Думаю, что Морозов одним из первых познакомился с основами техники одинарной веревки, к тому времени уже подробно изложенными в зарубежных спелеопубликациях.

И вот в Каунасе он впрямую приступил к агитации „за одну веревку“. Преимущества одноверевочного хождения были достаточно очевидны, кроме одного, сводившего в наших непросвещенных глазах все прочие к нулю: мы не представляли, как избежать угрозы аварии из-за обрыва единственной на отвесе веревки. Страх перед возможным падением сковывал нашу мысль, а исчерпывающей зарубежной информацией мы, в отличие от Морозова, не обладали.

Второй и, думается, главной причиной, вероятно, подтолкнувшей Морозова к изменению взглядов на вертикальную технику и приходу к идее одинарной веревки, была — Снежная, вынуждавшая „многомешочные“ морозовские экспедиции вести яростную борьбу за снижение веса снаряжения.

Притчей во языцех стали морозовские тросовые лестницы. В Каунасе присутствовал замечательный представитель ленинградской школы кейвинга Андрей Шульц — замечательный не только своими человеческими и спелеологическими качествами, но и тем, что, как уже было сказано, Шульц соединял в себе редчайший гибрид спелеотуриста и офицера Советской Армии! Так вот, во время одной из экспедиций, могучий, тогда еще майор, Шульц трижды рвал лестницы на своем пути по Снежной. Шутили, конечно,

¹⁴⁴Наша корделетная экспедиция в Напру, где я, несмотря на свои убеждения, „вслась“ находился по одинарной веревке, состоялась позднее, в августе следующего 1984 года. Но и без нее хватало.

что это от привычки ходить строевым шагом, но факт остается фактом: морозовские тросовые лестницы отличались изысканной „утонченностью“.

Следующим шагом Морозова на пути снижения веса вертикального снаряжения был его переход на работу с 8-миллиметровой веревкой, что большинство из нас и вовсе восприняли настороженно. По-моему, так использовать одинарную „восьмерку“ граничило с полным безрассудством — Мишаня в Заблудших оборвался именно на 8-миллиметровой веревке.

Вот таковы были постулаты, высыпанные Морозовым на наши головы. Странно, но Морозов (до сей поры не знаю, чем это объяснить) не утруждал себя в Каунасе строгой аргументацией своей позиции. Возможно, ему все было столь очевидно, что просто не приходило в голову, как это может быть сомнительным для других?

С другой стороны (и этот факт мне тоже до сих пор не понятен), провозглашая и осуществляя на практике одноверевочную технику, Морозов не придерживался наиболее существенных ее правил, которые к тому времени были уже внятно сформулированы в странах, принявших SRT на вооружение. Например, в Каунасе Морозов ни словом не обмолвился о необходимости антифрикционной (от трения) и динамической (от возможного жесткого рывка) защиты одинарной веревки, без которых SRT просто не может существовать. Именно с помощью этих мер удается отвести от одинарной веревки Дамоклов меч неизбежного обрыва.

Так что же? Неужто Морозов не знал о необходимости защиты веревки? Едва ли. Более вероятно, что Морозов просто не считал нужным защищать свою 8-миллиметровую веревку. Потому что верил в себя, своих соратников, в безупречность технической подготовленности своей группы и применяемой его экспедициями тактики неспешного массированного движения группы по пещере посреди „стада“ из многочисленных мешков¹⁴⁵. При этом каждый участник (а их обычно было немного) мог всего пару раз пройти каждый из отвесов пещеры — так что износ веревок (если не использовать заведомо старых и потертых) был невелик.

В пользу этой версии говорит такое высказывание Морозова в моем каунасском дневнике:

«Наша группа ходит по одинарной „восьмерке“ и не имеет аварий. Моему сыну Севе — 14 лет, а он спокойно ходит по одинарной веревке.»

Последнее было, конечно, слабым аргументом. Молодежь, а тем более школьники, работают, ничтоже сумняшися, так, как их тому научили. С возрастом и опытом это становится труднее. Перефразируя: во многой мудрости, больше и страха!

Морозовская одноверевочная техника, по сути, была возвратом к канонам классической, в истинном значении этого понятия, двухопорной — лестнично-веревочной, техники. Отвергая трос в качестве линейной опоры для самостраховки, Морозов практически уничтожил сам смысл вообще его использовать. Он как бы возвращался назад, к истокам вертикальной техники, предлагая начать все сначала и таким образом выйти из тросового тупика.

¹⁴⁵Позднее такая тактика получила название тактики „турпохода“.

Вот некоторые аргументы той каунасской атаки, предпринятой Морозовым на редуты советской трос-веревочной техники, записанные мною в дневник во время его лекции:

«Правило обязательного наличия на отвесе двух независимых линейных опор возникло при хождении на лестницах. И это было обосновано. Но веревка при этом была одна.»

«На Западе ходят по одинарной веревке.»

Наверно, впервые из уст Морозова услышал я тогда, в Каунасе, термин “SRT”, который даже записал тогда неправильно — „СРП“! Но послушаем еще:

«Многие считают, что западные веревки более качественные, по сравнению с советскими. Нет — они перетираются также. Другое дело, что у них „динамика“ лучше. А в остальном разницы нет.»

„Динамика“, в данном случае, — это способность веревки к удлинению (растяжению), ее эластичность. Занимаясь позднее внимательным изучением характеристик советских и зарубежных веревок, я убедился в справедливости этого высказывания Морозова. Но это позже, а пока:

«Работа на одинарной веревке в чем-то проще и понятнее. Нет рассеивания внимания между двумя веревками. Это особенно благоприятно при работе в обводненных колодцах. А вообще, для обеспечения безопасности в обводненных пещерах — спелеолог должен быть сухим и сытым. Вот у нас все сухие и сытые — потому и нет несчастных случаев...»

Сильно сказано, по-морозовски!

«Несмотря на то, что статистика несчастных случаев насчитывает довольно мало аварий, связанных именно с работой на одинарной веревке, тем не менее, переход на одинарную веревку — вещь психологически очень сложная.»

Помню, встал лидер одной весьма энергичной московской группы Евгений Снетков:

— А если человек боится одинарной веревки, что ему можно предложить?

— Могу предложить не ходить по одинарной веревке! — улыбнулся Морозов.

Бросив нам на растерзание эти впечатляющие тезисы, Морозов развернулся другим бортом и дал мощный залп из всех орудий в самую гущу озадаченных сторонников двухопорной техники. Вторая часть его речи сводилась примерно к следующему.

Анализ достижений советского и зарубежного кейвинга за последнее десятилетие, особенно сопоставление временных графиков штурма глубочайших пещер мира различными советскими и европейскими группами, недвусмысленно выявляет наше отставание по темпам прохождения и

завышенной продолжительности подземных работ. В то время как наши зарубежные коллеги затрачивают на прохождение таких гигантов как Жан-Бернар, ПСМ, Берже буквально несколько дней — экспедиции в советские „тысячники“ выливаются в недели работы под землей.

Так оно и было. Вот всего лишь один из примеров, опубликованных в иностранной спелеопрессе:

«Мировой рекорд глубины был недавно побит в Гуффе Жан-Бернар. Отлично организованная экспедиция, руководимая П. Риасом и составленная из членов спелеоклуба „Вулкан“ и других французских спелеологов (всего 32 человека), достигла глубины —1455 метров. Экспедиция началась 24 февраля 81 года и закончилась 28 февраля. Стоит заметить, что при этом было поставлено два подземных лагеря на —500 и —900 метров и осуществлено прохождение донных сифонов. Входная часть пропасти представляет собой узкую затапливаемую систему ходов.»¹⁴⁶

В то же время наиболее серьезные морозовские экспедиции в Снежную, при численности участников значительно меньшей, занимали 71 и даже 85 дней (рекордные по продолжительности экспедиции Морозова, прим. мои, К.Б.С.). Первая же чисто спортивная (т.е. не ставившая перед собой иных целей, кроме прохождения маршрута) экспедиция под руководством Резвана в составе 6-ти человек работала в Снежной 24 дня. Контрастно, не правда ли? Или другой пример:

«В феврале 81 года недалеко от Жан-Бернар спелеологи из Лиона с помощью групп Каверниколь и Торон де Бен продолжили исследование пропасти Мирольда и достигли глубины —1100 метров. В пещере были установлены 2 лагеря: на —300 и —700 метров. Всего подземные работы заняли 4,5 дня. Пещера состоит из многочисленных колодцев, нескольких красивых натечных галерей и активной системы, собирающей воды пяти подземных потоков.»¹⁴⁷

Можно было бы продолжить перечень подобных примеров, но стоит ли?

Второй залп Морозова заставил нас еще больше призадуматься...

* * *

Если среди спелеотуристов имя Морозова уже само по себе внушало уважение, то туристы других видов относились к нему гораздо спокойнее. Тем более, штатные работники КСС (контрольно-спасательной службы) системы советов по туризму и экскурсиям, перед которыми Саша, еще до Каунаса, выступил с лекцией по безопасности спелеопутешествий. Среди нас не нашлось очевидцев этого представления, но рассказывали, что

¹⁴⁶Ж. Ф. Пернет „Новый мировой рекорд глубины“, „Caving International Magazine“ № 11, апрель 1981 г. Канада.

¹⁴⁷Алан Жибер „Еще один французский километр“, „Caving International Magazine“ № 11, апрель 1981 г. Канада.

эффект был подобающий. Если бы КСС-ники обладали властью святой инквизиции времен средневековья (а в чем-то они и являлись ею по отношению к „диким“ путешественникам), не избежать бы „еретику“ Морозову пыточной и костра за крамольные речи о пагубности самостраховки и пользе перехода на одинарную веревку. Додуматься только! Не ожидавшая такой наглости и такого напора КСС так и осталась с открытым ртом, но позже пропела-таки „Анафему“ морозовским идеям.

Морозов резко начал, может быть, даже слишком резко. Он принимал удар на себя, используя весь сосредоточенный в его руках (а по сути — эфемерный) институт власти в лице Центральной комиссии спелеотуризма, опираясь на огромный авторитет — свой и своей группы, завоеванный действительно впечатляющими успехами в исследованиях Снежной и долготейшей практически безаварийной работой. И... успеха не добился.

Хотя, как посмотреть. Ведь он посеял сомнения...

Строчки из Каунасского дневника:

«... Всех нас вчера поразили темпы работы на Западе. За какие-то 2 дня они умудряются повесить снаряжение до глубины — 900 метров. Не только повесить, но и вернуться наверх. Темпы! Темпы! Что за ними? В голове масса мыслей... Надо связаться с болгарями — через них можно начать. Съездить бы и разобраться на месте. Но как и когда???»

* * *

В 83 году еще очень актуальной была шутка Резвана, прозвучавшая однажды на Буковой поляне. Как-то во время инструкторского совета Эрик Лайцонас — завуч семинара, заглянул через плечо Резвана, который задумчиво водил ручкой по листу бумаги.

— Ай-яй, — со своим тонким литовским акцентом сказал Эрик. — Руководитель Всесоюзного семинара, а на инструкторском совете танки рисует! К чему бы это?

— Я думаю, — мрачно пробурчал Резван, не отрываясь от работы. — Я думаю, что это единственный шанс советских спелеотуристов попасть за границу!

— Смотри, Резван! — покачал головой Эрик. — Вон Серафимов опять что-то пишет. И усмехается!

Володя подозрительно покосился в мою сторону:

— Что это вы пишете, инструктор Серафимов?

— Оперу пишу, гражданин начальник! — не растерялся я, вспомнив бодродатый анекдот.

— Оперу? Что-то много ты уже накопал!

— Ничего, у опера времени много, все прочтает!

* * *

Строчки Каунасского дневника:

«... Вот мы сейчас ломаем головы над успехами французов. Мы стоим на новом качественном пороге. Кто перешагнет его?»

Тактика тотальных штурмов Морозова уже заходит в тупик. Для спорта. И, возможно, для науки. А что скажем мы? Неужели всю жизнь ездить и смотреть на то, что создано кем-то?

Мы — в психологической ловушке. Одна веревка! Страшно.

Но рациональное зерно в этом есть. Надо только исхитриться найти это зерно и взять. Надо преодолеть свою робость.»

... Самолет, дрогнув, ложится на крыло. Вся картина за бортом смещается, ползет влево, затем выравнивается.

Что ж, Каунас прошел на высоком уровне. Получена прямо-таки захлестывающая информация. Это здорово. Не покидает ощущение каких-то близящихся изменений в нашем кейвинге. Ах, как нужно оказаться на их острие!

* * *

Но пока мы явно не дотягивались до острия. В Каунасе мне удалось полистать один из первых французских учебников SRT — „Техника альпийской спелеологии“ Марбака и Рокура¹⁴⁸. У Эрика Лайцонаса вообще оказалось масса интересного. Эрик давно привлекал меня своей эрудированностью, внешностью и манерами джентльмена — высокий, поджарый, седой, несмотря на умеренный возраст, своеобразным прибалтийским юмором. Мы познакомились во время той памятной для меня экспедиции в Кутук-Сумган, когда я попытался упасть в колодец Вейса с зажатой в кулаке самостраховкой.

Как и я, Эрик Лайцонас был весьма заинтересован перспективами применения SRT в советском кейвинге, но к осени 83-го года преуспел на этом пути значительно больше. Не последнюю роль в этом сыграл и тот факт, что, по сравнению с Казахстаном, Литва расположена значительно ближе к Западной Европе, в том числе и территориально. Эрик вел интенсивную переписку с зарубежными коллегами, стараясь установить более конкретные контакты. И, в конечном итоге, одним из первых в СССР получил такую возможность.

Понятно, что за рубеж советские спелеологи выезжали и до того. Но Эрик, в отличие от своих предшественников, отправился за границу не с целью пропаганды и утверждения „советского образа жизни в спелеологии“, а смотреть и учиться. Весной 1984 года Эрик Лайцонас привез из Болгарии „живую“ информацию о технике одинарной веревки. Дело в том, что к этому времени Болгария уже осуществила „смычку с акулами империализма“ — решением БФПД (БФПД — Болгарская Федерация Пещерно Дело) болгарские спелеологи перешли на одинарную веревку в общенациональном масштабе. Благо, масштаб небольшой.

Эрик привез впечатления, а его лучший ученик и коллега, Раймис Даниюнас, немедленно решил обкатать полученную информацию на практике. Попробовал он в Напре во время нашей незабываемой корделеттной экспедиции в сентябре 1984 года.

¹⁴⁸MARBACH, G., and ROCOURT. J.L. „Techniques de la Speleologie Alpine“ 1980.

* * *

О, мой дорогой Заинтересованный Читатель! Вы, несомненно, помните песню „О неудачной экспедиции“, сочиненную под гамаком у Киселева в подземном лагере Напры на глубине —430 метров?

Да, измотанные до предела многочисленными нервными экспериментами, мы вынуждены были отступить с глубины —530 от грота Рака. Но последней каплей, склонившей чашу весов в пользу отступления, стала авария в 40-метровом колодце, ведущем в этот грот.

... Вертвики на этот отвес были повешены неудачно. Они шли по левой стене зияющего чернотой колодца с большими перегибами через край. Снизу, из гулкой тишины грота Рака, резко раздаются голоса. Резван уже внизу, Ткачев спускается, и веревки под его весом подрагивают на крючьях.

С неприязнью осматриваю навеску. Одну из этих веревок, трущихся об острые выступы скалы, мне предстоит сбросить вниз. По второй — спуститься самому, последним. . . Острое трение, а других крючьев, чтобы перевесить веревки, что-то не видно.

Ткачев где-то там долго закачивается на какую-то невидимую глыбу посреди зала, и оттуда вниз, в систему „Вторых штанов“¹⁴⁹, с впечатляющим грохотом летят камни — глубоко, метров на 80!

Подходит всегда сдержанный Раймис, но при виде навески неожиданно раздражается ругательствами.

Напряженность в группе возрастает, и мы ничего не можем с этим поделать. Заблудившись в „Первых штанах“, мы выбились из запланированного графика, стремительно теряем свет из-за оказавшихся некачественными батареек, и любая новая задержка на маршруте грозит поставить большой знак вопроса под нашей задачей достичь дна Напры.

Но пока мы не сдаемся. Следом сверху подходят Эрик и Кес, садятся на мешки у края колодца. Я нахожусь ближе к его краю и, на всякий случай, пристегиваюсь самостраховочным „усом“ к перилам навески. Наконец, снизу доносится раскатистый голос Ткачева:

— До-оше-ол! Свободно!

Раймис начинает пристегиваться на спуск, а я смотрю на его „сбрую“. После поездки Эрика в Болгарию Раймис сделал себе снаряжение по западному образцу: все обвязки сходятся и фиксируются одним единственным карабином на животе. К этому же карабину крепится „ус“ самостраховки. Спусковое устройство у Раймиса тоже на западный манер — боббина Дресслера¹⁵⁰, самодельная, конечно. И она тоже встегнута в замковый карабин — напрямую. Внешне все выглядит достаточно компактно и логично. . .

Раймис перелезает через край колодца, мягко соскальзывает по рапели вниз, и луч его фонаря растворяется в темноте. Молча сидим на краю колодца — каждый во власти своих мыслей, поэтому в наступившей тишине неожиданно громко звучит металлический щелчок в колодце, от которого резко вздрагивают веревки у крючьев.

¹⁴⁹ **Штаны** — „штанами“ в просторечье кейвинга называются разветвляющиеся надвое вертикальные колодцы, по которым возможны различные варианты спуска. В Напре такие вертикальные „штаны“ — разломы встречаются в двух местах, в одном из которых мы и заблудились накануне описываемых событий.

¹⁵⁰ **Боббина Дресслера** — спусковое устройство, известное у нас под названием „каталка“.

Мы еще заторможенно молчим, губы только приоткрылись для вопроса, как в ледяной этой тишине громко и отчетливо раздается голос Раймиса. Этот голос, и дыхание, слышное из колодца, заставляют нас похолодеть. Нет, это не крик ужаса, не смертельный вопль падения, но в нем слышится такое, что я не смогу сейчас передать словами, как бы ни старался. Неестественно спокойный и четкий, отчего заметнее проступает литовский акцент, голос Раймиса звучит чуть громче обычного:

— Ребята. Я сейчас буду падать. . .

Во мне срабатывает какая-то пружина, подкидывает вперед, к колодцу, благо, я на самостраховке. Склоняюсь над краем и вижу — внизу, буквально в трех метрах, у зеркальной стены замерла странно неподвижная фигура. Взгляд мечется, ощупывая детали, силясь ухватить причину опасности. Ничего! Каталка на рапели, зажим самостраховки на второй веревке. . .

— В чем дело?!

И после паузы длинной в год:

— Спустите мне карабин.

Срываю с себя карабин, пристегиваю на страховочную веревку, отпускаю. Карабин звонко щелкает о самохват Раймиса. Данюнас, почти не шевелясь, какими-то хирургическими движениями снимает его, медленно пристегивает куда-то: сверху не видно, куда. . . Шумный выдох облегчения:

— Все. Сейчас поднимусь.

* * *

Кто держал в руках титановый карабин марки „Ирбис“ подмосковного производства, тот представляет. А кто не видел — представьте на верхнем загибе карабина крохотный, не более 5 миллиметров, крючок, который входит в зацепление с защелкой. Вот этот крючок и спас Данюнасу жизнь. Неудачно встегнутая каталка, развернувшись под весом Раймиса, отжала защелку карабина, и та вывернулась наизнанку. Карабин расстегнулся, и все, что было на нем, утратило связь друг с другом.

А ведь карабин был связующим звеном всей системы обвязок и спуско-подъемного снаряжения. В итоге все оно, в том числе и самостраховка, оказалось просто нанизано на разомкнутый карабин и в любую минуту могло слететь с него, оставив своего владельца на произвол Судьбы. Над 40-метровым колодцем судьбу предсказать нетрудно. . .

Спас крючок на верхнем загибе карабина, на котором зацепилось спусковое устройство. И еще то, что Данюнас не успел спуститься достаточно глубоко: малейшего колебания веревки, которая на хорошей глубине тянется, как резиновая, было достаточно, чтобы сбросить Раймиса со спасительного крючка.

Так 22 сентября 1984 года мы оказались в полушаге от еще одной катастрофы. SRT снова показала зубы. Со своим российским широкодушием мы никак не могли взять в толк, что истинная техника одинарной веревки, и та, какую мы до сей поры исповедовали, — все равно что современный персональный компьютер, по сравнению с арифмометром „Феликс-М“¹⁵¹. Залезь в него с отверткой, не зная схемы, — в лучшем случае, сломаешь машину. А то и током шибанет ненароком.

¹⁵¹Была такая счетно-механическая древность!

Казалось бы, какая мелочь — карабин! Но если заглянуть в любой из учебников по SRT, обязательно бросится в глаза одно из непреложных правил:

«Применение в качестве замка, связывающего в единое целое все спуско-подъемное снаряжение с обвязками кейвера, карабинов любой конструкции — НЕДОПУСТИМО! Для этого следует использовать только замковые кольца типа „Мэйон рапид“...»¹⁵²

А у Раймиса был карабин, причем карабин без муфты.

Пустячок? В технике одинарной веревки пустяков нет.

К сожалению, мы начинали изучать СРТ не по учебникам. Как это у классика? „Мы философию учили не по Гегелю...“

* * *

Авария в Напре не обескуражила каунасцев. Летом 85 года в Болгарию отправляется уже целая делегация литовских кейверов во главе с Данюнасом. В то же период Эрик Лайцонас переводит с болгарского руководство по SRT Майка Меридита — „Вертикальная спелеология“¹⁵³. Что и говорить — к концу 1985 года „контрольный пакет акций“ в шансах на всесоюзный приоритет в овладении SRT находится в руках литовцев.

После илюхинской диктатуры, приведшей к депрессии в спелеотуризме и рухнувшей в результате московского „переворота“, в начале 80-х советское спелеодвижение переживало период активизации и подъема, чему в немалой степени способствовал приход в Центральную и Московскую спелеокомиссии сподвижников Александра Игоревича Морозова. Одним из пиков этого взлета стало проведение осенью 1985 года Всесоюзного семинара высшей спелео-инструкторской подготовки на Западном Кавказе. Место для проведения семинара было выбрано хорошо знакомое — турбаза „Южная“ в Хосте, и далее — на хребет Алек в объятия гигантских буков, по которым мы уже так соскучились. Но главным магнитом, стягивавшим нас на Буковую поляну тем памятным октябрем, была возможность увидеть многих ведущих спелеологов страны, удостоивших своим участие этот редкостный по статусу семинар.

Семинар старших инструкторов — ВИП-85¹⁵⁴, возглавил Владимир Дмитриевич Резван, завучем стал Эрикас Лайцонас, одним из инструкторов посчастливилось быть мне. Именно посчастливилось, так как на этом семинаре я получил последовательно три мощных инъекции SRT, которые окончательно излечили меня от рудиментов двухпорной техники.

Первым делом, прознав о поездке Данюнаса в Болгарию, я нагрянул к нему вечером прямо в пропитанный субтропической сыростью четырехместный „скворечник“ — фанерный домик-коттедж турбазы „Южная“, в

¹⁵² **Maillon rapid** — стальные и дюралюминиевые аналоги карабинов без пружинной защелки с разъемом, перекрываемым резьбовой муфтой, навинчивающейся на оба конца разъема и тем самым соединяющей МР в замкнутое кольцо. МР значительно (более чем в 3 раза) превосходят аналогичного класса карабины по прочностным характеристикам.

¹⁵³ Meredith M., „La speleologie verticale“. Grenoble, 1979.

¹⁵⁴ **ВИП-85** — семинар Высшей Инструкторской Подготовки 1985 года стал первым и остался последним семинаром такого высокого ранга в СССР.

каких размещался личный состав семинара. Волею случая Раймис оказался слушателем моего отделения, ну и... как он мог отказать любимому инструктору?

Помню, как с каким-то плотоядным наслаждением рассматривал я снаряжение Раймиса, задавал вопросы, записывал информацию в блокнот... Сколько раз выручала меня эта привычка — вести полевые дневники, не лениться записывать увиденное и услышанное? Как-то в одном из ресторанов Каунаса, кажется, это был „Пасутимас“ („Свидание“), Резван, глядя, как я что-то пишу среди ресторанного тарарама, мимоходом заметил:

— Знаешь, я отчетливо представляю тебя падающим в колодец и при этом вынимающим из кармана авторучку и блокнот... — непередаваемый Резванский жест рукой. — Не дай Бог, конечно!

Рассказы и снаряжение Раймиса — это было начало. Второй инъекцией стала первая в СССР публичная лекция по основам SRT, которую для слушателей нашего семинара прочитал Эрикас. Это была хорошая лекция. Но замечали? Стоит завести разговор о чем-нибудь новом, но, в принципе, доступном каждому, как тут же появляется некто, подающий голос с первых рядов галерки: „Ну, эт мы запросто! Мы так давно делаем! Чего тут такого-то? Па-адумаешь!“

Сколько раз после, в годы „битвы“ за технику одинарной веревки, мне приходилось наткаться на подобные высказывания, негативное восприятие нового, неосмысленный протест. И что характерно — чем выше культура и интеллект слушателей, тем меньше шансов напороться на деструктивную позицию.

Эрика слушали внимательно, очень внимательно. Не перебивали, не задавали дурацких вопросов и не вылезали с инфантильными высказываниями. Что ни говори, уровень семинара был соответствующим. Слушали, но по глазам было видно — думали: „Все это, конечно, здорово, но как-то не по-нашему. Сложновато наворочано. Мудрят они там, на западе!“

— Хождение по одинарной веревке: то, чем, не секрет, в определенных ситуациях занимаемся все мы, — сказал на лекции Эрик, — это не есть SRT. Это всего лишь хождение без страховки! Суть SRT не в снаряжении, хотя и оно имеет свои особенности. Суть — в психологии: в отношении к снаряжению и ко всей работе в пропасти.

„Непонятно, но — здорово!“ — обронил кто-то по аналогичному поводу, а Резван, с присущим ему юмором, добавил:

— А давайте попробуем СРТ сначала в горизонтальных пещерах!

Меня же все больше захватывало желание попробовать все самому — вот это самое „новое отношение“ попробовать.

И, наконец, последней инъекцией, последней каплей, переполнившей сосуд, стали наши коллеги из Болгарии, неожиданно ставшие гостями семинара. Это был настоящий подарок Судьбы и невиданный успех. Присутствие иностранцев на всесоюзных спелеомероприятиях — да такого старики не помнили!

Вот кого слушали заморожено. Что — Эрик? При всем своем авторитете Эрик был свой, наш, равный из равных. В своем же отечестве, как известно, нет пророка. Мы не можем смириться с мыслью, что кто-то из подобных нам вдруг может подняться надо всеми в знании или мастерстве, прозорливости или искусстве, а уж тем более в понимании нашего общего ремесла. Нет пророка в своем отечестве!

Иное дело — иностранцы! Пусть даже такие близкие, как болгары. Да, слушали их, затаив дыхание. И... все-таки недоверчиво. Оценивая щупали снаряжение, которое привезли с собой софиянин Алексей Жалов и варнинец Кирилл Иванов, качали головами, обменивались критическими замечаниями.

А какими ветрами потянуло вдруг над „Южной“! Почудилось, что рядом — рукой подать! — оказались, больше похожие на легенду, греческие Эпос и Проватина, французские ПСМ и Берже, в которых удалось побывать болгарским экспедициям. Да, где только ни побывали наши братья-славяне... С какой легкостью слетали с губ этих парней недоступные нам имена!

Пролился дождик SRT на целину советского спелеотуризма. Что-то впиталось, а больше — стекло. Болгары уехали страшно довольные. Им показали входы в пещеры Алека, а в завершение вояжа устроили вертолетную экскурсию над Кавказом. И надо же было такому случиться, что, будто специально для этого случая, егеря засекали на хребте в зоне Большого Кавказского заповедника браконьеров. Шоу получилось великолепным: погоня, стрельба — все, как в настоящем детективе. Богатые впечатления о Большом Кавказе для маленькой Болгарии!

Болгары уехали, а семинар продолжался. Все это время меня не покидали настойчивые мысли... Как уцепиться за хвост неудержимо лидирующих каунасцев?

И случай представился. Эрик планировал в 86 году учебно-экспериментальный выезд в Напру для освоения SRT силами двенадцати специально обученных и снаряженных членов своей секции. И, в принципе, не возражал против участия в этой акции команды из Усть-Каменогорска. Для меня это был главный итог семинара ВИП-85.

5.2. Чудо-юдо рыба кит!

Зима 85–86 проходит в „бумажных“ трудах. Сижу над переводами, вчитываюсь в незнакомые строчки. Каунас литературой не помог, несмотря на обещание Эрика. Помог Резван, еще в Сочи уступив на время только что подаренную ему болгарскими книжку „Азбука одинарной веревки“ Петко Недкова¹⁵⁵. Да еще член нашего клуба Марина Тюрнина привезла с Красноярского семинара разрозненные листочки фотокопии какой-то явно SRT-эшной книжки на английском языке: красноярцы, по бытующей у нас практике, тщательно скопировали картинки, не утруждая себя сопровождающим текстом!

Ну, и, конечно, Москва. О-о! Какие закрома информации оказались у Владимира Киселева¹⁵⁶! Английские, французские, австралийские — на всех языках книги с роскошными иллюстрациями. Глаза разбегались! Да, Владимир Энгельсович Киселев оказался одним из самых богатых на информацию по технике одинарной веревки спелеологов СССР.

¹⁵⁵П. Недков „АБВ на техниката на единичното въже“, София, 1983.

¹⁵⁶Просьба не путать с челябинцем Сергеем Николаевичем Киселевым: по прозвищу Кес, моим соратником по напрянскому корделетту, бессменным завхозом Алексских СИПов — семинаров Средней Инструкторской спелеоподготовки и призером Всесоюзных соревнований по спелеотехнике в составе челябинских команд.

Киселев в советском кейвинге вообще фигура неординарная. Начав с работы в Центральной спелеосекции во времена Илюхина, оставаясь вне политических страстей и справедливо считая политику делом побочным, по сравнению с пещерами, помимо всего прочего, Киселев все это время занимался информацией. И преуспел на этом поприще.

Более того, как-то незаметно выдвинулся он из тени в ряд ведущих спелеоподводников и первопроходцев страны, записав на свой счет солидное число первопрохождений и открытий в пещерах и пропастях Союза.

И вот — с истинно царской щедростью распахнулась сокровищница царя информации Киселева перед новорожденными искателями истины. Из этих разноязыких строчек постепенно проступала передо мной сущность одноверевочной техники. И с каждой новой строчкой, отвоеванной у иноязычных текстов, SRT все больше притягивала к себе. Будто свежий воздух вливался в легкие.

Пьянящ аромат познания! Этот труд в пыльном шелесте томов оказался сравним с радостью подземных первопрохождений. Многие с сомнением покачают головой. Иные усмехнутся. Кто испытал когда-либо — поймет. Познание сладостно само по себе — вне зависимости от оболочки, форм, видов деятельности. В познании окружающего и внутри лежащего — предназначение нашей жизни, наше утешение и восторг, бессмертный смысл существования.

* * *

... Стучит пишущая машинка, страничка следует за страничкой. Как хочется скорей, сразу туда, где такие заманчивые картинки — поближе к пещере, к пропасти, к действию!

Нельзя. Мы уже заплатили цену за незнание — по незнанию. Но иметь все, чтобы узнать, и — не воспользоваться? Преступное недомыслие. Это почерк дилетантов по духу, верхоглядов и ленивых умом. Так что же такое эта „Сингл Роуп Техник“?

Да не убоимся академичности фраз.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ или ОСНОВА ОСНОВ

Техника одинарной веревки ничего общего не имеет с тривиальным хождением по одинарной линейной опоре без страховки. SRT — это гармоничный комплекс мер, затрагивающий все без исключения стороны работы на подземных вертикалях. И не только на подземных. Механическое, раздражительное, перенесение в практику отдельных элементов SRT без понимания их сути и связи с остальными составляющими техники порождает уродливые гибриды — столь же неприглядные, как и опасные.

Техника одинарной веревки покоится на „трех китах“, трех неразрывных составляющих, которые дают желаемые результаты только в совокупности.

ПЕРВЫЙ КИТ по имени РОУП

Есть среди кейверов, понимающих Суть, поговорка-пожелание: „Лучше наступи себе на язык, чем на веревку!“ Конечно, не стоит это воспринимать буквально — веревка не боится наступания. Но основы безопасности SRT закладываются на земле. Прежде всего — это бережное отношение к веревкам, как к основному снаряжению.

„Так-так, — уже вертится нетерпеливый. — Огласите, пожалуйста, весь список!“

Будь по-вашему, представляю остальных.

ВТОРОЙ КИТ — ПРОТЕКТОР

Protection — по-английски, защита. Соответственно, Protector — защитник. В ведении кита Защитника — сохранность нейлоновых дорог. По-разному можно их проложить по отвесам, на языке кейвинга — сделать навеску.

SRT жестко формулирует основное правило:

Навеска на ЛЮБОЙ отвес должна исходить из главной задачи — МАКСИМАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ висящей на нем ЕДИНСТВЕННОЙ ВЕРЕВКИ. А уж потом все остальное.

Все потом — быстрота, легкость передвижения, другие соображения.

Комплекс мер по сохранению навески называется ее защитой. В свою очередь, защита навески состоит из двух взаимодополняющих частей: защиты антифрикционной — от перетирания, и защиты динамической — от последствий рывка. Эти „сиамские близнецы“ неразделимы. Только примененные в совокупности, они дают определенные гарантии сохранности одинарной веревки.

Проще говоря — веревки на каждый отвес должны навешиваться без трения их о скалу и с учетом возможных динамических рывков при работе. Надо признаться, что во всей предыдущей практике советского спелеотуризма мы не сталкивались с такой постановкой вопроса. Не мудрствовали особо — швырнул веревку за край колодца и вся недолга!

Да, организация динамически защищенной навески, да еще без трения ее о скалу, требует гораздо больших усилий. Это и забивка дополнительных крючьев, и применение оригинального снаряжения, призванного защитить веревку от трения — специальных прокладок, подстилок, чехлов, оттяжек, отклонителей. Кроме того... ну, да в трех словах и не скажешь. Ни о чем подобном я до 85 года и не задумывался.

ТРЕТИЙ КИТ — ТЕХНИК

Этот кит, пожалуй, внешне самый заметный. Более полное и понятное его имя — индивидуальная техника передвижения по отвесам. Как-то так повелось в советском спелеотуризме, что главным преимуществом того или иного способа передвижения по веревке считались его скоростные качества. При этом мы частенько забываем, что если высокая скорость подъема говорит о хорошем уровне кейвера, то высокая скорость спуска чаще всего свидетельствует об обратном: или о низкой технической грамотности, или о скудости ума.

Правилами SRT регламентируется максимально допустимая скорость спуска на ФСУ, использующих карабин в качестве тормозного элемента¹⁵⁷ — не более 15 метров в минуту. „Один метр за четыре секунды?! — воскликнут наши лихачи. — Что за скорость такая черепашня?“

Как знать. При превышении этой на вид маловатой скорости возникает угроза оплавления и повышенного износа веревки от трения в спусковых устройствах, особенно на сухих отвесах. Можно ехать и быстрее, но —

¹⁵⁷Карабин в качестве одного из тормозящих элементов используют многие спусковые устройства: шайбы, восьмерки, рогатки, большинство каталок и т.п. Более совершенные ФСУ карабины для торможения не используют.

используйте подходящие „спускеры“, господа, хорошо отводящие тепло из зоны нагрева. Ведь веревка-то одна! Тем более что средняя скорость движения по маршруту зависит, прежде всего, от тактически грамотных действий группы, выносливости, технической подготовленности каждого конкретного исполнителя, и только в последнюю очередь от скоростных преимуществ самого способа движения.

Скорость — дело десятое, скорость — органическая производная всех перечисленных составляющих. В SRT главным условием применимости способа движения признана — МАНЕВРЕННОСТЬ. Именно, маневренность, а не скорость. Передвигаясь по одинарной веревке, кейвер должен быстро и достаточно легко преодолевать многочисленные препятствия — не только и не столько естественные, но и искусственные, установленные по велению второго Кита — Защитника. Важно, чтобы сам способ движения позволял позаботиться о сохранности единственной на отвесе веревки: иметь возможность отделять ее от скалы, не позволять касаться и тереться о рельеф даже эпизодически.

Если говорить о подъеме, то, перебрав многочисленные варианты, европейский кейвинг избрал способ движения по веревке, носящий пока неразгаданное мною название „Дэд“¹⁵⁸. В некоторых публикациях тот же способ носит англоязычное название „Фрог“ (Frog — лягушка). Но в советской практике название „лягушка“ получил другой способ движения: с одновременной работой ног на двух длинных равновеликих стременах, прикрепленных к верхнему зажиму¹⁵⁹. Поэтому, для определенности, говорю „Дэд“.

Понятно, что маневренность на отвесе напрямую зависит от особым образом подобранного и подогнанного индивидуального снаряжения. Поэтому желающим заняться техникой одинарной веревки приходится очень внимательно отнестись к своему индивидуальному снаряжению. Все то, чем обладали мы в 1985 году, существенно отличалось от необходимого. Все, буквально все пришлось приспособлять или принципиально менять. И это тоже было для нас неожиданностью. Но... как говорится, это уже совсем другая история. Иначе я могу превратить мое повествование в учебник по SRT. А это пока не входит в задачу.

Только веревку, саму веревку — основу основ SRT, я не могу обойти полным молчанием.

* * *

Однажды я принес с почты увесистую бандероль и весьма удивился, обнаружив в ней приличный конец веревки явно иностранного происхождения. „Неужто в Киеве начали делать приличную веревку?“ — недоумевал я, рассматривая почтовый штампель и обратный адрес. Впрочем, все быстро выяснилось, что не убавило моего удовольствия от созерцания прекрасно-

¹⁵⁸ Основоположник SRT в Болгарии Петко Недков как-то обмолвился, что по его сведениям название „Дэд“ произошло по прозвищу его изобретателя, французского спелеолога, похоже, славянского происхождения, если прочитать прозвище по-русски: „Дед“. Так оно впоследствии и оказалось — был такой француз по имени Андре Меоцци (Andre Meozzi) по прозвищу Ded.

¹⁵⁹ Получивший с легкой руки илюхинцев название „лягушка“, этот уродский способ подъема действительно гораздо больше напоминает движения лягушки, чем его более гармоничный и эффективный англо-французский собрат.

го содержимого бандероли. Веревку прислал Саша, Александр Борисович Климчук — тот самый, кто некогда принял не последнее участие в открытии пропасти Киевская, а нынче упорно занимался пропастью Куйбышевская на Арабике. Недавно Климчук вернулся из совместного с Киселевым и Дублянским турне по Канаде и США и вот... Это было приятно.

Следом за бандеролью пришло письмо, в котором содержалась „Инструкция к веревке фирмы «Пиджин Маунтин Индастри» — “PMI” (Пи-Эм-Ай). Обращаясь к Третьему Китаю — отношению к веревке, я всегда вспоминаю эту инструкцию, которую не поленился тогда перевести и не пожалел о затраченном времени. В общем, это была лишь обычная инструкция к обычной, по американским понятиям, веревке. Сегодня никого уже не удивишь подобными инструкциями.

«НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ! — было написано в ней. — Примите их в связи с покупкой новой “PMI”! Первая это Ваша веревка или Вы бывалый ветеран, пожалуйста, найдите время прочитать нижеследующее: это может иметь значение в Вашей жизни...»

Да, знание характера Кита по имени Роуп предельно важно. И тот подарок Саши Климчука послужил для меня важнейшим источником информации на будущее. Чтобы начать относиться к веревке как к другу, от которого зависит самое драгоценное — здоровье и жизнь.

5.3. Кырктаусский эксперимент

Минут тридцать заливается сверху дятел скального молотка. На стене Коля Бердюгин, тонкая ниточка веревки одинокой паутинкой прочерчивает желтые скалы. Долго, но песчаники — не известняки, будем надеяться, что в пещере пойдет лучше. Вот Коля забил крюк, теперь раздумывает, как прикрепить к нему веревку.

— Шеф! — раздается сверху его голос. — Я что-то забыл, как эта штука называется?

— Корем! Ко-рем!

Провис веревки у промежуточного крюка мы называли по-болгарски. „Корем“ в переводе звучит, как „живот“, „пузо“, по-нашему — провис веревки у промежуточного крюка.

Сию на соседней скале и наблюдаю за его действиями, наслаждаясь теплом весеннего солнышка и радостным ощущением, что мы — пробуем SRT. Кончились кабинетные бдения!

Наверху этого 40-метрового отвеса Коля сделал все правильно: закрепил конец веревки за дублирующий крюк, вывел на край отвеса, закрепил на основном крюке. Между крючьями оставил ровно столько веревки, чтобы и натянута была в меру — не болталась, и усилие, если начнешь спускаться, приходилось только на основной крюк. Основной крюк держит рабочие нагрузки, дублирующий — охраняет нашу жизнь на случай поломки основного. А чтобы рывок еще более снизить, между основным и дублирующим закреплениями завязан хитрый узел — амортизирующий. „Бабочка“ называется, или „пчелка“, насекомое, короче. Такой амортизирующий узел, затягиваясь и проскальзывая при рывке, может значительно ослабить динамический удар.

И вот — спуск. Подкладку на основной крюк, чтобы узел не терся о скалу, и потихоньку вниз. Веревка идет в спусковое устройство прямо из мешка, висящего у Коли на трансрепе чуть ниже его каблуков. Удобно! Не спутается, и камнями, что всегда летят из-под ног прокладывающего трассу, не повредишь. Спускается Никола классически: чуть согнутые в коленях ноги перпендикулярны стене, и веревка над ним — стрункой вдоль скалы. Все нормально, не касается.

— Эва-а! Ты на коленки припадай!

— Зачем?

— Подниматься-то ближе к скале будем — вдруг веревка ляжет?

Точно! Припал лидер навески к стене, и веревка коварно легла на скальное ребро метра в двух выше.

— Видишь?

— Вижу. Вроде, гладкое ребро... Может, так пройдем?

Ну, нет. С этого все и начинается. Приустиали, пока колотили верхние крючья, а тут еще промежуточный крюк туго пошел в скалу. Усталость или плохое настроение, стремление поскорее добежать или другие подобные мотивы — это все из прошлого.

Перефразируя Визбора, можно сказать: „Если ты идешь в пещеру, как на подвиг, значит, ты к пещере не готов“.

Дашь себе поблажку раз — дашь и второй. А веревка всего одна... И впереди Киевская.

Ки-ев-ска-я! После того, как мы с Молоковым на золотых приисках Курчума сговаривались идти на Кырк-Тау, прошло 8 лет. Тогда, в памятную осень 78-го, я, помнится, написал одному из своих уфимских друзей, уже побывавшему в пропасти, попросил информацию. Ответ меня поразил! Мой друг писал мне в том прекрасном стиле, что украшал наши отношения в своем кругу, и смысл ответа сводился к следующему: „Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей!“ Посему он мне ничего не скажет о местоположении пещеры. А то я еще, и правда, вздумаю идти в эту ужасную пропасть!

Хорошенькое дело! А ведь КИЛСИ, Киевская, считается теперь чуть ли не самым легким из евроазиатских тысячников.

Многое изменилось в нашем восприятии за эти восемь лет. Но тысячник, каким бы он ни был — не место для увеселительных прогулок. Именно по этим двум соображениям мы и выбрали Киевскую в качестве оселка, на котором предстояло отточить нашу новую технику: с одной стороны — самый приятный из сложнейших, с другой — в случае удачи, никто не смог бы сказать, что пещера слишком мала, чтобы делать выводы.

Готовились серьезно. Негоже было сломать шею на первой же пробе.

* * *

Усть-Каменогорску повезло в отношении скал. Полчаса на городском автобусе — и ты на скалодроме. Меняемся. Коля спускается, а я поднимаюсь на его место новым для нас способом „Дэд“.

— Уй-я! — Этого следовало ожидать. Самое уязвимое место при подъеме — колени.

Мало сказать, что меня всегда влекло попробовать что-нибудь новенькое в технике. Помню, как в 84 году в известной всему казахстанскому кейвингу пещере Агалатас под Бишкеком посетила меня блажь испробовать способ подъема „лягушка“. Тот самый, что очень рекламировался еще в 76 году одной илюхинской методичкой по спелеотуризму¹⁶⁰. И дернул же меня черт начать испытания нового для меня способа в узком щелевидном отвесе на самом дне пещеры — с диким скрежетом вонзились мои коленки в немягкие стены Третьего колодца Агалатаса.

Если сказать, что мне было паршиво, значит, здорово приукрасить. На мой визг со всей пещеры немедленно сбежались репортеры. После кто-то божился, что „весь процесс моего подъема из этого колодца слышал собственными ушами“! В коротком интервью после выхода из пещеры я гневно заклеил всех лягушек на свете и удалился, гордо хромя сразу на обе ноги. Мы уже говорили, что способ подъема „Дэд“ во многих зарубежных публикациях носит название „Фрог“, что можно перевести именно как „Лягушка“. Если это и так, то все-таки это не та „лягушка“, что оставила мне незабываемые воспоминания об Агалатасе.

Нынче нас на мякине не проведешь. Наши с Колей колени надежно защищены пластиковыми наколенниками от скейтбординга — прекрасная, надо признаться, штука для пещеры!

Рядом на стене работает вторая наша двойка — Валера Королихин из шахтерского поселка Белоусовка и лениногорец Володя Кочетов. Вместе со мной и Колей Бердюгиным — это штурмовая четверка грядущей экспедиции на Кырк-Тау. Грядущей? Ох, и летит время! Вроде, только еще обвешивали одинарной веревкой усть-каменогорские скалы, и вот. . .

Сквозь дымку зноя путь лежит,
Тропа змеей скользит к отрогам,
Тропа бежит, как наша жизнь,
Что нами брошена в дорогу.

Бери рюкзак, пора и нам —
Нас ждет нелегкая игра,
И улыбается горам
Наш добрый друг Камангаран!¹⁶¹

Кто сказал: „Азия была так себе — средняя. . .“? Он был явно не прав.

Ах, Ташкент! Ах, Самарканд! Липкий от жары асфальт, жаркий воздух, роскошный азиатский базар. Поезда, мешки, темные от загара и пыли лица. И пески Азии, что неожиданно выступают по сторонам дороги, будто из самой сути желто-зеленой гаммы окружающих пейзажей.

Мы не одни на пути к Зеравшану — в те же сроки проводит экспедицию узбекская экспедиция Володи Долгого из Ташкента. И это прекрасно — потому что помимо встречи с друзьями, в нашем распоряжении ГАЗ-66 Самаркандского совета по туризму, который где-то впереди ввинчивается сейчас в желтую трещину раскаленного ущелья, увозя нашу увесистую поклажу.

¹⁶⁰В. А. Кучин, А. П. Ефремов, Р. Н. Сайфи „Методические рекомендации по организации и проведению учебных мероприятий по спелеотуризму“, ЦРИБ „Турист“, Москва, 1976 г.

¹⁶¹К. Б. Серафимов „Камангаран“, Кырк-Тау, 1986 г.

Горы вокруг, и мы среди гор. Хорошо идти вот так, налегке, слушая, как шумит в бетонном лотке акведука вода ручья Камангаран. Радуются встрече с солнышком карстовые воды Кырк-Тау. В этом выжженном солнцем мире начинаешь серьезно относиться к древнейшей мудрости, гласящей, что: „Вода — это жизнь“. Там, куда мы идем, в глубине пещеры, часто все наоборот: вода — это угроза переохлаждения, смерть.

Пока идешь налегке, как-то не верится, что через пару–тройку часов начнется серьезная работа, имя которой — Ее Пыхтейшество Заброска. В фонограмме к одному из послеэкспедиционных слайдфильмов мой сын, в возрасте шести лет побывавший на Кавказе, глубокомысленно изрекает: „Заброска — это когда все ходят с рюкзаками туда-сюда, туда-сюда и страшно завидуют вертолетам!“

Вот и поляна с одинокой арчой у ручья. Куча наших мешков говорит о том, что дальше колесная техника бессильна. Дальше — тропа. Нам предстоит перетащить сотни килограммов снаряжения и продуктов на полторы тысячи метров вверх по сумасшедшему серпантину.

Не-ет! Днем это невозможно. В Азии заброску начинают на закате.

Так много мыслей на тропе,
Под каждый шаг, под вдох и выдох.
Как рассказать о них тебе?
... Скрипит станок, выдавший виды.

Кырк-Тау — жаркий горный рай.
Нас ждет прекрасная игра!
Укрыла тень ущелья шрам,
И канул в ночь Камангаран.

Рюкзак — пара прикрученных к станине из стальных трубок транспортных мешков с довеском в виде гитары, поскрипывает в ритме ходьбы. В голову лезет надоедливая ритмичная песенка. Перевирая мотив и слова, бормочу что-то вроде: „Пускай твердят, что в технике кишки тонки, зато мы тренированы таскать мешки!“

Тропа поднимает меня вверх по остывающему после дневного зноя ущелью. Жарко, черт! Хоть и солнце садится. Постепенно способность абстрактно мыслить куда-то улетучивается. Тропа бесконечна, сердце, как мотор, легкие — меха. Мысли обрывочны. Главное — не сбить ритм, не задохнуться, не споткнуться на щебенке тропы с двухпудовым рюкзаком.

Шаг за шагом выше и выше. Сумерки. Они пролетают, не успев начаться. На горы по-азиатски стремительно падает ночь. Теперь только фонари наших проводников-ташкентцев указывают путь по едва видимой тропе.

После шести часов подъема мы на плато. Здесь свищет ледяной ветер. Неужели это мы умирали сегодня внизу от жары? Холод пробирает до костей. Оставляем груз на месте будущего базового лагеря и, несмотря на свинец в ногах, спешим оставить негостеприимные вершины. Скорее вниз, в ласковую духоту ущелий.

Благодатна ты, июльская ночь долины! На спуске три часа. Теперь быстрее спать: вылезет утром из-за хребта Огненный Дракон, опалит своим дыханием склоны — не до сна будет.

* * *

По плато в районе лагеря, сколько хватает глаз, растянуты веревки. Уложить их в ранцы — по 130 метров в мешок — непростая задача. Делаем это так. Берешь конец веревки, вяжешь узел (из-за отсутствия такого узла я чуть было не разбился в Сумгане) и метр за метром опускаешь веревку в мешок. Опустить десяток раз, утопчешь ногой. Укладываем аккуратно, чтобы не запуталась на отвесе, и не начались скрутки — проклятье подземных вертикалей. Кончился один кусок веревки, подвязываем к концу другой. С новой техникой нам не надо выгадывать веревки по длине — хватит ли на колодец? Не хватило до дна — нарастим следующую. Лучше всего сращивать веревки на крюке промежуточного закрепления. Но можно и прямо в отвесе. Узел на рапели никогда не доставляет особо приятных ощущений, но теперь мы можем преодолевать его без особых задержек.

И вот сидим на бугорке недалеко от нашей газовой кухни, принимаем к волшебным запахам съестного и, в который раз уже, прикидываем планы будущей работы. Завтра мы идем на рекорд. Два дня назад, в первом выходе в Киевскую, нам удалось спуститься на глубину около —400 метров. Дошли до конца самого длинного меандра пещеры под названием „Дивный ход“. Тем самым мы почти на 300 метров превзошли наше весеннее достижение.

Тогда в пещере Алтайская на Горном Алтае экспедиция под руководством Анатолия Капустяна и Володи Кочетова предприняла первую попытку пройти вертикальную часть пещеры в соответствии с правилами SRT. Парни отступили с глубины —100: сказалось отсутствие опыта борьбы с трением и идейного лидера — за три дня до отъезда мне „повезло“ угодить в больницу и лишиться аппендикса. Экспедиция не пошла дальше к легко достижимому, в общем-то, дну Алтайской, и мы посчитали это самым большим ее достижением. Отступление вопреки возможности „сделать дно“ абы как, на авось — дело очень уважаемое. Так мы начинали постигать культуру работы на вертикалях.

Теперь мы спустились на —400 в Киевской, установив для себя новый SRT-рекорд. Но абсолютно высшего достижения казахстанцев превзойти пока не смогли. В феврале этого же, 1986 года, его установила усть-каменогорская экспедиция под руководством Олега Шищенко. Парни прошли Осеннюю на хребте Алек — все 460 метров ее денивеляции от входа до дна. Дело, конечно, не в рекордах, но спортивное начало живет в нас: где-то глубоко спрятанное, но живет.

Итак, завтра мы идем на рекорд. В основу тактики этой экспедиции мы заложили непривычные с точки зрения всей нашей предыдущей спелеопрактики положения. Вот они:

— в период рабочих выходов каждый член группы должен двигаться по пещере с одним, максимум (на отдельных участках) с двумя транспортировочными ранцами (Долой „вещизм“ в кейвинге!);

— количество подземных ночевок должно быть минимальным — отдыхать лучше на земле (Долой засонь из ПБЛ!);

— необходимо максимально снизить непроизводительные затраты времени под землей: перекуры, сборы, болтовню и „питье чая“ в подземных лагерях и пунктах питания (Минздрав СССР предупреждает — курение опасно для вашего здоровья!);

— отказ от транспортировки мешков путем вытаскивания и спуска их в колодцы на веревке, передачи с рук на руки цепочкой, переноски челноками — переносить груз исключительно „на себе“ во время естественного движения по пещере (Долой спелеогрузчиков!);

— исключить потери времени из-за поломок и неполадок в индивидуальном снаряжении участников штурма — снаряжение должно быть унифицировано и надежно (Долой троглодитов-самоделкиных!);

— индивидуальная техника каждого из членов группы должна быть достаточно высока для того, чтобы избежать неоправданных потерь времени при работе с веревкой и маневрировании на промежуточных закреплениях, а также для того, чтобы каждый мог идти по пещере автономно, без помощи товарищей — только параллельное движение всех участников обеспечивает высокую суммарную скорость всей группы (Долой очереди под колодцами!);

— график рабочих выходов в пещеру должен иметь суточный ритм, исключая противоестественную обычному образу жизни работу по ночам. С соблюдением ритмичного режима питания и сна — прием пищи через 6 часов, сон в ПБЛ не более 8–10 часов, непосредственная работа на маршруте 12–14 часов в сутки (Долой голодных спелеолунатиков, пораженных дистрофией!).

Вот, собственно, и все. С точки зрения всей предыдущей техники спелеотуризма оставалось только мечтательно вздохнуть. Но мы были полны решимости.

5.4. Наперегонки с собой

Есть что-то завораживающее в больших колодцах. Вздрыбленный мир. Гулкое эхо. Мы с Кочетовым стоим на узеньком уступчике, пристегнутые к крючьям. Стена вверх, стена вниз, грохот молотка. Володя бьет очередной крюк.

— Помнишь, как у Джека Лондона? — говорю ему в паузе между сериями ударов. — Вот он — „вкус мяса“!

— Мне тут вообще нравится!

Вовка выдувает пыль из отверстия в скале, вставляет шлямбурный крюк. Несколько мощных ударов молотка, крюк расклинен в отверстии, можно навинчивать ушко, вставлять карабин, навешивать веревку. Пинаю угловатую глыбу на краю полки. Если что-то может упасть, то лучше, если упадет перед нами.

Гляжу на высокий раструб резиновой перчатки — тут на куске лейкопластыря написана вся вереница предстоящих нам колодцев. Спуск в зал Академии Наук Украинской ССР — изюминка КИЛСИ — самый большой отвес пропасти. Если верить топоматериалам: 90 метров вертикали. Гостиницу „Казахстан“ в Алма-Ате без труда можно „вставить“ в эту гигантскую каменную трубу! Черная бездна и мы — на скальной полочке в ее середине.

Навеска готова. Кочетов аккуратно пробует крюк, нагружает, поправляет под собой мешок, из которого паутинкой выползает веревка.

— Ну, я пошел?

— Давай.

* * *

... Мы уже устали. Пусть улыбаются ветераны, за чьими плечами опыт 20–30-часовых рабочих выходов. Здесь нечему радоваться. Всех возможностей человека не знает даже сам человек. Но чего ради терпеть перегрузки?

В альпинизме, где сильно развиты спортивное начало и культ физической подготовки, многие спортсмены поддерживают круглогодичный цикл тренировок, бегают по склонам гор, лазают по деревьям, прыгают по камням, занимаются скалолазанием и регулярно совершают другие полезные физические и технические упражнения. Я не смогу назвать и десятка кейверов, придерживающихся подобного образа жизни.

Кейвинг — это не спорт в полном смысле этого слова. Скорее — это определенный круг интересов, образ отношения к жизни, некая система жизненных ценностей, среди которых обязательным считается поддержание себя в форме, прежде всего, технической. А физически — обычная гиподинамия, повседневная жизнь с невозможностью отрывать от работы, семьи и других неотложных дел часы для систематических тренировок. Многие из нас могут похвастать двумя–тремя детьми, интересной работой. Но — гиподинамия! Повседневная беготня в газу промышленного города — сомнительное и малополезное удовольствие. Увы, нам чаще приходится бегать по магазинам, чем по кроссовым тропинкам.

Неверно представление о покорителях подземных глубин, как о играющих тугой ртутью мускулов суперменах, способных пробежать без одышки десятки километров и проделывающих это постоянно. Споры нет, есть и такие. Но большинству из нас и поработать-то физически на всю, что называется, катушку удается только в экспедициях. Хвастать, конечно, нечем. Но надо это знать и учитывать.

Во времена лестнично-веревочной техники мускулы решали, если не все, то очень многое.

С приходом самохватной техники на пещерных маршрутах началось, по словам „аксакалов“ — „засилие слабых“. Подъем на зажимах требует определенной техничности: то есть отработанные экономные движения, хорошей координации, но никак не выдающихся физических возможностей.

С ростом подземных глубин на первый план выдвигается психологическая устойчивость — способность приспособиться к агрессивным природным условиям, противостоять сильным стрессовым нагрузкам. А также коммуникабельность и терпимость, особенно важные в обстановке ограниченного общения в малочисленных группах подземных экспедиций.

И вот, после „суеты городов“, вырываемся мы на простор экспедиций и начинаем в корне ломать устоявшийся ритм повседневной жизни. Резко взвинчивая физические нагрузки, начинаем работать по 20 часов без передышки, столько же спать, таскать на плечах по 40–50 килограммов, питаться с жуткой аритмичностью, переохлаждаться. В общем, пребывая в эйфории любимого занятия, исподволь получаем всю гамму нежелательных и весьма неблагоприятных воздействий на организм.

И самое обидное, что добрая половина наших усилий тратится непроизводительно, впустую. Коэффициент полезного действия большего числа спелеоэкспедиций крайне мал. Хорошо, если основной целью ставится бесхитрое проведение времени в интенсивном потоотжигающем режиме.

Но если цель — достижение неизвестного. . .

Возвращаешься, сбросив добрый десяток килограммов веса, и думаешь — и этого не сделали, и туда не заглянули, и того не успели. . .

Да. . . Толстых в кейвинге практически нет. Исключения, вроде лидера пермских спелеологов первопокорителя дна Киевской Сергея Евдокимова, странны и редки. Толстым в спелеологии грустно. Да и поджарым нелегко. Сверхнагрузки аукаются потом. Послеэкспедиционную депрессию по возвращении из серьезной пропасти испытал каждый. Приезжаешь по черневший от солнца и пещеры, магнетическое действие гастрономов и кондитерских ощущаешь за три квартала, валит с ног вялость и неудержимый сон. И мысль — вот сейчас бы с недельку просто поваляться! А доброжелательные сослуживцы: „Ну, как на Кавказе отдохнул?“

Во время корделеттного штурма Напры родились эти строчки:

На угольях чернеет нагар,
Завтра нам уходить наверх.
Если скажут, что здесь юга,
Что субтропики — ты не верь.

Здесь туманов белые шали,
Здесь воронок черные пасти,
Здесь, в горах, заблудилось наше
Беспокойное спелеосчастье.

А вернемся, наверно, спросят:
Как там море, магнолий листья?
Ну, а мы — мы уходим в осень,
И октябрь нам дышит в лица. . .¹⁶²

* * *

. . . Мы уже устали, хотя работаем, в принципе, недолго. Всего за час и сорок минут скатились на —400: прошли первые 27 колодцев, на навеску которых позавчера потратили два с половиной часа.

Почему-то энтузиазм в кейвинге как-то иссякает с глубиной. Замечали? Этим, кстати, тоже поверяется класс, уровень подготовленности команды. Способность делать на глубине то же и так же, как неподалеку от входа, получила в последние годы не вполне точное наукообразное название — глубинная психологическая адаптация.

У многих групп, особенно спелеотуристской направленности, способность производить полезную работу, включая тривиальное передвижение и перетаскивание по пещере необходимых грузов, обратно пропорциональна глубине, на которую удалось спуститься. Видимо, это и является причиной загадочного и стремительного убывания числа забитых в устьях колодцев крючьев по мере продвижения ко дну любой пропасти. Киевская, понятно, не являлась исключением.

И вот, после увлекательного нисхождения по нами же оборудованным колодцам, уже 7 часов стучим молотками, устраняя зловерное трение в соответствии с правилами навешивания одинарной веревки. Двое стучат, двое мерзнут. Вторая двойка, в задачу которой входила транспортировка

¹⁶²К. Б. Серафимов „Белые шали туманов“, Напра, 1984 г.

штурмового снаряжения, вышла специально с задержкой по времени. Но догнала-таки нас и теперь мается бездействием. Кто ж думал, что мы будем так стремительно передвигаться по готовым навескам?

Забиваем только самые необходимые крючья и все равно движемся страшно медленно. Мерзнем. Настроение падает. Вопреки своим же планам, перекурить вовремя мы не удосужились. А теперь, вроде, жалко время терять: близок зал „АН УССР“ — наша цель в этом выходе, наша рекордная глубина.

* * *

Через 10 часов после начала спуска лидирующая двойка Кочетов-Серафимов впервые в истории Казахстанского кейвинга переступила отметку — 600 метров. . .

Фанфар не было. Феерическое эхо грохотало по колодцу. Это руководитель экспедиции выражал свой восторг по поводу состояния прибывшей со второй двойкой подземной базы. . .

База оказалась изрядно подмоченной — теперь ее предстояло установить и, мало того, провести в этой луже ночь перед подъемом на поверхность.

Что такое подземный лагерь образца середины 80-х? В простоте — это палатка, спальный мешок на четверых и термоводоизолирующая подстилка. Все надлежащим образом упаковано и снабжено необходимым количеством полиэтиленовой пленки для защищающего от капли тента и „короба“ снизу. „Короб“ — полиэтиленовый лист с поднятыми краями (иначе в палатку может затечь вода) необходим: ставить лагерь зачастую приходится в такое, для чего и слова-то приличного не подберешь. Тем более, в Киевской, где очень мало подходящих для этой цели мест.

Лагерь — это святое. Это обещание отдыха в относительном подземном комфорте. И вот — подмочили! И где? В пещере, где и воды-то по-настоящему нет! Когда первый приступ „радости“ утих, мы с Валерой, изрыгая сквозь зубы трудно переводимые сочетания звуков (которые, тем не менее, почему-то хорошо понятны всему многоязычному миру), выжимаем спальный мешок и принимаемся за надувание коврика.

Мы же не можем без экспериментов! Коврик у нас особенный — из воздушных шариков. Нам предстоит вставить их в специальные ячейки и надуть один за одним — все 64 штуки! Занятие, прямо сказать, не для слабонервных, а тут еще мокрый парашютный шелк оболочки мерзко липнет к лицу и рукам. Плакал наш комфорт!

* * *

Главное в пещере — оптимизм. Что наша база! В 87 году на Арабике группа из шести человек тащила груз к сухому дну пропасти Перовская (система им. В. В. Илюхина). Там, на глубине — 900, должен был находиться установленный предыдущей группой подземный базовый лагерь (ПБЛ). ПБЛ — это значит тепло, относительно сухо и достаточно сытно.

Нет простых километровок. Тем более не проста Перовская-Илюхинская. Можно идти, терпя бесконечное перетаскивание мешков, воду каскадов,

холодный ветер колодцев. Можно выложиться, если впереди ждет суровый, но приют. Кажется, что уже нет сил, но ведь и надо-то еще совсем немного. Еще чуточку! Дотянуть до лагеря и — все. Зашумят примусы, забулькают котелки и — спать, спать! — во влажное тепло спального мешка.

Первый из группы вышагнул за поворот галереи. И не поверил глазам. В голове еще шумел водопад, под которым в ледяном вихре 25-метровой струи сейчас перетаскивают мешки товарищи. Первый протер глаза — лагеря не было. Лагеря не было!

Что значит — на пределе сил оказаться без ночлега, без приюта, без шансов сразу же выйти на поверхность? С –900 на землю не выпрыгнешь! Кто пережил — знает.

Оказалось, что базу смыло паводком. Единственная на этой глубине пригодная для установки палатки площадка расположена у самого ручья. Стоит немного подняться воде и — спасайся, кто может!

Базу смыло до прихода группы. Аквалангисты потом выуживали ее остатки из предсифонного озера метров за 100 от площадки. Единственное, что смогла сделать обессилевшая группа, это собрать весь уцелевший от потопа полиэтилен и устроиться на мокрую холодную ночевку. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не подошедшая через некоторое время ленинградская команда со своим лагерем.

* * *

Плохо, когда все идет на пределе, без запаса на непредвиденные случайности, просто без резерва. Работа на износ и измор лишает удовольствия от пропасти, от самой подземной работы, притупляет осторожность. И тогда кейвинг превращается из развлечения, из наслаждения, из творчества — в тяжелую, опасную и нуднейшую из работ. Так что подмоченная нами база — это далеко не венец возможных поводов для расстройств. Надо только это осознать.

Вода камень точит. Через три часа на месте слякотной лужи среди камней под прикрытием огромной глыбы выросла наша палатка под тентом. Внутри, в подсушенном на сухом спирте спальном мешке, на пухлых воздушных шариках, млела от удовольствия сытая и сонная команда „рекордсменов“. После отдыха и сна нам предстояло вернуться на землю, чтобы через пару–тройку дней попробовать на зуб километровую глубину.

Благословенна будь Киевская!

* * *

Вечер перед решающим штурмом запомнился. И дело было вовсе не в пещере. И не в ожидании ее. Это был вечер Великой Хохмы! А началось с того, что дежурство по кухне возглавил Кочетов.

В который раз все переговорено. Как идти вниз: ночевать или нет на спуске? Или сразу — на дно? По силам, чувствуется, идти на дно напрямик. Но сдерживает необычность ситуации. Высок психологический барьер: до нас никто в стране еще не ходил с поверхности да сразу на –1000 метров! Во всяком случае, мне об этом не известно. От земли — и до дна. . . Заманчиво!

Собираюсь отойти к палатке, чтобы не обонять волшебных запахов кухни, как вдруг слышу голос Саши Тарана (одного из парней-школьников, участвовавших в экспедиции), так вот — слышу голос Саши:

— ... Некогда мне. Я макароны продуваю!

Как охотничья собака, делаю стойку, обмирая от ощущения неслыханной удачи. Поворачиваюсь. О, поэзия Хохмы! Не простой, а Великой Хохмы!

Ну, кто из бродяг-туристов не слышал бородатой шутки-прибаутки о продувании макарон? А кому посчастливилось видеть процесс наяву? Тот!

Саша продувал макароны тщательно. Брал не продутые макаронины из пачки, набирал в рот воды из кружечки и продувал каждую макаронину водой. „Чистые“ аккуратно складывал в кружку „сиротку“.

— Владимир Константинович! У меня вода кончилась.

С водой у нас, как и всегда на карстовом плато, напряженка. Воду топим из снега в разложенной на солнце специальной полиэтиленовой трубе-бане. Снег берем в воронке, соседней входу в пропасть.

— Ну, что ж делать, — не сморгнув бесовским глазом, оборачивается Кочетов. — Придется воздухом продувать. А ты, Игорь, чего стоишь? Давай, помогай!

Школьник Игорь Анисимов чувствовал подвох. Наверняка знал и о хохме с макаронами. И... не смог устоять! Поддался бронебойной уверенности, напористости начпокухне. Робко потянулся к макаронине.

— Давай, давай! Налетай! Быстрее жор будет!

Медленно, чтобы не спугнуть восхитительного зрелища, едва сдерживая приступы истерического всхлипывания, приближаюсь к этому цирку. Мигаю Королихину. Валера — с круглыми от внутреннего хохота глазами, философски замечает:

— А у нас в армии с двух концов продували... .

Это все, это последний аргумент! Королихин недавно демобилизовался из Афганистана. Его авторитет непререкаем. И вот, плотная кучка школьников окружает пачку макарон, и только слаженное фуканье оглашает бескрайний Кырк-Тау... .

Что может быть прекраснее зрелища Новичка, продувающего свою Первую Макаронину у своей Первой Пещеры? Если бы не завтрашний километровый штурм, Кочетова, обессиленного от смеха, прозревшие школьники убили бы пятью минутами позже описываемого здесь восторга. Увы, ничто прекрасное не вечно!

* * *

Между собой договорились — идти, как пойдет. И вот — Пропасть.

В Азии главное — успеть одеться до солнца. Огненный Дракон превращает процедуру натягивания спелеодоспехов в исключительное удовольствие. Знаете, как готовят курицу в фольге? Ну, тогда у вас есть кое-какое представление о процессе, так сказать, снаружи. Кейвер имеет возможность познакомиться с ним изнутри.

Нет уж, хватит с нас острых ощущений! Встаем в шесть утра, завтракаем, в сереющих сумерках рассвета одеваем шерсть, конденсатники,

брызговики, защитные комбинезоны, затягиваем ремни, каски, свет, обвешиваемся железом и штурм начинаем до солнышка.

Покатили!

Есть чарующее упоение в строгой динамике движения по вертикали. Каждое действие отточено, каждый шаг оптимален. Движешься, будто не спеша, соразмеряя себя с предстоящими препятствиями. Сухие щелчки карабинов, шелест веревки, шум воды.

— Свободно!

— Понял!

Луч фонаря режет ночь пещеры. Колодец. Навеска. Самостраховка. Теперь пройти по перилам вправо до крюка. Веревка в решетку — и поплыл вверх колодец, навстречу вылетающим из темноты сверкающим каплям. Слева журчит, точит стену ручей. Неверный шаг... Недоглядел! У-у-ух! Сорвало маятником со стены, закачнуло под душ. Стегануло капелью по каске, по спине, и снова шорох веревки в рукавице. Дно колодца. Дошел.

— Свободно!

— Понял!

Меандр, как колея. Свернуть некуда. Только вперед и вниз. Корявые стены цепляются за комбинезон, за провод фонаря, за снаряжение. Не спеши, не торопись, не дергайся. Плавно — плечами, всем телом. Не рви мешок — он не виноват. Всею виной ты. Аккуратно, присядь, слева под рукой сталагмит, нет, выступ. Нагрузил, держит. Прошел под навесом. Дальше уступчик. Не прыгать! В основе скорости пластика, а не козлиный скок.

А это что? Колодец! А вот и навеска. Идут сзади? Идут. И я пошел.

Колодец распускается перед глазами черно-белой вертикалью. Так — ПЗ, промежуточное закрепление. Все, как учили: встегнул ус, завис на нем, переставил ниже крюка решетку, зафиксировал, переставил пуани, отстегнул ус... Песня!

Откуда-то всплывает в памяти: „А если вы, штатские, такие умные, отчего ж тогда строем не ходите?“

— Свободно.

— Понял!

«Гулом по колодцу,
Гулом по колодцу,
Камень просвистел, как по судьбе,
И на лбу оставил
Светлую полоску
Четкую, как память о тебе...»

Эта уже песенка-переделка белоусовских ребят-бессергеновцев, чью славную когорту представляет сейчас Королихин. Чего только не лезет в голову...

Еще колодец. Ух-ты, какое эхо! „Шестидесятка“, что ли? Сейчас посмотрим. Точно. Это она. Таких монстров в Киевской не так много. Пошел. Узкий довольно пологий желоб с ручьем у ног заваливается все круче в отвес. Первая перестежка, ликвидирующая трение на перегибе колодца.

— Свободно!

Как красиво светится внизу подземный лагерь ташкентской команды. По телефону они пообещали, что будут встречать нас чаем к 10 утра. Что-

то никого нет. Лагерь диковинной декорацией проплывает мимо-вверх — слышно, как лупит капель в тент над оранжевой палаткой, установленной на уступе метрах в 10 над дном колодца. И оттуда, сверху, заспанный голос Акиды:

- Это что, уже вы?
- Пора. Времени-то сколько?
- Так девяти еще нет.
- „Скока-скока?“ — как у Жванецкого.

Отстегиваюсь от веревки, отхожу к стене, отыскиваю под резиновой перчаткой свою „Амфибию“. На часах 8-50! Начали в восемь, пятьдесят минут на спуске, а над нами уже 350 метров? Глазам не верю. Сверху с шорохом планирует Бердюгин. Отстегивается. Толкаю его в мокрое плечо:

- Сколько идем, знаешь?
- ?
- Полста минут!
- Иди ты?
- Точно!
- Ну, тогда вперед!

Какой тут чай, тем более не вскипевший. Ввинчиваемся в серпантин „Дивного хода“. Отсюда до установленного нами накануне „ПБЛ –650“ — 13 навесок с перепадом высот в 300 метров. Этот участок мы проходим за час. Итого идем час и пятьдесят минут! Нет и двух часов от начала штурма, а мы уже на –650. Ущипните меня кто-нибудь!

* * *

Итак, через час-пятьдесят мы в базе в зале Академии Наук УССР под 90-метровым колодцем. Чего тут размышлять? Все однозначно — надо идти на Дно. Сразу же и без колебаний. Позволяем себе короткий перекур у своей палатки и снова устремляемся вниз.

Через 30 минут мы в зале „Дружба“ на глубине около –700. Сюда в прошлый выход заглянули Коля с Володей, пока мы с Королихиным маялись с установкой ПБЛ. Дальше для нас — неизвестность. Вот они, скупые цифры на раструбе перчатки. Кем-то когда-то пройденные и измеренные отвесы. Когда-то и кем-то, но не нами. Для нас впереди мрак.

Теперь постоянно лидирую. Старых крючьев на колодцах все меньше. Своих мы не бьем. Наша задача — проверить, как может идти группа, если крючья для навески уже забиты и остается только навешивать веревки. До этого момента в первых двух выходах мы били крючья сами, поправляли навеску, улучшали ее, устраняли трение — неочевидное сразу нашему неопытному глазу, оно проступало на спусках и подъемах и требовало оперативных действий. Мы учились. И успешно — ни одна веревка пока не была повреждена. Но это не все. Эксперимент продолжался.

* * *

Даже не верится, что это атака на Дно. Веревки вешаю без хитростей, без обвесок и промежуточных крючьев — прямо по стене, с трением на перегибах. Так мы ходили всю жизнь. Правда, рядом была иллюзорная нить

второй самостраховочной веревки или троса. Но шли-то мы все-таки по одной! И эти изношенные многочисленными экспедициями, не стиранные годами, поросшие мхом веревки не рвались! Почти никогда. . .

И кое-кто ведь поверил, что никогда и не порвутся. (Мишаня, Мишаня! . . .) Наши веревки новые, усиленные — 10,5 миллиметров диаметром. Проверенные метр за метром. Четыре человека по ним спустятся, четыре поднимутся. Что с ними станет?

Таков расчет. Боишься — не делай, делаешь — не бойся.

Главное теперь — долго не раздумывать, не терять темп. Напряжение растет. Вяжу узлы, дублирую по всем правилам SRT опоры, оцениваю состояние точек навески: выступов, глыб, проушин в скале — выдержат, не выдержат? Ошибки быть не должно. Сам навесил, сам пошел вниз. Делаю навеску в буквальном смысле, „как для себя“.

Спускаюсь, и веревка послушно выползает из подвешенного к беседке транспортного мешка. На часы не смотрю. Что толку? От этого быстрее не пойдешь. Но чувствую, что темп достаточно высок. Об этом можно судить по тому, как быстро пустеют транспортные ранцы с веревкой. От —650 у нас их три. В каждом по 130 метров. Пока получается примерно один ранец на час работы. Неплохо идем!

Дважды выясняются неточности в доставшейся нам от предшественников схеме отвесов.

Дважды веревка кончается в середине колодцев, и приходится ее наращивать навесу.

* * *

Когда час за часом работаешь в гулкой тишине пещеры, в голову постоянно стучатся какие-то мысли, мелодии, обрывки воспоминаний, часто ничего общего с пропастью не имеющие. Но сейчас пришло по делу — вспомнились Резванские „Легенды о Саакяне“, посвященные Киевской строчки:

«. . . Так как мы пользовались крымской схемой навески, которую нам передал Г. С. Пантюхин, у нас постоянно то появлялись новые (не указанные на схеме), то исчезали обозначенные на карте колодцы. Поэтому к 100-метровому колодцу Антон подошел в полной уверенности, что это 40-метровый, якобы находящийся перед „соткой“, колодец. И начал в него спуск по соответствующей 40-метровой веревке. О своих последующих ощущениях он рассказывал примерно следующее:

„Еду вниз, в правой руке веревка, в левой самохват для самостраховки. Еду, еду, слишком долго еду. . . Думаю, что такое? Вдруг вижу, в руке у меня самохват есть, а веревки в самохвате — нет! (Тоже узлы на концах веревок не вязали! — прим. мои К.Б.С.) Встал на какой-то уступчик, смотрю — из рогатки торчит кусочек веревки с полметра. Чуть присел, она — фь-ю-ю-ть! — вверх, а внизу — ва-ах! — опять колодец!“»

Так Антон Саакян прибыл на тот уступчик большого колодца Киевской, на котором недавно мы с Кочетовым били наш последний крюк перед спуском к лагерю „—650“.

С большим колодцем КилСИ вообще происходили интересные метаморфозы. Сначала, по измерениям первопроходцев, он был „соткой“. К нашему прибытию колодец уже „превратился“ в 90-метровый: верхний уступ 40 и нижний 50. Но все мы отмечали удивительную легкость, с которой этот колодец проходится на подъеме. Все чувствовали, что он идется „почти как «шестидесятка»“ на –350 над нынешним лагерем ташкентцев. После выемки мы измерили навешенную на нем веревку, и К-90 неожиданно „похудел“ до 74 метров: 34 до полки и 40 до дна. Это убедительно объясняло относительную „легкость“ его прохождения. Правда, через год ташкентцы перемерили колодец снова и получили 84 метра. Может быть, мы и ошиблись, может быть.

Удивительный такой колодец. . .

* * *

. . . А пещера стремительно идет вниз. Колодец сменяется колодцем. Меандры остались позади. На дне очередного отвеса натываемся на баллон от акваланга. Дно уже где-то рядом!

Над одной из вертикалей нахожу карабин. Он запутался в бухте брошенного кем-то троса, который теперь постоянно попадает на дне колодцев. Это обилие брошенного снаряжения послужило темой для появившихся впоследствии куплетов:

Снимут спелеологи рваное шмотье:
 Ну друг другу жалиться на свое житье!
 Карабинов нету, троса негде взять,
 Все такие бедные, что сказать нельзя.
 Ну а в той же Киевской, ниже пятисот,
 Тросом все завалено: тросик—первый сорт!
 Провода—немерено, всякого добра. . .
 Что-то нет желающих слазить и забрать!¹⁶³

Вот он—последний отвес. Шестидесят первая навеска, если считать от входа. Я узнаю его по описанию первопроходцев:

«. . . Колодец прервался выступом и раздвоился на две „штанины“. Шевчук бросил веревку в левую (в левой просто воды меньше лилось на голову) и начал спуск. Внезапно он заметил, что стенки раздвинулись и ушли в темноту, потолка не видно было давно, и дна свет лобного фонаря не достигал»¹⁶⁴

Колодец не раздваивался. На два желоба его разделяло вертикальное ребро. В левый желоб воды действительно шло меньше. Хватит ли нашей последней веревки? Судя по описанию, этот последний колодец—ни много, ни мало—25 метров. Восьмиэтажка.

Спускаюсь. Стены расходятся. Вода с шумом бьет в чернь воды под стеной. Откачиваюсь на выступающие из озера глыбы у левого берега.
 Дно!

¹⁶³К. Б. Серафимов „Песенка о тесноте и бедноте“, июль 1986 года Экспедиция КилСИ-SRT-86.

¹⁶⁴Ю. Рост „Пропасть“, „Комсомольская правда“, октябрь 1976 г.

Один за одним вниз съезжают ребята. Поднимаемся по глыбам от воды. Черное озеро уходит в дальний конец зала под сводчатый потолок. На камнях баллоны, свинцовые груза подводников, крышка кислородного аппарата. Последними в озеро ныряли красноярцы. И Володя Коносов говорил мне, что, вот тут, под самой стеной, пройдя ход между глыбами завала, увидел над собой зеркало воды. Увидел, но вынырнуть в него не смог — запутался страховочный шнур, и Коносову пришлось вернуться. Последующие попытки ничего не дали. Вода стала мутной, и проход между глыбами найти не удалось.

Мы на Дне! Над головой добрая тысяча метров скалы. Это трудно представить.

Мы спускались пять с половиной часов. Слышите? Всего пять с половиной часов! И это трудно представить тоже. Много не укладывается в голове. Это не просто рекорд глубины казахстанского кейвинга, хотя 1000 метров — это уже само по себе немало. Это первая тысяча, пройденная нами, пусть с некоторыми допущениями, но в основном от начала и до дна пройденная в соответствии с новой для нас техникой SRT — техникой одинарной веревки.

Дебют состоялся. Да здравствует SRT! Мы — первая группа в СССР, которая может сказать, что спустилась на –1000 быстрее, чем за 6 часов работы. И это тоже немало.

Бродим по завалу, собираем на память галечку донного озера. Устанавливаем на стене самодельный жестяной вымпел. Надо перекусить. Молча хрустим при свете свечи шоколадом. Он замерз и колется, как стекло.

Четыре папы Карло
Сидели на завале,
И в чернь уставясь озера,
Жевали шоколад.
На дне сидели парни,
О дно стучали капли,
И каждый был как будто
Победе и не рад.¹⁶⁵

Еще через 6 часов мы вместе со всем навесочным снаряжением и парой тяжелых владивостокских мешков с тросом (ребята попросили достать) были в ПБЛ „–650“. Можно было бы сегодня же выйти наверх. Самочувствие позволяло. Но зачем ломать график? Зачем работать через силу? А мне так не хотелось расставаться с пропастью, ставшей вдруг такой близкой. Вернемся ли мы сюда когда-нибудь?

Тогда, в июле 1986-го, мы еще не знали, что вернемся, но уже без весельчака Кочетова. Вернемся, но пропасть готовит нам тяжкие испытания, по сравнению с которыми наш сегодняшний успех — всего лишь загородная прогулка. И будет это через год.

А пока экспедиция заканчивалась. Первая в СССР SRT-экспедиция.

¹⁶⁵К. Б. Серафимов „Четыре папы Карло“, 16 июля 1986 года плато Кырк-тау, первая советская SRT-экспедиция.

* * *

С пулеметным треском бьется на ветру флаг над палаткой. Жаркий ветер Кырк-Тау истрепал, изорвал его край. Желтый флаг — свет, красный круг — солнце, черные треугольник углом вниз — путь. Флаг нашего клуба „Сумган“.

Как жаль — кончается игра!
Наш путь лежит к другим горам.
Что ж, до свиданья, нам пора.
Ты помни нас, Камангаран!

6. Нейлоновая дорога вниз

6.1. Первая Международная

Сразу же после Киевской наш путь лежал на Кавказ. 1986 год можно считать годом зарождения SRT в нашей стране. Каунасский клуб, до того лидировавший, вдруг отступил в тень, и вся тяжесть (и сладость!) первоисследований пришлась на долю восточно-казахстанцев. Мы не роптали. Тем более что Судьба благосклонно взирала на наши старания догнать мир. Иначе она не свела бы нашу экспедицию с болгарской в августе того же года.

Тем августом поляна „Сувенир“ в полутора сотнях метров ниже входа в Снежную была похожа на диковинный город бродяг. Тут и там палатки и полиэтиленовые навесы, сооруженные из подручного материала столы и лавки, тянутся провода телефонных линий, снуют с рюкзаками и налегке многочисленные спелеологи.

Торная тропа под сенью густо покрывающего склоны букowego леса от Дурипша¹⁶⁶ к Сувениру густо усеяна путниками. Здесь таскают свои мешки парни из Москвы и Ленинграда, Старого Оскола, Казани, Магнитогорска, Ростова — кого только нет!

Но главная новость на тропе — идут иностранцы! Кто? Откуда? Никто не знает точно, но — идут, вроде бы, на Снежную. О-о, как интересно!

И уже отступила вдаль дорога на Кавказ — через аэропорты, вокзалы, автобусы. Будто телеграфным пунктиром выхватывает память путевые картинки.

... Проводы в Усть-Каменогорске. Андрей Волков:
— Ребята! Привезите мне три литра Черного моря!

... В аэропорту Петропавловска откуда-то из толпы появляются отставшие от группы приятели Понтя и Бондя (Андрей Суртаев и Олег Бондаренко). Несут какие-то сумки, по виду не наши. Кто-то удивляется:

— Откуда это вы?

— Бабушка вот попросила помочь... да не догнала!

... Кто-то в самолете на Адлер „читает“ вслух газету:

— Сообщение ТАСС. В районе Бермудского треугольника бесследно пропали три американских истребителя „Фантом“. С нашей стороны потерь нет...

И даже море — такое ласковое синее-синее море, которое кто-то под плохое настроение назвал Черным — тоже уже позади. Теперь перед нами тропа, отмеченная, как украшенная, легендарными названиями: поляна Рододендронов (+440 м.н.ур.м), „Белые стрелы“ (+500), Явор (+735), „Тыща“ — она и есть +1000, „Балаган“ (+1200), „Банка“ (+1430). И, наконец, — верхняя граница леса — поляна с озерком и гротом. Местечко со странным

¹⁶⁶ **Дурипш** — абхазское селение у подножия хребта, откуда начинаются пешие подходы к Снежной и Меженного.

для нашего слуха абхазским названием Хуп-Хулцва (+1750). Теперь и до Снежной рукой подать.

Так бы шлось, как пишется!

Хуп-Хулцва — Хипстинский перекресток. Здесь тропа расходится: направо — к Снежной, налево — к Меженного. На границе леса решили заночевать. До Сувенира недалеко, но здесь есть дрова, а часть нашего груза еще внизу. Так что ночуем.

Не успели расположиться — ба-а! — что за гости? На тропе Владимир Дмитриевич в паре с Антоном Арсеновичем: для моих ребят Резван и Саакян — живая легенда!

— На Снежную?

— А то куда же!

— Отлично. Значит, увидимся!

Идут знакомые и незнакомые. Все свои. Все одного братства-племени. К вечеру через нас прошли болгары. Из Софии, клуб „Алеко Константинов“. Заблудились на подходах. Теперь идут к Снежной. Болгар пятеро. Почему мало? Этого достаточно.

И для Снежной?

* * *

Счастливый „билет“ принес Резван. Мы только что вернулись из поиска в районе Меженного и разбили лагерь на Сувенире. Тут царство гостеприимных ленинградцев во главе с Мишей Ивановым. Как и все уважающие себя спелеологи со стажем, Миша на Бзыби с женой и двумя сыновьями — 4–6 лет. Прекрасная компания нашему с Любой Алешке, готовящемуся этой осенью осчастливить своим появлением начальную школу.

Так вот, Резван сообщил, что болгары напрочь поругались с Лисицким и теперь в затруднении. К слову, старооскольский лидер Лисицкий Сергей Дмитриевич личность в советском спелеотуризме по-своему примечательная. Известный в просвещенных кругах под прозвищем ЛСД, Лисицкий отметил свое пребывание в кейвинге тем, что первым в СССР оформил звание „Мастер спорта“ по спелеотуризму — старички как-то не удосужились позаботиться о регалиях...

— Итак, болгары в затруднении, так как им хотелось бы иметь проводников по Снежной, — продолжал Резван, поглядывая на меня своим острым глазом и усмехаясь в усы. — А почему бы эту партию не озвучить на казахском?

(Знаешь, — как-то при очередной встрече в Адлере сказал мне Резван. — Я, кажется, начинаю понимать казахский язык. Когда я получил телеграмму: „Прилетаем девятого с грузом“, то сразу понял это так: „Нужна машина!“).

Лингвистические успехи Володи Резвана пришлись как нельзя кстати. Стоит ли говорить, что мы немедленно приступили к реализации этой идеи и предложили болгарам мои услуги в качестве „полупроводника“ — я знал пропасть только до –700. Так начиналась первая (снова Первая!) в истории казахстанского, да, кстати, и советского кейвинга международная SRT-экспедиция на Бзыби: „Сумган“ Усть-Каменогорск — „Алеко“ София.

* * *

— Фику-ус! Свободно?

Снизу, из ледяной пасти пропасти, несется неразборчивый текст из числа тех, что доступны для понимания вне зависимости от подданства. Видимо, Филипп Филиппов основательно запутался в паутине ленинградских и старооскольских веревок. Чего ожидать, если в пропасти одновременно работают сразу несколько групп, и каждая норовит сделать свою навеску? Мы еще не доросли до соблюдения очередности на маршрутах экстракласса. А может быть, это и к лучшему. Тем более, если размеры пропасти позволяют. Но накладки в таких случаях неизбежны.

Наконец, Фил распутывается, обходит подальше стороной уже час как медленно и обреченно ползущую вверх одинокую женщину из числа ленинградцев. (Миша Иванов проводит здесь учебные сборы, и такие картины на Ледовой части не редкость).

— Свободно!

Мы с Филиппом несем вниз груз, в то время как Розалин навешивает веревку где-то впереди. У меня горят глаза. Я, как губка, впитываю увиденное и услышанное от болгар. Мы впервые знакомимся с SRT не по книжкам и самоучителям, а воочию.

С какой удивительной легкостью болгары обходят трение! Элегантно. Их трасса уходит в сторону от путаницы веревок в сужении у грота Гвоздецкого и идет теперь по нетрадиционной левой стене пропасти.

Вот что такое „динамическая защита навески“. Два крюка несут нашу жизнь в начале каждого колодца, два закрепления — основное и дублирующее (ОЗ и ДЗ). Если дублирующее расположено выше и основной крюк вылетит — связующая закрепления веревка сразу же натянется и примет остаточную — избыточную после разрушения ОЗ, энергию рывка. А если пещера не дает сделать дополнительное закрепление выше дублирующего? Если исключить трение можно только вбив основной крюк выше по уровню? Вылетит он — и пока не натянется связующая крючья веревка — снова полет! И новый рывок! Можно ли уберечься в этом случае?

Можно. Вот Розе забил два крюка и связал их двойным узлом, так что хоть и выше дублирующего стоит основной крюк, но узел, их связующий, — ниже! И рывка, стало быть, можно не бояться. Мы читали про это и в Киевской применяли. Но коряво. Все норовили основное закрепление пристроить ниже дополнительного, а в итоге неудобства с пристегиванием, да и выбираться из отвеса — сплошная акробатика. А тут — красота!

А вот об этом мы и не читали. Позднее мы назвали этот прием: применением „допустимого“ трения. В Большом колодце Снежной необычно тихо. Почти нет ручья! Лето 86-го выдалось на редкость сухое. И колодец теперь виден, что называется, во весь его гигантский рост. Уходит куда-то в бездонно черное небо веревка, теряется во мраке, и только страшно высоко — яркая звездочка. Качается, поворачивается в стороны, мигает — человек на подъеме. Надо же, как высоко-то! Это если снизу смотреть, из Университетского зала.

Сверху видно не так хорошо. Разве что с веревки. Когда повисаешь в пустоте этой каменной трубы, такой себя мелочью начинаешь ощущать, что просто неудобно за Человека. За того, который звучит гордо. Что мы в сравнении с Природой? Мы — частичка ее, безумно возомнившая себя

выше целого, себя—вправе решать и изменять?

Веревка на Большом колодце—толстый французский „Беал“. Что называется, берешь в руки—маешь вещь! Она идет через перегиб карнизом нависающего края колодца, и уже там встречает крюк. Дальше трения нет совершенно, но вот карниз! Показываю это дело Камену Боневу, прозванному среди своих Чируз. Чируз—с болгарского, вяленая рыбка—удобно и однозначно. А то первое время, когда я, стесняясь назвать иностранца прозвищем, окликал его по имени: „Ка-амен!“—народ, рефлекторно реагируя на грозное предупреждение, тут же принимался прятаться кто куда, в ожидании обещанного, вроде бы, камня.

Так вот, показываю трение Камену. Чируз качает головой, улыбается:—Это трение не страшно. Тут мало ходишь—один-два раза только. Потом уже вылезает. Понимаешь?

И действительно. Что станет с веревкой, если за время экспедиции ее пару десятков раз шоркнуть о камень с усилием, равным весу человека или чуть большим? Ничего. А то и шоркать не придется. Если еще во время перестежки установить свой пуани выше места трения. Установил, встал на педал—стремя трется, а веревка навески так и не коснулась страшного на вид скального ребра. Ну, это уже технические „заморочки“, как говорится. Но учиться им было одно удовольствие!

* * *

Снежная бурлит. И вид у нее какой-то иной. Приветливее, что ли, кажется холодная Царица Кавказа. И ей в диковинку иностранцы. Глядит, приглядывается: пустить—не пустить?

Пустила. Как ни старался Данила Усиков—патриарх Снежной (чувствуете, какие люди собирались тем летом на Сувенире?), внести смуту в души болгар рассказами о грозных снежинских паводках, те только улыбались. В итоге Усиков пообещал поставить ящик „огненной воды“, если болгарам удастся пройти ниже –1000 метров. И проиграл. Рассказывали, что после 13-дневного штурма и возвращения со дна на поверхность первыми словами руководителя софийской пятерки Орлина Атанасова были:

„Где Усиков? Пусть Данила идет в Дурипш купить ящик водки!“

Но Усиков к тому времени был уже далеко по ту сторону хребта Раздельный. Неисповедимы пути спелеолога!

* * *

Наша усть-каменогорская команда дошла только до зала Победы на –700. Ниже не планировали. За пять лет до этого—в августе 81-го, мы с москвичом Лешей Лацисом затратили на подъем от зала Победы к солнышку 29 часов непрерывной работы (включая, правда, 5-часовой перекур-полудрем в Галерее наверху Большого колодца).

В 86-м управились за 14. Из них часок попили чай у гостеприимных ленинградцев в Университетском зале. Как-то проще, веселее, что ли, получалось. Одинарная веревка ощутимо сэкономила силы, поднимала настроение.

В тот выход мне повезло возвращаться из Победы в компании, состоящей из жены Миши Иванова — Лиды, уфимца Рима Байкова и Антона Саакяна. Оставив болгарам свой гидрокостюм, который должен был им весьма пригодиться в районе Глубокой реки, я отправился наверх с этими великолепными попутчиками.

Кстати, не все болгары направлялись ко дну Снежной в сухих советских гидрокостюмах. Как ни уговаривали мы Розалина сменить свой неопрен на наш „Тигур“, Розе так и не согласился. Плохо говоря по-русски, он все больше улыбался, отмалчивался, покачивал головой. Потом что-то коротко сказал.

— Он говорит, — перевел Чируз. — Даром я что ли отдал за этот неопрен 500 левов? Теперь они должны меня согреть до самого дна!

Остальные болгары оказались благоразумнее и, думаю, не пожалели.

Попрощавшись с уходящими ко Дну, отправились мы на поверхность. Я замыкал нашу команду, и на участке Мелкой реки пару раз воспользовался дружескими спинами Рима и Антона — им пришлось перетаскивать меня через особо глубокие места у водопада Мойдодыр. Так цепочкой мы и поднимались, иногда собираясь, иногда растягиваясь так, что теряли друг друга из виду. В такие минуты мы шли каждый сам по себе, каждый один на один с пещерой и своими мыслями. В одном из завалов, послышался мне впереди голос Антона Арсеновича. Антон не видел, что я уже рядом. Он стоял на коленях в глиняной слякоти на вершине Второго завала, в великом изумлении смотрел на свои неимоверно грязные ладони, раскачивался всем корпусом и стонал:

— Что я дэ-ла-ю?!..

Когда по окончании очередного курса института надо было выбирать между военными лагерями и экспедицией, Резван поступил в соответствии с древней спелеологической мудростью: „Если работа мешает пещерам — бросай работу!“ И я вспомнил, как в 81-м году в зале Победы Володя вот также глубокомысленно изрек:

— На что я променял свои лейтенантские погоны?..

Как редок ты, Миг Прозрения!

* * *

Мы работали на одинарной веревке, но нас все еще мало кто принимал всерьез. ЛСД из своего подземного лагеря в Лабиринте так и прямо кричал в спину нашим парням: „Самоубийцы!“

Другое дело — болгары! Болгарская техника (а соответственно и наша) привлекала всеобщее внимание. Мы как бы подпирали болгар, служа некоей иллюстрацией на заданную тему. Если бы на одинарной веревке работали только иностранцы, кое-кто мог бы сказать: „Ну, конечно! С их-то веревками и снаряжением!“ Что-нибудь в этом духе. Но мы делали то же самое на своих веревках и самодельным снаряжением.

После демонстрации болгарами СРТ на небольшой скалке с надписью „1800“ близ лагеря брожение усилилось еще больше. Кто агрессивно критиковал, кто соображал молча, прикидывал. Кто — что. Теперь Бзыбь раздирали противоречивые страсти. Чего греха таить — многим хотелось, чтобы Снежная срезала, отразила атаку нахалов-болгар: впятером да по

одной веревке, да на Снежную! А вот вам! Это вам не по Европе бегать!

И интересно было. Наши мастера-самодельщики подолгу вертели в руках фирменные зажимы, щелкали пьезозажигалками карбидных ламп, щупали фольгированные термозащитные костюмы — рексотермики.

— Говорят, в нем тепло, — улыбается Чируз.

— А ты что, в нем не ходил?

— Ходил. Но я этого сказать не могу!

Все же слабый отблеск болгарской славы падал и на нашу команду. „Доблестным казахстанским десантом“ назвал ее Антон. Навешивая параллельно болгарским свои веревки, мы оказывали малочисленным собратьям-славянам из Софии посильную помощь в транспортировке груза. Особенно кстати наша поддержка оказалась после катастрофического извержения старооскольского мешка в ледовой части пропасти. Этот случай, едва не поставил под срыв едва начавшуюся болгарскую экспедицию.

... Пять увесистых транспортных мешков виноградной гроздью скользят подо мной вдоль стены. Вот в чем преимущество транспортировки грузов на спускере — спусковом устройстве. Повесь я эту вязанку на плечи — просто задавило бы весом за эти долгие, переходящие в часы, минуты спуска по 200-метровой ледяной трубе. Не говоря о том, что перевернуло бы при случае вниз головой.

Семнадцать крючьев предстоит пройти, прежде чем совершишь „посадку“ на вершину снежного конуса дна Большого зала. Чтобы выстегнуть из очередного крюка самостраховку, упираюсь в педал обеими ногами (тут уж на руках по-пижонски не подтянешься!), и тогда чувствую, сколько несущ на себе. Но стоит опуститься на решетку или на самостраховочный ус, и давящий вес улетучивается. До сих пор не перестаю радоваться этому ощущению свободы на вертикалях.

Ниже меня, снова первым номером, спускается Фил Фикус. Если у меня пять ярких красно-желтых французских мешков, то у Фила — один. Зато какой! Черный, почти тридцатикилограммовый монстр. Таким мешкам в бытность многомешочных штурмов обязательно давали имена: Вася, Федя, Амбал... мешочки с ласковыми именами! Как болгары собираются тащить этот „подарок“ по пещере — не представляю. Мешок-гигант уступил болгарам ЛСД. Как потом утверждали злые языки — не без злого умысла. В него впихали все, что не вошло в и так многочисленные транспортники болгарской команды. И вот — спуск.

Жерло Снежной в этом году распахнуто совершенно удивительно. Нижний край начинающегося из-под входного колодца наклонного снежника круто падает в отверстую черную пасть. С каждым метром мы все глубже погружаемся в прекрасный сурово вздыбленный мир камня и льда. В подступающем мраке постепенно растворяется голубоватый свет земли, и пронизанный им лед рисует над нами причудливые контуры сказочных персонажей. Сегодня в стволе пропасти удивительно безлюдно. И это хорошо. Вчера камнепадом, что обильно „дождит“ с вытаивающей под входным отвесом осыпи, накрыло двойку ленинградцев — над Кривым колодцем, что метрах в 100 ниже. К счастью, ребята отделались легкими травмами.

— Свободно!

— Понял!

Эхо привычных команд, гулкая музыка пещеры. За дни штурма мы уже здорово породнились с Филом, сошлись с остальными ребятами из „Алеко“,

перемешались с ними. Порой происходят забавные эпизоды. Как-то стоим на расклиненной между стен глыбе над Кривым колодцем. Филипп очищает сопло ацетиленовой горелки своей лампы, я курю — в красном болгарском комбинезоне и в своем белом шлеме я себе весьма нравлюсь. Снизу поднимается двойка парней: не то оскольцев, не то москвичей. Торопятя, видимо. Потому что первый вопрос:

— Скажите, пожалуйста, время?

Надо же, как вежливо!

Гляжу на свою „Амфибию“, отвечаю, слышу:

— Спасибо! — и через некоторое время улавливаю в отдалении: — Скажи-ка! Болгарин, а как по-русски здорово говорит!

... Когда работаешь в пропасти, мозг автоматически фиксирует все отклонения от привычного, от некоей устоявшейся нормы. Поэтому сразу, еще подсознательно, отмечаю какой-то необычный шорох. Шорох, короткий шлепок, шелест и свист. Тишина.

— Фил? Что случилось?

— Нэ разбираю!

— Может, мешок что-нибудь?

— Нэ. Торбата э тука... Ах, майка му стара! Дявол да те земе!

— ... ?

Мешок был на месте. У мешка не было дна! И теперь все его содержимое с шелестом несло по бобслейной трассе ледового колодца. А там, в сотне метров ниже, спускается ничего не подозревающий Розе. Безмолвной смертью пахнуло из пропасти, мгновение назад еще такой добродушной и приветливой.

* * *

... Болгарское правительство должно бы наградить меня орденом за спасение национального флага. Флаг болгары припасли для водружения на Дне. Так же как и бутылку „Наполеона“. Коньяк через все трудности долгого пути прибыл ко дну без особых происшествий. А вот флаг без моей помощи не добрался бы ни за что. Мне посчастливилось натолкнуться на него в снежном месиве размазанного по конусу содержимого болгарского мешка. Справедливости ради надо признать, что мешок-то был все-таки старооскольский, причем злые языки опять-таки утверждают, что единственный предмет снаряжения советского производства, мешок — и тот не выдержал SRT!

Но все это было потом. А пока нам с Филом ничего не оставалось, как поспешить вниз вслед за удравшим снаряжением. Правда, не в таком высоком темпе. И вот мы на конусе. Зрелище ошеломляющее. Разбросанные по снегу гамаки, расплющенные канистрочки из-под бензина для подземной кухни, вывернутый наизнанку примус, какие-то обрывки и обломки. Но это было не главное. Еще на подходе к последнему спуску в Большой зал по шахте густо потянуло ацетиленом. Это интенсивно разлагались запасы болгарского карбида из вдребезги разбившихся резиновых упаковок. С гулом прошли они над головой Розалина, по счастью не оказавшегося на пути собственного снаряжения, устремившегося в пропасть быстрее своих хозяев.

А аптека... Какая была аптека! В металлические контейнеры были упакованы все чудеса западноевропейской фармакологии. „Эту ампулу выпьешь, когда устанешь“, — поясняли мне ребята, как использовать мою индивидуальную упаковку. — „Эту — если не сможешь быстро уснуть в лагере. А вот эту, большую, когда совсем плохо будет!“ Свою личную аптеку я так и не распечатал, а вот базовая сокровищница застряла в середине Кривого колодца на небольшой скальной полке. Достать ее вызвался Олег Бондаренко, но... от Судьбы не уйдешь. Котелок с аптечкой сорвался вниз и догнал остальную кучу.

— Теперь будем, как все, в пещере кушать, — прокомментировал потерю аптечки Камен. — По три с половиной тысячи больших калорий в день.

— А с аптекой как планировали?

— Ну-у! Минимум по 7 тысяч...

Это вам не сухарями хрустеть!

За карбидом пришлось спускаться в Дурипш, что отсрочило штурм на двое суток. Дырявый мешок-бомбардировщик вручили торжествующему в тихушку ЛСД. Останки изувеченного снаряжения похоронили в снегу. А остатки биостимуляторов допили из раздавленного котелка там же на конусе — по кругу: не пропадать же добру!

* * *

Не только Снежная была полигоном для дальнейшего изучения SRT. Второй вход в систему — шахта Меженного, до отметки —380 метров представляющая собой сплошной каскад колодцев и уступов разной величины, тоже не была обойдена нашим вниманием.

Мой шестилетний сын Алешка покрыл себя неувядаемой славой, заявив:

— Хочу в Меженного!

— А почему не в Снежную?

— В Меженного темней!

Именно в Меженного в победном шествии SRT прозвенел первый тревожный звонок. В одном из колодцев с высоты около 7 метров упал усть-каменогорец Ержан Аюпов. Резкого в движениях казахстанского „десантника“ не выдержала изношенная до предела ленинградская веревка. Выручил мешок, с которым спускался Ержан, удачно оказавшийся между ним и скалой и смягчивший удар падения. Транспортные мешки, несомые на себе в процессе движения, еще не раз выручали нас в дальнейшем.

Обрыв веревки. Серьезный сигнал. Нет, техника здесь оказалась ни при чем. Причиной любой аварии всегда является человек, действия или бездействие непосредственных исполнителей. В том спуске в Меженного наши парни нарушили практически все, что смогли: идти по одинарной — непроверенной — изношенной — чужой — навешенной как попало с диким трением на перегибах веревке — нормальное самоубийство! И это несмотря на то, что готовились, тренировались, теоретически изучали все правила и строго договаривались их не нарушать. Блажен незнающий. Пренебрегающий, зная — безрассуден, а порой преступен. Нарушили, понадеялись на авось, и — закономерный итог. Так постепенно мы на практике убеждались в необходимости строгого соблюдения канонов SRT.

* * *

Есть такое понятие — послеэкспедиционный банкет. В 86-м году мы устроили банкет по итогам сезона. На великолепных, испеченных Любой, пирогах гордые цифры: –1000 и –700. Загорелые лица, какие-то непривычно цивильные причесанные лики. Скатерть на полу — наш спелеодастархан, ребята, девчонки — плечо к плечу. Кочетов теребит гитару.

Когда под крыльями Кавказ,
А облака — белее гор,
Мне память, будто на заказ,
Напомнит песню давних пор:
 Бзыбь, Бзыбь, горное лето
 Эй, друг, помнишь ли это?

Буки и дождь,
Солнце, как нож,
Облако надвое режет.
Море внизу,
Мыс — словно зуб,
Где же вы, где же вы, где же?¹⁶⁷

... А я иду по Снежной, с каждым движением приближаясь к Солнцу. Раньше я никогда не видел пропасть как бы целиком — от первых до последних метров пути. Раньше бесчисленные подземные дни сливались в путаницу завалов и колодцев, мешков и страховок. За экспедицию каждый участок пещеры проходишь максимум дважды — вниз и вверх. Что можно успеть увидеть, узнать, запомнить при такой работе? Что можно почувствовать, кроме усталости?

Рассказывают, что когда Всесоюзная экспедиция илюхинцев безуспешно пыталась найти проход через Пятый завал Снежной, съемками кинофильма занимался профессиональный оператор, обессмертивший свое краткое пребывание в Снежной фразой: „Я был в пещере дважды — первый и последний раз!“ Это так, к слову.

И вот я иду по Снежной в непередаваемой музыке движения. Гармония этого, казалось бы, неспешного пути наполняет меня тихой радостью. Пещера — такая знакомая, совсем не враждебная — за время своих скоростных „нырков“ вниз мы прошли по ней много раз.

Удивительно! Я жду вертикалей. Их всегда ждешь. Сто шестьдесят вздыбленных метров Большого колодца — будто рубикон на пути к земле. . . Теперь я жду их иначе. Я стремлюсь к вертикали, как к удовольствию, как к лакомому куску. Лаконичное пощелкивание снаряжения наполняет меня уверенностью. Шаг за шагом вверх. Я не тороплю окончание колодца, как в детстве не торопишь исчезновение последнего кусочка мороженого.

Напротив — как хорошо, если бы он подольше не кончался! Фантастика ощущений. Это больше не работа, не трудовое достижение, не преодоление себя. Радость кипит в крови. . .

Ледовая часть. Кошки на ногах вонзаются в податливый лед. Крюк — перестежка.

¹⁶⁷К. Б. Серафимов „Горное лето“, Адлер, 1986 г.

Маятник влево за выступ стены. Вперед и вверх. Крюк. Перестежка выше.

Неужели и эта песня сейчас закончится? И уйдет в прошлое этот опрокинутый мир?

Снова маятник влево. В этом сужении колодца я недавно буквально „поймал“ камень, сброшенный в нескольких десятках метров выше Филом: не смог вовремя уйти, закачнуться за выступ, не успел. И камень тоже не успел разогнаться на извилистой трассе колодца, ударил в грудь и застрял за пазухой. Кусочек Снежной величиной с кулак. . .

Как голубеет лед! Неужели скоро земля? Почему мне так не хочется выходить?

Дело не в пропасти. Вернее, не только в ней. Я снова, уже в третий раз, не дошел до дна Снежной. Но я обрел друга. Наша новая техника— это она дарит радость, потому что экономит силы, высвобождает их, оставляет не только на работу и самосохранение, а и на удовольствие от происходящего.

Я иду по Снежной. Я обретаю второе дыхание в кейвинге. Еще не закончив начатый путь, я уже снова хочу под землю. Свет! Все. Как жалко расставаться с тобой, Снежная!

Твой ветер холодит мокрые щеки. Да нет же — это капель. Не успел вернуться от ледяной струйки в гроте Гвоздецкого. Удивительно соленая капель. . .

А утром неба синева
Обнимет моря синеву,
И станут так бедны слова,
И так бездонен каждый звук.
Ах, Бзыбь, южное лето,
Дай срок — вспомним и это!

Белый ручей,
Глотки пещер
Нам подпевают, как прежде.
Лица ребят,
Штурма азарт,
Где же вы, где же вы, где же?

6.2. На красноярском оселке

Если Володя Киселев распахнул для нас двери своей библиотеки, то другой Володя — Резван, оказал поддержку новой в Союзе технике действием. В ноябре 86-го года мы с Резваном оказались в самом сердце спелеологической Сибири и Дальнего Востока — Красноярске. После ряда успешных учебных мероприятий на Кавказе Резван был приглашен красноярцами руководителем семинара инструкторов. Так что сражаться за SRT теперь предстояло на „чужой“ территории. Более того, нас ожидала нелегкая задача пропаганды техники одинарной веревки с официальной трибуны Всесоюзного ранга, в то же время не вступая в открытое сражение с существующими спелеотуристскими правилами.

В Красноярск съехались представители спелеоколлективов всей страны — от Киева до Владивостока. Будущие инструкторы, наставники. Хочешь

отстоять свою школу — учи учителей. Легко сказка сказывается. . . Что там говорить — не только в кейвинге все новое с трудом пробивает себе дорогу. Скованный административным диктатом самодеятельный туризм стал зеркальным отражением общей обстановки в стране того времени.

В 1986 году хождение по одинарной веревке, а, следовательно, SRT, все еще официально запрещено. За соблюдением „законности“ зорко бдит цензура маршрутно-квалификационных комиссий. Весь парадокс в том, что в их составе — такие же общественники, любители, с теми же проблемами, горестями, мечтами. Зачастую — это друзья по совместным экспедициям, что называется — не чужие люди.

Порочность системы самодеятельного, спортивного туризма проявлялась не только в наличии двух противостоящих кланов: „официальных“ и „диких“, но и в необходимости при официальном оформлении документов идти на всевозможные искажения, подлоги, приписки и недописки в маршрутной документации. Что было делать? Выполнить все многочисленные требования для того, чтобы соответствовать формальным требованиям, было почти невозможно. При желании всегда можно было найти слабое место и у самой подготовленной команды.

Но если МКК „зарубит“ маршрут — пропадет отпуск, затраченные на подготовку время и средства, рухнут планы, не подтвердится разряд или не состоится еще один шаг к заветному званию. Значит. . .

Проще всего было „грамотно“ все написать, а уж идти как получится. К простой мысли выйти из системы туризма приходили не все, тем более что „дикари“ подвергались всевозможным гонениям. Элементарное право человека перемещаться по территории своей страны ущемлялось вплоть до полного уничтожения. Не говоря уже о праве каждого из нас на риск, праве распоряжаться своей жизнью и личной безопасностью. Если общество заинтересовано в сохранении моей жизни, почему бы ему не действовать убеждением, а не насилем? Если, конечно, это общество претендует на право называться демократическим.

Правила игры мне были хорошо известны. Но врать надоело. Заявочные документы на первую нашу SRT-экспедицию в Киевскую я заполнил честно. Ну, почти честно. Во всяком случае, количество веревок для штурма я указал натурально — в расчете на одинарную навеску. И вдруг звонок — междугородний! На проводе Москва.

— Костя, привет! Тут ваши документы пришли.

— Приятно слышать. Значит, Алма-Ата пропустила.

Еще одна бюрократическая черта системы: необходимость посылать документы по длинной цепочке инстанций — местная МКК, городская, областная, республиканская, центральная. . . И каждая — каждая! — могла, придравшись к какой-либо помарке или неточности, „завернуть“ документы на доработку. Раз вернут, второй, а потом и вовсе, сославшись на нарушение процессуальных правил — например, сроков присылки документов на рассмотрение, выдадут отказ в рассмотрении с предложением переноски сроков — что равносильно запрещению: отпуска-то просто так не перенесешь! Аналогично растягивались сроки рассмотрения и зарубались отчеты о совершенных путешествиях, саботировалась выдача неудобным справок и так далее.

— Да, Алма-Ата пропустила, а мы тут тебе поправочку одну внесли, не удивляйся: „работа разрешена только с самостраховкой по второй веревке“.

Сам понимаешь.

— Конечно, конечно. . .

Естественно, московские друзья знали, на что мы идем и что собираемся делать. Но знали и правила игры. Случись что с нами — не только мне, как руководителю экспедиции, не сносить головы. Под удар попадут и члены МКК, поставившие свои подписи на наших документах — как просмотрели, как выпустили на маршрут?! Сделав же в наших маршрутках эту запись, ребята из ЦМКК снимали с себя ответственность. И правильно делали. Никто не должен отвечать за промахи другого. Только тогда будет ясна подлинная цена и причины ошибки. Отвечать должны истинные виновники. Отвечать за себя, за свою работу — отвечать по всей строгости. Не переваливать ответственность за свои грехи на других.

Горы не терпят кривды. Но чем дальше от гор, тем ее больше.

* * *

Ну, конечно, — возразят мне. А кто должен отвечать за ошибку, если пострадала группа? Кто отвечает за ошибку, повлекшую несчастье с другом? Интересный вопрос. Особенно, если приложить его к политическим деятелям. Для меня ответ очевиден: отвечает тот, кто допустил ошибку. И хотя мы говорим о кейвинге, думаю, что правила ответственности едины для всех видов человеческой деятельности. А если кто-то пытается обосновать исключения — значит, здесь не все чисто и чьи-то рыльца уже готовы порастить шерстью.

Кейвинг разнолик. Коллективное сплелось с индивидуальным — нет одного без другого. Нести бремя ответственности за своих товарищей, так или иначе, приходится каждому.

Чем менее зрел коллектив — тем более тяготеет он к формализованному единоначалию. Более того — единоначалие становится единственно возможной формой его успешной деятельности. Казалось бы, все хорошо и удобно: вот он руководитель, он все знает, всем и всеми командует, а потому за все и отвечает. А мы в стороне. Мы в горах отдыхаем!

Истинные друзья не взвалют груз на одни плечи, будь это рюкзак или ответственность. Лучший способ поделить ее по справедливости — каждому отвечать за себя и свои действия.

Высшая форма коллективизма — коллектив равных товарищей. Кто испытал счастье общения с себе равными, с независимыми, но устремленными к единой цели в едином действе людей? Кто пережил — знает, и меня поймет.

И еще есть такая работа — инструктор. Инструктор — это, прежде всего, учитель и наставник. Здесь ответственность входит в профессиональную специфику, меняется качественно. Что бы ни натворил подопечный — виноват инструктор: недоучил, не предусмотрел. Детский сад? Похоже. Такая работа. Но тоже — в пределах профессиональной сферы. Между инструктором и руководителем добровольно собравшейся группы — существенная разница. Однако, вернемся к нашим „баранам“.

* * *

„Добро“ Москвы мы получили. Коротенькая приписочка в графе „Особые указания“ маршрутки означала еще одно отягчающее обстоятельство в случае неудачи нашего эксперимента. Еще ничего не случилось, еще даже не началось, а бюрократическая система уже приготовилась к броске в ожидании удобного момента, чтобы, если что, — придушить новое начинание в зародыше.

Когда Валентин Алексинский уходил в Сумган, не оставив никого на поверхности — он тоже рисковал. Как и мы, он в корне нарушал существующие инструкции, и также находился под незримым гнетом угрозы репрессий. Сегодня работа под землей всей группой — обычная практика. Дозрели: если нет насущной необходимости караулить на поверхности погоду, если нет реальной опасности неожиданного катастрофического паводка, в пещеру уходят все. С этим сейчас нет проблем.

Но — SRT? Плевать, что весь мир так ходит — у нас НЕ ПОЛОЖЕНО!

Мы рисковали и выиграли.

Сентябрь. Съедены праздничные пироги с надписями „–1000“ и „–700“. Мы получили бесценный опыт. Мы спешим поделиться. Но как?

Пишу письмо Марченко¹⁶⁸. Долго нет ответа. Новогодняя почта, как всегда, перегружена. Но и на присылку отчета есть свои сроки: просрочишь — пеняй на себя.

Наконец, звоню в Москву.

— Привет! Как сходили? Отлично. Рассказывали уже? Данила? Мы на Сувенире встречались. Болгары? Гуд! Я вот, собственно, что... Отчет пишу. Что писать — правду или что требуют? Правду? А не зарубят? Все равно, никто, кроме вас, не читает? Понял. Ну, хорошо, на обложке слово „SRT“ писать не буду, а остальное все как есть. Спасибо!

* * *

Еще один штрих. Если полистать пришедшие в адрес любой МКК отчеты о совершенных в то время путешествиях, безуспешно искать в них описания совершенных на маршруте и выявленных самой группой ошибок, анализ аварийных ситуаций, аварий. Может быть, за исключением не принципиальных мелочей, которые удалось быстро распознать и успешно устранить. Нет в отчетах такой информации. И быть не могло. Кому захочется добровольно подставляться под удар? За такие подробности, того гляди, не засчитают поход, а то и дисквалифицируют. И все пойдет насмарку. Нет уж, напишем все правильно, без вредных подробностей и деталей. Вот и справочки в кармане!

Справки за совершенное и защищенное в МКК путешествие были важным итогом в системе советского спортивного туризма. Именно на основании этих листочков бумаги с прямоугольными печатями присваивались вождеденные спортивные разряды и мастерские звания.

Результатом такой лакировки было одно: из отчетов уходило самое ценное — опыт поражений. Информация об ошибках передавалась по бес-

¹⁶⁸ **Николай Андреевич МАРЧЕНКО** — третий после В. В. Илюхина и А. И. Морозова и последний в СССР председатель Центральной спелеокомиссии Всесоюзной Федерации Самодельного Туризма ЦСТиЭ.

проволочному телеграфу, из уст в уста. И только когда уже не скроешь, когда ошибка скреплена тяжелой травмой или гибелью, тогда все. Тогда оживают официальные сводки, приводятся в действие жернова бюрократической репрессивной машины. На чем же учиться? Как сберечь бесценный опыт неудач? Чтобы не повторять.

Александр Берман в своем прекрасном сборнике „Среди стихий“¹⁶⁹ очень точно сказал:

«Опыт в оценке опасностей добывается путем анализа несчастных случаев. И слишком дорого стоит этот опыт, чтобы его терять, умалчивая.»

Если мы хотим учиться не только на своих, но и на чужих ошибках — надо избавиться от страха. От боязни еще какой-то дополнительной „туристской“ расплаты за ошибку. Хватит, наверно, уголовного кодекса, когда он по закону вступает в силу. Хватит. Большинство из нас идет в горы все-таки отдыхать. Отдыхать душой от повседневности.

* * *

Единственное, что мы могли реально противопоставить официозу в спортивном туризме — это выход из его рядов. Не хотелось. Долго казалось, что как-нибудь сможем и так. 5 ноября 1986 года в Москву в адрес председателя Центральной комиссии спелеотуризма уходит моя докладная записка: „О практике техники одинарной веревки (СРТ) в СССР“. Новый год — стихия малоуправляемая и разрушительная для любого вида деятельности. Время тянулось, а я ждал. Только 4 февраля 87-го получаю долгожданное письмо от Марченко:

«Костя, дорогой, приветствую тебя.

Я молчу, как рыба, но все же дела несколько двигаются.

1. По SRT — решение спелеокомиссии от 19.12.86 (протоколы будут отправлены ЦСТиЭ по всем советам) „Одобрить инициативу Усть-Каменогорска по разработке методики работы SRT“.

2. В решении опять-таки записали (думаю, добьем), включить дополнительно в Комиссию 3-х человек: Усть-Каменогорск — Серафимов, Киев — Климчук, Красноярск — Корначев.

3. По отчету работы в Киевской (SRT). Мой совет — писать, как было — сделана реальная работа, но с припиской: „Параллельно навешивалась (в одной первой точке) вторая линейная опора для страховки“. То есть даже с учетом маятников вариант формальную сторону пройдет...»

Ну, в Центральную спелеокомиссию меня Казтурсовет не допустит, не дадут нам вместе поработать. А вот за „Одобрить“ — спасибо! Это официальное признание нашей работы.

Вот только отчет я уже послал. Без SRT на обложке. А в остальном все честь по чести, без всяких вторых веревок — пусть будет, что будет. Надоело хитрить.

¹⁶⁹ А. Е. Берман „Среди стихий“ Москва, „ФИС“ 1983 г.

Но Колино письмо пришло позже, а пока — первым ответом — приглашение на семинар инструкторов в Красноярске. Дерзайте! Попробуйте силы на красноярском орешке!

Как и большинство сибирских и алтайских промышленных городов, зимой Красноярск неуютен — серый снег, серые дома, серое небо. Енисей — свинцово огромен. В непогодном мареве его берегов проступают контуры знаменитых „Столбов“: окаменело застыл Токмак, еще какие-то вершины, названия которых сплетаются в особый красноярский узор.

Но сколь неприветлив внешне город, столь же гостеприимны красноярцы. Краевой клуб спелеологов на улице Мира, 98, — радушный дом для приезжих. Сколько лет приходим мы сюда поездками экспедиций — в клубе идет ремонт. У входа, невесть откуда взявшиеся, кучи земли. Потом только узнали — копают мужики. Выкопали уже несколько комнат на „минус втором этаже“ под подвальным помещением клуба. Спелеологи расширяются.

* * *

Говоря „Красноярск“ — думаешь „Столбы“. Среди съезжающегося и населяющего Красноярск бродячего люда этот сиенитовый рай скалолазов давно превратился в символ города. Красноярская школа скалолазания выросла из „столбизма“ так же, как московская школа кейвинга выросла из подмосковного „катакомбизма“. Трудно сравнивать эти два явления, но что-то общее, безусловно, есть. Разве что столбизм, как и вообще все с удалением от центра (вот странная закономерность!) — как-то чище и духовней, что ли. Надежней, основательней.

Кто из красноярских спелеологов не был на Столбах? Кто не прошел общение с ними? А ведь столбизм по туристским и альпинистским правилам СССР тоже всегда оставался вне закона, потому что исконно проповедовал лазание без страховки.

Да, настоящий столбист работает без страховки. Это не рисовка, не лихачество, не поза. Не приверженность к клану. Работа на отвесе без страховки — это философия тончайшего психологического настроения. Это полный самоконтроль и самоотчет. Это тончайшее ощущение грани, которую не стоит переходить, так как за ней риск становится нерегулируемым.

Не так. Риск — это всегда случай. Это действие с неизвестным исходом, не до конца ясным результатом, если нет уверенности в благополучном исходе затеянного. Нет уверенности — на столб без страховки не пойдешь. Той сиюминутной уверенности, что сможешь — квинтэссенции всего предыдущего опыта, самопонимания, тренированности тела и нервов. Идя в неизведанное новым ходком — ты должен быть уверен, что хотя бы вернешься. Ходок — вариант последовательных зацепов на скале и приемов их использования, единственно возможных для успешного преодоления участка. Наиболее известные ходы по столбам часто имеют свои названия: „Аллилуйя“, „Авиатор“, „Уголок“ . . .

Ты должен быть уверен, что хотя бы вернешься, чтобы повторить попытку. Слишком очевидны последствия, чтобы рисковать.

Так что же такое — риск? Действие, исход которого невозможно предсказать? В этой трактовке риск на вертикали и за шахматной доской — неразличимы.

Стоп! Само понятие „Риск“ как-то трансформируется в зависимости от рода деятельности: приобретает некую окраску, аромат, вкус, и тем выходит из разряда безликого действия с неизвестным вероятностным исходом. В чем же разница?

В цене ошибки. В нашем преложении риск — всякое действие под знаком потенциальной опасности для жизни. В кейвинге, на скалах опасность очевидна. Не очевидна степень вероятности превращения ее из потенциально возможной в уже свершившуюся реальность. Вероятность и момент. И конкретная причина.

При истинно свободном, без страховки, лазании риск безусловен. Но больше ли он риска при лазании со страховкой? Едва ли. Потому что во всяком экстремальном действии есть неписанные правила, сознательно нарушать которые не станет никто. Это не формальные городульки бюрократов от туризма. Также как и законы SRT — они выписаны кровью. Таблички у входов пещер, надписи на приметных скалах столбов — память о тех, кто ошибся. Или нарушил правила: не знал их или пренебрег. Цена одна — по самому высокому преискуранту.

И снова Александр Берман:

«Я подумал, что вообще исконно-естественно для человека быть предельно внимательным, а за четкость своих движений отвечать жизнью. Цивилизация отучила нас от этого. И искалечила...»

Цивилизация подарила нам веревку и тут же связала ею по рукам и ногам. Нам вообще свойственно перебарщивать. Что там одна веревка — давайте уж две. А то и три — для надежности! Коллективная ответственность — самая распространенная форма персональной безответственности.

В кейвинге веревка не роскошь, не придури цивилизации. Если не увлекаться. Если не превращать ее из средства безопасности в самостоятельный источник аварий.

* * *

Отправляясь в Сибирь, думал — поймет ли нас Красноярск, один из бастионов экстремального скалолазания? Примет ли технику, по существовавшим понятиям не менее экстремальную? И вот — семинар. С чего начинаются красноярские семинары? Правильно — с экскурсии на Столбы. Автобусы ИПК завозят нас со стороны речки Базаихи, по преданию названной так по имени одной из красавиц дочерей царя Енисея. ИПК — Красноярский филиал института повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций.

„Это был «ИПИКантный» семинар!“ — говаривал Резван.

Кресельной канаткой поднимаемся в район Диких Столбов. Заснеженными тропами соснового леса идем, минуя скалы с причудливыми названиями. Гена Иконников, наш куратор от ИПК, сам спелеолог, инструктор и скалолаз, останавливается перед „Перьями“ — изящным и очень известным столбом. Смотрим вверх на отвесные скалы.

— Тут не очень трудно, — говорит Гена. — Выходишь в распор, поднимаешься вон там, видишь? Потом перекидываешься и вылезает. Если не перекинешься, то не вылезешь.

— А если не вылезешь, — задумчиво кивает Резван, — то „перекинешься“... А?

Смеемся.

— Да ну! — говорит Гена. — Тут каждый выбирает себе маршрут согласно умению, желанию...

— ... И количеству выпитого! — С Резваном сегодня невозможно дискутировать.

— Пойдем, хитрушку одну покажу! — Иконникова тоже непросто обескуражить. — Специально для начальника семинара.

Хитрушки — коротенькие скальные ходы, есть практически на каждом столбе. Обычно они имеют свою особую ценность в скалолазании, свою изюминку. Наши семинаристы один за другим пробуют заскочить на простую с виду глыбу и... поочередно валятся в снег.

С ходу и хитрушку не возьмешь, а тут — SRT.

* * *

Красноярск отнесся к новой технике сдержанно. Мнения резко разделились. Поддерживающее нас, так сказать, „левое“ крыло возглавил Владимир Викторович Коносов — тот самый, что предпринимал попытку пронырнуть донный сифон Киевской. В его отделении — второй „эскадрилье“, стажером инструктора работал и пропагандировал SRT Володя Кочетов. Но основанием „плацдарма“ SRT в Красноярске стал Коносов.

Одного из своих старейших спелеологов, Владимира Коносова, Красноярск приобрел в результате просчета ВВС. Командование списало летчика-истребителя Коносова на 23-м году службы — за два года до воинской пенсии. Куда было податься? Сколько выброшенных из привычной жизненной колеи людей в аналогичной ситуации теряли себя, шли на поклон Бахусу, деградировали, не в силах найти новое место в жизни. Коносову повезло — он попал к спелеологам.

Можно сказать и иначе — спелеологам повезло, к ним пришел Коносов. Участвовал в первопрохождении Назаровской без гидрокостюмов, о котором мы упоминали ранее. Видел легендарное „зеркало“ в донном сифоне Киевской. Выл участником многих экспедиций на Кавказе и в Средней Азии. Универсала-станочника высочайшего разряда — его покорила изящность приспособлений и устройств, используемых в SRT.

Володя долго вертел петцелевский зажим:

— Сделаю!

Прикинул на вес „мэйн рапид“, поцарапал ногтем маркировку:

— Номер „10“, номер партии, что ли?

— Номер диаметра, — пояснил Резван. — Партия у нас одна...

Были такие времена.

Первым из красноярцев пятидесятилетний Коносов опробовал в Торгашинской систему подъема „Дэд“ и остался доволен. И системой, а более всего тем, что утер нос молодежи. Однако другие красноярцы, а их было большинство, сохраняли заинтересованный нейтралитет.

* * *

На учебно-тренировочный выход в Торгашинскую пещеру взял SRT-эшное снаряжение и другой инструктор-красноярец — Геннадий Иконников. Наши старания и интересно оборудованный белоусовцем Юрой Бессергеевым в пещере Баджейская скальный полигон для занятий на одинарной веревке сделали свое дело. Иконникова зацепило. Перед выездом Гена зашел в наш с Резваном гостиничный номер. Взял обвязки и зажимы для „Дэд“, подумал, отложил в сторону свои:

— Если не возражаете, — сказал он, — то я оставлю у вас часть своих вещей.

— Конечно, не возражаем, — Резван скосил глаза на иконниковские самохваты. — Нам эти вещи очень пригодятся!

... Спускаемся пешочком по лестнице гостиницы „Красноярск“ с нашего 9-го этажа — лифт, как всегда перегружен. По времени все уже должны собраться внизу у автобусов. Нас вихрем обгоняет новосибирец Коля Шабанов из первого отделения, торопится.

— Смотри-ка, — глубокомысленно замечает Резван. — Оказывается, кроме нас, еще кое-кто помнит слово „лестница“. Хотя давно уже на самохватах ходят!

... Нет, наверно, таких мест в Торгашинской, где еще не побывали красноярские спелеологи. Ее пространственный лабиринт и прост, вроде, — с той же Снежной не сравнишь. А поди — пролезь! Есть тут, как и на столбах, свои хитрушки и ходки. Иконников почти все помнит назубок, проходит, как и любой старожил клуба, на память, свободным лазанием. Даже входной 40-метровый колодец.

— Вот была хохма! — усмехается Гена, пока мы на бодрящем морозце готовимся к спуску. — Как-то я во Входном примерз. Представляешь? Поднимался свободным. А зима была, мороз наверху покрепче, чем сейчас. В самой середине колодца, там надо в щель вжаться. Дохленькое такое место. Кто-то окликнул меня, что ли? В общем, остановиться пришлось. Ну, я руку в щель вбил, в кулак ее — и заклинил. Выяснил, что надо, ... дерг! А рукавица-то примерзла в щели! И руку не вытащить. Кое-как отодрал!

В этот заезд отделение Иконникова шло по маршруту: Входной колодец (40 м) — спуск (30 м) из грота Снежного в грот „Жуткий треугольник“ (там на потолке плита такая треугольная висит) — „Первый трамвай“ (катишься по каменной катушке, как по рельсам, звенишь) — потом направо в 15-метровый колодец под названием „Ловушка Вставского“ (некто Вставский в него улетел по неосторожности), далее „Червяк“, „Чулок“, а там — „Буфетный камин“ (20 метров вверх на распорах) и — грот „Буфет“. Потом направо-вниз по „Второму трамваю“, спуск на 30 метров в Большой зал. Перекус, подъем из Большого зала и по „Первому трамваю“ — на выход.

По силам отделение у Гены было среднее, хоть и на инструкторов приехали учиться.

— Ты в предчувствия веришь? — рассказывал Иконников после того выхода. — Не было у меня никаких предчувствий. Но я, когда иду с группой по этому маршруту, всегда подстраховываюсь немного. Вот и сейчас, народ в Ловушку поспускался, я им объяснил, куда дальше, а сам бегом через „Второй трамвай“ в „Буфет“ — веревку на камин навесил. Знаешь, там 20 метров все-таки, а у меня в отделении девочки. ...

Сижу, значит, над Буфетным камином, жду. По всем расчетам должны мои орлы уже подходить. Ан нет! Тихо там внизу. Поорал для порядку. Нет никого. Чувствую, пора идти выяснять. Вдогонку идти долго — пошел навстречу. Спустился на распорах в камин: там нормально идетя, только самый верх узковат — трудно расклинить, чтобы не выпасть. Спустился — никого. Пошел дальше. Поднимаюсь к Чулку — слышу! Шумоток идет, где-то мои гаврики бьются.

Чуллок — это щель такая вертикальная — надо ее по горизонтали верхом проходить, снизу узко совсем. Так вот сидит в Чулке наша Ира. Хорошо сидит. В низ щели сползла, дерг-дерг! Ни с места. В общем, часа полтора мы на этом деле потеряли. Хорошо, что там выше в гротике пара таких толстых колов лежало — от спсработ остались, что ли. Так сначала мы с Иры запасной блок батареек из-под комбеза вырезали, а потом вагами ее из щели приподняли. Знаешь, как машину из топи? Вот точно. Пропихнули!

Отдышались малость, народ по Чулку просочился — под камин подошли. Из всех моих Янис, из Прибалтики откуда-то, самый с виду здоровый. Говорю ему — я, мол, первым пойду, за мной Ира, а ты следом поднимайся и, если что, ее подстрахуй.

Сказано — сделано. Все честь по чести: лазание с самостраховками. Я ж не зря веревку повесил. Ну, пошли. Ира за мной, да шустро так, не скажешь, что в Чулке зимовать собиралась! Ну, Янису сам Бог велел, скребется. Вылез я через горловину в Буфет, сел. Только сел, слышу внизу: ш-шурх!

— Кто? — кричу.

Ира мне:

— Янис сорвался! На самостраховке завис!

Ну, думаю, с кем не бывает? Сейчас разопрется, выйдет из зависания и дальше. Там не то, чтоб очень скользко. Слышу, опять Ирка зовет. Висит, говорит, Янис, не может никак. Не охота мне было второй раз по камину вниз идти, да делать-то нечего. Прошел горловину, глянул, мать честная! Знаешь, что он учудил? Он самостраховку на грудной пояс прицепил. Инструктор будущий, трам его тарарам. Руки в стороны — и чуть не хрипит уже!

Кричу Ирке, чтобы закрепились — там, где она сидит, полочка такая маленькая на самом верху — а сам мимо вниз. Кое-как ноги ему в стены распер, чтобы он приподнялся, зажим отжал, ну и потихоньку-помаленьку вниз.

Сползли. Все, говорю, хватит скалолазания! Я сейчас поднимаюсь, помогу Ире. Всем остальным пристегнуть зажимы и по одному наверх. Снова наверх лезу. Уставать даже стал от такого темпа, жарко. Ире все еще раз показал, куда руки, ноги.

— Поняла? — спрашиваю.

— Поняла, — говорит.

— Выйду, — говорю, — тебя сверху, если что, поддерну.

— Поняла, — говорит.

Втиснулся я в очередной раз в горловину, вылез в Буфет, сел на камень, пар валит.

— Пошла! — кричу.

А она:

— Ге-ена! У меня свет погас!

Ну, можешь себе представить? Опять вниз... А ты думал? Не до SRT...

Есть такая работа—инструктор.

* * *

Гостиница „Красноярск“, ночь. Семинар закончен, семинар прощается. Откуда-то доносится гитара, приглушенный смех. В нашем инструкторском номере громовой хохот. Мешаем спать простым смертным постояльцам, но сил нет, когда собирается такая компания.

— Кто-то из моей второй эскадрильи на экзамене сморозил, — Коносов хитро блестит лукавым глазом. — Если, отвечает, узость имеет поворот налево, то ползти надо на левом боку. Почему? — спрашиваю. А, говорит, легче. За счет подвижности спинного мозга!

— Это был удар гораздо ниже пояса! — смеется Резван. — Ты, конечно, сломался, и поставил „зачет“?

— Понятное дело! — улыбается Коносов. — Своя же эскадрилья. . .

— Нет, Вовка, — говорю я, — шутки шутками, а на многие вопросы, что в билетах, я и сам бы не ответил — „двойку“ бы схлопотал.

— Так потому тебе и доверяют только принимать экзамены, а сдавать — нет!

— Слушай, Гена! — говорит Корначев. — В следующий раз надо перед началом семинара проводить вступительный экзамен. . .

— Правильно! — смеется Резван. — Который для многих будет одновременно и выпускным!

Стук в дверь.

— Войдите!

Дергают запертую изнутри дверь. Резван:

— Ну вот, закрытую дверь открыть не могут!

Из общего гула выступает голос Коносова:

— . . . Слушай, не было еще ни одной узости, из которой бы я не вышел!

— Ну, учитывая твое здесь присутствие, это ты убедительно сказал! — отзывается Юрий Иванович Ковалев, долгие годы бывший председателем Красноярского Краевого клуба спелеологов, а нынче наш завуч. — Предлагаю карстоведческо-медицинский тост.

— Это как?

— Выпьем ле-Карст!

— Вот-вот, послушаем лучше товарища Ковалева! — подхватывает Иконников.

— И выясним: не гражданин ли он!.. — хмыкает Резван. — Слышь, Константин, надо было всем надежным людям в характеристиках указать: „. . . В связях со сторонниками SRT замечен не был!“

Откуда-то снизу доносится песня. Узнаю сочиненный в эти дни гимн семинара. На мотив известной песни Булата Окуджавы дружно выводят приглушенные голоса:

В Енисейский простор
Смотрит дом высотой
Этажей на пятнадцать—шестнадцать.
В доме том по ночам
Слышен шум, слышен гам,
Всем портье спелеологи снятся.

Торгашинской „Червяк“
Тело скручивал так,
Что хрустели и ноги, и руки.
А Буфетный камин
Видел много картин
И слышал неприличные звуки!

Все, что было, прошло.
В чем-то нам и везло,
И гитара заходится в хрипе.
Можно вспомнить опять,
Ах, зачем вспоминать...
Расстаемся до нового СИПа!

6.3. Раз ошибка, два ошибка, будет...

Если коллектив не обновляется — он умирает. Пережив радостный взлет в период юности, группы, секции, клубы останавливались в своем развитии и, в конце концов, исчезали с небосклона кейвинга. Только те из них, где постоянно ведется работа с молодежью, привлечение новых сил — только те коллективы живут долго. Тогда хватает сил, чтобы пережить смену поколений, смену лидеров, психологические кризисы, внутренние и внешние конфликты, другие неприятности, которые неизбежно подстерегают на пути любое неформальное сообщество.

Постепенно новая техника втягивала нас в решение множества таких проблем, о которых мы на первых порах и не задумывались. И даже не предполагали, что они могут возникнуть.

Прежде всего, одинарная веревка поставила нас перед необходимостью выйти из всех привычных структур спелеотуризма. Не могу сказать, что ранее мы блистали на соревнованиях по спелеотехнике, но теперь мы не могли даже участвовать в спелеотуристских соревнованиях — ни одна судейская бригада не допускала нас до старта в нашем необычном снаряжении, тем более, с одинарной веревкой.

Подумаешь, беда, скажете Вы. Согласен. Фиг с ними, с медалями и местами. Но ведь соревнования — это редкий случай увидеть всех, окунуться в толпу единомышленников, узнать наисвежайшие новости мира пещер. Соревнования — это здорово, если к ним относиться без излишнего тщеславия. Так что поначалу мы пытались. Но стоило нам появиться на соревнованиях в нашем достаточно надежном, но самошитом снаряжении, нас немедленно обвязывали поверх него — для безопасности! — сдвоенным „штатным“ репшнуром, годным разве что на удавку. Наши зажимы, не только самодельные, но и фирменные, не допускали в качестве самостраховки, обвязывая поверх пуани передвигать стародедовский схватывающий узел из того же 6-миллиметрового шнура.

Да что там!.. Даже продравшись через судейские крючки, мы не могли соперничать с командами, вооруженными традиционной техникой. Приспособленные к особенностям трос-веревки, сами правила соревнований изначально ставили нас в невыгодное положение.

А предложений потягаться было немало. Кто кого: вы — по одинарной или мы — по двойной? Но ставить вопрос так, значит, ставить его непра-

вильно. Ответить, какая техника лучше, могли только пещеры. Никакие искусственные трассы на это не способны. Это все равно, что пытаться сравнить альпинизм и скалолазание, гонки на автомобилях и катерах, соревнования и экспедиции. То, что давало несравненный выигрыш в настоящей работе, могло не дать бесспорного преимущества на рафинированных условиях дистанциях.

Чего ради было дискредитировать прекрасную технику? В чужой монастырь со своим уставом, как известно, не лезут. Чистейшая антипропаганда. Так мы перестали участвовать в соревнованиях по традиционным всесоюзным правилам.

* * *

Точно так же мы выпали из всесоюзной системы подготовки спелеотуристских кадров. Все учебные программы, традиционная схема построения учебных мероприятий в туризме теперь нас не устраивали. Не только по содержанию обучения, но и с методической стороны. Последняя советская система обучения спелеотуристской технике подразумевала наличие трех уровней подготовки: начальной, средней и высшей, подготовка инструкторов — из двух уровней: средней и высшей инструкторской. Казалось бы — все правильно. Но стоит вчитаться в содержание учебных программ (методики проведения семинаров, за исключением нескольких беспомощных брошюр, практически не существовало), чтобы обнаружить, что программы высших уровней практически ничем не отличаются от низших. Схема проведения и вообще оставалась одинаковой для любых семинаров — что для спортсменов, что для инструкторов, отличаясь только категориями сложности УТП — учебно-тренировочных походов.

Вот в этих-то самых УТП и заключалась вся суть подготовки. Говорю это, не как сторонний теоретик. Мне посчастливилось участвовать во всех мыслимых учебных мероприятиях: от начальной туристской подготовки до высшей инструкторской — от слушателя до начальника семинара. Большинство участников таких семинаров съезжались на них не учиться, а именно пройти какой-нибудь маршрут за профсоюзный счет.

Лучшие умы в разных регионах Союза, чувствуя несовершенство системы обучения, пытались как-то ее усовершенствовать. В разные годы и в составе разных коллективов мне посчастливилось участвовать в поисках более эффективных методик обучения, прежде всего, инструкторов спелеотуризма. Незабываемы недели работы в командах инструкторов с такими яркими личностями как Владимир Дмитриевич Резван (Адлер), Эрик Эрикович Лайцонас (Каунас), Юрий Иванович Ковалев (Красноярск), другими ведущими инструкторами-методистами того времени.

В итоге начинал прорисовываться принципиально иной, по сравнению с существовавшим, подход к обучению в кейвинге. SRT катализовала этот процесс. А необходимость вести постоянные занятия с кейверами своего клуба дала достаточный практический опыт.

В основе моего подхода к обучению кейверов стоит утверждение, что в пещере учиться не следует — учиться надо в классе и на тренировочных полигонах, хорошо оборудованных с удобным доступом и достаточным обзором для инструкторов. В пещерах же полученные в „классе“ знания,

навыки и умения оттачиваются, шлифуются, подгоняются к реальной подземной обстановке. В то же время содержание подготовки учителей кейвинга — инструкторов, принципиально отличается от подготовки участников и руководителей спелеопутешествий. Профессиональная пригодность инструктора определяется не навыками лазания по отвесам, а умением научить этому других. А ведь это не одно и то же, правда?

* * *

Что и говорить, наши с Резваном (точнее Резванские с моим участием) семинары не всем приходились по вкусу. На последнем красноярском СИ-Пе, например, мы в течение 9 суток жили в подземном лагере в пещере Большая Баджейская и при этом не просто лазили по пещере, а читали лекции. Все слушатели писали конспекты и методические разработки занятий, проводили практические и семинары — при свете фонарей, свечей и карбидок, на холодных камнях, в промозглой сырости пещеры...

От всего этого здорово пахло маразмом — но мы учили инструкторов, а не спелеотуристов. Что было делать, если учебными планами подготовки инструкторов предусматривался УТП, продолжительностью 9 суток! А вот что в этом УТП делать будущим инструкторам — как-то никто не задумался. Мы нашли — что. К счастью, красноярцы с пониманием приняли наш с Резваном подход к обучению — это были незабываемые дни!

С переходом к одинарной веревке нам неизбежно предстояло от начала до конца разработать и саму систему обучения, приспособив ее к требованиям совершенно новой для СССР спелеотехники. Еще один никем не пройденный путь.

Но при всем желании измениться, мы оставались детьми своей страны. Даже взяв из советского спелеотуризма все лучшее, мы не могли сразу все и в корне изменить, многого и понять были не в состоянии. И мы отправлялись в новую дорогу, так сказать, старым путем.

* * *

Сложно ли обучить человека технике кейвинга? Очевидно, что ответ не будет однозначным. То, чему школьника приходится учить три года, студент ВУЗа постигает за год, а подготовленный спортсмен освоит и того быстрее.

Новичок без опыта туризма не сравнится с альпинистом. Чем больше у обучаемого жизненного опыта, выше общее развитие, навыки интеллектуальной деятельности — тем проще ему освоить SRT. Потому что одинарная веревка, мы уже говорили, — это не просто техника. Это философия отношения к жизни вообще, основанная на высокой внутренней культуре, честности перед собой и другими, выраженная, прежде всего, в сознании ответственности за свои действия.

В SRT халтура недопустима. Как внушить это тем, кто всю жизнь впитывал совершенно другое: потребительско-наплевательское отношение к жизни, работе, собственности? Есть такое модное нынче слово — ментальность.

Как выпустить новичка на одинарную веревку? А что, собственно, сложного? Это тот, кто всю сознательную жизнь в кейвинге ходил в пещеры по двум линейным опорам, поначалу ощущает себя на одинарной веревке, будто не в своей тарелке. А новичок — он не знает другого! Для него одинарная веревка с первых шагов становится нормальным естественным способом преодоления вертикалей. И психологический барьер здесь оказывается гораздо ниже. Недаром говорят: „Легче научить, чем переучивать“.

Постепенно, на опыте „Сумгана“, я познавал закономерности обучения SRT. Кейверов всех уровней — от весьма опытных до зелененьких новичков, в Усть-Каменогорске хватало. К счастью, в клубе не оказалось сверхопытных лидеров, могущих, как часто бывает, составить консервативную оппозицию новому течению.

В 1975-м году болгарский кейвинг принял решение о национальном переходе с двухверевочной техники на SRT. Восточный Казахстан по площади едва ли меньше Болгарии. В этом полушуточном плане десятью годами позднее мы совершили сравнимый по масштабам „всеобщий технический поворот“. Однако нам пришлось изрядно попотеть, чтобы изготовить множество специальных приспособлений для того, чтобы хождение по одинарной веревки стало можно назвать — SRT, в настоящем смысле этого понятия. Изготовить и научиться пользоваться ими. Что и говорить, SRT — техника не для ленивых.

* * *

Что самое страшное в СРТ? Любая неисправность нейлоновой дороги или „транспортных средств“ для передвижения по ней может привести к очень серьезным последствиям. Но больше всего мы боялись именно повреждения и обрыва веревки. Самая очевидная и пугающая опасность.

В скальной лаборатории — специально оборудованном полигоне на скалах поселка Старая Согра в черте Усть-Каменогорска, отрабатывались приемы защиты навески от повреждения. Первым делом изготовили простейшее защитное снаряжение: узловые подкладки из пожарных рукавов (чтобы не перетирались узлы возле навесочных крючьев) и трубчатые протекторы из прорезиненной ткани на „репейниковых“ замках (для защиты веревки на перегибах скалы в непосредственной близости от точек навески). Пробовали защищать протекторами веревку в середине отвеса, но быстро отказались — от пульсаций веревки мягкие тканевые трубки скатываются, поднимаются чулком вверх, оставляя веревку без защиты, а жесткие: из резиновых шлангов, слишком тяжелы и неудобны.

Сделали и отклонитель — металлический стержень со спиралькой на конце, в которую пропускается веревка. Отклонитель навинчивается прямо на крюк, забитый в точке трения, и отводит веревку от скалы, заменяя трение о шероховатый камень трением о гладкий металл. Не понравилось. Проще вернуть в крюк ушко и сделать обычное промежуточное крепление. Но SRT — штука неоднозначная, видимо, где-то может понадобится и отклонитель. Всему свое место и время.

На пологих протяженных „лбах“ в начале отвесов, где веревка большой длиной ложится на скалу и обычные протекторы не помогали, оказались эффективны большие тканевые подстилки, вместо которых с успехом при-

меняли пустые транспортировочные мешки из-под веревки.

Одной из наиболее удачных технических новинок, позаимствованных у коллег по международным экспедициям, стали болгарские тросовые приспособления: удлинители и тросовые петли. Вернее, техника работы с ними, потому что конструктивно мы нашли собственные, зачастую более удачные для наших условий, решения. Например, вместо ушка-удлинителя фирменного образца мы сконструировали очень удачную трос-планку. Применение тросовых планок-удлинителей резко сокращало число дорогих и тяжелых карабинов, снижало расход веревки на узлы, убирало трение о скалу в местах закрепления веревки, позволяло выбрать для забивки крючьев наиболее удобные места.

Крючья — вот с чем чуть не вышло заминки. По сравнению с классической техникой, SRT требовала гораздо большего числа забитых для навески крючьев. Это означало резкое возрастание затрат времени на их забивку.

Западноевропейская техника одинарной веревки своим успешным развитием во многом обязана продукции французской фирмы "Societe de Prospections et d'Inventions Techniques". Нам негде было взять великолепные самоврезные крючья этой фирмы, названные аббревиатурой ее названия — "SPIT". Но мне удалось приспособить к требованиям SRT обычный цанговый шлямбурный крюк, вместо традиционной шляпки, снабдив его резьбой на внешнем конце¹⁷⁰. Отверстие под ШКС пробивалось пробойниками, и скорость пробивки зависела от их конструкции и умения исполнителя. Медленнее получалось раза в полтора, но в остальном все соответствовало. ШКС не уступал в надежности и удобстве в работе, а главное — легко изготавливался в кустарных условиях. Проблема была решена.

С другой стороны, число забиваемых крючьев удавалось снизить, используя тросовые и стропяные локальные петли, которыми обвязывались выступы, проушины, глыбы.

Да, буквально все снаряжение нам приходилось изготавливать самостоятельно — купить было негде и не на что. Что ж, в каждой ситуации есть свои положительные стороны.

Будь славен Оптимист, нюхающий клопа и мечтающий о коньяке!

* * *

Сколь ни тренируйся на скалах, отточить мастерство навески можно только в пещере. Прощаясь в декабре с красноярским семинаром СИП-86, мы ненадолго расставались с красноярскими пещерами. Уже через три месяца доблестный казахстанский десант высадился в аэропорту Красноярска, чтобы провести учебное прохождение Торгашинской пещеры. Впервые столь внушительная команда клуба — около 20 человек, проводила не экспедицию, а именно учебную акцию по SRT. Еще один необходимый эксперимент.

Отечественная система подготовки туристских и альпинистских кадров предусматривала постепенность накопления опыта, последовательное прохождение маршрутов все возрастающей сложности. Строгое следование

¹⁷⁰ ШКС — шлямбурный крюк Серафимова или „Сумган“, так я назвал новую конструкцию.

этой системе ставило более старших по возрасту новичков в невыгодное и даже странное положение. Например, в течение года вы могли совершать сколько угодно путешествий, но категорией не выше положенной вам по официальной квалификации, причем к зачету на очередной разряд принимались только два путешествия в год. Хочешь — не хочешь, а путь от новичка до мастера спорта длился 5–7 лет. Это в лучшем случае. Странно контрастируют школьники-мастера по гимнастике, к примеру, и бородатые разрядники по туризму.

Парадокс! В армии 18-летним мальчишкам доверяли автоматы и страшную военную технику и в то же время отказывали им по завершении службы самостоятельно определять свою дорогу в горах. Казалось бы, очевидно, что совершеннолетний разумный человек и сам не выйдет на маршрут, который ему не по силам. Если же пойдет, то, в конечном итоге, его право располагать самим собой. Задача общественных, туристских, спортивных и других институтов — предоставить человеку возможность получить квалификацию, достаточную для воплощения его планов, застраховать свою жизнь на случай возможной аварии, прибегнуть к услугам профессиональных спасателей, если необходимо. А уж воспользоваться ли этими возможностями или надеяться только на себя — дело и право каждого.

Всегда ли оправдано последовательное поступенчатое овладение мастерством?

Безусловно. Только величина этих ступеней, этапов движения к мастерству, носит сугубо индивидуальный характер. Один, опираясь на свой багаж знаний, жизненный опыт, физическую подготовку, интеллектуальный уровень, уже через год способен на то, на что другому не хватит и семи лет интенсивных занятий. Кто-то весь путь проделывает самостоятельно, не уставая учиться самостоятельности в любых мелочах. Другой — хвостом тянется за лидерами, паразитируя на их целеустремленности.

Что может помочь учесть все нюансы? Индивидуальный подход. Неудобно? В чем-то да. Проще всех под одну гребенку.

* * *

Есть у бельгийских спелеологов оригинальная система подготовки, отражающая, пожалуй, общий подход цивилизованных стран к вопросам, подобным кейвингу. Союз бельгийских спелеологов (UBS) — учредил национальную школу, суть которой, по моему пониманию, сводится к следующему. В специальном журнале UBS — “Brevet d’Equipe”, ежегодно публикуются теоретические и практические вопросы, в которых необходимо разбираться, чтобы с полным правом рассчитывать на признание в компетентной среде. Кроме вопросов, в журнале кратко освещаются ответы на них в свете новейших веяний вертикальной техники.

Несколько раз в год желающие попробовать свои силы и получить признание себе подобных имеют возможность провести уикенд в живописном уголке Бельгии среди известковых скал. На скальной стене, прекрасно наблюдаемой с поляны размещения участников, проложены вертикальные трассы и траверсы, насыщенные всевозможными техническими элементами. Общая протяженность до 500 метров — весьма приличная условная пропасть!

В первый день все добровольцы имеют возможность испытать себя в прохождении вертикалей технической трассы. Во второй — продемонстрировать владение техникой спасательных работ и спелеологического документирования подземных полостей (в „джентльменский набор“ настоящего кейвера обязательно входит умение делать топографическую съемку)¹⁷¹.

Бельгийцы утверждают, что кейвер, прошедший такие испытания, может рассчитывать на успешную работу в самых сложных пропастях мира. Если говорить только о вертикальной технике, думаю, так оно и есть. Вот так ненавязчиво, но интересно Бельгийский спелеосоюз берет на себя заботу о квалификации своих членов, оставляя за ними право воспользоваться или нет ее услугами и в какой мере.

Убеждение и заинтересованность — безотказные методы любого воспитания.

* * *

Валера Мальков пришел в кейвинг далеко не новичком в туризме. Учитель физики одной из усть-каменогорских школ, руководитель туристской секции „Альтаир“, он сохранил живость восприятия всего нового, интересного. Ощущая бесперспективность спортивного туризма, его конечность и ограниченность, он с интересом включился в освоение SRT, внеся в нашу пещерную компанию струю неиссякаемого оптимизма.

Торгашинская была для Валеры первой пещерой, столь насыщенной разнообразнейшими вертикальными препятствиями. И это тоже входило в условия эксперимента. Готовясь к спуску в сумерках саянского леса, обступившего внушительный провал Торгашинской пещеры, Валера особенно не волновался. Теоретический курс он прослушал, на скалах был далеко не последним. Вечерний морозец над заснеженным мартовским лесом постепенно крепчал, парни один за одним скрывались в черноте 40-метрового входного колодца, унося с собой транспортники со снаряжением. У уютно потрескивающего костра на площадке перед входом в пещеру оставалось все меньше людей. Мальков на момент включил фонарь, осветил стройные сосны у края пропасти.

На стволе блеснула табличка: „Перед входом в шахту убедитесь, что кабина лифта перед вами!“ и ниже: „Работа с тросом без рукавиц запрещена!“ Валера усмехнулся и вспомнил, как полчаса назад с тропы на поляну высыпала солидная группа красноярцев. Подивившись на замысловатую SRT-трассу по противоположной стене пропасти, ребята навесили свои трос-веревку и быстренько скатились в пещеру. Немного погодя, из лесу появился еще один довольно юный представитель красноярского кейвинга. Скинул у костра рюкзачок, подошел к краю пещеры, послонялся туда-сюда и вдруг наткнулся взглядом на обрывок веревки, припорошенный снегом на площадке.

— О! — восхитился пришелец. — Так это ж моя обвязочка!

¹⁷¹ Топографическая съемка пещер чаще всего производится как полуинструментальная, в спелеологически развитых странах ведется при помощи практически неизвестного в СССР чудесного прибора под названием „топофил“, позволяющего заниматься топосъемкой в одиночку.

Выхватив из снега находку, паренек быстренько обвязался, натянул варежки и со свистом исчез в колодце по одной из навешенных собратями веревок. Вот это SRT! Суровые сибирские варианты!

— Валера, лишний карабин есть? — кто-то из мужиков готовился к спуску.

Мальков, не особенно рассуждая, отстегнул карабин от трансрепа (стропы для транспортировки груза) и — отдал. Валера как-то забыл, что в индивидуальном снаряжении SRT нет ни одной лишней детали.

* * *

Они с Хардиковым уходили с земли последней двойкой. Сергей пристегнулся к веревке, поддал ногой свой, прицепленный к трансрепу, мешок:

— Ну, я пошел?

— Давай! — Валера проводил его взглядом, поежился — пробрал-таки мороз. И тут обнаружил, что остался один с двумя мешками. То ли кто-то по оплошности забыл свой мешок на краю, то ли просчитались при упаковке. Но не оставлять же? Правда, с минуты на минуту должны подойти из города Сергей Шалыга с Колей Бердюгиным — они оставались отмечать обратные авиабилеты. Но когда это будет? Так или иначе, но Мальков решил взять вниз оба мешка, тем более что на спуске — не на подъеме! — это не так тяжело.

И вот тут Валера призадумался в первый раз. Карабин он отдал. . . А чем цеплять транспортники? Впрочем, не велика проблема. Мальков отстегнул от беседочного мэйон рапида верхний карабин трансрепа и прищелкнул на него оба мешка, а верхний конец трансрепа, подумав, привязал к рапиду узлом.

Если бы в тот момент кто-нибудь сказал Малькову, что ему предстоит в ближайшие 4 часа — не поверил бы. Чушь собачья! Но незримая пока цепь ошибок продолжала раскручиваться, незаметно набирая обороты.

Готовясь к спуску, Мальков рассовал по карманам штормовки запасные лампочки, спички, курево — все, что полагается на случай остановки для мелкого ремонта — благо, за плечами приличный походный опыт. Аккуратно заправил штормовку под беседку — чтоб не цепляться лапами в узких местах пещеры, затянул пряжки. А вот чресплечный ремень, что подтягивал грудной зажим чуть ли не к подбородку, мешая толком распрямиться, наоборот расслабил и с наслаждением выпрямился. Так-то лучше, чтоб на спуске не мешал.

— Свободно! — глухо донеслось из мрака колодца. Значит, Хардиков уже прошел очередной промежуточный крюк.

— Понял! — отозвался „по уставу“ Мальков и начал спуск.

Первый крюк он прошел отлично. Подвешенные практически прямо к решетке мешки не мешали, их вес не ощущался. С этого места стена колодца приобретала отрицательный уклон, ноги отрывались от скалы, но в семи метрах ниже трасса снова подходила к стене — к очередному промежуточному закреплению. Трения здесь не было, и ПЗ носило чисто учебно-тактический смысл. Чтобы дотянуться до этого крюка, надо было маятником подкачнуться к стене. Приспустившись к ПЗ и подтягиваясь к крюку, Валера обнаружил, что мешки находятся почему-то совсем рядом с ним.

Сцепленные одним карабином транспортники оседлали корем — провис веревки рядом с крюком, и теперь висели рядом, мешая дальнейшему спуску. Мальков с трудом перевалил один из мешков через веревку, и вся связка неожиданно увесисто рухнула вниз, да так что навеска содрогнулась.

Валера опасливо покосился на крюк, но тот держал нормально, и Мальков приступил к перестежке. Зависнув у крюка на самостраховочном усе, он выстегнул решетку из корема и закрепил ее на веревке под крюком. Затем выстегнул ус, уселся на решетку и... ни с места! Какая-то таинственная сила не пускала его вниз.

— Вот так хохмочка! — подумал Мальков. — В чем дело?

При осмотре „места происшествия“ выяснилось, что он скинул мешки не с той стороны корема, и теперь с одной его стороны висели мешки, а с другой — их хозяин. Попробовав на вес связку мешков, Валера понял, что из этого положения подтянуть мешки за тоненькую ниточку трансрепа и перекинуть в нужную сторону ему не по силам.

— Что ж, — сказал Мальков, — тогда приподнимемся.

И в этом не было ничего незнакомого — обычный технический элемент. Мальков снова встегнул в крюк самостраховочный ус, выстегнул решетку и попытался вставить веревку выше крюка в свой грудной зажим. Однако, натянутая весом перекинутых через корем мешков, веревка вставляться в зажим не желала. Надо было немножечко поднять зажим вверх, а для этого — чуть-чуть привстать.

Не тут-то было! Сам-то Валера привстал, но зажим поему-то остался на месте. Валера вспотел. Даром, что мороз — от Малькова густо валил пар, застилающий лучик налобного фонаря.

— Попробуем по-другому!

Мальков машинальными движениями снова встегнул решетку ниже крюка и попробовал спускаться, противовесом подтягивая мешки вверх через корем. Новое дело! Если в первый раз он хоть чуть-чуть, но приспустился, то теперь ощущение было такое, будто его намертво пристегнули карабином к рапели.

— Э-эва! — донеслось снизу. Это Хардииков сообщал, что он уже на дне колодца, в Снежном гроте. — Как дела?

Как дела!

— Нормально! — почему-то крикнул Мальков, обдумывая, что бы ему еще такое предпринять.

И тут ему почудились голоса наверху, где последними отблесками угасал короткий мартовский день. И точно — это вернулись из города Шалыга и Бердюгин. Мальков заорал.

У парней оказалась с собой дополнительная веревка. С ее помощью они попытались приподнять мешки, которые капканом держали Малькова у крюка. Получилось. И дело пошло так хорошо, что Малькову удалось даже встегнуть грудной зажим выше крюка и изготовиться к подъему на зажимах. Он сгруппировался, уперся обеими ногами в педал, крепче вцепился руками в ручку ведущего зажима и рывком встал. Рывок получился на славу — Мальков так и подскочил вверх. Но почему-то грудной зажим, а попросту — кроль, снова остался на месте, и веревка через него не продвинулась ни на сантиметр.

Подергавшись еще какое-то время, Мальков был вынужден снова вернуться в исходное положение. Почему не идет вверх кроль? Какой-то

чертов магнетизм исходит от этого крюка! Впору было плюнуть через левое плечо.

Что-то зашуршало сверху. Мальков даже не успел среагировать, как увесистая снежная лапа мазнула его по каске, осыпав ледяным инеем. И стало темно. Он не понял. Повертел головой, ощупал каску. На ней не было налобного фонаря. Сбило!

—Потише там, наверху!— заорал Мальков в полной темноте.

—Что у тебя?— Шалыга, видимо, дубел там от холода. Так у них там хоть костер!

—Налобник потерял! Снегом сбило.

—Запасной свет есть?

—Есть!— Валера достал из-за пазухи ручной фонарик, включил— стало веселее. Но свет был дохлый. Хотел ведь заменить перед спуском батарейку, да пожалел старую выбрасывать.

—Слушай!— донеслось сверху. —Да обрежь ты эти проклятые мешки. Пусть летят! Там Хардигов ушел?

—Идея!— Мальков полез в карман штормовки, куда он положил свой складной нож: резинки, чтобы повесить нож на шею у него не нашлось. Нож— обязательное снаряжение кейвера-вертикальщика. Сейчас он, наконец, избавится от заколдованных мешков.

Ап!.. В карман было не пробиться! „Недаром“ он так тщательно заправлял полы штормовки под беседку. Вместе с ними заправил под ремни и карманы. Теперь, в нагруженной беседке, в них не то что рукой залезть— палец не просунуть!

—От зараза!— выругался Мальков. А ведь там и спички, и курево, и лампочки запасные... А ну как сейчас ручник¹⁷² перегорит? Что же делать? И тут пришла спасительная мысль. Он спустился последним. Перед ним— Серега Хардигов. А перед Серегой— Шеф.

Надо звать Шефа— он все устроит.

* * *

Хардигов все это время маялся в 70-ти метрах ниже в гроте „Жуткий треугольник“. Если сесть на когда-то упавшие сверху бревна и посмотреть на потолок— на душе с непривычки становится нехорошо. Над головой нависает огромная треугольная плита, на первый взгляд ничем не связанная с окружающими скалами. Точно— Жуткий треугольник!

Из уходящего вниз узкого ходка сквозило. Холодно. Хардигов выкурил уже третью или четвертую сигарету и пребывал в раздумье. Главное, он не знал двух вещей: куда идти дальше и где запропастился Мальков? В принципе, Шеф, дождавшись Серегу на дне этого колодца, сказал, что надо идти прямо в ходок, держась левой стенки, и там справа будет спуск в Большой грот. Перекурив, Шеф юркнул вот в эту маленькую дырочку и был таков. Но где же все-таки Валерка? В Большом гроте, небось, уже ужин поспевает, мужики сало достают...

И вдруг Хардигов насторожился. Из сумрачного каменного неба явственно донесся крик. В этом отчаянном вопле Серега узнал голос Малькова.

—Сере-ога!— орал Мальков. —По-мо-ги!

¹⁷²Ручник— ручной фонарь, спелеосленг.

Что-то в этом роде, потому что точно было не разобрать. Бросив сигарету, Хардииков рванулся к веревке. Сбивая коленки о скалу, он, как мог быстро, принялся карабкаться вверх на зажимах по 30-метровому колодцу, теряясь в догадках о происшедшем.

Протискиваясь через узкую щель на верху колодца в Снежный грот, весь в мыле от этого вертикального кросса с препятствиями, Хардииков с трудом переводил дух.

— Валера! Что у тебя?! — эхо пошло по колодцу будь здоров! Хардииков и раньше не отличался тихим голосом.

— Завис я, Серега!

— К тебе подняться? Помочь?

— А Шеф где? — будто не слыша, отозвался сверху Мальков.

— Так он уже когда ушел! Мы с ним в Жутком расстались. Так чем помочь-то? Подняться?

— Ладно, сиди там, — Хардиикову показалось, что Мальков в этот момент махнул рукой. — Чем ты мне поможешь? Сам буду...

* * *

В Большом гроте собралась почти вся команда. Боря Алексеенко кочегарил примусы, Люба и Таня „накрывали на стол“. Всегда есть что-то поистине пещерное в этих трапезах на перекошенных глыбах, где самый большой дефицит — ровное и относительно чистое место.

Шеф, как окрестили руководителя соклубники, спустился в грот последним. Сзади оставалась только двойка Хардииков-Мальков. Но вот нету их почему-то уже целый час. Пойти, что ли, посмотреть? После тяжелого дня — дорожная суета с утра до вечера да еще спуск в пещеру — шевелиться не хотелось. Тем более что впереди уже явственно проглядывал ночлег. Кое-кто уже расстилал спальные мешки в редких горизонтальных местах среди глыбового навала крутосклонной осыпи, что покрывает дно Большого грота Торгашинской пещеры.

Посмотреть? В принципе — идти-то всего ничего. 30 метров подъема из Большого грота, дальше на карачках вверх по скользкому „Первому трамваю“ — и ты в Жутком. Всех дел минут на 15–20. Но не хочется — страсть! Где же они застряли, черти?

— Ну что, нету? — мужики усаживались в кружок, доставали сигареты. Все снимали с себя снаряжение, так что искушению Шефа послать кого-нибудь на разведку, суждено было пропасть втуне.

— Покурим, и пойду смотреть, — сказал он. — Карбидочку вот заправлю... на всякий случай, и пойду.

Ты гляди, и правда, надо идти! Нет никого. Что могло случиться? Шеф тяжело поднялся и, бряцая железом, побрел вниз по осыпи. Карбидка, ярко вспыхнув, залила все вокруг желто-оранжевым светом, и тогда отчетливо проступили на большой высоте причудливые контуры потолка зала, корявые тени на нем, черные отверстия „окон“. Подойдя к началу подъема из зала, Шеф на всякий случай гаркнул вверх. Тишина. Грустно вздохнув, он щелкнул зажимами на пристежке и пошел по веревке наверх.

Приятная все-таки штука — выйти из-под влияния обыденности, устоявшихся представлений! С молоком матери мы впитали, что вертикаль

не для нас. Человек — существо повышенной проходимости, но вертикали — не место его жизнеобитания. Это другая, враждебная нормальной жизни среда. Передвижение по вертикали всегда вызывает повышенные затруднения: физические или психологические.

Тем заманчивее вертикаль! Это как свободный полет — извечная мечта человека. Парить в воздухе! Этим ощущением упиваются парашютисты, пара- и дельтапланеристы. . .

Приятнейшее ощущение! Если, конечно, не потеешь от страха.

Кейверу полет противопоказан. Но остается вертикаль! В пещере вздыбленный, задранный вверх, опрокинутый вниз мир колодцев и пропастей очаровывает своей суровой поэзией. Но вот парадокс — любоваться ею Шеф смог только последние годы с переходом на технику одинарной веревки. В Киевской и Снежной прошлым летом, впервые за годы подземных штурмов, он пережил состояние всемогущества над вертикалью. Нет, не так. . . Не всемогущества, но какой-то удивительной свободы, родства, слияния с черным миром пещеры.

. . . Вот и верх колодца. Перила охраняют ротозеев от падения в скользкий желоб. Никого. Орать в узкий лаз Первого трамвая бесполезно — все едино ничего не услышишь. Надо лезть. Периодически какие-то „умники“ перекрывают это место дверцей на цементной кладке — чтобы усложнить доступ к недрам пещеры („пусть не ходит, кто попало!“). Что будет, случись в пещере беда, при этом не задумываются. Потом благоразумие берет верх, и дверь выламывают. Благо, сейчас проход открыт. Надо лезть. Добравшись до выхода в Жуткий, Шеф гаркнул снова.

— Э-эва-а!

И снова ответом тишина. Заинтригованный до крайности, Шеф вылез в грот. Здесь они расстались с Хардиковым. Вот и мешок его лежит. А Сереги нет. Чудеса! Заблудились они, что ли? Ушли куда-нибудь в грот Скелетов, в Инфаркт какой-нибудь. . . Так, вообще-то, мудрено!

. . . Шеф застал заиндеветшего Хардикова на колодец выше, в Снежном гроте, и тут же пошел вверх к Малькову. Валера висел на том же месте. Ручной фонарик почти сдох, физиономия синяя от холода.

— Живой?

— Живой, — мрачно отозвался Валера, с трудом шевеля неважно повиனுющимися губами. — Было б толку. . .

— Спокуха. Сейчас мы тебя распеленаем. Сам спускаться сможешь?

— Ты это. . . Шеф, я в порядке, ты не думай.

— Так ты сколько уже висишь?

— Черт его знает. Как пошли — так и завис.

* * *

Распутывая Мальковскую паутину, я восхищался нагромождению вроде бы маленьких ошибок, приведших к такой, прямо скажем, аварийной, ситуации. Маленькая причинка влекла за собой такое же маленькое следствие, из которого следовало нечто покрупнее, и все снежным комом постепенно выкатывалось из-под контроля непосредственного виновника-исполнителя. Все это напоминало расхожий анекдот про героя Гражданской войны, перефразированный ребятами по мотивам прошлогодней не совсем

удачной экспедиции в Алтайскую, возглавляемой некурящим спелеологом Лехой Васюковым. Рассказывали его так:

- Как сходили, ребята? Без происшествий?
- Нормально. Померзли только малость.
- Дров что ли было мало?
- Дров-то навалом, да не спать же у костра. А в палатках-то дубак...
- Так вы что — в палатках ночевали? А чего не в избе?
- Так изба в Устюбе сгорела.
- Изба сгорела?! Печку что ли проморгали?
- Да нет. Леха Васюков курил да окурочил в угол бросил...
- Ну, ты врать! Леха-то не курит!
- Закуришь тут, если у нас тетка¹⁷³ в колодец Шабанова¹⁷⁴ улетела!

Так и в Торгашинской. Не отдай Мальков карабин — не пришлось бы намертво привязывать трансреп к своему беседочному мэйон-рапиду. А значит, мог бы, в крайнем случае, отстегнуть и сбросить вниз мешки, или перевесить их на корем. Через полтора года после описываемых событий на Арабике в Перовской я неожиданно попал в похожий переплет, но об этом позже.

Транспортируя два мешка, полезно использовать и два трансрепа. Тогда не придется бороться с весом двух транспортников одновременно. Поднимая мешки по одному, Валера успешно выпутался бы из корема: два раза по 10 килограммов поднять проще, чем один раз 20! Дальше больше. Нож у Валеры оказался в столь труднодоступном месте — в прижатом обвязками кармане, что оказался не полезнее зубочистки. Не говоря уже об остальном содержимом карманов.

То, что с каски сбило налобник — это судьба. Такие случаи достаточно известны. Но крепление фонаря было явно ослабленным, ненадежным.

Потом пошел просто заполох. Если хорошо знакомые предметы перестают привычно подчиняться, если обычные действия вдруг начинают давать неожиданные результаты — тут человек может просто растеряться. Мальков не понимал истинных причин событий. И действия его, естественно, не были адекватны ситуации. Это из той же серии, что и многократно описанные в популярной литературе idiotские поступки людей при неожиданной встрече с инопланетянами или другими сказочными существами. Вместо того чтобы по назначению использовать подарок судьбы, большинство персонажей начинают креститься, не верить своим глазам, чего-то пугаются, плюют через левое плечо — в общем, ведут себя по-человечески.

Вот такой полтергейст приключился и у Малькова. Должен спускаться — не идет решетка. Почему-то и в голову не пришло проверить правильность пристежки. Проверил бы и увидел, что впопыхах вставил рапель в спусковое устройство в порядке обратном нормальному. Дело в том, что решетка — единственный тип спускового устройства, которое в такой ситуа-

¹⁷³ **Тетка** — общераспространенный сибирский термин, обозначающий человеческое существо женского рода.

¹⁷⁴ **Колодец Шабанова** — 18-метровый колодец в главном стволе пещеры Алтайская, куда, не справившись со спусковым устройством, упала юная представительница Восточно-Казахстанского города Лениногорска (Риддер), благо, отделавшись легким испугом. Чего нельзя сказать о руководителе экспедиции, к ногам которого рухнуло юное создание — его впечатления оказались много более сильными.

ции начинает работать как самохват, намертво зажимая веревку¹⁷⁵. Короче говоря, Мальков встегнул веревку наоборот, и решетка заклинила веревку.

Убедившись, хотя и не поняв почему, что спускаться невозможно, Валера попробовал подняться. И это ему, без сомнения, удалось, если бы не сверх меры расслабленный перед спуском чресплечный ремень. Ремень не мог потянуть вверх Валерин грудной зажим, потому что был плохо отрегулирован.

Длинная цепочка маленьких оплошностей. Они крепко вошли в нашу жизнь — маленькие небрежности, небольшие неаккуратности, крохотные поблажки своей совести... SRT серьезно мстит за несоблюдение своих законов.

Потом, конечно, было много смеха. Валеру поздравляли со своеобразным рекордом: никто еще на нашей памяти не мог похвастаться, что провисел в обвязках 4 (четыре!) часа — а именно столько Мальков мужественно боролся с собственным снаряжением в первом колодце Торгашинской. Предложенная мной для работы способом „Дэд“ система обвязок „Сумган“ прошла отличные испытания, так сказать, на живой натуре в экстремальной ситуации.

Злоключения Валерия Борисовича в пещере Торгашинская на этом, понятно, не закончились. Известно, что если уж начало не везти, то это надолго. Надо смириться и не роптать. Мальков так и поступил. Поэтому он мужественно переночевал в Большом гроте без спального мешка — все места оказались почему-то заняты, а наглости распихать нахально храпящих собратьев у него не хватило.

Мало того, на подъеме из пещеры Валера сломал пружину своего грудного зажима, и его кулачок до самого верха пришлось подпружинивать пальцем — не больно приятное занятие, доложу я вам! А на самом верху — в подарок Шефу! — Валера переломил еще и пружину моего фирменного французского пуани.

Вот уж воистину: русскому мужику любая иноземная техника нипочем!

* * *

Так вот, о Перовской. Мы поднимались с Сухого дна, только что покинули изнуряющую Мормитовую галерею¹⁷⁶ и находились где-то на –700 или чуть выше. Пещера здесь утрачивает стройное стремление вниз и разрастается заваленными обломками скал подземными залами, в которых надо уметь сориентироваться. Навеска была сделана поляками, но по пути вниз нам то и дело приходилось обвешивать отдельные опасные участки перилами. Я стоял на просторной полке и теперь передо мной был именно такой участок горизонтальных перил, увенчивающий каскад отвесов, оборудованный сплошной навеской со многими перестежками. Мне оставалось подняться

¹⁷⁵ Это свойство решетки оставляет некоторую надежду на спасение, если над спускающимся произойдет обрыв веревки — при удачном стечении обстоятельств есть шанс задержаться на решетке на конце оборванной веревке.

¹⁷⁶ Слушай, как-то спросил я у непревзойденного специалиста по Перовской и ее первопроездца Володи Киселева, почему она называется Мормитовой? Там котлы такие водобойные, кипят от водопадов, как кухонные мормиты, усмехнулся Киселев. Дойдешь, сам все увидишь...

до крюка метра три, после чего веревка шла вправо вдоль узенькой полочки, приводящей к выходу из отвеса.

По пути вниз — я это отлично помнил — эти перила показались мне навешенными слишком низко. И вот теперь я получал подтверждение негодности навески. С увесистым баллоном на трансрепе¹⁷⁷ плюс собственный мешок, я никак не мог выбраться и встать на полочку, чтобы, наконец, освободить веревку. Снизу уже подходили, поджимали меня поднимающиеся следом мужики. Мне не хотелось их задерживать — всегда неловко себя чувствуешь, когда заставляешь кого-то ждать — и я несколько заторопился.

— Так, — подумал я вслух, — А не попробовать ли уйти по перилам, как по навесной переправе?

Дополнительным карабином я пристегнулся беседкой к веревке, отстегнул самостраховочный ус и легко отъехал по перилам метра на полтора от крюка. И точка! Дальше перила поднимались вверх, и на одном ведущем зажиме мне никак не удавалось подняться сколько-нибудь далеко, а кролль я встегнуть в горизонтальные перила уже не мог: не хватало гибкости связующих элементов. И я завис. Глупость положения усугублялась тем, что висел я в полуметре над прекрасной площадкой, по которой во время паводков устремлялись потоки воды — именно потому поляки не сделали навеску по этому, на первый взгляд более удобному, пути, а ушли вправо по стене.

Итак, я комфортно, но беспомощно висел в полуметре над землей. Разумеется, у меня было достаточно вариантов выбраться из этого дурацкого положения, но все они были лишены должной элегантности. Ну не резать же перила? И не бросать же баллон!

И тут меня осенило. Баллон! А почему бы, по крайней мере, от него на время не освободиться? Надо было сделать это еще около крюка! Мой трансреп был пристегнут к мэйон-рапиду карабином, поэтому мне легко удалось перевесить баллон на перила. Удивительно это ощущение освоения от давящего вниз груза. Теперь мне без особого труда осталось выполнить все остальные необходимые маневры: закинуть ноги на перила и продвинуться вдоль них до выхода из отвеса, одновременно подтаскивая баллон.

Невесть какая сложная ситуация. Но мгновенное ощущение беспомощной растерянности запомнилось мне надолго.

* * *

Так, в муках отдельных товарищей, рождались принципы будущей школы обучения SRT. И постепенно мы все более убеждались, что старая методика для этого принципиально не подходит. Надо, надо было создавать свою.

Вот некоторые принципы, кажущиеся мне основными. Начальное обучение должно проходить на специально оборудованных полигонах, в скальных лабораториях, в спортивных залах со специально оборудованными

¹⁷⁷Мы доставали отработанные баллоны от аквалангов с —800, и мне до сих пор порой чудится их оглушительный звон о скалы. Этакие „сладкоголосые“ колокольчики по 7 килограммов весом! За 6–7 часов работы этот звон может серьезно надоесть.

тренажерами. Главное — чтобы был смоделирован весь необходимый набор элементарных препятствий, а инструктор имел достаточный обзор для наблюдения за обучаемыми.

Не стоит пренебрегать теоретическими занятиями, дающими знания, как основу для понимания сути реальных процессов, происходящих на вертикалях. Голая практика не может дать полноценного мастера. Тем более — инструктора.

И только на третьем месте пещера. Пещера — как шлифовка, как совершенствование уже имеющихся навыков и умений. Пещера может, но не должна стать единственной и самоцельной формой обучения работе на одинарной веревке. На подземных вертикалях опасно учиться азам. Азам надо учиться в классе.

Ну и — индивидуальный подход. Выявить уровень мастерства не помогут никакие справки о постепенно набираемом опыте. По бумаге не определишь — что реально может человек, знает ли предмет, в какой мере владеет тем, чем занимается. Формальная продолжительность занятий и стаж не вполне отражают уровень того или иного спортсмена. Кто-то уже через год станет надежным бойцом, кому-то для этого не хватит и десяти. Тут не должно быть формализованной усреднилочки.

Очная аттестация на технической трассе на виду у компетентных экспертов — неплохой способ выявить некую начальную квалификацию кейвера. Далее о ней скажет его „послужной“ список — вне зависимости от последовательности прохождения подземных маршрутов. В принципе, небезразлично, в каком качестве пройдены те или иные маршруты: участником или руководителем. Это может оказаться важным для формирования состава для выполнения тех или иных задач, — в конечном счете, от удачно подобранного состава в первую очередь зависит успех любой затеи.

При этом не стоит забывать одну деталь — каждый из нас должен захотеть пройти то или иное обучение, тем более какую бы то ни было аттестацию. Заставлять — это не метод.

Конечная цель обучения кейвера — воспитание возможно более полных навыков автономной работы, самостоятельного принятия адекватных решений, способности эффективно действовать под прессингом быстро меняющейся обстановки в условиях экстремальных, в том числе аварийных ситуаций. Именно способность надежно самостоятельно работать под землей говорит о степени мастерства в кейвинге. И не только в кейвинге. В SRT — это основное условие. На одинарной веревке каждый работает в одиночку, и рассчитывать нужно только на себя.

* * *

Наша первая километровая СРТ-экспедиция была очень неоднородна по составу. Один из нас имел довольно солидный спелеостаж и опыт инструкторско-методической работы, но личное достижение глубины всего — 700 метров. Второй — личный рекорд — 500 при весьма скромном стаже. Остальные двое до того имели опыт прохождения пещер глубиной всего в — 150 метров. Но при этом один из этих двоих имел немалый общепутристский стаж, а второй был просто хорошо подготовлен физически и достаточно психически уравновешен. При этом он не знал другой техники,

начав свой путь в кейвинге сразу по одинарной веревке.

Ни одна маршрутно-квалификационная комиссия не выпустила бы нас на этот маршрут, укажи мы в заявочных документах все как есть. Тот факт, что три месяца этим составом мы только что не ночевали на скалодроме, посвящая упорным тренировкам — „изучению предмета действием“, все свободное время — кого интересовал этот факт? Ни одна МКК не приняла бы его во внимание, да и не имела права принять. А между тем эти тренировки на полигоне с хорошим обзором, с возможностью вовремя выявить возникающие ошибки и неувязки стали залогом нашего успеха.

Сработали мы очень надежно, не допустив ни одной сколько-нибудь существенной ошибки. Возвращаясь мысленно к той далекой уже Первой экспедиции, часто задумываюсь — что бы было, если по какой-либо причине мы потерпели аварию, вроде той, что подстерегала нас годом позже? Как бы справилась с ней наша столь неравноценная по составу группа?

И прихожу к выводу, что однозначно ответить нельзя. Довольно прилично овладев техникой одинарной веревки, мы не смогли добиться того же в технике спасательных работ на этой самой веревке. Потому что спасательные работы под землей проверяют нас не только на владение техникой, но стократ — на психологическую выносливость. А она приходит с опытом. С тем опытом, которого в целом у той команды не было, да и не могло еще быть.

Опыт, устойчивость к агрессивным факторам пещеры приобретаются только под землей. Никакими скалодромами его не заменить. Но фундамент всему должен закладываться в тренировках на приспособленных полигонах, в углубленном изучении дела, которым собираешься заниматься. Так что же нам оставалось при отсутствии этого самого опыта? Не ходить? Или подождать лет 5–6, пока этот опыт будет приобретен в соответствии с существовавшими правилами? Нет. Этого я себе позволить не мог. Мы готовились, как могли, и рисковали осознанно. Я и сегодня не вижу другого варианта достичь поставленной тогда цели — доказать себе и другим, что SRT в пропастях СССР — не иллюзия.

* * *

... Мы возвращались из Торгашинской, а навстречу нам по заснеженной дороге тянулись в ночи группы томичей и красноярцев, иркутян и новосибирцев — на выходные дни в знаменитую пещеру съезжались группы со всех не слишком удаленных уголков Сибири. Из такой дали — из Казахстана, мы были одни.

И только мы одни возвращались из Торгашинской, оставив на стенах ее колодцев первую в Сибири цепочку шлямбурных крючьев SRT-трассы. А увозили — первое SRT-описание маршрута по сибирской пещере, зарисованное в мой блокнот.

И конечно, уверенность, что мы еще вернемся.

Уходим мы, пройдя сквозь все,
Пройдя и выйдя, мы уходим,
А вас азарт надежд несет
Навстречу нам, навстречу ночи.
Проходим мы, как корабли,

6. Нейлоновая дорога вниз 6.3. *Раз ошибка, два ошибка, будет...*

Скользим бок о бок курсом встречным:
Мы вниз, под горку, мы — прошли.
Вы — вверх, грядущему навстречу!¹⁷⁸

¹⁷⁸К. Серафимов „Идущим вверх“, Красноярск, 1983 г.

7. Правила игры

7.1. Не кричи, умирая. . .

Враца встретила нас дождем. Скалы кутались в облака, и высокие черепичные крыши казались выше гор. У стеклянных дверей гостиницы яркий стенд: черная летучая мышь с красным крестом между крыльями. Первая в Болгарии международная школа по спасению в пещерах. В октябре 1988 года здесь собрались представители девяти стран мира, чтобы обсудить проблемы спасения в кейвинге. Франция, Италия, Бельгия, Куба, Греция, Венгрия, Чехословакия, естественно—Болгария, и—совсем неестественно—Советский Союз. Мы пожинали первые плоды перестройки: делегация советских спелеоклубов впервые за долгие годы появилась на столь представительном форуме, причем по собственной инициативе и без участия официальных структур.

Интересно нам, и мы, чувствуется по всему, привлекаем всеобщее внимание. Советский кейвинг, в течение многих лет отгороженный от всего мира, приоткрыл двери в Большой Свет. Наша команда наиболее представительна и численно: здесь спелеологи Каунаса, Рустави, Симферополя, Сочи и Усть-Каменогорска. Мы с Любой второй раз за границей, за всю нашу уже не очень маленькую жизнь. Люба как-то была по путевке в Венгрии, я—как-то родился в Болгарии в незапамятные для меня времена. . .

Мы знакомимся с объехавшими полмира французами, итальянцами, бельгийцами и не чувствуем зависти. Нам просто хорошо здесь среди своих со всего света. . .

Мы приехали на Школу не прохлаждаться. В программе две мои лекции—единственные советские лекции, и приятно, что этой чести удостоен именно я, представитель такого далекого Усть-Каменогорска. Конечно, кроме прочего, причиной тому известный интерес со стороны БФПД¹⁷⁹. Болгарским спелеологам хочется из первых уст услышать, что случилось с их коллегой на Кырк-Тау, что вообще произошло, и как нам удалось все то, что удалось.

Понятно, что я немного волнуюсь. Впрочем, благодаря Резвану, мне не впервой выступать перед интернациональной аудиторией. В прошлом году на международном спелеосимпозиуме в Тбилиси¹⁸⁰ было гораздо труднее. Тогда мы впервые заявили о советской SRT и ее перспективах в исследованиях высокогорного карста. Доклад¹⁸¹, который я читал по материалам только проведенных нами победных SRT-экспедиций в КИЛСИ и Снежную, иллюстрируя слайдами с видами Бзыби и Зеравшана, судя по доброжелательным улыбкам зарубежных коллег, был достаточно наивен, если смотреть с высот мирового кейвинга.

Что ж, мы это прекрасно понимали, но ощущая эту лучистую доброжелательность, чувствовали себя прекрасно. С чего-то ведь надо начинать! И

¹⁷⁹БФПД—Болгарская Федерация Пещерно Дело.

¹⁸⁰Это был Первый International Symposium of Speleology, проведенный Международным Союзом Спелеологов (UIS) в СССР—и последний.

¹⁸¹Резван В. Д., Серафимов К. Б. „Результаты и перспективы способа SRT в советской технической спелеологии“ Сборник материалов Международного Симпозиума Спелеологов „Проблемы комплексного изучения карста горных стран“, СССР, Тбилиси-Цхалтубо-Сухуми, 5–12.X.1987, Тбилиси, МЕЦНИЕРЕБА, 1989.

дебют вполне удался.

* * *

Тбилисский симпозиум оставил о себе много сильных впечатлений. Одна дорога туда чего стоила! До сих пор вздрагиваю, вспоминая.

Билеты на самолет я заказал заранее. И все получалось очень удачно: вылетаю утром из Усть-Каменогорска в Ташкент, встречаюсь с друзьями, а рано утром — в столицу солнечной Грузии. В те времена летать приходилось часто, и обычаи аэрофлотовские¹⁸² мне были хорошо знакомы. Поэтому я никогда не отваживался приезжать впритык к регистрации, а тем более, к посадке. Запросто можно было остаться без места или влететь в другую непредвиденную неприятность. Так что в аэропорт я прибыл заблаговременно.

Регистрацию объявили вовремя, но с посадкой почему-то медлили и, наконец, объявили-таки задержку на целых два часа. Не сказать, что я очень расстроился — время было раннее, утро в разгаре. Наверно поддавшись очарованию этого так много обещающего осеннего утра, я совершил большую стратегическую ошибку в вечной войне с Аэрофлотом — я поднялся на второй этаж аэропорта, сел на свободную лавочку и достал дорожный детектив. Ясно, в чем ошибка? Ну, конечно! Искушенный в общении с Аэрофлотом пассажир не удалился бы от посадочной секции и на полметра, на сколько бы часов ни откладывали рейс.

... Через час я начал заинтересованно посматривать в сторону репродуктора, но никаких объявлений относительно рейса на Ташкент я не так и не услышал. Потому что, спустившись к справочному, узнал, что... мой рейс улетел двадцать минут назад.

Если сказать, что у меня подкосились ноги — это ничего не сказать. Следующий рейс на Ташкент уходил только через полтора суток. И даже улетев в столицу Узбекистана, как я мог рассчитывать на место до Тбилиси? Транзит пропадал безвозвратно...

Ужас, отчаянье и бесконечная горечь охватили меня. Можете ли вы себе представить, мой Замечательный Читатель, что значила для меня, заштатного спелеолога из провинции, эта поездка на МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ?

Вокруг меня теснились собраты по несчастью — не только меня подвела доверчивость, а я чуть не плакал от досады и безысходности.

Спасение имело облик невысокого чернявого кавказца с живыми неуступчивыми глазами человека, знавшего, с какой стороны подступиться к жизни.

— Слушай, дарагой. Что будем делать? Лететь надо.

— Куда лететь-то? Нет самолетов на Ташкент...

— В Чимкент лететь надо. Там доберемся как-нибудь. Всего сто километров ехать будем. А?

Самолет на Чимкент уходил вечером. Плакала моя надежда встретиться с друзьями-узбеками. Да и сама возможность попасть на Симпозиум все еще рисовалась мне весьма призрачной. Хотя... По расчетам мы должны

¹⁸²Была такая суперавиакомпания в СССР, о которой говорили: „Хочешь добраться быстро — лети самолетом, хочешь — вовремя, езжай поездом!“

были прибыть в Чимкент за 7 часов до вылета моего рейса на Тбилиси. Можно было успеть!

С трудом дожидаюсь вечера, и вот мы с моим товарищем по несчастью в воздухе. Самолет идет на Чимкент через Алма-Ату, и мне это очень не нравится. Знаю я все эти посадки-высадки. С каждым часом настроение все более садится. Мы задерживаемся в Алма-Ате, мы чуть ли не на пузе ползем по ночному небу, черт бы побрал!

— Далетим, дарагой! Нэ переживай.

... Чимкент. Мы, наконец, вырываемся из-за загородок летного поля в город. Два часа ночи... Два часа ночи! У меня всего пять часов до вылета из Ташкента. Бежим через строй таксистов, что с непривычной для Усть-Каменогорска назойливостью вылавливают обреченных пассажиров — транспорт не ходит! Я начинаю подозревать Аэрофлот в сговоре с этими ночными извозчиками: он наверняка в доле. Иначе зачем бы самолеты всегда прибывали в самое неудачное для пассажиров время?

— Куда едем?

— В город едем?

Все такие услужливо-нахальные.

— В Ташкент кто отвезет?

— В Ташкент?

— В Ташкент хочу.

— Вон там, на площади посмотри. Там отвезут.

Неужели это возможно? Выбегаем с моим кавказцем на площадь. Белые „Жигули“.

— В Ташкент везешь?

— Можно. Сколько вас?

— Двое.

— Семьдесят.

— ...!

Моя месячная зарплата на станции юных туристов — 162 рубля, а авиабилет Усть-Каменогорск — Ташкент стоит 36...

— ... С каждого по 35.

Переглядываемся. Чувствую, что мой кавказец тоже не в восторге от расценок, но деваться нам некуда.

— Годится.

— Садитесь.

— Слышь, друг, у меня через пять часов самолет из Ташкента. Надо быть к регистрации.

— Будем.

Черт! Деньги — это сила. Не окажись у меня злополучных тридцати пяти рублей (отсутствие которых, кстати, заметно подорвало мой командировочный бюджет, ну, да и черт с ними!), не окажись у меня денег — сидеть бы мне в этом поганом Чимкенте. А так — едем!!!

Ночная дорога, все сто двадцать асфальтированных километров до узбекской столицы, остаются в памяти шелестом шин, светом фар встречных машин, и еще ночными ритмами группы „Мираж“ из автомобильного магнитофона. Наш молчаливый ангел-грабитель изредка перекидывается парой слов с напарником, и мы ввинчиваемся в не по-октябрьски теплую южную ночь, километр за километр — пока перед нами не воссияли ярко освещенные пригороды Ташкента. Смотрю на часы и не верю глазам:

эти километры мы сделали за полтора часа! Кажется, не хуже самолета получилось...

Мы ворвались в город и... заблудились. Ярко освещенные улицы пустынные, как после чумы. Ни человека, ни машины. Ни указателей. Как проехать в аэропорт?

... Мы уже полчаса мотаемся по идиотски безлюдным проспектам и переулкам. До самолета остается всего два часа. Поставить на карту случай, почти победить и потеряться в городе — что может быть нелепее? Наконец, видим одиноко приткнувшуюся к тротуару машину, подъезжаем спросить дорогу и нарываемся на милиционера, который плотоядно пытается запрячь нашего водителя в ремонт колеса своего ментовского „Жигуленка“.

Чудом вырываемся из ментовских лап и устремляемся в указанном направлении.

В моем дневнике „Тбилиси-87“ есть такие строчки:

«... Вошел в аэропорт и через 30 минут объявили регистрацию на Тбилиси. Уже в самолете начал верить, что все переживания кончились. За все время не ел, не пил, стакан кофе и беляш в Ташкенте...»

Запомнилась мне та дорога. Но она стоила того, чтобы за нее побороться!

Теперь Враца. За окнами туманный Балканский пейзаж. Брусчатка мокрых мостовых навеивает уютное чувство старой сказки. Серое, набрякшее дождем небо. Да-а... Во всякой игре свои правила.

* * *

Год назад, в июле 1987-го, такое небо нависло над Кырк-Тау. Совершенно поразительная для Зеравшана, какая-то прямо-таки кавказская погода.

А настроение отличное! Ведь мы впервые самостоятельно проводим международную экспедицию. На Снежной мы прекрасно поработали с болгарскими, но их приезд организовали старооскольцы. А известно, что гораздо проще провести экспедицию, чем ее подготовить. Кажется, и эту науку мы постигаем успешно. В пещеру идем снова с болгарскими коллегами, на этот раз из софийского клуба „Академик“. Болгарской группой из двух человек руководит наш старый знакомый по Снежной — мой пещерный брат Филипп Филиппов — Фил Фикус. Его товарищ — Стефан Хаджианастасов — маленький крепыш прямо-таки бандитской наружности. И только глаза выдают мечтательную натуру, добрый нрав и слегка пессимистическое восприятие этого мира.

Наша цель — КилСИ. Теперь уже без дураков, без рывков на дно по необорудованным отвесам, а по всем правилам от начала до конца. В нашей восточно-казахстанской команде тоже некоторые изменения. Нет с нами весельчака-гитариста Володи Кочетова. Засосали мирские дела. Его место занимает усть-каменогорец Ержан Аюпов. И впервые на дно Киевской пойдет казахстанская женщина — моя жена Люба. Люба, Любушка, Либенэ...

„Старожилы“ — Коля Бердюгин и Валера Королихин, не устают удивляться капризам погоды. Да и мне дождливая Средняя Азия в диковинку. Всмотриваясь в задернутый сплошной облачностью хребет, куда нам предстоит подниматься, невольно радуемся, что большую часть груза уже подняли наверх наши вспомогатели-школьники из моей юношеской секции, возглавляемые Ержаном.

И вот — снова подъем над звенящей лентой Камангарана, знакомая до мельчайших изгибов тропа. И в паршивой погоде есть своя прелесть — по холодку идетя несравненно легче. Даже изредка налетающий мелкий дождик не портит предвкушения близкой встречи с любимившейся пропастью. Теперь уже скоро.

Часто, в минуты дороги, вглядываясь в лица товарищей, я стараюсь заглянуть в будущее, хотя знаю, что тщетно. Если знать, что будет завтра, сохранили бы мы решимость пройти выбранный в незнании путь? Ступили бы на тропу, зная, что ждет нас в ее конце?

* * *

Подземная база на глубине —650. Только что мы вернулись со дна. Все измучены длительной работой. Спальный мешок — олицетворение счастья. Я засыпаю последним. Сквозь парашютный полог палатки едва светит огонек моей карбидки. Обычно на ночь я выключаю воду, но не гашу огонек, давая ацетилену выгореть до конца. Рядом в четырехместном спальном мешке неровно дышит в тяжелом сне наша интернациональная команда. Где-то за пределами палатки, в дальнем углу зала слышится легкое позвякивание металла. Это начинается подъем по 90-метровому колодцу тройка Королихина. Парни уходят, мы остаемся.

В этой экспедиции все сложилось не так, как планировали. Начиная с погоды. В принципе, до сих пор нам вполне успешно удавалось справляться с появляющимися одна за одной неурядицами. Главная задача выполнена — всем запланированным составом мы побывали на Дне, и дошли до него по всем правилам SRT, без поблажек самим себе. Осложнения, скомкавшие намеченный график, начались на подъеме. Все пошло кувырком, но вот мы, наконец, в базе, сюда же поднято снаряжение, парни поднимаются на поверхность. Мы справились, и все должно встать на свои места.

Сон наплывает все настойчивее, и в какой-то момент я позволяю себе провалиться в забытьё. Сон мой, видимо, короток, но глубок. Не успев провалиться, я уже начинаю выкарабкиваться на поверхность, томимый беспокойством, стремительно нарастающим откуда-то извне. Неудержимо растущий, физически осязаемый свист захлестывает меня и все вокруг сокрушающим шквалом. . .

Ветер??? Он обретает страшную силу! Откуда в пещере ветер?! Он валит, подминает палатку, опрокидывает окружающее с гулом реактивного самолета!..

Меня охватывает страх. Скованное сном сознание рвется из его липких лап. Не понимаю, что происходит. Ужас пытается ворваться в дрожащий мозг, превратиться в панику.

Я уже не сплю. Рядом кто-то хрипло и страшно кричит. К счастью, вокруг не полная тьма — моя карбидка все еще теплится, и в ее призрачном свете

все же что-то видно. Судорожно ищу очки, путаясь в облепившей лицо паутине мокрого капрона рухнувшей палатки. Наконец-то — вот они! Теперь найти свет поярче...

Кричит Фил — это его голос. Все кричат разом, но в голосах Стефана и Любы нет боли, и только Фил стонет жутко, как-то по-животному, с придыхом.

— Что случилось? Где болит? Где? — это Люба.

— О-охх! Бок... О-о-ох! Ноги...

Наконец, нашариваю каску. Включаю налобник — яркий свет разрывает тьму. Глазам предстает картина чудовищного разрушения. Наполовину высунувшись из палатки, вижу, что полиэтиленовый тент обрушен, палатка повалена, и в ее чреве беспомощно барахтаются контуры фигур.

Все еще ничего не понимая, выбираюсь из развалин, босиком впрыгиваю в сапоги: босиком спать теплее, да и носки лучше сохнут в спальнике. Первые действия инстинктивны, как безусловный рефлекс. Мозг еще силен понять происходящее, а тело уже работает, совершая, кажется, единственно логичные действия. Прежде всего, пробую поднять и поставить на место палатку и тент, чтобы освободить своих товарищей и увидеть, наконец, что произошло. Не получается — какая-то тяжесть противостоит моим усилиям. В конце концов, мне удается приподнять переднюю стенку палатки и закрепить ее на глыбе. Теперь вход в базу открыт, и я могу заглянуть в ее нутро.

— Что случилось?

— Что-то ударило сверху!

Все страшно возбуждены.

— Филу плохо...

Но что это? Что? Если бы камень — то нам конец. Это не камень. Это „что-то сверху“. Что может быть сверху?.. Там поднималась двойка Королихин-Аюпов. Это они!

Мысли скачут, прыгают в разные стороны.

— Наверху-у! — ору я, и в этом крике освобождается сдавленная страхом энергия.

* * *

Ержан Аюпов поднимался последним в двойке. На его долю достался увесистый транспортный мешок с веревкой, которую они с Валерой сняли с колодцев по пути со дна. Битком набитый мокрым французским „Беалом“¹⁸³ толстенный болгарский транспортник, килограммов на пятнадцать. Трансрепа у Ержана не оказалось, и он подвесил мешок на обычный репшнур, привязав его к беседке каким-то узлом. Потом он и сам не мог вспомнить — каким...

Это даже хорошо, что они начали подъем, не остались в подземном лагере. После затянувшегося спуска с поверхности на Дно с навеской нижней части пещеры, первая четверка сильно устала, особенно Люба. Почему задержались? Сначала тщательно били крючья, перемерзли, потом трудно шли на подъеме.

¹⁸³ „Беал“ — „Beal“, марка веревки, суперстатик, мечта кейвера-вертикальщика тех лет.

Первая группа еще только возвращались со Дна, как им навстречу прокатила, соблюдая график, тройка Королихина. По готовой навеске Ержан, Валера и Стефан буквально упали на Дно и даже с попутной выемкой снаряжения поднялись в лагерь под Большим колодцем слишком рано — первая группа еще не успела отдохнуть после 18 часов работы.

Накладка в ПБЛ¹⁸⁴ — это всегда печально. Что было делать? В лагере семерым не разместиться. Поэтому решили перекроить составы. Шеф предложил троим, кто посвежее, идти наверх, остальным спать в базе. На том и порешили.

Из первой четверки почти сразу начал подъем на „девьяностку“ Коля Бердюгин. Он шел налегке, так как... Хм, действительно! Бердюгин шел на своеобразный рекорд: он начал спуск с земли, дошел с забивкой крючьев и навеской веревок до Дна и вот теперь, без сна и практически без отдыха, поднимается на поверхность. Этакий бросок на глубину километра!

Вместо него в базе оставался подуставший Стефан.

... Увлеченный своими мыслями, Ержан незаметно поднялся до уступа, разделяющего этот самый большой колодец Пропasti на две неравные части. Меньшая — метров в 30–35, далась довольно легко. Верхний, больший, отвес был занят поднимавшимся первым Королихиным. Судя по колебаниям веревки у влажной коричневой стены, Валера был уже где-то на самом вершине. Ержан пристегнул самостраховку к перилам, пристроил мешок за косою камень на краю площадки и посмотрел вниз. Далеко внизу яркой точечкой горел огонек. Кто-то оставил включенной карбидку. База спряталась за огромной глыбой, и сверху угадывался лишь маленький краешек подсвеченного изнутри тента. И то сказать: 35 метров — добрых 10–12 этажей!

— Свободно! — донеслось сверху.

Значит, Валера вышел из колодца, и можно двигаться выше. Стоя на полке, Ержан подмерз, хотя ожидание не длилось больше пяти минут. Сказывалась усталость после донного выхода.

— Сейчас согреемся! — сказал Ержан и резко начал подъем, чувствуя, как с каждым движением по телу разливается желанное тепло. Тяжелый мешок ритмично болтался под ногами, иногда мягко ударяя о стену.

Ержан прошел уже метров 20, когда неведомая сила неожиданно буквально подбросила его вверх. Он не сразу понял, что произошло, и, только дернувшись для дальнейшего подъема, ощутил непривычную легкость — мешка не было! И тут же леденящий душу свист — даже не свист, а густой шип, все поднимая тональность, наполнил колодец. Глухой удар обо что-то внизу („Полка!“ — мелькнула догадка), и снова гул падающей бомбы...

Удар. Он потряс колодец, эхом взлетел вверх. И потом этот крик внизу, полный безысходности и боли...

* * *

Мешок накрыл палатку. Практически это было маловероятным, так как палатка стояла довольно далеко от трассы подъема под прикрытием высокой глыбы, и падающие в колодец случайные камни всегда ложились вдалеке от лагеря. Об этом достоверно сообщают белые звездчатые следы

¹⁸⁴ ПБЛ — подземный базовый лагерь.

их ударов. Но удар о полку в середине колодца, видимо, роковым образом изменил траекторию мешка.

Если бы мешок упал стоймя на кого-нибудь из спящих, последствия можно предсказать без труда. Но транспортник ударил плашмя, поперек палатки, травмировав троих из нашей четверки. Стефану ушибло левую руку, Любе — левое бедро, но главный удар достался Филу, лежавшему между ними — серединой мешка в левый бок.

Стефан выбирается из палатки, вдвоем мы довольно быстро сбрасываем с тента мешок, и ставим палатку на стойки. Любу бьет сильная дрожь. Фил стонет не переставая.

—Наверху-у! — ору я. — Не двигаться! Ждите!

Ныррю в палатку.

—Что у тебя?

—Все... Живот... Ноги... — Фил приподнимается на локте, глаза с расширенными черными зрачками полны ужаса. — Дай банку...

Правильно, надо проверить, есть ли кровь в моче... Крови нет. Это уже лучше. Значит, можно надеяться, что внутренние повреждения невелики. Так ли это? Осматриваем Фила со всех сторон — никаких следов удара. Ни гематом, ни опухолей, ни явных смещений, ничего! Отчего же такая боль? Наверно, сильный ушиб. Удар пришелся в левый бок, таз, бедро. Мягкий тяжелый удар... Что же делать?

В мозгу тикают невидимые часы. Будто кто-то завел их в момент аварии, и теперь они колотят в виски. Время — это жизнь.

—Я не смогу сам подниматься... — говорит Фил почти нормальным голосом. Иногда ему удается пересилить боль, или она просто на миг отступает. — Ноги...

—Наверху-у! — кричу я. — Идите наверх. Нам нужна помощь! Медики! Блоки на полиспаст! Попросите ташкентцев о помощи. КСС не вызывать.

—О-онял! — ватно доходит сверху, откуда тут же начинают щелкать по заслоняющей нас глыбе мелкие камешки и труха. Ребята уходят наверх, уходят за помощью.

Сколько нам ждать?

* * *

Вот уже пять часов сижу у палатки, подогревая воду на гексогазе — сухого горючего у нас достаточно. Остальные в палатке. Фил тихо стонет. Он мерзнет, и Люба согревает его своим теплом. Стефан спит или просто затих в забытьи. Самое тяжелое у нас еще впереди.

Полчаса назад заставил их поесть. Всех колотит, влажный спальник не дает тепла. Единственный способ согреться — поесть и двигаться. После возвращения со дна все, как всегда в таких случаях, мокры до нитки. Занимаюсь тем, что сушу на свечках мокрые свитера и гамаши. Отупляющее занятие, но что-то же надо делать! Надо чем-то заняться, чтобы успокоиться, чтобы придумать, что же делать дальше, как поступить. Чтобы переждать эти бесконечные часы до подхода помощи сверху.

Сколько им понадобится времени? Авария случилась примерно в три часа пополудни. Парням подниматься наверх, с глубины — 650, самое мень-

шее часов шесть. Потом собраться, спуститься. В принципе, можно ждать спасателей к полуночи, и это самое раннее...

Все наши — и те, кто идет сейчас наверх, и те, кто лежит в этой перекошенной палатке — уже в крайней степени утомления. Остается надежда на ташкентцев, что, как и в прошлом году, работают параллельно.

Вот так влетели... Мать честная, какой будет скандал! Мысли скачут. С трудом заставляю себя додумывать каждую из них до конца. Значит, скандал? Будем надеяться, что его не будет. К счастью, наша экспедиция не заявлена через туристскую структуру. Первая международная казахстанских спелеологов проводится „диким“ образом.

А ведь мы пытались оформить все официально. Но какой шум поднялся в Алма-Ате, как только увидели нашу заявку! Ка-ак? Иностранцы? А почему с нами не согласовали? Почему не предупредили заранее? (Куда уж раньше — документы пришли за два месяца, как и положено по инструкции для путешествий высшей категории сложности!) В Москву документы не пропустили. Хотя не имели права задерживать — не полномочны были решать — разрешать ли путешествие такой сложности. Не пропустили и все! В полном соответствии с бюрократическими принципами спортивного туризма. Так что ехать нам пришлось без высочайшего разрешения. И вот теперь я начинаю радоваться этому обстоятельству...

...Официальных спасателей приглашать не будем. Что бы ни случилось. Нет смысла — одни издержки. Квалифицированных спасателей для работы на такой глубине в Самарканде нет. Так что все равно доставать придется самим. Зато поднимут вой до самых небес, начнутся бесконечные бумажки, объяснительные, выяснения: кто будет платить деньги за спасы?... Да-а... Туристская КСС скрупулезно считает денежки, зачастую не вылетая на спасработы, пока не будет выяснен плательщик. Сколько уже было таких случаев!

Единственно, если будет совсем худо — закажем санрейс вертолета...

...Как его вытаскивать? Область таза очень болезненна. А ведь придется надевать беседку — иначе из колодцев не поднять. Носилки здесь бесполезны, они не пройдут в узостях и только затруднят работу. Да и нет у нас таких носилок, чтобы локализовать подобную травму. Что же все-таки у Фила повреждено?

...В пещере холодно, и это хорошо. В холоде воспалительные процессы развиваются медленнее. Главное — не допустить переохлаждения на фоне травмы. Хорошо, что хоть шока нет, обошлось. Глубинной аптечки хватило бы ненадолго.

...Глубина — 650. Что-то я не припомню спасработ с такой глубины. С такой травмой. А с какой?... Одно ясно — за один прием мы Фила на поверхность не поднимем. Надо дотащить хотя бы до площадки на —350. Но там в этом году нет лагеря, нет палатки. Значит, надо что-то придумывать и ставить там промежуточный лагерь. Поднимать этот? Проблематично. Надо спускать еще один, с земли.

...Котелок на гексогазе закипает, пытит теплым белесым паром.

— Люба, почему не спишь?

— Не могу... Дремлю немножко.

— Поешь. Тут горяченькое. Как нога?

— Ничего. Фил заснул, вроде. Ты бы поспал сам, а?

Наш шепот еле слышно касается перекошенной после удара палатки.

—Я в порядке. А вот ты спи. Постарайся. Вам еще сегодня выходить наверх.

И это тоже представляется мне проблематичным. Вторые сутки Люба без сна. Как и все мы...

* * *

Верно говорят — беда не приходит одна. Одна ошибка часто влечет за собой другую. Если вовремя не осознать, не принять меры. В 87 году у нас еще не было штатных трансрепов для транспортировки мешков. Их появление — во многом результат аварии в Киевской. Чтобы никаких узлов, чтобы нечему было развязываться.

Как развязался злополучный репшнур у Ержана? Распустился неправильный узел под действием пульсирующих переменных нагрузок, возникающих при подъеме. Элементарно?

А ведь вопрос „летающих мешков“ вызревал давно! Когда у Фикуса в Снежной взорвался транспортный монстр, извергнув в пропасть болгарское снаряжение, карбид и аптечку — это было воспринято, как случайность. Так оно, конечно, и было. Но в сентябре того же 86 года при штурме Снежной болгаро-адлерской командой снова падает и рассыпается мешок со снаряжением. Падающий со скоростью пушечного ядра примус летит прямо в голову адлерскому спелеологу. Тот успевает заслониться рукой — в итоге перелом. Легко отделался!

В марте 87 года в пещере Торгашинская, пока Мальков занимался акробатикой во входном колодце, другие члены экспедиции тоже не дремали. Усть-каменогорец Борис Алексеенко заслужил в этой акции законное звание „снайпера-метателя“. Сначала на 30-метровом спуске в Большой грот у него отвязалась емкость с водой. Десятилитровый снаряд с гулом ушел в колодец, но в стоявшего неподалеку Виктора Фитисова не попал. Емкость отвязалась точно так же, как сейчас у Ержана — распустился от пульсирующих нагрузок неправильный узел. Не удовлетворившись промахом, на подъеме по 30-метровому колодцу из „Жуткого треугольника“ в Снежный грот Боря повторяет попытку, на этот раз целясь в нас с Кочетовым. Снова отцепился от транспортировочного шнура мешок и снова ни в кого не попал, хотя шарахнулись мы изрядно.

В самом начале этого штурма, в Киевской, у Королихина обрывается на спуске 20-литровая полиэтиленовая емкость с продуктами — модуль. От удара о дно колодца модуль треснул, так что пришлось его оставить там же, где упал, в качестве промежуточного пункта питания. И вот теперь авария под Большим колодцем.

Когда по возвращении из этой экспедиции мы сели за статистический учет всех аварий, происшедших за время нашего освоения SRT — поразились! Первое место по числу случаев заняли инциденты с падением транспортных мешков. Кто бы мог подумать?

Ведь боялись, прежде всего, повреждения и разрушения веревки.

* * *

Так начиналась уникальная спасательная акция по оказанию помощи травмированному болгарскому спелеологу и транспортировке его на поверхность с глубины –650 метров.

... В звенящую тишину пещеры, нарушаемую только стонами Фила да успокаивающим речитативом хлопочущей над ним Любы, входит посторонний звук, от которого по нервам пробегает импульс тревожного ожидания смешанного с радостным облегчением. Наши?

Смотрю на часы и не верю своим глазам. Спасатели прибыли через 6 часов после аварии! Как они успели так быстро? Как смогли развить такие скорости передвижения по весьма непростому маршруту? Вот они — преимущества SRT! И, конечно, сама пещера. . .

Через несколько минут вниз спускается руководитель ташкентской команды Володя Долгий — Вольд. На уступе готовят полиспасть наш Коля Бердюгин и ашхабадец Сергей по прозвищу Цыганок. Вот и вся спасгруппа. Мало?

Еще двое транспортируют сейчас снаряжение для подземного лагеря на –350. К нашему приходу лагерь должен быть готов принять пострадавшего. Остальные спят на земле в ненастном климате будто взбесившегося Кырк-Тау. Дожди и дожди.

* * *

Что такое спасательно-транспортировочные работы под землей? Прежде всего, это тяжелый труд. Причем труд, требующий высокой квалификации исполнителей. Здесь нужны опыт, спокойствие, четкое знание тонкостей техники, а еще — умение безошибочно ориентироваться в непредвиденных ситуациях, которые, будто назло, возникают на каждом шагу. И все это под жестким психологическим прессингом обстановки. Рядом человек, которому больно и плохо — он измучен усталостью, холодом и страхом, он не контролирует себя, и его стоны выворачивают душу. А ты не можешь облегчить его страдание ничем, кроме как быстро и грамотно делать свою работу.

И еще надо объяснить пострадавшему, что он должен идти сам. Да — сам. Если уж не идти, то всеми оставшимися силами помогать транспортировке. Колодцы — это самое простое. Но выше нас ждут меандры, по которым с трудом можно продвигаться боком, а местами нужно ползти. Как по ним нести человека? Как пропихнуть его через сужения хода, через теснины, в которых и здоровому приходится туго? Если не будет помощи самого пострадавшего, хотя бы тем, что он потерпит, помолчит, стойко перенесет эту мучительную операцию — будет очень плохо.

Вольд осматривает Фила и тоже не обнаруживает видимых следов травмы. На всякий случай делает ему инъекцию анальгина. Потом мы с ним с большим трудом натягиваем на Фикуса одежду, комбинезон, одеваем беседку. Выдержит ли он транспортировку?

Пока мы готовим пострадавшего к подъему, Люба со Стефаном одеваются и начинают подъем по кажущейся бесконечной вертикали 90-метрового колодца. Я провожаю взглядом колышущиеся огоньки во тьме каменного неба. Только бы они шли быстрее нас. . .

Вдвоем подносим Фикуса к трассе подъема. Фил может, с трудом, стоять, но вдруг начинает „плыть“, чуть не теряет сознание. К счастью, нам удастся быстро и без медикаментов привести его в себя. Подцепляем к полиспастной веревке, Вольд пристегивается на отдельную рапель сопровождающим.

— Пошел!

Остаюсь один на месте разгромленного лагеря. Пока идет подъем, собираю в два мешка кухню, продукты, горючее, медикаменты, посуду, свечи. Что еще? Теплую одежду из числа запасной, спальный мешок, карабины, батарейки, полиэтиленовый полог, разные мелочи. Все может понадобиться, но все не унести. . .

Время размышлять кончилось. Теперь каждый делает свою часть работы, без которой усилия всех остальных могут оказаться бессмысленны. Нас мало, и эта мысль меня удручает.

С другой стороны, многочисленной командой здесь не очень-то и развернешься. Массированные спасательные работы большими силами, помимо преимуществ, имеют и явные недостатки. Прежде всего — это медленный темп. Хотя, казалось бы, все должно быть наоборот. Не получается. Ведь спасателям и самим приходится перемещаться по отвесам, подниматься наверх. А обогнать пострадавшего параллельно его транспортировке, чаще всего, не представляется возможным. Чем больше народу, тем больше затраты времени на перегруппировку сил. И даже если на отдельных участках транспортировка получается быстрее, в целом процесс идет медленнее. Если, конечно, не удастся организовать непрерывную цепочку для передачи пострадавшего из рук в руки. . .

Длинная же должна быть цепочка с глубины — 650! А нас всего четверо. Коля с Серегой поднимаются первыми, быстро организуют полиспаст. Вольд идет сопровождающим. Он поднимается рядом с Филом по дополнительной веревке способом „стопа-колени“, чтобы руки оставались свободными. Вольд охраняет Филиппа от ударов о скалу, постоянно говорит ему что-то ободряющее, не давая нашему болгарскому другу окончательно пасть духом. Я волоку все дополнительное снаряжение, жизнеобеспечение, аптечку, свет, лагерь. . . Этакий подземный грузовичок.

Фил пребывает в духовной депрессии и глубоком упадке сил. Его давит боль, а больше всего — глубина, с которой, как мы все прекрасно осознаем, еще никто на нашей памяти не доставали. Фил уже расстался в мыслях с землей, со своей невестой, он говорит нам об этом в коротких перерывах транспортировки, когда мы вынуждены ожидать под или над очередным отвесом, пока парни навесят очередной полиспаст.

Когда наступает критическая ситуация, и силы вот-вот должны кончиться — нужна остановка. Тогда я обгоняю ребят, выбираю более или менее удобное место и открываю один из мешков, которые несусь впереди, то следом за группой. Достая гексогаз и быстро согреваю кружку-другую воды. С витаминами, сахаром, шоколадом — горячая жидкость придает всем бодрости. Пока нам удастся удерживать Филя от переохлаждения и смертельного упадка сил.

У меня два мешка: один — с продуктами и кухней, второй — со спальником, полиэтиленом и аптечкой на случай, если станет совсем плохо, и нам придется что-то предпринимать. Я уже третьи сутки в пропасти, совсем без сна, и потому на мне функции обеспечивающего. Интересно, что я иду до-

вольно хорошо для человека, проработавшим такую немаленькую рабочую смену. Полагаю, что Коле Бердюгину не легче: он едва успел прикимарить в наземной базе, как парни принесли известие о нашей аварии.

Паническая лихорадка в мыслях уже улеглась. Лучшее средство от тревоги — хорошая работа. Теперь я гораздо меньше беспокоюсь за Фила, несмотря на то, что он порой так кричит, что нервы скручиваются в узлы. Я знаю — мы поднимем его на поверхность, что бы он там ни придумывал. Но где-то перед нами идут двойкой Люба и Стефан, которые тоже третьи сутки практически без сна, и им помочь мы уже не в силах.

* * *

Вот и еще одно правило той серьезной игры, в которую мы ввязались. Каждый в этой игре отвечает сам за себя. Отвечает — значит, несет ответственность. За свое снаряжение, за технику, за подготовку. За свои ошибки и промахи. За свои увлечения и слабости.

Каждый должен помнить, что под землей, а тем более на одинарной веревке — придется полагаться только на собственные силы — до самого последнего возможного, или невозможного, их предела. Потому что никто не сможет переставлять твои ноги, поднимать твои руки, делать за тебя шаги.

Каждый обречен пройти свой путь сам, и не может пройти его за другого. И нет здесь второй веревки „на всякий случай“, которой можно помочь, „поддернуть“ уставшего товарища. На одинарной веревке поддегивать нечем.

Каждый из нас — один на один с самим собой и пещерой. Конечно, можно оказать помощь и на одинарной веревке. Но это довольно непросто. Помощь товарищей — это уже крайняя мера. Это — транспортировка, спасательные работы. А всякая транспортировка человека по пещере всегда тяжелее, чем его самостоятельное движение. Тяжелее и психологически тяжелее для самого обессилевшего. Каково сознавать, что ты вдруг превратился в обузу для своих товарищей, что не смог, сломался, выпал из игры, переложив все на чужие плечи?

* * *

... Неужели на спуске мы преодолели этот путь за какие-то пару часов?! Бесконечно тянутся меандры. На относительно широких и пологих участках кто-нибудь из нас взваливает Фила на плечи, другие подстраховывают транспортирующего веревками.

В сужениях хода продвигаемся боком втроем: Фил висит на наших плечах. С большим трудом он может самостоятельно стоять, но двинуть ногами не в состоянии. И тогда мы руками передвигаем его страшно болезненные ноги, которые норовят зацепиться за каждую неровность пола и стен. Резкая боль от любого неловкого движения заставляет Филиппа непрерывно стонать. Часто этот хриплый плач срывается еще заранее, в предощущении неминуемого мучения.

... Мы уже отупели. Мы поднимаем Фила десятый час подряд и перестаем реагировать на чужую боль. Автоматически стараемся причинить

пострадавшему как можно меньше страданий. Но душа уже молчит. Она до предела полна усталостью и чужой болью. Есть, оказывается, предел и состраданию... О том, каково сейчас бедному Фикусу, стараюсь не думать. Сейчас я представляю из себя робот-автомат, запрограммированный самим собой на безошибочное выполнение технических приемов транспортировки. Все. На большее сил нет.

Через 10 часов от начала движения мы поднимаем Филя к лагерю на –350. Не верится. Кто знаком со спасательными работами под землей, оценит нашу скорость. На площадке, под полиэтиленовым тентом, который остается здесь постоянно, как символ удачи — желтая солнечная палатка ташкентцев! Успели спустить и поставить до нашего подхода!

Последний подъем к палатке. В этом сухом, еще пахнущем поверхностью, лагере Фил немного веселеет. С ним остаются Долгий, Цыганок и Вася, парень из двойки вспомогателей, принесших сюда базу. Мы с Колей Бердюгиным и вторым вспомогателем — ашхабадцем Володей Кузнецовым продолжаем изнурительное движение вверх. И теперь я молю Судьбу лишь об одном — как можно дольше не догнать поднимающихся где-то впереди Любу и Стефана. Желательно, до самой земли...

* * *

Что самое мучительное и страшное в жизни? Мне кажется, это чувство собственного бессилия. В беспредельном каскаде бесконечных колодцев этой нескончаемой пещерной ночи затерялось время. В паре с Кузнецовым, мы достали Любу и Стефана неожиданно скоро — почти сразу же над 60-метровым колодцем выше ташкентской базы. Это было быстрее моих самых худших ожиданий. Как же им было плохо, если за эти десять часов, пока мы навешивали и тянули бесконечные полиспасты, теряли время на остановки и ожидания — они, следуя налегке, так и не смогли от нас оторваться?

И то, что они дали нам спокойно донести Филя до лагеря, было почти подвигом. Спасибо вам, ребята. И вот теперь, глядя на тяжело поднимающуюся по очередному отвесу маленькую, бесконечно дорогую мне фигурку, я едва не кричу от подступающего душевного страдания. Я бессилён что-либо изменить. Не в моих силах помочь, облегчить ее мучения.

И я боюсь — боюсь! боюсь!! боюсь!!! — что у Любы может не хватить сил на эти последние 200 метров вертикали.

Мы не спим трети, нет, уже четвертые сутки. Если не считать Филя, Люба сейчас в самом тяжелом состоянии: крайнее утомление на фоне перенесенного стресса плюс ушиб бедра. Женщине не место на маршрутах высшей категории трудности. Что бы ни говорили. А ведь я это знал и раньше...

Двести метров! Полкруга по гаревой дорожке стадиона. Как это мало, если уложить эти метры горизонтально. И как страшно много, если поставить торчком! Если исковеркать, втиснуть в колодцы и узости, полить водой и вымазать глиной каждый из этих метров, усеять острыми выступами и скальными ребрами, терзающими комбинезон.

Теперь мы идем впятером и отбрасываем в прошлое метр за метром этой вздыбленной беговой дорожки для сумасшедших.

* * *

... Единственное, что я могу, это поддерживать снизу веревку, чтобы она легче проходила через Любин грудной зажим. В прошлом году здесь, на –175, стояла учебная база для молодежи. Сейчас на этом участке пропасти остановиться негде. До самой земли. Негде переночевать и восстановить почти истраченные силы. И Люба должна идти сама. Потому что движение — это тепло, а тепло — это жизнь.

Самое страшное, что наша группа постепенно сокращается. Пока мы шли все вместе — нас было четверо мужчин. И если бы у Любы наступил предел силам, мы смогли бы ее поднимать. Чем бы это кончилось, неизвестно, но мы бы смогли. Сняли бы веревку для полиспада с первого же колодца... Но наша группа становится все меньше.

Первым уходит наверх Бердюгин. Стефан кричит сверху, что у Коли скрутило спину. Что ж, триста метров на полиспаде — это чувствуется. Тем более, после безостановочного спуска и подъема на километр. И нас остается четверо.

Через некоторое время не выдерживает и уходит наверх Стефан. Ему труднее, чем мне, — он моложе и еще не умеет экономить энергию. Он быстрее подошел к своему пределу, хотя выспался в лагере на –650 перед спуском на дно. Он замерз и измучился ожидать нас на каждом уступе. Я молча смотрю вслед уходящим парням, туда, вверх, где медленно поднимается по веревке Люба. Мне нечего им сказать. Каждый сам знает свой предел.

Теперь мы остаемся втроем. Володя держится совсем рядом, и иногда я вижу его встревоженные глаза. Люба идет очень медленно, но идет. Конечно, мы можем начать новые спасработы, даже вдвоем. Мы можем, я в этом уверен, поднять Любу на оставшиеся 150 метров. Но сколько нам понадобится на это времени? И где гарантия, что Люба выдержит этот подъем на полиспадах — не потеряет без активного движения последнее тепло?

Переохлаждение бледной тенью висит над нами. Смертоносный призрак пещер.

* * *

Что важнее в человеке — силы физические или душевные? Сколько уже раз убеждаюсь в том, что физическое здоровье без душевной силы — что ноль без палочки. Сломить тело невозможно, пока не сломишь дух.

Наш сумасшедший подземный марафон приближается к границе, за которой только неизвестность. Люба держится. Периодически ее тошнит, и тогда она, шатаясь, припадает каской к мокрой стене. С трудом заставляю ее съесть несколько кусочков шоколада. Я бессилен чем-либо ей помочь, потому что она должна идти сама. Сама! В этом спасение.

„Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты всегда в ответе за тех, кого приручил“. Это Сент-Экзюпери. А я в ответе за тех, кто идет рядом. И прежде всего, вот за эту маленькую женщину, что снова упорно движется вверх по очередному отвесу — за свою жену, Любу-Любушку-Либенэ. Потому что не будь меня, она никогда не пошла бы в

эту сумасшедшую экспедицию, не занялась бы безумием под названием кейвинг.

И каждый из нас в ответе за каждого. Не так примитивно, как трактуют официальные правила и законы. Не в формальной ответственности дело, не в бумажном распределении вины. Уходя в пещеру, каждый обязан помнить, что его личная неудача, так или иначе, отразится на всех. Каждый промах, если не справишься сам, придется исправлять твоим товарищам. Потому что никто не уйдет, не оставит тебя в беде. Не должен уйти.

И это тоже правило игры под названием кейвинг.

* * *

Пока идешь сам, пока веришь в свои силы — ты не сломлен. Организм сопротивляется, борется. Дай ему поблажку — и он скиснет. Пока знаешь, что нужно идти — идешь. Даже если нет сил. Стоит расслабиться, уронить свой груз на плечи других, вверить свою судьбу чужим рукам — не откажут ли собственные?

Мудра старинная сказка про двух лягушек, упавших в кринку со сливками! Та, что барахталась, сбила масло и уцелела. Сдавшаяся — утонула. Шанс уцелеть имеет тот, у кого хватит душевных сил барахтаться до конца.

Мы „сбили масло“ к исходу четвертых суток нашей бессонной работы в пропасти. Призрачный свет выхода ударил по глазам, как тысячеваттные прожекторы. Серый рассвет, серые тени, мертвенная бледность Любы, наши первые неверные шаги по земле.

Этого не забыть никогда. Вокруг встревоженные лица, заботливые руки ребят-вспомогателей обеих команд: нашей и ташкентской.

Все, мы выбрались. Но даже радоваться нет сил. Теперь быстро-быстро поесть и спать. Потому что через восемь часов мне снова идти вниз. Потому что ничего еще не кончено, и там, в затерянной под 350-метровой толщей скалы оранжевой палатке, лежит Фил Фикус.

Мы уже забыли, что среди нас болгары, что есть какие-то Казахстан, Узбекистан. . . Мы слились и сроднились в этой круговерти событий. Сегодня все последующее вспоминается в виде отдельных ярких картин, связанных общим ощущением.

. . . В палатке, уже в полузабытьи, чувствую, что не могу заснуть. Болят руки, распухшие, потрескавшиеся, посеченные за четверо суток работы в воде. Галя Калошина достает свою заветную баночку с остатками крема и смазывает мне руки. Ее прикосновения — непередаваемое блаженство. Проваливаюсь в короткий миг сна, и уже будят, осторожно трясут за плечо. Пора вставать, надо идти в Пропасть.

* * *

. . . И вот снова веревки, блоки и зажимы полиспастов. Снова работаем вчетвером, сменяя друг друга на веревке. Тянем, как мокрые заводные роботы-автоматы. Сопровождающим, как и прежде, идет Вольд, заряжая всех своим спокойным юмором и несокрушимой уверенностью. „Ночь“ на —350 прошла хорошо, мы больше не делали Филу инъекций анальгетиков. Но теперь новая транспортировка и новая боль.

Навстречу нам спускается группа молодых ребят из числа вспомогателей. Фил страшно кричит внизу в колодце... Замечаю, как вздрагивает Дима Шалапугин.

— Вот, Дима, — говорю в паузе между вдохами. — Теперь знаешь, чем это может кончиться? Небось, больше не пойдешь?

— Пойду, — Дима упрямо качает головой, и только расширенные зрачки передают его состояние.

Во всеобщей работе легче найти свое место, точку внутреннего равновесия. Любой стресс усугубляется бездельем и снимается хорошей работой.

... Мы в пункте питания у нашего треснувшего модуля. Фил сидит на коленях у Долгого и пьет горячий чай. Я кочегарю сухой спирт, на котором одну за одной подогреваю консервные банки с водой. Вокруг чумазные лица спасгруппы. Мы жадно поглощаем все подряд. Светло — горят сразу все свечи из модуля. Это создает ощущение какой-то особой, чуть ли не праздничной, обстановки. И даже улыбки появляются на измученных лицах, хотя до земли еще почти полторы сотни метров.

— Не дрейфь, Фил, — усмехается Вольд, его лицо, как всегда, серьезно, и только в глазах искорки. — Скоро свою невесту увидишь!

И Филипп впервые слабо улыбается посеребрившими губами.

... Последние метры — это узкая щель на выходе из пещеры. Снова серые сумерки — мы выходим на поверхность в 6 утра. Пять суток назад мы уходили в эту щель здоровые и полные надежд. Если бы знали, что будет, — пошли бы?

Зачем вообще мы идем под землю? Что здесь можно найти, кроме мучений?

... Все. Неужели мы вышли? А что должен сейчас чувствовать Фигус? На эмоции нет сил. И только сознание холодно и как-то отстраненно удивляется — мы управились с транспортировкой за 24 часа, не считая отдыха в промежуточной базе. И это с минус 650...

... Фотографируемся в рассветной прохладе. Облака, наконец, покинули Кырк-Тау. Или это мы искупили свои грехи перед матерью Природой? Как посмотреть. Ведь сегодня будет солнце. Огненный Дракон вот-вот выползет из-за кромки плато.

Филу легче, он даже немного ест. Стефан приносит болгарскую „Плиску“, и спасгруппа поднимает стаканы за Победу. Фигус обмакивает губы в коньяк. Он умыт, переодет во все чистое и сухое. На теле по-прежнему никаких следов травмы. Но боль в области живота, таза, ног утихает ненадолго. Через полчаса Филу снова становится хуже, и мы понимаем, что надо нести его вниз. Туда, в подернутую знойной дымкой Самаркандскую долину.

Все естество молит о покое. Неужели сегодня мы сможем еще и спуститься с носилками вниз?

* * *

... Нас восемь человек. Мы несем носилки по четверо, сменяясь через каждые тридцать минут. Тридцать минут — это наш предел, на большее сил не хватает. Фил возлежит на своем тряском ложе, как восточный паша. Его краснокожие рабы в поту и пыли ломают ноги на щебнистой тропе.

Нет, Природа не отпустила нам грехи. Она придумала еще большую пытку, выпустив Огненного Дракона именно сегодня! Мы идем по тропе, и впервые ощущаем, насколько она не приспособлена для транспортировки пострадавших. По тропе ходят гуськом. И ездят тоже. У лошадей и ишаков задние ноги расположены позади передних. Носилки же приходится нести вчетвером в две колеи. Вдвоем на этих скользких крутяках долго не выдержишь. Может быть, в другое время, но не сегодня — после пяти суток работы почти без сна и отдыха.

Тридцать минут — смена. Как изумительно идти налегке! Сквозь усталость снова подступает тревога — только бы успеть, только бы на этих последних километрах не приключилось еще чего-нибудь. Внимательно слежу за состоянием Фикуса, который то держится молодцом, то будто уплывает. Но за ухудшением снова идет подъем, он даже приподнимается на локте и смотрит вниз, в долину, куда налегке, опережая нас, убежал Королихин, чтобы вызвать „Скорую“ к началу тропы.

Видимо, у Фила просто сильнейший ушиб. Что может быть еще, если он вторые сутки не испытывает ухудшения?

... Позади четыре часа спуска по раскаленной перекошенной сковородке горных склонов. Нас ждет белая машина с красными крестами и цифрами 03 на радиаторе. Успел Валера! Фил оживает и сразу же отказывается от уколов, которые предлагает вышедший из машины навстречу человек в белом халате:

— Спид! Нужно разовый шприц!

Разовых шприцов в Средней Азии нет.

— Тогда не надо колоть! Потерплю.

Мы перекладываем Фикуса на больничные носилки, заносим в машину, жмем руку. Двери захлопываются, и скоро только желтая пыль над ущельем говорит об удаляющейся по направлению к Ургуту машине. С Филом уехал Королихин. Все.

* * *

... Мы лежим в жиденькой тени под приземистой арчой у начала тропы. Не спим. Даже в нашем состоянии спать в такой жаре не получается. На душе пусто и серо: нет ни радости, ни тревоги, нет ничего. Полубред-полусон. Нет сил даже встать и пойти к ручью, чтобы напиться. Делаю немислимое усилие, поднимаюсь и плетусь к воде. Камангаран принимает в ледяные объятия мои руки, освежает лицо.

Надо как-то скоротать время до вечера — подниматься на плато в такую жару немислимо.

Возвращается из Ургута Королихин. Филу сделали рентген. Диагноз — тяжелый ушиб таза. И все. Слава Пещерному Богу!

* * *

И последняя картина той трагической эпопеи. Больница в Самарканде. Заходим втроем: Стефан, я и наш врач Галя Онишевская из Томска. Галка случайно оказалась в Самарканде и без лишних слов взяла шефство над нашим травмированным товарищем.

Шесть часов назад мы привезли несчастного Фикуса в эту больницу. У нас билеты на вечерний поезд до Ташкента, но в ночь перед отъездом Филу вдруг стало плохо. Сказался праздничный банкет, который устроили нашей экспедиции чета Пряхиных — Григорий и Люба, томские спелеологи, волею Судьбы занесенные в Самарканд.

Филу стало так плохо, что мы едва дождались утра — „Скорая помощь“ в Самарканде по ночам почему-то не работала. Прошло уже пять суток с момента аварии. В Ургуте нас заверили, что все в порядке, и вдруг. . .

И вот мы в кабинете главврача. Ждем. Беспокойство нарастает. Наконец, входит человек в белом халате с какой-то банкой в руке. Обычная стеклянная банка под полиэтиленовой крышкой. Человек оборачивается и обводит нас участливым взглядом. Его слова оглушают, как набатный колокол:

— Ваш друг прооперирован. Мы были вынуждены удалить ему селезенку, так как в ней обнаружены множественные разрывы. Видимо, от удара. Кто из вас врач? Вот — смотрите.

Хирург поднимает на уровень лица странную банку, и мы видим, что в ней лежит обыкновенный кусок мяса, окровавленный и неожиданно большой.

— Вот, видите? Разрывы в этой ткани не срастаются. Кроме этого, у вашего друга перелом левой лобковой кости. Сегодня началось кровоизлияние в брюшную полость. Мы поражаемся, как он смог так долго продержаться — пять суток. С такой травмой столько не живут. . .

— . . . Скажите, доктор, что дальше? — язык отказывается повиноваться. Мы в шоке.

— Сейчас опасности уже нет. Парень оказался жилистым и очень выносливым. Через годик снова сможет лазать по вашим горам!

* * *

Через полтора года Фил Фикус встречал нас с Любой в Софии. Маленький „Трабанд“, за рулем очаровательная Росица — жена Филиппа. Расцветные рекламные щиты в мерцании дождя. Тонкий вкус вина за скромно накрытым столом. . . Будто и не было никогда Кырк-Тау.

Будто не провожали мы нашего исхудавшего (57 килограммов показали весы в аэропорту Ташкента!), но веселого друга на родину в Болгарию после месячных больничных испытаний. Мы сидим рядом, смотрим друг на друга, улыбаемся.

Мы не знаем, встретимся ли когда-нибудь под землей снова. Мы не знаем, встретимся ли вообще когда-нибудь в этой жизни. Но тех дней на Кырк-Тау нам не забыть никогда.

Не забыть.

7.2. Опасные курьезы

Прав был великий велогонщик Роже Дюваллон по прозвищу Крокодил:

«Странно, но с годами начинаешь понимать: мы любим наших соседей, если любим себя, ненавидим других, если ненавидим

себя, поддерживаем других, если хотим поддержать себя, забываем о других, если плохо помним себя.»¹⁸⁵

Перед нашим отъездом в Болгарию смеялись:

— Ужо болгары сейчас мешки готовят! Тренируются в прицельном метании!

Благополучно поднять пострадавшего со столь серьезной, как оказалось, травмой с глубины –650 метров всего за 24 часа транспортировки? И практически вчетвером? Похоже, что таких примеров не так уж много в практике мирового кейвинга. Так или иначе, во Враце мой доклад слушали с интересом. И снова тронула поразительная доброжелательность зарубежных коллег! Отстрелялся, что называется, на все сто. Подходили, фотографировали вывешенные нами схемы спасательных приемов, задавали вопросы.

Если хоккеист нарушает правила — его удаляют с поля. Нарушение правил под землей карается куда строже. Так что и вопросы, и ответы на них были далеко не праздными.

Теперь мне предстоит лекция о несчастных случаях в советском кейвинге. Тяжелая тема. Если к описываемому моменту у болгар за всю их историю лазания по пещерам погибло только 5 человек¹⁸⁶, то в Советском Союзе — гораздо больше. И дело тут не в размерах наших стран — по числу занимающихся спелеологией маленькая Болгария не уступала гиганту СССР.

Характерный показатель! Известно, что чем более развито общество, тем больший процент его населения начинает заниматься деятельностью, напрямую не связанной с производством: в том числе спортом, искусством, путешествиями и т.п.

Статистика, статистика... Статистика призвана помочь нам осмыслить происходящее.

Если мы действительно хотим научиться безопасно работать на одинарной веревке, не стоит пренебрегать даже мелочами, любыми намеками на аварию. И еще надо излечиться от ложного самолюбия и, что гораздо сложнее, — от страха перед карающей десницей властей.

Пора научиться говорить правду о каждом несчастном случае, о всех неудачах. Надо, а страшно. Заявить о своих ошибках, в условиях нашего строя, значит — подставиться. И не только нашего... Куда приятнее ходить с гордо задранной головой: у нас, мол, ничего не случается! Полный ажур.

Нет таких групп, у кого не случается. Такова специфика самого дела. Что-нибудь случается всегда. Маленькие шероховатости, средние ошибки, большие проколы...

Так набирает темп вероятность серьезной аварии.

Изучение несчастных случаев в экстремальных видах спорта, таких, например, как альпинизм, дает интересную закономерность распределения числа аварий в зависимости от опыта участников восхождений. Больше всего чрезвычайных происшествий, причем с тяжелыми последствиями, происходит среди новичков и... в группах высокой квалификации.

¹⁸⁵ А. Голубев „Никто не любит Крокодила“, Москва, „Молодая гвардия“, 1973 г.

¹⁸⁶ Летом 89 года это число возросло до 7 человек, в результате гибели двойки спелеоподводников, отравившихся углекислотой в засифонном пространстве.

В чем тут дело? Что касается новичков — все понятно. Элементарная неопытность, неподготовленность, незнание правил игры. Чем дальше — тем сложнее задачи, которые предстоит решить. Рост сложности маршрутов обеспечивается пропорциональностью уровня подготовки. Пока эта зависимость соблюдается — вероятность аварии минимальна. Именно поэтому группы средней квалификации наименее аварийны. У середнячка уже хватает опыта, чтобы не замахиваться на невыполнимое, и достаточно уважения к игре, чтобы соблюдать ее правила.

До определенного момента такое соответствие между предстоящими задачами и собственными возможностями удастся удерживать довольно строго. Но затем равновесие может нарушиться. Если усложнение маршрутов не компенсируется возрастанием мастерства — закономерно увеличивается степень риска. Не последнюю роль в этом процессе играет „звездная болезнь“, симптомы которой, с достижением определенного уровня мастерства, можно заметить у многих вертикальщиков. Опыт, наработанный в десятках рискованных и благополучно окончившихся ситуаций, из которых удалось выйти невредимым, начинает оказывать дурную услугу. Он превращается в самоуверенность. По принципу: „С кем-кем, а уж со мной-то этого не случится!“ Плюс элементарная лень выполнять утомительные, тысячи раз проделанные технические мелочи. (На фиг это надо? Сколько раз делал, а ни разу пока не пригодилось!). Плюс удовольствие позволить себе слегка пренебречь обязательными для остальных правилами (Кому-кому — а мне-то уж можно!).

Возможность переступить закон — сродни наркотику. Стоит раз попробовать, хочется еще. Если Вы, мой Внимательный Читатель, хоть раз ощутили желание пренебречь каким-либо правилом безопасности — берегитесь! Нарушение таких правил — не выдуманных, а объективных, конечно, — не проходит безнаказанным. Если не для Вас, то для тех, кто на Вас смотрит. Помните? „Запрещается ходить в кедах по крутому травянистому склону!“ — сказал инструктор и пошел в кедах по крутому травянистому склону. Сколько тонкой наблюдательности в этой старой туристской байке! С опытом мы склонны забывать, что правила безопасности едины для всех, вне зависимости от опыта, возраста, знаний.

* * *

Говоря о статистике несчастных случаев в СССР, не стоит забывать, что ни в альпинизме, ни в кейвинге, ни в одном из видов спортивного туризма или путешествий учет несчастных случаев не был налажен достаточно хорошо. В картотеку попадали только случаи, которые невозможно было утаить, то есть аварии с тяжелыми последствиями, требовавшими официального вмешательства. Все, что только можно, скрывалось от официальной статистики. И уж совсем ускользали от осмысления аварийные ситуации, потенциально чреватые пагубными осложнениями. Аварийные ситуации, которые, в зависимости от дальнейшего развития событий могли закончиться благополучно, а могли и обернуться серьезными последствиями.

Именно поэтому, начиная учет чрезвычайных ситуаций в нашей практике SRT, я старался не упустить ни одного происшествия, даже если, на

первый взгляд, его и нельзя было впрямую отнести к опасным. Даже если авария уникальна, если смех берет или оторопь — эх его угораздило! — надо знать о ней. Чтобы быть готовым ко всему. Информированность — важнейшее условие безопасности.

Первые два года работы с одинарной веревкой дали по нашему клубу солидную цифру: 33 аварии. Преодолевая въевшуюся в кровь осторожность, я опубликовал эти данные. Пусть знают все: одинарная веревка — это не прогулка при луне. Каждого, ступившего на нейлоновую дорогу, ожидают многочисленные опасности. В том числе и весьма неочевидные.

Но ключ нашей безопасности — в наших руках. Удивительно, но мне известно очень мало случаев, когда причиной аварии является Природа, а не сам человек. Враждебность окружающего зависит, прежде всего, от нашей подготовленности вести диалог.

Правильно говорят: „Нет плохой погоды — есть плохое снаряжение!“ Выбирая тот или иной вариант дальнейших поступков, мы можем влиять на ситуацию в 99, если не в 100% случаев. Все дело в том, как рано и точно мы понимаем суть опасности и насколько адекватно начинаем действовать. Так что не стоит винить Природу в наших неприятностях на маршруте. Это напоминает ситуацию, когда стукнувшись лбом о дверь, мы изрыгаем проклятия в ее адрес. Дверь-то чем виновата? Она безвольна.

* * *

После падения мешков на втором по числу месте оказались аварии из-за поломки снаряжения. Этого мы ожидали и заблаговременно приняли меры. Фирменного снаряжения у нас не было, а самоделки — на то и самоделки.

Ахиллесова пята индивидуального снаряжения SRT — беседочный замковый мэйон рапид. На этом стальном треугольнике буквально держится все остальное снаряжение. Поэтому его поломка — страшное событие. И неприятности с самодельными рапидами не замедлили начаться. Сначала на втором колодце Торгашинской вырвало муфту такой самоделки у Ербола Курмангалиева. „Люди Ербола“ вполне могли остаться без своего предводителя. Но рапид разогнулся удачно — всего в трех метрах от дна колодца.

Дальше — больше. В той же пещере удачно увернулся от посланной Борисом Алексеенко канистры другой усть-каменогорец — Виктор Фитисов. Но от Судьбы не ушел. Стоило ему в начале подъема нагрузить свой мэйон рапид, как тот немедленно разогнулся. И снова удачно — некуда падать в метре от дна!

Куда больше рисковал Сергей Хардилов, покидая Сумган под занавес нашей советско-польской экспедиции в августе 88 года. Входную шахту Кутук-Сумгана нет нужды подробно описывать — мой Внимательный Читатель уже отчетливо представляет ее огромную каменную трубу, украшенную тысячами ледниками.

Экспедиция заканчивалась. Последняя двойка: Хардилов-Гановичев, поднимаясь с 70-метровой глубины, снимала за собой навеску. Оживленно переговариваясь между собой, парни демонстрировали преимущества SRT поднимающимся параллельно по своей двухверевочной навеске девушкам

из Прибалтики. Девушкам, правда, было не до того: дюжие прибалтийские хлопцы, поплевав на ладони, „на раз-два“ извлекали их из пещеры, наподобие транспортных мешков.

Хардикову оставалось всего два крюка до выхода в большую нишу северной стены, куда восходила трасса. Сергей хорошо виден на фоне желто-белых скал пропасти, украшенных здесь, на свету, яркими разноцветными пятнами лишайников. Излагая свою жизненную концепцию поднимающемуся следом Гановичеву, Хардиков довольно быстро продвигается вверх, как вдруг, не доходя полуметра от корема ближайшего крюка, останавливается и замолкает. При этом вся его поза выражает крайнюю озадаченность и тревогу.

Я стою на противоположной стороне пропасти, Хардиков находится ко мне и к колодцу спиной, и поэтому сразу не видно, что у него приключилось. Но вот Серега быстро поднимает руку и локтем цепляет корем, в то же время продолжая какие-то судорожные движения на уровне груди. Что называется, комментарии излишни. Единственное объяснение этой суете — мэйон рапид! Однако, ситуация... Повиснуть над 70-метровой бездной на руках — не всякий каскадер согласится!

— Что, Сережа? — как могу спокойнее, спрашиваю я.

Слышно над Сумганом хорошо, а криком делу не поможешь. Молчание скорченной у стены фигуры подтверждает мои догадки. Что делать в таком случае? Когда в Торгашинской я начал спуск на не застегнутой беседке и обнаружил это уже на отвесе, то мигом обвязался запасным репшнуром. Хотя знал, что даже не застегнутая, моя беседка не даст мне окончательно вывалиться. Конструктивно не может. Знать — знал, а труханул порядочно.

Хардикову сейчас несладко. У него нет в запасе моего опыта. А что бы сделал я? Первым делом — встал бы на педаль ведущего зажима, потом обвязался запасным шнуром и присел бы на него... Как бы там ни было, а однозначного выхода из такой ситуации нет. Каждый вынужден решать задачу сам, исходя из имеющихся в наличии знаний, набора отработанных приемов, запасного снаряжения, сообразительности и присутствия духа.

Но вот звучный выдох проносится над колодцем. Хардиков отпускает корем и быстро поднимается последние несколько метров, минуя перестежку. Вышел! Этот рапид хранится у меня — на память от Сереги. Как ему удалось завинтить-таки резьбовую муфту на разошедшемся под нагрузкой разъеме — секрет не только для меня, но и для самого исполнителя смертельного трюка.

Я уже говорил, что большинство из нас в то время использовало самодельные мэйон рапиды, которые, в большинстве своем, изготавливались из мягкой не каленой стали, и значительно уступали по прочности фирменным. На незакрученном фирменном рапиде можно висеть сколько угодно — рывки, конечно, противопоказаны, а так — нормально.

В Киевской 87-го года, еще до аварии с Филом, в одном из предварительных выходов я метров 150 прошел на незакрученном МР и обнаружил это только на поверхности. Но... привычки из этого делать нельзя.

Наши самodelки разгибались под нагрузкой, но, слава Пещерному Богу, хоть не разрушались. Так родилось правило SRT для самodelного снаряжения: если существуют сомнения в надежности беседочного мэйон рапиды, следует дублировать его страховочным кольцом из веревки или стропы соответствующей прочности. Мы назвали это приспособле-

ние — „кольцо безопасности“. И еще — носите с собой метра 2–3 запасного репшнура: запас карман не тянет!

* * *

Каждый участник соревнований по горному туризму, скалолазанию, не говоря уже о спелеотуризме, сталкивался в те годы с жестким судебским прессингом в отношении карабинов. Долгое время не разрешалось пользоваться на соревнованиях карабинами без муфт. Даешь карабины с муфтами и точка! Всегда ли оправдано это требование?

Правила SRT очень демократичны в этом отношении. Карабины без муфт используются сплошь и рядом, особенно при навеске. Что касается индивидуального снаряжения, то нам пришлось строго определить, какие карабины обязательно должны иметь фиксацию от открывания, а какие нет.

... Ему оставался всего один отвес — спуск в зал имени Алтайского Государственного Университета — зал АлГУ. Веревка перилами шла к дальнему краю широкой полки, где поблескивал очередной крюк навески. Спускавшийся впереди Петров уже ушел вниз, в черноту зала, откуда мощно доносился шум падающего сверху ручья. Вова Пантюхин знал, что на самом деле вода сейчас чисто символическая, и этот шум — фокусы пещерной акустики: жиденский душ падает на какой-нибудь полиэтилен!

Зимой в Алтайской воды практически нет. Это не весной или, скажем, летом. Глубочайшие из алтайских пещер вообще расположены как-то аномально. Ну где еще можно встретить вертикальную пещеру в лесу посреди болота? А здесь самое настоящее болото, поросшее чахлым леском. Прорезающие замкнутую горами котловину овраги собирают болотную воду, дренируют ее в вертикальный ствол пещеры. Не только Алтайская, но и глубочайшая пещера Горного Алтая — Кек-Таш, тоже расположена на болоте.

Выходя на полку, Пантюхин подумал, что это его третья экспедиция в Алтайскую, а вот до дна ее он добирается впервые. В общем-то, ничего сложного. Все колодцы простые, красивые. Белоусовцы, работавшие здесь месяц назад, забили хорошие крючья. В январе это было. А сейчас — февраль.

Володя вдоль перил подошел к крюку. Снизу невнятно звучали голоса, сплетаясь с гулом ручья. Парни уже в АлГУ. Пантюхин привычно пристегнулся на крюк коротким усом, потихоньку сполз в отвес и завис на самостраховке. Стена здесь выступала весьма острым карнизом, который выпирал из стены на уровне Пантюхинского живота. А дальше шла пустота — ноги до стен не доставали.

Пантюхин завел в решетку веревку и зафиксировал ее на рожках спускового устройства. По-хорошему, надо было теперь встегнуть выше решетки зажим, и спускаться, как положено, с самостраховкой. Но Пантюхин уже полпещеры шел без самостраховки. Да и чего бояться? Все колодцы простенькие, веревка идет сплошняком от крюка к крюку: падать особо некуда.

Это создавало уверенность, что в случае потери контроля над спусковым устройством, далеко не улетишь — остановишься на ближайшем промежуточном закреплении. Да и удобнее так-то — обе руки на веревке.

* * *

Кстати, сплошная навеска с перецепками веревки на промежуточных крючьях предупредила немало серьезных аварий. В Перовской во время нашей экспедиции 88-го года улетел в первый — сразу после окончания входной наклонной галереи, 18-метровый колодец, белоусовец Федя Рыльский. Не пристегнув само страховочный зажим, Федор классически упустил рапель из руки и, груженный мешками, со свистом рухнул вниз с высоты 6-го этажа.

Спас корем у промежуточного крюка, забитого на уступе над отвесом следующего колодца. Крюк был забит высоковатю, кто покороче ростом — на перестежке не раз болтали ногами в воздухе в нескольких сантиметрах над площадкой, воздавая „хвалу“ забившему такой неудобный крюк. И только Кузьмич благодарил его искренне. С размаху сев в корем, он едва достал каблуками площадки и, в результате, отделался легким испугом и сильными впечатлениями. Такие дела.

* * *

Но вернемся в Алтайскую. Закрепив на рапели решетку, Пантюхин поправил под собой мешок, с которым спускался. Теперь оставалось выстегнуть само страховку, и можно было ехать вниз. Силенка у Вовы еще была: 200 метров спуска по Алтайской не очень утомили. Вова покрепче взялся за веревку под самым крюком, примерился и, резко подтянувшись на руках, вынул из крюка карабин само страховочного уса: выстегнул, значит, ус и начал осторожно опускаться на решетку. . .

Что-то было не так! Пантюхин еще не понял — что, но уже ощутил ледяной озноб какого-то несоответствия, какой-то ошибки. Он сядился и все никак не мог сесть на „спускер“, не чувствовал под собой опоры, все больше соскальзывая животом с карниза в пустоту зала. Вова висел уже почти на вытянутых руках, а транспортный мешок свинцовой гирей тянул за беседку вниз. Да где же эта чертова решетка?!

Он увидел ее. И увидев, не поверил своим глазам. Это здорово походило на кошмарный сон. Его решетка! Она висела на веревке на уровне Пантюхинского носа, тщательно, как на учебных занятиях, зафиксированная, но. . . решетка висела отдельно, просто так — сама по себе! Будто электрическим разрядом, стеганул по нервам страх. Влип!

Пантюхин висел на руках над глыбовым завалом грота АлГУ на высоте пятого этажа. Если бы не мешок, Вова попытался бы вылезти наверх, на площадку. Но подтянуться еще раз с таким грузом да еще взобраться на проклятый карниз?

— Мужики! — крикнул Пантюхин. — Я падаю!

Сверху спускался кто-то из парней, и Володя услышал торопливый голос: „Погоди, не падай, сейчас подойду!“ Но помощь была еще далеко, а сил оставалось все меньше.

В возбужденном мозгу лихорадочно метались мысли. Рукавиц нет, значит, если съезжать на руках, то за 15 метров все руки сожжешь к черту! Почему-то он не подумал о возможности встегнуться усом в висающую на уровне глаз решетку или попытаться одним движением прицепить к рапели

пуани с педалью — и все! — он спасен. И мысли не было. А может быть, чувствовал, что на одной руке ему и секунды не продержаться.

Готовясь к падению, Пантюхин стал вращательными движениями накручивать рапель на ногу и висящий на трансрепе мешок, сообразив, что так трения при падении будет побольше. Снизу слышался только грохот камней: видимо, парни молча бежали к навеске. Силам пришел конец.

— Падаю! — скорее скомандовал, чем крикнул, Вова и выпустил из рук веревку.

Коля Петров услышал свист трущейся о что-то мягкое рапели и понял, что Пантюхин „пошел“. Он приготовился принять удар, напряжился, и в тот же момент тяжелый толчок сбил его с ног, повалив в расщелину между глыб. Спустя мгновение, не чуя ушибов, Петров уже снова был на ногах. В свете налобного фонаря снизу, из щели между глыб, на Петрова, криво улыбаясь, смотрел Вова Пантюхин.

— Во, блин! — сказал Пантюхин.

— Вовчик, ты живой?! — Коля и подбежавший Саша Ван ощупывали Пантюхина, еще не веря, что все закончилось легким испугом.

— Живой, — сказал Пантюхин, морщась от боли в расшибленном о камень колене. — Я из решетки выстегнулся.

— Вовчик! — с чувством сказал Петров. — Вовчик, ну ты и козел!

Так мы узнали еще одно правило техники одинарной веревки — карабин спускового устройства должен фиксироваться от открывания муфтой. Обязательно!

Анализируя этот случай, мы пришли к выводу, что, лежа на карнизе, Пантюхин умудрился отжать о камень защелку карабина и в момент подтягивания снялся крюком уже открытого карабина со скобы решетки. Невероятно, но факт!

* * *

Звонит телефон. Он стоит на моем рабочем столе рядом с пишущей машинкой. Еще весь в мыслях о работе, снимаю трубку.

— Слушаю.

— Привет, — на проводе Алма-Ата, Шакалов. Голос Саши как-то казенно сух, безжизнен. — У нас ЧП, слышал?

— Нет, — что-то внутри подтягивается, как перед прыжком в холодную воду. — Что случилось?

— Игорь Милеев упал в Киевской. В „шестидесятке“. Ты Игоря знаешь, он приезжал на соревнования, из молодых.

— Живой?

— Живой. Но тяжелый. Сейчас в больнице в Ургуте.

Ох, уж эта больница в Ургуте!

— Так они что — зимой в Киевскую пошли? Под Новый год?

— Восемьдесят девятый в экспедиции проводить решили. Почему упал? Выпустил рапель, зажал самостраховку по тросу и так летел метров двадцать. Молча летел. Паша Луганский внизу стоял, не успел подстраховать. Да парень еще плотный, этакий здоровяк.

„Шестидесятка“ — это перед базой — 350. Самый противный колодец.

— Как доставали?

—Он сутки без сознания лежал. Сотрясение сильное. Они на –350 лагерь поставили и еще двое суток его там продержали, боялись, что помрет при транспортировке. Потом решились и за 12 часов подняли. Ну, и в больницу. Ноги повреждены, конечно, но главное, голова. . .

Вот и еще одни „спасы“ в КилСИ.

* * *

Конец декабря 1989 года получался тяжелый. Я уже боюсь поднимать трубку телефона.

Незадолго до Шакалова позвонила Москва. В трубке усмешливый голос Володи Рудыха, одного из московских членов нашего клуба „Сумган“:

— Неужто не знаешь? Ну, в общем, у нас в Снежной. . . бельгиец „поломался“.

Вот тебе раз! Впервые наши московские товарищи под флагом „Сумгана“ через „Совинтерспорт“ взялись за коммерческое обслуживание группы бельгийских спелеотуристов на заказанном ими маршруте. И— авария?

Бельгиец Дихэв Дидье имел небольшой опыт в кейвинге. Иначе он не взялся бы за транспортировку по ледовой части Снежной сразу четырех здоровенных мешков с веревкой. А если бы и взялся, то прицепил бы их на отдельные транспортировочные шнуры. Так или иначе, но он начал спуск с четырьмя мешками и благополучно добрался до Кривого колодца на глубине –150 метров. И тут у очередного крюка „сел в корем“. Точно так же, как некогда в Торгашинской пещере запутался в кореме Валера Мальков. Понятно, что мешки не преминули накрепко перепутаться между собой и веревкой, что, впрочем, не повергло Дидье в долгие раздумья. Для того чтобы вытащить мешки из корема, Дидье требовалось приподняться.

Напомню, что корем— это дугообразный провис веревки, позволяющий сделать перестежку через крюк. Так вот, Дидье попробовал приподняться, упершись ногами в свою педаль. Но— четыре мешка! Как и большинство из нас, бельгиец не отличался богатырским телосложением или феноменальными физическими данными.

Крюк, остановивший Дидье, был забит над острым карнизом, так что ноги бельгийца болтались в пустоте. Дидье шел последним в двойке, его напарник уже закончил спуск на снежном конусе Большого зала и теперь мог помочь товарищу, только поднявшись снова на самый верх Кривого колодца. Но Дидье и не думал обращаться за поддержкой снизу. Да и не очень-то принято в европейском кейвинге полагаться на чью бы то ни было помощь.

Перевесить мешки по одному на крюк или веревку Дидье не мог— они были прицеплены одной гроздью. Резать и сбрасывать всю гирлянду вниз было рискованно— на Конусе мешки можно было и не найти. Что оставалось делать? По идее, первому в двойке все же надо было подняться и помочь товарищу. Тогда Снежная еще подумала бы, пропускать ли эту команду в свои недра. А так как ожидаемых действий не последовало— пропасть усмехнулась и показала зубы.

Чтобы все-таки приподняться, Дидье решил использовать рапель под крюком. Он скрутил из веревки подобие стремени, вставил в него ногу и снова попробовал привстать. Поначалу это удалось. Дрожа от напряжения,

Дидье вставал все выше и выше. Еще немного и!..

Стремя он завязал плохо — то ли не знал толком, как его вязать, то ли подвела необычность ситуации, но стопа вдруг скользнула, и Дидье резко провалился вниз. Нога проскочила в стремянную петлю до бедра, колено ушло под карниз, а сам Дидье продолжал падать вниз, увлекаемый весом мешков, тянущих его за беседку. Бедро пошло на излом, и резкая боль едва не лишила бельгийца сознания. . .

Самое трудное было — потерпеть. Выдержать, пока товарищ поднимется к нему по проклятой веревке, петлей стянувшей сломанную ногу. Дидье занимался йогой, поэтому он не потерял сознания от боли, не впал в шоковое состояние. Он устоял. И потом еще выдержал 6 часов на этом отвесе в ожидании спасателей. Это тоже входит в правила Игры — умение ждать.

— Как международные отношения?

Рудых на том конце провода улыбается.

— Нормально. Благодарность даже получили за оперативные действия!

* * *

И вот теперь авария у алма-атинцев в киевской „шестидесятке“. Я хорошо помню этот колодец. В кейвинге широко известны неприятности, связанные с водой. Вода, созидающая пещеры, по праву считает себя хозяйкой подземелий и не собирается по добру уступать свои владения людям. Приходится пускаться на технические хитрости.

Техника одинарной веревки подразумевает, так называемую, „обвеску“ воды. Зачем купаться под водопадом, если можно увести трассу в сторону и двигаться посуху? Достичь этого позволяют промежуточные точки закрепления веревки на отвесах, которые обычно организуются несколько в стороне от первоначального положения рапели. Как красиво смотрятся со стороны грохочущие подземные каскады, особенно если представишь, что пришлось бы купаться в этих струях!..

„Шестидесятка“ считалась самым неприятным колодцем пропасти. Во-первых, самый большой сплошной отвес. Все-таки 60 метров — не мало. Во-вторых — отвес мокрый. Ручей впадает в колодец по узкому желобу-лотку, который постепенно все круче заваливается вниз, так что, в конце концов, спуск переходит в полоскание под ледяным душем. Даром, что Средняя Азия — водичка-то с тающих снежников!

В 87 году навеску на этот колодец делал Фил Фикус. Это была классная работа! Едва начав спуск, Филипп забил в правую стенку желоба крюк и ушел длинным маятником далеко вправо по весьма удобной для передвижения кривой расщелине, украшенной мощными нависающими над колодцем скальными зубьями. Почему-то раньше эту расщелину никто не замечал, а вот болгарин увидел и сразу же сориентировался. Опыт есть опыт.

Охватив один из зубьев тросовой петлей и закрепив на ней веревку, Филипп ушел вниз и там, где стены уже напрочь расходились колоколом, забил крюк последнего промежуточного закрепления. Мы стали недосыгаемы для воды! Теперь она смутно шумела где-то в отдалении. Абсолютно сухие стены вдоль трассы — это ли не прекрасно? И великое благо может

обернуться злом, ибо нет на свете ничего абсолютного.

... Мы спускаемся в паре с Любой, последней двойкой в нашем тактическом рисунке штурма. Свет двух карбидок хорошо освещает наш путь, и пещера кажется более светлой, приветливой. Мы полны сил и оптимизма. Все идет, как по писанному, и первые 300 метров спуска пролетают незаметно. Мы почти не разговариваем, только привычный лаконизм команд да лязг нашего снаряжения сплетаются с привычным шумом текущей воды.

Вот и 60-метровый колодец. Это своеобразная точка отсчета — одна треть пути до Дна. На спуск ухожу первым. Ручеек игриво звенит под ногами, ожидая, что мы подставим каски под его душ. Не дождется! Навеска круто уходит на траверс, заложенный Филом. Добираюсь до скального зуба, перестегиваюсь на следующий участок рапели, жду.

У каждого промежуточного закрепления поджидаю Любу, тихонечко придерживая рукой корем. Это — страховка снизу. Если она выпустит рапель из рук и начнет скользить вниз, я натяну веревку в ее решетке и остановлю падение. Это самый надежный способ подстраховки партнера на случай, так называемого, неконтролируемого спуска.

Идем дальше. Мерное пощелкивание карабинов, шум воды в стороне от трассы. Все так привычно и мирно. Зависаю у последнего перед колоколом крюка. Колокол, по-болгарски — „камбана“: гулкое такое слово. И вид отсюда впечатляющий — стены расходятся далеко в стороны и погружаются во мрак большого объема. Где-то правее сюда приходит бьющий сверху ручьем приток из неизвестной пока части пещеры.

Смотрю вверх над собой. Там, в оранжевом зареве карбидного света двигается темная фигурка. Наши красные комбинезоны издалека кажутся черными. Люба перестегивается через тросовую петлю на скальном зубе. Если бы сейчас высветить мощными прожекторами черную бездну, что окружает нас, думаю, не только Любе стало бы неудобно. На свету эта вертикальная акробатика выглядит гораздо страшнее. Как это в песне? „Геологи не любят альпинистов, но уважают в глубине души“.

— Костя! — голос Любы сверху несколько встревожен, и я сразу подтягиваюсь, отбрасываю посторонние мысли, всматриваюсь вверх. — Посмотри, у меня все в порядке со светом?

Между нами метров восемь, и я ничего особенного не вижу. Свет как свет. Что в нем может быть не в порядке, если он есть? Правда, какой-то странно красный у него оттенок, но, может, это стены такие, просто внимания не обращали?

— Ничего не вижу, — снизу за каской Любиного фонаря не видно. — Ты спускайся пониже, посмотрю. А что случилось?

— Да так... — Люба отделяется от верхнего закрепления и плавно скользит ко мне, все увеличиваясь в размерах. Поворачивается...

Слова застревают у меня в горле (простите за штамп, но я чуть не давлюсь от неожиданности). Ко мне едет человек с пылающей головой! Оранжевый факел полыхает на Любиной голове — это не карбидка, это горит сама пластиковая каска!

— Голову от веревки!!! — ору я.

Стоит ткнуть этим факелом в капрон рапели и...

— Люба! У тебя каска горит. Быстрее ко мне!

Она уже рядом, метрах в трех. Вот же! Как умеют растягиваться секунды, когда надо, чтобы они летели быстрее. Через несколько бесконечных

секунд я, наконец, дотягиваюсь до своей пылающей жены. Первым делом сбиваю огонь с ацетиленового шланга, идущего к каске от ацетиленгенератора на поясе. Пытаюсь потушить каску. Не тут-то было! Только бы не вспыхнули волосы! Наши роскошные черные косы. . .

И ни капли воды! Это надо ж так „удачно“ сделать навеску! Качественно обвесили воду, ничего не скажешь. Бью рукавицами по горячей каске — в ней уже выгорела порядочная дыра, и огонь, наконец, сдается.

И сразу, такое впечатление, — становится темно. Гаснет оранжевое зарево, на стенах пропадают красные отсветы, и только моя ацетиленка освещает место чуть было не разыгравшейся трагедии. Сгореть на отвесе от собственной карбидки! Нарочно не придумаешь. Потихоньку успокаиваемся.

— Ты мне чуть голову не оторвал! — Люба испуганно смотрит в колодец.

— Вот они — преимущества SRT! — пробую пошутить я, хотя самого еще колотит нервная трясучка.

Шутки шутками, а в двухверевочном варианте я не смог бы помочь Любе, и кто знает, чем бы все это кончилось. Шланг ацетиленовой горелки размягчился от тепла и, видимо, при неосторожном движении, сорвался со штуцера. Ацетилен на конце шланга вспыхнул, поджег каску. . . Да. . . В таком сухом колодце да на одинарной веревке огонь — страшнее ножа. И мы продолжаем спуск навстречу испытаниям.

7.3. Сами себе спасатели

Письмо от Резвана пришло. . . нет, не неожиданно. Я всегда жду Володькиных писем. В Адлере перекресток дорог, ведущих к пропастям Кавказа. Поэтому новости от Резвана всегда самые свежие. Есть письма, которые вскрываешь на ходу — от них не ждешь ничего особенного, интересного, тонкого общения с заочным собеседником. Другие приятно причитать в соответствующей обстановке, что называется, со вкусом. Так я читаю письма Резвана. Ну, что там на этот раз?

«Костя, привет. Исчез Саша Морозов — последний раз его 7 февраля видел Аркадий Иванов: он шел через Снежную, а тройка Саши должна была идти через Меженного, но, видимо, до входа они не дошли. . . »

Постой, постой. . . Зимой 1985 года Морозов задумал траверс пещер Снежная и Меженного. Соединение между ними на глубине около —500 метров было открыто ленинградскими спелеологами Владимиром и Олегом Демченко. . .

«. . . тройка Саши должна была идти через Меженного, но, видимо, до входа они не дошли. „Спасработы“ начались 8 марта. . . »

Глаза автоматически проскакивают строчки, не воспринимая смысла этих нелепых закорючек. Перечитываю еще раз, третий. . .

Я ничего не понимаю. . . Ведь уже март. Март! Март!!!

«...„Спасработы“ начались 8 марта. Прилетели из Москвы чиновники и наши: Усиков, Майлянц, Иванов — всего, с учетом сочинских спелеологов, человек 30. Усиков и Капрал спустились в Меженного до Райских ворот, где лежали модули для Саши — их никто не трогал, то есть в пещере ребята не были. Теперь выяснится все в июне–июле, после снеготаяния. В эту зиму снега выпало до восьми метров, то есть вдвое больше, чем обычно.»

Я смотрю на письмо и чувствую, как где-то внутри меня рождается звенящая пустота.

«Последний раз группу Морозова видели в 800-х метрах от входа в Меженного. Однако, до входа группа не дошла. Она исчезла на белом плато со странным названием Хуп-Хулцва.»

Что же случилось? Как такое могло случиться? Группа Морозова — одна из надежнейших групп Союза... Это не спасательные работы — это не так должно называться. Ведь уже март, и надежды нет... Нет? Надежда должна оставаться до конца, до самого последнего предела. Даже наперекор разуму.

И они искали. Искали те, кому не надо было объяснять правила Игры — общественники-спасатели, спелеологи Москвы, Адлера, Сочи. Преодолевая чудовищные тормоза бюрократии советов по туризму и штатных туристских контрольно-спасательных служб.

Была такая служба в бывшем СССР. Более 110 спасательных отрядов, свыше 500 штатных спасателей были раскиданы по всей огромной стране. Не много, но и не мало, если бы эта служба действительно выполняла все то, чему была предназначена. Как бы там ни было, но, отправляясь в горы, люди верили, надеялись: если что — их спасут, окажут помощь.

Наивные! Как мало надо было знать о контрольно-спасательной службе, чтобы всерьез рассчитывать на ее помощь. Слабо снаряженные, рассчитывающие, главным образом, на общественников, туристские спасательные службы были ориентированы на оказание помощи заявленным, зарегистрированным в установленном порядке туристам.

„Диких“ спасти не обязаны... Пусть поймут меня те штатные работники ушедших уже в Лету КСС, кто начинал спасработы на свой страх и риск, не дожидаясь писем и телеграмм, гарантирующих финансирование. Они рисковали, движимые безусловным пониманием правил Игры. Речь не о них. На таких людях держится Дело Спасения во все времена — они боролись с обстоятельствами и делали, что могли. И то, что не могли, тоже делали.

Но были другие. (И есть!) 6 марта в Сочинскую КСС поступил сигнал о несчастье на Бзыби. В район спасатели вылетели только 9-го! Вдумайтесь.

Да, прошел месяц, как ребята пропали. Но пока нет доказательств гибели — есть и надежда. Есть! И нужно использовать любой, даже безумный с точки зрения банальной логики, шанс.

И только тогда сможешь сказать: „Мы сделали все, что могли“. Только тогда сможешь уважать себя, смотреть в глаза людям прямо.

* * *

Вспомнился случай, опубликованный в „Бритиш Кейвер“ летом 1985 года.

«Эта история началась 29 сентября 1984 года, когда студент-энтомолог Петер Верхульзел с двумя приятелями (все опытные легководолазы) во время спелеоподводной экспедиции зашли в пещеры Штеркфонтейн близ Крюгерсдорпа (ЮАР).

После прохождения вглубь лабиринта ходов и затопленных полостей стремление пройти дальше побудило Петера отвязаться от веревки, соединяющей его с товарищами. Вскоре он всплыл, открыв неизвестную прежде полость. Предполагается, что из-за мутной воды Петер потерял ориентацию и сел на островок в этой полузатопленной полости, надеясь на спасение. Здесь он бродил вдоль хода до тупикового конца, что видно по обнаруженным позже следам.

Когда Петер исчез, его друзья подняли тревогу. Подводниками из полиции была предпринята спасательная акция, прекращенная через два дня из-за плохой видимости и предположения, что Петер застрял и утонул.

Поиски его тела продолжались каждые выходные, но были безрезультатны, пока в ноябре команда подводников, расширившая одну из дыр с тягой воздуха, не пересекла в новой галерее следы, ведущие к телу. Вновь открытая зона представляет собой неизвестный доселе лабиринт ходов и озер за стеной озера Штеркфонтейн.

Сразу же стало ясно, что Петер продержался здесь около трех недель, изредка постукивая по стене, хотя она и была покрыта доломитовой крошкой и поглощала любой производимый им звук. Петер аккуратно сложил в кучу свое снаряжение и написал рядом фразу: „Я люблю вас, Шерл (жена, с которой он прожил всего три месяца), мама и папа“. За три недели Петер сильно оброс и похудел, потеряв около 20 кг веса. Очевидно, что он умер от истощения или переохлаждения.

Отец Петера обвинил полицию в том, что она слишком рано закончила поиски, считая, что пострадавший утонул.»

Искать надо даже тогда, когда, казалось бы, уже нет никакой надежды...

* * *

Их палатка вытаяла только поздней весной. По скучным штрихам, скудным подробностям, сохранившимся с тех дней, можно попытаться восстановить последовательность событий. Все получилось до нелепости просто и страшно.

В тот день, 7 февраля 1985 года, на Бзыби было достаточно тепло, и на плато пал туман.

Здесь, на Хуп-Хулцве — помните? — расходятся две тропы: влево — на Меженного, вправо — к Снежной. Группы Саши и Аркадия Иванова прощались здесь всего на несколько дней: они должны были спуститься в разные входы пещерной системы и через неделю встретиться у колодца Катаклизм в Анфиладе на соединении некогда независимых пещер Снежной и Меженного. Группа Аркадия ушла к Снежной, Морозов и два Алексея: Кореневский и Преображенский — молодые спелеологи из Москвы, продолжали заброску, перетаскивая челноками экспедиционный груз ко входу в Меженного.

В последнюю ходку группа Морозова отправилась уже на исходе туманного дня. То ли туман, сумерки и непрекращающийся снегопад, то ли усталость — что-то заставило Морозова сбиться с пути. Пути, который Морозов, казалось, должен был бы найти с закрытыми глазами. Группа не дошла до своей временной базы буквально несколько десятков шагов и в крошечной тьме решила встать на ночевку. Тем более что бивачное снаряжение было под рукой.

Пробившись сквозь коварно мягкую кавказскую погоду, группа Иванова благополучно добралась до входа в Снежную и сходу ушла под землю. Как хорошо в пещере после ненастного зимнего Кавказа! Группа продолжала работу и ровно в условленное время подошла к колодцу Катаклизм. Морозова не было.

Не было его и на следующий день, и через неделю.

Идти навстречу Морозову через Меженного Аркадий Иванов не мог — на отвесах не было снаряжения, которое должна была навесить группа Морозова. Поэтому они решили возвращаться. На поверхности, первым делом, кинулись ко входу в Меженного. И когда увидели, что группа Морозова в пещере так и не была, поняли, что случилось что-то непоправимое. Но шанс был! Ведь никто не видел ребят мертвыми. Значит, они могут быть живыми. Они должны быть живы! Ведь это Морозов. И Аркадий ринулся за помощью. Позвонил в Москву, в КСС. . .

. . . Они поставили палатку на чуть покато́м склоне где-то на подъеме — не видно было, все вокруг застилало туман, снег и темень. С комфортом расположились на ночлег, забравшись в спальняные мешки, чтобы завтра поутру сориентироваться и продолжить работу.

Ночью на палатку Морозова сошел оползень. Небольшая снежная доска съехала по невероятно пологому снежному склону. Лавина на таком склоне — абсурд. Но она сошла. Все трое были похоронены в снегу и не смогли выбраться.

Их искали. Не единожды поднимались в горы поисковые команды, но отступали ни с чем. Попробуй, пробурь лавинными зондами такое плато! Как потом выяснилось — проходили совсем рядом. Будь у морозовской группы элементарный радиомаяк, нашли бы сразу. Но. . .

Ни радиомаяков, ни радиостанций у нас, спелеологов, не было. Не было их и у многочисленных туристов, ежегодно плативших страшную дань лавинам в горных районах бывшего СССР. Что изменилось с тех времен?

* * *

Незаметно летят дни, с каждым годом все быстрее. Все больше лет отделяет нас от того страшного дня. В народе говорят: „Кто старое помянет — тому глаз вон!“ Мы хорошо помним первую половину этой пословицы. Но вспомним и вторую: „А кто забудет — тому два!“

Я бережно храню пожелтевшие листы того октябрьского, 85-го года, „Собеседника“¹⁸⁷, строчки, которые не укладываются в сознании, сколько бы лет ни прошло...

«К пещере спасатели вылетели только девятого. В горах провели всего трое суток, непосредственно поисками занимались всего 8 часов. Прибывшие представители Центрального совета поиски прекратили — лавинная опасность. Несколько дней друзья Морозова в Москве добивались разрешения снова начать спасработы. Добились. Прилетели в Сочи. Оказалось, что решение сюда еще не дошло! Начальник контрольно-спасательного отряда выдать продовольствие отказался. И еще три дня продолжалась морока...»

Подумайте, представьте. Три дня бюрократической мороки, когда в горах гибнет ваш сын или муж!

«... Когда же их все-таки пустили, то первые двое суток спасатели находились в лавиноопасной зоне без связи, без рации. Рацию Сочинский КСО не выдал по той причине, что Центральный совет, тот самый, работники которого признали район лавиноопасным, не позаботились дать соответствующих указаний.»

Годом позже описываемых событий я присутствовал на семинаре руководителей походов со школьниками в Подмоскowie. В один из дней к нам на турбазу „Зеленый бор“ приезжает представитель Центрального совета по туризму и экскурсиям ответственный за безопасность туристских путешествий Юрий Худоклинов. И вот я сижу на лекции по безопасности проведения походов со школьниками и, мертвея, слушаю Худоклинова. А тот с чиновничьим апломбом посмеивается из-за кафедры, бросая в непросвещенную учительскую аудиторию впечатления от тех спасательных работ на Бзыби.

„Представляете, эти спелеологи, они придумали искать в лавине в аква-лангах! Мы им говорим — вы еще ласты бы надели!“ И разводит руками, апеллируя к доверчивым слушателям — вот де, какие неучи-профаны ходят по нашим горам! Вот де, кого приходится спасать. А еще, мол, права качают, возмущаются чего-то!

А я с трудом сдерживал себя, чтобы не устроить скандал, не швырнуть в эту чиновничью физиономию что-нибудь, потяжелее слов... Эх, Юра, Юра, ведь говорят, ты тоже ходил в горы, как же ты можешь?..

Сдержался, не устроил, смолчал, и несу этот стыд по сей день. Осторожность, вежливость, тактичность и воспитанность — не пахнут ли они, порой, трусостью?

¹⁸⁷ В. Яковлев „Спасать не обязаны...“ „Собеседник“ № 43, октябрь 1985 г.

Да, возможно, не все „профаны-спелеологи“ верно представляли себе, как вести поиски в лавине. Кстати, утвержденными ЦС программами спелеотуристской подготовки лекции на эту тему даже не предусмотрены. Нет в них и многого другого, что входит в подготовку туристов других видов путешествий. Что ж с того? Парни шли, рвались в горы на помощь.

Потому что так понимали правила Игры. Потому что хотели верить: если когда-нибудь случится и с ними, другие также не станут отсиживаться по теплым углам.

А вы, с вашими креслами и портфелями, иные и сами из нашей среды — чиновники от туризма — что делали вы, „худоклиновы“? И что бы вы сделали, если бы вас не заставляли шевелиться мы — вот эти „неучи“, для служения которым и созданы ваши кресла и портфели?

Потому мы вам так и ненавистны, что беспокоим, отвлекаем от личных дел. Заставляем принимать решения и брать на себя ответственность, то есть честно отрабатывать свою зарплату. Мы с вами никогда не пойдем друг друга, потому что у нас разные правила Игры. Да и игры разные. Увы.

И еще. Неужели каждый из нас готов измениться „до наоборот“, стоит дать нам кресло, портфель и зарплату?

* * *

Трагедия на плато Хуп-Хулцва взволновала многих. На работе подошли сослуживцы:

— Там опять про ваших в газете писали. Погиб кто-то. Вы их знали?

— Да, да, знал. . .

— Как же это возможно — пропали в феврале, а поиски — через месяц?

— Возможно. У нас все возможно. . .

— Безобразия!

— А каково родителям?

— Вы, как камикадзе какие-то. . .

Когда улетал в очередную экспедицию на Кавказ, беспокоились, любопытствовали:

— Туда, где эти ребята? . . . Поосторожнее там!

— Нет, мы не туда, у нас все просто. . . Да и снега сейчас нет.

— А если что? Спасатели там есть?

— Ну, разве об этом говорят! Есть, все там есть. Мы сами себе — спасатели. . .

Мы — сами себе спасатели. В этом суть всей нашей жизни. И не только в горах.

* * *

Мы во Враце, смотрим видеофильмы французских спасателей. И приходится опираться подбородком на кулак, чтобы не отвисала челюсть. А сердце болит, ноет от бессильной белой зависти. Они молодцы, эти французские парни, они такие же, как мы, просто им повезло жить в другой стране — их государство оказалось более внимательным к своим гражданам. Да разве только французы понимают, как должна быть организована служба спасения?

Враца. Международная школа по спасению в пещерах. Один за другим выступают лекторы из разных стран. Обсуждаются какие-то „странные“ проблемы. Например, вопросы международного урегулирования спасательных акций на территориях других и третьих стран.

... Я чувствую себя плохо. Мне стыдно за свою страну. Пока еще стыдно. Потому что, наверно, я все еще что-то в ней люблю. Пройдет несколько лет, и я пойму, что больше не могу любить страну, в которой живу. Я люблю эту землю — горы, леса и пещеры, я люблю своих родных и друзей. Но я больше не верю государству, которое всю мою жизнь не считало меня Человеком, обирало и обирает меня, обманывает и эксплуатирует, при этом совершенно не нуждаясь в моих способностях, моем опыте и умениях — в том, что я готов отдать ему практически даром. Что говорить? Мои умения нужны отдельным конкретным людям, попавшим в беду, но никак не паразитической надстройке, присвоившей право решать от имени этих отдельных людей. Отличительная его черта — этого ненавистного мне государства — безразличие к своим гражданам. Я не верю ему и не люблю его. И это мое несчастье.

* * *

Мир уже давно идет по пути консолидации, тем более, в вопросах спасения. В феврале 80-го года бельгийская экспедиция приходит на помощь полякам, терпящим бедствие в мексиканской пропасти Сотано дель Агустин. Это можно сравнить с помощью нашей казахстанской команде со стороны узбекских спелеологов в Киевской. Спелеологи Соединенных Штатов постоянно осуществляют спасательные акции в мексиканских пропастях, год от года становящихся все сложнее и глубже. Это только отдельные примеры.

В Европе первенство в международных спасательных работах, безусловно, принадлежит французам. В их послужном списке сложнейшие спасательные акции. И не только в пограничной Испании. Всемирно известны поисково-спасательные работы в Польше, когда в сифоне одной из пещер исчез югославский легководолаз. Попытки поляков и югославов отыскать товарища закончились неудачей. И тогда были приглашены французы.

Потому что пока нет однозначного ответа — погиб, остается сумасшедшая надежда. Как отказаться от спасательных работ, если ничего еще достоверно не известно? А вдруг потом выяснится, что все это время твой товарищ жил? По невероятно счастливой случайности, вопреки всем правилам? Оказавшись в каком-нибудь воздушном пузыре за сифоном, в снежной пещерке с достатком воздуха и продуктов, в другой непредсказуемой ситуации?

Он ждал тебя, так как верил в правила Игры! И... не дождался.

Не потому, что ты шел, рвался, но не смог. А потому что, отступил, не испробовав все, до последнего шанса.

Еще одну впечатляющую спасательную операцию французские спасатели осуществили в Марокко. В одной из марокканских пещер девять спелеологов оказались блокированы внезапным паводком. Погода все ухудшалась, и мутные паводковые воды превратили низкий коридор пещеры в

длинный сифон. На зов о помощи откликнулась Французская Федерация Спелеологии. (А мы? Кто бы разрешил нам лететь на помощь в Марокко? Если даже в Армению в страшном декабре 88-го мы вылетали трое суток, и прорвались на свой страх и риск только благодаря родственной протекции... Да и кто бы к нам обратился?)

Французы не мешкали ни секунды. Шестнадцать оснащенных современным снаряжением и оборудованием спасателей блестяще справились с задачей. На каждого спасаемого надевали акваланг, объясняли, как им пользоваться, и сопровождали через сифон к выходу.

По ходу дела французы успевали снимать видеофильм, который мне повезло увидеть во Враце. Под аккомпанемент грустных мыслей...

Жан вставляет следующую кассету. А это что? На экране странный прибор, напоминающий торпеду... Нет слов! Это миниатюрная подводная лодка для транспортировки тяжело пострадавшего через сифоны. Человек лежит в специальном металлическом цилиндре, куда подается воздух под атмосферным давлением, есть телефонная связь с внешним миром, обеспечена полная неподвижность поврежденных мест и возможный комфорт. На экране телевизора я вижу этот снаряд в действии. Не везде можно протаскать эту торпеду, но, имея такой тыл, все-таки легче решиться на путь в глубину.

На что рассчитывали советские подводники, штурмуя подводные тоннели в глубочайших пещерах Евразии? Ответ прост. Каждый из нас знал — рассчитывать можно только на себя и своих товарищей. Мы — сами себе спасатели. Таково, увы, главное правило игры в „советский“ кейвинг. И не только советский.

Оставалось надеяться, что пройдет время, и мы сможем войти на равных в международное сообщество. Чтобы помогать другим. Чтобы верить в помощь коллег. Чтобы уважать себя, в конце концов.

Кейвинг — занятие оптимистов. С угнетенной психикой под землей не место.

* * *

На Бзыби, над плато со странным названием Хуп-Хулцва, высится скромный памятник: два сложенных из дикого камня столба с металлической перекладиной. На перекладине висят над землей три серебристые пластины. Каждый год сюда приходят спелеологи. Кем-то из них повешен между пластинами пещерный „куриный бог“ — кусок известняка с проточенным водой отверстием.

Ветер качает камень, задевает металл. И плывет над плато, над всей Бзыбью, удивительно чистый звук. Светлый, как память о друзьях. Гибель Саши Морозова отдалась в наших сердцах отзвуком всех старых и недавних потерь. Позднее, в мае 1985 года, на Всесоюзном слете туристов в прикарпатском городке Яремче родилась эта песня:

Так случилось, дружище, с судьбою не спорь,
Мы живем — значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша память и боль
Всем смертям и лавинам назло.
Ты прости, что молчу я, струну теребя,

Трудно справиться что-то с собой.
Просто кто-то лавину сорвал на себя,
Ты, что нас ожидала с тобой.
Нет, неправда, что смерть только лучших берет —
Что в том смыслит грохочущий снег?
Просто тот, кто никчемно прожил, — тот уйдет,
А друзей не хватает втройне.

Что с тобою? Ты плачешь?
Нет, это не плач:
Майским снегом Бзыбь слепит глаза. . .
Я прошу, если худо, ты слезы не прячь
И не верь, хоть не верить нельзя.

Снег растает, сбежит, как морщинки с лица:
Не для нас протрубили отбой.
Та пещера, что ты не прошел до конца,
Где-то нас ожидает с тобой.

. . . Так случилось, дружище, с судьбою не спорь.
Мы живем — значит, нам повезло.
Над Кавказом звенит наша Память и Боль
Всем смертям и лавинам назло!¹⁸⁸

* * *

Звенит телефон.
— Слушаю.
— Шеф, привет! Мы вернулись.
— Саня? Ван? Ты, что ли? Когда приехали?
— Сегодня ночью. Осенняя — прелесть! Второй раз иду и все восхищаюсь. Особенно внизу, ниже лагеря — там такие каскады, вода! Все наши были на –500. Навеску SRT сделали. Вроде, неплохо. Первый раз все-таки!

— Ну, молодцы! Жду, жду! Это надо подробнее обсказать. Когда после-экспедиционный банкет?

— Как полагается!

Кладу трубку. С хребта Алек вернулась экспедиция Саши Вана. Первыми Осеннюю по одинарной веревке пробовали пройти поляки, в мае 1988-го. Мы же в это время, вместо того, чтобы наслаждаться международной экспедицией, работали на „спасах“ в Ручейной, где сломал ступню новомосковский спелеотурист. Шли сплошные дожди, в пещерах было много воды, и поляки не пробились глубже зала Песен. И вот теперь прошли наши, в январе, хоть и снегу по горло. Приятно!

Звонит телефон.

— Привет, это Рудых. Я уезжаю на время из Москвы. На Алек. Что случилось? Сразу после ваших, в Осенней упал москвич. Из спелеосекции геолого-разведочного — МГРИ. По первым сведениям, делал навеску и. . . в общем, упал с 30-ти метров в зал Гномик, вместе с веревкой. Подробностей пока не знаю.

¹⁸⁸К. Б. Серафимов „Памяти Саши Морозова“, Яремча, 1985 г.

— Володя, кто упал? Я его знаю?

— Зеленин некто, из молодых.

— Живой?

— Не думаю. Жду вот звонка. Через два часа вылетаем на спасработы. Так что с делами придется повременить, пока. Извини.

— О чем ты... Удачи!

Я хорошо помню этот колодец. Спуск в грот Гномик на глубине –270 метров от входа в Осеннюю — это 33 метра вертикали. Шансов практически нет. А вдруг?

Вступая на подземную тропу, да не забудем правила Игры.

8. В челюстях синего дракона

8.1. Бездонные вертикали

Говоря о подземном мире, нельзя не сказать о воде. С каждым метром в глубину земли вода набирает силу, пока совсем не воцарится в пещере, заполнив ее до потолка.

Сифоны. Сколько раз они останавливали нас? Сифон — это конец пути, конец пропасти. Дальше обычному смертному пути нет. Остается повесить вымпелок, положить в капсулу записку и возвращаться. Возвращаться или искать обход этих зыбких сине-черных ворот.

Но есть в кейвинге особая страница — спелеоподводная. И есть люди, спелеоподводники, бросающие вызов сифонам. О них и пойдет разговор. Открывая эту главу, я не ставил целью углубленное исследование такой сложной области как аквакейвинг. Если история советских спелеоисследований до настоящего времени пребывает в тумане безгласности, то спелеоподводная деятельность покрыта еще большей неизвестностью. А между тем трудно представить занятие более рискованное и требующее столь высокого уровня психической уравновешенности, профессионального искусства, владения подводным снаряжением, собственным телом и нервами.

Приподнимая полог неизвестности, ощущаешь бессилие охватить все, что заслуживает внимания в подводной спелеологии. Но надо с чего-то начинать. Поэтому попробую прочертить редкий пунктир на карте познания, выхватить лучом фонаря некоторые странички полной драматизма истории подводных спелеоисследований.

Стремление в глубину присуще кейвингу вне зависимости от того, идет ли речь о достижении дна величайшей пропасти планеты или глубочайшего сифона мира.

На память приходит короткий гимн Светланы Борзуновой, сконцентрировавший суть:

Каменный свод пещер,
Мокрой скалы карниз.
Принято рваться вверх —
Вы же стремитесь вниз.

Трав и цветов нет —
Здесь они ни к чему.
Жадно любите свет,
Так почему — в тьму?

Свод тяжело навис,
Каждый опасен шаг.
Я понимаю — риск.
Но почему — так?

А мне в ответ лишь
Дрогнут углы губ:
То, что для вас — вниз,
Это для нас — вглубь!

* * *

Если Сукурайский источник на Южном Урале, в котором появляется на свет подземная река пропасти Кутук-Сумган, мало кому известен, то источник Воклюз во Франции давно стал именем нарицательным. Так в спелеологии называют восходящие из-под земли потоки — грифоны большого дебита. Сам же Воклюз — один из удивительнейших капризов природы — давно притягивает внимание искателей приключений всего мира. Помните?

„Бургундия, Нормандия,
Шампань или Прованс —
И в ваших жилах тоже есть огонь!..“

Так вот, Воклюз находится в Провансе. Здесь выходит на поверхность речка Сорг. Знаменитое имя — Воклюз, носит не только источник, но и возвышающееся над ним горное плато и весь департамент.

История исследований Воклюза начинается 26–27 марта 1878 года, когда — более ста лет тому назад — водолаз Отонелли рискнул в тяжелом скафандре спуститься на глубину –23 метра¹⁸⁹. В таком снаряжении это и сегодня может считаться подвигом. Воклюз с легкостью отбил попытку проникнуть в свои недра. Ход круто уходил вниз без всяких намеков на выполаживание.

Следующая попытка была предпринята очень нескоро. Только через 60 лет 27 сентября 1938 года водолаз Негри в подобном скафандре достиг глубины –30 метров.

Исследователей не покидала надежда, что вот-вот подводная галерея остановит свое падение и появится долгожданный перегиб потолка на всплытие в неизвестное продолжение. Окрашивание подземных вод в пропастях плато Воклюз, таких как Каладаир, Жан-Туво и Отран, показало, что они разгружаются в источник, как и множество более мелких ручьев в полостях этого района. Так что вполне возможным казался скорый выход через Воклюз в подземный коллектор карстовых вод.

Тем не менее, 8 лет потребовалось для подготовки следующего штурма. На этот раз за дело взялся прославленный покоритель морских глубин изобретатель акваланга Жак Ив Кусто. Впервые в мировой практике для погружения в пещере использовались гидрокостюмы сухого типа и акваланги.

Кусто и Ф. Дюма связались 10-метровым шнуром и начали спуск. Связи с поверхностью они не имели.¹⁹⁰ Согласно информации предоставленной Отонелли и Негри, исследователи надеялись обнаружить нормальный ход, опускающийся до глубины 30–40 метров, а затем — поднимающийся участок неизвестных размеров. В этих условиях предполагалась следующая техника: закрепить клубок шнура на грузиле в самой низкой точке сифона и подниматься, разматывая шнур, в неизвестное продолжение пещеры. Опираясь на информацию первоисследователей, Кусто и Дюма надели тяжелые груза, чтобы удерживаться у дна и противостоять любым подводным течениям.

¹⁸⁹По материалам В. Э. Киселева „Далекое дно Воклюза“, „Вокруг Света“ № 11, ноябрь 1986 г. и обзора мировой спелеопоподводной прессы в переводе А. В. Арчакова, предоставленного В. Э. Киселевым.

¹⁹⁰Далее по материалам Гий де Лавар „Пещеры и спелеопогружения“, 1958 г.

Они быстро спустились, сэкономив максимум воздуха для разведки неизвестной части. К сожалению, ожидавшегося перегиба сифона вверх не было. Как только подводники погрузились, избыточный вес стал прижимать их к скалам на дне. При переносе грузила лота через одно из препятствий, Кусто теряет клубок шнура и не может его найти.

Уклон становится все круче. Вскоре он достигает 70 градусов, и спуск ускоряется. Подводники достигают груды глыб заклиненных под углом в 45 градусов. Несмотря на прозрачность воды, лучи фонарей не достигают стен. Глубиномер показывает –46 метров.

Здесь Кусто, следуя на более высоком уровне, чем Дюма, пытается подняться к своду. Возвратившись, он находит товарища в полубессознательном состоянии. Да и сам он уже чувствует эффект глубинного наркоза. Этот спуск мог закончиться трагически.

Глубинный наркоз — изменение в жизнедеятельности организма под воздействием высокой концентрации растворенных в крови газов — чрезвычайно опасен на глубине. В данном случае подводники пережили эффект отравления в результате неправильного заполнения баллонов аквалангов: в сжатый воздух, предназначенный для дыхания, попала окись углерода. Лишь благодаря энергии лейтенанта Кусто и сообразительности старшины первой статьи Фарго, почувствовавшего неладное и решившего использовать лот для сигнализации, удалось помочь подводникам вернуться на поверхность.

Этот спуск показал, что ход сложнее, чем предполагалось. Спускающаяся галерея, вместо перегиба на подъеме, вела в обширный затопленный грот, размеры и очертания которого нельзя было установить. Исследователи не обнаружили признаков течения, хотя на поверхности расход речки Сорг составлял около 5–6 кубических метров в секунду.

Во втором погружении участвовали капитан Тайлье со старшиной второй статьи Морандье. Учитывая результаты первой попытки, они спускались столько же времени, но не пошли вдоль самого крутого склона, а поплыли на уровне свода. Следуя этой тактике, они одели меньше грузов и сократили соединяющий их шнур до 3 метров. Кроме того, от подводников на поверхность тянулась веревка. Во время погружения 78 метров ее были размотаны, но обнаружить сколько-нибудь значительного повышения свода галереи пока не удавалось. В какой-то момент командир экспедиции Тайлье начал ощущать эффекты, аналогичные испытанным предыдущими подводниками, и решил прекратить погружение.

* * *

И еще почти десяток лет понадобилось, чтобы продолжить исследование. Кусто попытался взять реванш за отступление в предыдущей попытке. 16 августа 1955 года он вместе с подводниками Французского Офиса подводных исследований (ФОПИ) устанавливает новый рекорд при погружении в Воклюзе: –74 метра. Открыто несколько новых гротов, но, увы — подводная галерея все также круто уходит вглубь.

Каждая последующая попытка штурма загадочного источника вызрела с достижением качественно нового уровня в развитии техники и снаряжения для аквакейвинга. К 67-му году ФОПИ создает дистанционно

управляемый по кабелю аппарат для подводных исследований „Теленот“. С его помощью удалось заглянуть на –106 метров в эту удивительную подводную трубу, которая, между тем, и не думала кончаться или выполаживаться. Свет фар „Теленота“ тонул в темноте неведомого колодца. В этой же экспедиции подводник Фалько установил новый мировой рекорд по погружению в пещерах, сопровождая телеробот до глубины –90 метров.

* * *

Если Франция явилась родиной глубинного аквакейвинга, то другая его ветвь — исследования относительно неглубоких, но протяженных подводных пещер — наиболее интенсивно развивалась в Северной Америке. Прекрасные подводные лабиринты Флориды в сочетании с теплой водой: плюс 20–27 градусов по Цельсию, послужили отличным стимулом для погружений. К началу 80-х 11 из 15-ти длиннейших подводных пещер мира находятся во Флориде. Правда, высочайшие мировые достижения этого времени принадлежат другим странам. В Великобритании становится реальностью траверс подводной спелеосистемы протяженностью 1829 метров.

Но еще более удивительны достижения аквакейверов в Австралии. В недрах одного из самых обширных карстовых районов мира — равнины Нулларбор, австралийские подводники штурмуют сифоны пещеры Коклебидди. Эта удивительная пещера впечатляет не только громадной длиной затопленных галерей, но и их размерами. Ширина ходов Коклебидди достигает 30-ти при высоте до 10-ти метров, что позволяет подводникам продвигаться преимущественно по идеально чистой воде — в некоторых местах видимость достигает 100 метров!¹⁹¹

* * *

И все же американские спелеоподводники добиваются приоритета именно в исследованиях глубин вертикальных сифонов. В марте 1979 года экспедиция Шека Эксли в составе четырех ныряльщиков неожиданно для всех превосходит достижение Воклюза. Происходит это в одном из северо-мексиканских источников по названию Рио Манте близ Сьерра де Гватемала. Вот что писал об этом Эксли:

«Когда мы увидели незатопленную часть пещеры на фоне прекрасных гор, то ожидали встретить большой поток, обещающий неглубокое короткое погружение в Рио Манте. Но в одном из погружений Франк и Терри обнаружили ход сечением 5 на 8 метров. Через 60 метров ход с отметки –13 метров резко пошел вниз. Единственный путь узким колодцем сечением 2 на 4 метра вел круто в глубину, откуда со скоростью поднимался значительный поток воды.

¹⁹¹ Только тот, кто не мог разглядеть пальцев собственной руки в вечной мути подземных сифонов, может оценить эту фантастическую пещеру!

Франк и Терри прекратили спуск на глубине –85 метров. Декомпрессия¹⁹² в теплой: +27 градусов по Цельсию, воде была оживлена созерцанием стены с кальцитовыми кристаллами. В одном из последующих погружений Поль и Шек продолжили исследования этого хода до глубины –101 метр. С этой точки, удаленной на 168 метров от входа в пещеру, был виден следующий отвес. Интересно, что общая достигнутая глубина дает уровень на 20 метров ниже уровня моря.»¹⁹³

Североамериканцы погрузились на 27 метров глубже французов, установив тем самым новый мировой рекорд глубины спуска человека в подводную пещеру, так как достижения „Теленота“ относятся к совсем другой „весовой“ категории.

Возможно, американцы так и остались бы постоянными обладателями мирового достижения, если бы европейцы не сошлись в неожиданном соперничестве. Пока французы не спеша готовились к очередной попытке поговорить по душам с Воклюзом, в спор неожиданно вмешался известный западногерманский подводник Йохен Хазенмайер.

Передаю перо одному из самых опытных советских аквакейверов Владимиру Киселеву.

Зная, что его стиль работы не понравится французам, Хазенмайер никому не сообщил о своих намерениях. Поздно вечером 20 сентября 1981 года Йохен вместе с женой прибыл к Воклюзу. В час ночи, не привлекая внимания местных властей, Хазенмайер начал спуск. Вот как он сам описывает этот рискованный и вместе с тем тщательно подготовленный эксперимент:

«... Глубина –18 метров. С этого уровня начинаются прозрачные воды подземной реки Сорг. Видимость увеличивается до 25–30 метров.

Глубина –30 метров. Меняю газовую смесь — перехожу с кислородно-азотной на гелиево-кислородно-азотную.

Глубина –85 метров. Я у конца последнего протянутого шнура.

Минус 100–105 метров. Наклонный ход, засыпанный упавшими глыбами, расширяется.

Минус 105–110 метров. Наклонный ход обрывается широким вертикальным разломом. Отверстие, которое было осмотрено с помощью „Теленота“, — верх этого разлома. Его сечение 10 на 30 метров. Не видно ни одной полки. Свет галогенного фонаря теряется в глубине: никаких признаков дна. Продолжаю спуск.

Глубина –125 метров. Продолжаю скользить вдоль коричнево-оливковых стен. Внизу угадывается что-то вроде узкой и

¹⁹² **Декомпрессия** — система постепенного перехода из среды с высоким давлением в среду с более низким давлением. При превышении скорости всплытия подводник рискует быть пораженным кессонной болезнью: закупоркой кровеносных сосудов и тканей пузырьками азота, при снижении внешнего давления выделяющегося из растворенного в крови газа. Единственным спасением в этом случае является быстрое помещение пострадавшего в среду с высоким давлением или декомпрессионную камеру.

¹⁹³ Ш. Экли „Погружение в источнике Рио Манте, Мексика“, „Caving International Magazine“ № 9, Канада, 1980 г.

светлой полоски. Планирую в этом направлении. Начинаю ощущать наркотическое воздействие вдыхаемой смеси, связанное с огромным давлением.

Минус 145 метров. Достигаю маленькой полочки на отвесной стене. Глубиномеры, отрегулированные в соленой воде, показывают 140–141 метр. Это означает, что я на глубине –145 метров (65 метров ниже уровня моря). Обрываю свой тонкий нейлоновый шнур и привязываю к нему небольшой камень — единственную имеющуюся точку крепления. Узел хороший, но сама точка слабовата. С полочки видно, что отвесный участок продолжается, не меняя направления, форм и размеров, до глубины 170–175 метров. Не видно ни террас, ни полок.

Через 50 минут после начала погружения я вернулся на осыпь, на глубину –100 метров, и начал декомпрессию. Через два с половиной часа я поднялся до отметки –40 метров и здесь связал свой шнур со старым, протянутым до отметки –35 метров. Через 5 часов 25 минут после начала погружения я вышел на поверхность, где меня ждала жена Барбара.»

Спустя три недели к Воклюзу прибыла представительная экспедиция СОИВ — Спелеологического Общества источника Воклюз. Известие о рекордном спуске Хазенмайера задело французов. Было решено любой ценой превзойти достигнутую немцем отметку. На поверхности предсифонного озера был смонтирован большой понтон с декомпрессионной камерой. Трехтонная груда специального оборудования — контрольный пульт, фонари, телефоны, компрессоры, баллоны с дыхательными смесями — должна была обеспечить рекордное погружение самого опытного спелеоподводника экспедиции Клода Тулумджана. Длительная подготовка и хорошая физическая форма Клода должны были гарантировать успех трудоемкого и дорогостоящего мероприятия.

Тактика погружения строилась на поэтапном переключении подводника от одного шлангового аппарата к другому, а с глубины 90 метров начинался автономный спуск с баллонами на спине. На отметке –50 метров была установлена специальная декомпрессионная каска „Комекс“ с водолазным звонком.

Однако первая же попытка нарушила все тщательно разработанные планы. На глубине –60 метров Тулумджан попытался надеть каску „Комекс“. Эта попытка затянулась на 15 минут и едва не привела к удушью подводника. После подъема Клода было решено отказаться от переключений и весь спуск осуществить с одним шланговым аппаратом „Наргиле“. 250-метровый запас шланга, через который с поверхности подводнику подается дыхательная смесь, давал шанс на рекорд.

И вот участники экспедиции вновь провожают в сифон Клода Тулумджана, нашедшего в себе силы на вторую попытку. С поверхности спуск контролируется по высокоточному табло. Клод быстро достигает глубины –126 метров. Исчезают наблюдавшиеся сначала затруднения в дыхании. С поверхности по телефону сообщают о необходимости 14-минутной адаптации.

Глубина –153 метра. Яркий луч фонаря бессилён высветить не только дно, но и противоположные стены колодца. . . На обратном пути подводнику

приходится совершать сложные маневры, чтобы не запутаться в паутине шнура, оставленного Хазенмайером.

Снова отметка –50. Тулумджан звонит наверх. Теперь вместо газовой смеси сверху начинают подачу воздуха. Длительное пребывание в холодной воде парализует силы и волю подводника. Прямо в неопреновый гидрокостюм по другому шлангу вливается горячая вода. Следуют долгие часы декомпрессии. На последних этапах подъема—1 час на отметке (12 метров и 2 часа на отметке –9 метров) Клод дышит чистым кислородом.

Годы подготовки, вылившиеся в семь с половиной часов тяжелейшей, на грани возможного, подводной работы—такова цена спуска на глубину в полтора метра. Несмотря на огромные усилия, каждая новая попытка, казалось, лишь удаляла конечную цель погружения—дно сифона или хотя бы перегиб его свода.

* * *

Через два года заочное соперничество европейцев было продолжено. 9 сентября 1983 года Хазенмайер вновь тайно посещает Воклюз. Оснащенный сложными газовыми смесями и работая по специальным таблицам декомпрессии, Йохен совершает новое рекордное погружение, занявшее 9 долгих часов. Обернутый обоймой из девяти баллонов и умело меняя дыхательные смеси, он сумел спуститься до глубины –200 метров!

Буквально через неделю, 17 сентября, к Воклюзу прибывает новая экспедиция СОИВ. Результаты погружений 1981 года убедили исследователей Воклюза в том, что современное снаряжение вряд ли позволит человеку опуститься глубже достигнутого, не подвергаясь чрезмерному риску. Новая информация об источнике, считали они, могла быть получена лишь с применением управляемого аппарата типа „Теленот“, но более приспособленного к размерам сифона.

По инициативе Жана Пьера Виара спелеологи СОИВ сделали такой аппарат. Названный в честь подземной реки „Соргонот“, он представлял собой относительно небольшой модуль с двумя герметическими трубами-контейнерами. В одном из них помещалась телекамера, в другом—измерительные приборы. Изображение передавалось по кабелю на поверхность, где просматривались на мониторе и записывались на видеомагнитофон. Передвижение аппарата обеспечивали три двигателя. Вся связь с поверхностью шла через четыре кабеля, скрученных в тяжелый жгут. Аппарату и четыремстам метрам жгута общим весом в одну тонну была придана нулевая плавучесть. Для этого к ним прикрепили полые металлические поплавки, в которые под давлением был закачан воздух.

Погружение проходило на редкость удачно. Аппарат быстро достиг отметки –200 метров. С этой глубины его мощные фары высвечивали лишь одну из стен гигантского колодца. На глубине –245 метров был включен двигатель горизонтального перемещения. „Соргонот“ прошел несколько десятков метров, но увидеть противоположную стену ему так и не удалось. Один из кабелей оказался поврежденным, и это вынудило исследователей прервать эксперимент. Вся процедура спуска-подъема заняла лишь три с половиной часа и сберегла ученым немало нервных клеток.

Окрыленные успехом, спелеологи через год вновь спускают „Соргонот“

в Воклюз. Двенадцатая попытка штурма закончилась для их детища трагически: обрыв тяжелого кабеля, недостаточно уравновешенного поплавокми, привел к потере аппарата на глубине –235 метров. И тогда был заказан новый подводный аппарат, аналог „Соргонота“ — телеробот „Модекса-350“, рассчитанный на погружение до глубины 350 метров.

Ночь 2 августа 1985 года. 1 час 49 минут. Начинается спуск „Модексы-350“. До глубины –53 метра аппарат пилотирует подводник Ален Флукс. Длинный, более чем полукилометровый, кабель свободно разматывается вслед за уходящим все глубже прибором. Через час он уже на отметке –160 метров.

Проходит еще полчаса, и объектив телекамеры находит обломки лежащего на выступе „Соргонота“. Спустя 3 минуты „Модекса“ достигает глубины –245 метров. Диаметр колодца здесь 50 метров.

Глубина –300 метров. Диаметр колодца уменьшается, появляются покрытые щебнем выступы.

Глубина –310 метров. Сильные фары высвечивают уходящие на юго-восток горизонтальные галереи. Удастся ли когда-нибудь человеку проникнуть по этим каналам к истокам Воклюза?

„Модекса“ ненадолго задерживается на развилке и продолжает спуск. Хватит ли радиуса действия аппарата для спуска на дно? Ведь критический предел уже близок.

3 часа 48 минут. „Модекса“ опускается на занесенную песком осыпь. Это и есть долгожданное дно. Аппарат, послушный командам оператора, осматривает стены. Они, как оспинами, изрыты небольшими характерными выступами. Эти фасетки свидетельствуют о постоянной напорной работе подземных вод. Сильное течение увлекает за собой песчинки.

Датчики фиксируют глубину –315 метров от уровня озера — это на 235 метров ниже уровня моря. Переданное наверх и записанное на пленку изображение стало достоянием гидрогеологов и геоморфологов.

Современная техника, помноженная на самоотверженность и целеустремленность спелеологов, позволила всего за два часа совершить то, к чему исследователи Воклюза шли долгие 116 лет. Глубочайший из известных на планете карстовый источник приоткрыл завесу над одной из своих многочисленных тайн.

* * *

Если в техническом отношении первенство захватили французы с их чудо-роботами, то последнее слово в глубинном споре спелеоподводников все же осталось за североамериканцами. Причем первенства добились как мужчины, так и представительницы прекрасного пола. Посмотрим на эти события глазами самого прямого из очевидцев — автора мирового рекорда американца Шека Экли¹⁹⁴.

«21 июня 1987 года Мари Элен Эkhoф стала второй среди американцев и пятым в мире человеком, достигшим глубины –160 метров в подводной пещере. Она побила свой собственный семилетней давности рекорд глубочайшего погружения среди женщин: –125 метров.

¹⁹⁴Ш. Экли „Мировой рекорд побит“, по материалам В. Э. Киселева.

Мари пользовалась смесью из 50% гелия, 40% азота и 10% кислорода, так называемым „Тримексом“. Общее время ее погружения в мексиканском источнике Рио Манте составило примерно 6 часов. Я сопровождал ее во время этой попытки, наблюдая за декомпрессией.

Через 2 дня мы поменялись ролями, и я сделал в источнике Рио Манте попытку побить мировой рекорд погружения в пещеру, зафиксированный в 1983 году на глубине –200 метров в Воклюзе Йохеном Хазенмайером.

Перед тем, в апреле 1977 года, я установил в Манте американский рекорд, погрузившись до –158 метров. К сожалению, по сравнению с тем апрелем, условия ухудшились: видимость упала до 3 метров, а течение усилилось. Другая неприятность произошла на отметке –82 метра, когда, еще при спуске, забарахлил редуктор на баллоне с „Тримексом“. Из-за этого пришлось дышать сжатым воздухом до глубины –100 метров. Это значительно превышает максимально безопасную глубину для дыхания этим газом.

На –100 метров я включился в баллон с „Тримексом“. Баллон оставили здесь для подъема, но пришлось воспользоваться им и для спуска.

На –158 метров я дошел до конца моего старого шнура и привязал новый, тщательно укладывая его строго вниз, чтобы иметь возможность точно определять глубину. Спустившись, как мне показалось, на значительное расстояние, я увидел сужение колодца всего до каких-нибудь 1,5 метров, что вызывало резкое повышение скорости потока.

Так как я уже превысил максимально допустимое время спуска четырьмя минутами, я закрепил шнур и начал подъем, тщательно отсчитывая узелки, завязанные с 3,3-метровыми интервалами. Поднявшись на 42 метра, я достиг конца старого шнура, где был оставлен глубиномер для декомпрессии. При подъеме с глубины –117 метров я сделал 39 декомпрессионных остановок, во время которых дышал шестью различными смесями, предохраняющими от декомпрессионной болезни, интоксикации кислородом и гипоксии.

Общее время погружения составило 11 часов 13 минут — самое продолжительное из когда-либо совершенных в пещере. При погружении было использовано 15 баллонов, не считая дополнительных страховочных баллонов, которые не применялись.

Я не утверждаю, что мое погружение на 200,5 метров стало мировым рекордом, так как на этом уровне трудно определить точную глубину. Я вполне мог быть метра на 3 выше или ниже, поэтому было бы несправедливо объявлять новый рекорд, имея превышение всего на 1 метр.

В апреле 1988 года мы вернулись к Манте для следующей попытки побить рекорд Хазенмайера. После ряда погружений моей замечательной команды поддержки, состоящей из представителей мексиканской спелеоассоциации Сергио Самбрано

и Анхело Сото, а также Неда де Лоача, 5 апреля 1988 года мне удалось добавить еще 42 метра шнура до глубины, как минимум, –237 метров, а возможно, и –241 метр.

Разница вероятно в результате того, что, начиная с –200 метров, пещера, вместо прямого падения, имеет уклон от 10 до 30 градусов от вертикали.

За тем местом, где привязан ходовой конец, пещера еще более выполаживается—примерно до 45 градусов. Было видно, что еще метров 12 ход продолжается вниз с тем же уклоном, но что дальше—рассмотреть не удалось. Несмотря на то, что время спуска до дна заняло всего 24 минуты, время подъема превысило 10 часов, включая 52 декомпрессионных остановки. Используя 11 различных газовых смесей и специальные таблицы, просчитанные Билом Гамильтоном, я появился на поверхности на 1 час и 27 минут ранее времени, мною же определенного. Но все обошлось хорошо.»

Но и на этом Шек Экли не остановился. Позже он закрепил свои позиции абсолютного рекордсмена по глубинным спелеоподводным погружениям, достигнув в этом же источнике фантастической для человека глубины: –265 метров!

А в следующем году, по некоторым данным, и этот рекорд пал. В Рио Манте Шек Экли преодолел рубеж –290 м. Есть от чего вытаращить глаза!

* * *

Чтобы дать представление о положении в глубинном аквакейвинге в начале последнего десятилетия XX века, мне остается только привести небольшую табличку самых глубоких подводных пещер мира—глубже 100 метров, исследованных спелеоподводниками и подводными роботами (в скобках). Интересно, что не только Северная Америка и Европа соревнуются за первенство в спелеоподводных суперглубинах.

На третье место в Мире неожиданно выдвинулась Южная Африка, предъявив знатокам черноглазую Бушменегат, глубиной—283 метра затопленных вертикалей.

Мексиканка Рио Манте, несмотря на лидерство Шека Экли среди аквакейверов, все же не смогла догнать „французское чудовище“.

Воклюз устоял. Стараниями создателей „Теленота“, „Соргонота“ и „Модексы“ человеку удалось заглянуть в такие глубины, куда лично добраться пока не смог никто.

Думается, что—315 метров Короля Аквавертикалей Воклюза тоже не предел глубины. Кто знает? Итак, очередь к Трону.

Глубина в метрах	Аквакейверы	Аквароботы
–315	–205	(–315)
		Воклюз (Франция)
–290	–290
		Манте (Мексика)
–283
		Бушменегат (ЮАР)
–267	–110	(–267)
		Храница пропасть (Словакия)

- 248 (–248) Червено Езеро (Югославия)
- 183 (–183) Рэд Снэппер Синк (Флорида, С.Ш.А.)
- 172 –103 (–172) Хирорадзива (Зимбабве)
- 153 –110 (–153) Харасиб (Намибия)
- 153 (–153) Гуинас (Намибия)

И далее только пещеры, пройденные легководолазами:

- 140 Гуль дю Пон (Франция)
- 140 Шодан (Швейцария)
- 130 Ценоте Ксколак (Юкатан, Мексика)
- 125 Блю Хоул -Лайтхаус риф (Белиз)
- 125 Тувр д'Ангулем (Франция)
- 125 Люссак (Франция)
- 123 Боемангат (ЮАР)
- 119 Мистери Синк (Флорида, США)
- 115 Шартре (Франция)
- 110 Ди Полдер 2 (Флорида, С.Ш.А.)
- 108 Горгаццо (Италия)
- 102 Ваккула Спрингс (Флорида, С.Ш.А.)
- 102 Грот де Монтие (Швейцария)
- 100 Цеоное Учил (Юкатан, Мексика)
- 100 Ценоте Икс (Юкатан, Мексика)

И так далее, в том числе более 40 сифонов глубже 75 метров. Надо полагать, что на этом дело не остановится...

8.2. Сухие глаза

Обычно наш самолет прилетал в Адлер поздно вечером. И первое же острое впечатление — влажная парная жара, духота, пропитанная пряными запахами субтропической растительности. Курортная суэта аэропорта, бабульки, предлагающие ночлег за умеренную по кавказским понятиям мзду, разлапые черные в ночи пальмы — все так знакомо! И где-то уже рядом море, прекрасное, как детский сон.

— Привет! Из Усть-Каменогорска?

Узок мир! Надо же было прилететь сюда за тридевять земель, чтобы встретить земляков восточно-казахстанцев. Обмениваемся незамысловатым набором обычных в таких случаях фраз. Парни предлагают подвезти в сторону Сочи. Вот так удача! До Хосты, куда я направляюсь инструктором на очередной спелеосеминар, в это время суток так просто не доберешься. Дорога пролетает мгновением. Выпрыгиваю в ночь на повороте шоссе. Мой рюкзак-станок встает на колесики рядом. Поехали!

Ташу за собой увесистую спелеологическую поклажу и думаю о знаменитой лестнице турбазы „Южная“, где будет начинаться наш семинар: все двести или триста (сбиваюсь!) ее ступенек мне предстоит штурмовать с этим монстром за плечами. В голове вертятся строчки Городницкого:

... Ждите нас не встреченные школьницы-невесты,
В маленьких асфальтовых южных городках...

Как же, ждут нас... Желтый свет окошек за заросшими лозой изгородями, черные контрастные тени на асфальте, сонные витрины магазинчиков. Откуда-то доносится тихая музыка. Цокот каблучков по гулкому тротуару...

Кажется, я уже не знаю, куда иду. Спросить что ли у каблучков? Цок-цок-цок — она уже совсем рядом: легкая походка, блестящие глаза. Останавливаюсь:

— Не подскажите — на „Южную“ я правильно иду?

— Почти! — чуть заметный запах „Изабеллы“ объясняет несколько нетвердый шаг моей спутницы. — Пойдем, пока нам по пути.

Девушка берет за дугу моего станка и идет рядом, касаясь моего плеча пушистой волной слегка растрепанных волос. Тянет старательно. Я молчу, и она поднимает на меня ночные глаза:

— Ты разве не чувствуешь, как я помогаю?

— Чувствую.

— Слушай, а как ты все это потащишь?

— На себе. Ногами.

— На себе? Обалдел. Такая тяжесть!

Мы идем плечо к плечу по ночной Хосте и катим станок. Она молчит, о чем-то думает. Потом смотрит на меня:

— У тебя жена есть?

— У кого их нет...

— Нет, я серьезно!

— И я серьезно.

— А как же ты уезжаешь, а она остается?

— А что ей тут делать?

Не люблю случайную болтовню на личные темы. Не объяснять же, что моя жена первой из женщин Казахстана ступила на 1000-метровую глубину...

— Шла бы, как я...

— Это по асфальту хорошо, а по лестнице...

— ... И по лестнице бы шла, — кивнула головой, будто решила для себя что-то важное.

Напротив небольшого ярко освещенного ресторанчика, откуда доносится легкая музыка, останавливаемся. Моя незнакомка касается пальцами четырехугольной бляхи значка контрольно-спасательной службы, что несколько пижонски украшает мою рубашку. Отклоняется на свет. Некоторое время молча рассматривает, наверно, читает надпись, потом поднимает ко мне затуманенное лицо:

— У вас опасно?

— Так себе.

— Ну, гибнут много?

— Да нет, не очень. Иногда.

— Значит, можно погибнуть.

— Погибнуть можно и здесь вот, под машиной...

— Нет. Это не то.

И уже отбежав:

— Слышь? Хочешь — подожди — я помогу?

Будь счастлива, Невстреченная!

* * *

Поднимая глаза от пишущей машинки, я встречаюсь с ними взглядом. . . Мишаня в пиратском платке щурит цепкие глаза — обрыв веревки в Заблудших.

Внимательно и как-то одобрительно улыбается Саша Морозов — лавина на Хуп-Хулце.

А Сережка Будкин будто отвлекся на минутку, оглянулся на зов, еще не поняв, в чем дело, да так и застыл навсегда. Серега — это Сукуруйский сифон. . .

Когда узнаешь об очередной аварии где-нибудь на Бзыби, когда изучаешь скупые сводки происшествий по итогам очередного сезона — что-то сжимается и твердеет в груди.

И мир вокруг становится строже и беспощаднее. Словно кто-то выключил рубильник, и передача пошла в черно-белом изображении. Но все это как-то издалека. Чувства подогреваются воображением, но не задевают глубоко. Боль не успевает разрастись, бьет вскользь, на излете, и уходит, оставаясь в памяти информативно, профессиональной зацепкой, чтобы никогда не забыться.

Ты идешь вперед в плотной когорте друзей, от пропасти к пропасти. Удачи сменяются отступлениями. А где-то — далеко-о! — что-то происходит. По мелочам и покруче.

Но вдруг — случается всерьез, и тогда общее монолитное стремление вперед будто приостанавливается. Все замирает на мгновение — в вакуумной тишине, как в минуте молчания. Оцепенение проходит, и мы по-прежнему стремимся вперед. От экспедиции к экспедиции.

И снова рядом удар Беды. Теперь ближе — это уже знакомые наших знакомых. И вот где-то на промозглом московском кладбище ты стоишь в толпе, всматриваясь поверх голов в то, что когда-то было твоим коллегой по кейвингу. Он был, как ты, а теперь. . .

Так в апреле 1983 года мы хоронили Сашу Михалина — лидера спелеологов МГУ.

Мы работали в Снежной, МГУшники — в другой Бзыбской пропасти — пещере имени Алексинского. При спуске в один из колодцев Михалин въехал в „бороду“ из двух веревок. Сверху вдоль навески шла вода, и Саше долго не удавалось распутать веревочную кудель. Видимо, начал замерзать, решил отделаться от страховки и. . . по какой-то нелепой случайности, страшной ошибке одним взмахом ножа перерезал рапель и страховочную веревку. Колодец был 60 метров.

Знакомые наших знакомых. Это уже совсем рядом, но все еще далеко. Это только имена, которые знают все, или почти все, в нашем кругу. Они не входят в нас личным ощущением, чувствами, памятью совместных экспедиций. Это чья-то боль — потери других когорт.

А твоя когорта идет вперед. И в этом движении уверенность, мощь хорошо отлаженной машины.

. . . Со временем потери молодости воспринимаются как неизбежность поры мужания, становления характеров, утверждения в выборе Дела. Потери молодости быстро регенерируют, и в редких рассказах о них — суровая романтика: все уже давно прошло.

Потери — в прошлом. Рядом — проверенные друзья, с которыми общи не только экспедиции, но нечто большее. И ваши дети уже знают друг друга. И жены обмениваются женскими секретами, пока вы в дружеском кругу курите на лестнице в неспешной беседе о новых дорогах. Твоя когорта идет вперед.

* * *

... Мы живем как будто под обстрелом,
Через риск с беспечностью скользя.
Вот опять, глядишь, перелетело:
Что ж, у нас без этого нельзя.
Но уверишь чуть в неуязвимость,
Где одни надежды у лица,
Вдруг как двинет прямо в середину!
Опаляя души и сердца...¹⁹⁵

Сереза Будкин — это было попадание, если не в самый центр, то в авангард нашей когорты. 19 июля 1985 года Сереза ушел в сифон источника Сукуруй, на левом берегу реки Белой ниже Кутукского урочища, и... не вернулся.

Он возвращался из сифона, ходовой конец закрепленной в сифоне перильной веревки уже подрагивал в предсифонном озере в руках страхующего. До солнечного света оставалось всего несколько метров. Серезу нашли в этих нескольких, так и оставшихся для него не пройденными, метрах от выхода. Когда по изменившемуся поведению ходового конца заподозрили неладное и пошли в сифон.

Не верилось, что с Серезой может что-либо случиться. Что вообще может случиться такое. Слишком поздно поняли...

* * *

Если в конце 80-х внимание спелеоподводников СССР, прежде всего, было устремлено на исследование карстовых источников Кавказа, то наша команда мужала в сифонах Южного Урала. Главное место в этих исследованиях занимала подземная река пропасти Кутук-Сумган. Да и вся огромная гидросистема Кутукского урочища до сих пор остается тайной¹⁹⁶, незаслуженно обойденной вниманием первооткрывателей.

История исследования Кутукских сифонов начинается в конце 60-х годов, когда спелеологи Свердловска (Екатеринбург), исследуя вслед за уфимцами пещеры урочища, попробовали заглянуть в сифоны, но каких-либо ощутимых успехов не добились. После попытки поднырнуть под скалу Сукурайского источника, где появляется на свет подземная река Кутук-Сумгана, исследователи сообщили, что уперлись в непроходимые узкие щели.

Это было непонятно. С трудом верилось, что поток с расходом в метр около 500 литров в секунду появляется из недоступных для человека

¹⁹⁵К. Б. Серафимов „Памяти Лехи Казеннова“ Москва, 1988 г.

¹⁹⁶Может быть, теперь эта ситуация изменилась? Где вы, первооткрывцы!

трещин. Впрочем, на достоверность информации вполне могли наложить отпечаток политические соображения. В плане первопрохождений свердловчан едва ли можно было отнести к бескорыстным рыцарям спелеологии.

Сифоны Кутукского урочища заинтересовали нас со времени первых экспедиций на Южный Урал, то есть с середины 70-х. Но в Сукурайское озеро мы решились заглянуть не сразу. Зимой 1977-го года рекогносцировочная экспедиция в составе шести человек¹⁹⁷ начинает разведку сифонов Сумганской реки. В Сукурайском гриффоне на глубине –10 метров удалось обнаружить уходящее вниз черное отверстие, по которому Юрий Панов смог продвинуться метров на 50, достигнув глубины –20 метров.

Все начиналось, подобно исследованиям Воклюза, когда за каждым пройденным метром ожидался перегиб потолка на всплытие в неизвестную засифонную часть пещеры. И были основания. Уровень озера источника Сукурай всего на 6 метров выше уровня реки Белой, принимающей его воды. Ну что там может быть этакое? Как-то не верилось, что штурм сифона может затянуться.

Выход в свободные от воды засифонные галереи казался нам таким скорым, мы так ждали этого события, что не раз становились жертвой веселых розыгрышей. Самый колоссальный из них ознаменовал соединение до того незнакомых между собой групп подводников двух знаменитых московских ВУЗов — Московского Геологоразведочного (МГРИ) и МВТУ имени Н. Э. Баумана. Поводом, как всегда, послужила случайность. Как-то под новый, 1977 год, в МВТУ, где я в то время учился, мое внимание привлекло вывешенное в фойе Главного корпуса красочное объявление. Группа подводников Приборостроительного факультета приглашала всех желающих на встречу, где предполагался показ слайдов с рассказом о путешествии по реке Белая на Южном Урале. По нашим любимым местам? Вот так штука!

Тут же звоню в МГРИ Бобу Вейсу и предлагаю посетить мероприятие. Геологи легки на подъем, и вот мы с Бобом, пихая друг друга локтями, смотрим слайды и слушаем симпатичных ребят, которые, оказывается, не только сплавлялись по Белой, но и ныряли в некоторые источники по ее берегам. И, в частности, — осмотрели Сукурайское озеро!

Слайды у парней были хорошие, и об аквалангах они знали не понаслышке. Так мы познакомились с Игорем Диановым и Юрием Пановым. Это событие послужило началу многолетней дружбе и совместной работе по исследованиям сифонов Кутукского урочища.

Тут же договариваемся о новой встрече у Вовчика Свистунова, где собиралась наша, объединенная прошлогодней встречей на Южном Урале, спелеогруппа „ипНАсг-Фантом“. Просим ребят показать слайды и рассказать не только о сплаве по Белой, но поделиться и другой подводной информацией. Панов с Диановым соглашаются без колебаний. Так что мы с Бобом остаемся очень довольны итогами нашей вылазки.

Вроде, все, пора и нам с Бобом расставаться, отправляясь восвояси:

¹⁹⁷Подземная река Сумгана появляется на свет в источнике Сукурай на правом берегу реки Белой (не путать с левобережным источником Сукурай, где погиб С. Будкин). В составе первой нашей спелеоподводной экспедиции в ее сифонах работали москвичи Юрий Панов, Игорь Дианов, Владимир Свистунов, Борис Вейс, Владимир Ермилов и Дмитрий Журавлев. Экспедиция пришла по следам летней рекогносцировочной вылазки студентов МВТУ им. Баумана Игоря Дианова и Юрия Панова.

Вейсу — в общагу у метро „Беляево“, мне — в штаб-квартиру „Фантомов“ на „Профсоюзной“. Мы уже собираемся прощаться до встречи у Вовчика, как вдруг потрясающая идея заставляет нас подпрыгнуть и с восторгом посмотреть друг на друга.

— Убьют! — хмыкнул Боб.

— Гостей не тронут, — возразил я.

— Гостей не тронут, а нас убьют! — обреченно сказал Боб и сладостно потер ладони. — Но зато что бу-уде-ет!..

Прибываю домой и тут же звоню Дианову. Уговорить новых знакомых оказать поддержку в нашем с Бобом начинании не составило большого труда, и мы поняли — сработаемся! И вот вечером того же дня звоню Вовчику и убитым голосом сообщаю крайне неприятную „новость“. Суть ее можно выразить весьма коротко: „Пройден сифон Сукурая!“

Бомба рванула, и эхо заметалось по окружающим хребтам. . .

Надо отдать Вовчику должное — он не поверил. Тогда я сказал, что ровно через неделю придут ребята, принесут слайды и фотографии, и тогда все сами все увидят и услышат, а с меня достаточно, я уже все видел, пережил и теперь в глубоком трансе.

— Иди ты врать! — сказал Вовчик, но в его голосе уже не было былой уверенности.

Позже выяснилось, что передо мной Вовчику звонил Боб и уже успел „порадовать“. Ясное дело, не только Вовчику мы „жаловались на судьбу“. Весть покатила со скоростью сплетни. Через день о том, что нас опередили, уже знали все.

Но, понятно, верить никому не хотелось. Чего только мы с Бобом не пережили за эту неделю. Нас пытали вместе и порознь, устраивали логические ловушки, периодически убеждали каждого, что другой раскололся и признался в том, что все это вранье и гнусный треп. Мы держались.

В назначенный день вся наша спелеогруппа собралась в ставке „Фантома“. Ожидание и волнение достигли предела. Намеренно уклонялись от обсуждений и споров, ждали гостей. И они пришли. Панов с Диановым строго выдерживали условия соглашения. Более того — превзошли наши надежды. Под настороженными прямо-таки трепещущими взглядами парни и бровью не повели. После знакомства и увертюрных разговоров пришла пора слайдов. Мы с Бобом все это время с понурим, но несколько даже торжествующим видом: „Ага! Не верили? А вот!“ — создавали антураж. И никто не видел, как в коробочку со слайдами, что готовился показывать Дианов, был подложен какой-то, не совсем обычный, кадр.

С каждой красочной картиной, появляющейся на экране по мановению диановской руки, с каждым словом суховатого пояснения Панова, лица наших парней принимали все более расстроенное выражение. Синева Сукурайского озера, черно-желтые гидрокостюмы, аквалангисты, уходящие под воду. . . Все это натурально смотрело с экрана. Надежды рушились, и уже никто не сомневался — сифон действительно пройден этими парнями. . .

Боб Вейс не рассчитал — он сел слишком далеко от выхода. Потому он не успел ретироваться, когда вслед за заключительным кадром Диановского слайдфильма на экране возникла корявая, но очень отчетливая, белым по оранжевому, надпись, нацарапанная мною иголкой на слайдовой пленке: **„НУ? И КАК МЫ ВАС НАКОЛОЛИ?“**

Помните таинственный слайд?

В комнате воцарилась мертвая тишина. Все тупо смотрели на экран, вчитываясь в финальный титр. Медленно-медленно лица приобретали осмысленность, глаза начинали шарить по сторонам.

Я знал, кого они искали. И молча ринулся к выходу. Рев за моей спиной возвестил, что Боб схвачен. Меня поймали на лестнице тремя этажами выше. Месть была ужасна.

* * *

Так родилась наша спелеоподводная группа, которая более 10 лет занималась исследованиями сифонов Кутукского урочища. Не удивительно, что уже через пару месяцев после феноменального розыгрыша рекогносцировочная экспедиция отправилась к Сукураю. Не хотелось дольше рисковать шансом на первопрохождение! Сифон посмотрели, пощупали и поняли, что есть смысл работать. И что работа будет непростая.

В сентябре 1977 года Сукурай не трогали. Володя Свистунов впервые углубился в верхний сифон Сумганской реки на 50 метров по расстоянию. Благо, глубины были не большие — не более 5–8 метров. Дневник сохранил строчки той экспедиции:

«Связь опять запаздывает. Фотографирую „зимний“ Сумган — выпавший за ночь ранний этой осенью снег преобразил все до неузнаваемости. Наконец, из динамика вырывается голос Игоря. Бегом спускаюсь на Южную площадку, хватаю микрофон. У связи Вовчик:

— Прошли сифон!

— Иди ты!

— Точно!

— Сколько?

— 30 метров, потом галерея метров 20, глубина — метров 5, над головой метра 3 воздуха. . .

— А дальше?

— Похоже, поворот.

— Чего дальше не пошли, страховки не хватило?

— Да нет, я потек здорово. Да и не вижу без очков под водой.

Сейчас надо бы еще нырять.

— Конечно. Воздуха много?

— До фиги. Игорь уже готовится.

Вот это удача. Пройден сифон Сумгана! Договариваемся о следующей связи и идем домой. Сифон взят! А ветер закручивает над логами белую снеговерт. . . »

И другие, написанные под землей, в рыжем свете свечей подземного лагеря:

« . . . У меня опять напрочь замерзли руки. Пора забираться в палатку.

— Сейчас предстоит вечернее расчесывание головы, — говорит Леха. — У меня голова, как у индейца!

— Это как? — спрашивает Вовчик.

— Ну, как. . . Индейцы-то, они, когда мясо едят, руки о голову вытирают. . .

Пока я пишу, мужики по очереди лезут в палатку. Слышу, как они перепираются между собой, кто толще.

— Нет, ты, Вовчик, толще, — говорит Леха. — Вот я один в спальнике — мне не тесно, а как ты влезешь, так сразу не повернуться!

Из экономии веса снаряжения мы в подземном лагере спим в спальниках по двое. Из палатки несется пыхтение:

— Ну, кто из нас толще?

— А давай вылазь, посмотрим, как мне будет!

Потом вдруг все резко затихает. В наступившей тишине раздается свисток. Одинарный. Это Леха пошел на „спуск“¹⁹⁸. Спокойной ночи. . . »

* * *

Атака на Сукурайский сифон была повторена через год — зимой 78-го. В своих планах экспедиция не ограничивалась только Сукураем. Осенний успех в Верхнем сифоне требовал быть подтвержденным. Так что одновременно планировалось продолжение прохождения верхнего сифона подземной реки Кутук-Сумгана, как, на наш взгляд, наиболее простого и перспективного с точки зрения выхода в засифонные продолжения пещеры.

К прошлогоднему костяку: Панов-Дианов-Свистунов прибавилась команда подводников в составе Игоря Гусева, Андрея Ильченко, Игоря Галайды, Сергея Черкашина, Сергея Будкина, Александра Щербины и Алексея Казеннова, среди которых были достаточно сильные ныряльщики. Это была самая многочисленная наша зимняя экспедиция — 28 человек. На каждого подводника приходилось по два человека из состава групп обеспечения. Серьезно собрались. И результаты тоже были солидные.

Группа „Гриффон“ прошла в сифоне Сукурайского источника 100 метров, достигнув глубины — 45 метров (Ю. Панов, В. Свистунов) и установив рекорд СССР по глубине погружения в сифонах¹⁹⁹.

Группа „Сифон“ продвинулась в верхнем сифоне Сумганской реки на 80 метров (прибавив 30 метров протяженности к прошлогоднему достижению) при максимальной глубине сифона до — 10 метров.

Понятно, не обошлось без приключений. Случай с Володей Свистуновым в Сукурайском гриффоне я описал в рассказе „Аквамариновая история“, но это было далеко не все. 30 января, в самом начале экспедиции, на обследование предсифонного озера подземной реки Кутук-Сумгана отправилась двойка Казеннов-Щербина. Заплыв был скорее прогулочным, так как задачей этой двойки было только определить точное положение входа

¹⁹⁸Звуковая сигнализация на отвесах с ограниченной слышимостью предполагала один свисток — пошел на спуск, два свистка — поднимаюсь, три свистка — стоп. Со свистками мы не расставались и использовали их по назначению.

¹⁹⁹Только через 6 лет, в январе 1984 года рекорд нашей экспедиции был повторен Ю. Корнеевым, Красноярск, в знаменитом источнике Мчишта на Западном Кавказе. И только через 12 лет превзойден. Но об этом дальше.

в сифон. К серьезному штурму в это время готовились более опытные товарищи.

— Птер, — сказал Леха. — Я иду первым, ты за мной. Пойдем вокруг озера вдоль стены галереи. Где-нибудь да и наткнемся на вход.

Немногословный Шура Щербина, по прозвищу Птеродактиль, или попросту — Птер, кивнул, и вода забурлила под ластами разведчиков. Страховку для уходящих в верхний сифон Сумгана обычно организовывали на небольшом островке у левой стены предсифонной галереи. Галерея подземной реки Кутук-Сумгана, как и все в этой пропасти, выглядит весьма внушительно: высоченные изъеденные эрозией черные стены на высоте более десяти метров увенчаны более светлыми сводами. Мощный шум воды на ближнем перекате, гулкое эхо, черная неподвижность воды предсифонного озера. Не имеющих гидрозащиты переправляли к острову на лодке, и перевозчик, понятно, именовался Харон. С мифологией, в отличие от гидрокостюмов, у нас было все в порядке.

На этом левобережном островке страховал двойку разведчиков Игорь Дианов, внимательно выпуская из катушки 25-метровые звенья ходового конца с пропущенным внутри полый нейлоновой стропы телефонным проводом.

Двойка Казеннова канула в черную воду озера, и только уползающий следом „ходовик“ свидетельствовал о ее продвижении²⁰⁰. Игорь внимательно считал маркировочные метки ходовика: 10, 20, 25 метров, 30, 40. . . . Стало ясно, что двойка ушла в сифон. Намеренно или случайно, но ушла. Когда счет перевалил за 50 метров, группа на островке была приведена в повышенную готовность. И не зря. На 75-м метре вдруг раздалась частые хаотичные подергивания ходового конца. На „рыбьем“ языке это могло означать только одно — авария!

Ситуация требовала немедленного действия. Что было делать? Тащить?

Казеннов шел первым и не заметил, как углубился в сифон. Они с Птером продвигались вдоль дна галереи, видимость в сифоне в тот день была неважной — вода шла с какой-то мутью. В итоге они пропустили момент, когда зеркало предсифонного озера над головой сменилось каменной твердью сводов.

Леха шел первым, протягивая ходовой конец, Шурка — вторым, пристроившись к ходовику скользким карабином. С каждым гребком ластами двойка углублялась в сифон. Пришло время, когда они поняли, что это уже не озеро. И в этот момент у Лехи что-то случилось с воздухом. Резко возросло сопротивление на вдохе. Воздух протягивался, но его не хватало! Леха плохо помнил, как все происходило. Почувствовав удушье, он дал сигнал бедствия. И тут же ощутил, как его потащили. Хорошо, что в сифоне не оказалось перегибов, могущих погасить сигналы ходовика и затруднить его протаскивание. Поняв, что в сифоне беда, страхующие изо всех сил рвали на себя страховочный шнур. Успели.

— Слышь, Костик? — рассказывал потом, посмеиваясь, Леха. — У меня только одна мысль тогда была: „Жалко — такой молодой!“ Ничего больше не помню!

²⁰⁰ Это потом уже поняли, что ходовой конец удобнее и безопаснее разматывать с несомой с собой катушки. Интересно, почему в начале любого дела в голову приходят далеко не самые удачные решения?

Да-а... Не все было гладко в той экспедиции. Главное, что мы так и не поняли, что случилось с легочным автоматом Лехиного акваланга. И случилось ли...

Тогда ему было всего 20 лет, нашему Лехе. Я поднимаю глаза к его фотографии. Леха смотрит на меня и улыбается в усы — такой до беззащитности открытой доброй улыбкой, какой мог улыбаться только он.

После того полубессознательного выхода из сифона Леха быстро оправился. Его неиссякаемый оптимизм не располагал к длительному упадку. Но причина происшествия осталась неясна до сих пор. Акваланг оказался исправен. Что могло быть? Оставляя непонятыми до конца причины аварии, мы обрекаем себя на ее повторение. Кто знает, пойми мы причины того происшествия в сифоне Сумгана — и наши судьбы сложились бы иначе?

* * *

С 79-го года мы начинаем совместную работу с подводниками из башкирского города Салавата, которые усиливают и без того уже солидную нашу „рыбью“ команду. Сукурай отбил первые кавалерийские наскоки, оказавшись настоящим монстром. Стало ясно, что с нашим подводным снаряжением на таких глубинах делать нечего. Теперь вниманием группы целиком завладел верхний сифон Сумганской реки.

В феврале 1983 года москвичу Сергею Будкину и Вячеславу Гладкому из Салавата удалось пройти этот сифон на 150 метров. Мы не имели данных о достижениях в сифонах СССР того времени, подобных нашему — возможно, это был рекорд страны.

Подводники дошли до огромной воздушной подушки — участка незатопленной галереи с каменной осыпью. Погружение протекало в отличных условиях: вода оказалась настолько прозрачной, что позволила рассмотреть впечатляющие размеры сифона — ширина 10–12 метров при высоте 3–5 метров. При этом парням нигде не приходилось погружаться глубже 10 метров. Казалось, что шансы на выход в сухие продолжения Сумгана с каждым разом все возрастают. Наложение топографических съемок пещеры и поверхности показывало, что где-то за верхним сифоном Кутук-Сумгана находится крупный гидроподземный узел. В этой зоне сходились направления верхнего сифона подземной реки, сухих галерей проспекта Геофака верхнего яруса пропасти и донного сифона другой крупной пещеры урочища — Четвертой Кутукской, вход в которую расположен в километре от входа в Сумган.

Идея достичь этого узла не давала нам покоя. И достичь его мы старались различными путями. С одной стороны, подводники наращивали протяженность исследованных частей подземной реки — коллектора всех карстовых вод района. При этом предпринимались попытки прохождения сифонов не только Кутук-Сумгана, но также пещер Четвертой Кутукской в километре и Зигзаг в 5 километрах выше по течению. С другой стороны, „сухопутные“ группы вгрызались в глину в конце проспекта Геофака, что привело к открытию галереи Фортуны в его конце, и продолжали копать дальше в надежде на выход к реке в обход сифонов. Топосъемка показывала, что пробитые нами штольни находились всего лишь на 2–3 метра

выше уровня Сумганской реки²⁰¹.

Разгорелось своеобразное соперничество: кто будет первым в засифонных галереях? Спор между „кротами“ и „рыбами“ подогревал поставленный на кон ящик шампанского. Шутки шутками, а удача бродила где-то рядом. Так, во всяком случае, казалось. И тут. . .

С гибелью Сереги Будкина летом 85-го в Сукуруйском сифоне в подводных исследованиях Кутукского урочища наступил кризис. Чтобы оправиться от шока потери, требовалось время. Нельзя сказать, что никто нигде не нырял, но чувствовалось.

Тем не менее, в феврале 1986-го, отправляется очередная экспедиция усиленная участием московского спелеоподводника Евгения Войдакова, когда удалось снова выйти в подтопленную засифонную галерею на расстоянии около 150 метров от входа в Верхний сифон реки. Однако экспедиция была прервана в самом конце, когда бывший друг и соратник, начальник салаватского контрольно-спасательного отряда, вытащил веревки из входной шахты пропасти, и нашей команде пришлось четверо суток жить на дне входного колодца Сумгана практически без продуктов, света и топлива.

В этот период я уже жил в Восточном Казахстане. Так что участвовать в московских экспедициях удавалось только эпизодически. Как я завидовал моим парням! Как хотелось поехать на зимний Урал, зарыться в его снега, пропитаться морозным запахом, сосновым дымом капризной печурки Сумганской фермы, побродить по заледеневшему, преобразенному зимой Сумгану. Единственное, чего не хотелось — так это таскать многочисленные тяжёлые „рыбьи“ баллоны, что превращалось в утомительную процедуру как на подходах, так и в самой пропасти. Но зато, какая компания! Возможность быть со своими, равным среди равных, заниматься любимым делом вместе с теми, кто тебе дорог и кому веришь, как себе, — это ли не счастье?

Не мне одному хотелось из Казахстана на Урал. Друг мой Алексей Казеннов, закончив геологоразведочный, перебрался ко мне в Усть-Каменогорск, предпочтя мифическую столичную геологию богатейшим месторождениям Рудного Алтая.

Человек предполагает, а жизнь, как известно, все устраивает по-своему. Женившись, Леха снова возвращается в Москву и долгое время оказывается оторванным от пещер, решая неизбежные жизненные проблемы. Но, обзаведясь симпатичнейшим потомством в лице дочки Насти и младшенького Даньки, семейство Казенновых постепенно возвращается к нормальному, в нашем понимании, образу жизни.

Так что Леха собирался в зимнюю экспедицию 1988-го, а я не мог. Мне оставалось завидовать Лехе белой завистью. И ожидать результатов. Поняв, что все сходится, и на этот раз он точно едет, Леха прямо-таки воспрянул. И вообще, все наши светились от предвкушения хорошей работы в отличной компании.

Экспедиция отправилась в дорогу в конце февраля. А в начале марта, поздно вечером, когда все у нас дома уже спали, и только я, по привычке,

²⁰¹Из-за значительной длины съёмочного хода неизбежно возникала погрешность, в результате чего мы вполне могли оказаться и на пару метров ниже уровня современного водотока: глина — материал водоупорный. При мысли, что будет, если вода пойдёт в забой, становилось весьма неудобно.

еще сидел за своим письменным столом, раздался телефонный звонок. Ничего не подозревая, поднимаю трубку. Москва.

— Костик? — это Роза, жена Вовчика, и я очень рад — мы редко говорим с ней по телефону.

— Розалия? Привет! Как дела? Как там мужики?

Меня распирает от желания узнать подробности. Ведь, наверно, вернулись, если звонят. Только почему Роза?

— Костик... Леха погиб. В сифоне...

* * *

Когда бьет в самую середину — это ни с чем не спутаешь. Здесь нет ни грамма похожего на уже испытанное когда-либо, на ту смесь горечи с суровой печалью, что мужественной печатью несут на лицах молодые романтики, едва овеванные ветрами далекой от них беды.

Когда бьет в середину — ты либо тоже ранен, либо контужен, и в голове гул, и как-то незнакомо тянет сердце, и ты не можешь с этим совладать. А мысли — то скачут, то оступело ворочаются в голове: как же так?! Где-то были сигареты...

Как хорошо, что ночь, и никому ничего не надо сейчас говорить, объяснять, смотреть в огромные, переполненные слезами и ужасом глаза Любы и видеть, как в них закипает, растет, переливает за края боль. Которую теперь не избыть.

Как же так?!?!?

* * *

Настроение перед штормом было прекрасное. Воздуха в доставленных к сифону баллонах хватало на хорошую работу. Все готово. Все, о чем мечтали последние месяцы, чего ждали, к чему готовились. Начать решили с акклиматизационных заплывов — никаких результатов, просто размяться, обвыкнуться в холодной воде и мраке сифона. Южный Урал — не Флорида и не Мексика, тем более, зимой: водичка +2 по Цельсию!

Все шло нормально. Подводники уходили в предсифонное озеро и возвращались. Последними в этот день на акклиматизацию отправилась двойка Казеннов-Дианов. Леха шел первым. Игорь — более опытный, чуть сзади. Быстро и легко они углубились в сифон метров на 70. Все шло нормально, и подводники решили возвращаться. Игорь поднял скрещенные на уровне лица руки: крест — „кончаем, пошли назад“. Леха ответил тем же сигналом: „Все понял, согласен, идем назад“. Дианов развернулся к выходу. За плечами три баллона с воздухом, дублированные легочные автоматы: на языке спелеоводолазов — „трюльник“. В громоздком снаряжении каждый маневр требовал дополнительных усилий.

Уходя в сифон вторым, Дианов теперь должен был возвращаться первым. Перед тем как отправиться к выходу из сифона, Дианов оглянулся. Лехи не было. Игорь не понял и развернулся еще раз, осматриваясь. В метре над собой он увидел интенсивно работающие концы Лехиных ласт и, под самым сводом, — серебристое зеркало поверхности воды. Воздушный пузырь. Но почему Леха всплыл? Может, заметил продолжение пещеры?

Дианов несколько мгновений подождал. Леха по-прежнему висел над ним в зеркале пузыря. Тогда Игорь всплыл тоже. Пузырь был небольшой, с гладкими стенами выступающих из воды сводов. Леха дышал из пузыря, выплюнув загубник. Аварийный, запасный загубник дублирующей системы дыхания тоже висел свободно. Леха держался руками за скользкие стены и, работая, лапами, оставался наплаву. С тремя баллонами за спиной и всей остальной сбруей, включая грузовой пояс, это было нелегко. Дианов сразу почувствовал, как снаряжение тянет обратно в глубину.

Первой мыслью было, что у Лехи неполадки с подачей воздуха. Автоматическим движением Игорь сорвал с плеча свой запасный загубник и сунул Лехе в зубы. Тот загубник взял, но тут же выплюнул.

— В чем дело? — спросил Дианов, тоже вынимая свой загубник.

— погоди, сейчас объясню. . .

Леха ответил спокойно, никаких признаков тревоги не заметил Игорь в его словах. Дианов открыл было рот, чтобы продолжить разговор и. . . сорвался со стенки, за которую цеплялся пальцами в толстых подводных перчатках. Баллоны и груза неудержимо тащили его вниз. Мгновенно вставив в рот загубник, Дианов практически сразу провалился до самого дна сифона, которое в этом месте было неглубоко — метрах в четырех с половиной от свода. Оттолкнувшись ногами и подняв облако мути, Игорь тут же снова пошел на всплытие, но. . . увидел, что ему навстречу плавно опускается безжизненное Лехино тело.

Что было делать? В пузыре с такой ношей не всплывешь. Да и бессмысленно — не удержишься. Тащить? Вперед — до зала Будкина, оставалось еще метров 30, назад, к выходу их сифона, было в два раза дальше. Но что можно сделать в одиночку — по колено в воде на затопленной отмели за 100-метровым сифоном?

Оставалось идти к выходу. И Дианов, вцепившись одной рукой в Лехины ремни, а другой — в ходовой конец, потащил Леху через сифон. Он практически шел по дну, подтягиваясь свободной рукой за ходовик, так как плыть с такой ношей было еще тяжелее.

Что в сифоне не ладно, пугающие поняли по странному поведению ходового конца, который начал ритмично и непрерывно напрягаться без всяких намеков на условные сигналы. Тащить, как когда-то, было невозможно, так как подводники давно уже не протягивали через сифон закрепленный на себе страховочный трос, а разматывали ходовик из несомой с собой катушки. Линия была проложена предыдущей экспедицией и закреплена на отмели в зале Будкина.

Галайда, готовый к погружению, немедленно пошел в сифон, но практически через мгновение оттуда, из черной глубины, замаячил свет. Потом. . . да что там, все уже было поздно. Четыре часа борьбы — массажа, искусственного дыхания и инъекций, не дали никаких результатов. Ни-ка-ких.

Экспертиза вынесла странное заключение — газовая эмболия, закупорка кровеносных сосудов пузырьками газа. В результате — смерть. В то же время экспертизой достоверно не установлено наличия баротравмы легких — нарушений легочной ткани, через которые в кровь мог попасть воздух. Кессонная болезнь на глубине 4,5 метра? Маловероятно.

Что же случилось?

* * *

Я пишу эти строки 6 марта — ровно через два года с того страшного дня. Мы так и не знаем, что произошло. Леха не успел объяснить и теперь не объяснит уже никогда.

Ночь звонком распорота, память — как в сполохах,
И дрожит предательски телеграммы лист.
Сколько мы с тобой еще не допели, Леха!
И пещер мы сколько не прошли. . .

Оборвалось что-то, оборвалось
Долгой болью в сердце, не пойму. . .
Ты ушел, а мы вот. . . мы остались,
Хоть у нас нельзя, чтоб одному.

У пещер любимых с завидной сноровкой
Выбивает время наши имена,
И в пустых ладонях не дрожит страховка —
Прямо в душу тянется она.

Как ты? Слышишь? Первым трудновато. . .
Ты кольни мне в сердце, я пойму.
Вот уже и Там свои ребята. . .
Ведь у нас нельзя, чтоб одному.

Мы нальем стаканы, помолчим немного,
Растревожит ветер новых песен дым,
Древние сказали б — кого любят Боги,
Тот уходит в Лету молодым.

Подойдет к исходу новый день нелегкий,
Канут горы эти в призрачную тьму,
И сидит меж нами, как и прежде, Леха —
Чувство неподвластное уму. . .²⁰²

Проходит год за годом с того страшного дня. . .

8.3. Вес золота

Их имена все еще мало кто знает. Владимир Киселев, Илья Александров, Евгений Войдаков — Москва, Виктор Яшкин и Николай Боровой — Ростов-на-Дону, Петр Миненков, Виктор Мельников — Красноярск, Виктор Комаров — Рязань. . . Пусть не обидятся те, кого нет в этом произвольном перечне — о советских спелеоподводниках еще предстоит написать.

Зато Йохена Хазенмайера знают во всем мире. Он достоин того, этот мужественный исследователь подводных пещер. Но вчитываясь в описания его феноменальных достижений, невольно сравниваешь: а мы — смогли бы?

Другая знаменитость, обладатель рекорда своего времени по погружению в Воклюз француз Клод Тулумджан, в 1989 году приезжал в СССР

²⁰²К. Б. Серафимов „Памяти Лехи Казеннова“ Москва, 1988 г.

поучаствовать в штурме Мчишты — крупнейшего в Абхазии сифона-источника.

Исследования источника начались в 80-х годах. Окрашивание вод, уходящих в глубь Бзыбского карстового массива, показало — практически все они появляются в Мчиште. Самое удивительное, что окрашивание показало связь между источником и находящейся от него на расстоянии 25 километров (!) подземной реки пропасти Снежная. Было похоже, что Мчишта — нижний вход в Бзыбский коллектор — магистральную дренажную систему многочисленных пещер, в том числе глубиной более километра, украшающих эту часть Бзыбского хребта. Прохождение сифона сулило возможность открытия без преувеличения огромной подземной страны.

В августе 1976 года красноярцы Бяков и Коносов — тот самый Володя Коносов, о котором я уже рассказывал, впервые „потрогали Мчишту за вымя“, сделав рекогносцировочные погружения на 15–20 метров в „дальнем“ сифоне²⁰³. Однако легкого успеха добиться не удалось. Как это „принято“ у солидных сифонов, Мчишта сразу поставила первопроходцев в жесткие условия. Наши спелеоподводники (в отличие от бойцов-водолазов советских спецслужб) были крайне скудно экипированы. Поэтому 10 лет потребовалось для того, чтобы распечатать черно-голубые ворота Мчишты. Это были трудные десять лет.

В 81–82 года к исследованию сифона подключаются аквакейверы Владивостока. Смешанная двойка, составленная из лидеров подводных групп: красноярец Петр Миненков и предводитель владивостокцев Рашит Бадрудинов, продвигаются в глубины „дальнего“ сифона на 60 метров, уйдя на –30 метров в глубину. Мчишта круто проваливалась вниз.

Но зимой 1984 года нашупан другой путь. 22 января Петр Миненков уходит на –42 метра в основной сифон, едва не достигнув перегиба, о наличии которого еще никто — НИКТО — не знал. На следующий день москвич Юрий Корнеев достигает перегиба на глубине –45 метров.

Так через 6 лет после погружения Юрия Панова, а затем и Владимира Свистунова на –45 метров в Сукурайском сифоне, рекорд нашей экспедиции „Сумган-78“ был повторен в Мчиште. Но, в отличие от Сукурая, Мчишта показала отчаянной двойке первопроходцев перегиб свода на всплытие в первый засифонный воздушный пузырь — на Мчиште, наконец, замаячила Удача. Но той зимой глубже и дальше пройти не удалось.

Через год предпринимается новая попытка. Снова зимой. На Мчишту прибывает экспедиция ростовчан, усиленная подводниками Москвы, Рязани, Каунаса, Тбилиси. Но усилия лидеров группы Виктора Яшкина и Владимира Грицихина пройти перегиб основного сифона окончились неудачей. Фортуна улыбнулась через плечо...

* * *

Но экспедиции продолжались. Зима на Кавказе — это не Сибирь. Вода поприятнее, и на воздухе не мороз. Кроме того зимние экспедиции могли не

²⁰³Источник выходит к свету через несколько пещерных ходов, в глубинах соединенных в систему заполненных водой подземных колодцев и галерей. Далее даты, цитаты и подробности по книге владивостокского спелеоподводника Андрея Нора „Мчишта. Дневники спелеоподводника“ Издательство Московского физико-технического института, 1995 год.

опасаться мощных паводков, что в другое время года превращали Мчишту в неукротимого зверя.

И вот в феврале 1986 года красноярцу Петру Миненкову в паре с ростовчанином Владимиром Грицихиным удалось всплыть за перегибом свода во входном сифоне Мчишты, преодолев путь в 150 с максимальным погружением на –45 метров. Кроме этого, были соединены „дальний“ и „основной“ сифоны. Но достигнутый за перегибом воздушный пузырь оказался слепым. Теперь предстояло искать продолжения. Благо, возможностей для этого было предостаточно. Как это обычно бывает, первый серьезный успех катализировал активность работ на Мчиште. Сифон был пройден, ждал дальнейших атак. И они не замедлили быть.

К сожалению, никто не попытался распечатать Мчишту этим же летом. Август-86 на Кавказе выдался удивительно сухим, Бзыбь высохла напрочь, что, кстати, облегчило нашим болгарам путь ко дну Снежной, которая тем летом выглядела непривычно кроткой. Никогда я не видел Большого колодца Снежной в таком виде — обычно все терялось в застилающих обзор брызгах. А тут — смотришь, как в телескоп — все видно до самого предела!

Мчишта ждала своих смельчаков, но в том году так и не дождалась. „Рыбы“ отправились на Мчишту в феврале следующего года — традиционно зимой. К сифону прибывает объединенная красноярско-владивостокская экспедиция. Но и зимы бывают разные. Наверно, Мчишта обиделась за невнимание к себе в предыдущее засушливое лето. Расход воды неожиданно „вспух“, и это чуть не обернулось серьезными неприятностями. Подводники вынуждены были вернуться ни с чем, кроме решимости продолжать.

Известно, что если масть не идет, не мешает сменить колоду. Так и поступили, потому что следующая попытка была предпринята в августе того же года. На этот раз работали только Красноярцы — из Владика далековато до Бзыби, чтобы ездить каждые полгода.

Количество неизбежно переходит в новое качество. Сифон сдал еще несколько рубежей. Сначала двойка Андрей Скачков — Сергей Перевалов прокладывают ходовик из Первого пузыря во Второй, а следом Миненков соединяет Второй пузырь с Третьим. Общая протяженность пройденного подводного пути достигла 250 метров.

За Третьим пузырем спелеоподводники впервые попали в засифонное продолжение пещеры, доступное для прохождения без аквалангов — 500-метровая галерея богато украшенная натечками с реальными вариантами продолжений. Это была сенсация!

Ко мне эта новость просочилась на Международном симпозиуме спелеологов в Тбилиси из уст Володи Киселева, который всегда был на полшага впереди всех нас, и не только в информации. Тогда же, 11 октября, я впервые увидел Мчишту, когда нас в толпе иностранных спелеонаучных светил привезли подивиться на Абхазского Дракона. Сифон прятался от прозрачного осеннего солнышка в тени предсифонных гротов за крупноглыбовым навалом у входа. В нескольких сотнях метров ниже били хвостами толстые рыбыны в бетонных ваннах форелевого хозяйства. И высилась над нами Бзыбь: Напра — прямо, где-то правее — Хипста.

Мы стояли у воды втроем: Володя Резван, Камен Бонев и я. Сифон дремал у наших ног. Будто ждал. Почти ровно через год. . . , впрочем, об этом дальше.

* * *

1988 год оказался тяжелым годом для советского аквакейвинга. А начался он Всесоюзным семинаром спелеоподводников, под флагом которого отправлялась на Мчишту очередная экспедиция. Характерная черта того времени — устроить учебное мероприятие на сложнейшем источнике! Посвященные радовались возможности заняться первоисследованиями за профсоюзный счет. Новички привыкали к тому, что можно вот так запросто взять и понырять в суперсифоне.

Это мое личное мнение, но я считаю работу в сифонах достаточно серьезным делом, чтобы позволять себе нырять без удовлетворительных тренировок, в недостаточно подогнанном, а то и вовсе не испытанном снаряжении. Одно дело дошивать в поезде комбинезон для „сухопутной“ пещеры, другое — лезть в сифон в гидрокостюме „с чужого плеча“. Но каждый, конечно, понимает профессионализм по-своему.

Как бы там ни было, но в январе 1988-го Мчишта, не стерпев такого к себе отношения, впервые показала леденящий оскал. В сифоне едва не остался ростовчанин Виктор Яшкин. Мой добрый товарищ по кавказским делам Витя Яшкин, впоследствии один из ведущих подводников Союза, рассказывал о том случае очень скупно. Так что подробности пришли только с книжкой Андрея Нора. Вот как это было.

«4 января. Утром решили, что на прохождение идут Миненков, Перевалов, Яшкин, Войдаков, Рашит Бадрутдинов и Крамаренко. Воздуха было с учетом всяческого резерва только на шестерых; когда к Пете подкатила Женя Глаголева, он ответил, что, мол, воздуха не хватило даже для Андрея Нора. Это было некоторым утешением.

Чтобы не бездельничать, вызвался ехать на зарядку баллонов. Желающих, кроме Кохи²⁰⁴, не нашлось.

... Все это, впрочем, было потом, а пока мы с Кохой вернулись на базу и удивились, встретив там Рашита. Оказалось, что во втором пузыре он встегнулся не в тот ходовой конец и вернулся в первый пузырь. Из-за ограниченного запаса воздуха пришлось возвращаться на поверхность и объяснять ситуацию Петке по телефону. Вообще, уходили они туда с полными четырехбаллонниками и тащили еще баллон в руках на дорогу. Кто-то из москвичей пошутил: „Куда там Хазенмайеру!“

Когда мы приехали, нас попросили отнести по баллону с легочником на –20 и на –30 метров и достать три баллона с перестежки на –8 метрах. Оказалось, что больше лезть некому: Рашиту нужна будет большая декомпрессия, и он приболел, у остальных — порванные уши, недостаток опыта или еще что-нибудь.

5 января. Утром пришла машина от нашего старого знакомого Володи Резвана из Адлерской гидрогеологической лаборатории, которая заинтересована в нашей работе и помогает, чем может. Вчетвером загрузили 20 баллонов и поехали в Гудауту. Несколько позже вторым рейсом шофер привез пустые баллоны,

²⁰⁴ Коха — прозвище Николая Авдеева, Владивосток.

с которыми парни вернулись из-за сифона, но подробностей нам не сообщил, между тем они были очень важными. Раньше из телефонных разговоров мы знали только о том, что вчера ребята прошли с топосъемкой около 600 метров и дошли до озера.

Мы спокойно дозарядили баллоны и приехали той же машиной на Мчишту, где были встречены встревоженной толпой. Оказалось, что Голуб во втором сифоне порвал маску, а у Вити Яшкина маска утеряна, порваны оба уха и он заработал кессонку, они уже семь часов ждут помощи в первом пузыре. Петя вернулся за сифон, чтобы не тесниться в первом пузыре, и сидит на телефоне.

Потом мы узнали, как это получилось. Больше суток без сна, в тяжелой работе под землей— это немало, и мы должны были быть готовы к ошибкам и неприятностям при возвращении. Войдаков и Перевалов вышли нормально, за ними шел Витя. Внизу он проскочил репшнур, который Рашит до этого закрепил для обхода большой бороды²⁰⁵ на дне, попал в эту бороду и запутался. Когда распутался, решил вернуться в пузырь из-за недостатка воздуха, но, скорее всего, по ошибке. На всплытии началось сильное головокружение. Позже, когда я там же всплывал, казалось, что иду по спирали. Было неясно, идет ли так ход, крутит ли течение или это только ощущения, вызванные отсутствием ориентиров и смещением центра тяжести. Было впечатление, что крутит очень быстро, очевидно, против нас работал в какой-то степени и дискомфорт. На разборе выяснилось, что такие же ощущения были у многих, а еще позже мы научились ждать этого и относиться к этому с философским спокойствием— хорошего, конечно, ничего, но не так уж опасно и ничего с этим не сделаешь. Но все это было потом.

Витя зажмурил глаза, попробовал всплывать, оставив на дне транспортный контейнер с фотоаппаратурой. На всплытии у него стал заканчиваться воздух. Он не мог найти второй легочник, продолжая подъем, шарил рукой и находил то свет, то карабин. . .

Похоже, что загубник он нашел уже недалеко от края, за которым теряют остатки сознания. После первых же хороших вдохов стало легче и перестало крутить. Рванул наверх, при попытке стравить воздух через шлем, сорвал маску и вылетел на поверхность. Петька тут же дал ему свою маску и велел отсидеть 3 и 6 минут на 6 и на 3 метрах, но Витя не досидел, и, когда вышел, его немного ломало²⁰⁶. Дальше Петя ушел за третий сифон и там остался, а парни „разгидрились“²⁰⁷ и мерзли мокрые то сидя, то стоя согнувшись, как позволял камень. Помочь им могли только с поверхности.

Когда мы приехали из Гудауты, у мужиков шел тридцать ше-

²⁰⁵ **Борода** — спутка ходового конца, проложенного как раз (как это ни парадоксально) для того, чтобы облегчить и обезопасить движение в сифоне с его мутью и ограниченной видимостью.

²⁰⁶ Первые признаки кессонной болезни — кожный зуд и боли в суставах.

²⁰⁷ **Разгидриться** — снять гидрокостюм, спелеосленг. В данном случае Нор поясняет, что парни сняли гидрокостюмы по пояс.

стой час подземки и четвертый час спасработ. Из тех, кто был на Мчиште, нырять было уже не кому — кто за сифоном, кто уже ходил и потребует долгой декомпрессии, кто не подготовлен, кто болен. Рвались в бой, естественно, все, но Петька по телефону запретил идти добровольцам и назвал только нас с Рашитом. Когда Рашит не смог, опять посыпались предложения, вызвались Доктор Саша (мужик вполне толковый, но до этого всего однажды нырявший в сифон) и Андрей Скачков, только что вышедший из барокамеры. Эти двое быстро друг другу запретили, потом нашлись еще какие-то люди, в конце концов, Женя Войдаков принял командование, и было решено отправить меня и Серегу Перевалова.

Я плохо представлял, как все это будет выглядеть — сказали, что Яшкин в тяжелом состоянии и его надо будет транспортировать вдвоем, сифон мной ни разу не пройден. . .

Так меня никогда не собирали. Кто-то готовил аппарат, несколько человек помогали одеваться. Сухой одежды у меня уже не было, снял тельняшку с Захарова, нитронку с Кохи, шапку с Леши Жаровова из Архангельска. В моем свете надо было менять блоки и проверять, поэтому Войдаков предложил свою каску с двумя длинными фонарями, Витя Рыбкин из Керчи дал налобник, который я повесил на шею на случай потери каски. Аппарат увидел уже у воды — четыре баллона, три легочника, на спаренных баллонах манометр.

Серега ушел вперед — он должен был на дне, на перегибе, подобрать уже заброшенный кем-то трехбаллонник. Я взял с собой „Украину“²⁰⁸ и пошел следом. Шел медленно и тяжело — „Украина“ тащилась по дну и застревала где только можно, появились проблемы с ушами. Собирали меня быстро и не предупредили о репшнуре, который Рашит наладил для обхода бороды. На дне я был озадачен, когда дошел до конца основного ходового конца: к нему был привязан более тонкий тросик, а дальше от тросика отходил какой-то реп. Решил попробовать пойти по тросику, так как знал, что это главный ходовой конец, но уже чувствовал себя неудобно. Через несколько метров тросик вошел в такой клубок, что стало совсем противно. Впереди была беспорядочная куча концов, из которых только один вел в нужном направлении, а остальные должны были где-то кончиться, вся эта куча лежала на сорока пяти метрах, впереди и сзади — непростой путь вверх. То, что я здесь не первый, в тот момент помогало слабо. Кое-как выбрал то, что показалось подходящим. Позже мне рассказали, что тросик там еще навит в несколько оборотов на какую-то глыбу, так избавлялись от слабины. Не знаю, возможно, глыба и была. Во всем этом путалась еще взятая с собой „Украина“. . .»

„Безумству храбрых поем мы песню. . .“ Кое-как экипированные чужим снаряжением, толком не знающие, куда идти, продираясь через смертельно опасную путаницу „нитей Ариадны“ на почти предельной для себя и своих

²⁰⁸ „Украина“ — вид акваланга советского производства.

аппаратов глубине, два человека шли в неизвестность, чтобы попытаться исправить чужие ошибки и предотвратить то, что вот-вот готово было случиться.

Нельзя бесконечно искушать Судьбу, работая на пределе, на самой грани дозволенного. Но даже Судьба уступает мужеству.

«За бородой стало проще. Попал на глинисто-песчаный склон, где до этого не был. Когда поднялся по нему до –35 метров (конец склона, начало участка вертикального всплытия), показалось, что кончается воздух в двухбаллоннике. Шел я все-таки уже довольно долго — минут 20–25: задержался из-за ушей перед перегибом, проходил бороду и вообще замешкался. Переключился на один из баллонов, стало легче дышать, и выход прошел без проблем, хотя и по спирали. Это, впрочем, не мешало.

Под конец с перепугу сделал серьезную ошибку — показалось, что уже поверхность, а так как знал, что ходовой конец завязан под водой, а уровень ее повышался, — выстегнулся, не доходя до узла.

Конец всплытия вообще был некомфортным — баллоны без поясного ремня всплывали, я спешил и сильно раздувался, но надеялся, что не придется останавливаться для стравливания воздуха из гидрокостюма. Травящий клапан почему-то работал хуже, чем на первом и втором спусках.

Так или иначе, я вышел в пузырь, увидел этот камень и сидящих на нем Голуба и Яшкина, в воде плавал Серега. Витя был в приличном состоянии, уши оказались целы, и кессонку он вроде бы не ощущал. Возможно, она почудилась ему с перепугу (кто ищет, тот найдет симптомы), возможно, он задавил ее, сосредоточившись на трудностях. Так или иначе, единственной, но очень серьезной проблемой перед выходом оказались переутомление и переохлаждение. Я не знаю, на чем они еще держались, — шел тридцать восьмой час с начала работы и восьмой час сидения-стояния на камне в мокрой одежде. Выдал им переданные доктором таблетки глютаминовой кислоты (от переохлаждения).

В воде под камнем сразу шел отвес, стоять было негде. Пристегнули с Серегой аппараты к свисавшему с камня репу²⁰⁹ и вылезли на камень ждать Петьку. Ждать пришлось недолго. Петя принес телефон, связались с поверхностью. Первым в одиночку пошел Серега — ему предстояла большая декомпрессия и надо было торопиться. Когда по телефону сказали, что он вышел, собрались идти мы с Голубом. Я, а потом он, должны были спуститься до конца отвеса на –35 метрах, затем он пристегнется ко мне, чтобы избежать лишних перестегиваний по дороге, и я буду сопровождать его на поверхность.

Оказалось, что в двухбаллоннике у меня еще 50–60 атмосфер, один начатый баллон и один полный. Этого должно было вполне хватить, во всяком случае, до заброшенного днем раньше баллона на –20 метрах со стороны входа. Когда начался

²⁰⁹Реп — репшнур, спелеосленг.

спуск, оказалось, что аппарат сильно всплывает (кто-то привез семилитровые баллоны весом по шесть килограммов, а поясного ремня у меня не было). Само по себе это не мешало, но аппарат сдвигал на лоб каску, каска—маску, а маска—шлем костюма. Я сильно затекал, при попытках продуть маску получалось еще хуже и приходилось зажмуриваться, чтобы не потерять контактные линзы. Добиться, чтобы воды было меньше, чем полмаски, не удалось, я щурился и был готов к тому, что маска сползет совсем. Продувая уши и поддувая костюм, сражаясь со снаряжением, спустился до—20 метров. В это время кончился воздух в начатом баллоне. Дососал его до упора. Не было надежды, что дальше будет легче, а при таком расходе воздуха могло не хватить даже до заброски²¹⁰.»

Один из спасателей ушел на поверхность, второй вот-вот мог пополнить собой число терпевших аварию за сифоном. Не решившись идти в глубину, Нор возвращается в Первый пузырь. . .

«Возвращение в пузырь еще более осложняло спасработы, но другого выхода не было. На всплытии, проходя мимо Голуба, показал ему сигнал на возвращение, выстегнулся, обошел, встегнулся и вышел в пузырь. Дальше быстрый разговор с Петькой:

— Где Голуб?

— Я сигнал на всплытие дал, но если он решит не возвращаться—будет лучше.

— Догоняй.

— Не с чем.

— Бери „Украину“.

— А дальше что?

— Будем думать.

— А страховочный легочник?

— Твой аппарат.

— Тогда надо все-таки найти реп, иначе не пройду.

До ухода я пробовал выпросить кусок репа, чтобы привязать аппарат к поясу, но не очень настойчиво. Разговор кончился тем, что Петька сам взял „Украину“ и пошел за Голубом. . . »

Похоже, красноярец Миненков, самый опытный из всей команды, единственный, кто сохранял адекватное восприятие происходящего и способность к четким и безошибочным действиям. Теперь на камне Первого пузыря снова сидели двое, и один из них Виктор Яшкин.

«Витя, похоже, отключался, дремал расслабившись, потому что начал задавать всякие странные вопросы—куда делся Петька и почему он ушел один. Узнав подробности, возмущился и обиженно замолчал. Я связался по телефону с Женькой из Красноярска, рассказал о событиях, в ответ—молчание.

Потом ответ: ладно, ждем Петьку.

²¹⁰ До заброски—до доставленного, заброшенного ранее резервного баллона.

Затем доклад: вышел Саша, чуть позже — Петя.

Настроение совсем не боевое, по правде говоря — было тошно. Я знал, что после нас с Серегой идти в сифон уже некому, когда и с каким воздухом удастся выбраться, сколько сидеть на камешке — одному богу известно, а что будет с Витей?..

Увижу ребят и небо вместо потолка пещеры над головой — можно будет расслабиться. Пока же — только огромное напряжение.»

Каково это — быть полностью зависимым от других? Только еще ты сам мог выбирать — куда пойти, на что решиться, что предпринять. Ты спешил на помощь другим, и вдруг — нет этого. Ты беспомощен, как ребенок. Тебя колотит озноб: это холод и нервы. Все что зависит от тебя — постараться дождаться помощи.

А потом снова собрать все остатки воли и решиться на эту леденящую глубину — с головокружением и путаницей концов, с болью обжима и мраком, который не в силах пробить твои едва желтеющие фонари и с неуверенностью, что дойдешь... .

«Нас спас Петька. Он сходил еще раз (я тогда ждал кого угодно, но не его) и принес мне отличный подарок — два тяжелых нержавеющей баллона по десять литров объемом и по 15 кг весом, их взяли на спасательной станции в Адлере.

Дальше все было проще. Я сдвинул груза на живот, и с погружением проблем не было. Цеплялся за ходовой, чтобы не слишком проваливаться, и быстро поддувался. Отрицательной плавучести было от 12 до 15 килограммов, 10 — от баллонов, остальное — от избыточных грузов и принятой в костюм воды. Поскольку кончились проблемы, уши тоже отпустили, нормально прошел и вышел на поверхность. Отсидел на перестежке, потом 10 минут на 6 метрах, самое неприятное — 15 минут на трех метрах, больше не смог из-за холода. Напряжение отпустило. Потом увидел впереди свет, вышел, сел у костра, закурил. Эти ощущения может понять только тот, кто оказывался в такой ситуации.

Раздеваться не стал — подождал мужиков. Когда они дошли до перестежки у бревна, отнес и предложил им кислородник. Было непонятно — берут они его или нет. Шедший впереди, видимо Петя, крутил в руках табличку декомпрессии с карандашом. На мое появление с кислородником последовала невнятная жестикуляция. Я показал рукой на его табличку — напиши, мол, чего хочешь, он в ответ показал мне свои часы. Я понял, что договориться не удастся, положил перед ним ИДА²¹¹ и вышел назад. (Позже узнал, что в ИДА включаются на поверхности и передают загубник изо рта, моя помощь была бесполезной). Через некоторое время появился Яшкин, чуть позже Петя высунулся и попросил баллон, досидел с ним на декомпрессии и уже окончательно вышел.

Спасработы были закончены. Из забытых подробностей

²¹¹ИДА — изолирующий дыхательный аппарат, то же, что и „кислородник“.

Когда Голуб вышел на улицу, он через Женьку и меня передал Яшкину, что там „Хорошо-то как!“ Мне пришлось отвечать, что Виктор непечатно ругается на весь пузырь. Сейчас уже не могу сказать — помогло нам это или нет.

Сам я просидел с Яшкиным от часа до двух, не засекал, с подводным временем — до четырех часов. Пока сидели на камне, пробовал развлекать Яшкина разговорами и анекдотами, но он слабо реагировал, и я решил не приставать. Спросил, есть ли у него дети, и, уже спросив, понял, что в его положении вопрос может быть понят неправильно. Пришлось добавить, что „это я просто так“. Вот, в основном, и все о спасработках.»

Вот о чем молчал, теребя струны гитары, мой друг Витя Яшкин у дымного кавказского костра. Да, спасатели едва не оказались в числе пострадавших. Первый в двойке, Сергей Перевалов, идя с грузом баллонов для Яшкина и Голуба, на всплытии за перегибом сифона потерял сознание — на том самом вертикальном участке, где все испытывали головокружение. Пришел в себя на подходе к поверхности: на „автопилоте“ продолжая дышать и шевелить лапами.

„Вообще весь семинар мы проходили по краю“, — напишет Андрей Нор в том своем дневнике.

* * *

В 1989 году Клод Тулумджан приехал в Абхазию, чтобы поработать на Мчиште вместе с нашими парнями, но естественно, в своем снаряжении. Кто-то, не помню уже кто, рассказывал потом, что при встрече с французом в глубинах сифона сначала не понял — что за диковинное существо движется навстречу! Мощный свет галогеновых фонарей Клода разительно отличался от нашего освещения, как, впрочем, и все остальное подводное оборудование.

Пещеры поддаются мужеству, настойчивости и мастерству. Не думаю, что наши парни уступали по этим показателям своим зарубежным коллегам. Скорее наоборот. Но вот по техническому оснащению. . .

Вот как описывал свои погружения в водах Голубого озера Йохен Хазенмайер²¹².

«Надо мной смыкается вода. Волны размывают картину старой церкви и растущих на берегу озера деревьев. Под водой я — в космической невесомости. В наступившей тишине медленно спускаюсь вдоль отвесных стен „Голубого озера“ — широко известного источника на юго-востоке Швабского Альба. Передо мной 150-килограммовые „салазки“ с камерой и осветительными аккумуляторами, а также винтовой скутер „Райтторпедо“. Мое дыхательное оборудование, весящее 150 кг (20 тысяч литров сжатого воздуха) находится за спиной, но в воде я в невесомости, как космонавт в космосе.

²¹²Й. Хазенмайер „Тайна Блауткопфа“ 1986 г. По материалам В. Э. Киселева в переводе А. В. Арчакова.

На глубине 20 метров осторожно причаливаю к галечному склону. За моей спиной из узкой скальной щели — „Дюзы“, вырывается водный поток. На этот раз, 4 ноября 1985 года, протащить громоздкое снаряжение через это ушко внутрь горы было не очень тяжело. Из щели выходит всего 200 литров в секунду. В среднем же расход составляет 2200 литров в секунду, и тогда приходится бороться с потоком, сила которого сравнима с мощностью урагана²¹³. При паводках расход воды в источнике достигает 26 тысяч литров в секунду — это самый мощный источник в Германии. О погружениях в такое время не приходится и думать.

Лучи моего налобного фонаря скользят над высокими стенами. Ложусь на скутер и продолжаю движение вниз, в глубину. Я хочу проникнуть еще дальше внутрь Альба и запечатлеть свой путь через уже известные и еще не пройденные объемы пещеры. По своему желанию я могу подтянуть салазки с камерой под скутер или тянуть их за собой на выдвигающейся на расстояние до 4 метров штанге, чтобы снимать пещеру и самого себя за работой. Для этого я держу в руке панель управления, на которой, помимо прочего, смонтированы 4 светильника и выключатель.

Надеюсь, что на этот раз мне удастся достичь первого воздушного зала в длиннейшей из подводных немецких пещер.»

Вот это техника! А между тем работы на Мчиште продолжались. Через полгода после Всесоюзного семинара спелеоподводников к источнику прибывает межклубная экспедиция, ядро которой снова составляют команды Красноярска и Владика, как ласково называют столицу Дальнего Востока. Представляю коренастую, как у большинства моих друзей спелеоподводников фигуру Петра Миненкова, его спокойную по-красноярски основательную повадку и будто слышу, как он рассказывает о событиях того октября²¹⁴.

В его воспоминаниях, как в зеркале, — все мы. . .

«1 октября 1988 года. Получилось так, что на Мчишту красноярская группа заехала первой, практически прямо с Юбилейной²¹⁵. Мы прибыли на Чернореченское форелевое хозяйство, находящееся в трех километрах от магистрали Сочи-Сухуми, недалеко от Гудауты. Это хозяйство расположено на карстовом источнике с названием Мчишта — „След ладьи“, в переводе с абхазского, но более известном под именем Черной реки.

В августе прошлого года удалось наконец-то пройти сифон и выйти на подземную реку. Январская экспедиция 1988 года увеличила длину пройденной за сифоном части до 1200 метров. И вот теперь мы рассчитываем продолжить наши исследования.

В этот же день подъехали три парня из Владивостока во главе с Рашифом, доставившие свое водолазное снаряжение. Еще

²¹³Для сравнения, среднегодовой расход Мчишты — 10000 литров в секунду, а максимальный паводковый расход достигал 200000 литров в секунду (по данным П. Миненкова, 1995 г.)

²¹⁴Петр Миненков „Так это было“ (Из воспоминаний участника событий), Издательство МФТИ, Москва, 1995 год.

²¹⁵**Юбилейная** — пещера-источник на Арабике, многие годы исследовавшаяся красноярскими спелеоподводниками.

трое их подводников должны были появиться завтра, и тогда все мы были бы в сборе. К вечеру удалось собрать и подключить компрессор, привезенный из Красноярска. Вернее, головку и приборный щиток прислали владивостокцы, а мы собрали все это вместе с нашим двигателем.

2 октября. Доделывали компрессор, регулировали и настраивали легочники и редукторы. Макс Шипунов и Витя Афанасьев из Свердловска, ходившие с нами в Юбилейную, активно помогают. Макс рассчитывает сделать первые погружения — после рассказов Андрея Скачкова он решил срочно освоить спелеоподводное дело.

Выяснилось, что отсутствует соединительная трубка от компрессора к фильтру. Завтра нужно будет поискать ее в Гудауте или Адлере. Но хорошо то, что у Рашита полные баллоны. Он рассчитывает уже завтра сделать адаптационные погружения с выходом в первый пузырь, одновременно занеся туда часть груза. Практически это будет первопрохождение наиболее сложной части сифона. Я думаю, что для адаптации это многовато, учитывая то, что сифон для мужиков незнакомый. Но Рашит настроен оптимистично. Говорит, что их группа регулярно тренировалась до самого последнего времени на глубинах до 47 метров. Что ж, ему виднее — мужиков своих он знает.

У нас готовятся идти за сифон, кроме меня, Андрей Скачков и Володя Киселев. Глубин в 45 метров он, правда, не достигал, но я думаю, после адаптационных погружений освоится и в сопровождении сможет пройти сифон. Вечером мы с ним по очереди сходили до 40-метровой глубины — оба чувствовали себя неплохо.

Вечером подъехала группа владивостокцев во главе с Кохой — Николаем Авдеевым. Они были в пещере Киевская в Средней Азии. Готовились обследовать сифон на дне, но серия спасательных акций помешала этим планам. Теперь трое из них остаются на Мчиште, остальные идут в пещеру Форельная, находящуюся над нами на Бзыбском хребте. Из знакомых здесь, кроме Кохи, — Кашля (Шура Кашлев), с которым встречались в 1984 году на Бзыби. Он и Саша Горшков также готовятся идти за сифон.

3 октября. Все разъехались — Скачков в Гудауту за трубкой для компрессора, мы с Киселевым — в Новый Афон для переговоров с директором. Этим же утром приехал Шура Бурмага — парень из нашего клуба, который теперь учится в Москве. Перед ним стоит задача фотосъемки наших работ на источнике. Я рекомендовал ему сделать в этот день тренировочное погружение метров до 40, а заодно испытать контейнер-бокс для фотоаппаратуры.

Вернувшись вечером на базу, узнаю, что во время тренировочных спусков (все ходили до глубины 42–45 метров) Сергей Ковзун заработал кессонку — профессиональное водолазное заболевание, обусловленное быстрым всплытием с глубины без остановок для декомпрессии. Он пробыл под водой 34 минуты.

Толком не может сказать, сколько находился на дне, но, видимо, приличное время. Всплывал быстро, практически без остановок. После выхода чувствовал себя сначала нормально, но вскоре начались сильные боли в груди. Его быстро одели в снаряжение и закинули под воду в сопровождении Рашита. Режим всплытия выбирали, конечно, наобум, но после выхода на поверхность Сергею немного полегчало. В сопровождении Андрея Скачкова он уехал в Кудепсту — к старым знакомым Скачкова, где тот лечился в барокамере после аналогичной истории зимой.

Атмосфера в группе, в общем-то, спокойная. Рашит даже считает, что это не кессонка — ведь Сергей „съел“ всего два баллона воздуха. Я проверил по таблицам — если даже предположить, что Ковзун пробыл на дне минимальное время, и то он должен был сделать первую остановку уже на —9 метрах, чего, конечно, не было. В общем, повторилась зимняя история — теоретически все знают о кессонке, а практически — пренебрегают элементарными правилами всплытия. Видимо, дело в психологии людей — кессонная болезнь кажется не такой реальной, как, скажем, баротравмы. К тому же у нас почему-то считают, что с двухбаллонным аквалангом невозможно перейти временной рубеж, после которого необходимо проходить декомпрессию. Практика говорит о другом. Вообще, такое отношениестораживает. Придется, видимо, перед погружением объяснять каждому режим всплытия. Груз в первый пузырь не транспортировали — еще не упакован. Перенесли это на завтра.

4 октября.

Мы с Рашитом занимаемся компрессором. Как и должно быть на необкатанной технике — а обкатать мы его в Красноярске не успели — была куча неисправностей. Самая серьезная — большое биение шкива на валу компрессора. Сейчас уже ничего не исправить, но к зимней экспедиции нужно делать новый шкив. Пока же с горем пополам заряжать баллоны можно.

Остальные мужики пакут груз за сифон. Все у них идет как-то медленно, с бесконечными перекурами. После обеда заряжаем акваланги и потихонечку начинаем стаскивать все к сифону. Нырания наверняка затянутся до глубокой ночи, но переносить на завтра — значит, терять день.»

* * *

Иногда думаю, почему так трудно работать правильно во времени? Сколько экспедиций проходит одно и то же — длительная утренняя раскатка, поздние сборы, бесконечное доделывание недоделанного и собирание недоупакованного. . . Не спеша обедаем, не торопясь перекуриваем, полегоныку приступаем к самому главному. А день уже на исходе. Все естество говорит, что идти под землю уже не надо, что лучше всего спокойно поужинать и завалиться спать. Но. . . потерять день?

Мы его уже потеряли. Мы провозились кучу времени в сонной сомнамбулической суете, причина которой одна — отсутствие необходимого

психологического настроения на грядущий спуск. Мы знаем, что пойдем, но еще не готовы собрать в звенящий жгут свои нервы и силы. Мы невольно оттягиваем этот момент, когда на смену ласковой осени придет леденящих холод и мрак пещеры, когда . . .

Да что там! Мы ухитряемся не найти времени для полноценной подготовки за месяцы домашней жизни. И теперь — в драгоценные экспедиционные дни! — мы клеим, шьем, паяем на костре проводки, мотаем изолентой блоки батареек, измеряем и проверяем веревки. . . В общем, делаем все что угодно, только не то, ради чего мы, собственно, приехали — не работаем в пещере. А может быть, ради этого мы и приезжаем?

И вот солнце клонится к морю. Мы потеряли время, но не согласны „терять день“.

И мы упрямо уходим в ночь, как будто не знаем (как будто это в первый раз!), что работа после бессонного дня в уже утомленном состоянии более опасна (их и так хватает в глубине, опасностей) и, в конечном счете, все равно потребует восстановления сил. Но только восстанавливаться мы станем, отсыпаясь в подземных лагерях, воруя сами у себя драгоценное подземное время, скудно отмеренное великим трудом заброшенными в глубину продуктами, а главное — светом. А может быть, и не станем — доводя себя до критической грани сверхдлинными рабочими сменами.

Способность к своевременному психологическому самонастрою — один из тончайших показателей уровня мастерства.

* * *

«Неожиданно выяснилось, что Рашит в воду не пойдет — ему нужно заклеить костюм и доделать еще кое-что по мелочам. У Киселева вскрыли панариций на пальце. Осталось нас семеро. Рашит предложил мне руководить сегодняшними погружениями. Плохо, что не знаю его мужиков, как подводников, но думаю, на месте разберемся.

Беспокоит отсутствие в сифоне телефонного провода, который мы протянули зимой. Наверху остался обрубок метра три, а в сифоне ничего не найдено. Маловероятно, что он мог собраться в клубок в нижней части сифона. Видимо, лучше будет одному пройти весь сифон до конца, проверить состояние тросовых перил и поискать провод. Вполне возможно, что, в случае обрыва перил, придется возвращаться без всплытия за сифоном, а одному без напарника это сделать будет проще.

На улице почти стемнело. Даю последние указания мужикам, чтобы к моему возвращению были готовы, и начинаю погружение. У меня за спиной четырехбаллонный акваланг, к которому привязан еще мешок с консервами, чтобы не ходить порожнему.

Ориентируюсь по тросу, который оставляю слева от себя. Планирую вниз с камня на камень по крупноглыбовой осыпи. Глубина набирается быстро, начинаю чувствовать обжим. Для компенсации все увеличивающейся отрицательной плавучести²¹⁶

²¹⁶Иногда поражаюсь бытующей у нас терминологии. Вот достойный пример — отрицательная плавучесть! Как тут не вспомнить Михаила Задорнова: „живой труп“, „честный депутат“ . . .

поддуваю воздух в костюм. Сразу возрастает свобода движений, появляется чувство невесомости. Внимательно слежу за состоянием троса — хотя он довольно толстый, 6 миллиметров, но лежит в воде уже три года. Расходую воздух из однобаллонного аппарата, который взял с собой с поверхности и держу сейчас в руке. На глубине –22 метра я оставляю его и переключусь на основной аппарат. Это позволит сэкономить запас воздуха и одновременно оставить резерв на возвращение.

С глубины — 20 метров крупные глыбы сменяются полого уходящим вниз галечным дном. Я пристегиваю баллон к тросу и включаюсь в основной аппарат. Проверяю оба легочных автомата — работают нормально. Работая ластами, продолжаю набирать глубину. Трос удаляется от левой стены, и она пропадает из поля зрения. Видимо, в воде взвешены мельчайшие частички известняка, и видимость сейчас составляет не более полутора метров.

Правая стена хода исчезла сразу же при входе в сифон, и единственным ориентиром сейчас служит уходящее вниз галечное дно. Глубиномер показывает уже –40 метров, вскоре должен быть перегиб сифона. Начинаю ощущать признаки глубинного опьянения — мысли в голове замедляются, приходится усилием воли концентрировать свое внимание на путеводной нити — тросовых перилах. Вот уже кончился галечник, началось песчаное дно. Глубина в этом месте –45 метров. Физически чувствую поток воздуха, поступающего через загубник — ведь его плотность почти в шесть раз больше, чем у того, которым мы дышим на поверхности. На дне валяются обрывки старого провода. Стараясь не запутаться в них, прохожу этот участок без задержек.

Вот и начало подъема. Песчаное дно плавно уходит вверх. Стен и свода по-прежнему не видно. Помогая себе руками, начинаю всплывать. Необходимо быстрее пересечь тридцатиметровую отметку глубины, чтобы не выйти на длительный режим декомпрессии. С глубины –25 метров трос отрывается от грунта и уводит меня круто вверх. Чувствую, как расширяющийся под костюмом воздух стремится выбросить меня к своду сифона. Нажимаю стравливающий клапан костюма, но он не успевает сбрасывать лишний воздух. Поднимаю лицо, и воздух с шумом вырывается из-под шлема. На глубине –6 метров делаю двухминутную остановку, затем еще 6 минут — на глубине –3 метра. По сифону я шел довольно быстро, и, согласно декомпрессионным таблицам, остановки для декомпрессии мне не нужны, но для профилактики решаю все же их сделать.

Но вот, наконец, и зеркало воды первого пузыря. Он представляет собой грот округлой формы до 10 метров в поперечнике, в котором мы с Володей Грицихиным из Ростова всплыли впервые в 1986 году. Держаться приходится только на плаву — стены грота обрываются круто в воду, не образуя дна. Трос закреплен за скальный выступ. За него же заведен толстый провод, играющий роль следующих перил. По нему выхожу во второй пузырь. Этот

участок сифона, глубиной 7 метров и длиной 55 метров, сложностей не представляет. Заключительный этап длиной 110 метров, приводящий из второго пузыря за сифон, также прохожу без проблем.

Сняв акваланг и ласты, вытаскиваю мешок с консервами из воды — по крутому склону вверх, к началу горизонтальной части галереи. Здесь нахожу наше снаряжение, оставленное в январе, а также уходящий в воду телефонный провод, который мы не могли отыскать на входе в сифон. Начинаю его выбирать и в итоге вытаскиваю на берег весь. Теперь нам предстоит вновь перетянуть его через сифон, но это — задача дальнейших погружений.

Тогда я и не предполагал, что через пару часов разыграется трагедия, после которой все последующие дни мы будем решать совсем другие проблемы.»

В который раз спрашиваю себя: — Если бы мы знали, что лежит в конце пути — решились бы мы ступить на тропу?

«Пока же я проверил индикаторы подъема уровня воды в сифоне — попросту пустые консервные банки, еще в январе расставленные на разных уровнях. Они оказались заполненными водой до отметки +7–8 метров. Значит, с января пещера за сифоном полностью не затопливалась, и возможность этого маловероятна. Стараюсь пробыть на берегу хотя бы минут 45, чтобы сократить время декомпрессии при возвращении.

Обратный путь проделываю без приключений. На перестежках в нижней части подтянул репшнур на тросу, чтобы можно было проходить в стороне от обрывков старого провода, не цепляясь за них. При всплытии сделал декомпрессионные остановки на –6 и –3 метрах и вышел наверх.

Там уже готовились к погружению два Шуры — Бурмага из Красноярска и Кашлев из Владивостока. Время позднее — уже стемнело. Но решаю не откладывать заброску груза на завтра, чтобы не терять день — их уже осталось не так много.

Следом за первой двойкой идут Андрей Нор и Коля Авдеев — Коха. Все несут по одному мешку груза. Первая двойка дождетя вторую в пузыре — подстрахует ее, а заодно пройдут декомпрессию. После этого в такой же последовательности они возвращаются обратно.

На деле же получилось иначе. Когда Бурмага с Кашлей всплыли в пузыре, Кашля пожаловался, что затек, и ему нужно срочно вернуться. Ждать вторую двойку в пузыре он не мог, так как начал здорово мерзнуть. Бурмага не мог пойти сейчас с ним, так как ему нужно было переставить редуктор с одного баллона акваланга на другой. Он заметил, как Кашля пристегнул карабин на трос и начал погружаться. После этого живым его больше не видели.

А в это время наверху заканчивала подготовку вторая пара спелеоподводников. Сборы их затянулись, к тому же у Андрея

возникли проблемы с грузом. Ему досталась база — спальник с надувными матрацами, и утопить их, конечно, было непросто. Наконец, со второй попытки им удалось погрузиться в сифон.

Минут через 5 мы услышали шум пузырей воздуха, выходящего из-под воды. Видимо, первая двойка проходит декомпрессию и скоро выйдет, решили мы. Действительно, минут через 8 показался Шура Бурмага.

Выяснив, что Кашля пошел назад первым, я понял, что случилось непоправимое. Мгновенно накатило оцепенение от сознания бессилия что-либо поправить. Сразу вспомнился ноябрь 1987 года и случай у нас на Орешке²¹⁷. Тогда было такое же состояние внутренней опустошенности.

Остальные, собравшиеся у сифонного озера, молчали, хотя, я думаю, понимали, что случилось. Выяснилось, что при всплытии Шура на 20-метровой глубине встретил двух человек, идущих вниз. Может, там было не двое, а трое, и Шура просто просчитался?

Лихорадочно работающая мысль подсказывает варианты спасения Кашли. Человеческой натуре свойственно надеяться на лучший исход даже при самых минимальных шансах. Может быть, Кашля вернулся в пузырь из-за неисправности аппарата или просто перепутал направление движения, а Шура, при своей близорукости, его не заметил?

Мне или Шуре рискованно идти в сифон, ведь это будет уже третье погружение. Решаю послать в сифон Сашу Горшкова, который уже был готов к погружению. Надев четырехбаллонник, Горшков уходит в сифон.

Потянулись минуты томительного ожидания. Обсуждаем возможные варианты спасения Кашли — он мог потерять сознание и, заблудившись в подводном коридоре, всплыть под свод, оказавшись в каком-нибудь подводном пузыре. Мог, ориентируясь по общему подъему дна сифона, выйти во второй пузырь или вообще в засифонную галерею.

Минут через 40 мы услышали долгожданные звуки поднимающихся на поверхность пузырей воздуха, а вскоре показался Андрей Нор. Его била крупная дрожь, руки ходили ходуном. Я пытался выяснить у него, видели ли они Кашлю, но его занимала совсем другая мысль:

— Плохо дело, мужики, — Кохи нет... — вдруг услышали мы от него.

Подробностей почти никаких не удалось выяснить — у Андрея зуб на зуб не попадал.»

Что у тебя случилось, Андрей?

«Предстоящий выход не виделся таким фантастически сложным, как раньше, я даже предлагал (и Андрей Скачков со мной

²¹⁷ Пещера Большая Орешная в Восточных Саянах недалеко от Красноярска, где осенью 1987 года погиб спелеоподводник из Красноярского клуба.

вполне соглашался) относить груз не в пузырь, а к месту предстоящей базы, то есть за третий сифон и возможно дальше по ходу.

Мудрый Петя сказал на это — надо еще до первого пузыря пойти. . .

Свое затекание на адаптации²¹⁸ я относил за счет неплотной жгутовки и маленькой шапочки, так как дырку сразу не нашел. Зажгутовался получше, но, сев в воду, опять почувствовал струйку. Мой отказ от спуска сдвигал (или грозил сдвинуть) общий график на сутки, а суток в нашем распоряжении было не так много, поэтому решил перебороть-перебиться.

Итак, я решил, что перебыюсь, но день из графика не украду. Транспортник, как самому последнему, мне достался самый здоровый — комплект базового лагеря в гермомешке. При упаковке Петька советовал герметизировать только спальник, но мы не прониклись. В мешок натолкали камней до слабой положительной плавучести на поверхности. Сам я тоже взял пару лишних грузов, чтобы утопить будущий мешок.

Где-то на –5 метрах он уже ничего не весил, на –10 лег камнем на дно, глубже стал еще тяжелее. Я тащил его по уступам волоком, спускал на Коху камни и старался их остановить, но, как выяснилось, не всегда удачно. Казалось, что все камни поймал, но позже Коха жаловался, что они до него доходили.

На двадцати метрах встретились и разошлись с одним из первой двойки. Стало ясно, что он не дождался нас за сифоном.

После тридцати метров у меня начались проблемы с правым ухом. Я уже привык, что верхние 20 метров могу проходить с любой скоростью, а после 30 продуваюсь с трудом. Раньше думал, что „так не бывает“, но позже Сергей Ковзун сказал, что у него так же, а еще позже я прочитал об этом у Жака Майоля. Скорее всего, это от психологического стресса. В таких случаях я обычно останавливаюсь и расслабляюсь, рассматриваю всякую мелочь на грунте — это помогает. Тут останавливался и залегал несколько раз — не помогало. Наконец, на глубине около –40 метров увидел рачка, стал его разглядывать и услышал долгожданный писк в ухе²¹⁹.

Дошел до репа, там начались новые неприятности — сильное головокружение. Возможность поддува в гидрокостюме для увеличения плавучести была невелика — стравливающий клапан слишком хорошо работал, и пришлось топтать по дну как в трехболтовке²²⁰. Встегнулся в реп для обхода бороды, по краю

²¹⁸Проникновение воды в гидрокостюм при тренировочном выходе для привыкания (адаптации) к сифону и подгонки снаряжения.

²¹⁹Чтобы до конца вникнуть в проблему, стоит помнить, что давление на барабанные перепонки — штука весьма болезненная, и „долгожданный писк в ухе“ подобен утиханию зубной боли.

²²⁰**Трехболтовка** — Трехболтовое водолазное снаряжение — это „скафандр“ с медным котелком на голове, в котором мы с детства привыкли представлять водолаза. Шлем крепился к костюму тремя болтами. К слову сказать, поразительное изобретение: созданный в начале XIX века „скафандр“ по сей день мало изменился, широко используется и будет использоваться в будущем, очень удобен для стационарных работ, там, где не надо плавать. Прим. А. Нора.

бороды протащил свой мешок, как каторжник—ядро, перестегнулся на трос и начал подъем к пузырю. Поскольку спешил и подтягивался по тросу, вытянул его на себя и перестежку увидел в виде длинной петли. Пришлось сосредоточиваться и разбираться.

Вообще, чтобы меньше сидеть на декомпрессии и меньше расходовать воздух на максимальной глубине, я не смотрел на приборы, наплевал на головокружение. Знал, что дальше будет легче, и спешил туда.

Перед обводящим бороду репом на манометре оставалось 100 атмосфер—много воздуха ушло на возню с грузом и на остановки для продувки ушей. Добравшись до –35 метров с той стороны, посмотрел на манометр, оставалось меньше 30 атмосфер²²¹.

Переключился на второй аппарат, но тут-то и поджидало самое интересное—второй легочник давал очень мало воздуха! Думаю, что с ним и спокойно сидеть на месте было бы невозможно, я же изрядно запыхался при быстром прохождении с тяжелым грузом и испытывал как бы некоторый „дефицит дыхания“.

Вернулся на первый легочник, кое-то еще расстояние прошел с ним. Очень не хотелось бросать груз, но сделал это не задумываясь: положил его на грунт и рванул наверх.

На подъеме обошел Коху, встегнулся в трос (это подчеркиваю—было плохо, тоскливо, хотелось жить, но паники не было; я знал, что выстегиваться нельзя ни в коем случае, и хоть как-то, но контролировал ситуацию) и вылетел на поверхность.

В пузыре отдышался с трудом. До камня, на котором раньше сидели, дотянуться не удалось. Петька после разведки сказал, что вылезти на камень нельзя и груз надо подвешивать, мы и не пытались вылезать. От затекания еще больше увеличилась отрицательная плавучесть, подтягивался по тросу, вдыхал, отдышал, повиснув в воде. Гораздо позже, когда уже вышел с декомпрессией Коха, удалось оседлать один транспортник, но откидывало на спину и приходилось сильно работать ластами. В общем, это был не отдых, а работа—надо было быстрее уходить.

Вслушивался в себя, насколько мог, внимательно, искал кожный зуд и боли в суставах—все было нормально. Старался больше думать, но это, видимо, плохо удавалось, так как, когда вышел Коха (я знал, что он первый раз за сифоном и, помня свои прошлогодние впечатления, хотел его постепенно подготовить), не нашел ничего лучшего, как сказать что-то примерно следующее: „Коха, ты вышел? Слышишь меня? Брось загубник, Коха, плохо дело...“

Ругал себя за такую „подготовку“, но было поздно—Коха всерьез испугался, никак не хотел отпускать загубник, тратил воздух и вряд ли хорошо меня понимал (позже на разборе он говорил, как это было сурово, и даже сказал, что нырять со мной

²²¹30 атмосфер—минимально допустимый предел запаса воздуха для АВМ.

больше не станет. Я получил то, что заработал).

Сам я тоже не был хорошим рассказчиком, не уверен, что меня вообще можно было сразу понять. В конце концов, все-таки обрисовал ситуацию, спросил — куда делся еще один человек из первой двойки — может быть, Коха его видел? Коха ответил, что нет.

К своим неприятностям добавилась тревога.

Безобразно вел себя мой аппарат — по моей же вине. Когда все собирали аппараты, мне не хватило правой нижней пряжки, поставил просто кольцо и завязал ляжку на два штыка. После всей суеты и возни узел развязался. До Кохиного прихода попробовал заплести что-то за спиной одной рукой, но не удалось, попросил Коху.

Отдыха в пузыре не было, решили уходить. Сказал Кохе, чтобы он держался вплотную ко мне, поскольку у меня один легочник. Попробовал уйти, но быстро понял, что с таким легочником не пройду, и, вернувшись с пяти метров, с Кохиной помощью переставил исправный легочник на полные баллоны.

В это время из сифона появился Горшков, сказал, что на поверхность не вышел Кашля, и его отправили на поиски. Втроем на одном тросе болтаться, подтягиваясь, стало окончательно противно, и я двинул на выход. Спешил и думал о себе больше, чем о Кохе — не было никаких сомнений в том, что он идет сзади и подстраховывает. Выход прошел нормально, с сильным головокружением и большой отрицательной плавучестью, с единственным аппаратом без манометра, но без прямой угрозы.

Головокружение прекратилось в тот момент, когда я прошел реп и увидел галечное дно. Едва в поле зрения появился ориентир, головокружение тут же исчезло.

На —6 метрах сделал остановку на 2 минуты. Оглядывался, искал и ждал Коху, не мог понять — что с ним? Погасил оба света и всматривался вниз — ни черта. Сколько-то еще просидел на —3 метрах, минут 6–10 — не помню, очень затек, появилась зверская дрожь, лихорадочное глубокое дыхание, которое никак не удавалось успокоить. Вглядываясь вниз, вышел. Спросил про Кашлю — до этого как-то не понял, не проникся, надеялся на что-то. Сказал про Коху, но тут уже показался свет сзади, пузыри, а через некоторое время появились Коха и Горшков. Не вышел только Кашля, но с ним явно случилось что-то серьезное.

Оставалось два аппарата, с одним из них Петя отправил в пузырь Рашита. Дядька²²² как мог смотрел по сторонам, на обратном пути влез на край бороды и пошарил руками, вода была уже совсем мутная. Видимость вообще была меньше, чем зимой, а тут еще мы сильно намутили.

Последний аппарат — резервный, нырять уже практически некому, то есть, разумеется, есть кому, но это было бы уже второе погружение, да еще стресс. . .

На часах около двух ночи, в принципе, можно бы часов до

²²² Дядька — прозвище Рашита Бадрутдинова, Владивосток.

четырёх утра забить аппараты и продолжить поиски любой ценой. Я думал, что так и будет, но Петька скомандовал отбой до завтра. Было тяжело уходить от сифона, когда оставался ещё пусть очень малый, но шанс, что Кашля сидит в каком-нибудь пузыре и ждёт помощи. Собственно, когда попадаешь в беду, не сомневаешься: друзья сделают все, что будет в их силах. А тут мы уходили. . .

Гораздо позже я понял, что Петька был абсолютно прав, что он отвечал за каждого из нас не меньше, чем за Кашлю. Сейчас представляю, чего ему это решение стоило, но тогда хотел даже ляпнуть на тему „как же так?“ Успел понять, что обсуждать сейчас это решение нельзя. В общем, промолчал. Остальные тоже промолчали, хотя уверен, что многих посещали те же мысли, что и меня.

Петька — это Петька. . . »

* * *

Вчитываюсь в предельно откровенные беспощадные к себе строчки дневников, написанных „для себя“, а потом все же опубликованные, проникаюсь ещё большим уважением к парням. Бесценны для последователей крупицы опыта шедших по краю. С тем, чтобы знать, „как оно“. И не повторить, если удастся.

Отложить поисковые работы, когда нет полной уверенности, что уже поздно — это риск. И цена его по самому высокому счету. Да, Миненков принял трудное решение. Что стоило сделать этот выбор, может сказать только он сам:

«Андрей кое-как отошел. Но тут вновь показались пузыри воздуха, и вскоре вышли Коха с Шурой Горшковым, они просто задержались в первом пузыре. Кашлю они нигде не видели. Только Шуре при прохождении в пузырь показалось, что на дне у перегиба были видны клубы свежей мути в воде, справа по ходу. Но здесь у него появились признаки глубинного опьянения, и он вынужден был срочно всплыть.

В это время уже одевался Рашит — я предложил ему сходить до первого пузыря, ещё раз поискать Кашлю. Минут через 40 Рашит вернулся — как и предполагалось, он ничего нового не обнаружил.

Прокачиваю всю ситуацию ещё раз. У Кашли единственный шанс выжить — попасть в один из воздушных пузырей, которые могут быть за перегибом, или выйти за сифон. За сифоном ему ничего не угрожает — он спокойно может ждать нас день или два. В воздушном пузыре выжить сложнее, особенно если держаться там придется на плаву, поэтому помощь должна быть оказана быстро.

Запас воздуха для этого ещё есть, но:

— сейчас уже глубокая ночь, времени — 1 час, все устали и голодны;

— все имеют уже по два погружения до —45 метров, и дальнейшее продолжение спасработ может вызвать заболевание кессонкой;

— необходимо проанализировать ситуацию, определить, кто из подводников может участвовать в спасательных работах. Как оказалось, не все готовы к работе на таких глубинах.

Принимаю решение прекратить на сегодня все погружения и идти отдыхать.

По всеобщему молчанию чувствуется, что большинство против этого и готово продолжить спасательные работы, но мы больше не можем рисковать. Серега Перевалов остался у компрессора заряжать баллоны, все остальные — спать.

Утром следующего дня в сифон пошли я, Рашит, Шура Бурмага и Саша Горшков. Вчерашние погружения показали, что больше никто достаточно уверенно работать в сифоне не может. Наша задача — выйти в первый пузырь и у него провести поиск гипотетически существующих воздушных пузырей, в которых мог спастись Кашля. Оба Шурика несут по запасному четырехбаллоннику. Мы с Рашитом еще раз обследуем наш путь — он справа от перил, а я слева. Для увеличения радиуса действия мы взяли по 8-метровому куску веревки.

Первым пошел Рашит. Выждав минут 10, начинаю погружение. Быстро набрал глубину —35 метров. Здесь пристегнул свою веревку на скользящий карабин и пошел влево-вниз. Метров через пять увидел стену и дальше пошел вниз вдоль нее. На 40–42 метрах галечник кончился, попадают отдельно лежащие камни. Вот и начало подъема. Выхожу к перильной веревке и перестегиваю свой карабин через узел. Вновь продолжаю обследование нижней части, постепенно всплывая вверх. Не обнаруживаю никаких следов Кашли.

Натыкаюсь на мешок с базой, брошенный Нором. Беру его и начинаю тащить вверх. Через 5–7 метров чувствую, что сбивается ритм дыхания — мешок страшно тяжелый, придется рывками подтягивать его вверх по склону. Решаю действовать по-другому — цепляю мешок к концу 8-метровой веревки и всплываю по тросу вверх, разматывая ее за собой.

Почувствовав натяжение, подтягиваюсь вверх по тросу на руках, помогая работой ласт. Всплываю в пузырь. Рашит уже там, ждет нас. Его поиски также ничего не дали.

Решаем сразу проверить версию нахождения Кашли за сифоном. Я цепляю свой мешок к петле на тросу и ухожу по проводу во второй пузырь и далее — за сифон. Никаких следов пребывания Кашли. Когда возвратился в первый пузырь, там уже были оба Шуры.

Поиск начал Рашит. Обследовав правый участок свода, он не обнаружил никаких пузырей и вернулся к нам. Вторым пошел Бурмага — обследовал левую часть свода. Ему удалось обнаружить цепь пузырей общей длиной 40 метров, но Кашли там не было.

По времени уже наступал вечер, решили возвращаться. Выйдя из сифона, встретили Андрюху Скачкова с Сергеем Ковзуном — вернулись из барокамеры Кудепсты. Серега прошел лечение по третьему режиму, и теперь с ним все вроде бы нормально.

Наступил третий день поисков. Надежды на благополучный исход уже нет, хотя у меня ее, честно говоря, и не было — прошло много времени, и если даже Кашля находится на плаву в каком-либо пузыре, то уже замерз.

Пошли ребята двойками: я с Андреем Скачковым и два Шурика. Каждая двойка взяла с собой по 25-метровому куску веревки. Схема работы простая — один остается на перилах, напарник начинает обследовать дно сифона. Заранее рассчитали временной график работы по глубинам, режимы декомпрессии для разных вариантов. Написали их на таблички, которые берем с собой.

Страхающие — Скачков и Горшков — находятся на глубине —40 метров и посредством веревки держат связь с напарниками. Я обследую дно сифона за перегибом, Бурмага — перед перегибом.

С Андрюхой сработали четко. Я подождал перед перестежками, пока он выйдет на исходную позицию, и пошел вправо. Упершись в стену хода, проследил ее до 32-метровой глубины. Стена очень кривая, много ниш — из-за плохой видимости приходится в каждую из них залазить. Неожиданно стена исчезла, и песчаное дно круто пошло вправо-вниз. Спустился по нему до —36 метров: видимо, это продолжение сифона.

По времени пора начинать всплытие, иначе на длительную декомпрессию может не хватить воздуха. Подошел к Андрю, начали подниматься. Отсидев 6 минут на —6 метрах и 16 минут на —3 метрах, вышли в пузырь.

Перед возвращением желательно подольше побыть на поверхности — в этом случае значительно сокращается время, необходимое для декомпрессии. Решаем попутно отснять сухой ход от второго пузыря, который был пройден еще в августе 1987 года.

Через пару часов, закончив топографические работы, начинаем возвращение. Запас воздуха в наших аппаратах остался небольшой, поэтому мы используем четырехбаллонники, занесенные вчера. Привязываем поверх свои аппараты и начинаем погружение. Спуск вначале идет по тросу, почти вертикально уходящему вниз. Висим на этом участке в пустоте, не видя ни стен, ни дна, ни свода. На глубине —25 метров появляется песчаный склон, по которому продолжаем спуск. Проходим перестежки на перегибе дна и начинаем всплытие. На глубине —20 метров находим однобаллонные аппараты, которыми мы пользовались при спуске — этот прием позволяет сэкономить воздух в основном аппарате.

Начинаю отстегивать баллоны от перил, и тут случается непредвиденное. Андрюха, решивший помочь мне сверху, наклоняется надо мной, манометр на шланге его аппарата попадает

между вентилями моего аппарата и наглухо заклинивается там. Андрей, не поняв, что произошло, начинает рваться вверх, топчя меня ногами, но после того, как я помахал у него перед маской кулаком, успокоился и затих.

Так, сцепившись аппаратами, мы и всплывали до 6-метровой глубины, так как освободиться мне не удалось. Здесь у нас должна быть первая ступень декомпрессии. Я уже хотел снять аппарат и расцепиться, как почувствовал, что Скачков тащит меня наверх. Едва успев выскочить из лямок аппарата, включаюсь в однобаллонник. Подумал, не потерял бы он по дороге мой аппарат.

Правда, через некоторое время Андрей вернулся и убедился, что у меня все в порядке.

Благополучно отсидев на трехметровой ступени, мы всплыли наверх. Оказывается, там был небольшой переполох — Коха и Скачков не нашли меня под аппаратом, который тот вынес на поверхность, и немного переволновались — все ли у меня в порядке.

Поиски Шуры Бурмаги и Горшкова были безрезультатны — они надели слишком мало грузов, и состояние было нерабочее — все время выбрасывало наверх. К тому же Шура Горшков порвал ухо. Решаем продолжить поиски завтра.

7 октября. День Конституции. У всех праздник, нам же необходимо продолжить свою тяжелую физическую, а еще более — морально — работу. Вчера Киселев с Рашитом ходили в дирекцию форелевого хозяйства с известием о несчастье. Там восприняли все с пониманием и предлагали любую помощь.

Написали заявление в прокуратуру Гудауты. Пришел следователь, осмотрел место происшествия. Ситуацию понял, тем более что занимался уже ЧП у спелеологов Крыма, которые работали этим летом на Бзыби. Связались с воинской частью в Гудауте — договорились насчет зарядки баллонов воздухом, так как наш компрессор к тому времени вышел из строя, не выдержав нагрузку — сломался коленвал.

Сегодня решаем продолжить поиски в паре с Андреем Скачковым — на остальных не хватает оставшегося воздуха. Собираем с ним два шестибаллонника. Аппараты, весящие более 60 кг, становятся неподъемными, надевать их можно лишь в воде. Искать будем от перегиба на выход — посмотрим ту часть, которую вчера не удалось обследовать двум Шурикам.

Техника работы прежняя. Андрей остановился на глубине —42 метра и начал выдавать мне веревку. Я обследую ход по всей ширине, начиная с нижней точки.

К этому времени, получив в предыдущих выходах хорошую адаптацию к таким глубинам, чувствую себя свободно. Осматриваю навалы камней внизу, затем решаю всплывать, ходя галсами по всей ширине хода. Прошел пару раз, постепенно всплывая. Андрюха, по необходимости собирая или выдавая мне веревку, тоже понемногу всплывает, держа между нами дистанцию. От

него во многом зависит эффективность нашей работы — он должен четко контролировать связующую нас веревку, чтобы мое внимание было целиком посвящено работе. Но проблем у нас не возникает. Вообще, сегодня работается гораздо спокойнее — кроме нас, в сифоне никого нет, и ты не думаешь, все ли у них там в порядке.

Вот глубиномер показал уже –30 метров. Я подошел к тросовым перилам и решаю обследовать участок между ними и левой стеной. Буквально через несколько метров вижу Кашлю — он лежит ногами ко мне, хорошо видны черные ласты „Акванавт“. Фонарь на маске еще слабо горит. Хорошо видно лицо — закрытые глаза. Маска совершенно чистая, без воды. На губах — пена, загубника во рту нет.

Неожиданно для себя чувствую облегчение — наконец-то нашли, хотя в этом громадном сифоне была большая вероятность не обнаружить тела вообще, по крайней мере, в этот раз. Развернул Кашлю головой в сторону выхода, взял за аппарат и протаскивал несколько метров по галечнику. Чувствую, что у него большая отрицательная плавучесть — тащить тяжело, быстро выдохнусь. Отцепил от себя поисковый репшнур, пристегнул его карабин за акваланг Кашли. Дал Андрюхе три сигнала — не ответил. После повторения серии он подошел ко мне. Дал ему в руки реп и показал наверх, он понял правильно и стал надо мной выбирать шнур наверх. Я за аппарат поправлял тело.

Подняв Кашлю до глубины –20 метров, понял, что так мы израсходуем весь воздух — не хватит на декомпрессию. А ее уже набегало 45 минут, согласно таблицам.

Решил выходить наверх — основное мы сделали, остальное доделают другие. Закрепили репшнур на трос и начали декомпрессию с 12-метровой отметки. Через 45 минут вышли, пробыв под водой без малого два часа.

Хотя мы и ожидали этого все эти дни, все же известие явилось неожиданностью. К спуску стали готовиться Бурмага с Кохой. Получив последние инструкции, они ушли под воду, выбирая за собой веревку. Дойдя до репшнура, который мы оставили на перилах, Бурмага сцепил его со своей веревкой и дал сигнал наверх. После этого мы начали постепенно выбирать веревку, а Шура с Кохой поправляли тело Кашли в воде, чтобы оно не застревало. Минут через пять они показались на поверхности.

Киселев начал фотосъемку, к которой приготовился заранее — не знаю, может быть, так и надо, но мне показалось, что здесь это неуместно.

Сняли с Кашли акваланг, груза, ласты. Я вынес аппарат наверх для проверки. Акваланг собран из четырех баллонов, спаренных между собой по два. Вентили все открыты полностью. Легочник на одном двухбаллоннике не подает воздух вообще. Замерил давление в этих баллонах — абсолютно пустые. Легочник на втором двухбаллоннике работает нормально. Проверил

его на герметичность — все исправно. Манометр показывает 180 атмосфер — похоже, что Кашля вообще им не пользовался.

Позже в морге выяснилось, еще две детали — на теле отпечатались рубцы от одежды, что происходит вследствие сильного обжаривания. Белье все было мокрое. Конечно, он мог затечь за те 2,5 суток, что лежал в сифоне, но, похоже, что потек он сразу при входе в сифон. Выйдя в пузырь и окончательно замерзнув, Кашлев пошел назад. Положение его — и так тяжелое из-за переохлаждения — усугубилось сильным обжариванием. Видимо, он не смог поддуться в костюм или вообще не владел этим техническим приемом. Преодолев все-таки самый глубокий участок, Кашлев вышел на отметку глубины –30 метров, и тут у него очутился воздух в одном двухбаллоннике.

Ситуацию осложнило то, что резервный легочник был на коротком шланге и находился где-то в районе правого плеча Кашли, а, может быть, и чуть дальше, за пределами видимости через маску, то есть Кашля искал его на ощупь. Из-за сильного обжаривания движения его были ограничены, и он, видимо, просто не смог нащупать загубник.

Агония длилась недолго, но достаточно для того, чтобы Кашля оказался в трех метрах от троса. Почему он не пристегнул карабин на перила — не ясно, но вероятнее всего, ему было не до этого — в голове стучала только одна мысль: ... быстрее наверх, только бы избавиться от этого кошмарного состояния!..

Это и затруднило поиски тела, так как даже с мощным светом видимость в воде не превышала полутора метров.

Назавтра Андрей Скачков с Костей Кожемякиным сделали заключительное погружение. На глубине 30 метров к тросу они прикрепили букетик цветов.»

Мчишта потребовала расплаты по вексям. 1988 год был тяжелым годом для советского кейвинга.

* * *

Пятью годами ранее... Мы уже упоминали о длиннейшей из известных в то время подводной пещере Коклебидди в Австралии. Французская экспедиция „Нулларбор-83“ под руководством Франсиса Ле Гана добилась в ней потрясающих результатов.

Коклебидди — этот гигантский заполненный соленой водой подземный коридор — трудно поддается воображению. Первый ее сифон имеет протяженность 1000 (!) метров, после чего следует открытая обводненная галерея, небольшой сифон (который при таких масштабах и за сифон-то не считают) и сухой участок — все это общей протяженностью около 500 метров.

Далее второй сифон, более чем вдвое превышающий протяженностью первый — 2550 метров! Попробуйте просто проплыть такое расстояние по открытой воде — не то что в сифоне! Подводная галерея повышается, переходит в подземный зал протяженностью 400 метров, и... снова сифон.

Вот несколько строчек из отчета Ле Гана²²³.

«27 августа: Эрик и Жером совершают ознакомительное погружение продолжительностью 12 часов на 1500 метров от входа. Характер породы не позволяет забивать крючья. Поэтому нам не удалось повесить гамаки в Первом зале за первым сифоном и организовать в нем троллей для транспортировки снаряжения. Все аппараты придется разбирать по частям, перетаскивать через глыбы и снова собирать перед вторым сифоном. Эту же операцию надо проделывать во Втором зале в 3500 метрах от входа, а длина зала — 400 метров.

Эти непредвиденные обстоятельства сильно затянут выходы.

30 августа: первый штормовой выход. Вероника и Сильвия несут контейнеры с продуктами и питьем в Первый зал — время погружения — 1 час. Через 30 минут их догоняют Эрик и Френсис, плывущие со скутерами. На доставку снаряжения за глыбовый завал Первого зала у них уходит 10 часов. В то время как девушки возвращаются обратно, мужчины погружаются во второй сифон и проходят его 2550 метров за 1 час 50 минут, оставив по пути в 2 километрах от начала сифона 4 аварийных баллона.

Короткий 3-часовой отдых во Втором зале и затем — переноска к третьему сифону снаряжения, необходимого для одиночного погружения в этот неизведанный пока сифон.

Погружение Эрика в этот сифон длится 3 часа 30 минут, из которых 30 минут — декомпрессия. Он протянул шнур на 1460 метров на глубине — 18 метров. Насколько мне известно — это самый продолжительный штормовой выход. К сожалению, галерея идет, непрерывно сужаясь.

Возвращение проходит в том же порядке, и мы встречаемся с Жеромом, который ждет в Первом зале с аварийным скафандром и снаряжением.

Выход из пещеры — 1 сентября, через 39 часов с начала работы.

14 сентября: Мы решаем повторить попытку. Та же схема прохождения. На случай отказа скутеров мы оставляем еще 2 баллона во втором сифоне и имеем 4 дополнительных баллона на третий сифон. Кроме 2000 метров шнура, я уношу в этот сифон 20 кубических метров воздуха.

Первая тысяча метров в третьем сифоне. Здесь несколько уже, чем во втором сифоне, но все еще достаточно комфортно: 8 метров в высоту, 15 метров в ширину. Но, начиная с этого места, размеры постепенно уменьшаются и, в конце концов, я дохожу до узости, перед которой приходится оставить часть снаряжения.

Прохожу еще 90 метров по извилистому ходу, максимальные размеры которого 1×2 метра и, наконец, останавливаюсь перед

²²³Ф. Ле Ган „Экспедиция Нулларбор-83“ “Spelunca” № 15, Франция, 1984 г. По материалам В. Э. Киселева в переводе А. В. Арчакова.

последней узостью, которую оцениваю как непроходимую. Поскольку у меня еще более чем на 2 часа запаса автономного плавания, я в безысходности обследую все ответвления. Это добавляет еще метров 80 длины, но продолжения нет.

На обратном пути нахожу еще одно 60-метровое ответвление во втором сифоне, заканчивающееся узостью. Общая протяженность пещеры составила, таким образом, 6090 метров, из которых 5540 метров под водой.

Выход продолжался 47 часов, из которых 3 часа ушло на сон во Втором зале. Общее расстояние, пройденное под водой 10,220 километра в сумме туда и обратно по основному ходу — представляет на сегодня новый мировой рекорд для погружения в сифонах.»²²⁴

* * *

Бесспорно, у наших западных коллег в вопросах экипировки и общей культуры работы в сифонах уровень был значительно выше. Но если у кого-нибудь сложилось впечатление, что зарубежные подводники чуть ли ни застрахованы от случайностей или не применяют рискованных способов прохождения сифонов — это далеко от истины.

Конечно, снаряжению французов, да и не только, можно позавидовать. Группа Ле Гана, например, использовала 2 подводных скутера-буксировщика с 6-часовым запасом хода каждый при скорости движения под водой 27 метров в минуту. Скутеры-буксировщики — серьезный прогресс в технике спелеоподводных исследований, при условии, что в необходимые точки сифона своевременно забрасываются аварийные баллоны, которые позволят вернуться в случае отказа скутера.

В качестве освещения каждый подводник имел 4 галогеновых прожектора мощностью 100, 50 и два по 20 ватт с двухчасовым ресурсом каждый и по 4 фонаря в несколько ватт мощностью с ресурсом в 8 часов работы. Известно — в кейвинге свет определяет половину успеха, тем более, под водой. Все аккумуляторы развешивались вокруг туловища и заменяли свинцовые грузы.

Баллоны аквалангов были изготовлены из стекловолокна и позволяли закачку воздуха („забивку“, как говорят подводники) до давления в 400 атмосфер. Обычно французы погружались с комплектом из трех 20-ти плюс двух 6-литровых баллонов на спине и двух: 6-ти и 15-литрового, баллонов на груди. Разительное отличие по ресурсам от 7-литровых по 150–200-атмосферных баллонов наших „трюльников“ и „четверюльников“!

Что же касается риска, наши коллеги — парни не менее отчаянные. Остановившую Френсиса Ле Гана узость в конце третьего сифона атаковал австралиец Хью Моррисон. Причем сделал это весьма рискованным образом. Ле Ган однозначно определил свое отношение к этому:

«... Хью удалось преодолеть остановившую меня конечную

²²⁴ По данным Атласа Курбона (Poul Courbon, "Atlas of the great caves of the world", 1989) экспедиция потратила 20 баллонов сжатого воздуха и достигла несколько больших результатов — 5540 метров под водой, что в оба конца составит более 11 километров. И пешком не очень-то пройдешь!

узость третьего сифона и пройти еще 240 метров способом, который я осуждаю и который не должен входить в практику: Моррисон двигался, толкая перед собой всего один баллон, к тому же наполовину пустой — двухбаллонный аппарат не проходил по объему. Его спутники, дожидавшиеся у входа в узость, потом рассказывали, что, слегка задержавшись на обратном пути из-за поднявшейся мути, Моррисон вышел из узости на последних глотках воздуха. Но как бы то ни было — это подвиг!»

Трудно не присоединиться к мнению выдающегося подводника. Остается только прибавить, что наибольший, пройденный пока, сплошной²²⁵ подземный сифон находится во Франции и имеет протяженность 4000 метров! Сколько же надо мужества, тактического и технического мастерства, знаний, какого снаряжения и Удачи требует преодоление 4 километров под землей и под водой? А ведь надо еще и вернуться. . .

* * *

Нам было не достать до Австралии или Флориды. А Мчишта продолжала притягивать взгляды и помыслы. Несмотря на трагический октябрь, через полгода на Черную речку прибывает новая экспедиция. На этот раз, кроме традиционной дальневосточно-сибирской команды, здесь собрались аквакейверы из Москвы, Ростова, Каунаса, Сочи, Одессы, Тбилиси. И с легкой руки Володи Киселева на Мчишту пожаловали французы²²⁶.

«Понятно, что к февральской, 1989 года, поездке мы готовились с особой тщательностью. Спелеоклубы Красноярска и Владивостока взяли на себя всю техническую под готовку. С помощью свердловского „Спелеоцентра“ были приглашены представители двух французских федераций — подводного спорта и спелеологии, изъявивших желание принять участие в этом сложном мероприятии. Четверку приглашенных составили известные французские спелеоподводники.

Клод Тулумджан из Марселя — председатель комиссии пещерных погружений Французской федерации подводного спорта, первоисследователь многих глубоких сифонов Франции, включая глубочайший сифон мира — Воклюз, куда он опускался до —153 м! Несмотря на свои 47 лет (старейший спелеоподводник Франции), Клод активен и под водой, и на суше. Знание армянского и английского языков помогало ему преодолевать языковой барьер. Впрочем, под водой этой проблемы у него не возникало.

Его коллега — Бернар Лебьян, инженер агрономического института, более известен первопрохождениями длиннейших сифонов. В его активе погружения в сифоны длиннее 2 километров и глубже 100 метров.

²²⁵Сплошной сифон — расстояние от одного воздушного пузыря до другого соседнего без возможности промежуточного всплытия.

²²⁶В. Э. Киселев „По следу ладьи“ — Вместо послесловия к книге А. Нора „Мчишта. Дневники спелеоподводника“, Издательство МФТИ, Москва, 1995 год.

Супруги Рожица и Робер Лавуанья, как и Бернар—из Дижона. Их влечет под воду Возможность фото-и кино съемок. Результатом их работы стал фильм об экспедиции. Им за сорок, но ни возраст, ни трое детей не мешают необычному увлечению. Робер—член спелеологической спасательной службы Франции. В прошлом году он выезжал на спасательные работы в пещеры-источники Польши и Марокко, вызволяя спелеологов, попавших в беду за сифонами.»

Польскому парню не повезло, даже французские спасатели уже ничего не могли сделать. А вот в Марокко была проведена блестящая спасательная акция. Когда в прошлом году в Болгарии я смотрел снятый в той марокканской пещере французами фильм, не мог отделаться от ощущения, что все это как-то не так: не по настоящему, что ли. Девять человек было отрезано паводком, впрочем, я уже упоминал об этом. Французские подводники вывели из-за сифона всех—синяя вода, несмотря на паводок—только легкая муть, контрастные костюмы, мощные баллоны, какая-то легкость во всем. Потом я понял—почему. Просто все это было так не похоже на то, что я привык видеть.

Но послушаем Владимира Киселева:

«Погружения под землей давно уже выделились в особый вид „приключенческого спорта“. Рожденное на стыке подводного спорта и спелеотуризма, это увлечение захватило приверженцев обоих видов деятельности. В ряде стран, например, во Франции и США, появились сотни любителей понырять в затопленных лабиринтах пещер с чистой и не очень холодной водой. Конечно, это относится в основном к легкодоступным пещерам-источникам. Там, где сифоны расположены далеко от входа, зачастую—на дне глубоких пропастей, дойти до них и дотащить тяжелое снаряжение способны лишь спелеологи. Первопрохождение сифонов—также в основном удел искушенных в этом спелеоподводников.

В нашей стране серьезные спелеоподводные исследования начались лишь в последние годы, хотя первые попытки погружения в сифоны совершались почти тридцать лет назад. И пусть до мировых рекордов было далеко, советские спелеоподводники смогли добиться мирового признания.

Наибольшие успехи были достигнуты в покорении сифонов, расположенных на дне глубоких пропастей. Беспрецедентным было прохождение на километровой глубине в пещере имени Владимира Илюхина двух сложных сифонов, за которыми московские спелеоподводники преодолели еще 230 метров отвесных колодцев и погрузились в следующие два протяженных сифона.»

Володя скромно умалчивает, что погружения эти делал именно он, пройдя первым все донные сифоны этой незаурядной пропасти, пока узость в конечном сифоне не заставила его остановиться. Прохождение сифонов Илюхинской было действительно достижением мирового уровня, перед которым пасовали и европейцы.

Летом того же 1989-го года бельгийские подводники, прибывшие на Кавказ для совместной с москвичами работы на продолжение Илюхинской, отступили уже перед первым сифоном на отметке –950 метров. И пришлось Владимиру Киселеву с Виктором Яшкиным вдвоем за четверых перетаскивать груз через три сифона, навешивать веревки на 230-метровую вертикальную засифонную часть и все также вдвоем предпринимать попытку штурма четвертого сифона пропасти. Не все решают снаряжение и толстый кошелек. . .

Постепенно приходило понимание как надо работать.

«Погружению под землей предшествует длительная подготовка и тренировка. В отличие от спусков в „открытой“ воде любая ошибка в сифоне может стать последней — всплыть под каменным сводом некуда. Все жизненно важные детали, такие, как баллоны, легочные автоматы, свет — дублируются. Тогда даже в случае их неисправности сохраняется шанс выжить.

Вторая неизменная деталь — ходовой конец, прокладываемый в сифоне для ориентировки: потеря ориентировки в мутной воде — вещь заурядная. Обычно подводник защелкивает на ходовом конце карабин, закрепленный либо к запястью, либо шнуром к поясу. Даже выпустив карабин из рук, его не потерять. Кроме того, в запасе имеется 20–30 метров тонкого шнура, способного соединить порванные участки.

Другие правила, выработанные спелеоподводниками методом проб и трагических ошибок, касаются освещения и запасов воздуха. В сифоне необходимо иметь три источника света, причем учитывать их герметичность в зависимости от глубины спуска.

Что же касается воздуха, то подводник, израсходовав треть всех запасов (а это можно проверить по показаниям манометров), должен вернуться (вторая треть — на возвращение), сохраняя последнюю треть как неприкосновенный резерв. В том, что это отнюдь не прихоть перестраховщиков, мне неоднократно приходилось убеждаться на собственном опыте.

Много можно поведать и об особенностях снаряжения спелеоподводников — ведь хрупкие детали аквалангов необходимо защищать от ударов о скалы, а резину гидрокостюмов — от порезов. При погружениях в ледяной воде, забиваемый в баллоны воздух проходит специальную просушку. Иначе влага может сразу же превратиться в ледяные шарики, способные испортить легочный автомат. Не случайно лучшим видом тренировки перед поездкой в сифоны считаются подледные погружения.

Множественно возрастают проблемы, когда необходимо исследовать засифонное продолжение пещеры.

Из всего перечня выпускаемого в стране подводного снаряжения, я сумел найти лишь два наименования, не претерпевших никаких изменений. Это маска (хотя и в нее многие вставляют клапан для удаления воды) и семилитровый баллон. К сожалению, все остальное приходится переделывать, чтобы обеспечить комфортную и безопасную работу в сифонах.

Каждый баллон (вентили на них приходится заменять) автономен.

Система колец-бугелей позволяет собрать от одно-до шести-баллонного аппарата. При необходимости, баллоны крепятся и на поясном ремне — это удобно при прохождении низких ходов. „Легочники“ закрепляются так, чтобы в любой момент можно было не глядя переключиться на запасной.

Во всем мире подводники пользуются фонарями с галогенными лампами. Мы же вынуждены добавлять в свои подводные фонари еще одно уплотнительное кольцо, не мечтая уже о галогенках. Вставленные в эти „железки“ импортные галогенные лампы вдвое повышали их яркость.

Уже не приходится говорить о гидрокостюмах, в которых нужно не только плавать, но и заниматься скалолазанием, продираться через „шкуродеры“, иметь возможность быстро раздеваться и одеваться.

Особые требования к ластам — их надевают на сапоги, кеды или ботинки. Даже чугунные груза — и те не удовлетворяют многих подводников, предпочитающих более компактные свинцовые.

Поэтому можно было понять наши чувства, когда мы рассматривали экипировку зарубежных коллег. Конечно, полтонны снаряжения, привезенные французами, стоят не одну тысячу долларов. Костюмы постоянного объема фирмы „Посейдон“, позволяющие быстро менять плавучесть; 18, 15, 12 и 10-литровые баллоны, каждый из которых снабжен редуктором, легочником и манометром; подводные галогенные фонари различных типов — от миниатюрных, крепящихся на каске, до мощных ручных прожекторов. Специальные электронные декомпрессиометры, автоматически просчитывающие время и глубину остановок после продолжительной работы глубоко под водой. Независимо от этого прибора — на запястье крепятся подводные часы, глубиномер и пластиковая таблица декомпрессии — все должно дублироваться. Подводные фото-и кинокамеры лишь дополняли чувство неполноценности. Завершал картину легкий бензиновый компрессор, позволяющий забивать воздух в баллоны под давлением 350 атмосфер.

Преимущество в снаряжении дает и преимущество в работе — например, для того, чтобы иметь столько же воздуха, сколько его забито в два 18-литровых баллона, надо собрать из пяти 7-литровых баллонов громоздкий аппарат с большим количеством соединений.

И все-таки не только мы учились мастерству подземных погружений. Кое-что перенимали у нас и французы.

Но вернемся к Мчиште. Медленно раскручивавшийся маховик экспедиции, начавшейся с адаптационных погружений и отсеивания менее подготовленных участников, постепенно набирал ход. За сифоном был установлен подземный лагерь на 8 человек, в который забросили продукты, топливо, вертикальное снаряжение, оборудование для топосъемки и фотографии.

После первой же ночевки пятеро спелеологов, включая Бернара, отправились к дальнему озеру. Переход туда занимает несколько часов и требует немалых усилий.

Цитирую страницы дневника.

... Красноярцы Андрей Дидух и Игорь Герасимов, первыми пронырнувшие сифон и успевшие побегать по пещере, уверяли нас, что сразу же за лагерем находится сифон. Но куда же тогда подевался добрый километр огромной галереи, нанесенный на карту год назад? Никакого промежуточного сифона не обозначено.

Ошибка выясняется быстро. В ярком свете ацетиленовых фонарей, которыми пользуются трое из вновь прибывших, сразу же обнаруживается обход глубокого сифонного озера. Карабкаемся по высокому скользкому натеку на высоту около 8 метров. Транспортные мешки поднимаем туда на веревке.

Наконец, оказываемся на узкой перемычке. Сверху поливает ручеек. Почти отвесный спуск с другой стороны натека и долгий проход по относительно узкой — всего 2–3 метра — галерее с обилием глубоких луж. Очередной водоем слишком глубок, и его приходится преодолевать вплавь. Андрей Дидух (ребята кличут его Дедом) ухитряется потерять здесь подводный фонарь и запасные батареи из развязавшегося мешка. Хорошо еще, что это не узкая ванна глубокой кальцитовый плотины, каскады которой поражают своей длиной и великолепием. Мы обходим систему природных „шлюзов“ по узким гребешкам плотин, стараясь не задевать их хрупкую оторочку.

Пересекаем мрачный обвальный зал и попадаем к 6-метровому отвесу. Прямо под ним начинается глубокое и длинное озеро. Можно прыгнуть прямо в воду, но как потом возвращаться? Те из ребят, кто был здесь ранее, ничего об этом не говорили. Ищем возможные обходы среди узких щелей — безрезультатно. Приходится заняться скалолазанием, рискуя с любой момент сорваться в холодную воду. На узкой полочке надеваем ласты — предстоит заплыв метров на 200. Кто со скальзывает, а кто и просто плюхается в воду. Андрею Скачкову приходится плыть в одной ласте — вторую потеряли при прохождении входного сифона, когда суматошный Дед решил „помочь“ слишком медленно, по его мнению, всплывавшему Бернару. Результатом „помощи“ стала утерянная ласта.

Но и Деда можно было понять — только что из-за азотного наркоза (глубинного опьянения) потерял сознание его напарник, Игорь, вдобавок перевернувшийся вверх ногами, словно поплавок. Он погружался вниз

головой и не справился вовремя с обжимом — воздух в гидрокостюме собрался в ногах. Хорошо, что рядом оказались товарищи, оказавшие помощь пострадавшему.

Как Игорь будет возвращаться? Пока мы стараемся об этом не думать.

... Плыть с мешком неудобно, но деваться некуда. Приближается спасительный берег. Вскрабкавшись по склону и преодолев очередной завал, вновь спускаемся к воде. По плану здесь должен быть огромный обвальный зал. Мы уже не знаем, по какой части пещеры идем, известной или нет. Озеро заканчивается, еще одна шестиметровая стена, небольшой проход. . . Брошенный вниз камень летит по наклонной плите и срывается в воду. Гулкое эхо — озеро глубокое.

Навешиваем веревку, и Игорь, взяв ласты и маску, спускается к воде. Хотя здесь самый пологий спуск, последний отвесный участок преодолевается с трудом. Ласты он надевает уже на плаву. Терпеливо ждем результата. Запыхавшийся Игорь краток: „Сифон!“

Озеро и впрямь выглядит безнадежно, хотя мозг отказывается верить в такой простой конец экспедиции. Пытаемся проверить все варианты возможного обхода этого серьезного препятствия. Сложное скалолазание по заглиненным склонам уводит нас под самый свод высокого зала. Почти по периметру пересекаем нависающие над озером стены, рискуя сорваться с высоты в глубокую воду, обнаруживаем проход в тот самый обвальный зал. Все бесполезно. . .

Здесь нужен акваланг. Сумеем ли мы доставить сюда громоздкое подводное снаряжение? Ведь дополнительные баллоны еще нужно протащить через входной сифон. Подавив в себе разочарование от упущенной легкой победы, принимаемся за работу. Предстоит картировать еще неотснятые галереи, обследовать боковые притоки.

Несмотря на неудачу, мы не пали духом. Все шло своим чередом — топо-и фотосъемка, утомительные поиски новых ходов, требующие немалого мастерства в скалолазании.

Экспедиция развивалась как бы в двух измерениях — подземном и наземном, связанных между собою лишь тонким проводом телефона. Преодолев сифон, можно было всего за 40–50 минут переместиться под надежный каменный свод, на несколько дней погрузиться в царство мрака и водопадов.

На поверхности шла своя размеренная работа. Монотонный гул компрессоров, забивающих воздух, разбитая тропа от гостеприимного форелевого хозяйства,

где разместились наша база, до источника, вечно сну-ющие по ней спелеологи...

Ежедневные тренировочные погружения для тех, кто еще не очень искушен в спелеоподводном деле. Параллельно велась заброска необходимых грузов за сифон. И выполнение одной из главных задач экспедиции — обследование сифона.

Несколько лет назад, во время окрашивания подземной реки в пещере Снежная, расположенной на другом конце хребта, краситель, неожиданно для многих²²⁷, появился в Мчиште. Это свидетельствовало о существовании огромной подводной галереи длиной в 13–15 километров, проходящей ниже соседних ручьев и рек.

Нащупать начало этой галереи удалось в октябре, во время поисков пострадавшего²²⁸. Более теплая и мутная вода подсказывала, что этот подводный ход ведет к совсем другой гидросистеме. Его обследованием занялись самые опытные — Клод Тулумджан и Петр Миненков. Два дня ушло на поиски начала галереи. Наконец, со дна сифона в ее сторону потянулся тонкий капроновый шнур.

Но каждое погружение давалось все труднее — ход, начавшийся на –26 метрах, уводил все глубже и кончался отвесным подводным колодцем. В последний день экспедиции Клод поставил рекорд спуска в сифонах СССР: –65 метров, но так и не дошел до дна...

Это был последний аккорд в экспедиционной сюите, которому предшествовали два других события.

За день до того отличилась пещерная команда, которая организовала погружения в дальнем сифоне. Представленная в основном красноярцами, она сумела показать высокий класс подготовки сибиряков. Андрею Скачкову пришлось опуститься до глубины –48 метров, прежде чем он обнаружил перегиб свода. Чтобы всплыть с другой стороны этого сложного сифона, требовался слишком большой запас воздуха.

В соседнем озере была обследована наклонная подводная галерея, где служивший ходовым концом провод кончился на –25 метрах...

„Поверхностная“ группа в это время совершала запланированный визит в Новофонскую пещеру, где по договоренности с дирекцией намечались погружения в подземные озера близ туристской трассы. Здесь Бернар Лебьян сделал то, что не удавалось никому

²²⁷ „Для многих“ — это мягко сказано. Я бы сказал — для всех. Помню, какие квадратные глаза были у инициатора этого окрашивания Володи Резвана, когда он узнал результаты обработки расставленных в источниках ловушек!

²²⁸ П. Миненков, после гибели в сифоне А. Кашлева.

за 27 лет исследования этой замечательной пещеры. Впервые соединив подводной галереей два известных озера, Бернар решил более детально просмотреть дно одного из них. Результат не замедлил сказаться: стометровая подводная галерея на глубине —20 метров вывела его в огромный подводный зал, где удалось опуститься до —35 метров. Эта точка находится на уровне моря. Луч несомого Бернаром мощного прожектора не достигал ни стен, ни дна гигантского сифона.

Приходится признать, что за время экспедиции мы поставили перед собой больше вопросов, чем решили. Но мы не в обиде на судьбу— легкие победы не в цене. Табличка над сифоном и опущенный в воду букет фиалок напоминают нам о Саше Кашлеве из Владивостока, цене беспечности и хрупкости нашего бытия.

И все же мы вернемся сюда. . . »

* * *

В отечественном аквакейвинге не очень-то принято работать в сифонах в одиночку. Не любили у нас одиночек, чего бы это ни касалось. Однако, чем выше оказывалась сложность предстоящего, тем более соблазнительным казалось отправиться в путь одному. Все соображения о необходимости подстраховки и взаимопомощи разбивались о простой, как все истинное, закон: надежность всякой системы убывает с увеличением числа ее звеньев и составных частей.

Балансируя между патологическим страхом одиночества и наслаждением, порожденным отсутствием необходимости заботиться и волноваться о ком-либо, рассчитывать ходы и их последствия за кого-то, кроме самого себя, мы неизбежно приходим со временем к пониманию того, что существует альтернатива коллективистскому подходу к экстремальным видам деятельности — таким как скалолазание, альпинизм, кейвинг и, конечно, спелеоподводные погружения.

Так что, читая правила, не будем забывать, что существуют и другие мнения на этот счет. Прежде всего, у Йохена Хазенмайера, предпочитающего исключительно одиночное плавание.

«... Я ныряю, чтобы перейти границы, отыскать пути в неизведанное. Меня привлекает то, что кажется опасным, но риск можно свести к минимуму с помощью знаний и техники. Хладнокровие также помогает преодолевать экстремальные ситуации.

Под водой я всегда один — и сознательно.

Правилами спортивных погружений это запрещается. Такой подход оправдан для открытых водоемов, где аквалангисты могут при необходимости помочь друг другу и где поблизости поверхность воды. Однако в пещере эти правила не срабатывают. Здесь каждый подводник неизбежно крутится среди грязи и ила, его взгляд часами ограничен несколькими сантиметрами.

Если на пути вперед перед ним еще чистая вода, то возвращение всегда происходит на ощупь. Путь из пещеры в этом случае определяется только по ходовому концу из стального троса, проложенному при первопрохождении. На нем через каждые 10 метров имеются маркировочные флажки и маленькая стрелка, указывающая направление выхода из пещеры. При постоянном ощупывании этой „нити Ариадны“, при прохождении узких скальных проходов и при неизбежной постоянной проверке собственного снаряжения, невозможно помочь другому человеку. Нужно рассчитывать только на себя.

В октябре 1983 года во входной части „Голубой пещеры“ погибли два молодых подводника, которые как предполагают, потеряли ходовой конец и после этого растерялись, запаниковали, хотя их запас воздуха был мало израсходован.

В сифоне очень просто прийти к ситуации, при которой может возникнуть паническая реакция. В мутном илистом бульоне, где пузыри выдыхаемого воздуха увлекаются потоком, можно потерять душевное равновесие и сорваться. Поток адреналина учащает сердечные сокращения, дыхание также учащается. Но легочный автомат подает слишком мало воздуха. Тогда ты начинаешь верить в то, что задыхаешься, и новый адреналиновый толчок еще сильнее закручивает спираль смерти.

Следовательно, необходимо вовремя распознать предпосылки такой „сифонной паники“. Когда я попадаю в ситуацию, в которой чувство страха грозит затопить мой разум и четко определенную программу действий, я ложусь на дно. Я убеждаю себя, что в баллонах достаточно воздуха, и успокаиваюсь. На помощь мне приходит многолетний опыт и многократно проверенное снаряжение, с помощью которого я надеюсь преодолеть все мыслимые опасности.»²²⁹

Думаю, что с мнением Йохена нельзя не считаться. Тем более что всякий аквакейвер рано или поздно попадает в переделку, в которой проверяются все резервы его опыта и самообладания. Если уж сам Хазенмайер, и тот не избежал поистине отчаянных ситуаций.

«... Хазенмайеру, у которого были баллоны большей вместимости, предстояло идти первым, за ним следом должны были нырять Оливер Статам и Джеф Йидон²³⁰. На поверхности шли сильные дожди, видимость была отвратительной — не дальше вытянутой руки. Йохен очень энергично доплыл до конца страховочной веревки, а затем двинулся дальше, нащупывая дорогу вдоль пола пещеры. Во время предыдущей попытки Джеф угодил здесь в тупик. Йохен чувствовал, что там должен быть

²²⁹Й. Хазенмайер „Тайна Блауткопфа“ 1986 г. по материалам В.Э. Киселева в переводе А.В. Арчакова.

²³⁰Крис Бонингтон „В поисках приключений“ — „Рукопожатие мертвеца“, „Прогресс“, Москва, 1987 год. Приводя подобные цитаты, постоянно наталкиваюсь на недостатки перевода, часто приводящие к трудностям в восприятии непосвященными некоторых существенных деталей. Поэтому беру на себя смелость уточнять перевод прямо по тексту.

проход, ведущий влево, однако натолкнулся на узкую трещину шириной всего сорок пять сантиметров. Большие баллоны Йохена располагались у него на спине, и это сильно мешало ему. Протискиваться сквозь такие узкие участки было опасно, поскольку в случае аварии там нельзя было осмотреть неисправность или сделать это хотя бы на ощупь. И все же он умудрился, как червь, проползти через это сужение и увидел, что дальше проход расширяется, но потолок становится еще ниже.

Вытравливая страховку, Йохен протиснулся дальше. Когда страховочная веревка кончилась, он, закрепив ее, пошел обратно. Но, двигаясь сюда, Йохен допустил ту же ошибку, что и Джеф во время своего первого спуска в пещеру Борхем, — не закреплял веревку в тех местах, где она огибала выступы стен. Протягивая за собой „ходовик“, он невольно втянул веревку в более узкие и низкие места, где двигаться было значительно труднее, а то и попросту невозможно. Из-за этого, повернув назад, Йохен попал в очень непростое положение. В такой ситуации нетрудно потерять ориентацию. Йохен находился более чем в 914 метрах от входа почти в полном отсутствии видимости. Чем больше усилий он прилагал для поиска пути, чем энергичней проталкивался вперед, тем больше мути поднималось со дна, пока видимость не сократилась вообще до нескольких сантиметров.

Оливер Статам пустился в путь через три четверти часа после Йохена и следовал по веревке до места сужения прохода. Один баллон с воздухом был у него на спине, два других — по бокам. Это означало, что его габариты оказались еще больше, чем у Йохена, и протиснуться здесь он практически не мог, поскольку к тому же и сам был крупного телосложения. Оливер почти израсходовал треть воздуха и поэтому, страшно обеспокоенный, начал пробираться назад по веревке навстречу Джефу, который стартовал еще через три четверти часа после него.

Вот что рассказал Джеф Йидон: „Я столкнулся с Медведем, пройдя примерно 900 метров: он возвращался. Я тут же почувствовал неладное, потому что первым должен был появиться Йохен. Затем Медведь написал ужасные слова на моей доске: «900 метров. Маленький на спине, большие на боках (это означало, что его баллоны были закреплены на спине и боках). Йохена не видно. Беда?!!»

Я ответил: «Пойду посмотрю, потом вернусь».

Джеф доплыл вдоль страховки до места сужения прохода. Вглядевшись во мрак, он так ничего и не увидел. Перед Джефом стояла та же проблема, что и перед Оливером, — его баллоны тоже размещались на спине и по бокам. Он решил ждать, пока не израсходует треть воздуха. Вокруг была холодная мутная вода, беспокойство Джефа нарастало, потому что Йохен находился под водой уже на час дольше него, и, несмотря на большую вместимость баллонов, наверное, был близок к тому, чтобы израсходовать резервный запас воздуха. Джефа терзали противоречивые чувства, он очень хотел предпринять хоть что-

нибудь и помочь товарищу, но сам находился в беспомощном положении. По-видимому, ему предстояло бросить товарища в беде.

Джеф почти израсходовал допустимый запас воздуха и, скрипя сердце, собирался было возвращаться, когда почувствовал, что страховочная веревка в его руке дрогнула. Йохен был где-то рядом. Джеф потянул за веревку, чтобы дать знать Йохену, что тот не один, а затем, извиваясь всем телом, все же протиснулся сквозь узкую щель и вскоре увидел тусклое сияние налобного фонаря Йохена в каких-то полутора метрах от себя. Однако на дне прохода между ними было нечто вроде песчаного наноса, который почти доходил до потолка, оставляя лишь узкую щель высотой всего в несколько сантиметров. Йохен не видел огня Джефа и пробивался куда-то в другом месте. Между ними не было связи. Вероятно, Йохен даже не понял, отчего дергается „ходовик“. Это вполне могло означать, что кто-то из его товарищей тоже застрял.

И вдруг огонек Йохена исчез. Очевидно, он „дал задний ход“ и, пытаясь выбраться из западни, начал протискиваться через другой ход.

Джеф ничего не мог поделать. Иных способов привлечь внимание Йохена не было. Джеф не осмеливался двигаться дальше сквозь сужение, потому что это означало бы полную невозможность отступления с его баллонами на спине и по бокам. Страховка теперь окончательно запуталась. Выбраться обратно, даже извиваясь всем телом, было довольно трудно. Всякий раз, когда его заклинивало, казалось, что это навсегда. Однако Джеф взял себя в руки, умерил дыхание, немного подался вперед, снова начал извиваться всем телом, на этот раз очень осторожно, и все-таки выбрался из щели.

Он взглянул на манометры и увидел, что расходует вторую треть воздуха. Однако теперь ситуация изменилась. Йохен находился рядом и нуждался в немедленной помощи. Веревка дернулась снова. Джеф снова протиснулся вперед и опять увидел огонек Йохена. Однако тот по-прежнему не смотрел в его сторону.

Джеф отступил. Он расходовал воздух слишком быстро — сказывалось нервное напряжение, а также глубина — восемнадцать метров ниже уровня воды на поверхности, отчего расход воздуха был в три раза выше нормального. Огонек Йохена продолжал мерцать — на этот раз сквозь какую-то дыру, слишком узкую для того, чтобы кто-нибудь вообще смог протиснуться сквозь нее.

Наконец Йохен заметил огонек Джефа и поплыл к нему. Оба аквалангиста оказались совсем рядом. Джеф протянул руку, и Йохен ухватился за нее.

Вот что рассказал Джеф: „Я почувствовал, как дрожат его пальцы и вся рука, когда он схватил мою руку, и невольно подумал, что мне делать, если он так и не отпустит ее. Я постарался умерить дрожь в собственной руке, чтобы показать товарищу,

что у меня все в порядке и я нахожусь в хорошем месте. Я хотел, чтобы Йохен повернул назад и сделал другую попытку найти правильный путь, но у меня не было средств для того, чтобы сообщить ему это. Он все сжимал и сжимал мою руку, и я отвечал тем же, чтобы вселить в него уверенность. Затем он похлопал меня по руке и отошел задним ходом. Я принял это за знак капитана Оатса, который удаляется и приказывает мне спасаться самому, пока не поздно. Возможно, он просто хотел дать знать, что собирается предпринять другую попытку. В тот миг я был уверен, что пожимаю руку мертвецу“.

К этому времени Джеф уже всю расхододал вторую треть воздуха, однако упорно дежурил около сужения, посвечивая туда своим фонарем, отчаянно надеясь, что Йохен все же нащупает правильный путь. И это ему действительно удалось. Йохен обогнул песчаный нанос и, продолжая держаться за страховочную веревку, умудрился протиснуться сквозь неудобный „шкуродер“, ведущий к спасению.

Когда появился Йохен, Джеф из осторожности держался у потолка прохода. Он наслышался рассказов об аквалангистах в Австралии и Флориде, которые, израсходовав свой запас воздуха, напали на своих же товарищей, с отчаяния пытаясь отнять у них баллон с воздухом в борьбе за жизнь.

„Я не знал Йохена достаточно хорошо и поэтому решил отойти подальше. Я держался за страховку, чтобы он мог отыскать меня, и был в состоянии видеть, как ужасно он выглядел, когда выбрался из дыры“.

На самом деле у Йохена все еще был воздух. Один баллон был почти пуст, во втором оставалось чуть больше. Йохен так и не показал никому, сколько воздуха у него оставалось, возможно, чтобы не волновать жену, которая ожидала его у входа в пещеру. Йохен не захотел говорить о том, что он передумал, когда оказался в западне по другую сторону сифона в месте, получившем название „Рукопожатие мертвеца“. Единственное, в чем он признался — все это было кошмаром.

Он выжил только благодаря чрезвычайно высокому уровню самоконтроля и уже спустя несколько часов после выхода на поверхность планировал вернуться сюда и рассуждал о том, как обезопасить преодоление того прохода с помощью закрепления страховки, использования более вместительных воздушных баллонов и изменения способа их транспортировки.»

* * *

Сколько раз после очередной нервной встряски мы обещаем себе — больше никогда?.. Многие выдающиеся любители экстремальных видов деятельности могут вспомнить мгновения, от которых леденеют ладони. Интересно, какова должна быть „доза страха“, его концентрация, чтобы заставить нас отказаться от задуманного? И — тем более — оставить любимое дело? Вот очень яркие строчки выдающегося альпиниста Рейнхольда

Месснера²³¹:

«Вдруг снег обрушивается подо мной, мой налобный фонарик гаснет. В отчаянии пытаюсь зацепиться. Напрасно. Проходят первые ужасные секунды. Совершенно темно, но мне кажется, что я все вижу: сначала кристаллы снега, потом сине-зеленый лед.

„У меня нет на ногах кошек“, — проносится в мозгу. Я понимаю, что происходит, и, тем не менее, остаюсь совершенно спокоен. Я падаю в пропасть, нахожусь в процессе падения, как в замедленном кино, ударяюсь то грудью, то спиной о стенки ледовой трещины, расширяющейся книзу.

Чувство времени утрачено, а заодно и чувство глубины падения. Сколько это продолжается: секунды, минуты? Я совершенно невесомый, поток тепла пронизывает мое тело.

Вдруг ощущаю опору под ногами. И одновременно понимаю, что я попался. Пожалуй, я останусь в этой трещине навсегда. Холодный пот выступает у меня на лбу. Вот когда я испугался. Первая мысль: „Если бы у меня была рация, я мог бы вызвать Нену“. Может быть, она услышала бы меня. Но смогла бы она подняться на эти 500 метров, чтобы спустить мне в трещину веревку? Я ведь совершенно сознательно решился на одиночное восхождение без рации, и это не один раз обсуждалось перед выходом.

Ощупываю налобный фонарик, и вдруг становится светло — зажегся! Облегченно вздыхаю, но при этом не решаюсь шевельнуться. То, на чем я держусь, тоже не очень прочное. Тонкий, просвечивающийся снежный пласт ненадежно висит между двумя стенками трещины. Задираю голову вверх и всего лишь в восьми метрах вижу дыру, в которую я провалился. С черного кусочка неба на меня смотрят несколько далеких-далеких звездочек. Ужас исходит из всех моих пор, пронизывает мое тело своим дыханием, таким же ледяным, как эти отсвечивающие сине-зеленым цветом стены трещины.

Так как трещина наискось сужается кверху, у меня нет никаких шансов выбраться из нее. С помощью налобного фонарика я пытаюсь осветить дно трещины: дна не видно. Черные дыры зияют слева и справа. Снежничек, задержавший мое падение, — величиной с квадратный метр. Я покрываюсь гусиной кожей и дрожу всем телом.

Однако реакции моего тела резко противоречат спокойствию рассудка: мозг не боится нового падения в бесконечную глубину, он хочет только окончания, освобождения от всего этого. Но в то же время есть и надежда: авось все-таки выберусь.

Я впервые переживаю страх как физический рефлекс, без психического давления. Все мысли сосредоточились на одной проблеме: выбраться наружу. Эверест перестал существовать. Чувствую себя неповинным в этом пленении. Это искреннее

²³¹ Райнхольд Месснер „Хрустальный горизонт“, „Планета“, Москва, 1990.

чувство невинности необъяснимо, но я не упрекаю, не ругаю себя. Что уготовила мне судьба на этот раз, я не знаю. Я даю себе слово повернуть назад, если когда-нибудь увижу белый свет. Никаких больше восьмитысячников в одиночку!

Выступивший от страха пот замерз в волосах и на бороде. А между тем страх, сковавший мои члены, тут же исчез, как только я начал действовать, пытаюсь достать кошки из рюкзака. Каждое движение грозит дальнейшим падением в бездонную пропасть, кажется, что снег медленно сползает вниз. Тут я обнаруживаю на долинной²³² стенке моей трещины полочку, небольшую кромку шириной в две ступни. Она ведет по косой вверх и полностью забита снегом. Это спасение!

Осторожно, широко расставив руки, я падаю руками на прорезанную полочкой стенку. Какое-то мгновение мое тело представляет собой дугу между снежной пробкой и слегка нависающей стенкой надо мной. Осторожно переносу правую ногу, ставлю ее на ступеньку в снег, который карнизом намерз на нижней, долинной стенке трещины. Нагружаю ногу. Держит. Теперь ненадежный мостик частично разгружен.

Каждое мое движение инстинктивно изящно, как фигура заученного танца. Пытаюсь уменьшить вес своего тела. Глубокий выдох, все тело подчинено новой позиции. На мгновение, на одно решающее для жизни мгновение становлюсь невесомым. Отталкиваюсь левой ногой от снежного мостика, руками поддерживаю равновесие, весь вес тела на правой ноге. Теперь можно сделать шаг левой. Облегченный вздох.

Крайне осторожно перехожу — лицом к стене — направо. Правая нога ищет новую опору в снегу, левый ботинок с точностью до миллиметра поставлен в снежный след, который несколько секунд перед этим занимал правый. Карниз становится шире, он ведет по косой наверх, на волю. Я спасен!

Через несколько минут я уже наверху, ниже трещины, но в безопасности. Я как будто заново родился на свет. Я стою здесь с рюкзаком на спине, с ледорубом в руках, как будто ничего и не было.

Сидя в трещине, я решил, что вернусь, прекращу восхождение, если благополучно выберусь. Теперь, когда я наверху, — продолжаю подъем, не задумываясь, ничего не проводя через сознание, как робот, запрограммированный на восхождение.

Первые лучи солнца осветили Северное седло. Смотрю на часы: около семи. Сколько же я пробыл в трещине? Не знаю. Это событие уже улетучилось из моего сознания. Свою клятву спуститься я не воспринимаю всерьез, не думаю, как мне удалось себя обмануть. Я решительно иду вдоль нижнего края трещины, полностью сосредоточившись на вершине.

Это смертельно опасное падение не имеет для меня ничего общего с Эверестом. Оно лишь увеличило мою бдительность до

²³² Долинная стенка, долинная нога и т. д. — для альпинистов это тот из двух предметов, который находится ниже по склону.

размеров, далеко превосходящих разумную норму.»

Всегда ли оправдан риск? И риск ли это? Все относительно. На мой взгляд — риск, на Ваш — безумие, а по мнению того же Хью Моррисона — нормальная работа в сифоне.

Все зависит от самочувствия и самооценки исполнителя. Изнутри виднее... Если, конечно, Вы исполнитель высшего класса. На более низком уровне такие логические цепочки губительны.

Признайтесь, вертится в мыслях и на языке вопрос: „А зачем все это?“

Действительно, к чему этот риск и трагедии, когда можно спокойно жить в привычно очерченном кругу? „Лучше иметь живых врагов, чем мертвых друзей...“

Кто категоричен, тот не прав. Кто тороплив, тот не найдет истины. Не ответит однозначно на эти вопросы. Ясно одно: пока живо человечество — кто-то всегда будет стремиться к неизвестности, за видимый горизонт.

Писатели-фантасты давно перешагнули границы нашей Земли. Придет время, когда и это станет реальностью. Все, что можно вообразить — может, таким образом, существовать.

Кейвинг, тем более подводный, для большинства живущих на земле — тоже фантастика. Но в отличие от книжной — это фантастика современная и весьма осязаемая.

Каждый из нас, кейвер-вертикальщик или спелеоподводник, живет в этом ирреальном мире и находит в нем свое: в меру своих увлечений, притязаний, характера, темперамента и жизненной философии. И каждый решает за себя — идти ли на отвес или в сифон. Потому что никто не сможет сделать выбор за нас, не прибегая к насилию. А насилие — самая отвратительная вещь в мире. Даже если насилие — „во благо“...

* * *

Заглянем же еще раз глазами Йохена Хазенмайера в глубину Блаукопфа, прочувствуем тот звездный час, когда многолетние усилия вдруг приводят к успеху. Мгновения — цена которых не измерима золотом. В этом чудовищном мире, где весом золота, кажется, измеряется все...

Хазенмайер начал свои исследования в источнике „Голубое озеро“ в 1969 году. Год за годом он совершенствовал свое снаряжение и совершенствовался сам, вновь и вновь возвращаясь к тайнам Блаукопфа. История его исследований — готовый материал для отдельной захватывающей книги. Вечно один, паря в черных безднах гигантской пещеры, Хазенмайер с каждым годом продвигался все глубже. И появлялись на карте никем никогда не виданной пещеры манящие названия: „Двойные ворота“, „Облачный зал“, „Тысячметровый риф“...

И только через шесть лет настал этот миг! Пройдя около 1300 метров подводных лабиринтов, Хазенмайер вышел в долгожданный незатопленный зал.

«4 ноября 1985 года... через 2 часа после начала погружения мне удалось достичь последней исследованной точки. Час заняла съемка фильма. Я припарковал скутер к ходовому

концу 83-го года и привязал к нему новый провод. Камера, которую я тянул за собой, фиксировала осторожные гребки ласт, атакующие неизвестную часть пещеры. Отвесные стены разрушены и окрашены в темно-красный и черный цвета. Через 80 метров свод пошел вверх. Скальный барьер оставил свободной лишь узкую лазейку. Покрытый осадками пол приподнялся и стал уже. Замечаю в глубине расширение. Под водой вижу натеки. Опыт подсказывал, что незатопленные пещерные залы должны находиться поблизости.

Киносветом я прослеживаю выдыхаемые и поднимающиеся пузырьки воздуха. Они исчезают на серебристой поверхности — зеркале озера. Надо мной находится первый воздушный зал „Голубой пещеры“. Мне не терпится узнать, какой он величины, но я должен выждать. Крови и тканям требуется время, чтобы вывести растворенный в них под давлением глубины азот. При быстром всплытии в тканях могут образоваться газовые пузырьки. Поэтому я следую предписаниям, выданным мне двумя моими декомпрессионными компьютерами: 15 минут задержки на глубине 6 метров и еще 50 минут на 3-метровой глубине.

А пока рассматриваю великолепные украшения на стенах. Все эти натеки созданы водой и затоплены руками людей. Они скрылись под водой после создания плотины, образовавшей „Голубое озеро“. После этого уровень воды в пещере поднялся на 7 метров.

Через некоторое время наталкиваюсь на толстые „барабанные“ остатки натеков, торчащие с пола. Это говорит о том, что при падении содержащие кальцит водяные капли сильно разбрызгивались от удара — убедительное свидетельство большой высоты зала, который меня ожидает.

Наконец, красные лампочки компьютеров погасли. Всплываю. Свет скользит вдоль длинного озера и падает на высокие натечные каскады. Надо мной смыкается огромный скальный собор. Причудливые натечные фигуры проступают из темноты пещерной ночи. Я решаю, что зал должен называться „Гротом Мёрики“, по имени швабского поэта, которому мы обязаны „Историей прекрасной Лау“ — об изгнанной из устья Дуная в Голубое озеро русалке. Нагруженный тяжелыми салазками с фото и кинокамерой, с трудом всплываю, чтобы заснять свои первые впечатления. Однако для хорошей съемки необходим плот.

Через несколько дней мне удалось благополучно доставить упакованный плот в „Грот Мёрики“. Через час все готово для съемки, но ничего не получается. Я вдруг обнаруживаю, что на аппарате установлено расстояние 20 см, но мне не удается открыть в пещере водонепроницаемый футляр.

„Как это могло произойти?“ — спрашиваю сам себя.

Вывод один — ошибки не повышают безопасность.

Три недели спустя, во время третьего посещения, я провел в „Гроте Мёрики“ 11 часов. Я, наконец, смог произвести съемку фильма и сделал цветные снимки. Только теперь я увидел все великолепие и величину этого зала: 120 метров в длину и

до 25 метров ширины. Он вздымался на 30 метров над зеркалом воды — высота 10-этажного дома — пожалуй, неплохо для свисающих низко натеков.

Так на глубине 140–170 метров от поверхности земли я открыл самое большое из известных немецких пещерных озер и самый большой из известных пещерных залов Швабско-Франконского Альба — часть огромной пещерной системы, из которой очевидно, мы знаем только начало. Все говорит о том, что за „Гротом Мёрики“ находятся и другие залы, может быть, еще бóльшие. Уже в этом году я хочу проникнуть дальше вглубь горы.»

Они снова манят нас, неизвестные продолжения, неоткрытые пещеры и пропасти.

Открывая их, мы познаем себя. Семь футов под ластами, Рыбы!

8.4. Памяти Друга

«Жил-был странник. Он обошел всю Землю — в стоптанных башмаках, с киноаппаратом на ремне. Он пил ледяную воду из горных ручьев, просеивал сквозь пальцы жгучий песок Сахары, охотился на кальмаров в подводных лесах Фиджи²³³.

Ему было мало. Что он видел — одну планету из мириад, заселяющих Космос!

И странник ушел к звездам. Так и ушел — в стоптанных ботинках, с неизменным киноаппаратом. Серебристая лунная дорожка повела его в путь без возврата. Он шел, и звезды улыбались ему, планеты давали ему приют, и впереди его ждали неисчислимые и невероятные приключения.

Потому что был он — Странник.

Станный человек, непохожий на других. . . »

Я тупо смотрел на только вытасщенные из конверта печатные листы. Письмо пришло от Гриши Сигалова, одного из лидеров спелеологов новой волны МФТИ (Московского Физико-Технического Института). Собственно, тогда мы и не были знакомы. Просто однажды таким же вечером я вскрыл такой же точно конверт.

«Уважаемый Константин Борисович!

Наш общий знакомый рекомендовал мне Вас как крупнейшего в СССР специалиста по СРТ. . . В. Киселев посоветовал обратиться к Вам с просьбой написать предисловие. . .

О Вашем согласии прошу сообщить мне или Володе — с ним я поддерживаю постоянную связь. . . Григорий Сигалов.»

Если Володя намекал, что кому-то стоит помочь, значит, это действительно имело смысл. Бабочки-одндневки от спелеологии в число его интересов не попадали. Не только новые пещеры — с каким-то удивительным

²³³ „Вестник спелеоклуба «Барьер», МФТИ, Специальный выпуск от 15 марта 95 г., Москва.

чутьем Киселев находил и старался поддержать людей, действительно заинтересованных в Деле.

Теперь Гриша прислал очередной, мартовский, „Вестник“, и я тупо смотрю на его первый лист, на фотографию в черной рамке. С нее смотрит куда-то, в освещенную карбидкой даль, до обыденности знакомый мне человек в ребристой дюралевой каске „Абакан-строй“.

... Такие каски только у мэтров и остались. Мою подарил мне Рустик Хамитов, я храню ее и сейчас, так сказать, через каску приобщившись к компании „старожилов“...

И вот смотрю на черные строчки, и чувствую, что буквы начинают неудержимую пляску перед глазами:

«Это не должно было случиться. Это не могло случиться с Володей. Он посвятил всю жизнь, без остатка, исследованию пещер. Он был естественным в пещерной среде, он никогда не сражался с пещерой. Увы... это случилось.

Володя Киселев был ненасытным, неутомимым первопроходцем, Исследователем пещер. Спелеолог высочайшей квалификации. В технике, в документации, во всем, за что он брался в своей спелеологической деятельности.

Мне посчастливилось очень много работать с Володей в самых разных пещерах: у меня никогда не было под землей партнера более надежного и интересного, чем он.

У Володи было огромное множество друзей и в родных пенах, и в десятках стран на всех континентах. Для всех нас его гибель — тяжелейшее известие, невозполнимая утрата. Он был, и он останется навсегда — Великим Спелеологом и Другом.»

Александр Климчук

Это Клим, Климчук, Саша... Как же так? Этого не может быть...

«Погиб Володя Киселев. Не может быть.

Это может быть с любым из спелеологов, но не может быть с Володей. Как?..

Сколько пещер и сифонов он прошел, не сможет сразу перечислить никто. И прошел первым. Володя — первопроходец-лидер. Он был мотором, тараном, который протацил наши экспедиции в системе Илюхина через километры ходов и четыре сифона до глубины 1220 метров. Он один первым прошел столько пещер и сифонов, сколько хватит на несколько неслабых клубов.

Володя вывел нас в международный спелеологический мир. Для многих европейских и американских спелеологов русский спелеолог — это Владимир Киселев.

Я не могу представить себе Володю без спелеологии.

Я не могу представить себе спелеологию без Володи.»

Михаил Дякин

Мишка Дякин... Значит, правда. Как? Когда? Где?... Черт! Да что же это делается? Невозможно...

«8 марта 1995 года при первопрохождении сифона в пещере ЖВ-52 (Пинега, Архангельская область) трагически погиб выдающийся российский спелеолог Владимир Киселев²³⁴.

Всю свою жизнь Владимир посвятил исследованию пещер. Он прошел сотни подземных полостей, многие из них первым. Его по праву считали пионером, первопроходцем, лидером отечественной спелеологии.

Владимир Киселев имел громадный авторитет и известность во всем мире. Он многие годы представлял отечественную спелеологию за рубежом, был членом десятков обществ и клубов, в том числе старейшего „Клуба Великих Путешественников“ из Нью-Йорка.

Гибель выдающегося исследователя потрясла всех. Десятками факсов, телеграмм, телефонных звонков отозвалась планета: Россия, Прибалтика, Украина, США, Великобритания, Франция, Ирландия. . .

Те, кто смог, собрались со всех концов страны, чтобы проводить в последний путь своего друга, учителя, соратника.

Память о великом Человеке, Спелеологе и Друге навсегда останется в наших сердцах.»

Редколлегия

Словно паралитик, хочу, но никак не могу сообразить, как узнать у компьютера текущую дату. Наконец, втыкаю первый попавшийся текстовый файл в „Лексикон“ и вижу в уголке: „19 апреля“. Е-мое, полтора месяца прошло, а я ничего не знал.

Надо что-то делать, что-то написать. . . Но что теперь толку? И ложатся на бумагу беспомощные строчки:

Друзья уходят навсегда в сифоны,
А мы о том не сразу узнаем. . .

. . . Машинально перелистываю странички „Вестника“, каждая буква корчится в бесшумном плаче.

«Мозг пробило вестью сумасшедшей,
сердце екнуло и оборвалось вниз.
Я себя почувствовал сошедшим
на некрепкий ледяной карниз. . .

Как же так, Володя, что случилось?!
Ты ведь застрахован был от бед.
Неужели это не приснилось?
Бред. . .²³⁵

Страшно, когда уходит близкий человек. Невыразимое горе комкает разум, тупой болью отдаваясь в сердце. . .

Многократно страшнее слышать о гибели Володи Киселева. Учитель и друг, он был для нас символом надежности и рассудительности. Почва уходит из-под ног, рушатся все устои, все

²³⁴ Некролог в книге А. Нора „Мчишта. Дневники спелеоподводника“.

²³⁵ „Вестник спелеоклуба «Барьер», МФТИ, Специальный выпуск от 15 марта 1985 года, стихи и посвящение К. Дубровский.

опоры. Как жить дальше, если более выносливый и сильный, более опытный и мудрый оказывается простым смертным перед непоколебимым ходом времени, случая, событий? Он ушел из жизни, унеся с собой кусок нашего мира, может быть, самый ценный и важный. . . Но надо жить. Во имя памяти о Володе. И не просто так, а стремясь идти первым, прокладывая путеводную нить и ведя за собой других. Как он. . .»

* * *

Я все умом, конечно, понимаю. . .
Я вчитываюсь в эти злые строки
И будто бы полтонны поднимаю
Куда-то вверх, к невидимым истокам.
А мы не так уж часто и встречались. . .
Мы шли вперед, и время вскачь летело.
Мы жили так.
И лет не замечали, как будто бы. . .
Да разве в этом дело!
Но мы встречались — что за были встречи!
Московских клубов дымные пределы,
Кавказ и Крым, весь мир тобой отмечен,
Арабика. . .
Да разве в этом дело?
Ручейная. . .
Я помню, под колодцем
Ты Галича мне пел в карбидном свете,
Шумел каскад водищею холодной,
И шли спасы. . .
Да разве дело в этом!
Хранят бумаги почерк твой знакомый,
Хранят пещеры след твоих скитаний,
И память подступает к горлу комом,
Вот ты ушел. . . а в памяти остались:
Бока баллонов желтые на черном,
И Гантиадский привкус „Изабеллы“,
Бахчисарай, Сухуми, Киев. . .
Наши споры,
Ленинакан. . .
Да только ль в этом дело?
Форель на Мчиште, мутные сифоны,
И майских буков тонкий запах прели —
Остались дни прошедшие на фото:
Как много сделано, а сколько не успели!..
В который раз смотрю на это слово:
Погиб. . .
Мы все уходим в Лету.
Вот год прошел, и наступает снова

Весна.
Да разве дело в этом...²³⁶

* * *

Неужели и правда прошел год? Мы уходим, а время по-прежнему несется вскачь, пролистывая дни, месяцы, годы. И я будто все также сижу за своим столом, оцепенело глядя на страницы „Вестника“. Что же все-таки произошло?

«4 марта 1995 года из Москвы на Пинегу (Архангельская область) отправилась спелеоподводная экспедиция для первопрохождения сифона в пещере ЖВ-52. Рассказывает участник экспедиции московский спелеолог-подводник Роман Прохоров²³⁷.

—Целью нашей экспедиции было обследование обводненных пещер Беломорско-Кулойского плато, в частности, пещеры ЖВ-52. В прошлом году Володя Киселев нырял в этой пещере и прошел 190 метров.

8 марта в 13 часов 45 минут Киселев начал погружение в пещере ЖВ-52. При себе он имел 3 баллона (по 7 литров, 160 атмосфер), катушку с ходовым концом, 2 фонаря, закрепленные на каске.

Хотя в прошлом году в сифоне был проложен ходовой конец, решили параллельно ему проложить новый, так как было неясно, в каком состоянии находится старый провод (в весеннее время здесь бывают очень мощные паводки, уровень воды поднимается на несколько метров).

Два баллона из трех имели манометры для контроля запаса воздуха.

По плану Киселев должен был оставить баллон без манометра на отметке 100 метров от входа и далее плыть с двумя баллонами, закрепленными на боках, так как на 190-м метре начиналось сужение хода в подводном завале.

Он собирался проложить ходовой конец на возможное расстояние, а при возвращении забрать предварительно оставленный баллон и выйти на поверхность.

После этого, сняв с его баллонов легочные автоматы и поставив их на три других полных баллона (баллонов было 6 штук, а легочников только 3), погружение должен был совершить Роман Прохоров, чтобы пройти дальше или обследовать боковые ходы (в зависимости от ситуации). По запасу воздуха длительность погружения Киселева должна была составить 1 час.»

Странно. Это было странно— работа в сифоне с одним комплектом легочников. Два манометра на три баллона. . . Понятно, если что-то случится в сифоне, снаружи помочь трудно. Но ведь могли быть пузыри, засифонная часть, в конце концов, которую рассчитывали обнаружить. И если бы что-то

²³⁶К. Б. Серафимов „Да разве в этом дело?“, март 1996 года, памяти Володи Киселева.

²³⁷ХРОНИКА (из спецвыпуска Вестника спелеоклуба МФТИ „Барьер“) 15.03.95.

случилось там — отрезанному от поверхности аквалангисту помочь было бы некому.

Это было не похоже на Володю, он всегда работал очень надежно. А может быть, все было так именно потому, что он привык рассчитывать, прежде всего, на себя?

Как ни смотри, но запаса прочности у экспедиции не было.

«Прошло 3 часа, Киселев на поверхность не вышел. Так как второму подводнику нырять было не с чем, то были организованы возможные в данной ситуации спасработы — а именно обследование ближайших сухих пещер, так как существовала возможность выхода Киселева в одну из таких пещер. Эти поиски результатов не дали. . .

В поселок Пинега ушли два человека для вызова вертолета с необходимым спасательным оборудованием и, прежде всего, аквалангами для ныряния в ЖВ-52.

Утром 9 марта прибыл вертолет со спасателями из Архангельска. Где-то в 14 часов Роман Прохоров, снаряженный двумя аппаратами „Подводник-2“, начал погружение с целью проведения поисковой операции.

В 80 метрах от входа им была обнаружена одна из ласт Киселева с оборванным креплением-ремешком. На отметке 100 метров были найдены 2 баллона. Один из них — тот, который Киселев должен был там оставить по плану. Воздушный шланг второго баллона был запутан в ходовом конце, который прокладывал Киселев. Оба баллона были пусты.

Прохоров прошел дальше до конца размотанного ходового конца. На отметке 220 метров лежала незакрепленная катушка с остатками провода. Прохоров дошел до отметки 250 метров, где закрепил ходовой конец за отверстие в стене и поплыл назад.

На обратном пути он собрал снаряжение (выпутал баллон из провода) и в 60 метрах от входа обнаружил под потолком прохода (высота прохода 3–4 метра) тело Киселева с третьим баллоном. Этот баллон был также пуст. По медицинскому заключению смерть наступила в результате классического утопления. Владимир Киселев захлебнулся.

Складывается следующая картина происшествия. На обратном пути, в том месте, где он оставил баллон, Киселев зацепил ходовой конец, а так как тот фактически не был закреплен в своей дальней точке, то образовалась петля, которая затянулась вокруг воздушного шланга баллона Киселева.

Пытаясь распутаться, Киселев израсходовал весь воздух в двух баллонах, но, в конце концов, сумел отцепить их и на остатках воздуха в третьем баллоне поплыл к выходу. Распутывание провода, вероятно, осложнилось мутью, поднятой со дна, и слабым светом в фонарях В. Киселева, так как батарейки за это время должны были сильно разрядиться.

По дороге к выходу из пещеры у него сломалось крепление ремня ласты, что резко снизило скорость продвижения, усилило стрессовость ситуации и, соответственно, расход воздуха,

которого, в конечном счете, не хватило до выхода...»

* * *

Вот такие дела... Неужели все должно когда-нибудь кончиться? Если да, то лучше вот так, на полном скаку, на вершине Удачи... Это мое мнение, только мое.

Оглядываясь назад, думаю — а ведь мы были знакомы ровно 15 лет, даже чуть больше. Когда встретились, Киселев уже был заметной фигурой в Московском кейвинге. А я только-только начинал раскачивать кейвинг в Восточном Казахстане. Я раскручивал первую свою спелеосекцию, и мне, как воздух, нужно было подтвердить подземный опыт какой-либо бумажкой, чтобы чиновники от туризма удостоверились в моей компетентности. Вот когда я задумался об обратной стороне „дикого“ туризма!

И еще об одном задумался: если хочешь, чтобы было по-твоему, если не хочешь зависеть от других — делай все сам, ищи варианты и НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПРОСИ!

Как бы там ни было, но я начал тренировать школьников, попал в зависимость от финансирования и, конечно, пожалел, что раньше не придавал значения маршрутным книжкам и справкам. К счастью, весной 1980 года илюхинская диктатура в спелеотуризме дала основательную трещину, наступила оттепель, выразившаяся в переаттестации московских „дикарей“.

— Костик, — писал Леха Казеннов. — В Москве полным ходом идет переаттестация. Всем желающим выдают справки о походах до третьей категории сложности по устным отчетам, а на „четверку“ и выше необходимо представить письменный отчет...

Мне бы и „тройки-Б“²³⁸ хватило за глаза, за мой любимый „Кутук-Сумган“, куда год за годом уходили наши экспедиции. И я рванул в Москву.

Мартовская Москва уже журчала талыми ручейками, когда в один из солнечных деньков мы с Лехой сквозь запутанные коридоры Краснопресненского клуба туристов, где проходила и уже заканчивалась переаттестация, протолкались к столу с бланками. Схватив по пачечке голубоватых типографских листочков („Бери больше, подмигнул Леха, мы сейчас себе такое нарисуем!“), мы припали к столу, чтобы приступить к заполнению справок за совершенные путешествия.

— Чего писать-то будем?

— Все, что вспомним...

Вспоминать тогда было особенно нечего. И, тем не менее, набралось добрых два десятка пещер: Крым, Урал, Саяны — „единички“, „двочки“, „троечки“.

— Как думаешь, Костик, — волновался Леха, — Зачтут мне Каскадную, как „четверку-А“ или заставят отчет писать?

— Трудно сказать, товарищ майор... Все, я свои написал. Теперь куда?

²³⁸Все пещеры в спелеотуризме, как перевалы в горах, были классифицированы по категориям от 1 — самые простые до 5Б — наисложнейшие. Неверная, по сути, классификация. Категорией сложности обладают не пещеры, а маршруты по ним. Из определенного набора категорийных пещер (маршрутов) складывались категории сложности путешествий, а те, в свою очередь, засчитывались на присвоение спортивных разрядов. Если у вас чесалось тщеславие.

— Теперь на подпись к секретарю ЦМКК, Серебренникову, но сначала должен подписать Киселев.

— Киселев, это кто?

— Он от Центральной спелеосекции переаттестацию курирует, как эксперт что ли. . .

— От ЦС?! — с молоком матери мы впитали враждебное отношение к этой структуре (ну, не дурдом?).

— Да ты не того. . . Парни говорят, Киселев, он нормальный мужик. . .

Вот так мы и увиделись впервые. Вряд ли Володя запомнил меня среди пятисот московских „дикарей“, но я храню его автограф на тех типографских голубых листках, заполненных моим, ранним еще почерком. И храню память о той первой встрече.

* * *

Потом. . . большой перерыв. Наши с Володей тропинки постепенно и незаметно сходились все ближе. Охваченные революционным пылом, желанием как можно скорее изменить наш спелеотуризм, лучшие умы от спелеологии сшибались в словесных и эпистолярных баталиях, спорили, становились по разные стороны эфемерных баррикад и снова объединялись. И неизменно где-то рядом и обязательно вне любых экстремистских крайностей виднелась невозмутимая и всегда благожелательная улыбка Киселева. С присущей ему прозорливостью Киселев старался держаться подальше от возни за власть — поближе к Делу. А делом он считал только Пещеры. И отдавал им всего себя без остатка. И политические баталии грохотали у его ног.

Я знаю людей спелеологии, не расположенных ко мне, даже враждебных, но не могу припомнить никого из своих знакомых, кто бы как-то нехорошо отозвался о Киселеве. Разве что ворчали, когда Вовка, с присущей ему мягкостью, решительно отказывался принять чью-либо сторону в политическом противостоянии.

Даже принадлежность к Перовскому клубу спелеологов Москвы не портила его репутации. Знаю, что сегодня это звучит смешно. Но в середине 80-х в Перовском клубе собрались все „недобитые“ остатки Центральной спелеосекции. И экстремистски настроенная часть бывших „дикарей“ готова была видеть врага в любом представителе Перовского клуба. Сразу скажу, я к таким экстремистам никогда не относился. Можно ли строить отношение к человеку по принадлежности к клубу? Абсурд.

А между тем, утратив всесоюзную власть, бывшие цэсовцы не собирались изменять пещерам, год за годом отправляясь на Кавказ. На Арабике усилиями Перовского клуба (где, понятно, собирались не только илюхинцы) была открыта и исследована замечательная пропасть, названная первопроходцами Перовской. Позднее — с гибелью Илюхина, система Перовская-Волчья получила имя первого выдающегося лидера советского спелеотуризма.

Эта пропасть стала звездной для Владимира Киселева, добившегося при ее прохождении результатов поистине мирового уровня.

* * *

Что остается от человека, когда он уходит в свою Последнюю Пропасть? Основное из того, что когда-то было его частью: снаряжение, вещи, какие-то материальные фетиши — растворяется в первые дни, месяцы.

Остаются слова. Особенно, если они были преданы бумаге. Именно с этих чудом сохранившихся листков бумаги смотрит на меня Володя Киселев, и я благодарен своей „плюшкинской“ привычке собирать все статьи и заметки о спелеологии и пещерах.

Пожалуй, Киселев больше других наших коллег писал в те годы о нашем деле. И писал хорошо. Я смотрю на собранные в скоросшиватель странички, цветные фотографии — его и о нем. Вот он, в своем голубом клеенчатом комбинезоне, с французской карбидкой на красном шлеме, с желтыми баллонами у ног. Почему-то вижу Киселева именно таким, в Мормитовой галерее Перовской. . .

И слышу, слышу его голос — оттуда, из глубин тех незабываемых штурмовых лет:

«Шесть лет мы шли к этому дню. . .²³⁹

8 августа 1986 года. Ночью из пещеры поднялись двое из штурмовой четверки — Виктор Яшкин и Николай Боровой, ростовские спелеоподводники. Ребята провели под землей ровно неделю и сегодня уходят на побережье. Через два дня кончается их отпуск.

Первый вопрос к Виктору о сифоне, который остановил нас прошлым летом. То был второй сифон на нашем долгом пути по пещерным ходам. Трижды погружались мы тогда в этот затопленный колодец, так и не обнаружив прохода. До сих пор как кошмар вспоминаю всплытие на ощупь в облаке черной мути, удары каской о нависающие выступы и ниши колодца, запутавшийся вокруг вентиля страховочный провод. . .

Виктор рисует план сифона, его разрез, объясняет, как надо развернуться, чтобы не застрять с баллонами в одном из сужений. Со второй попытки ему удалось вынырнуть в небольшом озерце. Свод грота вновь уходил под воду, продолжая сифон, но дальше не пускал ходовой конец — покрытый полиэтиленом толстый провод. Да и запас воздуха кончился. . .

Наступает очередь спелеологов из клуба АЗЛК „Москвич“. Готовятся Илья Александров, Михаил Дякин и я. Четвертым в группе будет ленинградец Сергей Илюхин.

В одиннадцатом часу мы начинаем медленно подниматься по крутому склону. Жарко. Нас никто не провожает — видимо, немногие верят в успешное завершение работ. Да мы и сами настроены не очень оптимистично.

Прошлогодний мрачный прогноз специалистов по поводу этой пещеры — „серия сифонов, осложненных завалами“ — пока сбывается. Такова короткая запись в моем дневнике, сделанная перед решающим спуском.

²³⁹Владимир Киселев „В пропастях Арабики“, „Вокруг света“ № 11, Москва, 1987 год.

Уже который год исследуем мы безжизненные карстовые плато Гагрского и Бзыбского хребтов, таящие в своих недрах пустоты с большими запасами чистой пресной воды, которой так не хватает близлежащим курортам. Именно здесь были обнаружены три глубочайшие пропасти. Две из них находятся в массиве со звучным именем Арабика (по названию одной из вершин). Первая пещера — Куйбышевская, ее исследовали куйбышевские и киевские спелеологи; вторая — пещерная система имени Владимира Илюхина. О ней и пойдет рассказ.

Сейчас кажется невероятным, что за долгие годы исследования Арабики грот, который хорошо просматривается с поверхности, не был замечен. Лишь в 1980 году экспедиция московских спелеологов прокопала привходовую снежную пробку, обнаружив за ней широкую галерею с глубоким колодцем.

1981 год принес разочарование — подземный ручей, наша путеводная нить — исчезал на дне очередного колодца, просачиваясь сквозь колоссальный завал из глыб и щебня. Глубина — 287 метров никого не могла утешить. Тогда мы еще не знали, что назовем это место „старое дно“ и что вообще вся пещера напоминает ветвистое дерево — столько у нее ходов, ответвлений, галерей! Лишь на следующий год, обнаружив второй ход и обследовав несколько боковых галерей, спелеологи поверили, что это еще не конец пещеры. Штурмовые группы сумели пробиться до глубины 600 метров.

... В 1984 году настроенные на покорение километровой глубины исследователи неожиданно, на отметке — 970 метров, были остановлены полностью затопленной галереей — сифоном. На следующий год спелеоподводники пронырнули этот глубокий сифон (потом он стал числиться под номером один), но вскоре остановились перед новым препятствием.

Лето 1986 года должно было быть решающим — сумеем ли мы преодолеть магический километр?

Итак, **8 августа**. Запакованный в четыре слоя защитной одежды, изнемогающий от жары, лежу на привходовом снежнике. Дефицитная вода появится лишь на глубине 160 метров. Даже в карбидку приходится временно бросить кусочек снега. Подождав ребят, забираю свой мешок с фотоаппаратурой и ухожу вниз.

Большая наклонная галерея встречает прохладой. Температура здесь никогда не превышает одного градуса. В средней части галереи начинается ниспадающий уступом ледник. Крупные кристаллы голубого льда переливаются под лучом фонаря. Спускаюсь по веревке к основанию ледника. Наверху колодца мы с Илей поджидаем Сергея и Мишу.

В уходящей со дна колодца галерее легко заблудиться. Отсюда начинают расходиться известные нам „ветви“ пещерной системы. Но все ли ответвления удалось обнаружить? Это покажет время. Пока же мы устремляемся в ход, с которого можно попасть как на „старое“ (глубина — 287 метров), так и на „основное“ (— 970 метров) дно. Притормаживая о свод сапогами, скаты-

ваемся по крутопадающим скальным плитам, обрывающимся метровыми уступами в водобойные ямы с жидкой глиной. . .

Мы на глубине 320 метров. Под нами 107-метровый отвес. Вниз уходят металлический трос, веревка и телефонный кабель. Пристегиваюсь карабином и осторожно перебираюсь к краю колодца.

— Пошел!

Спуск на 13-миллиметровой веревке изматывает больше, чем подъем. . . Через сорок метров — перестежка, на узкой наклонной полочке перецепляюсь на другую веревку.

— Наверху! Навеска свободна! — улетает в пустоту мой приглушенный водопадом крик. Тело, пережатое ремнями обвязок, уже не в силах терпеть пытку. Но торопиться опасно. Сильно растянувшаяся веревка и так приближает дно с пугающей быстротой. Притормаживаю, гася ускорение и получая в лицо веер грязных брызг. Отдышавшись, начинаю принимать спускаемые сверху мешки. Гулкий рикошет срываемых ими камней заставляет поминутно прижиматься к стене. . .

Помню, когда мы проходили этот участок впервые, я с трудом разобрал доносящийся сквозь гул далекого водопада крик Виктора Яшкина: „Сифон!“

Неужели дно этого колодца — конец наших мечтаний и прогнозов? Спускаюсь, чтобы убедиться в этом самому. Появившийся ручей исчезает в неглубокой луже, над которой нависает резко снизившийся свод.

Классический на вид пещерный сифон. Но, встав на колени, замечаю, что свод на два сантиметра выше уровня воды: полусифон! Зажгутовав гидрокостюм, опускаюсь в лужу. Сняв каску и задержав дыхание, скребусь носом о потолок. Ноги упираются в стену. Складываюсь наподобие перочинного ножика и оказываюсь в небольшой камере. Вода через трещину уходит вниз. Справа идет наверх труба, по которой продираюсь до отвесного колодца. Есть продолжение!

Лишь годом позже был найден обход этой ледяной купели. Сейчас, пройденные неоднократно, эти участки пещеры не вызывают чувства опасности. Правда, под землей подобная самоуспокоенность не раз сурово наказывалась. . .

9 августа. Вот и лагерь 600. Прикрытая блестящей пленкой палатка придает лагерю фантастический вид. Более прозаично выглядит „столовая“ с большой плоской глыбой, окруженной камнями-сиденьями.

Пока не нарушен микроклимат зала, делаем замеры высокоточным термометром. Температура воды и воздуха в среднем +2,5°С. По пути сюда, во время остановок и в узловых точках, мы делали замеры абсолютной высоты над уровнем моря с помощью альтиметра. В базовом лагере на поверхности находится контрольный альтиметр, а так же установлены самопишущие термограф и барограф. Полученные данные, откорректированные по телефону, помогают уточнить достигнутую глубину.

Попав в пещеру, мы живем как бы в вертикальном измерении: отметка глубины говорит обо всем. Даже время здесь, в мире без солнца, физически не ощущается — то сжимается при прохождении колодцев, то растягивается, когда ползем по длинным галереям. . .

После ужина залезаем во влажные спальные мешки. Долго ворочаюсь, пытаюсь согреться, „вписываясь“ в сложный узор глыб, на которых лежит тонкий теплоизолирующий коврик. . .

Миша встает первым и, запалив карбидку, хлопчет на кухне. Лампа отбрасывает на стену зала огромную тень. Все звуки приглушены шумом водопада. Сегодня мы не спешим: ожидаем, когда шестеро наших товарищей закончат кино съемку у сифона и поднимутся в лагерь. Встреча с ними короткая, но теплая, ведь мы не виделись больше десяти дней!

Во время завтрака на большой плоской глыбе обсуждаем план дальнейших работ. Светлана Ефремова передает мне пойманного на отвесной стене ложноскорпиона. Помещаем его в пробирку со спиртом, где уже плещутся похожие на больших комаров прозрачные долгоножки, найденные в лагере 600. Не ожидал, что в пещере окажется столько живых существ, предпочитающих хотя и промозглую, но безопасную жизнь под каменным небом. . .

Выходим из лагеря в первом часу. Путь проходит по подземному ручью. Уступы, меандры — речные излучины, колодцы. Впереди нас ждет сифон. . .

10 августа. Очнувшись, на ощупь нахожу фонарь. На часах без пяти десять. Поднимаю ребят. Сегодня нам предстоит тяжелая работа. . .

Подобрав себе баллоны, подгоняем к ним ремни. Миша предпочитает носить акваланг за спиной, я же закрепляю по баллону на бедрах — так удобнее проходить узкие участки. К легочным автоматом привязываем веревочки для крепления на шее, иначе в мутной воде не сумеешь перейти от одного загубника к другому. На руки надеваем шерстяные перчатки, поверх них — резиновые: температура воды в сифоне +3,3° С, и незащищенные руки после нескольких минут работы теряют чувствительность. Опускаемся свинцовыми грузами. Надеваю широкие ласты прямо на сапоги. На каску закрепляю подводный фонарь. Вроде бы все готово.

Спускаемся к сифону. Пристегиваюсь карабином к проводу — ходовому концу, и начинаю погружение. Ледяная вода нестерпимо ломит узкую полоску кожи на лбу, не защищенную маской и капюшоном. Набираю глубину. Закладывает уши. Пытаюсь сглатывать, но этот прием не помогает. Продуваюсь, зажав непослушными пальцами ноздри. Боль в ушах проходит. В чистой воде белеет ходовой конец. Что ж, этот сифон нашей экспедицией, можно сказать, освоен. Но Илье и Мише придется идти уже на ощупь: вода стала мутной. Баллоны гулко ударяются о стены. Слышу, как выдыхаемые пузыри лопаются на поверхности воды. Всплываю.

Оттягиваю капюшон, впуская в себя воздух. Только теперь становится ясно, что я протек, но пока не сильно. Запах ацетилена напоминает о карбидке, в которую через форсунку попала вода. Щелкаю пьезозажигалкой. Лампа взрывается столбом пламени, высвечивая стены и свод небольшого грота.

Слабые подергивания провода не прекращаются. Вскоре в темной воде появляется лучик фонаря. Выходит Миша. У него сосредоточенный вид. Он жалуется на боль в ушах. Снимаем капюшон гидрокостюма. На белом вязаном подшлемнике замечаю расплывшиеся бурые пятна. Так и есть, порваны обе барабанные перепонки. А ведь надо еще возвращаться. Настроение у Миши безнадежно испорчено. Для него дальнейшая подводная работа закончена.

Ждем Илью. Удастся ли ему на этот раз пройти первый сифон? Год назад это у него не получилось. На удивление быстро всплывает Илья. Вместо ослепительного света трех мощных фар на его мотоциклетной каске (собственное изобретение!) видны лишь слабо горящие нити накаливания. Несмотря на драматизм ситуации, мы не можем сдержать улыбок. Илья расстроен — пришлось не столько увидеть сифон, сколько ощупать телом его выступы, подтягиваясь на ходовом конце.

Еще до встречи с первым сифоном нас интересовал вопрос: где же подземный поток пробивается на свет? Вопрос этот далеко не праздный. Арабика опоясана сетью карстовых источников, водосборный бассейн которых определить нелегко. Некоторые из них дают воду курортным поселкам, другие в недалеком будущем также предполагается осваивать. Поэтому, кроме теоретических проблем гидрогеологии карста, существует и практическая задача охраны подземных вод. Мы делаем для этого все возможное — весь „свой“ мусор, несмотря на огромный труд по его подъему, захораниваем на поверхности. Но подземные воды загрязняются в основном через карстовые воронки и трещины, сквозь которые проникают талые снеговые и дождевые потоки. Правда, для Арабики эта опасность пока еще гипотетическая.

Нам, спелеологам, важно было определить место выхода подземного ручья: это уточнило бы и потенциальную глубину пещерной системы, и направление ее развития.

Мы с нетерпением ждали результатов эксперимента, который в 1984 году с помощью грузинских коллег проводила группа спелеологов из Института геологических наук АН УССР²⁴⁰ под руководством Александра Климчука. Безвредные органические трассеры²⁴¹ — родамин и уранин — запущенные на больших глубинах в системе имени Владимира Илюхина и пещере Куйбышевская, должны были окрасить воду источников близ побережья Черного моря. Вскоре после запуска трассеров началась кропотливая работа по ежедневной проверке и смене угольных „ловушек“. Обработка на специальном приборе погруженных в

²⁴⁰ АН УССР — Академии Наук Украинской ССР, была такая республика. . .

²⁴¹ Трассеры — краска для трассирования, прослеживания путей подземных водотоков.

воду кусочков активированного угля дает измененный спектр, соответствующий появившемуся красителю.

Но кончалась уже третья неделя с момента запуска, а спектр не менялся. Время экспедиции, а точнее время отпусков, ибо эксперимент, как и все наши спелеоэкспедиции, проводился на общественных началах, было на исходе, когда, наконец, появились первые следы уранина. Невидимые на глаз, сильно растворенные частицы этого красителя вышли в мощных источниках Репроа и Холодная Речка. Чуть позже уранин был обнаружен и во вскрытом скважиной субмаринном источнике²⁴². Вскоре в тех же водотоках появились и слабые следы родамина из пещерной системы имени Владимира Илюхина.

Считая за нулевую отметку расположенный на берегу моря источник Репроа, установили, что краситель прошел путь с перепадом высот по глубине в 2300 метров, то есть, получили глубочайшую карстовую гидросистему в мире!

В атласе Международного спелеологического союза карстовая гидросистема „Владимира Илюхина — Куйбышевская — Репроа“ заняла почетную верхнюю строку. Интересно было и то, что две крупнейшие пещеры массива оказались лишь верхними водоотводящими ветвями одного гидрогеологического дерева. В гигантском „стволе“ собирает оно живительную влагу с огромных площадей и выдавливает ее на поверхность через глубокие „корни“ — источники.

К сожалению, там, где способна просочиться вода, не всегда может пройти человек. Даже раскопки, взрывы и акваланги не могут гарантировать стопроцентного успеха.

Оказываясь перед выбором, каждый из нас вначале проверяет наиболее простые, но не всегда правильные варианты.

В нашей системе таким перепутьем оказался первый сифон. А за ним — второй.

10 августа. Оставив у первого сифона комплект подводного снаряжения, бредем по неглубоким лужам с глинистыми берегами, изредка пригибаясь под низким сводом. Здесь нет привычного грохота воды. Подземный ручей, проработавший эти галереи, теперь течет по более короткому пути.

Небольшой отрезок высокого меандра — и мы у озера, ведущего ко второму сифону. Пока кипятится чай, согреваюсь пробежкой. Затекший гидрокостюм не располагает к остановкам. Миша вновь готовит аппараты к работе. Опоясываюсь баллонами. Приматываю к правой руке подводный фонарь. Каску, на которой он обычно крепится, пришлось снять. По узкой щели пробираюсь к сифонному колодцу. Миша с Ильей, готовые страховать, перебираются выше, на скальную полку. Пристегнувшись к ходовому концу, ухожу в глубину. . .

Незамутненный подводный тоннель манит темнотой. Попав в тупик, успеваю заметить, что ходовой конец уходит в узкую рас-

²⁴²Субмаринный источник — источник, выходящий из-под земли на поверхность под уровнем моря.

щелину. Повернувшись на бок, залезаю туда, стуча баллонами. Ширина щели меньше полуметра, но постепенно щель расширяется. Появляется полоса чистой воды. Всплываю в небольшом гроте. Ходовой конец чудом держится на выступе. Легкий рывок — и он слетает в воду.

Балансирую на крутом подводном склоне, пытаюсь закрепить провод за натечную микроколонну. После третьего срыва это удастся. Озерцо продолжается еще метров пять–шесть, заканчиваясь новым сифоном. Дальше — неизвестность.»

* * *

Скользя глазами по этим строчкам, ощущаю знакомый холодок в груди. Дальше — неизвестность. В чистом кристаллизированном виде. Ни один человек с Мира, во всей Вселенной не знает, что Там, за призрачными дверями сифона.

Стоя на пороге неизвестности, я всегда ощущаю какую-то робость. Мое Я будто раздваивается. Одна половинка, охваченная азартом любопытства, рвется вперед — что там, дальше? Другая, более осторожная, тянет за рукав — может быть, не стоит? Вдруг там. . .

Что? Что там, в этой Неизвестности? Чем обернется она для первопроходца через минуту? Радостью победы или. . . Если думать о поражении, идти не стоит. Сомнения не прибавляют уверенности. „Боисься — не делай, делаешь — не бойся!“ Кто это сказал?

* * *

«Идти в новый сифон без ходового конца — безумие, но чистая вода и круто поднимающееся дно показывают, что сифон небольшой. Решаюсь на разведку. Через два–три метра всплываю в новом озерце. Впереди виден ход. Обернувшись, запоминаю место всплытия.

Вскарабкавшись на берег, не спеша освобождаюсь от аппаратов, ласт, маски. Куда торопиться, если впереди наверняка новый сифон. Но вирус первопрохождения уже овладел мной. Быстро пробегаю несколько поворотов красивого меандра с хрупкими песчаными пластинами-заберегами и оказываюсь перед глубоким колодцем. Стекающий по стене колодца ручеек отложил на ней белоснежную дорожку гроздевидного кальцита. . .

Пытаюсь спуститься, но через несколько метров понимаю всю нелепость этой затеи. Оглядевшись, замечаю слева продолжение разлома — там колодец. Иду распорами над колодцем: широко расставив ноги, упираясь руками и ногами в стены. Попадаю в глинистую галерею, вскоре выводящую к параллельной ветви отвесов. Первый, десятиметровый, преодолеваю, расклинившись в узкой вертикальной щели. Острые скальные зубья угрожающе царапают толстый капрон комбинезона. Не хватает только порвать гидрокостюм — в нем и так достаточно воды! В

самом низу щель резко расширяется. Повисаю на резиновых перчатках, рискуя порвать их, и пытаюсь нащупать опору для ноги. Дно. Поворот — и новый уступ. Он в два раза короче, но ничуть не проще. За ним — еще один, отвесный глубокий колодец. Брошенные камни с бульканьем уходят в воду. . .

Прикидываю общую глубину. С учетом последнего колодца получается более километра. Заветный Рубикон: —1000, перейден!

12 августа. Сегодня необычный день: предстоит выход за второй сифон. Должно свершиться то, к чему мы стремились два долгих года. Жаль Мишу — своей травмой он вычеркнул себя из списка „счастливчиков“. Но каждый из нас старается не выдавать своего настроения. Все заняты работой. После завтрака Сергей с Мишей готовят акваланги и приводят в рабочее состояние кинобокс. Я вожусь с фотоаппаратами и вспышками, тщательно упаковываю в мешок веревку и вещи, те, что останутся за вторым сифоном для следующей экспедиции. Илья обматывает очередным мотком изоленты свое трехглазое детище.

— Готово, — наконец роняет он и, щелкнув выключателями, демонстрирует ослепительную мощь своего сложного сооружения.

Пытаюсь оттянуть неизбежный момент проверки снаряжения, когда надо полностью окунуться в ледяную купель озера. Но, делать нечего, приходится лезть в воду. Выжатый из одежды воздух оживляет клапан гидрокостюма, заставляя его судорожно посвистывать. Цепочка мелких пузырьков торопливо устремляется к поверхности. Пробую дышать из второго легочника. Вроде бы все в порядке. Всплываю. Рядом проверяет свое снаряжение Илья. Стоящий по грудь в воде и уже подзамерзший Миша занят киносъемкой.

— П-поех-хал-ли! — выстукивает он зубами команду.

Ухожу в сифон, обернувшись на уже погруженный в воду объект. Илья — рядом. Повторяем уже знакомый путь: уступы, галереи, озеро. . . Небольшая передышка перед вторым сифоном. Всплываю в гроте. Лопающиеся пузыри предвещают появление Ильи. А вот и он сам. Жалуется на боль в ушах. Приступаем к непростой операции — наращиванию ходового конца, служащего на сей раз и телефонным кабелем. Зависнув на одной руке, нужно исхитриться соединить пальцами второй руки оцетинившиеся стальными проволочками концы проводов. Единственное, что мне удастся сделать за пятнадцать минут борьбы, это порвать об острые скалы последнюю целую резиновую перчатку. Холод сковывает и пальцы и тело. Скручиваю связанные провода куском изоленты, словно веревкой.

Илья отплывает за короткий сифон, я разматываю за ним кабель. Следует сигнал: два рывка. Плыву за Иллей. На берегу оставляем все подводное снаряжение. Дальше мы понесем лишь бухту веревки, молоток, шлямбур, скальные крючья, карабины и личное „железо“.

Уже около шести вечера. Связи с лагерем –950 нет. Видимо, скрутка проводов не удалась.

— Может, откликнется база? — говорит Илья.

Вызываем. Молчание. . . Мы наверху колодца, остановившего меня позавчера. 120-метровая веревка сходит кольцами — через каждые пять метров приходится их распутывать. Долго спускаюсь, любуюсь прозрачными кальцитовыми дорожками, что проложила медленно стекающая в колодец вода. На дне не могу сдержать восхищения.

— Красота! — кричу Илье.

Он ничего не понимает — при „продувании“ все же порвал перепонку. Жду, когда он спустится, и вместе рассматриваем россыпи жемчужин. Кальцитовый „цемент“ незаметно приковал эти каменные блестящие шарики ко дну взрастивших их ванночек. Отдельные жемчужины достигают трех сантиметров в диаметре. Для пещер это редкая находка. Осторожно проходим след в след среди хрупких кальцитовых пластин. . .

Вот и край очередного уступа. Аккуратно отматываю десять метров веревки. Приземляюсь в глубокую лужу. Обрезаю веревку, но оплавливаю ее мокрый конец некогда. Вяжу узел, и идем вперед. Новый, на этот раз отвесный колодец. Здесь надо бы провесить и страховочную веревку. Но бухта слишком мала. Придется экономить.

Закрепив веревку и сбросив остатки бухты вниз, начинаю спуск. Серо-голубая стена, прочерченная оранжевой полосой кальцита, прерывается уступом с глубокой лужей. Отталкиваюсь от стены и приземляюсь рядом с водой. Зову Илью. Вскоре он стоит рядом, держа полупустой мешок.

На уступе необходим крюк, иначе веревка может перетереться. Пока Илья достает шлямбурный набор, надеваю самохватывы — специальные приспособления для подъема. Даже если веревка кончится на отвесе, я сумею подняться по ней. . .

Я уже потерял счет пройденным вертикалям. Новый колодец глубиной около 15 метров заставляет призадуматься. Если бы не доносящийся снизу шум воды, я бы повернул назад. Но этот манящий гул притягивает не хуже магнита. С трудом нахожу единственно возможный вариант спуска, который заканчивается сложными распорами в вертикальном лабиринте глыб. Впереди широкая и высокая трещина, по дну которой струится поток. Наклонные темные стены убавляют оптимизм. Пробегаю вдоль этого разлома. Стою у начала узкого озера. Глубоко уходя под левую стену, вода образует длинный сифон. Третий сифон на нашем пути! Комки глины, падающие из-под ног и локтей, замутняют прозрачную воду. Трещина сужается. Продвигаться в распоре все сложнее — скольжу по мокрой глине вниз. Двигаюсь по инерции, только чтобы убедиться, что озеро имеет конец.

Ход заканчивается. Это последняя точка, которой нам суждено достигнуть в этой экспедиции. Следующим летом придется нырять уже на этой умопомрачительной глубине.

На часах 20.30. Предстоит мучительный подъем. . .

Нам пришлось проработать до девяти утра. Вместе с Ильей, обеспокоенным моим долгим отсутствием и спустившимся вниз тем же головокружительным маршрутом, мы сделали топографическую съемку не только новой части, между третьим и вторым сифонами, но и пересняли галерею между вторым и первым. Полусонные, замерзшие, но гордые тем, что удалось выйти победителями из решающего поединка, вернулись мы в лагерь.

Впервые в мировой практике на подобной глубине, за сифонами, было пройдено более двухсот метров вертикалей. Глубина пещеры возросла до 1220 метров. В ней отснято почти шесть километров ходов и галерей. И все же это пока лишь истоки большой подземной реки, путь к устью которой займет не один год.»

Да, это был успех, не имевший аналогов в Мире.

* * *

К этому, замечательному для исследователей Перовской-Илюхинской, году я отношу начало наших с Володией все более и более близких контактов. Занявшись после ВВП-85 „первопрохождением“ SRT, я крайне нуждался в информации — каждый неверный шаг на одинарной веревке грозил весьма неприятными последствиями. И, как я уже говорил, Киселев поцарски широко распахнул передо мной сокровищницу своей литературы по спелео. Как это было здорово! Чувствуя, что я взялся за дело всерьез, Володя звонил, сообщал о появлении новинок. Киселев более чем кто-либо другой, понимал прогрессивность применяемой за рубежами СССР одноверевочной техники, но, за другими вопросами, видимо не имел возможности заниматься реформаторством в этой области.

Скорее, не хотел, потому что всякое реформаторство — это во многом политика, это необходимость спорить и доказывать, отбиваться от нежелателей и даже охранять свой приоритет от ретивых, но припоздавших встать на тропу честолюбцев. А политики Киселев всегда мудро сторонился.

И еще одна черта делала Киселева Киселевым — его щедрость на передачу контактов с иностранцами. Только тот, кто пожил за пресловутым „железным занавесом“ поймет, что это значило для заштатных спелеосекций, вроде усть-каменогорской.

* * *

Два добрых Бога постоянно оказывались рядом на моем пути в кейвинге, чтобы помочь или предложить что-нибудь нетривиальное: два Володи — Резван и Киселев. Они и работали много вместе — в течение многих лет по крупницам собирали информацию о несчастных случаях в советском спелеотуризме, анализировали и, главное, делали эту информацию доступной для остальных. Я рад, что мне удалось поучаствовать в этой работе, посылая Вовкам подробнейшие анализы аварий и ошибок на одинарной веревке, которые не замедлили быть на нашем одноверевочном пути.

Оглядываясь и смотрю на висящую на гвоздике потускневшую брелок-медаль: выпуклый спелеолог уходит вниз на одинарной веревке, цифры —

1988, и сзади контуром первопроходец в шляпе вместо каски и циферка 8 над девяткой.

Надпись полукругом: CENTENAIRE DE LA SPELEOLOGIA FRANCAISE.

Эту медальку-брелок Володя подарил мне однажды у себя дома, в Ясенево. Тогда весь просвещенный мир жил под знаком 100-летия мировой спелеологии. А в СССР — мы радовались еще и 30-летию спелеологии советской. То ли по тому поводу, то ли еще почему, но Киселев недавно побывал во Франции, вернулся с хорошими впечатлениями, привез новую кучу литературы, о чем немедленно черкнул мне:

— В Москву не собираешься? Есть кое-что интересное.

Я увидел эту медальку: висящей за стеклом серванта — у Киселева вообще были такие эффектные вещички буржуйского калибра, что порой глаз не оторвешь. Я уставился на медальку, повертел в руках и, стараясь не вздохнуть, повесил на место. А Володя этак просто снял ее и протянул:

— Вот, чуть не забыл. Это тебе.

— Мне?! Черт меня заberi. Спасибо! А как же ты?

— А мне две подарили.

* * *

Киселев как-то умел помнить о том, что вам было необходимо и, в меру возможности, старался помочь. На Тбилисском Международном Симпозиуме, куда я чудом успел, преодолев аэрофлотовский полтергейст, думаю, не одному мне было не слишком уютно. Почти немой со своим техническим по вузовской программе английским (а скорее от робости перед раскованными, как у себя дома, иностранцами), я с уважением и тихой завистью следил за Климчуком и Киселевым, которые внешне ничем не отличались от наших зарубежных коллег: улыбки, мягкая английская речь.

Вообще, языки — это вопрос вопросов! Подходит Резван и, глядя в расписание, сообщает порядок работы на Симпозиуме:

— Надо подойти к председателям своих секций и сказать, кто основной докладчик, кто что... Так, а кто у нас председатель? О! Ку-на-вер Ю., Югославия. Вот ты прикинь, подойду я к нему и что скажу?

— Да-а, — я начинаю озадаченно вникать в проблему. — А кто у меня?

— Триммель, Австрия. Ну, тебе легче.

— Это почему?

— Так с ним все ясно: Хайль, Гитлер! Хенде хох!

Сидим, слушаем выступление члена Бюро МСС венгра Лайоша Тарди.

— Мы собрались на гостеприимной земле Джорджии... — начинает венгр по-русски.

Резван толкает меня под бок:

— Слушай! Я, кажется, венгерский язык понимаю!..

— Что вы все — „языки-языки“, — фанат Кугитанга Володя Мальцев улыбается в длинные усы. — Вот подходит иностранец к милиционерам и что-то их спрашивает по-английски. Те не понимают. Иностранец повторяет вопрос на немецком. Тот же результат. Тогда иностранец спрашивает то же самое на французском, потом поочередно еще на нескольких языках. Так ничего и не добившись, уходит ни с чем. „Надо иностранные языки

учить, — говорит один милиционер другому. — А то не понимаем ничего“. „Ха! — отвечает второй. — Этот вон сколько знал. Ему это помогло?“

После обеда откуда-то выныривает Киселев, мягко улыбается своей неизменной улыбкой:

— Пообедали? И как?

— Два рубля, дороговато, трам-тарарам. . .

— Где это вы так погуляли?

— На восьмом этаже. . .

— То-то, а еще спелеологи! — Киселев смеется. — К земле надо ближе держаться — в подвале под залом заседаний то же удовольствие, но за 80 копеек! Резвану — что, он в Сочи живет, привык к таким ценовым перепадам, это нам, среднеазиатам, пока в диковинку.

— Ладно, — говорит Резван. — Мне вот анекдот рассказали. На Конгрессе этимологов²⁴³, вот, вроде, как у нас, читают доклад: „Мы можем объяснить, например, происхождение слова «стибрили». Когда Александр Македонский захватил город Тибр, там у него украли меч. . . Есть вопросы?“ „Есть. Скажите, а в городе Пиза ничего не пропадало?“

Мимо проходит группка иностранцев во главе с темпераментным итальянцем Пауло Форти, о котором президент МСС Дерек Форд сказал, что его можно звать Пауло Фортиссимо.

— Интересно, — Резван задумчиво смотрит им в след. — Интересно, вот Пауло — он член мафии?

В этой группе выделяется не только итальянец. Высокий грузный председатель североамериканских спелеологов Ричард Гарни доброжелательно отвечает на вопросы Булата Мавлюдова, который довольно уверенно шпарит по-английски.

— Смотри, — говорит Володя, — Булат сомкнулся с акулой империализма!

Булат — геолог, серьезно занимается подземными ледниками, много времени провел в Снежной, благо льда там хватает. Мы его периодически подкалываем, утверждая, что во время доклада Дублянского он кричал „Лаж!“ Булат слабо отбивается.

* * *

«Учитель! Воспита́й ученика. . .

Как паутина жизни ни тонка,

Как ни опасен вечный ход движений, —

Учитель, воспита́й ученика. . .»²⁴⁴

Не знаю, считал ли Володя себя учеником Дублянского, но все мы в той или иной мере — последователи тех первых, кто прокладывал путь. И еще я знаю, что это тяжело, когда в Поля Большой Охоты уходят те, кто должен был идти позади. . .

«Погиб Владимир Киселев. . . Для меня, спелеолога „первой волны“, его смерть мучительна вдвойне. Всех нас, первооткры-

²⁴³ **Этимология** — раздел языкознания, исследующий происхождение слов разных языков.

²⁴⁴ Г. Поженян „Слово о Владимире Киселеве“, эта и следующая цитата из записок В. Н. Дублянского, Симферополь, март 1995 г.

вателей и исследователей тайн подземного мира, связуют невидимые нити. И особенно много их протянулось к Володе...

Нить первая. Меня познакомил с Киселевым в 1979 году мой друг и коллега Владимир Илюхин: „Присмотрись к этому парню. Это завтра нашей спелеологии“. Затем последовали короткие встречи в Перовском клубе, дома у Илюхина, где мы обсуждали перспективы только что обнаруженной на Арабике, тогда еще безымянной шахты. Вскоре ее назвали именем трагически погибшего Владимира Илюхина. Эстафету исследований подхватили друзья и ученики, первым среди которых надо назвать Володю Киселева, совершившего в ней настоящий спортивный подвиг — преодолевшего на глубине свыше 1000 м несколько сложных сифонов...

Мне не довелось работать вместе с Володей Киселевым в пещерах бывшего СССР. Наши встречи проходили во Владивостоке и в Тбилиси, Сочи и Перми, Ленинграде и Симферополе. Но в 1988 г. мы вместе прошли и проползли более 15 миль по пещерам Канады и США — Гаргантюа и Мамонтовой, Нью-Кейв и Флинт-Ридж, Карлсбадской и Винд-Кейв. И каждый раз я открывал для себя не только новое в подземном мире Северной Америки, но и нового для себя Киселева — любителя и знатока подземного мира.

Нить вторая. Владимир Киселев входил в спелеологию не только через первопрохождения. О спортивных достижениях и его роли в открытии запредельного лучше расскажут те, кто был рядом с ним. Не имея ученых званий и степеней, Володя глубоко профессионально занимался научными аспектами спелеологии. Вероятно, широта и глубина его знаний отчасти объясняется тем, что он блестяще владел английским языком и много лет проработал в ВИНТИ, получая новейшую информацию о пещерах всех районов мира. Его профессиональная подготовка определила и первое поручение по линии Секции Спелеологии АН СССР — наладить четкое прохождение за рубеж достоверной информации о советской спелеологии.

И опять протянулась „ниточка“ — международные контакты, установленные в далеком 1965 Владимиром Илюхиным, продолжили, развили, укрепили Владимир Киселев, Александр Климчук и многие другие спелеологи. Этим направлением Володя занимался более 10 лет. Его оперативности, переводческой способности мы обязаны тому, что на страницах „Speleological Abstracts“ достойное место заняли и наши достижения.

Нить третья. Это публикации в зарубежных изданиях новейших данных об исследованиях крупных пещер СССР. В первом Атласе „Крупнейших пещер и шахт мира“, подготовленном П. Курбоном в 1972 г., сведений об СССР вообще нет, во втором (1979) усилиями автора помещены планы и разрезы 4 полостей, в третьем (1986) благодаря В. Киселеву и А. Климчуку — их уже 12. Сейчас трудно найти такой спелеологический журнал, где бы в разделе „Новости“ не было их заметки о новых открытиях. Публиковали они и аналитические обзоры по проблемам спе-

леологии в бывшем СССР. Международный резонанс от таких публикаций был очень велик: ведь чего греха таить — в 70–80 годах сообщения об успехах советской спелеологии не всегда воспринимались всерьез, часто их считали „коммунистической пропагандой“ . . .

Нить четвертая. Научные исследования. Володя не был геологом по образованию. Но он вообще был настолько широко эрудирован, что на равных вел дискуссии со специалистами и внес значительный вклад в познание гидрогеологии карста. Об этой стороне его деятельности можно писать много. Спелеоподводные исследования В. Киселева позволили уточнить палеогидрогеологию Ткибульской ГЭС (Шаорская котловина), Ново-Афонской пещеры (открытие и исследование пещеры Хабю) и района Красной пещеры (прохождение трех сифонов в пещере Алешина Вода), Каповой пещеры (подрусловые сифоны) и района Пинего-Кулоя. У нас с Володей много лет существовала традиция непрерывного обмена информацией и материалами. Вот и сейчас передо мной лежит папка „Для Володи“, где для его планировавшихся погружений приготовлены планы сифонов пещер Кара-Баши и Аянских. . . С первого дня нашего знакомства в нем ярко проявилась черта, которой, увы, часто недостает даже лучшим из нас — обязательность. Ни одно письмо, ни один вопрос, поднятый в нем, не оставались без оперативного, обстоятельного ответа. Володя был не нитью, а прочнейшим связующим звеном между научными работниками и спелеологами-практиками. Его роль в обмене между ними материалами, идеями, знаниями трудно переоценить. Размеры утраты мы ощутим незамедлительно. . .

Нить пятая. Еще в 70-е годы мы с Володей Илюхиным разработали план приглашения в СССР по линии Академии Наук виднейших зарубежных спелеологов и руководителей Международного Союза. Осуществление его шло тяжело. Только в 1979 году прилетела первая „ласточка“ — Р. Гарни (США), затем последовали Р. Эразо (1982, Испания), Х. Триммель (1983, Австрия), И. Фодор (1986, Венгрия), Д. Форд (1986, Канада). Во всех этих приемах неизменно участвовал В. Киселев (или при встрече и проводах в Москве, или на маршруте как гид и переводчик).

Особый размах, но уже не по академической линии, эта деятельность получила после его перехода в „Полярэкс“²⁴⁵. Не будет преувеличением сказать, что Володя открыл пещерный мир нашей страны для десятков (если не сотен) спелеологов дальнего зарубежья. Вторая сторона этой же медали — зарубежные поездки Киселева. Он был в десятках стран мира, спускался в сотни пещер и поэтому был как бы эталоном советского спелеолога за рубежом. И трудно было бы выбрать более достойного представителя на эту роль. Его любимое выражение, которым он

²⁴⁵ „Полярэкс“ — свердловская организация, в рамках которой функционировал спелеологический центр и с которым в послеперестроечные годы сотрудничал Киселев.

встречал любые возникающие трудности („не будем горячиться“) сегодня можно услышать на многих языках. . .

Нить шестая. Володя Киселев был великолепным воспитателем — ненавязчивым, терпеливым. Он учил главным — личным примером. Его сводки по спелеоприсшествиям в пещерах СССР — пример глубокого анализа причин их возникновения, одинаково полезны начинающим и опытным спелеологам. В 90-е годы мы обсуждали с ним макет 3-го издания учебника „Путешествия под землей“, которое, с учетом изменений в технике и тактике (SRT, подводные исследования и пр.) он считал совершенно необходимым для подготовки молодежи. У Володи было много учеников и последователей во всех спелеологических районах бывшего СССР.

Таким мы и запомним Владимира Киселева — спокойным и уверенным в себе, обаятельным и корректным, много знающим и еще больше — умеющим. Для меня Володя был образцом современного спелеолога, несмотря на разницу в возрасте — коллегой и другом. . . »

В. Н. Дублянский

* * *

Лучше едва ли можно сказать. . . А память все раскручивает рваные кадры из совсем еще недавно прожитых событий, о которых — совсем еще недавно! — можно было при встрече вспомнить вдвоем.

. . . Над поляной у Ручейной²⁴⁶ хмурится моросью вечернее небо. Володя только что вышел из-под земли, где вот уже третий день продолжают „спасы“. В своей неизменной клетчатой ковбойке он кажется еще массивнее. Смотрю и первое время не пойму, что так останавливает взгляд — ну, пьет человек кофе. . .

Ба! Вот оно в чем дело. Во, дает! Держа в левой руке сразу две кружки — таким ловким Киселевским хватом, Володя прихлебывал поочередно из каждой.

— Классно! Сразу из двух стволов дуплетом?

— А ты попробуй: горячий кофе с холодной водой, это, знаешь. . .

Я так и называю теперь — пить кофе „по-киселевски“.

. . . На Буковой поляне все готово к отходному банкету. Поляки накопились в Осенней, мы — накувыркались в Ручейной. Но „главбух“ Шалыга добыл 5-литровую канистру чачи, и мы в предвкушении начать. Задержка в том, что Артур готов продать свой французский „кроль“ и беседочный „мэйн рапид“. Если я беру, то должен выложить 140 рублей. (Мама моя! Это при моей зарплате в 180. . .). Но французские. Но за бешеные деньги. Но сразу. . .

Можно и подождать пару месяцев — поляки обещают привезти на Арабику партию польских зажимов и гораздо дешевле — по 35–40 рублей. Но потом. . .

Киселев с улыбкой следит за моими страданиями, которые, видимо, отражаются на моей физиономии, потом тихо говорит:

²⁴⁶Ручейная — одна из известных пещер хребта Алек, Зап. Кавказ, Россия.

— Если есть деньги, бери. Не пожалеешь. Это же Петцль.

Я взял. И до сих пор хожу на том желтом „кролле“ и дюралевом треугольном „рапиде“. Спасибо, Вовка! Я и правда ни разу не пожалел о тех деньгах.

... Совершенно удивительный кадр из памяти. Мы сидим в сказочном маленьком зале с паркетным полом и камином с омедненной решеткой. Праздничный стол украшен удивительным огромным тортом с изображением православного креста. И настоящий батюшка при рясе, кресте и прочих культовых причиндалах с нами за столом.

Мы слегка обалдевшие, а приведший носителя сана Киселев спокойно режет тортюру с православным крестом на кремовой поверхности. Мы празднуем 1000-летие Крещения Руси в Сочинском отделении Географического Общества СССР.

... Мы снова в Сочинском Отделении ГО, экспедиция позади, от недавнего пешего спуска по долине Сандрипша все еще ломит ноги, и мы тянем из кружек традиционную абхазскую „Изабеллу“, прикупленную накануне в Гантиади. Открывает тяжелая резная дверь и к нам в каминный зал заглядывает Киселев:

— Что пьете?

— Вот попробуй — от стола гостеприимно протягивается кружка.

Киселев пробует, потом исчезает за дверью:

— Подождите.

Через минуту он ставит на стол прозрачную канистру с диковинным прозрачно-рубиновым напитком:

— Попробуйте-ка вот это. Только уговор, не больше половины. Оставьте на завтра, я обещал поляков настоящим вином угостить.

Я до сих пор не пил ничего более удивительного, чем это игристое, удивительного аромата вино. Володя знал и умел выбирать лучшее.

... А потом, потом был сочинский аэропорт, „утомленное“ солнце над взлетной полосой, куда нас выпустили как провожающих иностранную делегацию (и опять же не без гипноза излучающей солидность и благожелательность Киселевской фигуры). Но рейс задерживают, мы сидим на лавочке, и уже непонятно, кто кого провожает. Мы говорим сразу на всех кавказских языках, пьем то самое удивительное вино прямо из канистры, и разомлевший Резван пытается напоить из той же канистры приبلудного черного мордастого кота.

И, наконец, Ленинанкан. Странички моего ленинанканского дневника:

«16 декабря 1988 года. Вот и еще один день. Сегодня откопали двоих погибших — девочку, и, уже в темноте, мужчину. Позавчера по городу откопали 23 человека живыми. Вчера — троих из текстильной фабрики. Сегодня? У нас только трупы. Сначала считали, потом перестали.

Вчера вечером снова увидел знакомые налобные фонари, и яркий свет карбидки. Подошли — точно! Московские спелеологи, и среди них наш коллега по кавказским экспедициям этого лета Володя Киселев. Вижу и другие знакомые лица. Здесь Бен — во времена путешествий по подмосковным катакомбам многие знали эту кличку. Тогда не пришлось — знакомимся теперь, на

ночных улицах Ленинанкана. Киселев и его команда работают на „нашей“ чулочно-носочной фабрике, где мы ночуем.

К ночи Володя заглянул к нам на чаек, благо, мы уже вернулись с работы. Московские спелеологи-спасатели в количестве 20 человек опередили нас с приездом в Ленинанкан всего на сутки. А ведь им не в пример ближе добираться. Зато московская бюрократия крепче усть-каменогорской. Володя рассказал, что у них под завалом кто-то стучит. Приехали австрийцы с тепловизорами. Пробуют пробиться сверху и сбоку. . .

От Киселева узнаю, что здесь же в ленинградской команде Антон Саакян.

. . . Еще радость — в Ленинанкане работают киевские спелеоспасатели, среди них Саша Резников и другие мои знакомые.

Поговорили с Киселевым о пещерах. Хорошо! Как воздуху свежего глотнул. . .»

Как-то подумалось: Друзья — это те, кто в трудную минуту оказываются там, где оказываешься ты. . .

Мужики, я, наверно, никогда не привыкну к тому, что его нет.

Какая страшная потеря. . .
 Споткнувшись, замерла весна. . .
 И только письма к нам летели —
 Посланцы горя всем, кто знал.
 Они нас били на излете
 Под вздох.
 И только боль в груди. . .

Володя, как же ты? Володя. . .
 Нет, что же это. . . погоди. . .
 Я знаю, ты был осторожен,
 Там, в этой черной Пинеге,
 Но что-то. . . что же?

что же??

что же???!!!

Пустое. . .

Вовки больше нет.

Такой спокойный и надежный,
 Всегда нацеленный вперед,
 Ты шел туда, где было сложно,
 Где черта черт не разберет.
 На острие,
 Где все непрочно,
 Я помню глаз твоих прищур.
 Погиб. . .

Смотрю на эти строчки
 И верить, верить не хочу!

Ты шел по самому по краю,
 Немногословный и большой.
 Слышь, Вовка,

— мы не умираем,
Мы где-то встретимся еще...²⁴⁷

²⁴⁷К. Б. Серафимов „Владимиру Киселеву“, 19 апреля 1995 года.

9. Десятилетие удачи

9.1. Бзыбское противостояние

Мы оставили наших подземных великанов в самом начале десятилетия „восьмидесятых“ — в препирательствах по поводу глубинного приоритета. Гонку возглавляла Жан-Бернар, единственная в Мире пропасть, перешагнувшая глубину в четырнадцать сотен метров — ни много, ни мало — 1410. Следом, ноздря в ноздю, мчались Пьер-сен-Мартен (–1332 м) и наша Снежная, где экспедиция Морозова 1980-го года остановилась в зале Пенелопы на глубине –1320 метров. В третьем эшелоне у отметки –1200 метров отталкивали друг друга локтями красотки Гуффер Берже и Сима де лас Пуэртас де Ильамина, больше известная под прозаическим и несколько поношенным названием БУ-56.

Но наступало следующее десятилетие, и в споре за Корону подземного царства уже народились иные, еще неизвестные миру, соперники. Кейвинг вступал в новое десятилетие открытий. А нас неудержимо притягивал Кавказ.

Я хочу на Кавказ, я хочу на Кавказ,
К черноморскому солнцу!
Чтоб парная жара, чтоб дорога с утра,
Чтоб колючки на склонах,
Чтобы буковый лес, чтоб тропа до небес,
Чтобы белые скалы,
Облака чтоб у ног, и шальной ветерок,
Тот, что лица ласкает.²⁴⁸

Там, где мощно стремится свои воды к близкому морю красавица Бзыбь, по ее скалистому ущелью вьется шоссе. Ежедневно десятки и сотни автобусов и автомашин поднимаются по этой дороге к жемчужине побережья — горному озеру Рица. Высятся по сторонам узкой полоски асфальта сумрачные стены. Серый известняк, шум горного потока. Здесь излюбленные места тренировок и соревнований скалолазов. Из окон „Икарусов“, открыв рты, смотрят на них туристы.

На исходе шальное лето,
И опять на хребте Судьбы
Нас Арабика тянет влево,
А направо нас тянет Бзыбь. . .
Горы в небо вонзают скалы —
Не пытайся их блеск забыть!
Нам Арабика шепчет: „Чао!“
„До свиданья!“ — нам шепчет Бзыбь.
И когда на пороге тайны
Лишь останется крюк забить,
Улыбнется нам Жове-Квара,
Усмехнется седая Бзыбь.
Понимаешь, такое дело —

²⁴⁸К. Б. Серафимов „Я хочу на Кавказ“, Усть-Каменогорск, 1982 г.

Суждено нам Кавказ любить,
И Арабика смотрит слева,
Щурит справа отвесы Бзыбь...²⁴⁹

Да-а, мало кто знает, что по сторонам дороги на Рицу, будто в боевом противостоянии, сошлись главные пещерные районы Западного Кавказа: слева — Арабика, Гагрский хребет, справа — Бзыбский массив, коротко, одноименно реке — Бзыбь.

Ах, эта Бзыбь! В нашей памяти — это, прежде всего, все-таки — Снежная. К началу восьмидесятых Снежная поставила перед первопроходцами немало достойных задач.

Летом 1981 года их попытались решить экспедиция Татьяны Немченко. Из зала „Метростроя“ удалось пролезть вниз по щелям между завалом и монолитной стеной, и выйти в тихий „Песчаный“ зал. Из зала был найден спуск к реке, которая вскоре снова терялась в завале. Эта точка оказалась на 15 метров ниже зала „Пенелопы“. Но куда идти дальше, увы, было непонятно. Глубина Снежной стала — 1335 метров. Особенностью Снежной оставалось то, что все ее 1335 метров открывались только одним входом. Никакие более низко расположенные входы не могли облегчить достижение дна. И это очень существенная особенность!

Я хочу на Кавказ, чтобы Бзыби оскал
Веселил наши души!
Чтоб гитары и смех, чтоб тревога о тех,
Кто уходит все глубже.
Чтоб охрип телефон: „Мы ушли за сифон!
Мы прошли сквозь завалы!“
Чтобы выйти наверх
И, не веря, смотреть на лучистые скалы.

* * *

Итак, наша экспедиция „Снежная-81“ углубила знаменитую пропасть на 15 метров. Мало? Иногда один метр стоит доброй сотни. С этими метрами Снежная (–1335) немножечко обошла ПСМ (–1332). Мы — вторые после Жан-Бернар! Но всем было ясно, что три метра, разделявшие супергигантов — весьма сомнительная разница.

Так или иначе, но начало 80-х знаменовалось резким подъемом советского спелеологического движения. С приходом к руководству Центральной комиссией спелеотуризма Александра Игоревича Морозова, измученный междоусобицами в верхнем эшелоне власти советский кейвинг, наконец, вздохнул вольным воздухом.

Прежде всего, увеличилось число всесоюзных учебных мероприятий. В 1982 году на Западном Кавказе проводились сразу два таких семинара. Школа инструкторов спелеотуризма (СИП) под руководством Владимира Резвана отправлялась на Алек. Семинар высшей спелеотуристской подготовки (ВТП) под началом москвича Николая Чеботарева с тоской ожидал заброски на Бзыбь. В те времена вертолет у нас все еще был редкостью, а пешком восходить на плато. . .

²⁴⁹К. Б. Серафимов „Дорога на Рицу“, в самолете над Уралом, 1987 г.

Традиционно оба семинара начинались на Хостинской турбазе „Южная“, после чего перебрались в удивительно уютный Воронцовский приют, расположенные вблизи одноименной пещеры.

Интереснейшее это было время! После длительной изоляции друг от друга на Кавказ съехался, без преувеличения, весь цвет советского кейвинга того времени. Подобным кворумом мог похвастать, пожалуй, только Всесоюзный семинар высшей инструкторской подготовки 1985-го года, о котором я уже рассказывал.

Ну, а пока — мы собрались на приюте „Воронцовский“. Погода на Кавказе — капризная тетка. Над побережьем, на радость отдыхающим — солнце, над горами, на горе нам — облака. Как сейчас, вижу навесы над кухонными очагами Воронцовского приюта, угрюмую фигуру лидера ленинградцев Володи Демченко, озабоченного чисткой картошки не меньше, чем погодой. Но гитара с нами, и тут же рождается „Посвящение ВТП-82“:

Какая чудная погода!
 На вертолет надежды нет.
 Глядеть на небо неохота.
 Тем более — на Бзыбь переть.
 А рюкзаки — помилуй Боже!
 Ну, редко, где не шестьдесят.
 Вот потому смурные рожи
 На нас уныло так глядят. . .

Их ждут приятные находки:
 Ну, чем не чудо — „Сувенир“?²⁵⁰
 И минимум четыре ходки,
 Чтобы дойти до этих дыр!
 Нам на Алек гораздо ближе.
 Для нас и муха — вертолет!
 Огонь с утра кастрюльку лижет,
 А дождик, падла, льет и льет.

Ну, что же делать, что же делать,
 Коль вертолета не дадут?
 А что тут думать, — ВэТэПэшник?
 Бери рюкзак и в гору дуй!²⁵¹

Несмотря на весьма относительные художественные достоинства, песенка оказалась, что называется, „в жилу“ и неизменно выжимала вымученные улыбки „ВэТэПэшников“ Чеботарева. Кончилась неделя теоретической подготовки, и наши семинары разъехались по своим хребтам, чтобы через месяц устроить совместный послеэкспедиционный банкет на роскошной поляне у слияния речек Западная и Восточная Хоста.

Помните в той песенке такую строчку: „Их ждут приятные находки. . .“? Она оказалась пророческой.

²⁵⁰Пещера Сувенир славилась своими узостями.

²⁵¹К. Б. Серафимов „Посвящение ВТП-82“, Воронцовский приют, 1982 г.

* * *

Напомню, что в 1979 году неподалеку от Снежной усилиями спелеологов МГУ была найдена новая пропасть, названная по имени Сергея Меженного. Начинаясь очень эффектно — почти 400-метровым каскадом вертикальных колодцев, пещера на глубине около 500 метров вдруг упиралась в непроходимую узость. Но пещеры такой глубины уже просто так на произвол судьбы не оставляют. Тем более, мысль о том, что новая пропасть должна где-то сомкнуться со Снежной появилась едва ли не сразу при открытии. Это была заманчивая идея! Не могу удержаться, чтобы не предоставить слово старожилу и одному из первопроходцев моему доброму товарищу москвичу Юрию Шакиру²⁵².

«... Вернувшийся из-под земли Булат Мавлюдов предложил определить местоположение шахты относительно Снежной. В ход пошли схемы, карты и даже теодолит. Выяснилось, что между пещерами около километра, а их входы разнесены по высоте на 35 метров. Значит, если они соединятся, то подземная система выдвинется по глубине на второе место в мире!

Итак, теперь нужно соединить две пещеры между собой. Цель ясна, вперед!

Легко сказать „соединить“...

При встречах мы с Сашей Михалиным нередко делились своими планами.

— Ты понимаешь, спортивные прохождения известных пещер привлекали меня до тех пор, пока я не совершил спуск в самые сложные шахты...

— И тогда ты заинтересовался поиском и первопрохождением новых пещер, — улыбнулся я.

— Естественно! Что может быть привлекательнее и интересней!

— Значит, летом на Раздельный хребет?

— А куда же еще?

Наша зимняя поездка на Кавказ послужила хорошим толчком для спортсменов спелеосекции МГУ. Уже в мае 1980 года в горы устремилась группа математиков и геологов под руководством Николая Чеботарева. Весной подземные потоки очень бурные, так что на нескончаемых каскадах ручья первопроходцам пришлось очень несладко. В мокрых комбинезонах было совсем не жарко на холодном ветру, и согреться участникам спуска удавалось только при забивании шлямбурных крючьев для навески веревок.

Первый удар противника выразился в том, что крючья кончились раньше, чем каскады. Делегаты отряда вылезли наружу и отправились к Снежной — там работала группа москвичей. Неожиданная радость — крючья есть, даже в избытке, только за ними нужно спуститься в пещеру на 200 метров.

Сказано — сделано. Когда математики Коля Чеботарев и Марина Фунтова принесли в свой лагерь драгоценное железо, гео-

²⁵²Ю. Шакир „Искать, надо искать“, „Ветер странствий“ № 25, 1990 г.

логи закричали „ура!“ и сразу устремились под землю. В шахте опять застучал скальный молоток.

Второй удар противника был из тех, что обычно воспринимается спелеологами с неудовольствием только наполовину: снаряжение кончилось раньше, чем пещера. О топосъемке в условиях, когда от грома водопадов люди с трудом слышат друг друга в нескольких метрах, речи не было. Математик Чеботарев оценил достигнутую глубину строго на глаз и ошибся не намного — мы знали, что шахта перевалила за 300 метров.

—А что дальше-то?

—Колодец, наверное, метров пятьдесят. . . Перед ним более двадцати каскадов.

—Интересно, сколько осталось еще?

—До чего?

—До соединения!

Чтобы внести ясность в этот вопрос, спелеологи МГУ пожаловали на Раздельный хребет летом. Кого здесь только не было! Студенты, аспиранты, инженеры и научные сотрудники, обремененные степенью и семьей. Некоторые прибыли к месту экспедиции с семейством. По поляне сновали три девчухи, самой младшей из них, Танечке Юмашевой, было 6 лет. Взрослые занимались серьезными делами. Мама творили у костра что-то съедобное и по запаху, похоже, вкусное, а мужчины держали в шатре очередной военный совет. Штурм глубокой шахты силами могучего отряда спелеологов — дело нешуточное. Все сильные и опытные, готовые к любым трудностям!

Впрочем, о степени готовности придется сказать особо. Получив задание, спелеолог обычно выходил на пригорок, обкладываясь извлеченным из рюкзака личным снаряжением и некоторое время скептически его изучал. Потом вздыхал и отправлялся взглянуть на доспехи товарища. Если там обнаруживалась ситуация еще хуже, на сердце немного легчало и можно было снисходительно посоветовать не отставать от непрерывно шагающей вперед конструкторской мысли. На примере личного образца, зачастую достаточно уникального в своей оригинальности, совершался обмен опытом и, при возможности, оказывалась помощь недостающими деталями.

Мало удовольствия, конечно, обнаружить собственное отставание в техническом вооружении. Перед выходом в пещеру появлялось неприятное чувство неуютности: начинали сверлить беспокойные мысли о недостаточной надежности. Чтобы обрести утраченный комфорт, отстающий вооружался всем, чем можно, из ремнабора (плоскогубцы, отвертка, проволока, жесть и т.п.) и принимался творить в соответствии с общей модой.

Слово „мода“ здесь не случайно. По-другому трудно охарактеризовать ажиотаж вокруг лифчиков, которые вдруг начали шить себе из капроновых стропов почти все мужчины. Позднее выяснилось, что в пещере такой фасон страховочной сбруи вел себя весьма своеобразно — веревочные стремяна превращались в нитки, а подъем — в опасное занятие.

Что поделаешь, если в магазинах снаряжения не бывает, — каждый спелеолог делает его своими руками.

Надежность самодельного снаряжения часто тоже оставляет желать лучшего — его постоянно приходится чистить, отлаживать и временами чинить. Вот где рождается непостижимое для постороннего терпение спелеолога!

Перед самым спуском под землю у Саши Дехтяренко отказал головной свет. Освещение — самый важный элемент жизнеобеспечения под землей. Больше часа просидел на самом солнцепеке в полном облачении, включая гидрокостюм, наш уважаемый завхоз, пока фара не засияла ярким светом. Заулыбался и Саша, услышав, как потрясенные зрители назвали его железным мужиком. Бросив прощальный взгляд на небо, железный мужик вслед за товарищами исчез в подземелье.

Задача стояла обычная: навесить снаряжение до такой-то глубины. Однако планы постоянно срывались по разным причинам, среди которых неизменно присутствовала легкая нескромность в оценке своих возможностей. Шахта требовала при штурме интенсивной работы в суровых условиях: в окрестностях Доброго колодца температура не превышала +3°С. Ниже немного теплело — целых +6°С! Если вспомнить пронизывающий ветер вдоль ручья, можно представить ощущения людей, работавших на его каскадах. Из-за отсутствия информации о размерах каскадов спуск по следам весенней экспедиции носил характер повторного первопрохождения. На каждом уступе, спускаясь вдоль ручья, группа навески занималась кропотливым подбором подходящих по длине веревок и лестниц — хотелось, чтобы их хватило как можно глубже!

Одновременно с группами навески работали телефонисты Андрей Игнатенко и Александр Вильф. Они тянули под землю линию связи, стараясь сделать ее недостижимой для лазящих туда-сюда спелеологов. Трудную работу связистов оживляли веселые эпизоды, когда наверху кто-нибудь в неподходящий момент нетерпеливо крутил ручку телефона, натужно крича в трубку: „Барышня! Это Земля. Мне срочно нужны Райские ворота!“ После этого лицо абонента принимало по меньшей мере огорошенный вид: „Из-за меня вас бьет током?! Извините, пожалуйста. . . Куда идти?.. (Соседу) Не слушай, Оля. Это намного дальше Райских ворот“.»

* * *

Эти армейские телефоны много кому вспоминаются с дрожью. Замечательно надежная штука она обладала нокаутирующим электрическим разрядом в фазе вызова абонента — 100 вольт не шутка!

Наиболее „приятные“ ощущения оставила мне работа подземным телефонистом в Напре. Верхняя часть пропасти весьма суха. В белых штанах, конечно, по Напре не прогуляешься, но, по крайней мере, до —600 можно спокойно передвигаться без гидрокостюма, даже если пренебрегать прави-

лами SRT-навески. Все было бы замечательно, но вот телефон! Противная машинка требует для работы не только присоединения к проводу, но и надежного заземления. Где его взять, если камни влажные и только?

Пока парни пробрасывают мешки по одному из 15-метровых колодцев, решаю выйти на связь с базой на поверхности. Положение у меня не очень удобное — ход в этом месте представляет широкий вертикальный разлом переключенный на разных уровнях солидными каменюками, по которым мы и совершаем сейчас всю нашу акробатику с мешками.

Понятнее устроившись на одной из таких глыб, достаю из мешка пластмассовую коробушка телефона, открываю, деловито присоединяю на зачистку — оголенное от изоляции место на проводе один из „крокодильчиков“. Теперь „земля“... Куда же ее приспособить? Можно держать одной рукой телефон, а другой крутить ручку, но некуда пристроить проклятое заземление.

Вечная проблема „третьей руки“! Принимая замысловатые позы, пробую и так и этак и, окончательно замороченный и выведенный из себя не нахожу ничего лучше следующей комбинации: зажав между коленками телефон, я одной рукой прижимаю „крокодильчик“ заземления к мокрой лужице на камне а другой... .

Знатоки уже ржут! Да-да, другой рукой я что есть силы кручу ручку вызова. Только по счастливой случайности я не свалился с моего камня — шибануло меня по высшему разряду! Мне повезло, и я даже не выронил проклятый телефон, хотя желание зашвырнуть его подальше было почти непреодолимо. Кто не пробовал — рекомендую.

* * *

Но вернемся в Меженного.

«Наверное, после такой электротерапии Игнатенко слишком нервно полез по лестнице и потому не удержался, когда под ногой поехала одна ступенька за другой. От неожиданности Андрей соскользнул и полетел вниз. Страхочный зажим висел преступно низко — рывок получился чрезмерно сильным, и 6-миллиметровый капроновый шнур оборвался. Трудно сказать, на каком каскаде остановился бы Андрей, если бы не настоящая мужская челюсть, которой он зацепился за нижнюю ступеньку лестницы! Не отцепляя подбородка, „планерист“ надел на веревку самохваты и полез наверх, с холодком сознавая, какого пикирования ему удалось избежать.

В лагере все с уважением разглядывали подбородок героя, не жалея комплиментов. Отходя в сторону, парни самокритично проводили ладонью по заросшим лицам и, вздохнув, решительно срезали с зажимов старую оснастку: долой ненадежный шнур!

Неизгладимые впечатления остаются у тех спелеологов, кто попадал под землей в паводок. Как-то мы стали свидетелями удара лавины воды из русла ручья, когда по счастливому стечению обстоятельств мы только-только вылезли из-под Райских ворот. В ту же минуту где-то там наверху будто дернули ручку —

и веселый ручей мгновенно превратился в грозно ревуший водопад! Пораженные зрелищем, мы стояли, застыв, поодаль и поеживались от мысли: начнись паводок получасом раньше, и нас отрезало бы от поверхности бушующей преградой, причем возможно надолго — порой вода не спадает в течение суток. Как ни обидно, но дожди частенько отнимали у нас возможность поработать, разрушая один план за другим.

Постепенно все пришли к мысли, что лучше потерять лишний день на подъеме к пещере, чем один час работы под землей.

Наступила зима 1981 года, и, воплощая в жизнь эту мысль, на Бзыбь, вверх по глубокому снегу, устремилась геологическая рать спелеологов секции МГУ под руководством поднаторевшего в разных переплетах Саши Михалина. Им пришлось очень несладко: палатки, устанавливаемые после утаптывания площадки, еле высывались из сугробов! Тяжелые мешки со снаряжением и непрерывно падающий снег затащили „восхождение“ под Хипсту, и на работу в шахте осталось около трех суток. . .

— Сэкономили, — чесали затылки закаленные бойцы.

Летом геологи умчались в поле, Саша Михалин вместе с Юрой Косоруковым, Валентином Горбаренко, Михаилом Ноздрачевым и другими ребятами из спелеосекции в который раз пошли на крутой подъем к шахте. Она звала первопроходцев!

После их возвращения я с завистью слушал рассказы о том, как они до усталости мотались по хитрому лабиринту узких ходов, а потом, ликуя, ворвались в огромную галерею, где глаза разбежались — куда идти?

В создавшейся обстановке не растерялись Миша Ноздрачев и Дима Китаев — они полезли именно туда, где обнаружилось новое продолжение. Там по высокому тоннелю текла уже самая настоящая река! Возбужденные своим открытием, парни буквально понеслись вдоль нее: скорее, скорее — до Снежной, наверное, рукой подать!

Но. . . путь преградил сифон. Незримый противник, наверное, с усмешкой наблюдал, как суетятся два здоровых парня в поисках дальнейшого пути — ваше время кончилось, спелеологи!

В результате этой экспедиции размеры пещеры ощутило выросли. Если раньше протяженность ее ходов укладывалась в 500 метров, то теперь счет пошел на километры.

Следующий шаг в изучении шахты сделала осенью 1982 года группа спортсменов из разных городов: они работали по программе школы Высшей спелеотуристской подготовки. Начальником всесоюзного лагеря, раскинувшегося на Раздельном хребте, был не кто иной, как Николай Чеботарев, давно имевший зуб на шахту. . . »

* * *

По графику семинара отделение Демченко работало в Меженного. По-нятно, что всем не давала покоя непроходимая узость, которой заканчива-

лась на глубине –570 метров пройденная часть пещеры. Не лезть же в сифон, когда есть другие варианты?

По счастливой случайности в составе отделения Демченко оказался чрезвычайно изящным телосложением спелеотурист из Куйбышева—Марс Алтынбаев. Совершенно неожиданно для скептически настроенной толпы Марсу, раздевшись до майки, удалось просочиться в узость шириной всего в 20 сантиметров и до того считавшуюся непроходимой. Парень протиснулся сквозь теснину и куда-то ушел. Его более могучим товарищам оставалось только интенсивно сглатывать слюну.

Разведчик принес огушительные новости—галерея продолжалась, уходя все глубже! И тогда народные массы возмутились. А всем известно, что если народ соответствующим образом вдохновить, он способен горы свернуть. Так и случилось. То, на что не могли решиться предыдущие экспедиции—свершилось. При помощи весьма скудного ударного инструмента узость была расширена. Отделение Демченко устремилось в прорыв и вышло на подземную реку. Был открыт ручей Невский и масса других ходов. Это была сенсация!

«Отделение В. Демченко занялось топоъемкой продолжения: к их радости, открылась целая система длинных ходов, в которых нужно было разобраться.

Когда топографический план шахты наложили на карту, где раскинулась Снежная, спелеологи были ошеломлены: пещеры вплотную подошли друг к другу! Определенную роль в этом сыграла, конечно, суммарная ошибка топоъемок двух огромных полостей. Но ее оказалось достаточно, чтобы вокруг известия немедленно разгорелись страсти, и в спелеосекциях закипела напряженная подготовка к новым штурмам.»

Да. Рассказы об удаче в Меженного, принесенные ВэТэПэшниками на банкетную поляну, взбудоражили весь Союз. Счастливые улыбки Демченков запомнились мне навсегда—они затмевали блеск солнца, отраженного в Западной Хосте.

То, что за „лазом Марса“ галерея через 200 метров вновь упиралась в сифон—значения не имело: вокруг было немало вариантов для поиска обхода. Река Меженного могла быть верхним течением знаменитой реки Снежной. А могла и не быть.

Так или иначе, Меженного обещала новые открытия.

* * *

Едва вернувшись с ВТП, „братья разбойники“—Владимир и Олег Демченко развернули интенсивную подготовку дальнейшего штурма. Пещера „шла“, и сознание этого мощным магнитом притягивало к Меженного внимание спелеологов всей страны.

В феврале–марте 1983-го ленинградцы снова на Бзыби. Необычно снежная даже по кавказским меркам зима превратила подходы к пещере в настоящий штурм. Двенадцать суток понадобилось, чтобы протропить подъем, на который летом едва ли понадобилось больше трех–четырёх

дней. Но труды на заброске оправдались — спуск в Меженного дает новые открытия. Команда братьев Демченко добавляет к уже пройденному новые 220 метров галереи²⁵³, но из-за нехватки снаряжения вынуждена остановиться перед очередным колодцем. По реке, как и в Снежной, потянулись бесконечные завалы. Ленинградцы отступают, но радость открытий приправлена изрядной долей беспокойства. Дело в том, что в это время к штурму готовится команда москвичей под руководством Александра Морозова.

Топографическая съемка ленинградцев не оставила сомнений в том, что река Меженного действительно является верхней частью Снежинской реки — пещеры готовы были слиться в единую подземную систему. Где-то водные потоки соединялись. Но где? И кому выпадет честь соединить эти замечательные пропасти?

По мнению Морозова, открытие соединения было бы достойной вехой в его многолетних исследованиях Снежной. Братьям Демченко, по не менее понятной причине, хотелось логического завершения столь удачно начавшегося доисследования системы Меженного.

Что думали на сей счет первооткрыватели Снежной и Меженного спелеологи МГУ, можно только догадываться, но в эту битву они вмешаться не решились.

* * *

Летняя 1983 года экспедиция москвичей в составе Александра Морозова, Аркадия Иванова и Александра Корневского была на грани успеха. Пройдя колодец, о который споткнулись ленинградцы, москвичи открывают большой зал, могучую засыпанную завалами галерею, по которой удастся пройти еще на 450 метров. Мощная река терялась в очередном завале, а путь вперед преграждал небольшой но... непроходимый без веревок колодец. Снаряжение кончилось. На топографических планах обе пещеры, Снежная и Меженного, уже пересекались — сказывались погрешности съемки. Соединение где-то рядом, но его нет. Удача, поманив морозовцев, скользнула мимо рук.

Братья Демченко чувствовали, что Фортуна может показать ленинградцам тыльную часть тела. Морозов — серьезнее конкурента подыскать было трудно!

Госпожа Удача любит настойчивых. Это ленинградцы понимали, и поэтому, едва отойдя от предыдущего штурма и с грехом пополам уладив текущие дела, в последних числах ноября уходящего 83-го года их команда вновь у Меженного. Это была 13-я экспедиция за 4 года с начала исследования пещеры!

Той осенью, рассказывая участникам Каунасского спелеологического совещания о подробностях этой захватывающей исследовательской гонки, Александр Игоревич Морозов уже намечал свою следующую, 14-ю по общему счету, экспедицию в декабре–январе. Москвичи буквально висели на плечах ленинградцев. Если промахнутся Демченко, Морозов...

²⁵³Здесь и далее цифры по „Крупнейшие карстовые полости СССР. Часть III «Спелеологические провинции Большого и Малого Кавказа», АН УССР ВИНТИ, Киев, 1987, стр. 198–203.

Но Демченко не промахнулись. Как часто бывает в судьбах замечательных открытий, все решил случай. В который раз обшаривая проклятый завал, куда уходила подземная река, и уже подумывая о возвращении, тройка ленинградцев в составе братьев-разбойников и Алексея Спиридонова неожиданно понесла материальный ущерб: Олег Демченко уронил скальный молоток. История умалчивает, какими именно словами отреагировали свидетели событий на этот вопиющий факт, но можно предположить, что сначала никто из группы не оценил должным образом эту замечательную оплошность. Да-а, в тот исторический момент вряд ли кто-нибудь из доблестной троицы обрадовался перспективе остаться без молотка.

Гипнотический опыт прохождения завалов Снежной толкал все группы исследователей Меженного к поискам обхода того последнего завала также вверх под своды зала. Отчаявшись найти проход в верхней части завала, ленинградцы без особой надежды на успех принялись обшаривать узкие проходы между глыбами у самой воды. Силы экспедиции таяли, а за спиной нависал сильный и удачливый Морозов, готовый этой же зимой перехватить успех.

И вот в этот критический момент, когда оставалось только свернуть исследования и возвращаться, молоток ускользнул от хозяев и булькнул в воду между камней.

Сразу после экспедиции весьма скупой в проявлениях на поприще эпистолярного жанра Владимир Демченко писал в письме к Резвану примерно следующее: „Не такие мы парни, чтобы разбрасываться молотками!“ И негодующие ленинградцы принимаются ворочать глыбы, стремясь вернуть себе утерянное имущество. За очередной глыбой приоткрылась щель. . . Остальное было, что называется, делом техники. За щелью открылась галерея, где практически сразу же наткнулись на тур морозовской экспедиции, в 1981 году исследовавшей верхнее течение Снежинской реки. Пропасти были соединены!

* * *

Можно себе представить досаду команды Морозова, упустившей такое первопрохождение! Они утешились, если можно этим утешиться, тем, что совершили первый в стране траверс вновь возникшей пещерной системы Меженного-Снежная.

Превышение уровня входа в Меженного над уровнем входа в Снежную составило +35 метров, и новая система с денивеляцией 1370 метров закрепила свои позиции на втором месте в мире. Кто мог тогда предположить, что через год после траверса этой суперсистемы Морозов предпримет еще одну зимнюю экспедицию, которая станет для него и его товарищей последней?

Кстати, о превышении в +35 метров. Летом 1986 года, накануне первой нашей SRT-экспедиции в Снежную, один из лагерей нашей команды был разбит у Меженного — параллельно основной работе мы заглянули и в ее замечательный 400-метровый каскад.

Так вот, стоя у входа в пещеру — такой, знаете, непрезентабельный входик, если сравнивать со Снежной, правда, с прибитой к камню подковой на шлямбурном крюке, я невольно стал искать глазами Снежную. Пого-

да была замечательная, и в динозавровой хребтине Раздельного хребта ложбинка у входа в знаменитую пропасть виднелась достаточно отчетливо.

Но что это? Почему-то мне показалось, что ложбинка эта лежит выше горизонта моего взгляда. Знаете это ощущение? Чувствуешь, что смотришь вверх, а не вниз. . . Кто привык подолгу вглядываться в окружающий пейзаж, поймет, о чем я говорю. По ощущению выходило, что вход в Снежную лежит выше Меженного? Как же тогда с официальными цифрами? Такими вещами обычно не шутят.

Немедленно отправляюсь к палатке и вскоре возвращаюсь ко входу в Меженного с полным набором средств для обычной полуинструментальной топосъемки — горный компас, линейка, транспортир, мерная нить. Соорудить примитивный нивелир²⁵⁴ не составляет особого труда. Мой самодельный уровнемер подтвердил подозрения: визир упорно упирался ниже среза входной воронки Снежной метров на 30–40. Что ты будешь делать?

После экспедиции я поделился своими сомнениями с Володей Резваном.

— А чего ты удивляешься? — усмехнулся Резван. — Надо было сделать „вторую в Мире“? Вот и сделали!

Так как я не уверен в своих измерениях, но вполне доверяю своим ощущениям, то предлагаю заинтересованным лицам сделать более точные измерения. „Всего-то и нужно“ — затащить на Раздельный добрый геодезический нивелир. А?

* * *

У кого из спелеологов не защежит сердце при известии, что где-то в досягаемой близости „пошла“ пещера? Радость от общего успеха смешивается с легкой завистью: „Ну почему не у нас!“ Но редко кто срывается с места, чтобы приобщиться к чужому успеху. Обычно такая весть действует как инъекция упорства — надо работать, искать, рыть, глядишь — и у нас пойдет! Практика работы на Кавказе недвусмысленно показывает: все, кто имел настойчивость разрабатывать свой район в течение пяти и более лет — добились успеха. Пещеры сначала неохотно, затем все активнее устремляются вниз.

С Гагрского хребта, что высится слева от трассы на Рицу, район Снежной не виден. Бзыбь высится темной стеной, часто увенчанной облаками. А здесь — скалистый рай!

Арабика! Совершенно удивительный мир скал и снега, пропаханный древними ледниками и изрытый карстовыми воронками.

Все снега да снега,
Не сказать, что июль,
Нас встречает Арабика снегом.
Пока день не угас,
Вверх лежит наш маршрут —
В край, где скалы сливаются с небом.
И почувствуешь вдруг:

²⁵⁴ **Нивелир** — геодезический прибор для (так и хочется написать — „нивелирования“) определения относительных высот точек земной поверхности.

Замыкается круг
В этом Богом забытом углу.
Воздух тонок и сух,
И ласкают наш слух:
Христофор, Ачмарда, Гельгелук.²⁵⁵

Сколько поэзии в названиях этих придорожных поселков, что раскинулись в предгорьях и высоко в горах вдоль головокругительной автотрассы, ведущей в небо... Дорога! В этом еще одна приятная особенность Арабикских экспедиций — возможность заброситься автомашиной практически к самым пещерам.

— Сто рублей рейс! — возмущается Юра Бессерегенов, руководитель белоусовской группы, загружая выдавший виды ГАЗ-66 экспедиционной поклажей. — Цены — с ума спрыгнуть!

Цены ценами, но вид огромной кучи наших мешков, московских ящиков и польских голубых бочек с гордой надписью "PZA"²⁵⁶, отбивает всякое желание подставлять под нее собственные плечи. В первую езду отправляем основной груз, во вторую — все оставшееся, и набиваемся сами под самую завязку. Дело к ночи. Это нормально. Днем здесь не ездят. Мы еще не знаем — почему. И вот бог здешних дорог — Симбат, садится за руль, ревет двигатель, машина взбирается наверх.

... На буковый лес падает ночь — стремительно, по-кавказски. И тут же, как по мановению волшебной палочки, во мраке леса вспыхивают зеленые искры светлячков. Они прочерчивают влажную ночь пунктирами трасс, превращая мрачные заросли в сказочную страну. Забывая о тряске, заворожено плывем через чудесный лес. Светлячки летят и летят волнистыми зелеными трассерами, как будто мерцающие слезинки лесных фей...

Граница леса отмечена „воротами“. С высотой становится как-то светлее, и на фоне призрачных хребтов ирреальными громадами высятся по сторонам дороги два огромных дерева — Ворота Гюзле.

Холодает. С близких уже снегов тянет бодрящим ветерком. Но дорога не дает особо задумываться о неудобствах — извивается немислимыми серпантинами, заставляя нас изо всех сил цепляться за борта и друг за друга. „Шестьдесят шестой“ не вписывается в повороты — машина то и дело с натужным воем утыкается в склон обочины, скрипят тормоза, медленно осаживаем задним ходом к пропасти. Хорошо — темно, не видно, и то, как представишь, куда в случае чего лететь — жуть берет. Визг тормозов, машина дергается сначала назад, затем вперед, берет с места и вкручивается в очередную петлю дороги. Через минуту — новый поворот, и операция повторяется в зеркальном порядке.

А над горами — Смотрите! Смотрите! — россыпи огней. Это побережье! Это Адлер! А это что — тоненькая цепочка огней — аэродром?

Ну, вот и перевал. Какие-то убогие без единого огня строения, лай собак, серебро снега. зуб на зуб не попадает. Кутаемся кто во что.

²⁵⁵К. Б. Серафимов „Гельгелук“, Гагрский хребет, Арабика, 1988 г.

²⁵⁶Международная экспедиция в июле 1988 года в систему имени Илюхина на Арабике состояла из спелеологов Перовского клуба Москвы, Усть-Каменогорского клуба „Сумган“, Белоусовского клуба „Вертикаль“ и сборной команды Польского Альпийского Союза — Polski Związek Alpinizmu (PZA).

За перевалом дорога идет вниз. Те из нас, кто когда-либо сидел за баранкой, инстинктивно давят ногой несуществующую педаль тормозов. Наш перегруженный грузовик тычется в обочину над пропастью, завывая двигателем, пятится назад, снова ныряет вниз. Разговоров нет. Все напряженно молчат, уставившись во тьму. Что будет, если откажет тормоз, сцепление или еще что-нибудь откажет в нашей потрепанной технике — думать не хочется.

Сколько мы едем: три или шесть часов? Но всему есть конец. Выгружаемся в крошечной тьме на какой-то пустоши среди гор и снега. Из уст в уста передается желанное словечко — Гельгелук, последний форпост цивилизации на нашем пути. Самого поселка не видно. Люди здесь живут по законам природы, а не вопреки им: ложатся с закатом, встают с рассветом. Электричества нет.

Мы палатки поставим,
Найдя пятачок
Меж воронок засыпанных снегом.
Нас закатное солнце
Усталым лучом
Приласкает весеннею негой.
Смотрит в душу с утра,
Как царица, гора
В окружении облачных слуг.
Серпантин змея. . .
Как живете, друзья,
Мой Багнари, Гюзле, Гельгелук?

* * *

— Ну, как дорога, Юра? — спрашиваю Бессергенева на встрече между ходками.

Мы челноками таскаем экспедиционный груз от места выгрузки к поляне нашего базового лагеря, что обустроиваем в паре сотен метров от входа в Перовскую. Юра крутит головой:

— Я б за сто рублей не повез! Они, думаешь, чего по ночам ездят?

— Чтоб со страху не помереть.

— Чтобы движок не перегревался! — смеется Юра. — Ну, и со страху тоже. Хотя им что, они тут привычные!

Утро очаровывает нас открывшимся великолепием гор. Бзыбь выглядит как-то мягче, благообразнее, положе. Здесь же острые известняковые гребни и пики будто состязаются между собой в изяществе и утонченности форм.

Арабика! Что-то чудится в этом слове — будто тонконогий арабский жеребец с трепетными нервными ноздрями на курносом носу. Справа — треугольный пик, снег скалистых цирков которого слепит на солнце глаза. Слева — гигантская скальная пила удивительных форм. Мы еще только пришли, а уже при мысли, что придется уходить, покинуть все это сразу полюбившееся великолепие, щемит сердце.

А когда все пройдем,

Улыбнемся с тобой
И с Арабики Бзыби помашем.
Небо в красках зари,
Но на касках горит
Незакатное солнышко наше.
И почувствуешь вдруг:
Все проходит, мой друг,
Ветер гонит с кострища золу.
Но в воротах Гюзле
Смотрят ласково вслед
Богорупшта, Сандрипш, Гельгелук...

* * *

К 85-му году Арабика догнала Бзыбь по числу „тысячников“. Рядышком со Снежной, недосыгаемо царившей в карстовых глубинах, в строй Бзыбских пропастей встала Напра (–956 м). Ее река, уходящая в затянутую песком щель под отвесной стеной донного зала, давала определенные надежды на продолжение. Арабика же усилиями киевлян и москвичей из Перовского клуба выдвинула в число претендентов на всесоюзное первенство (до мирового было еще далековато) пропасти Куйбышевскую (–740 м) и Перовскую (–950 м).

Так что: два–два с качественным перевесом на стороне Бзыби.

Команда Саши Климчука, пробившись в 82 году через 200-метровые колодцы и завалы Куйбышевской до –740, застряла в совершенно уже грандиозном завале, который терпеливо исследовала в ходе нескольких последних экспедиций. Зато Перовская — „пошла“.

В 80-м году московская экспедиция под руководством В. В. Илюхина открыла вход в пропасть в средней части ригеля вот этой ледниковой долины — трога, на борту которой стоит сейчас наш цветастый международный лагерь. Поговаривали, что вход в Перовскую в буквальном смысле приснился одному из сподвижников Илюхина — Александру Ефремову. Приснился и был найден в том самом приснившемся месте! Вход открылся в протаявшем снежнике, но за впечатляющим началом — прекрасной крутонаклонной галереей и 100-метровым каскадом колодцев, исследователи неожиданно споткнулись о настоящий лабиринт на глубине около –250 метров. Пещера выбрасывала вниз тупиковые ветви, упорно не пропуская первопроходцев к настоящему продолжению.

И тут, в самом разгаре исследований, Перовский клуб и весь советский спелеотуризм потрясла тяжелая потеря: при возвращении из экспедиции „Арабика-82“, в Гантиади был сбит автомашиной и погиб Владимир Валентинович Илюхин. Илюхин погиб в самом расцвете творческих сил в возрасте 48 лет.

Какая странная случайность! Его коллега и противник Александр Игоревич Морозов через три года погиб тоже на Кавказе и тоже в возрасте 48 лет...

Но работы в пропасти продолжались. В 84-м штурмовая четверка во главе с москвичами Владимиром Киселевым и Михаилом Дякиным „берут верный след“ подземного потока и на глубине –950 метров достигают

сифона. Теперь это место носит название „сухого дна“.

* * *

А что же наши зарубежные конкуренты? К 1985 году в мировой таблице о рангах первые места занимают уже 8 пропастей глубже 1200 метров, тогда как к началу десятилетия их не насчитывалось и половины от этого количества.

Уаутла, обогнав было соперниц, смогла прибавить к своей денивеляции только 20 метров, но этого оказалось маловато, и мексиканка переместилась на 6-е место: –1246 м.

Испанка Ильямина (БУ-56) обошла-таки француженку Берже, хотя и та не стояла на месте. Напомним, что после прохождения легководолазом Фредом Поджия сифона на соединении пропастей Гуффри Рододендронс и Берже, система получила денивеляцию 1198 метров. Затем удалось присоединить к системе еще одну пропасть — Фромажер. И наконец, в ходе экспедиции „Спелео-Рагаи-82“ подводнику Патрику Пенесу удалось пройти конечный в цепочке донных сифонов Берже — 5-й сифон, на целых 170 метров. По его словам галерея в том месте, которого удалось достичь, имеет приличный диаметр — до 5 метров, и просматривается до отметки –55 метров от входа в сифон. Таким образом, система Берже-Рододендронс-Фромажер достигла денивеляции 1248 метров.

Испанка БУ-56 оказалась удачливее. Помните, как в 80-м году французская команда совершила головокружительный штурм этой пропасти, преодолев за одну экспедицию перепад высот около 1000 метров? Но пропасть продолжалась. И вот в 1981 году при поддержке властей провинции Наварры в пропасть направляется большая франко-итальянская команда.

Вчитываясь в скупые строчки описания этой атаки, с трудом сдерживаешь волнение. В этом, наверно, и заключается магическая сила пера и бумаги, не говоря уже о кино — не имея возможности увидеть все воочию, тем не менее, приобщаешься к первопроходцам, переживаешь вместе с ними незабываемые минуты штурма, захватывающие приключения. И все же... как жаль, что нас не было там!

Первым делом на глубине –800 метров в нижнем конце зала Ронкаль был установлен опорный для дальнейших исследований подземный лагерь. Первая же разведка из этого лагеря позволила спуститься ниже отметки –1192 метра, достигнутой в прошлом году²⁵⁷. Из-за водопадов и высоких стенок, продвижение по каньону Ринкон де Бельагуа потребовало поистине акробатических приемов. Перила, привязанные к большим сталагмитам, нависали над бездной. Чего стоит только один траверс на 20-метровой высоте над бушующим потоком! Единственными зацепками для лазания служат кальцитовые натеки, грохот воды и водяная пыль заполняют галерею. И так — 260 метров тяжелого лазания!

Постепенно галерея приобретает внушительные размеры. Новый 15-метровый отвес приводит прямо в глубокое и широкое озеро, которое невозможно преодолеть без лодки.

²⁵⁷ Здесь и далее по материалам Франсуа Пернета и Ришара Мэра „Сима де лас Пуэртас де Ильямина (БУ-56)“, „Spelunca“ № 9, Франция, 1983 г, в переводе А. И. Морозова.

С отметки –1250 метров становится немного спокойнее, но вот оглушительный грохот возвещает о приближении мощного водопада. Полкуба воды в секунду обрушивается с высоты 20 метров в темноту. Запас веревок уже подходил к концу, поэтому навеска на этот водопад, по словам очевидцев, приносила потом „массу удовольствия“. Веревка, по крайней мере, на метр уходила в поток воды. Вдобавок, в качестве сюрприза, на ней был узел, который приходилось преодолевать при спуске и подъеме, кувыркаясь при этом в бурлящем потоке. Страшно было даже подумать, что здесь происходит во время паводка, когда расход воды достигает 10-ти и более кубических метров в секунду!

А паводки преследовали экспедицию — наверху шли дожди. По меньшей мере, трижды рабочие группы отсекались от лагеря паводком в разных частях пещеры. Один раз это произошло после затопления знаменитой узости на глубине –1000 метров. Тридцать четыре (34!) часа ждали попавшие в западню, пока пройдет паводок: без еды, без лагеря и, естественно, почти без сна — один из участников сказал перед этим выходом: „Поменьше возьмишь — побыстрее пойдешь!“

В последний раз шестерка французов была вынуждена 12 часов переждать паводок на участке Меандро Примидо выше лагеря, во время чего родилась еще одна отличная фраза, которую не мешает помнить некоторым особо ретивым исследователям глубин. В переводе с французского это звучало примерно так: „Лучше быть живым слабаком, чем мертвым героем!“²⁵⁸

На глубине –1300 метров свод снизился и, наконец, подземная река скрылась в обширном сифоне округлой формы шириной до 10 метров. До самого конца пещера сохраняла грандиозные размеры!

Но экспедиция продолжалась! Теперь все зависело от спелеоподводников. И они оправдали надежды. Фред Вержье пронырнул подряд три сифона: протяженностью 50, 100 и 50 метров, и остановился перед четвертым. На такой глубине от поверхности земли еще никто не добивался столь замечательного успеха! Глубина БУ-56 стала –1338 метров.

Испанка вплотную приблизилась к гиганту ПСМ (–1342).

Каких-то четыре метра разделяло величайшие пропасти Пиренеев!

* * *

Снежная все еще удерживалась на 2-м месте, но сложности встреченные экспедициями Усикова, Морозова, Козлова (Капрал) в конечном огромном завале, а затем гибель вдохновителя и главного „мотора“ исследований Снежной — Александра Игоревича Морозова, делали дальнейшие успехи в этой пропасти проблематичными.

И только Жан-Бернар все увеличивала разрыв. В 81-м году неутомимый Фред Вержье вместе с первопроходцем первого сифона этой пропасти Патриком Пенесом снова повели атаку на мировой рекорд глубины. Экспедиция продолжалась всего неделю, собрала под свои знамена более 30 спелеологов из разных мест, привлекла внимание журналистов и телевидения. Обстановка праздничного карнавала сопровождала эту

²⁵⁸Сдается мне, что это не самый удачный перевод: по-русски можно выразиться гораздо точнее!

рекордную экспедицию, во время которой отважная двойка подводников прошла второй сифон пропасти и остановилась перед третьим на глубине –1445 метров. Однако попытки дальнейшего продвижения представлялись подводникам столь рискованными, что Вержье и Пенес объявили экспедицию 81-го года последней.

Но по размышлении Патрик Пенес решил, что шанс все-таки есть, и в следующем году с Ж. Л. Фантонелли они вернулись в Жан-Бернар. Удача приходит к настойчивым! Третий сифон был пройден, но... за ним подводников ждало разочарование — четвертый сифон, замыйтый песком и непроходимый. В результате глубинный полюс планеты вырос почти до заветной полуторакилометровой глубины: –1494 м!

* * *

Если пропасть не может расти вниз — следует поискать продолжение повыше! Поиски выше расположенных входов в подземные системы часто приводили к успеху.

Так произошло и в этот раз. Уже в следующем, 1983 году, была найдена связь входа Б-22 с основной частью пропасти. Заветная мечта спелеологов всех стран осуществилась в Гуффе Жан-Бернар — человек переступил отметку –1500 метров. Французы установили фантастический рекорд: –1535 метров денивеляции при протяженности системы 17900 метров. Все соперники остались далеко позади!

* * *

А между тем противостояние Арабики и Бзыби продолжалось.

9.2. Не карстом единым...

Когда ты в горах — мир внизу кажется проще. Лишенная мелочей, жизнь проступает отчетливей. По-юношески концентрируются тени — все становится контрастнее, жестче. И безжалостно расставляются акценты: бескомпромиссность — такая желанная и недоступная внизу — ее дарят нам горы.

Когда мы уходим от Солнца — мы оставляем наши проблемы здесь, наверху. Пройдя очищение глубиной, проще понять их суть. Нужно хоть немного побыть в мире без ползвучков и полутонов: чтобы друг оставался другом, а враги были далеко. Чтобы грань ощущалась кожей, и, сказав „а“, — нужно было бы идти до конца. И отступить считалось бы невозможным, а отступление не казалось бы трусостью.

Когда мы возвращаемся из глубин к свету, мы становимся добрее. С глаз спадает пелена, и уходит из души муть, притупляющие чувства и сочувствие. Но вот мы спускаемся вниз к морю, и уже томимся предчувствием — вот сейчас кончится эта сказка, и нас окружит обыденная суэта. Плыть по течению?

* * *

1985 год стал переломным для нашей, тогда еще неделимой, страны. Только тогда мы еще не осознавали всей глобальности грядущих перемен. Однако существовать прежним образом многие из нас не хотели, причем со всей серьезностью. Можно сказать, что из всех, если можно так выразиться, путешественников-экстремалов — спелеологи очнулись одними из первых. И не только опомнились, но и взбунтовались.

Можно любить только пещеры и отдавать им все свое время. Но пещеры без людей — ничто. А люди и общество неразделимы. Можно сколько угодно прятать голову под крыло, делая вид, что тебя ничего не задевает, или без толку пассивно ругать все и вся. Ведь именно это — надо понять, наконец! — только и нужно тем, кто стоит у „руля“ идущего не в ту сторону „паровоза“. И кейвинг, конечно, не является исключением.

После гибели Морозова председателем Центральной комиссии спелеотуризма стал москвич Николай Андреевич Марченко. Надо сказать, что к этому времени из глубин нашего спелеодвижения выдвинулся целый ряд очень интересных лидеров, вокруг которых происходило интенсивное брожение самых современных и далеко не миролюбивых идей. Такими „центрами кипения“ в осмыслении происходящего, и осознания возможных путей развития советского кейвинга стали представители различных спелеологических регионов, что характерно, весьма отдаленных географически.

В Киеве — Александр Климчук, в Москве — Николай Марченко, в Красноярске — Юрий Корначев. Понятно, что они были не одиноки. Без помощи, а порой, и яростного оппонирования товарищей по кейвингу наши лидеры лидерами бы не стали. Чтобы прослыть великим полководцем, нужно иметь достойного противника. Как бы там ни было, но эти лидеры и составили, в конце концов, мозговой центр советского спелеодвижения.

Внес свою посильную лепту в развитие ситуации и сформировавшийся к 85-му году наш спелеоцентр на востоке Казахстана.

* * *

Чего-чего, а в противниках новым веяниям недостатка никогда не ощущалось. Причем во все времена. Закостеневшая система стремилась раздавить любую инициативу, противоречащую устоявшимся порядкам, справедливо расценивая всякое проявление живой мысли как посягательство на устои. Плоть от плоти государства — система советов по туризму и экскурсиям, тоже не являлась исключением. А поэтому спелеотуризму, особенно на первых порах борьбы за реорганизацию, приходилось туго.

Положение осложнялось тем, что, попав в общую упряжку под единым названием „туризм“, кейвинг не мог опереться ни на кого из названных собратьев по тропе. Гораздо более многочисленные приверженцы других видов туризма в то же время оставались более разобщенными, инертными и политически безграмотными (мы-то не блистали!). Но спелеотуристам было все-таки легче — связи между секциями и клубами страны существовали весьма прочные, информация распространялась достаточно оперативно. А, как известно, информационная связь — залог успеха любого начинания. Ну и, кроме того, спелеологи накопили некоторый опыт политической

борьбы во время междоусобных конфликтов, когда в недалеком прошлом в спелеотуризме столкнулись два внутренних течения, и более демократичное одержало верх. Причем все это произошло еще за пять лет до официального объявления пресловутой Перестройки советского общества.

Победить-то мы тогда победили, но наши завоевания ни в малой степени не коснулись основ Системы, в которой был вынужден существовать советский кейвинг — ни системы советов по туризму, ни, тем более, системы государства. И это мы постепенно тоже начинали понимать.

В 1985 году клубы страны обошел документ, значение которого трудно переоценить. Трудами названной тройки лидеров был рожден „Анализ состояния и проблем любительского спелеологического движения в СССР“. „Анализ“ был составлен, размножен и разослан — нелегально, минуя официальные каналы и согласование в директивных органах туризма. Это сразу же вызвало ответную реакцию — как со стороны спелеообщественности, так и, конечно, со стороны бюрократического аппарата. И приемы аппаратчиков новизной не радовали. Колю Марченко „приглашали в органы“, но — все обошлось. Хотя Резван и предлагал Марченко написать к Киевскому совещанию по карсту и спелеологии доклад на тему: „«Решетка» — как основной аспект спелеологической деятельности в СССР“.

Это было все еще то, но уже все-таки — не то время.

„Анализ“ взорвал тишину, побудил к действию всех наиболее думающих и заинтересованных в переменах лидеров местных секций и клубов, дал толчок дальнейшим событиям. А они не замедлили быть. В ответ на „Анализ“ по стране прокатился целый ряд писем и разработок. В том числе и мой „Проект-предложение по оргструктуре любительского спелеодвижения в стране“. В нем я (на 29 машинописных страницах через один интервал — во был накал!) яростно громил практику маршрутно-квалификационных комиссий, заявочно-отчетно-справочную систему бумагомарания и многие другие спелеотуристские „хомуты“.

В Красноярске неистовствовал Юра Корначев. Его работоспособность вызывала уважение: не ленясь в переписке, он снабжал своими рукописными разработками полстраны. Оставаясь несколько в стороне от Красноярского клуба, и в тоже время опираясь на его мощь, Корначев интенсивно прорабатывал идеологические аспекты.

На другом краю страны, в Киеве, выражал чаяния молодой поросли научной спелеологии Саша Климчук, разрабатывая жилу спелеоэкологии. Найдя контакт с Украинским обществом охраны природы, Климчук иной раз повергал меня в трепет своими запретительскими сентенциями.

В Адлере Володя Резван осмысливал подготовку кадров, собирал по крупицам историю советского спелеотуризма. В Симферополе Александр Козлов, всесоюзно известный по юношескому еще прозвищу — Шакал, возглавил первый в Крыму, да и во всей стране, хозрасчетный спелеоклуб, нарабатывая уникальный пока опыт существования хозрасчетных общественных неполитических организаций. В Москве Владимир Киселев, уходя от политики внутренней, развивал зарубежные контакты, щедро делаясь информацией. Мы в Усть-Каменогорске осваивали запрещенную технику одинарной веревки, SRT — и это тоже баламутило новой струей наше общее болото...

Председатель Центральной спелеокомиссии Коля Марченко (недаром специалист-системник по дискретной технике), что было сил, сводил во-

едино разбушевавшиеся полюса. Постепенно от шараханий из крайности в крайность, от противопоставления кейвинга и научной спелеологии, спелеотуризма и первопроходчества, раздираемые противоречивыми соблазнами — добраться до профсоюзных денег и стремлением к экономической самостоятельности, мы приходили к пониманию неделимости сущего в природе...

* * *

Где-нибудь в Москве, Киеве или Красноярске, на встречах спелеологов разных городов, когда в клубах сигаретного дыма в муках, смехе и ругани прорабатывались очередные ходы на нелегком пути к организационной самостоятельности, я часто не успевал записывать особо удачные высказывания, фразы и каламбуры своих товарищей по кейвингу.

А послушать было что! Однажды Корначев пришел на очередное заседание вооруженный занятной книжицей под названием „Тотальный шпионаж“ Курта Рисса в английском, а затем русском переводе Военного издательства Народного Комиссариата обороны 1945 года издания. Можно понять, что работа велась серьезно!

Когда мозги слишком уж перекалялись, обязательно находился кто-нибудь, кто в наступившей обалделой тишине разряжал обстановку, безразлично спрашивая что-нибудь вроде:

— А скажи, Марченко, какая разница между фортепиано и унитазом?

Марченко, как и полагается в ожидании подвоха или анекдотического продолжения, подозрительно качал головой, щурил усмешливый глаз и заглатывал крючок:

— Откуда мне знать? Не знаю.

И тут же следовало убийственное:

— Эх ты, а еще интеллигентный человек!

Когда утихал сотрясающий стены и перекрытия хохот, Коля говорил:

— Как полагаете, мужики, что должен подумать майор Петров, внимательно изучающий записи моих телефонных разговоров, когда в шесть утра звонит Красноярск, и Корначев бодрым голосом докладывает:

— Значит, так. Информация разослана, карабины получил, люди готовы! А?

В такие дни крохотная квартирка Марченко у Московской кольцевой железной дороги в районе ВДНХ становилась „горячей точкой“, в которой живо ощущался, пульсировал, бил по нервам упругий ритм времени. Помню, как впервые разыскивали с Резваном эту квартиру на окраине Москвы, и, наконец, вошли в лифт.

— Интересно, на каком этаже живет Марченко? — я озадаченно рассматривал по-московски длинный ряд кнопок.

— Однозначно, — хмыкнул Резван. — Не видишь, что ли? Какая кнопка наиболее обшарпана? Правильно! Шестой этаж.

Он не ошибся.

— Это что! — рассказывал Резван, когда мы далеко за полночь выбирались по ночным московским улицам восвояси. — В предыдущий свой визит к гражданину Марченко я заблудился на конечной автобуса и решил спросить, для верности, у попутчика-милиционера, где тут Холмогорская улица?

Веришь, нет? Сержант внимательно так на меня посмотрел и спрашивает: „Вы к Марченко? Сейчас объясню!“...

* * *

К сожалению, я не могу рассказать на этих страницах обо всех наших приключениях на политическом поприще. Это совсем отдельная история — по закрученности сюжета и остроте ситуаций не уступающая доброму детективу. Упомяну только основные вехи нашего пути к созданию самостоятельной спелеологической организации в СССР. Пути, который, как оказалось — как тогда было знать? — вел в никуда. Но в этом нашей вины уже не было.

Всесоюзное Спелеологическое совещание 1986-го года в Киеве²⁵⁹ признало необходимость создания общесоюзной организации, выполняющей координирующие и информативные функции, учет пещер и контроль за пещерным фондом страны, а также представляющей страну на международном спелеологическом уровне. Вопрос об утверждении этой организации выносился на следующее Всесоюзное совещание, которое планировалось там же в Киеве через год. Быстро сказка сказывается...

Казалось, что Всесоюзная спелеологическая организация вот-вот будет учреждена. Мы всей душой жаждали этого события. Зимой 1986 года личный состав Красноярского семинара инструкторов спелеотуризма направляет в адрес Центральной комиссии коллективное письмо за подписями представителей более чем 20-ти спелеоколлективов Союза.

«Общественное спелеодвижение нельзя свести только к спелеотуризму, — писали мы. — Нам тесно в его рамках. И прежде всего потому, что мы используем свой досуг не только и не столько для отдыха, но главным образом на пользу обществу, выявляя и разведывая подземные пространства нашей Родины.

Созидательное начало этой главной нашей задачи, а именно деятельность, направленная на приращение территории подземного пространства страны и помощь государству в освоении этой территории — в корне отлично от потребительского туризма, в который может превратиться наше движение, если свести его лишь к спелеотуризму...

Разрешение всех существующих в нашем движении проблем может быть достигнуто только при условии объединения всех сил общественного спелеологического движения страны в одну действительно дееспособную организацию...»

Спелеологи страны осмысливали свое место в обществе. И оно оказывалось несколько иным, чем отведенное нам волей директивного аппарата. Не в силах в полной мере оторваться от впитанных в течение всей предыдущей жизни идеологических корней, больно и мучительно, но мы осознавали себя.

²⁵⁹ Такие спелеологические совещания, более известные как „Илюхинские чтения“ до того устраивались для интеллектуального общения ученых мужей от карстоведения и спелеологии, но Киев-86 был потрясен нашествием технарей-кейверов, к числу которых мне посчастливилось приобщиться.

«Союз спелео — объединение организаций, имеющих общие интересы хотя бы в одной области. Именно так может быть создана эта организация!!!» — писал Корначев.

Характерно, что почти все мы мыслили исключительно „масштабно“ — уж минимум организациями, клубами, объединениями. Мы и не умели по-другому — сызмальства воспитывались исключительно в коллективистском восприятии окружающего. За организациями всех рангов и мастей мы привычно не обращали внимания на самих себя, забывали о каждом из нас в отдельности. О том самом Человеке, ради которого, в конечном итоге, только и имеет смысл что-либо создавать.

По моему глубокому убеждению, это очень интересный инструмент для исследования форм жизнеустройства. Стоит задуматься, какой же минимальной единицей „объема человеческой массы“ оперирует та или иная идея, проект, закон или нормативный акт? Если они рассчитаны на то, чтобы удовлетворить запросы каждого отдельного человека или гражданина — это замечательный закон!

К сожалению, таких очень мало. Подавляющее число определяющих развитие общества нормативов подразумевают некие абстрактные величины, где каждому из нас в отдельности места нет. Но если в законодательстве нет места каждому из нас (кроме Уголовного Кодекса, конечно!), зачем удивляться, что государство смотрит на своих граждан свысока? И рассматривает каждого из нас как дешевую рабочую силу и еще более дешевое пушечное мясо? Ну, да не будем о грустном.

* * *

После Киевского совещания прошел год, подходил ноябрь 87-го, а мы не успевали создать организацию. Нас уже сжимали тормозные колодки системы, не знавшей и не желающей знать ничего подобного тому, что затевали мы. Но и мы никак не отваживались на решительные действия, даже на те, что зависели исключительно от нас.

У страха всегда глаза велики. Но глаза боятся, а руки делают! Эта истина внушала нам опасения. Мы знали, что делают-то руки, а бьют чаще по голове! Мы всего боялись тогда, и многого опасаемся до сей поры²⁶⁰. Нас родили в страхе и растили в благолепии перед системой. И было очень трудно отважиться на утверждение собственной значимости и дееспособности.

Мы — мудрецы из подворотен, глашатаи узких квартирков, лидеры кухонных митингов и замкнутых мирков. Судьба дает нам шанс, но как им воспользоваться? Страшно при мысли о наших отцах, тем более дедах, кто такого шанса не имел и не успел распрямиться. Не успел? А может быть, не захотел?

Мало ли тех, кто отвергает все новое, только потому, что приятие его граничит с признанием как-то не так прожитой собственной жизни? Немало и тех, кто боится потерять место у кормушки, куда сыпается всем гамузом,

²⁶⁰ „Почему ты говоришь «Мы»? — возразил мне как-то мой друг Женя Зинин. — Каждый должен говорить за себя“. Я и говорю за себя, мой Внимательный Читатель, и от имени тех, кто думал и ощущал ситуацию как я. А если Вы думали иначе, были бодры в поступках и не боялись — так это не про Вас. Договорились? Примите мои извинения.

а черпают по спискам „народные избранники“. И мало ли тех, наконец, кто просто не может уже иначе мыслить — в свое время не научился принимать чужие мнения и признавать, что жить можно по-разному (Кто не с нами — тот против нас!)

Может — лишь тот, кто хочет, у кого хватит сил и упорства. Это как в пропасти. Идти до конца или вернуться, каждый решает сам. И только остаться на месте нельзя.

Остаться на месте — значит, отстать навсегда.

* * *

Киев-87 не стал, вопреки нашим планам, решающим рубежом. Но среди суеты секционных выступлений и научных докладов продолжало шлифоваться наше понимание сути собственных желаний. В работу включилось академическое крыло в лице Виктора Николаевича Дублянского, наконец, видимо, поверившего, что эти парни взялись всерьез.

И снова Совещание отмечает и рассылает своим участникам „Решение“:

«Считать ключевой задачей создание общесоюзной общественной организации, обеспечивающей руководство спелеологическим движением.

Поручить Секции спелеологии АН СССР и Комиссии спелеотуризма Всесоюзной федерации туризма образовать рабочую группу по подготовке нормативных документов общесоюзной спелеологической организации.

Просить ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ГКНТ при Совмине СССР, Академию Наук СССР, Мингео СССР... оказать содействие в ее создании.»

Новый виток бесконечной спирали. Среди серьезных слов, мыслей и бумаг вспоминается комната гостиницы и в ней Климчук, умирающий со смеху со сборником тезисов Совещания в руках.

— Ты чего, Саня?

— Да вот, докладик откопал, смотри: „Ископаемый козел Бендукидзе“. Как тебе название? Надо пойти послушать этого козла!..

* * *

Этот этап нашей борьбы за самостоятельность ознаменовался одним принципиально значимым пунктом „Решения“:

«Считать одним из основных условий успешного развития спелеологического движения в Стране создание и нормальное функционирование самостоятельных спелеологических клубов.»

Вопрос о клубах созрел и был закреплен документально. Но все еще ни слова о личности, о каждом из нас, об индивидуальном членстве — снова, пусть самостоятельные, но коллективы, в которых сливаются в безликую массу отдельные люди. И снова режут слух и глаз знакомые нотки былых мотивов.

„Руководство“ спелеологическим движением — вот что предписывалось нашей будущей организации. Руководство! Но всякое руководство — это централизация. Всякая централизация руководства — это власть. Власть и принудительное подчинение неотделимы. Иначе нет смысла говорить о руководстве. От принудительного подчинения до рабства — один шаг.

А если без подчинения? Тогда нет смысла говорить о руководстве. О принуждающем руководстве. А можно и нужно говорить только о координации. То есть о добровольных действиях на основании получения информации, осознания ее и принятия необходимого самостоятельного решения. Но понадобилось Климчуку съездить в Штаты, чтобы я смог осознать эту простую истину.

* * *

А следующий год. . . ах, какой предстоял год! Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год для нас, кейверов Восточного Казахстана — год тройного юбилея.

Прежде всего, исполнялось 100 лет Мировой спелеологии. Отечественный кейвинг отмечал 30-летие. Ну, и встречал свой 10-летний юбилей наш клуб спелеологов „Сумган“.

Какой год! Какие надежды!

Он и правда удался для многих, наш юбилейный год. Но, кроме радости, принес и много печали — на подземных маршрутах погибли пятеро наших товарищей.

И был общий праздник: Всесоюзные соревнования по спелеотуризму в Крыму — в Бахчисарае. Все республики СССР прислали свои делегации на этот невиданный по представительности форум советского спелеодвижения. Все, кроме Казахстана.

Казахстанской команды в Бахчисарае не было. Так Казахский республиканский совет по туризму и экскурсиям сводил счеты и „карал“ слишком активизировавшихся спелеологов своей республики. При этом, нимало не забываясь о престиже собственно Казахстана²⁶¹.

В Бахчисарае побывали только двое казахстанцев: алмаатинец Володя Толмачев каким-то образом был официально приглашен и отпущен на судейство, я же прилетел сам, потому что не мог пропустить такую возможность встретиться со столькими друзьями и товарищами по кейвингу.

Белые мягкие скалы Бахчисарая! Твои домики, убогие крыши. Такой маленький дворец-музей со знаменитым „фонтаном Слез“, который многие из нас так и не успели посмотреть. И пещерные города в ущелье. И наши флаги на ветру с близкого моря. . .

Впервые на подобном мероприятии присутствовали спелеологи стран Восточной Европы: словаки, болгары, поляки. . . И впервые были проведены показательные выступления по технике одинарной веревки в исполнении поляка Владимира Рудольфа, москвича Владимира Киселева и, конечно,

²⁶¹ „Слышал? — усмехнулся начальник Казахского Республиканского оперативно-спасательного отряда Алихан Кобжанов при нашей встрече в Алматы, — Твой «лучший друг» из Казтурсовета — Танька Попова, спилась совсем“. Была такая начальница отдела самодеятельного туризма, за что-то люто меня „полюбившая“. Наверно, за то, что не пил с ними на республиканских соревнованиях по туризму, где вся казтурсоветовская ГСК — главная судейская коллегия, обычно не просыхала. Или за то, что имел друзей в Москве и держался независимо?

моем, так как, помимо эмоций, это было главное дело, из-за которого я рвался в Крым. Не обошлось без курьезов.

Вишу на 40-метровой скале неподалеку от трасс соревнований, прокладывая навеску для показательных выступлений. Известняк поразительно мягок, не известняк, а туф — крючья входят, как в масло, и... также легко вываливаются. Приходится отказаться от московских „спитов“ и забивать наши „ШэКаэСы“ — они в два раза длиннее и держат надежно. Внизу под мной раскинулась живописно расцвеченная флагами площадка, уставленная машинами и усеянная фигурками людей. Многие следят за моими манипуляциями на одинарной веревке — большинство знает об SRT только понаслышке. Вдруг раздается мегафонный голос: „Эй, на скале! Почему без страховки? Немедленно спускайтесь!“

В некотором удивлении оглядываюсь — кто это там полез без страховки? Соревнования проводятся по правилам классической двухопорной техники, и такое нарушение чревато снятием команды. Снова кричат в мегафон. Тогда до меня, бестолкового, доходит, что этот „атас“ звучит в мой адрес.

Вот так дела! Накануне мы с Киселевым подходили к крымским спелеологам, представляющим здесь спасательную службу, рассказали о наших намерениях провести показательные, вроде, все было встречено с пониманием. И... на тебе!

Чтобы не дразнить гусей, спускаюсь от последнего забитого мной крюка, подхожу к машине КСС, рядом с которой стоят мои товарищи по Болгарской школе безопасности — симферопольцы Володя Кузнецов и Сергей Бучный. Тут же начальник Крымской КСС.

— Что случилось?

— Почему на одной веревке? — это начальник.

— А как вы понимаете SRT?

— Здесь официальное мероприятие, нарушать безопасность запрещаю.

— Это не нарушение безопасности, а правила той техники, которую мы собираемся демонстрировать. Кстати, с участием наших зарубежных гостей, которые только так и работают.

— Не знаю ничего. Повесьте как полагается страховочную веревку и демонстрируйте, что хотите. Только вне регламента соревнований.

Нормально сидим! Москвич Володя Киселев понимающе улыбается, Варшавянин Володя Рудольф смотрит вопросительно. Он не может понять, в чем проблема. Этого со стороны не понять... Доказывать что-либо бесполезно. Но и вешать вторую веревку смешно. Отходим в сторону, подзываем „своих“ симферопольцев.

— Мужики, что за дела? Вроде бы, обо всем договорились.

Кузнецов хмуро молчит, потом говорит:

— Что вам, трудно вторую веревку повесить?

— Подождите, пока начальник уедет, — улыбается Бучный.

Этот совет нам кажется более толковым.

* * *

По-октябрьски свежими вечерами, над пологими вершинами Крымских гор, над притихшим Бахчисараем звенели гитары. Здесь встретились спелеологи, друзья по подземным тропам более 70-ти клубов и секций страны.

Не только песни звучали в воздухе Бахчисарая. Были разговоры и споры о будущем. Но наступала, чувствовалась уже усталость. Много за эти годы было слов, все никак не приводящих к делу. Собрание представителей клубов вынесло последнее решение: 1989 год должен стать решающим. Или — или.

* * *

Только еще казалось, что эти соревнования никогда не кончатся, что можно еще успеть договорить обо всем завтра, завтра. . . И вдруг — все. Снова увозят золотые медали челябинцы под предводительством Сереги Кеса-Киселева. И снова мы расстаемся у автобусов, сразу как-то почувствовавшие — каждый в своих, подступивших невзвестях откуда, совсем было забытых житейских проблемах.

И суетливо записываем в книжечки новые адреса и обещания. И нарочито весело прощаемся, вскидывая вверх руки! Теперь до встречи где-нибудь в горах.

Этот слет, как виденье,
Промелькнул, и осталось:
Наших тактик сплетенье
В переправах и скалах.
Все надежды и срывы,
Все паденья и взлеты
Как-то вдруг отдалились:
Так кончаются слеты.

И остались на память
Нам дипломы и кубки.
И остались на пальцах
От веревок зарубки.
Мы опять уезжаем,
Будто и не встречались,
И немножечко жалко,
Что все быстро промчалось.

Но, ребята, усталость
Не согнет наши плечи.
И опять будут скалы,
Будут новые встречи.
Где-то ждут нас пещеры,
Ждут Хан-Тенгри и Ушбы,
Потому что мы верим
Только в главное — в дружбу!²⁶²

9.3. Последние штрихи к портрету

С каждым днем меняется окружающий нас пейзаж, с каждым часом все меньше становятся снежинки, и на их месте тут же поднимают подснежники еще головки цветы. Только что приходилось дощечками от ящиков

²⁶²К. Б. Серафимов, В. М. Красиков, А. А. Капустян „Посвящение слету“, 1980 г.

выстилать по снегу подступы к палатке, а теперь — гляди-ка! — вытаял из-под снежника импровизированный склад-холодильник.

Арабика смотрит на лагерь, щурясь сквозь напозающие из долины Жове-Квара облака. Откуда-то из-за палаток доносится гитара.

Арабика, Арабика,
Далекая Арабика,
Скалистая Арабика —
Чудесная страна!
 Как в знойный день мираж-река,
 Как в дни невзгод друзей рука,
Арабика, Арабика
Приходит к нам во снах.²⁶³

Польская команда вооружена чудом современной техники — портативным электроперфоратором для пробивки отверстий под шлямбурные крючья. Изящная игрушка, чем-то похожая на „шмайсер“, за 5–7 секунд высверливает отверстие, на которое при обычной технике пробивки уходит от 5 до 15 минут — и это самое меньшее. Фантастика!

Сегодня двойка Збышека Рисецкого должна начать навеску самой нижней части Перовской, выйдя из базового лагеря, установленного на –600. А мы еще на поверхности — готовимся к выходу на „сухое дно“. В составе нашей четверки Юра Бессергенов и Миша Косинов из Белоусовки и мы с Виктором Плотниковым из Усть-Каменогорска. Наша задача — пройти километр пропасти, на обратном пути захватив как можно больше груза, оставленного предыдущей экспедицией: пустые баллоны от аквалангов, мешки с мусором и тому подобное.

Бессергенов укладывает в сумочку набор для забивки крючьев, задумчиво вертит в руках спринцовку: взять или выдуть пыль из шлямбурных отверстий пластиковой трубочкой-кембриком? Плотников косит на него бесовский глаз:

— Юра, ты чего клизму берешь? Думаешь, запор будет?

— Вить, ну как с тобой без клизмы. . . — задумчиво бормочет Бессергенов, не отрываясь от сборов.

За палатками в районе кухни белоусовец Федя Рыльский снова берет гитару: чтобы дежурным было веселее варганить обед на такую ораву — нас на плато, считая женщин и детей, человек 25.

Там в троговых долинах ли
Когда-то ледники ползли
И упирались в ригели —
Откройся, мой Сезам!
 И плакали в бессилии:
 Точили камень слезы их,
А мы теперь по тем слезам
Пройдем, как по следам.

Между тем Бессергенов с Плотниковым продолжают вполголоса беседу:
— Ты чего чешешься, Вить?

²⁶³К. Б. Серафимов „Арабика“, 1988 г.

— Да ноги грею!

Подходят поляки. Долговязый Алекс предлагает бульон. Весельчак Ян, прозванный Лениным за свою жизнерадостную лысину, смеется:

— Так как у нас нет чачи, то пьем вот это — барщ!

Бессергеев щелкает пьезозажигалкой своего карбидного налобника, поворачивается к Плотникову:

— Витя, посмотри, у меня „лоб“ горит?

— Он у тебя медный. . . — бормочет Плотников.

И вот идем по тропинке, поднимающейся на барьер ригеля, обочь крутостенного провала, ведущего в пещеру со странным названием „Белая лошадь“. Мы поднимаемся над лагерем, над котловиной плато, и за нашими спинами открывается долина речки Богорупшты, спадающая к Гельгелуку. А там синеватой стеной высится хребет за Сандрипшем, что совсем скоро принесет свои воды в море. Море! Разве мы были когда-нибудь на твоём берегу?

Нависнет свод над касками
Причудливыми масками,
И обернется сказкою
Свет наших фонарей!

Мы выйдем — и сквозь облака
Над морем полыхнет закат!
Арабика, Арабика
Нас встретит на заре. . .

* * *

Когда читаешь о французских достижениях в сифонах пропастей Европы, как-то забывается, что на Арабике, в системе имени Илюхина, вот здесь — у нас под ногами, советские спелеоподводники совершили не меньшее. А если учесть скудость нашего, преимущественно самодельного, снаряжения, то эти успехи покажутся еще выше, потому что за неимением современного оборудования нашим парням приходилось опираться, прежде всего, на твердость духа и высокий профессионализм в подземной работе.

Я оглядываюсь на окружающие долинку скалистые гребни. Из той, замахнувшейся на донные сифоны, штурмовой четверки 1986-го года, сегодня в составе нашей экспедиции только Миша Дякин и Володя Киселев. Два года назад, совсем как мы сейчас, стояли они у заснеженного входа в Перовскую, и эти скалы смотрели на них из-под небес.

Если не считать попытки красноярцев в Киевской, Перовская стала первой советской пропастью, в которой были пройдены сифоны, расположенные на такой глубине. В результате этой атаки два года назад Перовская выросла до –1220 метров. В прошлом, 1987-м, году Володе Киселеву удалось пронырнуть Третий сифон за вертикальным участком. Но значительного продолжения не было. Путь вперед закрывал очередной, Четвертый сифон. Глубина системы стала –1240 метров.

И вот через год после этого события нам предстоит ликвидировать следы той прошлогодней экспедиции. Множество оставленного в пещере

снаряжения говорит о том, что сил на его выемку просто не осталось. Экспедиция взяла их все, без остатка.

Естественно, работа подземных мусорщиков — это не главная забота. Мы продолжаем изучать особенности SRT, на этот раз в польском исполнении. Сохраняя все основные черты общеевропейской школы, польская „сингл роуп техник“ имела ряд небольших, но интересных особенностей. Например, на больших отвесах поляки подвязывали на стопу дополнительный зажим, что сообщало дополнительное удобство способу „Дэд“.

С другой стороны, в отличие от болгар, поляки практически не пользовались удобными тросовыми удлинителями и петлями для навески веревки: рассчитывая только на классическую крючьевую технику. И это казалось мне большим недостатком. Хотя если пользоваться перфоратором, то и тросовые петли не нужны — фрррр! — и крюк на месте.

Нет проблем!

* * *

Москвичи нас предупредили: ниже лагеря на –600 становится очень мокро. Вода, вода и вода. И главное „чудо“ ожидающее нас на пути к „сухому дну“ — это Мормитовая галерея. И вот мы ниже –600. В ярком свете карбидок спешим вперед. Пещера меандрирует, вода пропилила себе ход по системе зигзагообразных трещин. Ручей рушится вниз каскадами, но каждый раз удается пройти над ним распорами к удобным местам для навески. Обвеска воды сделана поляками тщательно и как-то по-европейски изящно. Чувствуется, что наши коллеги представляют собой цвет польского кейвинга.

Здесь такие „тигры“ как симпатичный и очень опытный Рафал Кардаш, ласково прозванный товарищами Медвежонком, доброжелательный и не по-польски щедрый Збигнев Рисецки, руководитель многих экспедиций в знаменитую австрийскую восходящую пропасть Лампрехтзофен Анджей Чишевски.

Лампрехтзофен — уникальная пропасть в Австрийских Альпах. По данным 1992 года ее денивеляция –1550 метров. Казалось бы, ничего необычного, кроме глубины, что неожиданно перевалила за полтора километра, поставив Лампрехтзофен на второе место в Мире после Жан-Бернар. Но все дело в том, что Лампрехтзофен — это пещера-источник, а не понор, как все остальные ее собратья по глубине. Исследования пещеры проводились не вниз, как обычно, а вверх — методами подземных восхождений, от расположенного в самом низу входа. В этой необычной для кейвинга игре, ведущее место принадлежало польским спелеологам. Польские Татры не очень обильны большими пещерами. Поэтому, пройдя все, что можно, вниз, поляки принялись за освоение техники подземных восхождений.

Казалось бы, что тут разрабатывать? Ежегодно тысячи альпинистов восходят на сотни вершин и скальных стен во всех уголках планеты. Но под землей все выглядит существенно иначе. Главное отличие — ограниченность в выборе пути. Линия восхождения определена и ограничена самой пропастью, и вам не приходится выбирать маршрут, а обойти сложный участок, чаще всего, не представляется возможным. Вперед и вверх!

Но есть и другие отличия подземных восхождений, ставящие их в ряд с

самыми рискованными занятиями повышенной сложности. Стены пещеры имеют достаточно трещин, но многие трещины заполнены натеками кальцита: что ограничивает применение быстрых в забивании скальных крючьев. Постоянная темнота и влажность тоже не добавляют оптимизма восходителям. Изгибы и нависания колодцев не позволяют увидеть предстоящий путь и хоть приблизительно оценить предстоящие трудности и степень опасности. Так что к Лампрехтзофен польские „гртолазы“ подошли с некоторым опытом и продолжали его совершенствовать в ней.

В течение многих экспедиций спелеовосходителям удалось подняться на высоту более 1000 метров. И только позже произошло соединение пройденной снизу части с одним из вышерасположенных входов. В результате чего Лампрехтзофен перешагнула полуторакилометровый рубеж и заняла первое место в мире в разряде подземных траверсов.

Такой подземный траверс, это удивительно! Можно начать спуск под землю высоко в горах и выйти на свет у их подножия.

— Выходишь из пещеры и в бар! — смеялся Чишевски. — Представляешь?

Мечта каждого спелеолога!

* * *

Нам такого удовольствия не испытать — уходить придется вверх, вынося за собой многотрадальное снаряжение²⁶⁴. Наша четверка почти беззвучно идет по пещере — только лязг металла, шипение горелок карбидных ламп, короткие команды-сообщения:

— Свободно!

— Понял.

Шум ручья, что все крепнет и крепнет где-то в щелях разломов под ногами, еще не перекрывает все и вся.

Снизу слышны голоса. Это возвращается с „сухого дна“ группа Збышека. Встречаемся в узком меандре над входом в очередной колодец. Обмениваемся короткими фразами:

— О! — Збышек показывает большой палец. — Внизу все отлично. Там только один водопад! Около дна. Больше воды нет.

Нет воды? А как же московские предупреждения? Только сейчас обращаю внимание, что Збышек весьма легко одет: под клеенчатым брызговином байковая ковбойка, ни свитера какого, ничего.

— Не холодно?

— Стоять холодно. Мы не стоим, мы работаем. Не холодно!

Ну, да. Если ничего не ломается, ничего не гаснет в неурочный момент, если никто не зависает на простейшем узле, тормозя всю группу, если никого не ожидать, подстраховывая на уступах, если не делать всего того, что мы привыкли вытворять на подземных маршрутах, верно — стоять не придется.

Снова катимся вниз. И с каждым шагом пропасть все больше очаровывает меня. Какая все-таки красота! Некоторые водопады обходятся с помощью троллеев — наклонно натянутых веревок или стального троса,

²⁶⁴ В 1988 году, к которому относится описание нашей работы в Илюхинской, Лампрехтзофен еще не достигла этого уникального и без преувеличения замечательного успеха.

вдоль которых удастся скользнуть в нескольких метрах от бьющей во мрак водяной струи, с каждым метром глубины набирающей силу.

Ручей принимает несколько притоков. Теперь это не тот ласковый котенок, неслышно мурлыкавший на каскадиках. Гул воды наполняет пещеру. Прямая, как стрела, галерея через сотню метров круто сворачивает под прямым углом вправо, и мы знакомимся с прелестями Мормитовой галереи. Стены расширяются, пол — сплошные сливы и водобойные котлы. Начинаются участки распорного лазания, траверсы по стенам над бушующими пеной каскадами. Где можем, навешиваем перила, подстраховываем друг друга. За три часа непрерывного лазания спускаемся всего на 200 метров. Уф!

После Мормитки пещера снова стремительно рушится вниз. Отметка — 800. Развилка. Ледяной ветер выбивает озноб. Справа из примыкающей галереи впадает новый приток. Прямо — овальное окно, ведущее куда-то вниз: оттуда доносится гул падающей воды. Здесь, на развилке, желтеют побитыми боками баллоны от аквалангов, которые нам предстоит поднимать наверх. Но это после — до конца пути еще полторы сотни метров по вертикали.

Какое это зрелище — подземные водопады! Особенно, когда представишь, как могло бы тебя полоскать в этом устрашающем великолепии! Но — SRT, а в ней мы уже не новички — надежно предохраняет нас от этого „удовольствия“. У меня за плечами пройденные по одинарной веревке Снежная и дважды Киевская. И результаты налицо. Я наслаждаюсь техникой, пещерой, зрелищем водопадов на колодцах — еще недавно столь грозных стражей пещеры.

Вот серебряной грохочущей колонной в вихре водяной пыли падает в бездну двадцатиметровая струя воды. . . И ты, такой маленький, совсем крохотный человечек, ты почти затерялся в этом неистовстве природы. Ты затаил дыхание, ты восторженными глазами, всем своим естеством впитываешь картины яростного буйства стихии.

Крюк, перестежка на другую веревку, траверс по наклонной полке над бездной, крюк, перестежка, спуск. Скрип веревки в решетке. Где-то тут должен быть троллей, иначе точно влетаешь под водопад. Не очень-то хочется окунуться в его ревущую пелену!

Вниз смотреть иногда все же неудобно — мрак и грохот. Вот он — трос! Встагиваюсь в него карабином короткого уса и плыву от водопада. Троллей из стального троса. Пара — другая таких спусков, и меняй карабин. Трос пилит титан и дюралюминий лучше напильника. Зная об этом, мы взяли стальные троллейные карабины, а вот поляки, у которых, как и во всей Европе, сталь не в почете, маются.

. . . Один за другим спускаемся на глыбовый навал. Гора из мокрых глыб. Справа сплошной стеной рушится водопад. Где же проход? Телефонного провода не видно, вообще ничего не видно! Самое неприятное, самое мучительное для кейвера — очки. Водяная пыль в мгновение покрывает их непроницаемой для зрения пленкой. Нам с Косиновым приходится туго из-за наших очков. Хоть глаз выколи! Ползаем по завалу, как слепые муравьи, суемся во все щели — нет хода! Идти в водопад? Я могу идти в водопад только на ощупь — я ничего не вижу из-за проклятых очков. Где Бессергенов? Вот он!

Орем в голос, но все равно не слышим друг друга. Сверху рушится

столб воды, перекрывая ползала. Збышек что-то говорил о водопаде. . .

Надо пройти под струей! Карбидки залиты водой. Свет электрофонариков до бешенства слаб. Подстраховывая друг друга, спускаемся с Бессергеевым по глыбам вдоль стены. Водяная пыль оседает на наших костюмах, касках, лицах, течет за воротник, но в сплошных брызгах мы все ближе подбираемся к водяному месиву подножия водопада.

— Вербка! — по черному отверстию рта догадываюсь о смысле того, что кричит Юра, показываю ему вперед и вниз. Он кивает и скрывается в водяной пелене. Стою в этом ливне, жду. Подходит вторая двойка. Косинов тоже очкарик. Его подстраховывает Плотников.

Юра возвращается, маячит — есть проход! Как слепой щенок, на ощупь пробираюсь среди глыб, придавленный тяжестью падающей на плечи воды. А ведь струя не такая мощная, как кажется издали! У страха глаза велики! Теряя плотность, вода распыляется в вихрь.

И вдруг — тишина. Щелкаю пьезозажигалкой. Карбидка взрывается столбом пламени. Да будет свет! И уже не верится, что только что был этот водяной ад. . . Еще несколько метров, и мы на месте старой базы „—900“. Это здесь когда-то бедовала группа, оставшаяся без лагеря, смытого паводком в сифон. Всюду вода. Где же тут ставили палатку? У поляков вот гамаки, с ними в этом плане проще.

* * *

Сифон. Мы на „сухом дне“. Прихожу сюда первым, „обманув“ Бессергеева. У самого дна Юра сделал рывок, обогнал всех и устроился в конце галереи над озером, поджидая нас в позе победителя. Дно? Как бы не так. Надо внимательней читать описания! Как это у Жванецкого: „Тщательнее надо, товарищи!“

Это только полусифон. Прохожу под озадаченным Юрой и в экстремальном распоре, почти лежа над водой, проползаю поверху низкую арку над глубоким местом. Затем вброд. За полусифоном галерея продолжается. Вода сбегает в слегка наклонный грот с зеленым озером на дне. Туда уходит веревка — перила, ходовой конец подводников.

Вот теперь действительно все. Дальше нам хода нет.

* * *

В 1986 году в спор за мировую корону решительно вмешиваются болгарские спелеологи. Плевенский клуб „Студенец“ отправляется в Испанию, чтобы попытать счастья в сифонах Ламинако Атеак (она же БУ-56, она же трам-тарарам Ильямина).

После Фрэда Вержье, прошедшего шесть лет назад три донных сифона и остановившегося перед четвертым, никто не осмеливался хотя бы повторить это достижение. Но болгары были настроены решительно. Не смутило их и то, что из 12 работавших в БУ-56 экспедиций только трем удалось достичь ее дна. Всего 14 человек в мире видели воду донного сифона этой пропасти на отметке —1325 метров.

Во время нашей встречи на Врацанской Школе безопасности руководитель болгарской экспедиции Сенко Газдов коротко определил эту пропасть

так:

—БУ-56 сочетает грандиозность Пьер-сен-Мартен и красоту Гуффр Берже!

Так или иначе, болгары атаковали. И добились замечательного успеха! После установки двух промежуточных лагерей на –500 и –800 метров дна пропасти достигли 17 спелеологов. Двойка подводников Илко Гунев и Милен Димитров успешно преодолела три сифона (40, 60 и 100 метров) по пути Вержье. Дальше простиралась неизвестность. Но к ней и стремились болгары. Илко ушел в четвертый сифон. Милен остался на страховке.

Четвертый сифон длиной 40 и глубиной 15 метров казался непроходимым. И все же продолжение было найдено. Отверстие в борту 4-го сифона выводило в другой затопленный водой ход, как потом оказалось, в основное течение подземной реки. После 40 метров плавания в сифоне Илко вышел в сухую галерею и остановился перед колодцем глубиной около 15 метров, куда спуститься без снаряжения не смог.

Это начинало входить в „привычку“ — еще одна пропасть крупнейшего калибра решила предъявить миру вертикальное продолжение за четвертым (четвертым!) донным сифоном. Результатом этой впечатляющей болгарской атаки явилось то, что БУ-56 решительно потеснила ПСМ с третьего места и, достигнув глубины –1353 метра, теперь жарко дышала в затылок Снежной — какие-то 17 метров отделяло испанку от титула вице-леди Мира!

Но болгары не успокоились на достигнутом. В следующем 1987 году окрыленные успехом плевенцы решают продолжить штурм Ильямины. Оставшийся не пройденным колодец за четыремя сифонами притягивал болгар сильнейшим магнитом неизвестных перспектив. Плевенцы стремились развить проходжение, тем более что другая испанская пропасть — Сима дел Траве, снова оттеснила БУ-56 с почетного третьего места в мировой табели о рангах.

Как видим, в верхнем эшелоне шла настоящая толкотня! И вот в сентябре болгарская пресса взрывается ликующими сообщениями:

«Замечательный успех болгарских спелеологов. Мадрид.

Большого успеха достигли болгарские спелеологи в эти дни в западных Пиренеях. Со дна Сима де лас Пуэртас де Ильямина, одной из труднейших пещер мира, с новым рекордом поднялись болгарские легководолазы Илко Гунев, Милен Димитров и Валентин Чапанов. С помощью шести вспомогательных групп, проработавших в пропасти по 300 часов каждая, подводники достигли рекордной глубины –1408 метров! После преодоления пятого и шестого сифонов, наши спелеологи „передвинули“ пропасть БУ-56 с четвертого на второе место в мире.»²⁶⁵

За пройденными ранее сифонами и 15-метровым колодцем последовали два новых сифона: 20 и 25 метров, которые вывели в сухую галерею. Группа картировала 600 метров этой галереи, по которой в паводки течет река и. . . снова сифон.

Не все шло гладко в этой выдающейся экспедиции. 4 сентября во время транспортировки груза один из участников, психолог Красимир Боянов,

²⁶⁵ „Ехо“, сентябрь 1987, газета Болгарского Туристического Союза, София.

упал с высоты 4–5 метров, получил перелом кисти правой руки и травму виска. Над экспедицией нависла угроза. Мог нарушиться четко спланированный ритм движения вспомогательных групп, снабжавших подземные лагерь всем необходимым. И болгары решают проводить спасательную акцию, не нарушая графика экспедиции. Несмотря на сильную боль, пострадавший находит в себе мужество в течение 28 часов дожидаться поднимающуюся со дна группу.

Слушая во Враце спокойно и даже сухо ватно повествующего о перипетиях экспедиции Сенко Газдова, ловил себя на мысли: велик должен быть запас прочности команды, ее заряженности на достижение цели, чтобы авария не выбила ее из колеи!

Тем более что беда никогда не приходит одна. При транспортировке пострадавшего Красимира, кто делал все, чтобы облегчить подъем, получает травму один из спасателей. Николай Цанков не успевает увернуться от солидного камня: скользом задето бедро — сильный ушиб с внутренним кровоизлиянием. А если бы не скользом? Но Николай участвует в спасательных работах до конца, и все заканчивается благополучно.

Болгары торжествовали победу. И не знали, что Ильамина так и не стала второй по глубине. Ни единого дня ей не пришлось носить Серебряный плащ вице-королевы. Потому что в это же самое время, чуть опережая конкурентов, другая, мало кому пока известная пропасть стремительно ворвалась в лидирующий отрыв.

* * *

— Где Плотников? — ору я, перекрикивая водопад.

Юра топорщит усы, сплевывает — не понять, сердится или смеется:

— У него стриптиз!

— Чего?!

Мы только что выбрались к слиянию притоков у круглого окна в стене на отметке –800. Отсюда нам тащить баллоны. Дым сигарет тут же сносит током ледяного воздуха. Надо куда-то прятаться, не то задубеем мгновенно.

— Жарко ему стало, — улыбается Бессергенов. — Решил снять гидрокостюм. У него же еще комбинезон непромокаемый!

Чтобы кто-то раздевался на таком маршруте? Такого я еще не слышал. Вот пододеться мечтали многие. Но Плотников прав — лучше прослыть оригиналом, чем получить тепловой удар. Жарко на подъеме в такой гидрозашите.

— Это он по опыту Ручейной запаковался, — вспоминаю я недавние спасработы на Алеке. — Виктор в Ручейной не был, спрашивает меня: „Там очень мокро?“ Нормально, говорю, если голову в плечи вжать, то можно без обтюлятора²⁶⁶ спуститься. Он так и сделал: гидрокостюм одел, а капюшон не стал. Вот только на отвесе отвлекся и забыл, что я ему голову вжать советовал. Ну и влетел под струю. До самых пяток, говорит, прошибло! Холодненькая!

Юра поеживается. Нам перегрев явно не грозит. Только еще пар валил на отвесе, а уже озноб до дрожи продирает. Правильно говорил Збышек:

²⁶⁶ **Обтюратор** — обтягивающий лицо капюшон гидрокостюма.

главное — не стоять. Пока подходят ребята, подвязываем к трансрепам баллоны.

... Это не подъем, а крестный ход какой-то! Сплошной колокольный звон! Пустые стальные колбы баллонов бьются о камни с мелодичным, но оглушительным стоном. Мы, как коровы какие с колокольчиками. Уходим с Мишей вперед. Вторая двойка где-то сзади.

В лагере на —600 встречаем ленинградскую группу из команды Сережи Илюхина, которая свалилась в базу вопреки всяким графикам. А своей базы ленинградцы не имеют. Что-то не улыбается мне тесниться на ночлеге из-за чьих-то глупостей...

Поляки уже ушли наверх. Наконец к лагерю поднимается вторая двойка. Плотников покатывается со смеху:

— Ну, мужики, Бессергенов и нырнул! Помирать буду — не забуду!

— Вам смех, — отбивается Юра. — А я...

Бессергенов вышел на этот каскад как-то непонятно, другим путем. Не так, как спускались. На подъеме нам часто приходилось выбирать путь по наитию. Бывало, что в ожидании очередной навески, вдруг оказывались у веревки сверху — незаметно для себя обходили отвес лазанием по каким-то щелям. Каскад рычал водопадом, вода била в пенистый водобойный котел неизвестной глубины. Юра начал лазание неудачно: руки по одной стене, ноги по другой. Перекинувшись мостиком над кипящей водой, Бессергенов приблизился к уступу, надеясь найти варианты для дальнейшего подъема. Однако последующее движение не вытанцовывалось.

Долго в таком распоре не прстоишь. Руки начинали мелко дрожать от напряжения. Юра посмотрел вниз. От ног до воды было каких-нибудь полметра, пустяк. Но бешено кипящая в котле вода не предвещала ничего хорошего. В такие омуты можно запросто нырнуть с головой! А обтюратора Бессергенов не надевал — чего бы ради, если на голову не льет? Вот и получалось — нырнешь, и заляешься водой до самых пяток!

Приходилось ли Вам, уважаемый Читатель, испытать, прочувствовать леденящий миг, за которым — неизбежный срыв и падение? Вспоминая такие мгновения, неизменно ощущаю рефлекторное покалывание в кончиках пальцев. „Рожденный ползать — летать не должен!“ — говорят в кейвинге²⁶⁷. Но если пришла пора лететь, надо постараться сделать это наиболее удачным образом.

Прошло немного времени, и Юра понял, что „созрел“. Он напряжился, сосредоточился, посмотрел на подошедшего снизу Плотникова, который, ничем не в состоянии помочь, с интересом наблюдал за Юриными эволюциями над котлом. Перекрывая шум воды, Бессергенов сообщил:

— Падаю!

Плотников не расслышал, но покивал одобрительно — мол, давай, лезь, я смотрю! И Бессергенов „пошел“. Юра постарался прыгнуть в котел ногами, чтобы иметь шанс не уйти глубоко в воду. Он прыгнул и... еле устоял на ногах — от неожиданной встречи со дном! Котел оказался мелким. Вспененная вода едва покрывала сапоги.

Плотников уверял, что более ошарашенной физиономии не видел у Бессергенева со дня знакомства. Все хорошо, что хорошо кончается!

²⁶⁷Тщу себя надеждой, что эту фразу сконструировал я, но, возможно, мне это только мнится.

* * *

Гремя баллонами, ввинчиваемся в спираль подъема. На земле разгар дня, солнце топит снежники, и воды в пропасти заметно прибавилось. Там, где нечем было заправить карбидку, теперь получаем хорошие порции водяных брызг.

Колодцы выстраиваются в сплошную цепочку — идеальные условия для SRT. Эти отвесы вызывают уважение грандиозностью скальной архитектуры. Хорошо ходить с приличным светом! На очередном 66-метровом колодце веревка прихотливо идет от стены к стене, минуя трение. Последнее несколько метров — крутой траверс на высоте 30-ти этажей вдоль отслоившихся от стены светло-желтых глыб. Поднимаясь первым, смотрю влево-вниз и вижу, как Миша преодолевает промежуточное закрепление на пару крюков ниже.

— Как дела?

— Нормально!

Значит, можно идти дальше. Главное — не скапливаться в устьях колодцев, не тормозить ритм движения. По короткому меандру с ручьем выхожу к подножию самого большого в Перовской 107-метровому колодцу. Здесь Рафал за какие-то час-полтора при помощи перфоратора забил 8 промежуточных крючьев. Вот они — преимущества современного оборудования! Теперь — спасибо ему — идешь практически в стороне от воды.

Сзади никого не слышно. Ну, да где тут отставать? Постояв на дне, чтобы не мерзнуть, потихоньку начинаю подниматься, поглядывая вниз — не появится ли Миша. Стена этого грандиозного отвеса ровная, отвесная, идти — одно удовольствие. Крюк. Перестегиваюсь выше. Косинова все нет. Поднимаюсь. Мало ли, почему задержался. . .

Этот колодец, хоть и самый большой, весьма прост для движения. Решаю подняться на самый верх. Там, на отметке –300, расположен пункт питания — есть горючее и продукты. Сварганю чайку к приходу ребят. В облаках собственного пара выбираюсь на площадку. Ура!

Вода со звоном бьет в котелок. Набираю воды, зажигаю гексу. Но почему нет Косинова? И где остальные? Только через полтора часа внизу под колодцем раздаются голоса. Идут все трое, так что порядок. Интересно, почему такая задержка?

— Миша!

Тишина. Хотя слышно, как позвякивает в колодце баллон. Стало быть, поднимается.

— Миша, идешь?

— Иду-у! — раздается как-то слишком близко.

Но. . . мать честная! Что это там поблескивает на отвесе? Выхожу над краем на всю длину самостраховки, поддаю газу карбидке. Так и есть, Косинов поднимается. Но. . . поднимается без света!

Камень достал Косинова на К-66 чуть выше того места, где я видел его в последний раз. Откуда взялся этот камень? Мало ли их летает по подземным колодцам. . . Камень ударил по каске, перебив крепление запасного электрофонаря. Фонарь тихо канул в бездну вслед за камнем, забыв сообщить об этом Мише.

— Камень! — крикнул вниз Косинов, но парни и сами, услышав характерный стук, прилипли к стенам, побереглись.

На следующем крюке у Косинова неожиданно погас свет, и он остался в полной темноте.

„Наверно, капля попала в форсунку“, — подумал Миша и чиркнул зажигалкой.

Вернее, собрался чиркнуть, так как зажигалка не сработала. Камень не только лишил Косинова электрофонаря, но и заклинил над пламенем горелки пьезозажигалку, которая не преминула натурально сгореть. Бессергенов уже поднимался, поджимал снизу, и Миша решил не беспокоить ребят: подняться до конца веревки вслепую, а там подождать. Так он и сделал. Спасибо SRT — перестежки на крючьях вслепую дались легко. Но вот наверху колодца веревка кончилась. Где-то рядом грозно шумел во мраке невидимый ручей, и дальше Миша благоразумно идти не решился. Решил подождать Юру.

А Бессергенов к нему подняться не мог — держал на траверсе глыбу. Глыба пошатнулась неожиданно — этакий прямоугольный „чемодан“ в добрый центнер весом. Внизу звенел баллонами Плотников, и падать плите было нельзя. Юра держал глыбу, пока Плотников не поднялся до последнего перед траверсом крюка. Теперь достать было не должно, и Юра, примерившись, отпустил. . .

Грохота не последовало. Ничего не последовало. Глыба покачнулась и осталась на месте — на узенькой полочке над вертикалью колодца. Настоящая ловушка! Бессергенов попробовал столкнуть глыбу, но она стояла крепко. Черт бы ее побрал! Ну, и стояла бы себе, чего качаться? Все хорошо, что хорошо кончается.

* * *

Последний каскад. Колодец 53 метра доставляет нам самые нудные ощущения из-за отсутствия тактической разбивки отвеса на более короткие участки. Почти 40 метров приходится подниматься в пустоте в отдалении от стены.

Жарко. Поднимаюсь, смотрю вверх вдоль уходящей в вечную ночь веревки. Оттуда, отрываясь от слабо освещенного карбидкой карниза высоко вверху, летят редкие тяжелые капли. Они падают точно вдоль веревки, и мне приходится движениями головы уворачиваться от этих мини-бомб — иначе опять забьет форсунку. От ритмичных движений долгого подъема с запрокинутой головой пространство смещается. Начинает казаться, что веревка идет вверх наклонно, и я поднимаюсь по ней в пустоте под углом 45 градусов к вертикали. Какое-то космическое ощущение.

. . . Выхожу на поверхность в дождливый закат. Снег на входе совершенно сдал, почернел. От влажного дыхания пропасти постепенно вытаивают истинные размеры ее входа. Осторожно пробираюсь по тропе между каррами. Тропа мечена турами, иначе в облаках можно заблудиться в этом каменном хаосе. С высоты ригеля лагерь открывается уютной горсткой палаток на уже совершенно зеленом бугре.

Меня заметили. Из палатки выбирается крохотный комочек в полиэтиленовой накидке и бежит мне навстречу. Алешка, сыночек! Мы не виделись три дня, промелькнувшие для нас в непрерывном азарте работы. А как жили тут вы, на Земле?

* * *

Вы помните? Мы были не как все.
Ходили в шортах или просто в плавках,
Скользя глазами где-то над прилавком,
Вино предпочитая колбасе,
 А колбасу — всем радостям на свете!
А помните? Мы жили, как трава:
Росли сквозь снег и радовались солнцу,
Смакуя те мгновения до донца,
И говорили мудрые слова,
 Того не замечая и не зная.
Ну, помните Арабику, друзья?
В воронках снег, а в рюкзаках — Удача!
И все дается просто, не иначе,
Как будто бы иначе и нельзя!
 Как будто бы не может быть иначе...
 А может быть! Ты помнишь вертолет,
 Как вестник горя, небо разорвавший?
 И парень тот, на Бзыби замерзавший,
 Он тоже верил в свой счастливый взлет!
 Все может быть. А может и не быть...
А мы... Мы были все — просты, как нуль!
Прошли мы горы, выйдя из пещеры,
Крещение испытав и отлученье,
И было море, и стоял июль.
Вы помните?
 Вы помните, ребята?²⁶⁸

Вертолет прошел над вершинами в стороне Треугольника, и мы проводили его взглядами.

Вертолет летел в направлении Бзыби, хорошо видимой в седловине перевала у пика Арабика: Бзыбь — темная стена над Бзыбским ущельем. Там который год, сменяя друг друга, работают экспедиции в пропасти имени Вячеслава Пантюхина. Вертолет — это либо заброска еще одной экспедиции, либо...

Пантюхинская, начавшись длинным входным меандром, за которым следовал внушительный каскад колодцев с небольшими меандрами между ними, на глубине около –640 метров уперлась в сифон. Три года пермско-крымским экспедициям не удавалось продвинуться глубже, хотя, казалось, были обследованы все возможные ходы, колодчики и окна в прилегающей ко дну зоне пещеры. И вдруг, в 1985 году этот сифон на „старом дне“ был неожиданно пройден. Всегда найдется кто-то, ставящий под вопрос мнение авторитетов. Сифон? Непроходимый? Кто сказал, что непроходимый? А ну-ка, посмотрим!

Не знаю, кому первому пришла мысль лечь в глинистую лужу сифона и пошарить ногами в узкой щели в ее конце. Но первым прошел сифон Игорь Вольский из Севастополя.

²⁶⁸К. Б. Серафимов „А помните?“, Арабика — Адлер, 1988 г.

«Посередине палатки, где мы сидели, трепетал огонек светильника, и временами в его хрупком, как человеческая жизнь, пламени мозаичными фрагментами, выхваченными из глубин подсознания, передо мною возникали картины наших прошлых экспедиций²⁶⁹.

Вот как будто наяву вижу, как в 85-м году с двумя товарищами спускаюсь по последнему колодцу перед галереей на –600 метрах.

Вот мы на дне, на дне 85-го года, даже в самых дерзновенных своих мечтах не предполагая тогда, что вскоре оно опустится почти на километр. Распираясь о стены, медленно идем по галерее. Вода ушла куда-то по трещинам вниз. Сухо, в гидрокостюмах становится жарко, и от наших мокрых комбинезонов валит густой пар. После оглушающего рева водопадов на колодцах, пронизывающего холода все вокруг странно и необычно. Плавные формы рельефа, темно-коричневое глиняное одноцветье породы, глухая ватная тишина быстро меняют наше представление об окружающем, и, кажется, мы уже не идем, а медленно плывем в каком-то вязком тумане, а вокруг нас колыхаются, тают, появляются снова в другом облики туманными видениями тени. Однако постоянное движение, струйки пота, бегущие по лицу, возвращают к реальности, появляется спортивный азарт. Что же дальше? Ведь раньше я сюда не доходил. Знаю лишь, что за месяц до нас здесь работала крупная украинская экспедиция, так и не сумевшая пройти глубже.

Под ногами начинает появляться вода. Вот ход расширяется и заканчивается небольшой камерой. Под стенкой лужа, в нее втекает тоненькая — с мизинец толщиной — струйка воды. Ага! Значит, она должна и вытекать где-то там, за стенкой. Ну-ка, попробуем! Сажусь в эту лужу, которая мгновенно мутнеет, так как чистой воды в ней тонкий слой на поверхности — ниже мягкая глина. Толкаю ноги под стенку, получается засунуть только до колен. Ничего страшного. Попробую ими прокопать для себя канаву в этом месиве. Понемногу выходит. Свод, под который я пытаюсь проникнуть, примерно на полметра ниже уровня. Наконец, где-то через четверть часа подобной возни я уже почти весь залез ногами вперед под свод. Жижка подступила к лицу, набрал воздуха, закрыл рот и снова вперед, вперед — и вот, когда уже стало заливать глаза, нащупываю носками ног ступеньку, уходящую вверх.

Неужели? Сифон проходим?!

Почувствовав удачу, начинаю двигаться энергичнее. Правда, вместе с тем ощущаю обжигающий холод поступающей сквозь неплотный и местами поврежденный гидрокостюм жидкой глины, окружающей меня. Вот решающий рывок — и я отфыркиваюсь на той стороне, волоча за собою каску, сорвавшуюся с головы в сифоне. Почистив пальцами, а затем языком стекла

²⁶⁹И. С. Вольский „Пропась им. В. С. Пантюхина. Будет ли новый мировой рекорд?“ Издательство МФТИ. спелеоклуб „Барьер“, Москва, 1994 год.

налобного фонаря и очков, встаю в полный рост и иду по галерее, напоминающей ту же, что и до сифона.

Три сезона мощные экспедиции останавливались, так и не дойдя до этого места. А мне повезло. Я здесь, в новой части пещеры! И теперь, когда сифон позади, кажется, что все прошло так легко и естественно, что даже не верится, что здесь до меня никого никогда не было. Впрочем, видимо, никто просто не отважился залезть в такую грязь по уши.

Увлечшись исследованием, метров через 150 подхожу к узости, пройти которую с ходу не удастся и, наконец, вспоминаю, что в одиночку в пещерах ходить не рекомендуется, да к тому же еще и забравшись черт знает куда! Почти бегом возвращаюсь назад, продираюсь через сифон — и вот я среди товарищей. Замерзшие Дмитрий Конин из Перми и Дмитрий Стаценко из Симферополя начали уже волноваться. Радостная встреча, мой сбивчивый рассказ об увиденном.

Мы возбуждены, но настроение деловое. Решаем возвратиться немного назад в сухую часть пещеры и перекусить. Из-за огромных энергетических потерь под землей никогда не следует упускать такую возможность. За этим приятным занятием выяснилось, что ребята, азартно проверяя все щели в галерее пока мы шли к сифону, сильно порвали гидрокостюмы. Однако из двух комплектов штанов и рубашек (наши сухие гидрокостюмы состоят из двух соединяемых деталей) можно собрать одну пару. Стало быть, мне идти с одним партнером. Проявив истинное благородство, это право уступил Дима из Перми, сам оставшись сидеть на корточках у стенки со свечкой, обернувшись полиэтиленовой пленкой, не ведая, сколько ему поджидать нас.

Вновь погружение в жижу, где я помогаю идущему вслед за мною Диме Стаценко, придерживая его с другой стороны сифона за ноги и ориентируя его тем самым в нужном, мне уже известном направлении. Операция проходит значительно легче, чем в первый раз, ибо в глине сифона после двукратного прохождения образовался желоб. Пробегаем по знакомому ходу и, поработав в остановившей меня ранее узости около часа молотком, — дальше в неведомое. Галерея продолжалась, плавно набирая глубину, то расширяясь, то сужаясь настолько, что порою ее холодные объятия сжимали грудную клетку.

Но наградой первооткрывателям после череды невзрачных глиняных стен было изумительное своим великолепием зрелище натечного убранства пещеры. Фантастические, совершенно немислимых форм сталактиты, сталагмиты, геликтиты, другие, какие только существуют, виды натечных образований с переливами иссиня-белого, нежно-розового цвета, желтого, красного местами полностью перекрывали ход. Прозрачные, тончайшие двухметровые сосульки волшебной бахромой струились со свода, издавая при прикосновении к ним чуть слышный малиновый звон. Очарованные, мы как будто перенеслись в детскую сказку, где все видится сквозь ажурную вуаль хрустальных нитей с кое-где подвешенными жемчужинами — радужно переливающимися

на свету капельками воды. Нигде на поверхности, даже в самых заветных уголках своего воображения, нигде вы не встретите подобного.

Пораженные неопишуемой красотой, чтобы не нарушить вечный покой этой хрупкой страны чудес, стараемся двигаться как можно аккуратней, но, увы, не всегда это удается, и тогда в тихом печальном звоне обломков слышится, будто сказочные гномы плачут тоненькими голосами, дергают за комбинезон, за шнур налобного фонаря, маленькими хрустальными молоточками отчаянно колотят по каске, скачут впереди бликами света наших тусклых фонарей, серебристой каплей роняют слезинки, сливающиеся в ручейки, то беззаботно щебечущие, то грустно вздыхающие: люди, кто звал вас сюда?

Удивительная акустика, вечная темнота, сковывающий холод усиливают и без того переполняющие нас впечатления. . .

. . . Оправдано ли вообще наше безудержное стремление постоянно открывать что-то новое в пещерах, да и не только в пещерах? Всегда ли мы можем обратить себе во благо лавинообразно нарастающую совокупность знаний в науке и технике? Ведь каждый наш шаг за границу познанного — это риск, чреватый порою непредсказуемыми последствиями.

Всегда ли мы задумываемся: а имеем ли моральное право сделать этот шаг? И всегда ли мы представляем, чем именно мы рискуем?»

* * *

Да, сифон оказался коротким — 2–3 метра, и был пройден без всяких аквалангов. Позднее удалось соорудить плотину выше по ручью и, отчерпав воду, открывать сифон для прохождения. За сифоном пещера „пошла“. Да еще как! Серия длинных узких меандров, еще более мучительных, чем входной и украшенных дискретными отвесами, на глубине около —900 метров вываливалась в грандиозный каскад вертикальных колодцев, увенчанный громадным 200-метровым отвесом.

В 1986 году спелеологам Украины и Перми удалось спуститься в него и осмотреть глыбовый завал на его дне. Силы и снаряжение кончились, а пещера и не думала вылаживаться. Тогда же был пройден километровый рубеж — в Пантюхинской, по предварительным оценкам, удалось достичь глубины 1025 метров²⁷⁰.

В том же 1986 году усилиями команды Климчука Арабика предъявила к расчету —1110 метров в Куйбышевской. На другом участке Гагринского хребта москвичи под предводительством Евгения Стародубова уже несколько лет искали проход в узостях пещеры, названной ими Московская. И вот группа Евгения Войдакова делает в Московской редкое первопрохождение, за одну экспедицию исследовав около 600 метров подземных вертикалей. Московская со своими —972-мя метрами становится третьей

²⁷⁰1025 метров — это официальная цифра, однако позднее отметка дна Большого колодца Пантюхинской (К-200) была определена — 1100 метров. Судя по длине сделанной нами в 1990 году SRT-навески, я склоняюсь к этой цифре.

глубочайшей пропастью Арабики и уравнивает счет по числу тысячников в соревновании между ней и Бзыбью.

Но основные события разворачивались в Пантюхинской. Летом 1987-го года, окрыленные прошлогодним успехом, на Бзыбь, в урочище Абац, двинулись многочисленные экспедиции. Преодолев в Испании 1400-метровый рубеж БУ-56, болгары торжествовали победу, еще не зная, что месяцем раньше этот результат превзошли советские спелеологи. В принципе, об этом мало кто знал.

Я уже рассказывал, что ранней осенью 87-го в Тбилиси проходил Первый Международный симпозиум спелеологов, собравший представителей свыше полутора десятков стран и почти всех членов Бюро Международного Спелеологического Союза во главе с президентом МСС мистером Дерекком Фордом. Помню, как вдруг, в самый разгар симпозиума, по рядам прошелестела ошеломляющая весть — Пантюхинская вышла на второе место в мире по глубине! И следом не менее ошарашивающий слух — следующая за крымчанами экспедиция под руководством пермяка Сергея Евдокимова обнаружила ошибку в измерениях: в Пантюхинской не то, что 1400, — 1300 едва ли наберется! Запахло скандалом позначительнее истории с Киевской. Ведь разговор шел о приближении к мировой короне!

Не все так просто под луною. Весть об успехе, слухи опровергающие успех, опровержение слухов... В возне вокруг рекорда в Пантюхинской не обошлось без борьбы амбиций и приоритетов. Как бы там ни было, но на Симпозиуме было официально объявлено: в пропасти имени Вячеслава Пантюхина достигнута глубина — 1465 метров. Более того — похоже, что пещера продолжается.

Следующий год дал новую цифру — усилиями комплексных экспедиций, в составе которых работали спелеологи многих городов Союза, на Кавказе появился новый полуторакилометровый гигант. Было официально объявлено, что Пантюхинская дала — 1508 метров! Как близко вдруг замаячила мировая корона²⁷¹! Как приблизилась еще вчера недостижимая Жан-Бернар! Теперь французские 1535 метров не казались чем-то несбыточным. Всего один колодец, всего каких-то 20 метров отделяло советский кейвинг от приоритета в подземных глубинах.

„Переместить“ подземный Эверест на Кавказ — это ли не достойная задача? Правда, Жан-Бернар тоже не стояла на месте. Но, как бы там ни было, Бзыбь преподнесла прекрасный подарок 30-летию советской и 100-летию мировой спелеологии!

Пропасть грызлась. Здесь мы столкнулись с неведомой доселе опасностью — подтоплением пещеры снизу. В 1988 году с выхода в донные галереи не вернулась одна из исследовательских групп крымской экспедиции под руководством Евгения Очкина. Руководителем той экспедиции был первопроходец сифона на „старом дне“ севастополец Игорь Вольский:

«Вернувшись после отдыха в Севастопольский ход, пройдя еще несколько уступов и ходов, мы где-то на уровне Развилки во всех ответвлениях наткнулись на узкие сифоны, которые и на

²⁷¹ Думаю, близость к Мировой короне на многих оказывала парализующее действие. Страшно было заявить „Мы — первые!“ — вдруг придется доказывать? Вдруг приедут маститые, проверят и найдут ошибку в измерениях? Скандал... А так, вторые, все тихо-мирно. А там будет видно. Мы все выросли в „краю запуганных идиотов...“

этот раз мне не удалось преодолеть. И даже отснять на обратном пути Севастопольский ход мы не сумели, так как, постоянно таская с собою горный компас, где-то его повредили. Поэтому топосъемку хода я решаю поручить группе Евгения Очкина, которая в настоящее время снимала участок между 1025 м и ПБЛ 1300 и затем должна была посетить дно.

Собственно, на этом и заканчивалась основная работа на дне, и экспедиция приступила к выемке снаряжения. На четырнадцатые сутки штурма начала подъем в ПБЛ 800 группа Чабаненко. Вторая вспомогательная группа Анатолия Степанова отдыхала в ПБЛ 1300-2, побывав уже на дне. Группа Очкина ушла вниз, моя штурмовая группа готовилась к подъему и должна была освободить ПБЛ 1300-1 к приходу ребят со дна для их отдыха.

... Однако стихия спутала все наши планы. Через несколько часов после ухода группы Очкина на дно, когда моя группа только начала подъем, с поверхности по телефону сообщили, что началась гроза.

Сильно это сообщение нас не взволновало, поскольку дожди, в том числе и довольно сильные, были часты в период проведения нашей экспедиции, они приводили к некоторому увеличению воды на колодцах, почти не влияя на ее уровень на дне. Да и вниз вода доходила часов за 7–8, то есть за время, вполне достаточное для возвращения наших спелеологов со дна в лагерь. Поэтому план мы не меняли.

При подъеме штурмовой группы из ПБЛ 1300-1 отмечалось увеличение воды на колодцах, что нам не помешало, ибо воды здесь всегда много, и она была аккуратно обвешена. Однако тревога за группу на дне росла с каждым метром подъема, и, придя за 9 часов в лагерь 800, я сразу связался по стационарному телефону с ПБЛ 1300-2. Компактные переносные телефоны, которыми группы могли пользоваться во время движения, из-за снизившегося в паводок сопротивления изоляции линии и подсевшего питания на большом расстоянии связь уже не обеспечивали. Так вот, после звонка выяснилось, что наши товарищи со дна не вернулись. С момента их ухода прошло уже более 16 часов, то есть примерно в два раза больше, чем им требовалось.

Дело принимало серьезный оборот, и я как руководитель экспедиции обратился с просьбой к Степанову сходить вниз на поиск группы Евгения Очкина. Группе Чабаненко, ждавшей нас в лагере, пришлось освободить место для нас и перейти в ПБЛ 600, где они должны были находиться, пока не прояснится обстановка. Движение остальных участников в пещере также было приостановлено. Потянулись долгие часы ожидания. Несмотря на усталость, спать не хотелось.

Прошло еще примерно 12 часов, и, наконец, раздался телефонный звонок. Новость была столь ужасной, что в нее было трудно поверить. Группа Степанова нашла Галерею Григоряна почти полностью затопленной. Это означало, что вода в течение

нескольких часов неожиданно поднялась примерно на 150 метров! При этом никакого поступления ее сверху разведчики не обнаружили.

Группа Очкина не найдена. Сообщалось также, что вода медленно спадает и что разведчики все время шли за нею, а сейчас вернулись ненадолго, чтобы известить нас о случившемся, обогреться и немного поесть.

Новость потрясла всех. В Галерее Григоряна крымские спелеологи работали второй сезон, и у всех сложилось мнение, будто она не затопляется, а закрывается только Крымский ход. Мы даже планировали разместить здесь наши лагеря и лишь по счастливой случайности избежали этого.

Одобрив действия группы Степанова, я лишь попросил его не находиться постоянно у зеркала воды, а подходить к ней ненадолго из безопасного места, отмечать уровень и сразу возвращаться, повторяя эту операцию многократно. Ибо не было никакой уверенности в том, что нас не ждут новые удары в этой пропасти, оказавшейся вдруг столь непонятной и враждебной к нам.

Терялось ощущение реальности, события вокруг рисовались каким-то кошмарным сном во время тяжелой болезни, но весь ужас нашего положения состоял в том, что все это происходило наяву, а наше сознание никак не могло с этим примириться. Физической болью отдавалось то, что до дна, куда пошли наши товарищи, сейчас можно было бы добраться разве что на подводной лодке! И участь их представлялась нам трагической.

Группа Степанова после небольшого отдыха опять пошла вниз.

А у нас снова потянулись томительные, бессонные часы ожидания, которые разнообразились только поступающими с поверхности неутешительными новостями о том, что все время идут дожди и что улучшения погоды не предвидится, да редкими ударами падающих на полиэтиленовый тент капель под аккомпанемент кажущегося сейчас зловещим журчания ручейка поблизости.

Глубоко потрясенные, мы молча предавались размышлениям о превратностях судьбы. Ее крутые повороты порою неожиданны, и многочисленные опасности, подстерегающие нас в пещерах, зачастую совершенно непредсказуемы.

Вот, например, экспедиция 87-го года. Одна из групп после тяжелой работы поднялась в подземный лагерь в нише на дне Большого колодца (–1100 м—п. мои, К.Б.С.). Усталые спелеологи разделись, поели и заснули крепким сном. Трудно даже понять, по какой сверхъестественной причине некоторое время спустя проснулся севастопolec Константин Гавриленко и увидел сквозь тонкий капрон подземной палатки зарево огня снаружи. Ложась спать, ребята не потушили уже гаснущую свечу, от нее загорелся тонкий слой мусора и наплывов парафина на мокром, грязном полу. Огонь перекинулся далее на лежащую в метре кучу мусора, и языки пламени от нее стали лизать стоящую рядом

полиэтиленовую канистру с двумя литрами бензина, вплотную к которой стояла еще одна с пятью литрами. Поверхность емкости уже загорелась, когда Костя кошачьим прыжком подлетел к ней и выбросил под водопад.

У нас существует расхожая шутка, обычно произносимая чересчур тепло одевающимися перед пещерой: „Я видел мороженных спелеологов, но жареных — никогда!“. Оказывается, и это возможно, ибо лишь какие-то мгновения отделяли наших коллег от катастрофы в низкой, тесной, окруженной со всех сторон камнями нише. Кстати, после того случая мы отказались от использования бензина под землей. Гавриленко — один из опытейших наших спортсменов, у него сработало накапливаемое годами чувство опасности в пещере. А вот у наших пропавших друзей таковое, увы, еще не появилось.

... Прошло уже более 10 часов после повторного ухода разведчиков вниз, но сведений о них не поступало. Ожидание стало невыносимым, и, чтобы хоть как-то ускорить подготовку к уже почти неизбежным спасработам, я отдал команду вернуться к нам двум нашим товарищам Дмитрию Нехамкину и Сергею Шарипову из Базы 600 и принести два контейнера с продуктами и снаряжением, запас которых на дне и у нас в Базе 800 иссякал.

Пропавшая группа отсутствовала уже более двух суток. Умом мы все понимали, что шансы выжить у них минимальны, но сердцем никак не могли с этим смириться и, невзирая на переутомление, вызванное длительной тяжелой работой под землей, полны были непреклонной решимости сделать все для их спасения. Велико было искушение сразу броситься нашей самой сильной штурмовой группой на дно, однако было очевидно, что сделать сейчас больше, чем группа Степанова, никто не может. Да и следовало избегать риска пребывания лишних людей в опасной зоне, ибо никто не знал, насколько и как быстро может подняться уровень воды. Потрясение от происходящего было столь велико, что мы бы не удивились, если бы вода поднялась и до нашего лагеря!

Вынужден признаться, что осмысленные решения в такой ситуации даются с огромным трудом и требуют определенной выдержки.

Положение руководителя экспедиции всегда очень не простое.

Он должен уметь так скомбинировать часто различающиеся интересы участников, чтобы с возможно минимальными ограничениями свободы самовыражения каждого максимально эффективно решать общую задачу.

На нем также при любых чрезвычайных обстоятельствах лежит груз моральной, да и не только моральной ответственности.

И самое главное и самое сложное — он должен уметь в причудливом переплетении порою быстро меняющихся во времени обстоятельств, каждое из которых лишь с некоторой вероятностью воздействует на общий ход событий, принять оптимальное

решение.

Здесь успех определяется большим пещерным опытом, уверенностью в себе и в товарищах, а также кое-чем таким, что никогда не сведет творческое мышление, умение предвидеть, быть удачливым, наконец, к каким-либо формальным законам.

Так или иначе, мы ждали результатов второй разведки, и, пока их не было, напряженно размышляли. Прорабатывались самые невероятные ситуации, в которых могли оказаться потерпевшие, а также действия экспедиции по их спасению.

Например, что делать, если они, плавая в поднимающейся воде, закрепятся как-нибудь на потолке и, будучи не в силах больше терпеть ее холод, так и останутся на 30–40-метровой высоте после завершения паводка? Как нам снимать их?

Но основные надежды возлагались на возможность отсидки группы Очкина в двух местах: в дальней части Галереи Григоряна у озера, где высота свода особенно велика, и в меньшей степени — в Крымском ходу, в его верхней точке у сифона Глюкало, поскольку уровень воды при максимальном подъеме был выше этого места.

Наконец, примерно через 13 часов после второго ухода группы поиска поступило сообщение, из которого следовало, что вода полностью освободила Галерею Григоряна и что нигде в ней пропавшие не обнаружены. Разведчики проникли уже в самое начало Крымского хода, и по их данным, основанным на скорости спада воды, ход должен был полностью освободиться часов через восемь. Сообщалось также, что здесь найден пикетажный журнал Евгения Очкина, состоявший из тонких алюминиевых пластин. Таким образом, обстановка прояснилась. Настала пора действовать.

Прежде всего, разведчикам, проработавшим уже более суток, была дана команда отдыхать. Моя же группа начала одеваться и готовится к спуску.

Затем, поскольку продукты питания, физические и моральные ресурсы были на исходе, наверх был продиктован текст сообщения в Крым о сложившейся ситуации с просьбой о помощи. Мы могли своими силами вести спасработы еще примерно двое суток, но чтобы, делая все возможное для поиска потерпевших, продолжать эти усилия непрерывно и по их истечении, помощь была бы уже необходима. Поскольку из-за выхода из строя в грозу радиостанции оперативно связаться с Крымом не удалось, нам пришлось послать из Базового лагеря на поверхности двух человек вниз в ближайший поселок Бзыбь. Они должны были дать от моего имени официальную телеграмму о вызове спасотряда, а также по телефону обрисовать сложившуюся у нас обстановку. Прибытие спасателей к пропасти ожидалось примерно через сутки, и до их спуска на дно я рассчитывал вести поиск силами штурмовой группы.

Утром 8 сентября, на 17 суток работы в пропасти, наши курьеры под барабанную дробь дождя, освещаемые всполохами молний, скрылись в разрывах окутавших горные вершины

облаков, и через несколько часов в Крыму знали о случившемся.

Здесь хочу уточнить, что, кроме как оттуда, быстро получить помощь мы не могли. Пропасть им. В. С. Пантюхина слишком сложна, и для спасработ в ней нужны специалисты высшей квалификации, которых, в общем-то, совсем не много, и быстро собрать из них отряд в то время можно было только в Крыму.

Меры для его укомплектования были приняты немедленно. На следующее утро первая четверка спасателей под руководством одного из наиболее опытных советских спелеологов Сергея Бучного, президента клуба „–2500“, должна была прилететь на кавказское побережье в город Сочи и оттуда на заказанном к их прибытию вертолете — на Бзыбский хребет, прямо к пропасти. Вечером в Сочи должен был собраться основной отряд из 10–12 человек, также способных работать на большой глубине, под руководством Владимира Кузнецова, председателя федерации крымских спелеоклубов, президента спелеоклуба „Бездна“. Почти все спасатели — спелеологи-любители, оторвавшись от своих дел, спешили прийти нам на помощь. Финансировать работы взялась государственная организация — Крымская контрольно-спасательная служба, а также самодетельный клуб „Бездна“.

Вечером 8 сентября решались также некоторые организационные и юридические проблемы. В частности, был решен вопрос о допустимости расчленения тел погибших, ибо иначе их невозможно протащить сквозь многочисленные узости, если, впрочем, обстоятельства вообще позволят подымать их на поверхность. С патологоанатомами были проведены консультации о том, как это сделать не профессионалам и как правильно упаковать части тел для транспортировки. Увы, в нашем деле с подобными обстоятельствами приходится считаться.

События же в пещере в это время разворачивались следующим образом. Физически и морально истощенная группа Степанова, в которую также входили Дмитрий Ковалевский, Юрий Васецкий и Валерий Жогло, вернулась, наконец, на Базу 1300-2. Люди уже давно переступили рубеж, отделяющий действительность от ее фантастического восприятия. Галлюцинации начали посещать их еще в Галерее Григоряна. Когда же разведчики медленно брели за водой, отмечая ее уровень спичками, видения продолжались, проявляясь у каждого по-своему.

Для одного возникали образы то подымавшейся над поверхностью воды как бы подсвеченной изнутри ноги в резиновом сапоге с отчетливо видимым рифлением подошвы, то руки в резиновой перчатке, призывно машущей и влекущей к себе в черную бездну.

Другой ощущал непонятно как возникший, нестерпимо режущий запах роз. В любом случае, если из воды что-либо показывалось, кто-то из ребят обязательно бросался в нее и подплывал для проверки, но все это оказывалась просто плодами воспаленного воображения.

Но вот, предварительно позвонив мне, ребята разделись, по-

ели и легли в палатку. Уже перед сном Валера приподнялся, чтобы задернуть ее полог и... замер на мгновение. Потом закрыл вход, осторожно, будто не желая кого-то спугнуть, пятась задом, отполз обратно и чуть слышно прошептал: „Там Очкин! Но он какой-то странный, будто прозрачный!“

Затем с такими же предосторожностями из палатки выглянул Толя Степанов и увидел то же самое! Он окликнул приведение, и оно отозвалось нормальным человеческим голосом: „Ребята, у вас есть что-нибудь покушать?“

А из колодца напротив показалась еще одна голова с тускло светящимся фонариком.

Штурмовая группа в это время уже оделась и, готовая к спуску, поджидала транспортируемые сверху продукты. Вот-вот они должны подойти. Телефонный аппарат у нас барахлит, и мы используем как ретранслятор мощный телефон в ПБЛ-600, где постоянно слушают дно, что, впрочем, делают и на поверхности. Забыв о сне, мы все уже третьи сутки находимся в состоянии крайнего нервного напряжения. Пока моя группа ждет, я лежу в палатке с телефоном под ухом.

И вот — ударом по нему, от которого гулким эхом, казалось, задрожали стены вместе с невольно вырвавшимся криком У-Р-А-А-А! слышу едва различимый в полуисправном телефоне, но эмоционально не менее заряженный шепот:

„Они пришли, они пришли, они живы, все живы, с ними можно говорить, они живы, они настоящие, они нормальные, они живы, живы!!!“

Каждую минуту мы надеялись, верили, ждали этого сообщения, но положение наше становилось все безотраднее и тягостнее. И вот, уже почти помешавшись от осознания свалившейся на нас беды, мы теперь сходим с ума от радости! Все происшедшее кажется каким-то нелогичным, неправдоподобным.

Да, стихия коварна, она дождалась нашей последней экспедиции, последней группы, ушедшей на дно. Она дождалась того, что мы позволили себе немного психологически расслабиться, решив, что раз работа на продолжение закончена, то все трудности уже позади, забыв, что даже просто прийти сюда — большое достижение.

В череде успехов в этой пропасти мы как-то позабыли, что почти все глубочайшие пещеры мира за свое изучение требовали человеческих жертв. Да, природа нуждается в равновесии во всем, и на весы наших судеб, колы на одну их сторону мы желаем положить какие-либо результаты, на другую лягут — и с этим приходится считаться — тяжелые гири наших бессонных ночей, пота, а может быть, и сами жизни!

Понимать-то мы это понимаем, но когда приходится платить сполна, все представляется в ином свете. Даже самый пылливый и изоощренный человеческий ум буйной фантазией своей не способен предусмотреть все сюрпризы, заготовленные для нас природой. Став на какое-то время игрушкой в чьих-то руках, мы попали в невероятную ситуацию, но еще более невероятным

оказалось наше избавление.»

* * *

Можно представить состояние товарищей пропавших спелеологов, когда, следуя на розыски, они увидели сифон с верхней стороны еще недавно открытого прохода. 54 часа о судьбе отрезанной этим тихим паводком группы можно было только догадываться. Странно было то, что сверху по пещере не наблюдалось никакого увеличения расхода водотоков. Вода поднялась откуда-то снизу, беззвучно, в отличие от классических паводков, предупреждающих о своем приближении ревом железнодорожного экспресса.

Трудно описать чувства человека беспомощного перед силами стихии. Ты — щепка в потоке: вынесет или нет — воля Судьбы. Послушаем же до конца Игоря Вольского:

«Теперь самое время перенестись на дно и узнать, что же случилось с пропавшей группой Евгения Очкина, вернувшейся лишь через 54 часа.

Оставив ПБЛ 1300-2, сходили в конец Галереи Григоряна к озеру и вернулись на Развилку. Потом сквозь узкую щель и полусифон попали в Крымский ход, где решили сначала посетить его верхнюю часть. Перекусив у Глюкала, продолжили движение в прежнем направлении и, дойдя до сифона, который я пытался преодолеть несколько дней назад, повернули обратно. Миновав ответвление в Галерею Григоряна, группа пошла вниз, на дно пропасти, планируя на обратном пути делать топосъемку. Однако, пройдя совсем немного, спелеологи наткнулись на незнакомое озеро, преградившее им путь. Предположив, что они сбились с пути, начали было искать обход, как вдруг заметили, что озеро надвигается на них! И почему-то вода идет снизу! Бегом вернулись к повороту, но было уже поздно: из него, пенясь и шипя, шел сплошной поток. Выход закрыт, это ловушка!

На мгновение люди замерли, осознавая трагедию своего положения. Но на переживания времени не было, вода подступала уже к ногам, и они начали вынужденное отступление обратно, вверх по Крымскому ходу. Черная гладь воды, подымаясь за 6 минут на один метр, неотступно преследовала наших друзей, и ощущение своей полной беспомощности в борьбе с ее мерным и неотвратимым наступлением вселяло ужас. Все это происходило бесшумно, и лишь изредка трагическое безмолвие нарушалось зловещими звуками выдавливаемого из щелей воздуха, похожими то на глухой стон, то на змеиное шипение.

Все выше и выше паводок вытеснял наших попавших в беду товарищей, и примерно через 12 часов такого отступления они подошли к своему последнему рубежу — Глюкалу. Далее, напоминаю, галерея постепенно понижалась, но вода наступала только с одной стороны и, не дойдя метров десяти до сифона и около 4 метров до потолка в самом высоком месте, стабилизировалась.

Вид Глюкала поразил пришедших. Уровень воды в нем был метров на 5 ниже, чем при первом их посещении. Собственно сифон отодвинулся вглубь, и до него нужно было идти наклонно вниз около 10 метров. Последние несколько часов ребята шли молча и не могли заметить изменения тембра своих голосов. Здесь же, пораженный видом сифона, кто-то попытался присвистнуть от удивления, но из этого ничего не вышло. Голоса неузнаваемо изменились, воздух стал тяжелым, вязким, и все сообразили, что это последствия повышенного давления.

Как видите, „приключения“ сыпались на них одно за другим. Но, с другой стороны, это вселяло некоторую надежду на длительное сохранение пузыря воздуха над головой. Но если бы в своде была бы хоть микроскопическая трещина, то тогда. . .

В общем, группа оказалась в естественном водолазном колоде, и весь вопрос теперь заключался в том, на сколько еще может подняться давление, не выдавит ли оно водяные пробки сифонов, ведь, что за ними, мы так и не узнали. Но если даже вода выше не поднимется, то сколько она будет держать своих заложников — сутки, неделю, месяц? Пока лишь оставалось, сохраняя присутствие духа, ждать и верить в свое спасение.

Энтузиазм первооткрывателей и героические помыслы найти здесь еще что-то неведомое несколько поостыли. Уставшие от переживаний, люди, сбившись тесной кучкой, сберегая остатки тепла, сидели, опустив головы, подавленные происшедшим, в небольшой камере со сжатым воздухом, со стоящей буквально у ног водою. Для экономии света оставили включенным лишь один фонарь.

В эти тяжелые минуты характер каждого проявлялся по-своему. Евгений Очкин, как и положено руководителю группы, делал все, чтобы вселить в товарищей оптимизм, а как врач контролировал их состояние. Флегматичный Евгений Сандров, вверившись судьбе, спал. Кстати, не так давно он работал водолазом и оценил давление, в котором находился, примерно в 5 атмосфер. Галина Шемонаева, самая обаятельная и жизнерадостная из известных мне женщин-спелеологов, молча сидела на коленях у ребят и думала о своей маленькой дочери. И, наконец, четвертый член этой группы, Василий Ерастов, вел научные наблюдения, фиксируя время, скорость подъема и спада воды.

Через несколько часов пребывания у Глюкала началось постепенное понижение уровня, освободившее метров пятьдесят галереи. Из щели сбоку от сифона, пульсируя, забил фонтан. Быть может, наличие этого канала и есть разгадка тайны его невнятного бормотания? Интересно также то, что оно незадолго до начала паводка прекращается. Однако пробудивший надежду спад воды вскоре прекратился, она снова поднялась, и даже немного выше прежнего. И опять только тишина, соответствующая плавному, почти незаметному течению времени, окружала ребят, прерываемая изредка лишь приглушенными звуками переливающейся где-то в недрах этой гигантской системы сообщающихся сосудов воды.

Около суток пребывали наши товарищи в западне у сифона, когда, наконец, начался медленный, но непрерывный спад воды, который, продолжаясь ровно сутки, позволил, в конце концов, им выскользнуть из Крымского хода в Галерею Григоряна. Подобрав по пути оставленные им на всякий случай группой поиска запасной свет и продукты, пошли в базу, где вскоре и произошла долгожданная встреча.»

* * *

И на этот раз обошлось. Через 54 часа вода упала также тихо, как и поднялась, открыв путь к лагерю. Но Абац уже выбирал первую жертву. . .

Выше входа в Пантюхинскую был обнаружен вход в пещеру, названную Богуминская. При помощи красителей была установлена связь между ней и Пантюхинской, что давало надежду на приращение еще нескольких сотен метров денивеляции.

Вертолет над нашим лагерем Арабика-88 ушел в сторону Бзыби не для заброски. В пещере Богуминская погиб от переохлаждения руководитель поисковой группы. Подземный мир собирал дань в отместку за вырванные у него рекорды.

* * *

Июнь 1989 года. Я сижу на берегу Исети — тихой уральской реки. Здесь, в Свердловской области, обрел прописку Третий (и как оказалось — последний) Всесоюзный слет туристов. На несколько дней съехались сюда и спелеологи. Наша база, как обычно, в стороне от огромного, похожего на российский базар — народу много, товара нет! — табора туристов других видов. Мы так никогда и не смогли „стать туристами“, не вписались.

У нас — тишина и покой. На одном берегу реки — лагерь, на противоположном — трассы соревнований. Белые отвесы обрываются прямо в воду, старт — с плавучих понтонов. Сосны отражаются в воде, медленно скользящей мимо.

Мысли плывут, как река, медленно и спокойно. Вот и свершилось. Вчера поздно вечером 8 июля 1989 года здесь, на берегу Исети, была явочным порядком учреждена Ассоциация Советских спелеологов (АСС) — новая спелеологическая организация принципиально отличного от всего ранее существовавшего — горизонтального построения. Учредителями Ассоциации стали 43 представителя различных спелеологических организаций со всех концов СССР, в том числе из Казахстана. Первым спонсором АСС стал наш клуб спелеологов „Сумган“, взяв на себя расходы по размножению первого информационного письма исполкома и Устава организации.

На Урале за какие-то два часа было сделано то, что вынашивалось годами. То, о чем думали, но все не решались реализовать. Дорогу осилит идущий.

Итак, этот сезон мы продолжаем под флагом первой в истории страны спелеологической организации, принявшей на себя только координирующие функции. Никаких директив, указаний, руководства, власти и подчинения. Мы заново осознаем себя в этом мире.

Впервые в нашей дикой стране создана спелеоорганизация на основе индивидуального членства. В конечном итоге, только благополучие каждого отдельного человека, каждого конкретного спелеолога, спелеотуриста, кейвера, карстоведа, каждого из нас — только это имеет ценность в этом мире. Думается, что если каждому из нас в отдельности будет хорошо, то уж всем вместе — тем более.

Так думалось, так мечталось. К обустройству мира и своего места в нем каждый должен приложить свою руку. Чтобы потом не сетовать, что построили не то. На Исети мы сделали небольшой шаг по пути этого обустройства. И в том, что нашей организации, едва родившейся, не суждено было жить долго — не наша вина. Развал СССР положил конец всем планам. А тогда на Урале мы чувствовали подъем и настроены были решительно. Будет ли все так, как заложено в Уставе АСС, как понимается единомышленниками? Это зависело от многих факторов.

Нельзя сказать, что мы достигли единодушия по всем вопросам. В масштабах огромной страны нас и дальше раздирали противоречия. Красноярск, бывший столько времени сторонником независимого пути развития, вдруг изменил курс с точностью до „наоборот“, прельстившись призрачными обещаниями дотаций со стороны краевого спорткомитета. Глупо отказываться от денег, но стоит ли ради них менять цвета своих знамен? На свои безумия деньги нужно зарабатывать самим. Или продавать результаты своего ремесла, увлечения, принося людям то, за что они готовы платить. Но не просить с протянутой рукой.

Были и другие противоречия. Но, в конечном итоге, мы и создавали Ассоциацию, чтобы каждый мог реализовать свой собственный путь, способ существования. Чтобы вопрос, чей путь лучше, не приводил к подавлению одних другими, и только жизнь могла бы показать, кто был прав и в чем.

Временный исполнительный комитет АСС был избран в составе трех человек: Николай Андреевич Марченко — президент, Евгений Михайлович Стародубов — вице-президент, Виктор Алексеевич Новиков — член исполкома²⁷². Все москвичи. Все, кроме Новикова, известные спелеологи. Они были первыми и последними руководителями Ассоциации советских спелеологов.

* * *

Казалось бы, все, к чему стремились последние годы, свершилось. Но радость мешалась с грустью. Я оставлял Исеть с чувством приближающихся потерь.

Уезжала в Израиль Иринка Зельцер, ташкентская спелеологиня, с кем неразрывно были связаны все среднеазиатские экспедиции последних лет. Мы сидели на залитом солнцем бугре над поляной слета: Ира, я и Бурул Джусупова из Фрунзе, Иринка переписывала мне в блокнотик слова старинной нашей песни, что звучала на знойных ташкентских улицах, песни — слова которой я все как-то не удосуживался выучить. А тут вдруг подумал — а ведь мы можем уже никогда не увидеться! — и заторопился.

— Слышь, Ир, ты напиши мне ее. . .

²⁷² Кто такой Новиков, я до сих пор толком не знаю. Марченко туманно намекнул, что это „нужный“ человек, который должен помочь в оргвопросах, которых предстояло немало.

— Ту самую?
— Ты же ее знаешь...
— Пишу уже!

Такое несерьезное „пока“ —
Как будто, правда, вместе соберемся.
Уткнули горы лица в облака,
А мы, как будто нам смешно, смеемся.
Как будто расставаться нам легко.
Как будто ничего нас не связало.
Как будто бы совсем недалеко
Расходятся дороги от вокзала.²⁷³

Мы сидели на травянистом склоне над главной поляной слета, ожидая автобусы на отъезд — как символы трех азиатских республик, еще вчера неделимых, но уже замершие в предощущении неотвратимых перемен. И гитара в Иркиных руках не звучала, и попросту валилась из моих.

Как щедро адреса мы раздаем —
Как будто, правда, что-нибудь напишем.
Давайте лучше песенку споем —
Ее-то мы когда-нибудь услышим.
Пусть будет, как письмо, она для нас,
Как весточка шальная друг о друге,
О тех, кто был в горах с тобой в тот раз,
И кто сидел тогда вот в этом круге.

И плыли перед глазами Самарканд и Ташкент времен наших спелеоэкспедиций. И вставали во весь рост каньоны Кугитанга, где в марте 1985 года мы познакомились с „самаркандскими томичами“ Гришкой Пряхиным и его женой Любой, чей гостеприимный дом привечал все спелеоэкспедиции. И потом, после экспедиций на Киевскую, Самаркандский вокзал. И жаркая самаркандская ночь. И мы — из Усть-Каменогорска, Ташкента, Самарканда, Ашхабада. И Гришкина малюсенькая гитара. И эта песня.

Ты помнишь, по палатке снег шуршал,
И мы теплом друг друга согревали,
Как ветер ранним утром нас встречал,
Когда мы выходили к перевалу,
И как туман над склонами летел,
Как на вершине мы стояли вместе.
Ты вспомнишь дорогих тебе людей,
Когда услышишь ты вот эту песню.

А Иру Зельцер с тех пор я больше не видел. И может быть, больше не увижу никогда²⁷⁴. А кого еще я увижу из тех парней и девчат?

²⁷³Я, к сожалению, не знаю автора этой песни.

²⁷⁴Мы встретились! Уже в 2003-м году, в Израиле... А вот с Бурул нет.

* * *

Но шел только 1989 год. И будущее все еще казалось ясным до предела. Мы расставались друг с другом, но не с пещерами. А скоро закружат нас горные дороги. Новый сезон. Что нас ждет впереди?

Оказавшись в горах, я испытываю облегчение, сравнимое разве что с облегчением горожанина, добравшегося до собственной квартиры: „мой дом — моя крепость“.

В горах я переживаю иллюзию свободы. А может быть, это и есть сама Свобода?

В горах мы не зависим от скученного общежития городов. Мы полагаемся только на самих себя и умение ладить с силами Природы.

Вот оно — главное. Свобода — это не есть осознанная необходимость, как утверждают марксисты и большевики. Свобода — это необходимость преодоленная. Это зависимость только от объективных законов природы и собственной воли.

Издавна люди стремились к двум вещам — свободе и справедливости. Кто-то мудрый заметил, что там, где есть свобода, нет справедливости, потому что вступает в силу закон сильного, а справедливость всегда ограничивает свободу сильных в пользу слабых и незащищенных. В горах я ближе всего к безболезненному компромиссу между этими желанными крайностями. И это делает меня счастливым.

К чему мы стремимся? Вечное познание бессмысленно, если не находить наслаждение в самом его процессе. Все обесценивается и в том случае, если узнать, что выше достигнутого — нет уже ничего. Достижение конечного также печально, как и осознание невозможности достичь бесконечного. Грустно взойти на высочайшую вершину мира.

Пещеры, в отличие от гор, все еще оставляют нам надежду...

Вот и все, вот и все,
Вот и кончилось —
Мы стоим на пороге разлук.
Что ждало нас —
Отмерено полностью:
До свиданья, мой ласковый друг!
Эти сосны и скалы, уснувшие
В темном зеркале спящей реки, —
Все в мгновение ока разрушится,
Когда мы соберем рюкзаки.

Но когда-нибудь снова мы встретимся
У грядущих неведомых скал,
И припомнится вдруг
Этот Третий
Всесоюзный наш слет и Урал
Эти сосны и скалы, нависшие
Над спокойствием сонной реки,
Нам привидятся, видятся, видятся,
Когда мы соберем рюкзаки.

Это сбудется, сбудется, веришь мне?
В день неведомый, в ночь у костра

Вдруг взвываются, как флаги над крепостью
Наши встречи, Исеть и Урал
Ах, вы, сосны и скалы беспечные!
Твои руки, как воздух, легки
Все останется памятью вечною,
Когда мы соберем рюкзаки...²⁷⁵

* * *

Минула осень, накатила зима. В начале февраля 1990 года получаю письмо. Прошлым летом в Пантюхинской случилось несчастье — в 107-метровом колодце на спуске порвалась веревка. Почему? Шесть или семь человек спускались по этой веревке, пока один, в самом начале спуска, не допустил серьезного рывка. Платой за ошибки оказалась жизнь.

Подробностей я не знал. Неужели группа работала на одинарной веревке? Эта мысль не давала мне покоя, и я написал руководителю керченских спелеологов, моему старому товарищу по кавказским дорогам Сергею Клименко. И вот ответ.

«Здравствуй, Костя!

Спасибо за поздравление с Новым годом.

О несчастном случае: при спуске из-за перегрузки основной веревки произошел ее обрыв. Самостраховка по тросу оказалась неэффективной.

По итогам 1988 года составлен отчет в полном объеме (с полным набором картографического материала: СТО²⁷⁶, разрез, план).

У нас большие планы по работе в Пантюхинской и еще не на один год. Это трассирование водотоков, как подземных, так и поиск разгрузки на поверхности. Поиск дальнейшего продолжения как вверх, так и вниз. Много перспективных мест. Уточнение глубины, так как она может быть чуть больше. И еще много других задач.

Надо отметить, что пещера уже сильно замусорена, а желающих посетить ее и оставить после себя грязь, становится все больше. Мы не хотим, чтобы она стала похожа на Солдатскую, практически не посещаемую из-за жуткого запаха гниющих остатков и мутной воды, совершенно непригодной для питья и приготовления пищи.

В этом году будем работать несколькими группами и в разное время, но основная работа планируется на август. Я думаю, нам было бы неплохо согласовать наши действия, чтобы мы не только не помешали друг другу, а совместно поработали на пользу дела. СРТ для нас пока удел будущего, мы работаем: веревка-веревка, трос-веревка.

Кстати, если не знаешь, глубина пещеры 1571 м.

С наилучшими пожеланиями, Сергей Клименко.»

²⁷⁵К. Б. Серафимов „Посвящение Последнему Всесоюзному Слету“, Свердловск, Исеть, 1989 г.

²⁷⁶СТО — спортивно-техническое описание.

Перечитываю, не веря своим глазам. Пантюхинская –1571 метр?! Это Полюс! Это рекорд. Это победа! Пантюхинская—глубочайшая пропасть мира! Глубочайшая ли?

Часть III

Глубины, которые мы выбираем

10. Заключительный аккорд

10.1. Восхождение в Абац

Наш путь к Пантюхинской начинался в 1989 году. Четвертый год мы доказывали самим себе и Союзу преимущества SRT в прохождении пропастей высшей категории сложности, но... Воистину, нет пророка в своем отечестве. Наши успехи в Киевской как-то тускнели от того, что КИЛСИ считалась наиболее простой в ряду советских тысячников. Экспедиции в Снежную и Перовскую проходили в тени зарубежных мастеров, которые вполне заслуженно играли в них первую партию. Мы же, теряясь в их блеске, учились, перенимали, приспособливали увиденное к советским условиям и... проходили свой путь.

Это сегодня вряд ли кто всерьез станет возражать против одинарной веревки. А тогда, даже через 4 года, скептиков было, хоть отбавляй. Одним из основных аргументов наших оппонентов был вопрос о транспортировке груза. Ходить по одинарной веревке еще ладно, но вот носить на себе мешки? Решиться на восхождение по подземным вертикалям с мешками на беседке было трудно и, прежде всего, — психологически. Да и технически такое движение требовало особых навыков и некоторой тренировки, однако, при их наличии — становилось вполне посильной задачей.

В июле-88 на Арабике параллельно нам работали ленинградцы под руководством старожила и „однофамильца“ пропасти — Сергея Илюхина. Серега, да и все остальные его ребята доброжелательно, но как-то особенно недоверчиво взирали на наши одноверевочные „эксперименты“.

— Ладно, — говорили ленинградцы. — Посмотрим, как вы с мешками будете управляться!

Дело было в том, что нам предстояло чистить пещеру от брошенного там в прошлом году снаряжения. Мы понимали, что огромное количество оставленных предыдущей московской экспедицией мешков, которые нам нужно было попытаться поднять на поверхность, могло свести на нет любые технические преимущества. И все же, вместо традиционного перекидывания мешков из рук в руки и подъема веревкой на отвесах, надеялись применить обычную в SRT тактику переноски груза „на себе“.

— В Перовской? С двумя мешками на человека? — усмехался Илюхин. — Можно, конечно. Но до-олго вам придется корячиться! Да и не везде пройдешь в одиночку. С парой-то мешков!..

И вот навеска до „сухого дна“ сделана. Пришла пора испытания мешками. Теперь всем достигающим дна предстоит подниматься вверх, постепенно обрастая стремительно размножающимися мешками. Задача заключается в том, чтобы как можно дольше удержаться в рамках нормальной для SRT тактики, не сорваться в навал, в глобальное перетаскивание мешков „всем миром“. Именно такую установку я стараюсь втолковать уходящим под землю группам.

Между делом происходят интересные эпизоды. Утром 23 июля сидим у кухонного огонька. Только что подошел Сергей Илюхин, скорректировать действия своей группы с нашими. Стоим, толкуем. От польских палаток появляется четверка снаряженных для штурма поляков: Анджей Чишевски, Сташек, Войчех и Ян „Ленин“.

— Пошли за баллонами?

Поляки кивают, улыбаются. И использованные баллоны от аквалангов сложены на –800.

— Когда планируете вернуться?

— Ужин сегодня когда?

Смотрю на часы — начало восьмого утра.

— Думаю, как обычно, часов в 8–9 вечера.

— К ужину вернемся.

Поляки уходят вверх по тропе, вьющейся по краю троговой долины, пропаханной когда-то ледником. Смотрим им в след.

— К ужину! — усмехается Илюхин. — Они куда собрались?

— До дна.

— До дна-а? . . .

Лето уже давно переломилось к осени, дни становятся все короче, и хотя в горах темнеет позже, чем у моря, но к 18 часам плато укрывают серые сумерки. Как-то там поляки? Мне очень хочется, чтобы они сдержали слово и, вопреки устойчивому скепсису ленинградцев, показали европейский класс. Хочу, но невольно думается — а вдруг не смогут? А мы смогли бы вот так — до дна на километр и сразу наверх, да еще с мешками от –800? Трудная задача. . .

И вдруг замечаю вдалеке на ригеле два огонька. Кто бы это мог быть? Огоньки перемещаются, явно направляясь вниз к лагерю. Поляки! А время? 18.30!

Весть мгновенно облетает лагерь, и все свободные сегодня от работ высыпают к крайним палаткам — встречать. Этот обычай соблюдается свято. Здесь же ленинградцы. Все вглядываются в темноту. В пропасти сейчас работают несколько групп. Кто же возвращается? Так и есть! Это Анджей Чишевски и Войчех. Подходят, с облегчением бросают в кучу вытащенного из пропасти барахла по баллону.

Жмем им руки. Это своеобразный рекорд! На спуск до –950, и подъем на поверхность двойка Чишевского затратила 10,5 часов, из которых 2 часа провела в лагере на –600. С –800 до –400 подняли по паре баллонов, два оставили на дне 107-метрового колодца, а по одному вытащили на поверхность. Вот они „громкоголосые бутылки“!

Через пять с половиной часов, в 22-00, появляется из пропасти вторая польская двойка — Ян со Сташеком, бросают у палаток свои, вытащенные из пропасти, мешки. Наутро весельчак Ян предъявил собравшимся поломанный в клочья изорванный зонтик. Его он специально носил на дно, чтобы преодолеть зловерный водопад на –900, под которым мы с Косиновым так маялись со своими очками:

— Вот как надо проходить под водопадами! — смеется Ленин.

Начало было положено. Конечно, мы не избежали суровой необходимости перетаскивать мешки челноками, поднимать их веревками по 107-метровому колодцу и выше, но это не было издержками SRT как техники, а

лишь следствием выполняемой задачи: не каждый раз приходится глобально чистить пещеру.

* * *

И все же это было не то. Как бы там ни было, но становилось ясно, что нам нужна новая экспедиция, причем в такую пропасть, чтобы позволила расставить все точки над «i». Раз и навсегда. Такой пропастью была Пантюхинская. С 1987 года Пантюхинская занимала почетное 2 место в мире вслед за Жан-Бернар. И чуть было не вырвалась вперед в следующем, 1988-м, но Жан-Бернар уже перешагнула очередной потрясающий барьер—1600 метров. Мы не имели возможности попробовать свои силы в Пиренеях, хотя думается, что это не было бы для нас невыполнимой задачей. Тем более что 31 метр, разделявший замечательные пропасти, не принципиальное отличие по глубине.

Но и без этого был ряд факторов, по которым Пантюхинская превосходила в моих глазах знаменитую Королеву Глубин (и превосходит поныне). Во-первых, полтора километра глубины пропасти имени Вячеслава Пантюхина—это 1500 метров вертикали с единственным входом, а значит, и выходом на поверхность. Глубина Жан-Бернар от самого нижнего из ее многочисленных входов: «V-4», до дна—всего 1124 метра. То есть прохождение всей денивеляции Жан-Бернар носит чисто спортивный, не обусловленный объективной логикой характер. Дойти же до дна Пантюхинской можно, только пройдя вверх и вниз все полтора километра ее вертикалей, от первого и до последнего метра. Что называется, „без дураков“.

Во-вторых, к началу 89-го года еще ни одна экспедиция не пробовала пройти Пантюхинскую с помощью SRT. Это означало, что в пропасти практически отсутствовали крючья, которые можно было бы использовать при навеске одинарной веревки. Это обстоятельство значительно повышало сложность и престижность планируемого прохождения. Впервые пройти ТАКУЮ пещеру новой для СССР техникой, забить все необходимые крючья, составить описание навески и сделать это без участия зарубежных спелеологов—неплохая задача. И я начал собирать информацию.

Одним из первых откликнулся из Киева разработчик тросовой техники (ТТ) Валерий Янович Рогожников:

«... По поводу Пантюхинской. Я там работал в составе команды рядовым перетаскивателем снаряжения и продуктов, поэтому картографических и других материалов у меня не много. Высылаю схему в состоянии на 1988 год.

Пещера развивается по комбинации трещин и планетарных направлений в сторону Бзыби по падению пластов. Известняки мелового возраста, ниже –1300 сменяются юр²⁷⁷: массивные, крупнослоистые, плотные.

Крючья держат хорошо. (Приятно слышать!) До –800 воды мало. (Не менее приятно!)

²⁷⁷ „Юра“ — с ударением на последнее „А“, известняки юрского геологического периода, сленг.

Ко дну К-28 (–800 м) подходит приток, по которому летом 1988 года пришел паводок и краска из Богуминской — констатировал лично. (Ага! А вход в Богуминскую на 2–3 сотни метров выше входа в Пантюхинскую. Соединение этих пещер может дать неслыханную глубину!..)

Воды может быть много — если тают снега в верховьях и на водоразделах, но пещера не затапливается. Однако на участке ниже 1400 может затапливаться полностью, причем без видимых признаков в верхних колодцах, откуда-то снизу. (Это тот самый случай, о котором нам рассказывали. Тогда парни более двух суток сидели в тупиковом гроте отрезанные тихим паводком. . .) Поэтому последний лагерь не стоит спускать ниже –1400: можно влипнуть. (Надеюсь, что мы вообще не будем ставить лагерь так глубоко. . .)

О лагерях.

Лагерь 1 на –200 обычно использовали как пункт питания, но палатку и спальный мешок там держали все время.

Лагерь 2 на –480 у „Пера“ тоже использовался как пункт питания.

Лагерь 3 на –650 (Это перед сифоном на „старом дне“ . . .) очень просторный комфортный — служит базой для дальнейших приключений. Сифон вычерпывается за плотину — 6 часов работы группой в 3 человека, сам вычерпывал. Участок между лагерями 3 и 4 сложен для транспортировки — щели, распоры и прочие мерзости.

Лагерь 4 на –850 просторный, но грязный, и шумит вода — в паводок очень шумит. (Это место получило название „Пермская база“ . . .).

Лагерь 5 на дне К-200 (Отметка –1100!) спрятан под камнем, тесноватый, но комфортный, чистый и сухой — на 5–6 человек.

Лагерь 6 на — 1350 в просторной, но горбатой галерее может расположить очень много людей. Ниже стоять не стоит — может затопить, а этот лагерь ставить очень желательно, потому что выход на дно и обратно занимает часов 15. (Черт! Неужели придется-таки тащить базу на такую глубину?)

Вот, в принципе, все, что можно рассказать.»

Спасибо, Валерий Янович!

* * *

Лето 89-го года омрачалось беспокойной обстановкой в Абхазии. Это было преддверие грузино-абхазской войны, начавшейся в 91-м. Но тогда еще не верилось, что может быть война, которая оборвет все наши надежды на работу в самых перспективных пещерных районах Кавказа. И я продолжал собирать информацию.

Следующее письмо от товарища по экспедиции „Снежная-81“ Андрея Бизюкина пришло из Москвы. В нем ни слова не было о Пантюхинской — супружеская чета Андрей Бизюкин и Таня Немченко оставались приверженцами Снежной.

«... Этим летом, в связи с абхазскими событиями, были приостановлены многие серьезные экспедиции. У нас тоже возникли некоторые сомнения в целесообразности посещения Кавказа, но, доехав до Сочи, мы узнали у первого же стоявшего на вокзале милиционера, что стрельба закончилась, и чачу уже продают. Узнав все это, мы решили продолжить исследование нижних входов в Снежную.

На примете были две дыры, открытые харьковскими спелеологами. Одна из них — пещера Каньон, „гигантская“ шахта глубиной, как утверждали наши украинские друзья, — 350 метров. Дальнейшее исследование пещеры приостановилось из-за подземного озера, преградившего путь отважным спелеологам. Именно это озеро явилось причиной нашего посещения пещеры Каньон. Так как мой основной напарник Шурик (по кличке Абдула) как раз перед экспедицией схватил кессонку и чувствовал себя неважно, я настроился нырять в одиночку. Но Фортуна распорядилась иначе.

Штурм пещеры проходил спокойно и четко. Но в нижней части на последней сотке нас смутила повышенная камнепадность, и мы сделали откачку в сторону примерно на 20 метров. Все бы хорошо, но сказалась неуверенность одного из участников. Ему показалось неудобным транспортировать мешки по нашей навеске, и он упустил несколько штук в колодец. По странному стечению обстоятельств вниз спланировали наша кухня и мои баллоны.

Примерно на 8-й секунде полета мы услышали „музыкальное сопровождение“. Так мы лишились баллонов, а кастрюли, упав с 80 метров, стали квадратными. Пришлось дальнейшие исследования Каньона отложить на будущее.

Участник, упустивший баллоны, чувствуя свою вину, начал буквально рыть все дырки в окрестностях нашего наземного лагеря, и ему повезло. В одной из пещерок он прокопал щель, из которой дуло. (Так и хочется продолжить: Он кинул туда камень, дуло исчезло!.. п.мои.)

Щель расширили до вертикального шкурника, потом расчистили еще три узости до состояния шкурников — все вертикальные, и вывалились в 60-метровый колодец.

16 часов штурма, навешено 200 метров веревки, и каково же было наше разочарование, когда мы опять вывалились в то же самое подземное озеро! Две соединившиеся пещеры тут же нарекли системой Каньон-Самохват. Уточненная топосъемка показала глубину — 291 метр, в отличие от харьковских — 350.

Кстати, как ты думаешь, почему ошибка в топосъемке, начатая еще, наверное, с КилСИ, бывает только в сторону большей глубины? Может, это подземная атмосфера влияет?

При подъеме наверх на —70-м метре пещеры Самохват был обнаружен новый ствол. Шикарный колодец глубиной 40 и диаметром 15–20 метров. Но, черт побери, и этот ствол вывалился в то же озеро! Заколдованное озеро.

Трехствольная система Каньон-Самохват при нанесении ее

на орографическую схему района и план Снежной находится практически над залом „Икс“. Представляешь, если она пойдет, то — примерно 500-метровая дыра, и ты — в зале „Икс“. И это вместо длинного и утомительного пути, каким пользуются традиционно!

После всех этих неудач у нас осталась последняя надежда — пещера Ветерок, находящаяся в соседней балке на 100 метров выше Каньона. Мы прошли ее до –140 метров и остановились в большом обвальном зале, примерно 17 на 30 метров. От безысходности народ начал копать, почувствовали ток воздуха, завал начал поддаваться. Сейчас пройдено 85 метров в глубину завала — ход идет по руслу паводкового ручья. Пещера медленно, но продолжается.

Когда мы ее проткнем, то пригласим тебя, Костик, сделать траверс Меженного–Ветерок. От Ветерка до Дурипша — 1,5 часа ходьбы!

Таня все это время провела в Словакии, посещая их пещеры и изучая методы расширения узостей с помощью портативного молотка-перфоратора и взрывчатки.

Заканчивая, скажу о планах. В июле–августе 89 года собираемся работать по поиску верхнего входа в Снежную с применением активных средств, в частности, чехословацкого портативного отбойного молотка. Если у тебя есть в записке какие-либо способы расширения узостей, ты мог бы их опробовать на вершине Хипсты.

То, что верхний вход в Снежную существует, это очевидно, надо только его пройти. Мы приглашаем всех друзей и хотим еще раз попытать счастья. Если ты еще не утратил надежды, что Снежная может быть все-таки первой в мире, то присоединяйся к нам.

До встречи на Кавказе! Андрей. Таня.»

Классно, ребята. Я, конечно же, с вами. . . в душе!

* * *

На Кавказе мы не встретились. 1989 — это был не самый удачный для меня год. Одна экспедиция клуба, организованная и проведенная Юрой Бессергеновым, совместно с москвичами и бельгийцами снова работала в Перовской. Другая команда во главе с Андреем Волковым и Виктором Фитисовым принимала итальянцев и москвичей на Киевской. Но основная часть спелеологов клуба была втянута в хозяйственную деятельность, красила мосты, здания и металлоконструкции в Усть-Каменогорске. И я руководил всей этой суетой.

По той же причине мне не удалось поехать и на Международный Спелеологический Конгресс в Будапеште, где побывали многие мои друзья из других городов Союза. В спелеологическом плане сезон-89 для меня практически пропал. Тем ярче из заветного далека светила Пантюхинская, которую по многим причинам необходимо было „делать“ именно в следую-

щем 1990 году. Не позже. Промедление было подобно поражению, так как могли пропасть многие резоны, украшавшие эту задачу.

Зима 89–90 принесла новые известия и ряд событий, утвердивших меня в уверенности относительно задуманного. Как уже было сказано, в начале января пришло письмо керчанина Сергея Клименко, в котором он сообщал, что глубина Пантюхинской – 1571 метр. Новая цифра меня обрадовала, но и удивила. Это звучало вызовом официально продекларированной до сих пор глубине пропасти – 1508. Правда, большого значения новая глубина уже не имела, так как зимой французам удалось закрепить свое преимущество в Жан-Бернар. Пиренейский супергигант перешагнул еще один фантастический рубеж — 1600 метров. Теперь денивеляция Жан-Бернар достигла 1602 метра²⁷⁸.

Однако это были 1602 метра, а не –1602 метра. Пантюхинская до сих пор оставалась непревзойденной в классе супергигантов с одним входом. Как тут было не вспомнить слова болгарина Мартина Трантеева: „Световный уровень для нас — как горизонт: едешь, едешь, а он все удаляется!“

Далее получаю долгожданное письмо из Симферополя. Но в ответ на мою просьбу помочь материалами мой „сокоешник“ по ВИПу на Алеке, врацанской Школе спелеоспасения, Бахчисарайскому слету симферополец Володя Кузнецов отреагировал несколько странно. Этаким суконно-казенным языком.

«Председателям МКК, Руководителям спелеопоходов высшей категории сложности.

Крымская областная комиссия спелеотуризма совместно с клубом спелеологов „Бездна“ г.Симферополя, клубом спелеологов „Карст“ г.Керчи в период с 1 июля по 15 сентября 1990 года проводит комплексную экспедицию в районе Западного Кавказа, Бзыбский хребет.

Целью экспедиции является дальнейшее изучение пещеры В. С. Пантюхина и пещеры Богуминская... Руководителями экспедиций являются Пантюхин Г. С., Кузнецов В. С. (Симферополь) и Клименко С. И. (Керчь). Просим сообщать спелеогруппам, собирающимся работать в указанных пещерах, о наших планах.»

И больше ни слова. Предупреждение это я понял так: „Мужики, не путайтесь у нас под ногами“. Дружба дружбой, а пещеры врозь? Ладно, и на том спасибо.

Буквально следом еще одна тревожная весть, на этот раз от тбилисского сибиряка Василия Васильевича Вилисова, с легкой руки Резвана окрещенного Васей-в-кубе.

«Спасибо за Новогодние поздравления! Открытку от тебя получил в свой краткий приезд в Грузию на Новый год. Сейчас работаю в Сочи, январь буду здесь, а в феврале еду в Красноярск работать инструктором к Гене Иконникову. Он собирается делать семинар с уклоном в СРТ и приглашает ребят из Болгарии. Возможно, ты будешь?»

²⁷⁸Что-то я не слышал о словопроениях вокруг глубин франко-испанских пропастей. У нас же что ни приличная пропасть, то какие-то разговоры. Интересно, почему?

Летом ребята-французы немного поучили нас своей технике. Был профессиональный преподаватель из национальной школы спелеологии. . .

К большому сожалению, информацией по Пантюхинской не обладаю. У меня была карта до –620, я отдал ее по окончании экспедиции.

Навеску делали ребята из Франции. Забивали стандартные СПИТы — всего около 30 штук. До –600 метров пещера сплошь вертикальная — навеска была также сплошная: ни в одном месте не отстегивались от перил. Французы пробили и навесили отлично — чувствовался очень высокий опыт.

Подходы к пещере элементарные — со стороны Ричинского шоссе у остановки „11 км“ мост через реку Бзыбь: место называется „Джирхва-ГЭС“. И далее по правой стороне реки и вверх в горы — дорога единственная. С хорошим грузом — за день у пещеры: высота 1800 метров. Лагерь огромный, вода рядом — источник Азырцых.

Думаю, что в августе у тебя не будет проблем — там будут работать ребята из Крыма, они располагают всей необходимой информацией. Я в курсе, что в конце июня-90 в Пантюхинскую собираются поляки — до дна. В сентябре туда же идет совместная словацко-бельгийская экспедиция. Июль-август просили не занимать крымчане. Думаю, что нужно с ними списаться. Я все лето буду на Бзыби — могу на месте помочь с показом района и т.д.

Кстати, временные данные: выемка снаряжения с –550 проводилась шестером — 4 француза и мы с Володией Глиновым — общее время 6 часов. До встречи! Вилисов.»

Та-ак. Время шло уже „на минуты“. Оказывается, пока мы красили мосты, летом 89-го Пантюхинскую решила покорить экспедиция Болгарской Федерации Пещерно Дело во главе с ее председателем Трифоном Трантеевым. Были приглашены французы. Объединенная группа прибыла в Абац, усилиями французов сделала навеску почти до „старого дна“, но потом начались сбои в болгарской команде. Кто-то там психологически сломался. Или не захватили достаточного количества болгарского коньяка „Плиска“, без которого, по моим впечатлениям, не обходится ни одна крупная болгарская экспедиция.

В общем, французам совместно с „грузинами“ Васей Вилисовым и Володией Глиновым пришлось не только навешивать, но и вынимать снаряжение, и франко-болгарская попытка с треском провалилась. В довершение бед на спуске с плато экспедицию обворовали местные жители.

— Представляешь? — рассказывал потом Вилисов. — Украли не что-нибудь, а пластиковую бочку, в которой была вся экспедиционная видео-аппаратура. Случайно, конечно! Так вот, шмотки все унесли, а аппаратуру выкинули тут же в кустах, через сотню метров от стоянки. Видимо, не знали, что это такое. Дети гор!

Пантюхинская отбила первую атаку иностранцев. Но надолго ли хватит ее упорства? Надо было торопиться.

* * *

Геннадий Сергеевич Иконников, спасибо ему, пригласил меня поработать инструктором на СРТ-семинаре, и я поспешил в Красноярск. Не будет преувеличением сказать, что красноярские встречи в феврале 1990 заложили краеугольный камень в до того времени хлипкое здание будущей экспедиции. Семинар был организован с размахом. Болгарских гостей снимало телевидение, газеты писали: „Красноярские спелеологи прокладывают путь в Европу!“ Удалось даже покатать болгар на мотодельтаплане — Иконников был на высоте.

В моем блокноте записано:

«Вот и дожили! Сидит Всесоюзный семинар, от Ростова до Владивостока, и слушает СРТ...»

А послушать было кого. Из далекой солнечной Болгарии приехали родоначальник болгарской SRT Петко Недков и мой старый знакомый по Враце и Софии Мартин Трантеев. Петко — живая легенда, автор „Азбуки одинарной веревки“, первой книги по SRT, которую я перевел в самом начале нашего одновывесочного пути. Его выдавшее виды снаряжение, лекции и рассказы дышат историей, далекими от нас временами, когда Недков со товарищи начинал в Болгарии переход на европейскую, мировую спелеотехнику.

Далекими? Так кажется. Ну, 15–20 лет. Многие из нас тогда уже работали в пещерах. А вот, поди ж ты — болгары раньше сориентировались! Мартин вместе с другим моим хороши знакомым — капитаном болгарской команды „Снежная-86“ Орлином Атанасовым, прошлым летом побывали в Алжире, в глубочайшей пропасти Африки — Ану Иффлис (–1159 м). Ану Иффлис известна также под именем Гуфр де Леопард.

Вася Вилисов прибыл в шикарном французском снаряжении и с приятными впечатлениями от французской техники в Пантюхинской. Так что компания собралась колоритная. И интерес к семинару был соответствующим. Характерным в этом плане было посещение нас во время учебно-тренировочного выхода в пещеру Кубинская известным в спелеологических кругах красноярцем Захаром Залиевым. („Дублянский тут нападает на спелеологов, — пошутил как-то Резван на Сочинском Совещании. — Был бы тут Захар Залиев, он бы показал ему определенную часть тела!“) Захар был известен не только крутым сибирским характером, но и первопрохождениями на Кавказе, а также яростным неприятием SRT в пользу старых советских спелеоканонов. И вот — приехал! Вода камень точит...

Бирюса! Кто из сибирских спелеологов не помнит дороги по льду Красноярского водохранилища к Кубинке — глубочайшей пещеры Восточных Саян? Даже затопленная водохранилищем с –274 до –207 метров, Кубинская осталась одной из интереснейших пещер района.

Двухэтажная изба у пещеры вписана в хвойный лес на заснеженных склонах с красноярской любовью: нижний этаж — печь, стол, лавки, верхний — нары, спальня, туалет. Особо примечателен туалет на расположенных квадратом четыре „очка“, выпиленных в виде карточных тузов: червового, пикового, бубнового и даже трефового. По центральной оси симметрии этой замечательной постройки подвешена корабельная рында — коим, которым, на порядочных судах, как известно, отбивают склянки. Вся соль

этой шутки, заключалась в том, что как бы ни мостился посетитель, как бы ни осторожничал, не задеть рынду было практически невозможно — и тогда над лесом, вызывая понимающие улыбки семинара, плыл громкий, печальный и чистый, как истина, звон.

Самые интересные разговоры получались, конечно, после семинарского „отбоя“, у пылающего перед избушкой инструкторского костра. Ласковый февральский морозец, холодный спирт, Иконников тонко режет медвежати-ну, открывает банку с сибирским папортником собственного приготовления.

— Гуффер Леопард мы прошли только до –500, — говорит Мартин.

— Много воды?

— Много кушаем! За 9 часов сделали навеску и подошли к неудобной узости. Снимаешь все снаряжение, протискаешься вертикально вниз и выпадаешь в камбана... м-м...

— Колокол, — подсказываю я.

— О-да! Колокол. Висишь в пустоте, и нужно как-то снова надеть обвязки и другое. Мы прошли, а двойка Орлина — никак! Пришлось закончить прохождение. А как мы потом вылезали из этой ловушки! Спелеологу много кушать вредно!

— Лучше много пить! — говорит Захар.

Сибиряки учат болгар пить не разведенный спирт. Обмен опытом — не все нам учиться! Похоже, что братья-славяне осваивают нашу технику гораздо быстрее, чем мы SRT... Закусываем строганиной из медвежатины и папортниками.

— Папортник у тебя, Сергеич! — Вася причмокивает и качает головой. — Можно понять, почему японцы его на свои „тойоты“ выменивают!

— Снега в этом году много, и стенка на входе в Кубинку во льду, — говорит Иконников.

Кубинская начинается окном в известняковой скале, отвесно, на десятки метров, обрывающейся к заливу. Пришлось еще на подходе к пещере навесить длинные перила. Кто-то, говорят, уже летал отсюда вниз, к Красноярскому морю.

— О, лед! — говорит Мартин, нажимая на медвежатику. — Мы были в Греции, Проватина.

Где ты, Греция? Проватина — удивительный карстовый колодец общей глубиной —407 метров всего с одной наклонной обледеневшей полкой на глубине —158 метров — знаком нам только по описаниям. Греция... Над нами морозные звезды Бирюсы.

— Я спустился на ледник и решил фотографировать, — рассказывает Мартин. — Там такое зрелище! От рапели отстегнулся и остался на осигурителен ремьк на парапети...

— ... На самостраховочном усе на перилах, — перевожу я. Благоприятное воздействие алкоголя на уровень моего понимания иностранных языков неоднократно приводило меня в приятное изумление. Петко Недков одобрительно смеется, а Мартин продолжает:

— Перила спускались по леднику к началу следующего отвеса, и были закреплены на ледовых крючьях. Только вытащил фотоаппарат, и... поскользнулся. От рывка вылетел изо льда верхний крюк, и я полетел вниз. Знаешь, почему не упал?

— Ну?

—Перильный узел с крюком застрял в моем самостраховочном карабине! А перед этим так ударил мне по каске, я думал пробьет. С тех пор люблю большие узлы и маленькие карабины!

—На одном из семинаров, — говорит Иконников. — У нас в Кубинке девица упала — со дна Третьего колодца в грот Фиделя. . .

* * *

Помню, что за этот случай Иконникова чуть не дисквалифицировали. Я никогда не мог понять такого понимания ответственности руководителя. Разве можно уследить за каждым поступком подчиненных, неважно — участников семинара, членов группы, работников предприятия? Тем более, все — взрослые люди.

На мой взгляд, руководитель несет ответственность только тогда, когда подчиненные точно выполняют его прямые указания и в этих указаниях заключен потенциал, приводящий в итоге к аварии. Или если руководитель не совершает каких-либо действий, которые обязан был совершить по своему рангу и положению, что тоже становится причиной происшествия. Разве можно отвечать за то, что кто-то отчубучил глупость вопреки твоим распоряжениям? Или правилам безопасности?

В туризме не до тонкостей! Девица пошла не тем ходом, и по собственной неосторожности упала в отвес. Что здесь зависело от Иконникова? Начальник школы не может одновременно находиться рядом с каждым слушателем, всех вести за ручку и лично страховать. Все были проинструктированы, всем прочитан курс правил безопасного поведения под землей, ориентирования и страховки.

— . . . Из города вызвали „скорую“, — продолжает Иконников. — Медичка такая отважная попалась — согласилась идти в пещеру!..

. . . И снова наплывают видения, разбуженные Иконниковскими рассказами. . . Западный Кавказ, Алек, сумерки. По заросшей скользкой от грязи тропе, которую с топорами в руках расчищают два отделения, мы, личный состав спелеосеминара СИП-83, несем носилки. Обломком дерева ударило по голове 15-летнего саратовского паренька Олега Гасанова.

У Барибана из кромешной уже тьмы появляются белые халаты: двое медиков — парень и женщина. Они склонились над пострадавшим, а мы толпимся вокруг — в своих резиновых сапогах, штормовках и анораках, прорезиненных костюмах, с налобными фонарями.

Мы специально готовились к таким делам. А они — эти люди в белых халатах? Я смотрел на тонкую спину женщины, и вдруг увидел — белые туфельки-лодочки, едва видные из облепившей их кавказской глины. Тот, кто бывал на Алеке, у грота Барибан, может представить, что значит в сезон дождей подняться по этой тропе. Ночью. В туфельках-лодочках на босу ногу!

—Надели на докторшу обвязки, — продолжает Гена. — Я схватил чемодан с медикаментами, и бегом к пещере. Спустил ее в первый отвес, 23 метра. . .

. . . А мне вспоминается прошлый май, когда мы после Сочинского Совещания оказались на алекской „спасаловке“ у Ручейной, где сломал ногу новомосковский спелеотурист. Доктор ехал с нами — парень довольно плот-

ный, крепенький, горным туризмом занимался и даже в пару колодцев спускался. Но ведь это Ручейная!

При свете налобников одеваем доктора в шерстяное белье, резиновый гидрокостюм, защитный комбинезон, обвязки и т.п. И такая же, как сейчас на Бирюсе, непроглядная ночь. Только вместо искристого снега — тонкая водяная пыль морозящего над лесом дождя.

Что стоило нашему доктору, продравшись через 300-метровый шкуро-дер-меандр с ручьем на дне, спуститься на отметку –300, где на слиянии с Заблудших стоял лагерь новомосковцев? Догадаться об этом можно по тому, что осмотрев в палатке подземного лагеря пострадавшего и не обнаружив у него ничего сколько-нибудь серьезного, доктор пришел в ярость. Очевидцы рассказывали, как он с самым зверским выражением лица схватил пострадавшего за больную ногу и принялся ее крутить из стороны в сторону, яростно вопрошая:

— И это — перелом?! И это — перелом?!

Пострадавший новомосковец орал и вырывался.

— Не-ет! — кричал доктор. — Дайте-ка, я ему все-таки что-нибудь вколю! Я сюда зачем шел? Где моя аптечка? Где мой шприц?!

В результате такой психотерапии пострадавший новомосковец выскочил из Ручейной своим ходом, лишь с небольшой поддержкой сопровождающих. Спасибо вам, Люди в белых халатах, не забывшие клятву Гиппократата!

— ... Докторшу я спустил, — Иконников недвусмысленно тянется за фляжкой. — Сам схватил чемодан с медикаментами. Рогатку у кого-то из слушателей взял — здоровенную такую! В общем, на самом верху колодца — сам не понял как! — выпустил я из руки рапель и сквозанул вниз с этим чемоданом — только свист!

— Так как же ты?..

— Повезло. Веревка подо мной от такого „спуска“ пошла винтом, и узел на конце каким-то чудом залетает в расщелину метрах в двух над дном колодца. В этот корем я и сел со всего размаху! Спасибо узлу — пришлось бы меня соскребать со дна колодца: 23 метра все-таки. ...

— С этими узлами всегда приключения, — усмехается Вилисов. — Я тут слышал, прошлым летом как-то, после Сочинского Совещания наш друг по Алеку поляк Артур Шмигельски в Испании упал — не помню, в какой пещере, где-то на –400. Достали живого, сейчас уже здоров, наверно. Так вот — официальная версия падения — отказ света, в результате падение из-за потери ориентировки. А мужики-поляки потом рассказывали, что все было банально — Артур не завязал узла на конце веревки, сам с ее конца и загремел. Так еще и наварился на этом деле — страховку получил!

Ночь придавливает морозом, звезды становятся ниже и ярче. Благословенна будь, Бирюса!

* * *

Болгары — болгарами, но самым интересным для меня оказалось присутствие на семинаре спелеологов из Новокузнецка. На несколько дней заскочил на семинар один из зачинателей новокузнецкого спелео мой старый знакомый Евгений Галошин, а в составе участников обучались SRT

кузнечки лидеры новой волны: Игорь Романенко, Владимир Параконный и Павел Куришко.

— Чего ты страдаешь от недостатка информации по Пантюхинской? — сказал как-то Вася. — Вон, Галошин ее, как свою пятерню, изучил. Потолкуй с новокузнечиками.

В Галошина я вцепился мертвой хваткой. Спасибо, Женя! Не поленился добрых 3 часа на память рассказывать мне строение пропасти, дотошно, по колодцам. Я записывал, зарисовывал, и постепенно получил прекрасное описание Пантюхинской.

Здесь же я сделал еще одно неожиданное для себя открытие. Керчанин Сергей Клименко — бывший новокузнечский спелеолог, а сами новокузнечане в течение ряда лет работали в Пантюхинской в составе комплексных экспедиций, оставаясь при этом почему-то в тени. Всех мы знали — симферопольцев, керчан, киевлян, даже пермяков — а вот новокузнечан нет²⁷⁹. Галошин подтвердил цифру, присланную мне Клименко: глубина Пантюхинской — 1571 метр. Это еще более уверило меня в том, что при определении официальной цифры не обошлось без перестраховки со стороны объявителей.

Женя уехал, а я стал пристально приглядываться к новокузнечкой троице, заметно выделявшейся из состава семинара какой-то солидной обстоятельностью и хваткой. В первом же звуковом контакте выяснилось следующее. Во-первых, новокузнечская команда собиралась в Пантюхинскую в августе-90, в составе той самой комплексной экспедиции, о которой меня „предупредили“ из Симферополя. Во-вторых, новокузнечане составляли ее ядро и отвечали за подземное питание, в чем были заслуженными мастерами. И в-третьих, парни оказались не из стеснительных, и с ходу загорелись идеей „пройти“ Пантюхинскую одинарной веревкой. Здание будущей экспедиции получило твердый фундамент.

10.2. Невзирая на...

Какой нас черт сюда занес?
У нас, наверно, с головой не все в порядке.
Над головой десяток гроз,
Снаружи жуть, водохранилище в палатке,
Хоть говорил старик-абхаз,
Что будет солнечно и небо будет чисто.
Ах, этот Западный Кавказ —
Места паломничества спелеотуристов!²⁸⁰

Грех жаловаться, с погодой нам до поры везло.

... Стоя над небольшим отверстием на дне неприметной карстовой вороночки, трудно представить, что отсюда начинается одна из глубочайших пропастей мира. Белые глыбы известняка, серая мемориальная плита с

²⁷⁹Странно, что такой корифей Пантюхинской как Игорь Вольский в своей книге, цитаты из которой я уже приводил, ни словом не упомянул Новокузнечек — ни в тексте, ни в Хронике. Странно!

²⁸⁰И. Петрущенко „Дзышра-85“, Москва. Эту песню я получил на память от Всесоюзного флота в Свердловске, где ее так классно пели москвичи и ленинградцы. И у нас она пошла замечательно!

именем Вячеслава Серафимовича Пантюхина, зеленые колючки вокруг и неумолчный звон кузнечиков. За ближними лесистыми отрогами нашего хребта бездонно уходит вниз ущелье Бзыби, за которым в ясную погоду сказочным миражом высятся белые скальные пики Арабики. Абац очаровал меня с первого взгляда. . .

Сказать, что Пантюхинская начинается паршиво, значит, ничего не сказать. Нет, есть, конечно, и более „приятные“ входы, но. . . Торопись, не торопись, старайся, не старайся—до первого приличного отвеса—час. Час ходу по узким ходам, небольшим колодчикам, уступам, щелям, ползком и лазанием, пешком и на распорах. Хочешь, не хочешь—час. И только тогда перед вами распахивается желанное устье 107-метрового колодца.

Курим с Параконным в небольшом расширении на краю. Из колодца знакомо тянет ветром и холодом. Небольшая табличка на левой стене напоминает о случившемся здесь в прошлом году несчастье.

—Чертова ползучка, —говорю я. —Такой колодец испортила. Представляешь, сразу бы с земли—и такая штука, а?

—Мы тут расширили, когда парня этого тащили, —Володя, щурясь от моей карбидки, кивает на табличку. —А то вообще была тоска. Сейчас-то прямо проспект.

—Хм, проспект. . . Как он упал?

—Точно, конечно, никто не знает. Их группа шла вниз, он был предпоследним, а над колодцем Виталий Палыч, ну—Рыбальченко наш, оставался. Парень этот здоровенный был, тяжелый, да еще мешков кучу нацеплял. . . Он недалеко отошел, когда веревка над ним лопнула.

—Так он что, по одной веревке шел?

—Нет, конечно. Но самостраховка под таким весом не сработала. Ребята со дна колодца видели искры—самостраховочный зажим по тросу скользил. Корпус чуть не наполовину распилито.

—Да-а. . .

—Ну, а мы как раз снизу подходили, на выход поднимались. Он, считай, сто метров падал. . . Такие дела.

Табличка на стене смотрит в спину. После прошлогодней аварии новокузнечанам в Пантюхинской вдвойне тяжело—тем более решиться на одинарную веревку. Есть как сторонники, так и противники этих мемориальных табличек, по красноярскому примеру отмечающих в пещерах места трагедий. В Заблудших на дне К-20 навеки выбито в металле имя Мишани Потехина.

И все же я считаю, что место таким табличкам наверху, у входа. Там, где больше бывает людей. Там, где таблички эти, напоминая об опасности, еще оставляют возможность не вступить в игру. В пропасти эта память даже самым толстокожим из нас давит на психику, расшатывая столь необходимое внутреннее равновесие.

. . . Похоже, забытые французами крючья нам не помогут. Вот уже часа два по очереди болтаемся с Параконным в кажущейся бездонной каменной трубе К-107, забиваем свои. По рассказам Васи Вилисова, лидер французов использовал два скай-хука—„небесных крюка“²⁸¹. Поочередно цепляясь ими, ему удалось в самом верху колодца уйти далеко в сторону.

²⁸¹ **Скай-хук**—„небесный крюк“, специальный крючок, позволяющий цепляться за мельчайшие неровности рельефа.

В результате французская навеска из К-107 сразу же, минуя перильный участок на дне, уходила в следующий за ним 47-метровый колодец.

У меня скай-хук только один, и я остро чувствую этот пробел в своей экипировке. Все же мне удастся маятником отойти на несколько метров в сторону от капели, но и только. Что ж, это и к лучшему — не будет искусства и использовать французские крючья. Все будем делать сами.

Один из нас бьет, второй мерзнет наверху колодца. Московские „спиты“ в скалу идут неважно, быстро тупятся, но делать-то нечего! Других крючьев у нас нет.

Да-а, это вам не бахчисарайские туфы! Миша Дякин привез в Бахчисарай первые образцы шлямбурных крючьев собственного кооперативного производства. Ну, как тут утерпеть?

— Давай заколотим куда-нибудь!

Далеко ходить не надо — белые глыбы разбросаны повсюду. Дякин достает из сумки специальную ручку — „спитовницу“, как говорят болгары, наворачивает на нее корончатый крюк, достает из той же сумки скальный молоток тоже собственного производства и наносит первые удары. О, чудо! Крюк лезет в камень, как палец в ноздрю. Буквально десятка два–три ударов молотка и спитовница упирается в поверхность камня. Мы смотрим друг на друга круглыми от восторга глазами.

— Классно! — говорит Миша и начинает выворачивать спитовницу из крюка.

— Вещь! — подтверждаю я, сгорая от желания попробовать самому. — Дай я...

Договорить я не успел, потому что в последний момент Миша решил потянуть спитовницу на себя и... вынул ее из камня вместе с крюком. Что делать, если крымские туфы режутся ножом!

Здесь не Крым, в том числе и климат. Сквозит из колодца, как с бабушкиной кухни... Постепенно уходим по стене все дальше влево, избегая опасности получить камень из-под ног идущего выше. А на душе — песня! Мы — в Пантюхинской!

Высматривая место для очередного крюка, сильно откидываюсь от стены, озираюсь. Слева выше какое-то окно или ниша. Заглянуть? Подтягиваюсь, на скай-хуке, ухожу маятником, еще немножко, еще. В ярком свете карбидки видимость исключительная. Как Параконный работает со своим „электробычком“? Вот и окно²⁸². До него еще с метр гладкой белой плиты. Выбираю зацеп, подтягиваюсь, и... чувствую, как эта белая плита вдруг начинает подаваться от стены. В страхе отшатываюсь, едва не сорвавшись с маятника. В клетке осколков плита летит вниз. Уфф!

Мы не первые в пропасти, но отличаемся от первопроходцев только знанием ее принципиального строения, некоторых потенциальных опасностей и сложностей. Трассу нам приходится пробивать по нетронутым, никем не хоженным и не чищенным от готовых сорваться камней стенам. Забываю последний свой крюк и поднимаюсь к заиндевевшему над колодцем Вовке. Смена.

²⁸² Не в этом ли окне, куда я так и не успел заглянуть, позднее нашли проход в параллельный ствол?

* * *

Мы отступаем, так и не коснувшись дна К-107. Собственно, веревку мы навесили, но последний пролет великоват — надо бы его разбить еще на пару участков. Но — восемь часов работы, хватит. Если учесть, что мы пробили крючьями и навесили все небольшие отвесики входного меандра и две трети этого циклопического колодца — нормально. Для первого дня, для акклиматизации.

... Если бы не этот час обратной корячки! Наверху К-107 встречаем двойку Шалыга-Куришко с телефоном. Тянут связь. О! Телефона-телефона, чукча кушать хочет!..

* * *

... Зато мы так оснащены,
Что позавидуют японцы в Гималаях:
Есть у начальника штаны
И даже рация — нас это окрыляет!
Вот время выхода на связь,
И снова:
— Лагерь? Я — пещера!
— Да заткнись ты!
Ах, этот Западный Кавказ —
Места паломничества спелеотуристов!

* * *

Экспедиция только начиналась. Настроение было замечательное, и основные подземные приключения были еще впереди. Но в привычном пещерном фольклоре начинали звучать тревожные нотки. Такие, как эта песенка:

Мы крюк вбивали целый день —
Скала, конечно же, не пень,
Хоть крюк московский — дребедень,
Но мы забили.
Потом вернулись на-гора,
И каждый думал — Ну, ура!
Навеска есть,
И завтра мы в дыру попилим.
Но Паша вдруг,
Вот тоже — друг!
Из стенки выдернул тот крюк.
А почему?
Да потому.
Он не понравился ему!²⁸³

Так на пятый день штурма экспедиция, едва начавшись, закачалась на грани поражения. Поднимаясь по К-107, Паша Куришко один за другим

²⁸³К. Б. Серафимов „Крючья“, урочище Абац, 1990 г.

вырвал два крюка, забитые нами с Параконным еще в первый день. Группа возвращалась налегке, и Куришко шел последним.

К этому времени мы забили почти три десятка крючьев (как у французов!) и достигли старого дна пропасти перед сифоном на –650. Веревки навешены, часть снаряжения для дальнейшего штурма заброшена в пещеру, установлен подземный лагерь перед сифоном и вдруг... Крючья не просто выпали из породы — они сломались: раскрошились, лопнув вдоль по оси.

Весть мгновенно облетела лагерь. Пришлось собирать консилиум. В чем дело? Почему так одинаково сломались сразу два крюка? Все припасенные нами крючья из одной партии, купленной мною в Москве в декабре прошлого года. Если все они поражены одной и той же болезнью — все пропало. Не только дальнейшее продвижение представлялось смертельно опасным, но даже извлечь из пропасти навешенное и заброшенное туда снаряжения становится задачей предельно рискованной.

По очереди рассматриваем злополучные обломки, перебираем еще не использованные крючья. Выглядят они вполне нормально. Надо попробовать, ставить эксперимент. И вот около небольшого скального обнажения в черте лагеря застучали молотки.

Куда деваться? Мы, сопя,
Забили крюк, не торопясь,
Забили новый крюк и шли с довольной рожей.
 Рожденный ползать — знает всяк,
 Коли, конечно, не дурак, —
 Летать не должен.
 ... Хоть, конечно же и может.
А Серьга вдруг,
Ну, тоже — друг!
Взял да и выломал тот крюк!
А почему?
Да потому.
Летать понравилось ему!

Пока колотим экспериментальные крючья, выясняется еще один факт. Оказывается, сегодня Сергей Шалыга тоже выломал крюк, но по какой-то причине мы узнаем об этом только сейчас. Все мужское население лагеря скучилось у изрешеченного крючьями камня, женщины и дети опасливо поглядывают на нас от палаток. Что и говорить, ситуация нешуточная. Того и гляди, все полетит к чертовой тетке!

Здесь же лидер керчан Сергей Клименко, руководители феодосийской команды Женя Дубинин и Андрей Леонов. Феодосийцы, в основном школьники, стоят лагерем чуть в стороне и оказывают нам посильную поддержку в выполнении текущих работ в пропасти.

Крючья забиты. Теперь надо рвать. Юра Бессергенов собирает все наличные стальные карабины, состегивает их в тяжелую цепь — один конец в ушко крюка, другой — на скальный молоток: поехали! Так и есть. Добрая треть забитых крючьев не выдерживает жестких ударов цепи. Повреждения те же — трещины и сколы по оси. Внимательный осмотр и сравнение осколков приводят к неутешительному заключению. Практически у всех

крючев внутреннее отверстие на доли миллиметра сбито в сторону относительно оси тела крюка. Результат — ослабленная зона по тонкой стенке, разрушение.

Это катастрофа. Что же все-таки делать???

* * *

Если дело не заладилось в самом начале, оно так и норовит продолжать в том же духе. Замечали? Наши приключения начались еще в Адлере. Сначала переволновались из-за забастовки на железной дороге: основной экспедиционный груз прибывал в Адлер поездом через Москву. Но обошлось. На полянке у вертолетного поля выросла куча разноцветного рюкзачно-мешочного барахла.

Вот уж действительно, Адлер — перекресток всех дорог. Кажется, плюнь — попадешь в спелеолога. Куда ни обернись — знакомые морды! Страшно рад видеть Резвана. Ба-а! Иконников! Подъезжают из Леселидзе Вася Вилисов с председателем местного кооператива с громким названием „Арабика“ — он не из наших, и я его не знаю.

Пока они перепираются с Сергеем Клименко о правах на приоритет посещения Пантюхинской, снимаю всю компанию на видео. Резван демонстративно обнимает Любу и победно смотрит в объектив камеры. Я снимаю, а Вовка кивает Любе в мою сторону:

— Он из Казахстана, до него доходит медленно, ме-едленно так — от ног к голове!

Я передвигаю трансфокатор, и Резван шутливо отшатывается:

— О, дошло. Сейчас он переключит эту штуку на стрельбу!

Все, вроде бы, пока складывается нормально, но наши волнения еще не кончились. Мы ждем самолет, которым из Ижевска должна прибыть бо́льшая часть нашей веревки.

Дернул же меня черт пойти на эту авантюру! В начале лета на Кырк-Тау работала наша совместная с ижевцами и москвичами экспедиция. До того ижевцы приезжали к нам учиться SRT, в общем, мы подружились, что называется, клубами. Зимой на красноярском SRT-семинаре Саша Чепеленко, известный в спелеоокругах под прозвищем Чапай, договорился с Мартином Трантеевым о том, что в начале лета болгары поставляют Ижевску партию болгарской веревки. Болгары брались привезти веревку в Адлер, но у ижевцев возникали проблемы с ее вывозом далее в Союз. Так или иначе, но мне в голову пришла изящная комбинация, следуя которой мы привозили на Кырк-Тау свою веревку, а взамен перед Пантюхинской получали в Адлере болгарскую. Дальнейший размен не казался сложным, но зато обе экспедиции значительно сэкономили на перевозке доброй сотни килограммов веревки каждая. Если бы я знал тогда, с кем имел дело! Мы выполнили свои обязательства, но дальше...

Болгары не сдержали слова, и веревку в Адлер не привезли. Понятно, что выяснилось это буквально перед самым началом нашей экспедиции. Результатом лихорадочного обмена телеграммами с Ижевском, стало обещание Чапая прислать нашу веревку попутным авиарейсом. Мы ждали самолеты из Ижевска, встречая каждый рейс, оставили в порту даже особую группу, которая потом была вынуждена догонять основную команду,

и... не дождались.

Чепеленко подвел нас серьезно. Мы лишились километра проверенной импортной веревки — половины всей навески на Пантюхинскую. И только запасливость Сереги Клименко спасла экспедицию от краха в самом ее начале: керчане „на всякий случай“ захватили три бухты новенькой белоснежной нашей родненькой советской веревки!

Вот уж точно — запас карман не тянет! Экспедиция была спасена, и даже слухи о том, что из-за абхазской напряженности вертолетчики не возьмт спелеологов на Бзыбь, не смогли испортить наше настроение. Мы готовы были сделать заброску пешком — не привыкать. Хотя при виде горы экспедиционного груза начинало саднить плечи. Но вертолет все-таки дали. В итоге весь груз, а также женщины, дети и „немощные старики“ были в четыре летки заброшены на Абац, где нас уже встречали гостеприимные феодосийцы.

* * *

... Вертолет закладывает вираж налево, в гигантский пролом Бзыбского ущелья меж вздыбленными хребтами. Справа остаются изящные свечки многоэтажек Гагры, и вот мы уже летим среди уходящих вверх заросших темно-зелеными джунглями склонами.

Я не отрываюсь от видеоискателя видеокамеры. Мог ли я мечтать сделать такие кадры? Когда вертолет слегка наклоняется на виражах, совсем недалеко внизу видна стальная жилка шоссе на Рицу, по которой ползут цветные жучки автомашин. Гул винтов заглушает слова: поэтому не сразу понимаю, что же кричат ребята, показывая куда-то вниз.

А-а! Это Голубое озеро — знаменитый карстовый источник смотрится великолепно голубой бусиной в окружении игрушечных крыш домиков туристических построек и красных брусочков „Икарусов“ на асфальтовой площадке неподалеку. Красиво!

Успеваю снять несколько кадров, но наш „Ми-Восьмой“ уже снова меняет курс — вертолет постепенно взбирается выше и выше вдоль грандиозной стены ущелья, на которой уже то там, то здесь проблескивают белые отвесы известняков.

Винтокрылая машина на несколько секунд зависает и... вдруг начинает резко снижаться. Новое дело! Кто-то из экипажа высовывается из открытой двери кабины и что-то кричит. Невольно вспоминается: „Товарищ прапорщик, заглушите танк!“ „Есть, товарищ командир, — А-а-а!!!“ Оказывается, мы перестарались с грузом и теперь надо выбросить часть мешков прямо у подножия склона. Иначе на плато не взлететь.

Вторая попытка оказывается удачнее, и вот уже под винтами плывут усеянные воронками поросшие густой травой склоны Абаца. Есть такое дело!

... В каждой бочке меда есть место для ложечки дегтя. Вертолетчики выбросили нас гораздо выше лагеря. В итоге заботливо посаженные в вертолет „женщины и старики“ в семь ходок таскают к базе несметные кучи чертовых мешков, в то время как основная мощь и гордость экспедиции — не сказать, что не потея, но налегке — поднимается по тропе на хребет. Впрочем, за удовольствие увидеть с воздуха Бзыбское ущелье и

окружающие хребты стоило и потрудиться.

* * *

И вот новый удар. Московские крючья... И снова нас выручают друзья. Проблема разрешается фантастически просто. Обычно так не бывает, но тут... Может быть, я не слишком грешен в миру? В самый разгар всеобщего уныния, Андрей Леонов вдруг протягивает на ладони черноватый металлический цилиндрик:

— Мужики, а если наши попробовать? Мы перед выездом заказали штук сто — вот таких.

— Ну-ка, ну-ка? — Бессергенов, наш главный механик и эксперт, хватает феодосийский крюк и без лишних слов направляется к „испытательному камню“.

Снова стучат молотки. Феодосийские крючья держат! Из трех наудачу выбранных и забитых крючьев не сломался ни один. Более того, крючья не тупятся и „лезут“ в известняк в два раза быстрее московских.

— Вы только гляньте!

— Ве-ещь! И как вы их делали? — просветлевшие взоры обращены к смущенно улыбающимся феодосийцам.

— Известно как! Отдали французский образец слесарю дяде Васе. Есть у нас такой умелец. Ну и... вот!

— Кажется, теперь живем!

И снова крики:

— Мать, мать, мать!

— Ты, Федя, крюк заколошмать!

— Да не московский крюк,

Давай феодосийский!

Ошибки нет, ведь перед тем

Проверил Юра, что рентген,

Промаяв те крючья, как в закусочной сосиски!

Но Генка вдруг, —

Вот чертов друг!

Он взял и выдернул тот крюк.

А почему?

Да потому.

И сам я толком не пойму!

Гена Ледовских вырвал крюк при подъеме где-то на –500, правда, случилось это уже на завершающей фазе экспедиции. Крюк вылетел, веревка сыграла маятником. Оплетка была содрана о карниз чуть ли не на полуметре, однако рыжая польская веревка выдержала рывок, и Гена отделался легким испугом. Но это была уже обычная работа и обычная авария, полностью исключить вероятность которой невозможно при любой технике.

А пока мы предпринимаем отчаянные усилия, чтобы наверстать упущенное время. Бракованные крючья свели на нет нашу пятидневную работу, если не считать того, что многие веревки и снаряжение для дальнейшего штурма были уже заброшены в пещеру.

После долгих сомнений решаем пойти на некоторый риск. Утром 6 августа в пропасть уходят две двойки: нам с Бессергеновым предстоит забивать новые крючья, начиная от входа, а Федору Рыльскому и целиноградцу Сергею Вержанскому — спуститься налегке до самого конца навешенной части пещеры и начинать замену крючьев снизу вверх.

Этой двойке доставалась довольно нервная работа — спуститься на –600 по ненадежным московским крючьям. Хотя я считал, что особого риска нет. Зная, что на верху отвесов крючья сдублированы, я рассчитывал, что промежуточные крючья в большинстве своем все же выдержат, а мощные польские веревки, навешенные на этом участке, оставляли запас прочности на случай возможного срыва.

Но работать, когда не веришь в навеску, все-таки неприятно. Так что, пропустив вперед быструю и легкую по весу двойку Вержанского, мы с Юрой начинаем новую обработку отвесов Первого каскада Пантюхинской. Феодосийские крючья оправдали самые смелые надежды. Там, где мы с Параконным тратили по полчаса на крюк, наша двойка, действуя параллельно, продвигается вчетверо быстрее.

Старые крючья действительно держали — почти ни один не выказал явного желания выкрошиться из стены. Мы выходили каждый на свою точку, колотили молотками, перевешивали веревку и снова катились вниз. Это была хорошая работа!

... Особо запомнились два колодца со щелями на входе — следующие один за другим где-то на –250. Первый из них начинается коротким горизонтальным лазом, выпадающим на отвес. В средней части этой узости кто-то удивительно бездарно влупил крюк. И ведь изрядно попотел, чтобы забить крюк в таком дурацком месте! И вот теперь, проползая по щели, вы неизбежно натыкались на этот нелепый крюк, застревали и, болтая над колодцем ногами, цветисто украшали эпитетами родословные щелей, крючьев и дураков с молотками.

Со сладострастным наслаждением переделываю эту дурнавеску, и догоняю Юру на дне колодца перед следующей более протяженной узостью. Перила с понижением уходят в вытянутую вверх вертикальную щель, где Бессергенов, пыхтя и бороздя железом стены, совершает очередную попытку нащупать в этой клоаке проходимый фарватер. К моему приходу ему удается продвинуться метра на два — каска уже на уровне моих колен.

— От черт! — Юра останавливается. — Каска застряла. Глянь, что там у меня?

Засунувшись подальше в щель, обнаруживаю курьезное препятствие: каска заклинена перильной веревкой, за которую мы боимся, чтобы не выпасть в уходящий вниз колодец — щели не хватило каких-то 5 миллиметров ширины, чтобы пропустить спелеошлем, и Юра застрял. Сообщаю ему причину задержки. Неимоверно скрежеща сапогами, железом, комбинезоном и каской, Бессергенов совершает в щели какие-то замысловатые движения, подается назад, приподнимает перила и, наконец, исчезает за поворотом. Только отсвет карбидки да удовлетворенное ворчанье говорят о его присутствии за узостью.

— Как там? Я иду?

— Погоди. Тут вдвоем тесновато.

Судя по звукам, Юра пристегивается к веревке, шуршит куда-то вниз, и только тогда слышу:

— Свободно!

Я учел все Юрины промахи, но, признаться, перед этой щелью у меня впервые возникла предательская мыслишка — а не плюнуть ли на всю эту акробатику и не послать ли Пантюхинскую куда подальше? Думаю, многим известны подобные минуты мимолетной слабости. Ненавижу узости! Интересно, знай я тогда о том, что нас ждет дальше, не утвердился ли бы я в этой благой мысли? Потому что этот небольшой шкуродерчик и в подметки не годится замечательным меандрам засифонной части пропасти. Но о них мы тогда имели смутное представление.

Наши двойки сомкнулись где-то на –300. В общей сложности мы забили 22 феодосийских крюка, кое-где применили локальные петли и полностью исправили навеску. Если не считать моральных издержек, в итоге мы потеряли только сутки. Ну, и тот пустяк, что после 12-часового „исправительного“ выхода четверо из ударной группы нуждались в отдыхе. Но — это была удача. Путь в глубину был открыт!

Ну, что же делать нам, друзья?
 Ведь так лазать же нельзя!
 Неужто снова посылать за французáми?
 Чтоб не сидеть потом на дне,
 Трясаясь в унылой тишине
 В кругу таких друзей, с печальными глазами!
 Ведь каждый друг,
 Хороший друг!
 Готов рвануть из стенки крюк!
 ... И я еще
 Сказать хочу —
 Нам и французский по плечу!!!

Так кончалась наша песенка о крючьях. А между тем шторм продолжался.

Ключ пропасти — ее средняя часть. Здесь, на участке от сифона на –650 до отметки –800, вам предстоит „осмотреть“ два длиннющих щелевидных меандра, прерываемых отдельными уступами и колодцами. Оговорюсь, зрелище не для слаонервных. Красивые штучки откопал Игорь Вольский за своим слякотным сифоном.

Поначалу мы рассчитывали, что в начале лета в пропасти уже кто-нибудь (согласно грозным предупреждениям Симферополя) да будет работать и вычерпает сифон. Но нам было суждено — и это хорошо — самим пройти весь путь во всех подробностях.

Сифон отчерпали довольно быстро и благоустроили, положив в него металлический контейнер из-под продуктов — красноярское изобретение, известное под красноречивыми именами: „першинг“ или „пуля“. Ложишься на пулю пузом и, практически не замочившись, проскальзываешь вдоль перил за сифон. Это было важное обстоятельство, потому что мы работали без герметичных гидрокостюмов. В пещере и без того не слишком мокро, а наша СРТ-навеска вообще сделала ее сухой. Так вот, сифон отчерпали и вымостили дюралевым транспортником. Далее...

Далее идет Первый засифонный меандр. На 130-ти метрах этой части пещеры приходится упражняться в самых различных способах передвижения. Сначала весьма пристойно продвигаешься боком по дну высокой щели.

Но постепенно щель в нижней части сужается и вытесняет вас вверх. Приходится передвигаться на распорах где-то в средней части диаклазы — где ее пол и потолок можно только догадываться. Хорошо еще, что падать здесь особенно некуда — узковато. Заканчивается это удовольствие короткой калибровкой — „С топором“. Название такое. Здесь и сейчас лежит старый топор, которым когда-то, во времена первопроходцев, расширяли этот заросший натеками лаз.

Вся подлость этой замочной скважины заключается в том, что верхом здесь человеку не протиснуться, зато низом не проходят транспортные мешки. Так что волей-неволей приходится организовывать цепочку для передачи груза „над топором“, а самим поочередно просачиваться низом.

За „Топором“ характер меандра разительно меняется. Теперь это широкая и высокая, поросшая сталагмитами расщелина. Она по-прежнему практически непроходима по низу, и посему для передвижения требуются изрядные навыки распорного скалолазания. Эта расщелина — родная сестренка предыдущей лишь с одним существенным отличием: угроза срыва и падения здесь более чем реальна. Кончается удовольствие 27-метровым колодцем, античный стиль архитектуры которого отражает название — „Пантикапей“.

Налегке этот отрезок пути — от сифона до „Пантикапея“, проходит за тот же час, что и входной меандр пропасти, но лазание гораздо опаснее. Именно здесь мы убедились в преимуществе наших горнолыжных шлемов перед строительными, монтажными, шахтерскими и скалолазными касками — закрытые шлемы, конечно тяжелее, в них бывает порой жарковато, но зато они защищают не только макушку, но виски, уши и затылок. И делают это надежно.

У нас не женщины — мечта!
Порою хочется стреляться, как сапожник.
Они летают даже там,
Где и летать принципиально невозможно!
Вяжите, братья, полиспасть:
Они идут, как в ссылку жены декабристов.
Ах, этот Западный Кавказ —
Места паломничества спелеотуристов!

Нет, наши женщины не летали. Оставаясь в наземном лагере, они стойко переносили все тяготы наземного обеспечения экспедиции, при встречах возвращая нашим сердцам твердость. Зато летали мы. Еще до Гены Ледовских, чуть не порвавшего польскую веревку, при транспортировке груза в Первом засифонном меандре выскользнул из распора и сорвался феоdosиец Володя Салимов. По устоявшейся среди большинства спелеологов Союза традиции Володя предпочитал носить обычную строительномонтажную каску, годную разве что для смягчения прямого попадания по темечку воробьиной кашки. В самом начале падения с 3 метров Салимов задевает затылком о стену — каска мгновенно съезжает на нос и дальнейший контакт с усеянной кораллитами стеной поддерживает ничем не защищенная голова. Володя получил изрядную ссадину головы, полив меандр кровью из страшноватой на вид, но, к счастью, достаточно легкой раны.

Было ясно, что успех работы в придонной части пропасти зависит от того, насколько эффективно удастся решить задачу передвижения и перемещения грузов по засифонным меандрам. Поэтому я пошел на несколько нестандартный тактический ход, спланировав сразу же за Первым меандром на самом верху „Пантикапея“ второй подземный лагерь на 4 человека, условно названный „База –700“. Лагерь состоял из двух спаренных гамаков, подвешенных на тросовых растяжках прямо в конце меандра в нескольких метрах перед колодцем — палатку там ставить некуда. Теперь идущие с земли группы с ходу преодолевали засифонный меандр и находили приют в этом далеко не самом комфортабельном лагере — но, идя с земли, это вполне можно было терпеть. Поднимающиеся, напротив — с ходу проскакивали „Базу-700“ и уходили на отдых за сифон в „Базу-600“ — самый сухой и приятный из всех оборудованных нами в Пантюхинской подземных лагерьей.

Еще одной тактической удачей в борьбе с прелестями ключевого участка Пропасти стала „постоянная прописка“ в „Базе-600“ второй штурмовой четверки в составе усть-каменогорцев: Андрея Волкова, Сергея Шалыги и Андрея Суртаева (Понтя) и новокузнецчанина Игоря Романенко (Кэп). Доблестная команда отработала в пропасти самую длинную непрерывную подземную смену — 9 суток.

Пойти на это достаточно жесткое решение меня подтолкнуло соображение, что чем большее число раз приходится пройти один и тот же участок пещеры, тем меньше усилий требуется с каждым последующим прохождением. И расчет полностью оправдался. В итоге наши „подземные волки“, хорошо осмотревшись и приноровившись к лазанию по Первому засифонному меандру, на транспортировку по нему грузов тратили вдвое меньше времени, чем понадобилось бы группам, проходившим этот путь впервые.

Кроме перетаскивания грузов, четверка Волкова занималась благоустройством маршрута, оборудовав весь участок распорного лазания между калибром „С топором“ и Пантикапеем надежными перилами из 12-миллиметровой веревки. Это резко снизило риск и облегчило передвижение всем остальным группам. 100 метров доброй толстенной веревки ушло на это удовольствие! Но... зачем искушать Судьбу? Хватило полета и одного Салимова.

Так или иначе, но к 10-му августа — на десятый день работ, трамплин для попытки достичь дна Пантюхинской был в основном подготовлен. Невзирая на!..

10.3. Как сладок сон...

Как ярок свет, когда вернешься к свету
Из глубины нахмуренной Земли!
Измерив подноготную планеты,
Подумаешь — неужто мы прошли?
Ужели нам все это не приснилось?
И шум воды, и грохот молотка?
Меандров бесконечные теснины?
И гиря стопудового мешка?²⁸⁴

²⁸⁴К. Б. Серафимов „Как сладок сон“, пропасть им. В. С. Пантюхина, 1990 г.

Встреча возвращающихся из Пропasti—особый ритуал. Едва вверху на тропе замаячат меж буков перемазанные глиной фигуры, все, кто держится на ногах, высыпают из палаток, отрываются от текущих дел. Вернулись! Каждый рад пожать изъеденные водой и веревкой руки, помочь стащить сапоги, подкурить сигаретку, отвернуть пассатижами заглиненную муфту мэйон рапида, поднести с кухни горячего чайку, водички умыться.

Неважно — днем или ночью возвращается группа, в лагере ее ждут. Если вернулись днем — редко кто валится спать до темноты. Хотя еще недавно казалось, все бы отдал, чтобы упасть и заснуть на солнышке. Но...

Столько несказанного наслаждения в дивной зелени августовского леса, в переполненном запахами теплом воздухе. Остро пахнет субтропическая растительность, влажной прелью дышит земля, ветерок наносит горьковатый дымок буковых дров и волшебные ароматы от кухонного костра! Само сознание того, что ты в любой момент можешь упасть в палатку, зарыться в сухое тепло спального мешка и спать, спать, спать! — заставляет оттягивать эту блаженную минуту. Предвкушение не менее волшебно, чем осуществление.

Но вот — сладостная сытая тяжесть в желудке, выкурена последняя сухая сигарета, заползаешь в палатку, с трудом натягиваешь на плечи волшебной сухой и теплый спальник, глаза неодолимо слипаются, все!

Как сладок сон, когда придешь на Землю,
Оставленную много дней назад!
И только раны старые на теле
Не расстанутся с прошлым и болят.
Болят о том, что пройдено давно,
Как будто мы опять стоим на Дне!
А память, как в замедленном кино,
Прокручивает ленту этих дней.

Когда возвращаются со Дна — встречают не в лагере. Возвращающихся со Дна ждут у входа в Пропасть... Но нам до Дна еще далеко. Завтра вниз уходим мы — первая донно-штурмовая четверка: Бессергенов, Рильский, Параконный и я. Четверка, безусловно, „ударная“, потому что нам предстоит забить крючья и сделать навеску на всю нижнюю часть Пропasti.

План в идеале таков: катимся до Базы-700, ночуем в гамаках. К этому времени группа Сергея Шалыги должна доставить к концу Второго засифонного меандра — примерно на отметку –800, веревки, продукты и оборудование для последней подземной базы, которую нам предстоит установить на дне Большого 200-метрового колодца.

Мужики протаскивают мешки через меандры и возвращаются в Базу-600. После ночевки на –700 мы подхватываем эту мешочную эстафету и идем вниз, попутно забивая крючья и навешивая снаряжение до дна 200-метрового колодца, где ставим глубинную Базу-1100 и в ней же ночуем. Далее выход на Дно с навеской и возвращение к базе внизу Большого колодца, где уже ночует и ждет нас вторая донная четверка Волкова.

„Волки“ идут на Дно, мы спим и освобождаем спальные мешки по их возвращении, а в это время от –700 прямо ко Дну скатывается последняя штурмовая четверка и начинает, возвращаясь, выбирать снаряжение до

Базы-1100, передает его группе Волкова, те несут вверх, отдают нам и... Уфф! Вся эта многоходовка отрисована на бумаге в виде графика штурма, рассчитана по часам и по мешкам, но посчитается ли с нашими планами Пещера?

Не факт. „Все мы стремимся к идеалу, хоть идеал недостижим...“²⁸⁵

Телефонная связь протянута нами только до Базы-700, так что координация групп во время штурма будет сильно затруднена. Главное — чтобы каждая четверка строго придерживалась оговоренного вот сейчас, на земле, временного графика. В этом залог успеха. А там, как говорится, по обстановке.

* * *

Каждый из нас по-своему готовится к встрече с Пропастью. Но вот окончены бесконечные сборы: проверка запасных лампочек, упаковка карбида, кембрика, крючьев, молотков, гаечных ключей, НЗ питания, спичек и курева, выписка на лейкопластырь перечня колодцев, таблетки, ножи, карабины, штопка обремканных комбинезонов и клейка брызговикиков — все это, наконец, сделано.

Все, кажется, готово. И конечно, стоит войти в Пропасть, как тут же выяснится, что это забыл, а то надо было сделать лучше. Но что делать? В конечном итоге и этим поверяется истинный класс кейвера — в способности предусмотреть все необходимое в ограниченном объеме личного снаряжения, которое нужно взять с собой, чтобы потом ни о чем не жалеть.

Потому что, отрываясь от земли, ты превращаешься в некую подземную человеко-машину с собственным ресурсом автономного лазания и индивидуальным запасом прочности от предвидимых непредвиденностей.

Есть и такой обычай на Земле — провожать уходящих в ее недра. Накормить, поднести транспортные мешки, угостить на прощанье сигареткой, просто похлопать по плечу. А если надо, то и сбегать в лагерь за чем-нибудь забытым впопыхах и очень необходимым.

Уходить лучше на рассвете, когда все в тебе просыпается, все внутренние аккумуляторы подзаряжены добрым отдыхом на земле, а биоритмы находятся в полном соответствии с природой. Тот, кто не может заставить себя уйти утром, потом не раз об этом пожалеет. Впрочем, о вкусах не спорят.

Как кричат кузнечики! Иногда кажется, что для них не существует различия между утром и вечером, ночью и днем. Они поют свою бесконечную песню над Бзыбью, в глубины которой ведет наш путь. Вот за этими невзрачными каменными воротами...

Все. Один за другим мы исчезаем в черном отверстии воронки с надписью на краю: пропасть имени В. С. Пантюхина.

* * *

Ночь на –700 выдалась беспокойной. Для меня. При каждом движении гамак угрожающе потрескивает, и хотя я сам крепил его растяжки, почему-

²⁸⁵ Сам придумал, сам на память выучил...

то это обстоятельство спокойствия не прибавляет. Грохнуть с двухметровой высоты на исковерканный водой пол, да еще спросонок... хоть каску одевай!

И еще не дает покоя мысль о том, что вчера группа Шалыги не смогла пронести мешки через Второй засифонный меандр. Четверка до того вымоталась, что разделилась: одна двойка нашла в себе силы вернуться на –600, вторая, вопреки запланированному графику, — решила остаться в подвесной базе. Я узнал об этом перед сифоном и понял, что с первого же этапа график штурма пошел, что называется, в натяг.

Присутствие в лагере перед „Пантикапеем“ остатков группы заброски меня, конечно, устроить не могло, так как База-700 предназначалась для первой штурмовой четверки. Но с этим было просто — с нашим приходом ребятам придется базу освободить и раскачать себя еще на час работы. Гораздо больше не радовала перспектива тащить мешки через Второй меандр, что грозило крепко нас задержать и тем самым напрочь вышибить из запланированного графика штурма.

С ретивостью уездного режиссера Пропать принялась кромсать и править мой сценарий. Что оставалось делать? Держать удары и оставаться на ногах...

С базой обошлось. Едва пройдя сифон и углубившись в Первый меандр, услышали характерный скрежет и через пару минут повстречали Валеру — одного из новокузнецан, приданного в помощь группе транспортировки. Странно расширенные глаза и оцепенение на лице.

— Валера! Ты почему один?

— Решили с Серегой разделиться. Он на –700 ждет.

— Ты в порядке?

Кивок.

— Как там Второй меандр?

— Длинный. Не прошли до конца, — и расширенные глаза.

— Ладно, двигай к базе, тут уже рядом.

Параконный улыбается:

— Нахлебался! Там нормально. Просто, мешки тяжело тащить.

Из всего состава экспедиции, только Володя Параконный уже был на дне. Именно потому я поставил его в первую четверку — как проводника. Но вот беда! Теперь Вовка идет, совершенно не узнавая пропасть. Высвеченная мощным светом наших карбидок, Пантюхинская открывает множество ранее не замеченных им подробностей.

Но все-таки, „полупроводник“ у нас есть, и это здорово. Самые обидные потери времени — от незнания верного пути. Пару дней назад одна из групп заброски сбилась с маршрута на участке, казалось бы, совершенно безобидном. Случилось это на –500 за „Пером“ — выдающимся вверх пятиметровым скальным гребнем, разделяющим дно очередного колодца на две неравные половины. Ориентируясь по течению ручья, парни неожиданно уткнулись в узость. Да такую, что пришлось остановиться.

Откуда здесь узость? Никто раньше и не упоминал о таком экзотическом препятствии на этом участке! Но там, за тесниной, явственно виднелась веревка следующей навески. Значит, надо идти. И они пошли. Таких крепких выражений в свой адрес пещера могла и не слышать! Потеряв кучу времени и, наконец, продравшись через жуткую щелевидную узость, группа вышла к навеске... но: а) чужой, оставшейся с прошлого года; б) в средней ее

части, откуда было хорошо видно, что веревка начинается в нескольких метрах выше!

Можно себе представить следующий аккорд высказываний! А нужный проход, широкий и комфортный шел просто выше, над узостью — подними голову, и увидишь. Так ведь надо же поднять ее — голову, и не просто, а в нужный момент!

* * *

Второй засифонный меандр начинается сразу же со дна колодца с пышным названием „Пантикапей“. Весь украшенный черноватыми вычурных форм натеками, он и правда своеобразен. Второй меандр явно является продолжением водотока, прибывающего со стороны пещеры Богуминская. Именно здесь Валерий Янович Рогожников наблюдал приход краски. Но если весь гипотетический путь от Богуминской таков?!.. Бр-р-р!

И вот Второй меандр: 195 метров узкой в поперечнике и высокой щели, по которой приходится пробираться где-то в средней ее части между непроходимо сужающимися „полом“ и „потолком“. Что там Торгашинский „Шкуродер“!

Шалыга все-таки не зря дождался нас в Базе-700. Потому что с ним я смог передать группе Волкова только что принятое решение, которое, в случае успеха, могло спасти запланированный график штурма. Вот в чем оно заключалось. Уходя вниз, мы брали с собой только базу и снаряжение для навески до дна 200-метрового колодца. Остальные мешки должны были поднести к нам Андрей Волков, Кэп, Понтя и Шалыга. Причем поднести не позже, чем мы втянемся в этот, самый огромный в пропасти, колодец. Иначе либо им, либо нам придется наматывать туда-сюда лишние 200 метров спуска-подъема, а это опять срыв графика. По какому варианту сложится судьба экспедиции, зависело теперь от того, найдет ли в себе силы четверка Волкова снова повторить путь по зловердным меандромам — после короткого сна, плохо восстановившись после предыдущего рабочего выхода...

* * *

... Хорошо, что все когда-нибудь да кончается! Вчетвером с шестью мешками, вываливаемся из проклятущего меандра к устью колодца с очередным громким названием „Слава Севастополю“. Почему-то без восклицательного знака в конце. Сразу чувствуется крымская скромность. Называть бы, так уж называть!

О-о! Как приятно после дурацких узостей снова выйти в нормальную пещеру! Слева по ходу возникает очередной приток ручья. Интересно, откуда идет эта водичка? Если раньше нас тормозили мешки, то теперь нам приходится бить крючья. Одна радость — мешки с веревками хudeют на глазах. Как приятно повесить на крюк очередной опустевший транспортник! Значит, еще 130 метров навески остались над головой.

Продвигаемся по широким меандромам. Вода неожиданно уходит куда-то вниз — отверстие в ее шуме колодец жутковатой чернью разверзается под

ногами: интересно, а в эту воду кого-нибудь угораздило заглянуть? Дальше путь и вовсе сухой. Единственное неприятное ощущение — „Пермская база“ где-то на –850: зловонные остатки спелеологической жизнедеятельности лишают всякого желания задерживаться во владениях пермяков. Позже поляки вроцлавской команды Виктора Болека окрестили это место „Смердящий бивак“...

... Когдаходишь к большому колодцу, это чувствуешь сразу. Тем более — если перед тобой очень большой колодец. Можно представить восторг первопроходцев, впервые вставших на этот край! Собственно, колодца еще не видно. Он только угадывается впереди в гулком эхо наших голосов и гуле падающей воды.

Обвешиваем воду на 15-метровом предколодце. Узковатый меандр распаивается вширь, оставляя воде и нам только неширокую прорезь на самом вершине. Здесь приходится натянуть троллей²⁸⁶, чтобы не завершить спуск в уходящей неведомо куда расщелине. По этому веревочному мостику перебираемся на небольшую полку. Всюду следы предыдущих навесок, куда-то вниз уходит черный и толстый японский трос в нейлоновом покрытии, брошены остатки перил.

Выбираем стену подальше от этого опасного соседства — еще не хватало запутаться на спуске. Пока забиваем в полку несущие крючья, смотрю на часы. Я жду группу Волкова. Я так ее жду! Если парни нас не догонят, нам предстоит... Лучше об этом не думать!

А пока после короткого перекуса в колодец уходят Юра и Кузмич. Сажу с Параконным на полке и завидую: первыми обработать под одинарную веревку такой колодец — суперприз! Весьма возможно, что работающие сейчас на отвесе не разделяют моих чувств. К сожалению, мне надо быть здесь, посередине. Чтобы иметь возможность получать информацию сверху и снизу и попытаться вовремя и правильно среагировать, принять нужное решение.

... Вот уже часа два греем с Володей скальную полку над колодцем, курим, мерзнем, ждем. Откуда-то снизу доносятся гулкие голоса и перестук молотков. Парни прошли первый 95-метровый „уступ“ и выходят на следующий 60-метровый. Что же нам-то делать? Идти вниз вслед за первой двойкой или еще подождать? Мы работаем уже 12 часов. И даже сидеть вот так в ожидании — это тоже работа, уносящая тепло и энергию.

* * *

Фортуна любит настойчивых и упорных. Везением можно назвать удачу по причинам, от нас совершенно не зависящим. Везение — это что нет дождя на земле, что не оборвался не вовремя подточенный водой камень, что... Остальное — это наша работа, наше умение заставить себя сделать то, что необходимо, и так, как следует.

„Волки“ не подвели. Как и полагается в приключенческом жанре, они появились в самый последний момент, когда Параконный уже начал спуск по колодцу, а я практически смирился с мыслью, что нам придется самим

²⁸⁶Троллей — натянутая под уклоном к вертикали веревка или стальной трос для ухода с линии падения воды или приземления в заданную точку.

возвращаться за оставленными в меандре мешками. Не отступать же от задуманного!

Они появились втроем: Понтя, Волков и Кэп, появились, как подземные ангелы, озарив верх предколодца светом Андрюхиной карбидки и огласив его приветственными возгласами. Шалыга с разбитыми в предыдущем выходе коленями, вынужден был остаться на –600, и они втроем замкнули нашу тактическую цепочку.

Группы соединились, мешки обрели свое место в запланированном графике, путь дальше теперь зависел только от воли и усилий первой штурмовой группы. И это было самое замечательное. Мало того, парни смогли еще и спустить доставленные мешки на первую 95-метровую ступень Большого колодца, распечатав для себя –1000 метров в Пантюхинской.

... И вот иду по этой кажущейся бездонной трубе. Впечатления потрясающие. Мне еще не приходилось видеть таких объемов, поставленных торчком, дыбом. Где-то далеко внизу — крохотные огоньки первой двойки. Навеска сделана грамотно — минимальное количество крючьев, максимум выдумки в использовании естественных точек закрепления веревки. У болгар мы переняли способ навески на тросовые и стропяные петли, которыми охватываем подходящие выступы и проушины.

Но, конечно, не обходится без проколов. На самый верх этой бездны у нас была припасена замечательная 140-метровая испанская веревка, купленная мной у того же Мартина Трантеева в Красноярске. Целый мешок веревки одним концом! Навешивать такую веревку — одно удовольствие. Суперстатик, она практически не растягивается под нагрузкой, но как-то подозрительно и очень противно скрипит меж планок решетки на спуске.

Пока я встречаю парней с предколодца и оттягиваю их веревкой на свою полочку, Параконный скрывается за выступом стены и, едва начав спуск, подает голос:

— Шеф! Здесь веревка потерята.

— Сильно?

— Нормально, в принципе.

— Узел завяжи!

— В принципе, нормально, ездай, сам посмотришь. Я ухожу ниже.

Через несколько минут начинаю спуск, внимательно всматриваясь в трассу, чтобы не проскочить опасное место. Вот оно! ... Оторопело смотрю на веревку. С одной ее стороны на добрых 10-ти сантиметрах оплетка напрочь в махрах.

— Вова! — кричу я. — Ты что, в рай захотел?!

— Повтори? — доносится с нижних перестежек.

Вот так и влетают. Отупев от усталости, потеряв часть бдительности, в стремлении сделать побыстрее. И еще с грузом! Каждый из нас несет на себе по 2–3 тяжелых транспортника... Что толку теперь рассуждать? Вяжу узел. Веревка слишком близко подходит к скале, и видимо, иногда ее касается. Надо переделывать закрепление. Явственно чувствую в себе борьбу желаний: ограничиться узлом в расчете на то, что потертость возникла просто потому, что оплетка в этом месте была ослаблена — расшеркали спусковыми и все. А вдруг нет? Вдруг это касание, трение о скалу? Тогда мой узел продержится не дольше, возникнет новая потертость, и... Страшно подумать, что может случиться. Нет, надо переделывать навеску. Еще лет шесть назад мне такая мысль и в голову бы не пришла...

... Колодец, как диковинный стадион трибунами, опоясан наклонными скальными полками. Как говорят геологи — „матрасовидная отдельность“ Что-то вроде того. Длинные траверсы²⁸⁷ вдоль этих „трибун“ приводят ко второму 60-метровому отвесу. Все это весьма условно — 95-метровый уступ, 60-метровый...

Путь ведет вниз по сплошному каскаду больших и малых уступов и отвесов, все вместе составляющих этот замечательный колодец. Здесь возможны сотни различных путей. И мы выбираем свой. Но как-то заворожено пытаемся найти следы старых навесок. Те, кто идет впереди, ориентируются по веревкам: закончился мешок — есть метров 100 вертикали. Нам, идущим следом, сложнее. Сколько же мы прошли? Только объемное пламя карбидок не дает нам потеряться в этих великолепных пустотах.

Почему-то приходит в голову старый анекдот: „Что по курсу, боцман?“ „Шестивесельный баркас, капитан“. „Что по правому борту?“ „Шестивесельный баркас, капитан“. „Что по левому борту, боцман?“ „Шестивесельный баркас, капитан!“ „Боцман, стряхните мандовошку с окуляра!“

Порой ощущаю себя подобным насекомым, забравшимся внутрь подзорной трубы. С верха 60-метрового уступа наслаждаюсь зрелищем уходящих восвояси, к Базе-600, мужиков. Диковинными светляками они низаны на невидимую нить веревки: свет карбидок световыми кольцами высвечивает колоссальные стены надо мной. Неужели мы когда-нибудь были наверху среди Гор и Солнца?

Вспомни Кавказ — цвет наших дней и ночей.
 Вспомни Кавказ — хребты стоят, как стены.
 Вспомни Кавказ — перебери не спеша
 Стопку надежд, сложенных, как монеты...
 Видишь, стоит над миражом мираж!
 Завтра с тобой мы этот путь пригубим.
 Ты улыбнись, и подмигнет Гора,
 Паром дохнув через пещеры губы...
 Ты не забудь судьбы прищура в лицо.
 Соткан наш путь из черноты и света.
 Кто-то внизу высветит стены кольцом
 И обручит нас с тишиной навеки.²⁸⁸

... Мы в Базе-1100. Позади 18 часов работы. Теперь, чтобы удержаться в суточном ритме, нам остается спать не более 6 часов. Хорошенькое дело! Но мы не можем удержаться от смеха, вспоминая последний этап спуска по Большому отвесу. Смешно то, что мы сбились-таки, запутались в колодце. Это ж придумать!

На схеме все выглядит просто: уступы 95 метров, 60 метров, затем 22, 24 и дно колодца с желанной базой в нише под стеной. Вернее, с местом для нее, потому что саму базу надо еще поставить. Но, идя нестандартным маршрутом, по каким-то бесчисленным полкам, отвесам, маятникам и траверсам — и все это внутри одной и той же 200-метровой каменной трубы, мы, в конце концов, могли ориентироваться только по количеству

²⁸⁷Траверс — движение поперек склона.

²⁸⁸К. Б. Серафимов „Помни Кавказ“, Бзыбский хребет, Абац, 1990 г.

оставшейся в мешках веревки. Черт его знает, что там под нами — дно или очередной уступ?

Пока Федор с Бессергеновым навешивают веревки, мы с Параконным транспортируем груз. Мешков на нас двоих оказалось многовато, чтобы все их нести на себе, и на коротких уступах излишки спускаем по старинке, отдельной веревкой. И вот — очередная обширная, усыпанная глыбами, полка, на которую по дальней стене с шумом валится сверкающий ручей. Дует капитально. Стоит остановиться, и чувствуешь, как покрываешься инеем. Федя уходит в следующий отвес. Пока он забивает крюк, мы готовим вязанку мешков к спуску.

— Свободно! — это Кузмич. — Иду ниже!

— Давай спускай! — следом уходит на отвес Бессергенов, это он нам. — Спускай мешки, я сопровождаю!

Травим с Параконным веревку. Без особых затей, прямо через поясницу. Тяжеленная получилась вязанка!

— Сто-оп! — доносится снизу, и мы мгновенно тормозим спуск, зажимаем, держим тугую струну веревки.

— Что там?

— Непонятно, уступ, какой-то! — это Федя. — Сейчас посмотрю.

Держим мешки. Спина начинает противно ныть от напряжения. Вот идиот, не встегнул веревку в спускер²⁸⁹! А с другой стороны, без крюка спускаем — встегнешь, куда потом от мешков денешься? Держим мешки. Это начинает надоедать.

— Вовка, — говорю Параконному. — Я подержу один, а ты выйди на край и посмотри, чем они там занимаются.

Держать одному не менее хреново. Параконный с присущим ему бесстрашием выходит на самый край.

— Не видно ни фиги!

— Э-эй! — вдруг доносится снизу. — Вы чего там делаете?

— ...?! (Здравствуй, дурень, Новый год!)

— Да мы на дне давно! Спускайтесь!

— А мешки?

— Мешки? Вот они мешки. Висят почему-то над самым дном. У вас что — веревка зацепилась?

Плохо иметь хорошую реакцию! И теперь лежа в каменном кармане, отгороженном от колодца полиэтиленовыми занавесями, мы покатываемся со смеху.

База — 1100! Это прекрасно!

* * *

Что же есть — Глубина?

Я теперь не скажу.

Раньше было все как-то понятней.

Мы вернулись со Дна,

Мы уже наверху,

И, ей Богу, не тянет обратно!

Только где-то внутри

²⁸⁹Спускер — устройство для спуска по веревке, спелеосленг.

Все дрожит та струна,
И наш путь в глубину продолжается.
Может быть, старина,
Глубина — это Риск?
Подскажи, если можешь, пожалуйста.²⁹⁰

Неужели мы уже на земле? Я лежу в палатке, прислушиваясь к таким знакомым, но будто забытым, звукам букового леса, окружающего лагерь. Вчера наша четверка вышла из Пантюхинской, и пещера все еще звучит в каждой клеточке моего тела.

Выбираюсь из-под полога, зелень и солнце бьют по глазам радостной гаммой. Вокруг палатки развешены на просушку многочисленные подземные одежды и снаряжение. Черт, надо же порвать комбинезон на последнем 10-метровом колодце! Красный бельгийский комбинезон, который я так удачно купил у Васи Вилисова в Адлерском аэропорту за 400 рублей. Бешенные деньги, но зато как в нем работалось! И обо что порвал? О нашу советскую тросовую лестницу, болтавшуюся в этом отвесе со времен прошлых экспедиций!

Слышу Борькин голос:
— Мама! Папа проснулся!

Старший, Алешка, бросает свою дымокурню у корней рядом стоящего бука, где он старательно пробует на огонь остатки разнообразного экспедиционного барахла, и улыбается:

— Доброе утро! Ну, как?

Глубина — это, знаешь... ,
Когда не до сна
Там, на „тысяче сто“ или ниже,
Когда мокрые спальники
Паром дымят,
И Пещера в лицо тебе дышит.
Это шепот каскадов
И посвист камней,
Это страх вперемешку с восторгом,
Это крик камнепадов
В густой тишине
И колодцы в величии строгом.

От палаток, в два ряда расставленных по поляне, улыбается новокузнецанин Володя Параконный, в своей красной, сшитой из государственного флага СССР, жилетке с серпом и молотом на спине. У кострища на кухне греется белоусовец Федор Кузмич. Рыльский один из самых молодых в нашей четверке, но — Федор Кузмич. Есть за что. Люба колдует у котлов, и оттуда соблазнительно пахнет съестным.

Земля! База! Люба улыбается от котлов. Скрипя костями, подхожу к разрезу пропасти²⁹¹, привязанному на дереве посреди лагеря. При виде этой „портянки“ с силуэтами колодцев и меандров испытываешь уважение — на добрых два метра вытянулась она по стволу. У карты Бессергенов.

²⁹⁰К. Б. Серафимов „Глубина“, урочище Абац, 1990 г.

²⁹¹**Разрез** — топографическая разрез-развертка пропасти лучше всего дает представление о ее вертикальном строении.

- Привет, Митрич!
—Привет! Были, что ли?
—Были. Как там сейчас мужики...

А еще—это лица
Друзей у свечи,
Тех, что слов не бросают на ветер.
И ручей по стене,
Что живительно чист,
И тот крюк, что последний на свете.
Кто же может сказать,
Что же есть—Глубина?
Мы не знаем, хоть вышли оттуда.
Только, видно, опять
Нас потянет она,
Где-то в душах оставшись под спудом.

Молча смотрим с Бессергеновым на схему, и трудно представить, что еще вчера мы пробирались вот по этим отвесам, меж двумя прихотливо отрисованными на бумаге линиями. Если нас нанести на эту карту, то в масштабе мы будем едва заметными точками...

* * *

Что запомнилось мне в нашем броске на Дно? Почти 500 метров вниз, те же 500 наверх. И все, за 18 часов. Стартовый груз—крючья, навесочное железо, 4 мешка с веревкой и одна 10-литровая полиэтиленовая банка с флюоресцеином—биологически безвредным красителем для трассирования водотоков.

Проход в глубину открывается из Базы-1100 буквально под нашим спальным мешком—среди глыб каменного навала. Через несколько метров он уже насквозь пробивается струйками сбегającego со дна Большого отвеса ручья. Пожалуй, это самое мокрое место на всем маршруте. Если не считать придонного каскада колодцев, где нам, от усталости, наверно, не удалось как следует обвесить поток.

Движение по сумрачным весьма сухим отвесам с недлинными меандрами между ними слилось в единую цепь полуразмытых картин штурма, где каждый последующий шаг похож на предыдущий. И только отдельные картины впечатались в память с непостижимой резкостью.

... На предпоследнем колодце вдруг обнаружилось трение под самым верхним крюком. Федор уже внизу, уходит вниз Юра, мы с Параконным пока стоим на широкой полке, простреливаемой шрапнелью водопада. Бессергенов замечает трение, в нерешительности останавливается. Мне приходит в голову простой и эффективный в таких случаях выход—оттяжка, отклоняющее закрепление. Но беда в том, что ее не за что закрепить: навеска идет по левой стене, а правая далеко—метрах в трех. Сращиваю запасные репшнуры, пытаюсь закрепить оттяжку за карровые ребра: не выдерживая нагрузки, они один за другим обламываются. Здесь все изъедено водой. Наконец, с трудом обвязываем здоровенную глыбу, что высится на полке по правой стене—закладки и другое снаряжение давно

кончилось. Натягиваем оттяжку струной, отрываем рапель от стены, и Юра скользит вниз.

— Свободно!

Пока Параконный пристегивается, стою у этой глыбы, опершись на нее спиной. Даже не закурить — сеет тонкая водяная взвесь. Да и пойду скоро. Володя нагружает рапель, делает пару шагов вниз, и вдруг... я ощущаю, как глыба за моей спиной шевелится и ползет на меня. Этого еще не хватало! Что есть силы, упираюсь сапогами в пол — этакая помесь атланта с кариатидой! Держу. А куда деваться? Глыба ослабляет напор.

— Свободно!

Самому-то как идти? Четырежды козел! Подкладка! Отвязываю оттяжку, мастерю из обрывка транспортника подобие подкладки, привязываю к крюку. Всех и дел. А то — глыбы подпирать!

... Последний отвес каскада в сверкающих искрах брызг, норовящих залить карбидку. Пролезаем под упавшим откуда-то каменным блоком, взбираемся на осыпь. Мы на месте Базы-1350²⁹². Черт возьми! Неужели кончились вертикали? В этом наша задача выполнена.

„Горбатая“ галерея радует глаз обширностью размеров. Здесь остатки полиэтиленового занавеса, видимо, защищавшего лагерь от брызг из близкого колодца. Пока мужики варганят перекус, идем с Параконным высыпать флюоресцеин в уходящий из-под основного каскада поток. Через несколько минут упираемся в сифон. Пора. Открываем герметически запечатанную банку и начинаем вытряхивать в воду кроваво-красный порошок. Размешиваем краску сапогами, и они немедленно приобретают тот же необычный для пещеры цвет. Даже не верится, что эта кровь при дальнейшем разбавлении приобретет нежный зеленый оттенок. Все. Пусть Клименко с Резваном ставят свои ловушки. Где-то наш маячок выплывет на поверхность. Но где?

Научная часть программы тоже завершена. Теперь остается только пройтись для души.

... В нижней своей части Пантюхинская напоминает мне Сумган. Те же высоченные галереи, лабиринтами разбегающиеся в неведомое, та же сторожка тишина и белоснежные натеки на сумрачных сводах. В одном месте со стены свисают веревки: сюда вываливаются начавшиеся сотней метров выше „штаны“ — разветвление основного вертикального хода. И сюда же во время паводка приходит главный поток. Поэтому, следуя рекомендациям Галошина, мы пошли другой „штаниной“.

Толстая глина на полу, окатанные глыбы. Спускаемся в несколько отвесиков и останавливаемся перед последним 10-метровым колодцем. В него можно спуститься просто так, спортивным. Но...

— Давай, Кузмич! — говорю я. — Твое право на последний крюк.

Федором забито большинство крючьев придонной части. И вот его неутомимые руки ловко вертят пробойник, молоток нарушает тишину Дна. Наш последний крюк и оставленное здесь тросовое ушко. Дальше навесок нет. Это — „Экватор“. А пока можно пойти погулять по величественным, таким чудесно просторным галереям и ходам.

²⁹² — 1380, если судить по присланной мне В. Я. Рогожниковым схеме сборной УССР чемпионата СССР по спелеотуризму 1988 года. По Вольскому здесь — 1300, по Галошину — 1350. В общем, как у всякой порядочной Пропасти, чем ближе к Дну, тем больше вариантов.

... Эти покрытые марганцовистыми черным, как антрацит, налетом камни напоминают мне галерею ЗигЗага, далекое Кутукское урочище. Утрамбованная выглаженная глина на полу, тонкий песок говорят о том, что эти проспекты подтапливаются. И видимо, не слабо. Классно было бы поработать здесь на дальнейшее прохождение. Но, увы, без опоры на донную Базу это мало реально. Даже при одноверевочной технике.

Слоняемся по обширным галереям, забираемся в какие-то окна в изъеденных эрозией стенах, тычемся в завалы, ручьи и сифончики. Это просто прогулка. Что-либо искать здесь в нашу задачу не входит. Стремиться еще дальше вниз через низкий полусифон, чтобы достичь номинально нижней точки — мальчишество. Да и нижайшая ли она?

Мы сделали свое дело, совершили первое SRT-прохождение и составили первое SRT-описание глубочайшей (с одним входом) пропасти планеты. Теперь нас ждет дорога наверх.

Неужели над нами полтора километра горных пород? Что ж, пора. Мы все в отличной форме, даже донимавшая Юру головной болью простуда притихла.

... Один за одним, придерживая друг другу хвост рапели, ввинчиваемся в бесконечную спираль подъема к Солнцу. Я еще не думаю о нем. Предел мечтаний — База-1100. Часов через 5–6 мы будем в теплых, хоть и влажных спальниках. Правда, толком поспать снова не удастся. Потому что невидимая сила графика уже ведет нас на смену другим штурмовым группам, и мы должны освободить им место в подземном „доме“. А пока мы идем наверх.

Что же есть — Глубина?
Я теперь не скажу.
Ну а ты?
Нет? Ну, видишь, тем паче!
Мы вернулись со Дна.
Мы вернулись со Дна.
Мы вернулись.
А как же иначе.

10.4. Глубина

Мы на слух узнаем
Гул винтов вертолетных,
Снова вечер пришел,
И болит голова...
Там, за дальним хребтом,
Лишь гудят самолеты,
Да плывут облака,
Как комки дымных ват.²⁹³

Вот и все. Мы сидим на куче мешков, сложенных на вертолетном бугре высоко над Пантюхинской: Люба, Алешка с Борькой и мы с Параконным.

²⁹³К. Б. Серафимов „Винтокрылое чудо“, Абац, 1990 г.

Остались позади дни и ночи штурма, и даже праздничный банкет в наземном лагере под буками Абаца уже кажется далеким и ирреальным.

Мы одиноки в этом непогодном запустении Бзыби. Мы ждем вертолет, который, как по мановению волшебной палочки, перенесет нас на желанное побережье. Туда, к морю, теплому песку и душным ночам под пальмами.

Мы читаем подряд
Все обрывки газеты.
Стало море одной
Из запретнейших тем.
Мы не курим с утра —
Вышли все сигареты.
Охраняем мешки
На проклятом хребте.

Да, курева нет напрочь, и это делает наше ожидание еще более томительным. Алешка подходит, присаживается рядышком, лукаво смотрит на нас с Параконным.

— Пап, а я знаю, чего вы хотите!

— Ну?

— Да чего уж там! Принести?

Заинтригованные, следим за его манипуляциями. Алешка подходит к своему рюкзаку, расстегивает карман, что-то достает и приносит нам на открытой ладошке:

— Вот! У меня там еще две заначено!

Мы не силах сдержать восторженных междометий — на ладошке диковинной величины самокрутка из чистой махорки! Милый ты мой маленький! Потом Олег Гвоздев усмехнется на наш рассказ об Алешкином подарке:

— То-то я на банкете смотрю — куда что девается? Только сверну кому-нибудь козью ногу — Алешка: „Дядь Олег, давай передам!“

Под ногами Абац —
Там и наша пещера. . .
Было все так давно,
Но ни дня не забыть!
Сколько ж нам прозябать?
А с Арабики ветер
Вновь несет облака
По ущелью Бзыби.

Удивительное дело — сколько ни бери, курево обязательно кончается за день до срока! И тогда начинаются народные страдания. . . В поисках барски разбросанных в первые дни экспедиции „бычков“: перерываются все окружающие лагерь кусты, перетряхиваются рюкзаки и палатки, высыпается мусор из карманов анораков и штормовок.

Воспитанный в лучших экспедиционных традициях, Борька мой как-то учинил мне страшный конфуз на автобусной остановке. Случилось это сразу по приезду с Пантюхинской. Соскучившись по доченьке Каролинке — ей едва пошел второй годик, мы всем семейством отправились погулять. И вот стоим на остановке, прилично одетые, народу довольно много, вокруг

такая по-сентябрьски задумчивая тишина. И вдруг эту тишину пререзает громкий Борькин шепот, слышный, кажется, на соседнем перекрестке:

— Па-ап! Па-ап!

— Что, маленький?

— Па-ап, смотри какой „бычок“ возле урны! Надо?

— ...!!!

Будет, нет вертолет?
Снова вечер подходит.
Где же все мужики?
Иль лежат во хмелю?
Мы давно на Земле,
И тоска нас изводит
В этом Богом давно
Позабытом углу.

Не дожидаться уже,
Видно, нам вертолета—
Снежный пух облаков
Облепил белый свет.
Над погасшим костром
Гаснут грустные ноты—
Ни на ломаный грош
Настроения нет.

Это уже „отходняк“ — реакция на все пережитое в экспедиции. Еще недавно мы были под землей. Только-только еще стояли где-то страшно глубоко, в полутора километрах от поверхности земли. Дно — наше, но это далеко не все. Большая половина работы оставалась впереди. Семь часов сна в Базе-1100 — чертовски мало для отдыха после такой работы! Вот уже третью подземную ночь мы спим по 6–7 часов и, вроде, ничего. Кажется только закрыли глаза, а нас уже будят поднявшиеся со дна парни второй „волковской“ четверки. Это крепкая команда. Но вот третья...

За время нашего отсутствия на земле, в составе третьей штурмовой четверки произошли некоторые перемены. От запланированного состава осталась только двойка Ван-Куришко. За время подготовительных выходов эта пара замечательно сработалась и обрела прочный душевный контакт. Места выбывших из четверки Коли Петрова и новокузнецанина Валеры Инполитова оказались вакантны, причем на них реально претендовали несколько человек. И тогда заявку на Дно сделали усть-каменогорец Сергей Хардикив и феодосиец Володя Салимов.

Не знаю, одобрил бы я этот состав, будучи на земле... Наверху все выглядит несколько иначе. Но об изменениях в составе замыкающей четверки я узнал только в Базе-700, где наша поднимающаяся четверка встретила расположившихся на ночлег Сашу Вана и Пашу Куришко. Они далеко оторвались от своих товарищей и несколько недовольно поведали о планах Салимова-Хардикива.

— Ты, Шеф, подумай — они не дойдут, — Саша Ван настроен очень категорично. — Они и сейчас идут слишком медленно. Пройдут немного, сядут, покурят, пожуют...

— Где они сейчас?

- Скорее всего, в Базе-600.
- Связь что ли между базами не работает?
- Работала. . . Но там пока молчат. Спят, наверно.
- Понятно.
- Так ты подумай, Шеф. Их вниз нельзя пускать.
- Посмотрим.

Вот еще незадача. В последней группе явно конфликтная ситуация: молодые, полные сил и задора Саша и Паша и более зрелые, несколько медлительные Хардики и Салимов. Они уже сейчас разорвались: более шустрые в одной базе, остальные в другой. Что будет дальше?

Почему не пошел Серега Вержанский? Технически он подготовлен не хуже Вана с Куришко, разве что опыта поменьше. Ну и что делать с этой последней двойкой? Отправить наверх? Но внизу нужны четверо. Думай не думай, а времени на смену состава уже нет.

Самое простое решение — пусть идут, докуда их хватит. Мужики самостоятельные, зарываться сверх меры не станут. В крайнем случае — повернут назад. Вроде бы, так. В принципе. На подходе к Базе-600, загадал: посмотрю, как будут вставать с ночевки — я должен почувствовать их заряженность на успех. Если она есть — пойдут и дойдут, если нет — я это почувствую.

База-600. Трясу Хардику за плечо и мучаюсь от неожиданной жалости: парни спят тяжело, в каждую черточку расслабленных сном лиц въелась усталость. Но мы должны их разбудить, потому что их время на отдых истекло. Мы должны занять место в лагере и, наконец, отдохнуть — за последние четверо суток мы спали не более 20 часов — по 6–7 часов на ночевку. И еще потому, что это их Шанс увидеть Дно.

Они поднимаются, как сомнамбулы, с трудом выдираясь из тяжелой одури сна. На помощь приходит свистящий по галерее ветер — быстро выдувает последние остатки сонного тепла, принуждает двигаться. Парни смотрят тревожно — от моего решения зависит судьба их попытки. И мне тяжело от сознания этого.

* * *

Наверно, для властолюбцев, именно в этом сладость власти. Тобой решается судьба: чья — неважно. И все зависит не только от объективности, профессиональности твоего решения, но и — вот в этом-то, кажется, самое главное! — от возможности поступить в полном соответствии с желанием только собственной левой пятки. А значит, через власть — самоутвердиться, свести счеты, покарать. . . И, значит, учить, поучать, восходить к непогрешимости, безошибочности — к кепке „Великого Учителя“, венчику „Спасителя и Наставника“, заместнику Бога на Земле. Наркотическая притягательность власти. . .

Но так же, как далеко не все люди по природе своей могут стать добровольными наркоманами и алкоголиками, так не всем по душе и отравла властоимства. Попав на благодатную почву, власть необратимо деформирует личность. При этом задевает всех так или иначе попадающих в ее сферу.

Власть — обратная сторона рабства, и подобно ему, так же присуща, как

и неприемлема человеческой сущности. В вечной внутренней борьбе раба и властелина проходит жизнь, формируется каждая личность. Что касается меня—я ее не люблю, власть. Принимаю как необходимость, когда не могу ничего изменить, использую для достижения цели, когда не нахожу других средств, но не люблю. Моя стихия—в равновесии раба и властелина—общество свободных, самостоятельных и равных по возможностям.

Идеальная среда обитания—общество горизонтального построения, без подлых иерархических пирамид, с вершин которых властолюбцы так славно попирают наши с вами головы. Скажете, нет такой среды? Не существует? Есть. Общество пронизано множеством синхростихий²⁹⁴, где обращаются и находят друг друга люди одних интересов—не спаянные в формализованные конгломераты, не зависящие друг от друга ни в чем и не связанные ничем, кроме взаимных симпатий и добровольно взятых на себя обязанностей.

Это лучшие из сред обитания. Там обитают уважаемые мной и мне подобные люди.

Но есть и другие миры. Например, некая умозрительная поверхность, проходящая в наше время через все вершины существующих иерархических пирамид, выше которых в социальном плане нет ничего: это—пустыня Высшей власти. Конечно, и президенты наши не чувствуют себя в безопасности, не могут насладиться в полной мере свободой своего Поля. Но причиной тому—только хлипкость самих пирамид, на высоту которых вознесена сегодня сфера их интересов—воздвигнутые на лжи и обмане, вершины эти постоянно во власти волнений и катаклизмов, сотрясающих изнутри пирамиды стран и народов. Чем выше социальная пирамида—тем неустойчивее.

Когда мы уходим в горы—мы погружаемся в некую собственную, нами же придуманную и возвращенную „Среду оптимального жизнеобитания“, в идеальную субстанцию, уже сегодня отстраненную от пирамид и уравновешенную. Решая что-либо за других, мы нарушаем равновесие. Если только не остаемся между собой в согласии относительно верности принятого решения.

Становясь в иерархическую структуру—любую, пусть это экспедиция или коммерческий банк—каждый должен добровольно принять правила игры, причем примерив на себя самые худшие их последствия. Ан, нет! Мы норовим приложить некое условие к другим, намеренно или бездумно обходя себя стороной. В экспедиции мы играем по правилам, признанным всеми нами—всеми, идущими по отвесам. Согласно этим правилам решение руководителя может оспариваться только после экспедиции. Это потом тебя можно проклясть, обидеться на всю жизнь, презирать, или наоборот, хлопать по плечу и восторгаться. Все это потом—в момент действия решение должно быть принято и выполняться.

Решение должно выполняться. Именно поэтому надо его правильно принять. Именно потому лучше решать только за себя. И именно поэтому проще, когда кто-нибудь все-таки решает за вас. А у вас остается право (потом, когда уже известно, чем все это кончилось!) торжествующе изречь: „Я же говорил!“

²⁹⁴ **Синхростихия**— мой термин. Плоскость—плоско. Поверхность—поверхностно. Поле—слишком объемно. А это, кажется, подходит. Ляпнул, что называется, от души!

* * *

Не проходит и двух часов, как мы расстаемся: наша четверка засыпает в тепле Базы-600, двойка Хардикова углубляется в предсифонную галерею. Мы не видим их ухода — сон тяжелой лапой глушит все вокруг. А они уходят вниз. Внешне — без единого колебания. Они идут, чтобы реализовать свой Шанс, который многим кажется призрачным. Но кто из нас может до конца точно оценить чужой шанс? А свой собственный?

Что касается меня, я отпускаю их легко, без особых сомнений. Мне внушают доверие эти медлительные фигуры, мешковатые от рассованных по всем мыслимым и немыслимым местам припасов. Не герои, но — Путники. Помните? Дорогу осилит идущий! Парни с таким аппетитом, не отступают с половины дороги.

Нельзя сказать, что я ни разу не пожалел об этом своем решении. Восторгу моему не было предела, когда проснувшись, мы с Бессергеновым принялись обшаривать лагерь в тщетных поисках хоть крошки табака! Хардикив аккуратно собрал все наши сигареты и унес ко дну. Наверно, полагал, что нам уже курить вредно — какие-то 600 метров, и мы под буками!

* * *

Вертолет поднимается, и мы припадаем к иллюминаторам. За какие-то секунды проплывает внизу усеянный цепочками воронок уходящий зелеными скатами к Рицынскому ущелью Абац, скользят под винтами темно-зеленые кудри буковых склонов. И вот уже резко проваливается вниз бездна Бзыбского ущелья. По правому борту сказочными цепями разворачивается Арабика, но и она уже заслонена кручами ближних отрогов.

Бессергенов, необычно умытый, в разлете своих по-мушкетерски длинных волос, улыбается от дверей пилотской кабины, показывает большой палец. Летим!

Перебираюсь к нему, и через лобовое стекло вглядываюсь в приближающееся марево черноморского побережья. Море! Долгожданное, оно распаивается над прилепившимися к исчерченному волноломами берегу игрушечно маленькими высотными коробками Гагр. Светлые полосы пляжей, кипень белого прибоя, крошечный кораблик на синей воде. Море!

В кроссовках фирмы „Адидас“
В кромешной тьме, как будто вражеский лазутчик,
Не разбирая, прямо в грязь,
Куда, скажите, вы торопитесь, Поручик?
В канистре, видимо, не квас
И не бензин — у вас походка фигуриста!
Ах, этот Западный Кавказ —
Места паломничества спелеотуристов.

* * *

Кто это сказал? „Когда после пещеры выйдешь на пляж, тогда понимаешь, вот это — Спелеология. Все остальное были только подходы...“

Леселидзе принял нас влажной испариной субтропиков, невысшимым ароматом цветущих растений, сплетающимися с волшебными запахами шашлыка и „Изабеллы“ из прибрежного кабачка под всеобъемлющим названием „Бочка“. И море, море — волшебный мир ласковых волн, горячего солнца и великого спокойствия души!

Конец спектакля — гаснет свет.
Окончен бал, звучат последние аккорды.
Перевалить бы парапет
И в гальку теплую уткнуться сытой мордой!
Чуть приоткрылся мутный глаз,
Рука опять привычно тянется к канистре:
Ах, этот Западный Кавказ —
Места паломничества спелеотуристов!

— Борисыч! Тут по твою душу.

Ба-а! Какие люди! Виктор Комаров, известный подводник из Рязани, с ним неизвестный парень спелеологической комплекции. Кто-то из наших? Так и есть — это Виктор Болек, руководитель польской группы, которая, оказывается, идет в Пантюхинскую вслед за нами, в этом сентябре. И вот сидим на горячей гальке пляжа, дети плещутся в ласковых волнах, парни потягивают вино. Виктор записывает, а я перелистываю потертый красный блокнот, обновляя в памяти описание навесок по бесчисленным отвесам пропасти — первое SRT-описание Пантюхинской. Путь проложен, и он не будет пустовать.

* * *

Пару месяцев спустя я получу письмо из Вроцлава:

«Дорогой Константин Борисович.

Я посылаю тебе письмо об успехах нашей экспедиции, как мы и договорились в Леселидзе. Нам не повезло дойти до дна. Мы дошли только до —1050.

Наша экспедиция началась 4 сентября. Присутствовали 7 поляков и 8 спелеологов из Краснодара. До бивака на Сифоне —635, мы работали с поверхности и дошли до него на четвертом выходе 8 сентября. На этом отрезке мы добились 10 спитов, потому что не пользовались старыми шлямбурами, но не везде нашли ваши спиты. Особенно много спитов мы добились на первом колодце 107 метров...»

Неплохо... Из-за бракованных московских крючьев мы дошли до Базы-600 за 6 суток, забив в общей сложности около 50 спитов, и тоже не нашли французскую дорожку на К-107, как поляки не нашли нашу.

«...Потом вчетвером мы пошли на бивак при Сифоне. Мы хотели сделать навеску от —635 (место лагеря) до —1100, где мы хотели расположить второй бивак. Но во время навешивания оказалось, что мы не взяли достаточно веревки с поверхности. В результате 13 сентября мы дошли только до —1050, на что затратили три выхода из бивака-635.»

Трижды пробиваться через бесконечные меандры средней части пропасти — благо там остались стационарно закрепленные нами перила — и в результате не дойти каких-то 50 метров до дна Большого 200-метрового колодца! Обидно. Наш расчет на специализированную группу транспортировки по этому участку и на тактическую гамачную Базу-700 оказался более верным.

«... Потом пошла вторая группа, чтобы дойти до дна. Но оказалось, что полоса неудач продолжается, и если мы дойдем до дна, то не успеем вынуть веревки. К тому же краснодарцы сказали, что их отпуск кончается, и они должны возвращаться. Правда, они нам не очень-то и помогли в транспортировке.»

В общем, типичная картина, когда нет единодушия в группе, нет всеобщей заряженности на конечный успех. И конечно, сложность задуманного явно превышала собранные для его реализации силы. Что ж, вовремя вернуться — не значит потерять лицо.

«... Таким образом, мы постановили возвращаться. При вытаскивании веревок большой дождь задержал нас на 2 дня. Мы успели вытянуть веревки ночью 23 сентября, а 24-го за нами прилетел вертолет. Желаю Вам больших успехов в пещерах. Виктор.»

Поляки работали 20 суток и прошли только две трети. Нам потребовалось 22 дня, чтобы успешно выполнить задуманное. И конечно, нам здорово повезло с погодой. Несколько дождливых дней никак не сказались на нашей подземной работе. Из 2000 метров веревки, использованной для навесок, около 300 мы оставили в пещере — ниже — 1100, аккуратно уложив ее над отвесами. И еще около 150 метров осталось на перильных участках в Первом меандре за сифоном. Как приз тем, кто будет в Пантюхинской за нами.

Стоит Кавказ, прищурившись с усмешкой,
На суету прибрежной полосы.
И мы, омыты пеною прибрежной,
Перед Кавказом и собой чисты.
Как дорог друг, когда разлука близко!
Но мы об этом вслух не говорим.
А облака над Бзыбью тянет низко,
И звезды, будто чьи-то фонари...²⁹⁵

²⁹⁵К. Б. Серафимов „Как сладок сон“, урочище Абац, 1990 г.

Вместо послесловия

Очередь к трону

Сколько бы времени ни прошло, интерес к земным глубинам не иссякнет. И всегда будет интересно сравнить, как же изменился за прошедшие времена список пещер-феноменов?

Завершая путешествие Во Мрак, приведу список рекордсменов, выстроившихся в очередь за королевскими титулами самых различных рангов: тот, что радовал наши сердца в начале последнего десятилетия обильного на события XX века²⁹⁶.

Это интересно потому, что можно сравнить эти списки с теми, что будут реальными в момент прочтения — мир пещер велик, а известная его часть увеличивается с каждым годом.

Вот как это было тогда.

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА

1. Reseau Jean Bernard (Haute-Savoie, France)
— Жан-Бернар (Франция) —1602 м
2. Вячеслава Пантюхина (Бзыбский хр. Зап. Кавказ, Абхазия) —1571 м
3. Lamprehtsofen (Salzburg, Austria)
— Лампрехтзофен (Австрия) —1550 м
4. Gouffre Mirollda (Haute-Savoie, France)
— Мирольда (Франция) —1520 м
5. Sima del Trave (Asturias, Spain)
— Сима дел Траве (Испания) —1441 м
6. Laminako atreak (Navarra, Spain)
— БУ-56, Ильямина (Испания) —1408 м
7. Sistema Cuicateco (Oaxaca, Mexico)
— Кьюкатека (Мексика) —1386 м
8. Бой-Булок (хр. Байсунтау, Ср. Азия, Узбекистан) —1380 м (+222
—1158)

²⁹⁶ Данные величайших пещер мира взяты мной из следующих заслуживающих уважения источников:

— Пауль Курбон и др. „Атлас величайших пещер Мира“, 1989 г. (Paul Courbon... „Atlas of the great caves of the world“, Cave Books, St. Louis, U.S.A.)

— Вестник Киевского Карстолого-спелеологического Центра „Свет“ № 4, ноябрь–декабрь 1992 (и другие номера), под редакцией А. Б. Климчука в которых он ссылается, в частности, на последний номер журнала „International Caver“ за 1992 г.

— В. Н. Дублянский, В. В. Илюхин „Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР“, „Наука“, Москва, 1982.

— Данные о пещере им. В. С. Пантюхина приведены мною по сведениям, полученным от керченских и новокузнецких спелеологов (С. Н. Клименко и Е. А. Галошина), непосредственно производивших измерения.

— Данные полученные частной перепиской у В. Э. Киселева.

— К. А. Горбунова, Н. Г. Максимович „В мире карста и пещер“, Издательство Томского университета Пермское отделение 1991 г.

9. Снежная-Меженного (хр. Бзыбский, Зап. Кавказ, Абхазия) . –1372 м
10. Sistema Huautla (Оахаса, Mexico)
— Уаутла (Мексика) –1353 м
11. Reseau de la Pierre Saint-Martin (Arette, Pyrenees Atlantiques)
— Пьер-Сен-Мартин (Франция/Испания) –1342 м
12. Siebenhengste-Hohgant-Hollensystem (Bern, Switzerland)
— Зибенэнгсте-Хогант-Холленсистем (Швейцария) –1284 м
13. Gouffre Berjer-Fromajere-Rhododendrons (Isere, France)
— Берже-Фромажер-Родендронс (Франция) –1278 м
14. Berjer-Cosa Nostra-system
— Бергер-Коза Ностра (Австрия) –1250 м
15. Seki 2
— Секи 2 (Словения) –1245 м
16. Владимира Илюхина (Арабика, Зап. Кавказ, Абхазия) –1240 м
17. Schver-Hohlensystem (Salzburg, Austria)
— Шверсистем (Австрия) –1219 м
18. Abisso Olivifer (Italy)
— Абиссо Оливифер (Италия) –1215 м
19. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
— Фиджера-Антро дель Корчия (Италия) –1215 м
20. Crnelско Brezno [Велико Сбrego]
— Крнелска Брежна (Словения) –1198 м
21. Sistema Aranopera (Huesca, Spain)
— Араноньера (Испания) –1185 м
22. Dachstein Mammuthohle (Oberosterreich, Austria)
— Дакштайн Маммутхале (Австрия) –1180 м
23. Sistema Soaso (Huesca, Spain)
— Соасо (Испания) –1180 м
24. Jubiläumsschacht (Salzburg, Austria)
— Юбилаумшахт (Австрия) –1173 м
25. Anou Ifflis
— Ану Ифлис (Алжир) –1170 м
26. Sima 56 de Andara (Cantabria, Spain)
— Сима 56 де Андара (Испания) –1169 м
27. Gouffre de Bracas de Thurugne 6 [or riviere Soudet] (Pyrenees-Atlantiques, France)
— Гуфр де Бракас (Франция) –1166 м

28. Kijahe Xontjoa
—Кияхе Хонтуа (Мексика) –1160 м
29. Gouffre BT6
—Гуффр БТ-6 (Франция) –1157 м
30. Abisso W le Donne
—Абиссо Вив ле Донне (Италия) –1155 м
31. Sistema Badalona [B-15] (Huesca, Spain)
—Бадалона (Испания) –1151 м
32. Torra de los Rebecos
—Торра де лос Ребекос (Испания)..... –1150 м
33. Sistema del Xitu (Asturias, Spain)
—Система дел Хиту (Испания)..... –1148 м
34. Sotano Akemati (Puebla, Mexico)
—Сотано Акемати (Мексика)..... –1135 м
35. Украинская-Арабикская (Арабика, Зап. Кавказ)
—система Графский провал-Куйбышевская (Абхазия) –1110 м
36. Shneeloch (Salzburg, Austria)
—Шнеелох (Австрия)..... –1101 м (–132 +969)
37. Sima G.E.S.M. (Malaga, Spain)
—Сима ГЕСМ (Испания) –1101 м
38. Jaegerbrunntrogsysteem (Salzburg, Austria)
—Ягербрансистем (Австрия) –1078 м
39. Sistema Ocotempa (Puebla, Mexico)
—Система Окотемпа (Мексика)..... –1070 м
40. Pozzo della Neve (Molise, Itali)
—Поццо делла Неве (Италия) –1050 м
41. Sotano de Olbastl
—Сотано Олбастл (Мексика)..... –1040 м
42. Cukurpinar dudeni
—Цукурпинар (Турция)..... –1037 м
43. Meanderhohle-Herbsthohle
—Меандерхولة-Хербстхولة (Австрия)..... –1028 м
44. Torca Urriello (Cantabria, Spain)
—Торка Уриельо (Испания) –1022 м (+5, –1017)
45. Systeme de la Coumo d'Hyouernedo (Haute-Garonne, France)
—Кум д'Уарнедо (система Тромба) Франция..... –1018 м
46. Akemabis
—Акемабис (Мексика) –1015 м

Киевская [КилСИ] (Зеравшанский хр., Ср. Азия, Узбекистан) —990 м

Московская (Арабика, Зап. Кавказ, Абхазия) —972 м

Напра (Бзыбский массив, Зап. Кавказ, Абхазия) —948 м

Последние три пещеры приведены просто для сравнения — в мире не так уж мало пещер глубиной почти 1000 метров.

Интересны некоторые статистические размышления.

По суммарной глубине пещер, превышающих 1000 метров, места в мире распределились следующим образом:

	Всего пещер	Общая глубина	Средняя глубина
1. Испания	11,5	13786 м	1198,8 м
2. Франция	6,5	8227 м	1265,7 м
3. Австрия	8	9579 м	1197,4 м
4. Мексика	6	7179 м	1196,5 м
5. Абхазия	4	5291 м	1322,8 м
6. Италия	4	4635 м	1158,8 м
7. Словения	2	2443 м	1221,5 м
8. Узбекистан	1	1380 м	—
9. Швейцария	1	1284 м	—
10. Алжир	1	1170 м	—
11. Турция	1	1037 м	—

„Половинки“ пещер у Франции и Испании возникли из-за знаменитой ПСМ, расположенной на границе между этими двумя странами.

* * *

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ТРАВЕРСЫ МИРА

Напомним, что под пещерным траверсом подразумевается возможность войти в подземную систему через один вход, а выйти через другой. К сожалению, я располагаю данными только об амплитуде между разными входами в подземные системы, которые и привожу в настоящей таблице.

1. Lamprehtsofen (Salzburg, Austria)
— Лампрехтзофен, (Австрия) —1550 м
2. Sistema Badalona [B-15] (Huesca, Spain)
— Бадалона (Испания) —1149 м
3. Systema Aranonera (Huesca, Spain)
— Араноньера (Испания) —1143 м
4. Systeme de la Coumo d'Hyouernedo (Haute-Garonne, France)
— Кум д'Уарнедо (система Тромба, Франция) —966 м

5. Berjer-Cosa Nostra-system
— Бергер-Коза Ностра, (Австрия) –934 м
6. Nettlebed Cave (Mount Arthur, Nelson, Souht Island, New Zealand)
— Неттлебед Кейв, (Новая Зеландия) –867 м
7. Systema Purificacion (Villa Hidalgo, Tamaulipas)
— Система Пурификасьон, (Мексика) –852 м
8. Systema Cueto-Coventosa-Cuvera (Arredondo, Cantabria)
— Система Куето-Ковентоса-Кувера, (Испания) –805 м
9. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
— Фиджера-Антро дель Корчия, (Италия) –710 м
10. Reseau Bel Espoir-Diau (Haute, Savoie)
— Система Дье, (Франция) –701 м
11. Raggejavre-Raige (Hellemojford, Tysfjord, Nordland)
— Раггеявре-Райге, (Норвегия) –617 м
12. Reseau de la Dent de Crolles (CHartreuse, Isere)
— Дент де Кролль, (Франция) –603 м

При таком подходе к определению траверсов из внимания выпадают подземные траверсы систем с несколькими входами, например, Меженно-го–Снежная— при перепаде высот между входами в каких-то 35 м этот траверс весьма сложен и интересен. Приходится спускаться на 700 с лишним метров и на столько же подниматься, чтобы совершить это путешествие.

На мой взгляд, истинными характеристиками траверса, являются их амплитуда— глубина, на которую логично приходится спускаться при траверсировании (считая от уровня верхнего из входов), плюс глубина, на которую приходится подниматься от наинизшей точки траверса до нижнего из входов, между коими совершается траверсирование.

Выражаясь языком простейшей математики:

Амплитуда траверса = Глубина нисходящей + Глубина восходящей ветви.

Вот тогда в поле зрения попадет целый ряд траверсов, что не вошли в приведенную таблицу. Ведь многие из пещерных систем имеют несколько входов, между которыми интересно прогуляться.

Немаловажной характеристикой траверса является его протяженность. Но продолжим перечень величайших подземных феноменов.

* * *

ВЕЛИЧАЙШИЕ ВЕРТИКАЛЬНЫЕ КОЛОДЦЫ МИРА

Наверно, именно эти, кажущиеся бездонными, вертикали послужили прообразом темного, потустороннего мира, зачинателями таких замечательных слов как „бездна“, „пропасть“,— в чьем звучании явственно слышится отношение человека к подобным природным явлениям.

Отметим в этом списке колодцы внутренние (укрытые в глубинах пещеры) и открытые— с выходом на поверхность.

1. Hollenhohle (Austria) — Колодец Хадес Шахт
пещ. Холленхолле, (Австрия) –450 м (открытый)
2. Mine (Papua New Guinea)
— Минье (Папуа Новая Гвинея)..... –417 м (открытый)
3. K-3, пещера Мико, Абац
— колодец К-3 (Абхазия) –410 м (внутренний)
4. Provatina (Greece)
— Проватина (Греция) –389 м (открытый)
5. Gebihe River Cave (Guizhou, China)
— Гебай Ривер Кейв (Китай) –370 м (открытый)
6. Sotano del Barro (El Sotano) Mexico
— Сотано дель Барро (Эль Сотано) Мексика.... –364 м (открытый)
7. Stierwashershaht (Austria)
— Колодец в пещере Штирвашершахт (Австрия) –350 м (внутренний)
8. Sima Aonda (Venezuela)
— Сима Аонда (Венесуэла) –350 м (открытый)
9. Mavro Skiadi (Greece)
— Мавро Скиади (Греция) –342 м (открытый)
10. Sotano de las Golondrinas (Mexico)
— Сотано де лас Голондринас (Мексика) –376 м (открытый)
11. Tomasa Kiahua (Mexico)
— Томаса Кяхуа. (Мексика) –330 м (открытый)
12. Puits des Pirates, Gouffre d'Aphanize (France)
— Колодец Пиратов, Гуфр д'Афаниз (Франция) –328 м (внутренний)
13. Lepineaux (Spain)
— Лепине (первый вход в ПСМ) Испания –320 м (открытый)
14. Abisso Enrico Revel (Italy)
— Энрико Ревел (Италия) –316 м (открытый)
15. Nare (Papua New Guinea)
— Наре (Папуа Новая Гвинея) –310 м (открытый)
16. Pozzo Mandini, Paolo Roversi (Italy)
— Колодец Мандини в пещ. П.Роверси (Италия) –310 м (внутренний)
17. Nita Xonga (Mexico)
— Нита Ксонга (Мексика) –310 м (открытый)
18. Vicente Alegre, Sima del Trave (Spain) — Висенте Алегре
(вход в Сима дел Траве) Испания –309 м (открытый)

19. Stary Swistak, Altes Murmeltier (Austria)— Колодец Стари Свистак, пещ. А.Мармелтьер Австрия –307 м (внутренний)
20. Pozo Tras la Jajada (Spain)
— Поцо Трас ла Яйада (Испания) –306 м (открытый)
21. Pot II (France)
— Пот II (Франция) –302 м (внутренний)
22. Touya de Liet (France)
— Колодец в пещ. Туйя де Льет (Франция) –302 м (внутренний)
23. Juhue (Spain)
— Колодец в пещере Жуэ (Испания) –302 м (внутренний)

* * *

ДЛИННЕЙШИЕ ПЕЩЕРЫ МИРА

Говоря о великом, невозможно не поразиться длиннейшим лабиринтам, проложенным водой в толщах скал.

В детстве многие из нас, затаив дыхание переживал приключения девочки Элли и ее сказочных друзей в стране Подземных Рудокопов.

Но сказки— сказками. А когда узнаешь, что действительность превосходит самые смелые фантазии, ну, разве что без светящихся облаков, драконов и шестипалых— невольно проникаешься уважением к исследователям этих трудно вообразимых подземных гигантов.

Вот перечень длиннейших пещерных лабиринтов.

1. Mammoth Cave System (Kentucky, U.S.A.)
— Мамонтова пещерная система (США) 560 000 м
2. Оптимистическая (Подолия, Украина) 183 000 м
3. Holloch (Schwyz, Switzerland)
— Хельлох (Швейцария) 156 000 м
4. Jewel Cave (South Dakota, U.S.A.)
— Джюел (США) 130 897 м
5. Siebenhengste-Hohgant-Hollensystem (Bern, Switzerland)
— Зибенэнгсте-Хогант-Холленсистем (Швейцария) 126 000 м
6. Wind Cave (South Dakota, U.S.A.)
— Уинд (США) 113 274 м
7. Озерная (Подолия, Украина) 111 000 м
8. Gua Air Jernih (Gunong Mulu, Sarawak, Malasia)
— Гуа Эйр Джени (Малайзия) 101 500 м
9. Sistema de Ojo Guarena (Burgos, Spain)
— Охо Гуаренья (Испания) 97 400 м

10. Systeme de la Coumo d'Hyuernedo (Haute-Garonne, France)
— Кум д'Уарнедо (Франция) 90 496 м
11. Золушка (Молдавия-Украина) 85 500 м
12. Lechuguilla Cave (New Mexico, U.S.A.)
— Лечугия (США) 82 720 м
13. Fisher Ridge Cave (Kentucky, U.S.A.)
— Фишер Ридж Кейв (США) 77 248 м
14. Systema Purificacion (Villa Hidalgo, Tamaulipas)
— Система Пурификасьон (Мексика) 76 332 м
15. Hirlatzhohle (Oberosterreich, Austria)
— Хирлатцхеле (Австрия) 70 000 м
16. RaucherKarhohle (Oberosterreich, Austria)
— Раухеркархеле (Австрия) 70 000 м
17. Friar's Hole Cave (West Virginia, U.S.A.)
— Фрайес Хоул (США) 69 234 м
18. Ease Gill Cave System (Great Britain)
— Изи Гилл (Англия) 66 000 м
19. Organ Cave System (West Virginia, U.S.A.)
— Орган-систем (США) 60 510 м
20. Red del Rio Silencio (Cantabria, Spain)
— Ред дель Рио Силенсио (Испания) 58 600 м
21. Reseau de l'Alpe (Isere/Savoie, France)
— Дю Альп (Франция) 56 727 м
22. Reseau de la Dent de Crolles (Chartreuse, Isere)
— Дент де Кролль (Франция) 55 000 м
23. Кап-Кутан-Промежуточная (Кугитангтау)
Туркменистан 55 000 м
24. Мамо Капанда (S.H.P., Papua New Guinea)
— Мамо Кэнэнда (Папуа Новая Гвинея) 54 800 м
25. Sistema Huautla (Oaxaca, Mexico)
— Уаутла (Мексика) 52 653 м
26. Reseau de la Pierre Saint-Martin (Arette, Pyrenees Atlantiques)
— Пьер Сен-Мартин (Франция/Испания) 51 200 м
27. Ogof Ffynnon Ddu (South Wales, Great Britain)
— Огоф Финон Ду (В/Британия) 50 000 м
28. Complesso Corchia-Fighiera (Toscana, Italy)
— Фиджера-Антро дель Корчия-Италия) 49 800 м

29. Crevice Cave (Missoury, U.S.A.)
— Кривайс (США) 45 385 м
30. Cumberland Caverns (Tennessee, U.S.A.)
— Камберлэнд (США) 44 444 м
31. Gran Caverna Santo Tomas (Sierra de Quemadas, Pinar del Rio)
— Санта Томас (Куба) 44 165 м
32. Pestera Vintului (m.Padurea Craiului)
— Винтулуи (Румыния) 42 165 м
33. Большая Орешная (Восточные Саяны, Россия) 42 000 м
34. Eisreisenwelt (Salzburg, Austria)
— Айсризенвельт (Австрия) 42 000 м
35. Systema de los Cuatro Valles (Spain)
— Куатро Валлес (Испания) 41 079 м
36. DacHstein MammutHoHle (Oberosterreich, Austria)
— Дакштайн Маммутхоле (Австрия) 40 350 м
37. Sloans Valley Cave (Pulaski County, Kentucky, U.S.A.)
— Слоанс Валли (США) 39 640 м
38. Hanadu Cave (Fentress County, Tennessee, U.S.A.)
— Ксэнэду (США) 38 623 м
39. Carlsbad Cave (Crlsbad, Eddy Country, New Mexico, U.S.A.)
— Карлсбад-кейв (США) 38 600 м
40. The Houl (Greenbrier County, West Virginia, U.S.A.)
— Хоул (США) 36 838 м
41. WHigpistle Cave (Edmonson Co, Kentucky, U.S.A.)
— Уигпайстл (США) 36 209 м
42. Bulmer Cavern (Mt.Owen, Nelson, South Island, New Zeland)
— Балмер (Новая Зеландия) 35 600 м
43. Blue Spring Cave (Lawrence County, Indiana, U.S.A.)
— Блю Спринг (США) 35 405 м
44. Atea Kananda (Muller Range, Southern Highlands)
— Атеа Кэнэнда (Папуа Новая Гвинея) 34 500 м
45. Culverson Creek Cave (Greenbrier County, West Virginia, U.S.A.)
— Калверсон Крик (США) 33 507 м
46. Ogif Agen Allwedd (Llangattock, Powys, SouthHWales)
— Олвед (В/Британия) 33 000 м
47. Amaterska-Punkevni Jeskyne (Moravsky kras, Ostrov, Moravia)
— Аmaterска-Пункевни (Чехия) 32 500 м

48. Comlesso di Piaggia Bella (Cuneo, Piemonte, Italy)
— Пиаджиа Белла (Италия) 32 300 м
49. Binkley's Cave (Harrison County, Indiana, U.S.A.)
— Бинклис (США) 32 219 м
50. Sima del Hayal de Ponata (Orduna, Vizcaya-Ayala, Spain)
— Поната (Испания) 32 000 м

* * *

ДЛИННЕЙШИЕ ПОДВОДНЫЕ ПЕЩЕРЫ

Говоря о глубочайших и длиннейших, грех забыть о таких же титулах, но среди пещер заполненных водой, что делает эти объекты подземного мира предельно сложными для прохождения.

Несмотря на трудно представимую для неспециалиста сложность и опасность исследований этих пещер — достижения аквакейверов поражают воображение.

1. Cathedral Falmouth Cave System (Florida, U.S.A.)
— Кэтедрэл Фэлмоу Кейв Систем (США) 10 229 м
2. Lucayan Caverns (Bagamas)
— Лакейян (Багамы) 9 184 м
3. Peacock Springs Cave System (Florida, U.S.A.)
— Пиаккок Спрингс (США) 6 507 м

ДЛИННЕЙШИЕ НЕПРЕРЫВНЫЕ СИФОНЫ

1. Doux de Coly (Dordogne, France)
— Ду де Коли (Франция) 4 055 м
2. Coclebidy Cave, sump № 2 (Nurlarbor Plain, Australia)
— Коклебидди (Австралия) 2 550 м
3. The ocean resurgence of Port-Miou (Bouches-du-Rhone, France)
— Порт-Мюу (Франция) 2 210 м

ГЛУБОЧАЙШИЕ ПОДВОДНЫЕ ПРОПАСТИ

Здесь мы упомянем только глубины, достигнутые непосредственно человеком.

1. Nacimiento del Rio Mante (Tamaulipas, Mexico)
— Рио Манте (Мексика) -290 м
2. — Бушменегат (Южная Африка) ЮАР -283 м

3. Fontaine de Vaucluse (Vaucluse, France)
— Воклюз (Франция) –205 м
4. Fontaine superieure de Tourne (ArdecHe, France)
— Турне (Франция) –140 м

Перечень других наиболее выдающихся подводных пропастей, в том числе исследованных спускаемыми аппаратами, приведен в главе „Бездонные вертикали“.

ВЕЛИЧАЙШИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ МИРА

Путем спелеологических, гидрогеологических и прочих исследований и наблюдений в ряде случаев удастся определить высшую и низшую точку течения воды на ее пути с горных карстовых плато к уровню моря.

Выражаясь околонучным языком, вот такой путь воды в толщах скальных массивов от верхнего из известных входов в подземную систему до нижнего из известных выходов карстовых вод и понимается под гидросистемой.

Помимо других числовых параметров, гидросистемы характеризуются протяженностью и денивеляцией—перепадом высот от верхней до нижней ее точки.

ДЛИННЕЙШИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ МИРА

1. Homat Burnu dudenieri–Yedi Miyarlar (Turkey)
— Хумат Бурну–Йеди Мийалар (Турция) 75 000 м
2. Gouffre de la Belette–fontane de Vaucluse (France)
— Гуффе де ла Белете–Воклюз (Франция) 46 000 м
3. Skocjanske jame–II Timavo (Yugoslavia/Italy)
— Сочанска яма–II Тимаво (Югославия/Италия) .. 40 000 м

ГЛУБОЧАЙШИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ МИРА

Интерес заключается в том, что, в принципе, глубины гидросистем—это некие маяки, по которым можно прикинуть максимально возможную глубину гипотетической пещеры: путь, который, при оптимальном стечении обстоятельств, смогут пройти в недрах земли спелеологи.

1. Напра–Мчишта (Бзыбский массив, Зап. Кавказ) Абхазия . –2350 м
2. В. В. Илюхина–Репроа (Арабика, Зап. Кавказ) Абхазия... –2308 м
3. Уральская–Мачай (Байсунтау) Узбекистан –1800 м
4. Gouffre du Pourtet–Bentia (France)
— Дю Пуртет–Бентиа (Франция) –1622 м

5. Lamprehtsofen (Austria)
— Лампрехтзофен (Австрия) –1600 м
6. Gouffre Touya de Liet–fontaine des Fees (France)
— Туя де Льет–де Фес (Франция) –1598 м
7. Houet Faouar Dara–Antelias (Lebanon)
— Хуэт Фауа Дара–Антелиас (Ливан) –1573 м
8. Laminako ateah–Illamina (Spain/France)
— Ламинако атеах–Ильамина (Франция/Испания) –1538 м
9. Gouffre des Trois Dents–Iscoo (France)
— Тру Дентс–Иско (Франция) –1520 м

Говоря о длиннейших и глубочайших гидросистемах мира, не могу не вспомнить, как Володя Резван поделился со мной своим наблюдением, от которого здорово пахло сенсацией: при окрашивании вод пропасти Снежная ловушки уловили выход трассера в... источнике Мчишта— того самого, где разгружается глубочайшая гидросистема Мира.

Дух захватывает от представившихся перспектив!

Сегодня эти данные уже не вызывают сомнений— в горах Абхазии существует замечательная гидросистема Снежная–Мчишта— замечательная как по глубине: 1860, так и по протяженности, если учесть расстояние в несколько десятков километров от Хипстинского плато до источника Мчишта.

Вот такие возможности.

И если под землей можно пройти путь длиннее, чем протяженность гидросистемы, то спуститься глубже вряд ли удастся. Хотя, как знать? Чего только не бывает в природе!

* * *

ВЕЛИЧАЙШИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ЗАЛЫ

Наиболее характерные параметры этих вместилищ Вечной Ночи— площадь пола и объем:

А. ПО ПЛОЩАДИ ПОЛА:

Для сравнения: Площадь футбольного поля = 4.500 кв. м

1. Saravak Chamber, Nasib Bagus (Malaysia)
— Зал Саравак пещеры Насиб Багус (Малайзия) .. 162 700 кв. м
2. Torca del Carlista (Spain)
— Торка дель Карлиста (Испания) 76 620 кв. м
3. Majlis al Jinn (Oman)
— Зал Джина (Оман) 58 000 кв. м

4. Belize chamber (Belize)
— Зал Белиз (Белиз) 50 050 кв. м
5. Salle de la Verna (France)
— Зал Верна пещеры Пьер-Сен-Мартен, Франция . 45 270 кв. м
6. Gruta de Villa Garchia (Mexico)
— Грот де Вилла Гархиа (Мексика) 39 730 кв. м
7. Kocain (Turkey)
— Кокаин (Турция) 37 200 кв. м
8. Carlsbad Cavern Big Room (U.S.A.)
— Большой Зал Карлсбадской пещеры, (США)..... 33 210 кв. м
9. Sotano de las Golondrinas (Mexico)
— Сотано де лас Голондринас (Мексика) 33 110 кв. м
10. Chiquibul Chamber (Belize)
— Чикьюбул Чамбер (Белиз) 32 090 кв. м

Сколько же футбольных полей можно было бы разместить на этих Полях пещерных Чудес?

Б. ПО ОБЪЕМУ: Здесь рассматриваются победители в трех классах:

— истинно подземных залов, не имеющих открытого выхода на поверхность,

— пропастей-колодцев, глубина которых значительно выше размеров поперечника,

— и карстовых провалов-долин с отвесными стенами — наводящие на размышления об огромных подземных залах, своды которых некогда рухнули, образовав эти чудовищные пустоты.

ПОДЗЕМНЫЕ ЗАЛЫ:

1. Saravak Chamber, Nasib Bagus (Malaysia)
— Зал Саравак пещеры Насиб Багус (Малайзия) .. 12 000 000 куб. м
2. Miao Room, Gebihe R.C. (China)
— Зал Миао (Китай) 10 000 000 куб. м
3. Korikobi (Papua New Guinea)
— Зал Корикиоби (Папуа Новая Гвинея) 5 000 000 куб. м
4. Venua (Papua New Guinea)
— Зал Бенуа (Папуа Новая Гвинея) 5 000 000 куб. м

ПРОПАСТИ-КОЛОДЦЫ:

1. Minye (Papua New Guinea)
— Колодец-долина Минье (Папуа Н.Гвинея) 26 000 000 куб. м
2. Sima mayor de Sarisarinama (Venezuela)
— Сима Майор де Сарисариньяма, (Венесуэла) ... 18 000 000 куб. м
3. Sotano del Barro (Mexico)
— Сотано дель Барро (Мексика) 15 000 000 куб. м
4. Sotano de las Golondrinas (Mexico)
— Сотано де лас Голондринас (Мексика) 5 000 000 куб. м

ПРОВАЛЫ-ДОЛИНЫ:

1. Luse (Papua New Guinea)
— Люси (Папуа Новая Гвинея) 50 000 000 куб. м
2. Ora (Papua New Guinea)
— Ора (Папуа Новая Гвинея) 29 000 000 куб. м
3. Da Hiao Cho Koo (China)
— Да Хиао Чо Кoo (Китай) 25 000 000 куб. м
4. Kavakuna (Papua New Guinea)
— Кавакуна (Папуа Новая Гвинея) 15 000 000 куб. м
5. Korikobi (Papua New Guinea)
— Корикуби (Папуа Новая Гвинея) 14 600 000 куб. м

* * *

КРУПНЕЙШИЕ НЕ ИЗВЕСТНЯКОВЫЕ ПЕЩЕРЫ

Как известно, пещеры находят не только с известняках. Многие другие горные породы изобилуют полостями и пустотами, достойными внимания.

Глубочайшие пещеры в кварцитах-песчаниках:

1. Sima Aonda (Venezuela)
— Сима Аонда (Венесуэла) —360 м
2. Sima Auyantepuy Norte (Venezuela)
— Сима Норте (Венесуэла) —320 м

Длиннейшие пещеры в кварцитах-песчаниках:

1. Magnet Cave
— Мэгнит Кейв (Южная Африка) 2400 м
2. Пещера без названия (Венесуэла) 1920 м

Конгломераты:

1. Vofia de Torremas (Spain)
— Бофи де Торремас (Испания)..... —198 м
2. Большая Орешная (Россия)..... —195/42 000 м
3. Tirkiler dudenі (Turkey)
— Туркилер (Турция)..... 1920 м

Граниты/гнейсы:

1. Greenhorn Cave (U.S.A.)
— Гринхорн Кейв (С.Ш.А.) —152/1557 м
2. T.S.O.D. Cave (U.S.A.)
— ТСОД Кейв (С.Ш.А.) 3977 м
3. Bodagrottorna
— Бодагротторна (Швеция) 2615 м

Соли:

1. Mearat MalНаm
— Мearат Мальхам (Израиль) —135/5447 м
2. Colonel Cave
— Колонел Кейв (Израиль) —127/1448 м
3. Pestera 6S de la Minzalesti
— Пештера 6С де ла Минзалести (Румыния) 3120 м

Базальты/лава:

1. Cueva del Viento
— Кува дел Виенто (Канарские острова) —478/9250 м
2. Leviathan Cave
— Левиатан Кейв (Кения) —465/11 152 м
3. Manjung-gul
— Манджунг-гул (Южная Корея) 13 268 м

Гипсы:

1. Tunel del Sumidors
— Тунел дел Сумидорс (Испания) —205 м
2. Shakia
— Шакиа (Италия) —200 м
3. Оптимистическая (Украина) 183 000 м

4. Озерная (Украина) 111 000 м

Конечно, к тому времени, как Вы, мой Добрый Читатель, доберетесь до этой книги, многое в упомянутых выше данных значительно изменится, а что-то останется неизменным.

Подземный мир все также ждет своих исследователей, желающих и способных добавить несколько новых метров к уже известному.

И тем самым чуть-чуть лучше узнать нашу планету.

Удачи вам, Первопроходцы и Идущие следом!